This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

Vet. DK4. S2765. 085

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

V.

Digitized by Google

Digitized by Google

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, ИСТОРІИ И ПОЛИТИКИ.

ВТОРОЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero.
JUVENAL, IV.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

РЕДАКТОРЪ А. В. НИКИТЕНКО.

ИЗДАНІЕ
книгопродавца Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И К°.
1840.

Digitized by Google

TAYLOR INST.
UNIVERS.
1 JAN 1958
OF OXFORD
LIBRARY

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1840 года, Ноября 2 дня.

Цензоръ *С. Куторга.*
Цензоръ *Е. Ольдекопъ.*

Digitized by Google

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

I.

ВЕЧЕРА МЕДИЦЕЙСКІЯ.

«Невольницы мои младыя,
Курите чистый ѳиміамъ,
Развѣсьте шкани шелковыя,
Разсыпьте по цвѣтнымъ коврамъ
Гирлянды розановъ душистыхъ
И померанцевыхъ цвѣтовъ;
И выжавъ брызги водъ струистыхъ
Изъ золотыхъ моихъ власовъ,
Ихъ благовоньемъ умастите,
И діадимой осѣнивъ,
На грудь высокую пустите
Змѣистыхъ локоновъ разливъ.
Пусть изумрудъ и жемчугъ млечный
По шеѣ цѣпью упадетъ;
Порфира алая безпечно
Тунику бѣлую повьетъ:
На тріумфальной колесницѣ
Златовѣнчанною царицей

Digitized by Google

Я вниду въ семихолмный Римъ.
Пусть, преклоненъ къ стопамъ моимъ,
Тогда народъ его упрямый
Меня богиней наречётъ,
И рабски мнѣ, изъ рода въ родъ
Жжетъ ѳиміамъ и зиждетъ храмы!

Чья грудь шакъ гордо-высоко
Вздымаетъ волны снѣговыя?
Чьи гуще косы золотыя
И чьи ланиты шакъ легко
Сіяютъ заревомъ денницы?
Гдѣ жъ мнѣ соперницы, о Римъ?..
Не вы ли съ блескомъ подкупнымъ
Продажныя порока жрицы?
Предъ строгой гордостью моей
Предъ блескомъ царственной осанки
Замретъ невольно ядъ рѣчей
И взоръ нецеловой вакханки!
Сразитъ ли онъ — сей взоръ нѣмой
Молньеметательныя очи?...
Прочь, прочь, вы блѣдны предо мной,
Какъ блѣдны звѣзды синей ночи
Передъ денницей молодой!
Я въ Римъ явлюсь, какъ къ рощамъ Книда
Являлась пышная Киприда
На колесницѣ золотой,
Влекомой плавно лебедями —
И жертвъ веселыми огнями
Горѣлъ алтарь ея святой.»

Такъ говорила молодая
Царица Рима, покидая
Купальни мраморной струи,
Волнами легкой кисеи
Роскошно члены обвивая;

Digitized by Google

И, сладкимъ трепетомъ полна,
Въ ковры кидалася она.

И вотъ — красавицы надменной
Мечта сбылась: перенесло
Волшебство мысли вдохновенной
На мрамора обломокъ бренный
И это гордое чело,
Вѣнчанное красой Изиды,
И стройный станъ и снѣгъ грудей, —
И Римъ — нарекъ ее Кипридой.
И Римъ — склонился передъ ней!

Прошли вѣка; ихъ молотъ шверды
Величья храмы раздробилъ;
Взнесенный къ небу мраморъ гордый
Перунъ завистливый разбилъ;
Миѳологическіе боги
Забыли пышный пантеонъ, —
И бродитъ нищій — шашь убогій
Въ пыли дорическихъ колоннъ;
Какъ трупъ, какъ остовъ молчаливый,
Лежатъ въ пескахъ златыя Ѳивы:
Въ нихъ блещетъ змѣй, иль — бѣглый рабъ —
Степной скрывается Арабъ!
Но вы, обломки величавы,
Которымъ геній чистоты
Лучами вѣчной красоты
Одѣлъ мраморныя главы,
Какъ завѣщаніе вѣковъ,
Вы сохранились средь гробовъ.
Не жертвы кровь, не блѣдный пламень,
Не ѳиміама легкій дымъ
Объемлетъ жертвенный вашъ камень, —
Нѣтъ, блещетъ даромъ онъ инымъ:

Digitized by Google

На немъ — сіяетъ вдохновенье,
Восторгъ какъ пламя горитъ,
И, чуя бога, въ умиленьи
Душа трепещетъ и кипитъ!

А. М.

Digitized by Google

II.

ОРЕЛЪ И КУРИЦА.

—

Подстрѣленный орелъ близь птичника хирѣлъ,
И къ солнцу устремляя взоры,
Вотще летѣть туда хотѣлъ,
Гдѣ облака легли на горы.
Какъ ни размахивалъ онъ крылъ,
Не могъ взлетѣть онъ выше палисада;
И чувствуя, что нѣтъ въ немъ прежнихъ силъ,
О землю грянулся съ досады.
— Ну, вотъ ужъ этого никакъ я не пойму —
Сказала курица ему:
Большое потерялъ веселье,
Что высоко не можешь ты летать:
Чѣмъ горевать, да унывать: —
Переходи-ка къ намъ, на новоселье.
Какой у насъ вездѣ порядокъ и покой:
Здѣсь яйца мы кладемъ въ укромномъ мѣстѣ;
А здѣсь, ночной порой,
Всѣ чинно, рядышкомъ сидимъ мы на нашестѣ.
Здѣсь роемъ днемъ песокъ и соръ:
Такое ль на горахъ у васъ приволье,
Какое дастъ тебѣ обширный птичій дворъ?
Летать ты любишь!... Э, у насъ раздолье:
Летай, себѣ, съ забора на заборъ.
А ежели захочешь,

Digitized by Google

На самый хлѣвъ шы съ нами перескочишь.
Орелъ въ ошвѣшъ: «ничшо, ей, ей!
Совѣша швоего не можетъ бышь умнѣй:
Но я привыкъ паришь подъ облаками;
И здѣсь съ шоски умру скорѣй,
А по хлѣвамъ лешашь не буду съ вами.

М. СОРОКИНЪ.

Digitized by Google

III.

ВАЛЬТЕРЪ РАЛЕЙГЪ. *

Если вамъ когда нибудь случится разсматривать прекрасную коллекцію портретовъ Лоджа, вы тамъ, между изображеніями лицъ XVI вѣка, встрѣтите физіономію, особенно отличающуюся передъ прочими своею оригинальностью и рѣзкою выразительностію: тонкій, нѣсколько загнувшійся къ низу носъ, лобъ узкій и чрезвычайно высокій, въ пламенныхъ глазахъ выраженіе безпокойнаго остроумія и стремленіе къ славѣ, уста, обнаруживающія высокомѣріе и властолюбіе; во всемъ станѣ выказывается таже оригинальность характера, которою дышутъ всѣ черты лица его. Кажется, этотъ человѣкъ готовъ взволновать весь міръ, а между тѣмъ съ презрѣніемъ смотритъ на собственныя свои дѣянія и на тѣ, которыя совершилъ, и на тѣ, которыя готовится произвесть.

И дѣйствительно, въ этомъ тѣлѣ скрывалась душа

* Есть люди, коихъ жизнь можетъ служить вмѣсто романа: такъ она богата разнообразными эффектами, выходящими изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ человѣческихъ. Такова между прочимъ жизнь Ралейга. Филаретъ Шаль написалъ коротенькую, но занимательную біографію этого замѣчательнаго человѣка, и мы помѣщаемъ ее здѣсь, какъ повѣсть, которой авторомъ была самая судьба, а извѣстно, что этотъ авторъ умѣетъ занять читателей, не хуже самаго изобрѣтательнаго романиста.

Прим. редакц.

Digitized by Google

необыкновенная. Вальтеръ Ралейгъ на все отваживался, всѣмъ стремился завладѣть и не успѣлъ ни въ чемъ. Тридцать біографовъ, занимавшіеся описаніемъ его жизни, усиливались представить его въ обыкновенныхъ размѣрахъ — тщетныя старанія: они не уразумѣли этого чуднаго характера, не могли понять этой жизни — цѣпи гигантскихъ противорѣчій, этой борьбы Титана съ возможнымъ и невозможнымъ, этой битвы силы человѣческой съ силою обстоятельствъ. Кембель, Титлеръ, Бирчъ, Ковлей, Ширлей, Наунтонъ, даже докторъ Соутей, не говоря уже о Принсѣ, Фуллерѣ, Вудѣ, Аубери, не дали намъ ни малѣйшаго понятія о Ралейгѣ, да и сами его не понимали. Не болѣе удовлетворительна и статья, недавно помѣщенная въ Эдимбургскомъ Обозрѣніи, хотя авторъ ея весьма добросовѣстно объясняетъ многія обстоятельства жизни Ралейга. Изученіе характера этого человѣка составляетъ предметъ совершенно новый и благодарный. Въ Ралейгѣ отразился весь вѣкъ его; въ его душѣ кипѣли, волновались страсти и стремленія того времени, ничѣмъ неуспокоенныя. Это была *душа разстроенная*, какъ объ немъ очень хорошо сказалъ Юмъ, и въ самомъ разстройствѣ великая. Въ ней соединялись склонность къ чрезвычайнымъ происшествіямъ и къ проискамъ, воинское мужество, смѣлое краснорѣчіе, ревность протестанта, злость политика, Италіянская роскошь, Британская алчность и дерзость Гасконская. Дивная душа, во глубинѣ которой боролись пороки и добродѣтели, происходившіе отъ этихъ двухъ различныхъ источниковъ — лживость и благородная гордость, малодушіе и величіе души, жестокость, плутовство и геройская самоотверженность. Ни одна риторическая антитеза не въ состояніи выразить всѣхъ противорѣчій этой жизни; ея характеръ — излишество, величіе въ опасности, и упадокъ духа въ счастіи. Ралейгъ ни въ чемъ не зналъ умѣренности: сегодня онъ разыгрывалъ роль героя, на дру-

Digitized by Google

гой день роль раба. Его должно растолковать логикою страстей, а не логикою разсудка.

Новѣйшая исторія, много занимаясь событіями, не обращаетъ вниманія на страсти, ихъ производящія, а у страстей есть своя исторія. Онѣ измѣняются, проистекаютъ отъ своихъ причинъ и сопровождаютъ событія. Отъ этого заблужденія, чуждаго древнимъ, лѣтописи европейскихъ народовъ сдѣлались сухими и незанимательными. Не изучивъ страстей, господствовавшихъ въ извѣстномъ столѣтіи, можемъ ли мы понять характеры лицъ, въ немъ дѣйствовавшихъ, и побужденія, бывшія причиною событій? Что для васъ Варфоломеевская ночь, если вы не знакомы съ Католическою и муниципальною горячкою, средними вѣками переданною Парижскимъ гражданамъ? Какъ тускло Августъ де Ту объяснилъ движенія, потрясавшія государство въ его время? Эти событія полны жизни въ собраніяхъ проповѣдей, памфлетовъ и карикатуръ, въ сочиненіяхъ поэтовъ и сатириковъ, особенно въ запискахъ людей, принимавшихъ участіе въ тогдашнихъ дѣлахъ. Прочтите со вниманіемъ поэмы Теодора Агриппы Добинье, если хотите понять религіозныя смуты этой эпохи и видѣть, какъ съ 1520 по 1600-й годъ двѣ огромныя рати, Католическая и Протестантская, двигались изъ одного конца Европы въ другой. Въ «Трагикахъ» Добинье гораздо болѣе исторіи, нежели въ самой его исторіи. Авторъ этой поэмы растопилъ и перековалъ, какъ раскаленное желѣзо, тогдашній языкъ Французскій: энергія и горячность мысли никогда еще такъ насильственно не переплавливали формъ его. Въ одной пѣсни, подъ заглавіемъ «Огни» (les Feuf) предъ живымъ воображеніемъ поэта проходятъ всѣ протестантскіе мученики Европы, окровавленные призраки, составлявшіе собою особенную націю. Ралейгъ былъ одинъ изъ самыхъ пылкихъ предводителей этой націи.

Прежде всего мы въ немъ увидимъ, (подобно всей

Digitized by Google

Англіи XVI столѣтія), протестанта и врага Испаніи. Мы увидимъ, какія побужденія влекли его къ цѣли, какія постоянныя пронырства употреблялъ онъ, домогаясь владычества надъ умами; сколько безславныхъ успѣховъ и безсовѣстныхъ торжествъ насильственно похитилъ онъ у судьбы; мы перескажемъ все, что въ настоящемъ и въ будущемъ доставило этому великому человѣку — пройдохѣ *славу, которую онъ уважалъ болѣе совѣсти.*

—

I.

Ралейгъ при дворѣ Елисаветы.

Ралейгъ, родившійся въ 1552 г. въ Геѣ (Hayes) на берегу океана, былъ воспитанъ во Франціи. Духъ злобы въ это время поставилъ тамъ престолъ свой.

Какая страна! Одинъ современный поэтъ.... не одинъ изъ тѣхъ поэтовъ педантовъ, Греко-Латинскими стихами производившихъ вялыя тревоги въ сердцахъ нашихъ предковъ; но поэтъ, передававшій въ пѣсняхъ своихъ чувствованія своего вѣка, выводитъ дьявола, который хочетъ волновать Францію и пустить туда цѣлую стаю злыхъ духовъ. Вотъ въ какое время явился туда двадцати-лѣтній Ралейгъ и сталъ сражаться за Протестантовъ во Франціи и Фландріи.

Надъ этой юной головой вѣяли знамена Колиньи, Генриха IV и Нассау. Онъ присоединился къ Гасконскимъ удальцамъ, гордымъ, храбрымъ, остроумнымъ. Съ этимъ характеромъ Гасконской бездомной молодежи, перенесеннымъ на полусаксонскую, полунормандскую почву Англіи, Ралейгъ сдѣлался существомъ двусмысленнымъ и страшнымъ, предметомъ удивленія и отвращенія своихъ соотечественниковъ.

Digitized by Google

Воспитанный въ этой школѣ, онъ полюбилъ успѣхи и научился не столько заслуживать, сколько достигать ихъ какими бы ни было средствами, не различая истинной славы отъ шарлатанства. Что храбрые воины южной Франціи считали за выходки ребяческой прихоти, то сдѣлалось предметомъ глубокаго разсчета у потомковъ Саксоновъ. Одна дѣтская легкомысленность или безпечное добродушіе можетъ полюбить или простить эти живыя, блестящія вспышки, нечуждыя любви и войны и, въ кровавой сѣчѣ, подобныя блеску скрещивающихся мечей. Ралейгъ не на шутку привязался къ Гасконскимъ нравамъ и составилъ изъ нихъ поэму своей жизни. Въ великихъ предпріятіяхъ, въ мрачныхъ заговорахъ, въ долгихъ переѣздахъ и опасныхъ переселеніяхъ онъ всегда являлся Скапиномъ или Маскарилемъ. Испестривъ чертами истиннаго величія свой щитъ записнаго шарлатана, Ралейгъ наторѣлъ въ искуствѣ обманывать всѣхъ часто и отчаянно.

Во Франціи онъ нашелъ гибельные примѣры и слабую дисциплину. Тогда трехъ качествъ еще не были лишены Французы: смѣлости, бодрости и проворства; но впрочемъ никогда еще адскіе духи не терзали Францію съ пущимъ неистовствомъ, никогда въ ней не проливали болѣе крови, не разсѣвали болѣе разврата. Юноша Ралейгъ былъ въ Парижѣ, когда въ немъ раздавались звуки Варфоломеевскаго колокола. Онъ лицемъ къ лицу видѣлъ того, котораго Протестанты называли

Нашъ Сардонапалъ,
Что изъ пищали въ подданныхъ стрѣлялъ.

Онъ успѣлъ ускользнуть пораженія, въ тотъ день, когда

Дворцы, темницы, мирныя жилища
И тихія супруговъ ложа были
Кровавою печатію убійства
Отмѣчены....

Digitized by Google

Онъ слышалъ звуки, о которыхъ говоритъ одинъ современный Католикъ:

Рѣзни жестокой жалобные стоны.

Удивительно ли, что возвратившись въ Англію въ 1579 году, начальствуя ротою въ Англійскомъ войскѣ, посланномъ подъ предводительствомъ Лорда Грея въ Ирландію, онъ началъ тамъ свои подвиги подражаніемъ сему прекрасному примѣру. Онъ прехладнокровно перерѣзалъ гарнизонъ, состоявшій изъ Католиковъ и сдавшійся на волю побѣдителей. Поэтъ Спенсеръ утверждаетъ, что не было иного способа сбыть съ рукъ этихъ несчастныхъ. Вся Европа страдала тогда горячкою слѣпаго фанатизма и вотъ все, что можно сказать въ оправданіе Спенсера, Грея, Ралейга и другихъ воиновъ, обагрившихъ руки въ крови этихъ жертвъ. Ралейгъ видѣлъ, какъ во Франціи травили протестантовъ, будто дикихъ звѣрей. Тогда въ отдаленныхъ дѣвственныхъ лѣсахъ новаго свѣта на деревьяхъ вмѣсто плодовъ висѣли трупы съ надписями: «*повѣшенъ какъ еретикъ, а не какъ Англичанинъ.*» Или «*повѣшенъ какъ Католикъ, а не какъ Испанецъ.*»

Нашему искателю счастія было уже двадцать два года. Онъ хотѣлъ воротиться въ Ирландію, но ему не доставало средствъ. Ралейгу было очень скучно въ Ирландіи, которую въ одномъ изъ своихъ писемъ называетъ онъ общиною нищихъ (the common wealth of ammon woe). Одно желаніе быть когда нибудь замѣченнымъ мирило его со скукою службы въ нижнихъ чинахъ въ полудикой войнѣ. «Лучше бы мнѣ пасти стада», писалъ Ралейгъ къ Лейчестеру, а онъ уже умѣлъ войти въ сношенія съ симъ любимцемъ. Но какъ разбить цѣпи, сковавшія его съ грустною неизвѣстностію. Вдругъ представился случай, или, лучше сказать, Ралейгъ самъ его приготовилъ. Начальникъ его Грей, неизвѣстно за что, сдѣлалъ ему

Digitized by Google

выговоръ: Ралейгъ увѣдомилъ о томъ Лейчестера. Разсорившись съ главнокомандующимъ, онъ зналъ, что дѣло пойдетъ дальше и выше и что сама королева захочетъ быть судьею въ ихъ спорѣ. Ралейгъ не ошибся. Двери королевскаго кабинета отворились передъ нимъ и передъ его соперникомъ. Рѣшительная минута наступила. Обдуманно защищаясь, онъ ловко пощадилъ Лорда Грея и безсовѣстно польстилъ самолюбію увядавшей королевы. Счастіе его было сдѣлано.

Молодой человѣкъ, принятый ко двору Елисаветы быстро пошелъ по стезѣ счастія, которое заслуживалъ блескомъ остроумія, привлекательностію поступковъ и щегольствомъ своимъ. Всякой день, говоритъ Аубери (Aubery), его современникъ, онъ являлся въ бѣломъ атласномъ полукафтаньѣ, которое было вышито жемчугомъ, на шеѣ у него висѣла цѣпь изъ перловъ ослѣпительной бѣлизны и необыкновенной величины. Кому не извѣстенъ анекдотъ объ этой красной, вышитой золотомъ мантіи, которую Ралейгъ распростеръ подъ ногами своей государыни, когда она пѣшкомъ должна была пройти нѣсколько шаговъ по землѣ, орошенной дождемъ. Странно, что большая часть Англійскихъ историковъ относятъ къ эпохѣ этой мантіи начало возвышенія Ралейга. Уже нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ былъ замѣченъ Елисаветою.

Вальтеръ Ралейгъ понялъ важность своего положенія и сохранилъ его. Не желая, подобно Эссексу, Ноттингаму и Блоунту, напрасно терять времени въ безполезныхъ соперничествахъ и самолюбивыхъ искательствахъ, не думая сберегать исключительную власть надъ сердцемъ королевы, которая только забавлялась этими ссорами своихъ любимцевъ, новый временщикъ довольствовался знаками благосклонности, которые она ему оказывала и которые вскорѣ возвысили его на первую степень государственнаго

достоинства. Онъ получилъ званіе рыцаря, сенешаля графства Корнваллійскаго, великаго конюшаго и капитана гвардіи; но не ослабѣвалъ въ искательствахъ. Великолѣпіемъ своей одежды и пріятностью обращенія онъ затмѣвалъ всѣхъ прочихъ придворныхъ и, по словамъ Гаклуйта (Hakluyt), считался за совершеннаго джентлемена своего времени. Взоры всѣхъ съ изумленіемъ обращались на его серебряныя чеканныя латы, на его нарукавники и наколѣнники съ серебряною насѣчкою, когда онъ въ этой блестящей бронѣ сопровождалъ королеву въ качествѣ капитана гвардіи. Ралейгъ былъ не богатъ. Елисавета подарила ему двѣнадцать тысячъ акровъ земли, конфискованной у герцоговъ Несфондовъ и монополію на вина. Это доставило ему огромные доходы.

Всѣ стези честолюбія открылись для Ралейга, который въ равной степени соединялъ въ себѣ и страсть и способность пріобрѣтать успѣхи во всѣхъ начинаніяхъ. Онъ могъ сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ, воиномъ, мореходцемъ, ораторомъ и достигъ всего этого.

Мало того. Не лучше ли основать государство, открыть новый міръ? Затмить славу Христофора Колумба, превзойти Фернандо Кортеца и Пизарро, возвысить свою силу при дворѣ, пріобрѣсть уваженіе народа, по примѣру Цезаря потомству передать свои подвиги, вотъ какая перспектива! Тогда то и дѣло говорили о Дракѣ, Кевендишѣ, Форбишерѣ. Безпрестанно корабли распускали паруса и возвращались обремененные сокровищами и обогащенные свѣдѣніями о новооткрытыхъ странахъ. Елисавета является геніемъ, благородно, дѣятельно, величественно сочувствующимъ этому стремленію къ познаніямъ—источнику трехъ-вѣковой славы. Подобно Кромвелю, она сама золотомъ и перлами украшала перси своихъ мореплавателей; осыпала ихъ достоинствами, похвалами,

Digitized by Google

богатствами, почестями. Она, извѣстная по своей скупости, изъ собственнаго кошелька выдавала небольшія суммы для ободренія сихъ предпріятій. Въ морской исторіи этого времени есть много романическаго и идеальнаго. Одинъ Англійскій корабль нападаетъ на восемь непріятельскихъ. Двѣсти человѣкъ разрушаютъ городъ съ двѣнадцатью тысячами жителей. Другой Англійскій корабль, схвативъ богатую добычу, приходитъ въ гавань на всѣхъ парусахъ, а эти паруса были изъ красной шелковой матеріи, толстыя снасти сучены изъ серебряныхъ нитокъ, а тоненькія изъ золотыхъ. Гумфри Гильбертъ, братъ Ралейга отъ другаго отца, съ давняго времени мечталъ о заселеніи Виргиніи, которая еще не имѣла этого имени. Идея великая, удобоисполнимая и благодарная, доставившая намъ табакъ и картофель. Предпріятіе сира Гумфри за недостаткомъ средствъ не имѣло успѣха и онъ хотѣлъ было воспользоваться внезапнымъ счастіемъ своего брата Вальтера, а сей послѣдній, не довольствуясь тѣмъ, чтобы только доставить ему помощь, похитилъ славу и выгоды, ожидавшія Гумфри Гильберта. Вальтеръ оставался спокойно при дворѣ, между тѣмъ какъ братъ его, съ патентомъ королевы, пожалованнымъ первому, разъѣзжалъ по морямъ, пыкался въ Американскихъ степяхъ завести колонію, которая противъ него бунтовала, боролся съ дикими туземцами и съ собственнымъ своимъ экипажемъ. Этотъ достойный человѣкъ умеръ отъ понесенныхъ имъ трудовъ и безпокойствъ. Вальтеръ продалъ патентъ его одной купеческой компаніи, и во все остальное время царствованія Елисаветы дѣло Виргинской колонизаціи шло очень плохо.

«Эдинбургское Обозрѣніе» увѣряетъ, что Ралейгъ старался спасти несчастныхъ колонистовъ, брошенныхъ своими соотечественниками среди людоѣдовъ и наконецъ погибшихъ. Все это едва ли справедливо и напрасно Обозрѣніе его защищаетъ. Ралейгъ

мя Сэръ Эдуардъ Кокъ, говоря рѣчь по случаю какой-то тяжбы, въ одной фразѣ приводилъ цитаты изъ Овидія, Плутарха, Талмуда и Бокачіо. Когда лихорадочная дѣятельность Ралейга позволяла ему приниматься за перо и когда онъ не лгалъ, что впрочемъ рѣдко случалось, онъ всегда достигалъ величія и силы слога, которыми ознаменованы сочиненія Цезаря, Макіавелли, Кальвина и Наполеона. Самъ блистательный и разумный Бэкнъ не умѣлъ, подобно Ралейгу, такъ отважно сбросить съ своего слога мишуру, которая тогда уничижала ученый языкъ академическій. Ралейгъ хотѣлъ, чтобъ его можно было читать «I wish to make my thought ligible.». Нельзя сдѣлать лучшаго опредѣленія хорошему слогу.

II.

Ралейгъ въ немилости.

Онъ всѣхъ царедворцевъ затмѣвалъ своимъ блескомъ. Дудлей, Гаттонъ, Оксфордъ, Блоунтъ, Эссексъ, Симьеръ и герцогъ Анжуйскій были его соперниками, но при всемъ томъ онъ сохранялъ свое достоинство и мѣсто при дворѣ тѣмъ съ большею ловкостію и увѣренностію, что не старался распространять своихъ правъ и усвоять ихъ себѣ исключительно. Можетъ быть, онъ воображалъ, что такая снисходительность съ его стороны обезпечитъ ему снисходительность и со стороны Елисаветы, но ошибся. Кровь Генриха VIII текла въ жилахъ королевы, подобно отцу, деспотически управлявшей своими любимцами. Узнавъ, что одна изъ фрейлинъ, юная и прекрасная, Елисавета Трокмортонъ склонилась на нѣжныя убѣжденія Ралейга, королева предалась страшному гнѣву. Она послала виновнаго въ Лондонскую башню, а сама отправилась въ одинъ изъ торжественныхъ поѣздовъ, Англійскими королями называемыхъ progresj.

Сэру Джоржу Кареву (Carew) было поручено караулить Ралейга. Арестантъ, увидя, что вся будущность его можетъ погибнуть, принялся разыгрывать комедію съ искусствомъ отличнаго актера. Изъ своей темницы онъ услышалъ звукъ трубъ, возглашавшихъ отъѣздъ королевы, увидѣлъ, какъ она садилась на яхту и впалъ въ отчаяніе. Онъ хотѣлъ было кинуться изъ окна въ Темзу и утопиться, если вѣрить его сказкамъ, или снова увидѣть королеву, по крайней мѣрѣ, умереть при ея глазахъ. Каревъ дался въ обманъ, бросился къ Ралейгу и сталъ оттаскивать его отъ окна. «Пустите меня!» кричалъ Сэръ Вальтеръ: «я вижу ее; я испытываю муки Тантала.» Каревъ не выпускалъ его, они стали бороться и схватили другъ друга за волосы. Два парика упали въ Темзу, борцы извлекли кинжалы, но тутъ подоспѣла стража и прекратила эту смѣшную сцену гасконскаго удальства, которому Ралейгъ одолженъ былъ столькими успѣхами. Королева уѣхала, не выслушавъ преступника. Находясь уже въ тѣснѣйшемъ заточеніи, онъ писалъ къ министру Роберту Сесилю: «О мой другъ, никогда еще я не ощущалъ такихъ страданій! Я узналъ, что королева уѣзжаетъ, она, которая въ продолженіи столь многихъ лѣтъ осыпала меня своими милостями и была предметомъ благоговѣйнѣйшей моей преданности; она оставляетъ теперь меня одного во мракѣ темницы. Я привыкъ видѣть ее или на конѣ, какъ Александра, или на охотѣ, какъ Діану, или подобно Венерѣ, когда дуновеніе восточнаго вѣтра развѣвало ея волосы по ланитамъ, свѣжимъ какъ ланиты Нимфы; я привыкъ смотрѣть, когда она сидѣла подъ сѣнью древесъ подобно богинѣ и пѣла какъ ангелъ и играла какъ Орфей. Неужели за одинъ проступокъ я долженъ лишиться такого блаженства? О, небесная радость, ты понятна только въ злополучіи! Гдѣ ты теперь? Всѣ раны заживаютъ, но язва сердца вѣчно истекаетъ кровью. Чѣмъ лучше, какъ не

Digitized by Google

несчастіемъ можетъ быть испытана вѣрность? Когда, какъ не послѣ оскорбленія, можно лучше оказать милосердіе? Она — божество: ей прилична милость: мщеніе свойственно только смертному. Неужели столько скорбныхъ часовъ и тяжкихъ вздоховъ не могутъ искупить одну минуту заблужденія! Неужели одна горькая капля не можетъ разойтиться въ такомъ морѣ сладости! Ужели мнѣ должно воскликнуть: spes et fortuna valete! Она уѣхала, она уѣхала, та, на которую я возлагалъ всѣ свои надежды, и ни одной мысли въ мое воспоминаніе, ни одного взгляда на прошедшее. Но, хорошо, пусть будетъ со мною то, чего она хочетъ: я уже утомленъ жизнію. Многіе нетерпѣливо ждутъ моей смерти. О, если бы я могъ умереть за нее, которая влечетъ меня къ могилѣ, счастіе мое было бы совершенно!»

Одинъ Эдинбургскій писатель, всегда наклонный извинять своего героя, увѣряетъ, что когда всѣ такъ выражались, говоря о королевѣ, и что даже Генрихъ IV, получивъ портретъ Елисаветы, произнесъ подобныя восклицанія. Какъ бы то ни было, но это безумное письмо достигло своей цѣли. Елисавета возвратила Ралейгу свободу, но запретила ему являться ко Двору. Ралейгъ удвоилъ усилія, желая возвратить потерянное. Онъ въ парламентѣ началъ съ жаромъ поддерживать неограниченную власть своей монархини и одобрять ея требованія новыхъ податей, которыя она безпрестанно налагала. Вскорѣ, какъ бы въ вознагражденіе за его парламентскіе труды, Елисавета подарила ему замокъ Шерборнъ, древнее и богатое духовное владѣніе. Народъ съ ужасомъ сталъ глядѣть на дерзость Ралейга и на уклончивость королевы въ этой катастрофѣ, которая должна была бы погубить его, а вмѣсто того вновь вывела его на политическое поприще. Ралейгъ принадлежалъ къ числу людей, которыхъ боятся и презі-

Digitized by Google

рають. «Честные люди, говоритъ одинъ современный писатель, страшатся, чтобы Сэръ Вальтеръ Ралейгъ снова не вошелъ въ милость. Этому много препятствуютъ. Желательно, чтобы противная ему партія восторжествовала и чтобъ онъ попалъ на место, котораго заслуживаетъ.» Общее мнѣніе о Ралейгѣ было слишкомъ сурово.

Онъ понималъ, что бракъ его съ Елисаветою Трокмортонъ былъ причиною прекращенія благосклонности королевы, и что подаривъ ему Шерборнъ, она ограничитъ тѣмъ свои къ нему милости. Тогда ему надобно было возвысить себя такимъ смѣлымъ и блистательнымъ дѣломъ, которое обратило бы на него вниманіе всей Европы. Ему казалось слишкомъ малозначительнымъ предпріятіе, вновь приняться за Виргинскія колоніи. Ралейгъ зналъ по опыту, какъ ничтожны плоды честнаго дѣла, безъ примѣси лжи и обмана. Онъ изобрѣлъ Эльдорадо, обѣщалъ соотечественникамъ завоевать рай въ южной Америкѣ и увлекъ ихъ за собою.

III.

Эльдорадо.

Основать колонію во вновь открытой странѣ, сдѣлаться монархомъ, оставаясь царедворцемъ, обогатить отечество и цѣлый міръ — это было прекрасное предпріятіе, задуманное Гумфри Гильбертомъ. Но безумно стремиться къ открытію золотаго города, вѣрить въ его существованіе и увѣрить въ томъ современниковъ, этой нелѣпой мечтѣ жертвовать тысячами людей, сокровищами и трудами, краснорѣчіемъ и умомъ — вотъ каковы были честолюбивыя предначертанія Ралейга. Правда, многіе легкомысленные Испанцы вѣрили въ существованіе Эльдорадо,

Digitized by Google

страны золота и алмазовъ. Въ наше только время Гумбольдтъ изъяснилъ причину этого заблужденія самою природою почвы и скалъ около озера Парима, между Ріо Эссеквибо и Ріо Бранко. «Это скалы, говоритъ сей знаменитый путешественникъ, изъ аспида и блестящаго талька, подъ лучами тропическаго солнца, отражающіяся на гладкомъ зеркалѣ водъ.» Жадность и поэзія изукрасили эти страны; жилища изъ чистаго золота и серебряные обелиски возвысились въ срединѣ города, сооруженнаго изъ драгоцѣнныхъ металловъ. Этотъ золотой призракъ возмутилъ все воображеніе Ралейга. Самый усерднѣйшій изъ его защитниковъ признается, что въ ту минуту, когда онъ отправился для открытія сей обѣтованной земли, противъ него возникъ громкій ропотъ недовѣрчивости. Никто не вѣрилъ его обѣщаніямъ, и всѣ боялись за предпріятіе, управляемое человѣкомъ столь опрометчивымъ и безнравственнымъ.

Прошелъ цѣлый годъ въ приготовленіяхъ. Отправивъ впередъ капитана Уйддона къ устью Ореноко, Ралейгъ получилъ отъ этого искуснаго и добросовѣстнаго морлка извѣстія неудовлетворительныя и неблагопріятствующія дѣлу; но не взирая на то, 9 Февраля 1595 года, отправился изъ Плимута на пяти корабляхъ съ сотнею солдатъ, кромѣ матросовъ, офицеровъ и волонтеровъ. 12 Февраля онъ достигъ Фуэрта-Вентура, одного изъ Канарскихъ острововъ, гдѣ наши путешественники запаслись дровами и прѣсною водою, а черезъ четыре дня отправились къ Тенерифу. 23-го они пріѣхали къ острову Тройцы и бросили якорь при Пунта до Каллю. Здѣсь Ралейгъ вышелъ на берегъ.

Онъ пустился въ путь на сѣверо-западъ къ Кургапану, въ намѣреніи достигнуть горъ Ла Пуэрта де лосъ Испаньолесъ. Потомъ онъ посѣтилъ Пуцико,

Digitized by Google

Пинъ, бросилъ якорь при Анна Перина и отправился къ Рio-Кароне. Испанцы, охранявшіе берега, звали къ себѣ Англичанъ и, не имѣя свѣдѣнія объ ихъ силахъ, не разсудили завязать съ ними битву. Къ Ралейгу явилось изъ города нѣсколько купцовъ, будто бы для торговли, но въ самомъ дѣлѣ съ цѣлію осмотрѣть число Англичанъ. Ралейгъ, подозрѣвая ихъ въ хитромъ намѣреніи и желая у самихъ ихъ добыть свѣдѣній о тамошней странѣ, перехитрилъ ихъ вполнѣ. Купцы разсказали ему все, что знали относительно почвы и средствъ Гвіаны. Самъ онъ скрылъ отъ нихъ цѣль своего путешествія.

Между тѣмъ Ралейгъ началъ составлять заговоръ, котораго жертвою былъ Беррео, губернаторъ острова, за годъ передъ симъ похитившій восемь человѣкъ у Уйддона. Одинъ кацикъ въ сѣверной части острова Тройцы увѣдомилъ Ралейга, что губернаторъ собираетъ войско на истребленіе Англичанъ. Ралейгъ, не желая распространять эту тайну, запретилъ Индѣйцамъ подъ смертною казнію входить въ сношенія съ туземцами, задержалъ многихъ подозрительныхъ кациковъ и умертвилъ тѣхъ, которыхъ считалъ рѣшительно приверженными къ Испанцамъ. Въ раны несчастныхъ лили горячее масло и растопленный свинецъ. Городокъ Сентъ-Жозефъ былъ взятъ ночью. Беррео попался въ плѣнъ. Таково было первое дѣйствіе этой драмы, начавшейся хитростью и жестокостію, а окончившейся гибелью Ралейга.

Легкомысленный и слабый Беррео самъ вѣрилъ существованію Эльдорадо и своими разсказами еще болѣе воспламенилъ алчность Вальтера, который наконецъ съ сотнею человѣкъ отправился въ устье Капури. Вскорѣ они очутились въ неисходимомъ лабиринтѣ озеръ и рѣчекъ. Послѣ разныхъ приключеній, путешественники, все пробираясь въ Гвіану, вступили въ портъ Москито, гдѣ къ Ралейгу явился ка-

Digitized by Google

цикъ Топинаури, стодесятилѣтній старецъ, но еще весьма бодрый и здоровый. Ралейгъ, описывая свое путешествіе, влагаетъ въ уста этого старика невѣроятные разсказы: самыми обольстительными красками кацикъ описываетъ берега Ореноко, усѣянные золотыми рудами и драгоцѣнными каменьями. «Тамъ, говоритъ Ралейгъ, пять зимъ; почва сухая и плодоносная; необъятное множество дичи и птицъ всякаго рода. Эти птицы оглашаютъ воздухъ дивными, неизвѣданными пѣніемъ. Мой капитанъ, посланный для отысканія рудъ, замѣтилъ золотыя и серебряныя руды, *но не имѣя другаго орудія, кромѣ щпагй, онъ не могъ извлечь сихъ металловъ и ихъ изслѣдовать;* однако принесъ съ собою нѣсколько кусковъ. Одинъ Испанецъ, изъ Каракаса, называлъ эти руды madre del oro—золотою маткою. Можетъ быть подумаютъ, что меня увлекъ обманчивый призракъ; но для чего бы я пустился въ столь многотрудное путешествіе безъ совершеннаго убѣжденія, что Гвіана богаче золотомъ всѣхъ другихъ странъ въ мірѣ? Уиддопъ и хирургъ нашъ Мильчеппъ принесли множество камней, весьма похожихъ на сафиры. Эти каменья я показывалъ многимъ жителямъ Ореноко и они меня увѣряли, что есть цѣлая гора, составленная изъ такихъ драгоцѣнностей.»

Далѣе Ралейгъ говоритъ о туземцахъ, коихъ ростъ въ три раза превосходитъ обыкновенный ростъ человѣческій, о людяхъ, у которыхъ глаза на плечахъ, ротъ на груди, а волоса не на головѣ, а на серединѣ спины. Кто съ подобнымъ безстыдствомъ могъ пускаться на такіе пуффы!

Возвышеніе водъ въ Ореноко грозило близкимъ разлитіемъ. Экипажъ обнаружилъ желаніе итти къ востоку. Ралейгъ, уже довольный своими поисками и надѣявшійся извлечь изъ нихъ выгоду во вторя

Digitized by Google

номъ путешествіи, далъ приказаніе къ отъѣзду. Остановившись въ Москито, онъ отъ стараго Топинаури получилъ новыя свѣдѣнія о большомъ золотомъ городѣ, цѣли путешествія. «Кацикъ, говоритъ онъ, превозносилъ предо мною грозное могущество императора Маноа, и доказывалъ, что силы мои весьма недостаточны для борьбы съ нимъ. Топинаури увѣрялъ, что жители Маноа весьма образованные, обладаютъ великими сокровищами, состоящими изъ золотыхъ листовъ, выдѣланныхъ въ Маккурегуари. Далѣе, во внутренности страны, эти работы производятся еще изящнѣе, тамъ встрѣчаются кумиры и даже храмы, сооруженные изъ чистаго золота. Онъ предложилъ мнѣ покуда оставить въ Москито нѣсколько человѣкъ изъ моего экипажа и обѣщалъ приложить объ нихъ всевозможное стараніе. Многіе изъ нихъ получившихъ изъявили было желаніе остаться, но устрашились неизвѣстной будущности. Я не хотѣлъ обезсилить себя людьми, а съ другой стороны невозможно было склонить кацика, чтобы онъ рѣшился употребить своихъ Индѣйцевъ къ предпріятію, успѣхъ котораго казался ему сомнительнымъ и которое, по отъѣздѣ Англичанъ, угрожало ему кровавымъ мщеніемъ.»

Кто въ этомъ хитромъ разсказѣ не замѣтитъ намѣренія Ралейга воспламенить въ соотечественникахъ честолюбіе и желаніе корысти? Кого не удивятъ эти сцѣпленія надеждъ и событій, эти баснословные разсказы, которыми Ралейгъ обольщалъ туземныхъ владѣтелей, не разумѣя ихъ языка; между тѣмъ какъ они, въ случаѣ своихъ ложныхъ показаній, избавляли его самого отъ всякихъ упрековъ? Онъ хотѣлъ, по его словамъ, по крайней мѣрѣ, подойти ближе къ этой золотой горѣ, но, къ несчастію, она была вполнѣ затоплена водою. «Гора имѣла форму башни, продолжаетъ Ралейгъ, и показалась мнѣ болѣе бѣлаго,

Digitized by Google

нежели желтаго цвѣта. Стремящійся съ нее потокъ, вздутый дождями, производилъ ужасный гулъ, который слышался со всѣхъ сторонъ и оглушалъ насъ. Тогда я вспомнилъ слова Беррео, который описывалъ мнѣ блескъ алмазовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней, разсыпанныхъ въ различныхъ мѣстахъ этого края. Я сомнѣвался на счетъ цѣнности этихъ каменьевъ, но былъ пораженъ ихъ необыкновенною бѣлизною. Кацикъ обѣщалъ провести меня къ подошвѣ горы другимъ обходомъ; но при видѣ чрезвычайныхъ препятствій, встрѣтившихся мнѣ на пути, я рѣшился воротиться къ устью Куманы, гдѣ окрестные кацики принесли мнѣ въ даръ множество рѣдкихъ произведеній земли своей.»

По возвращеніи въ Англію, Ралейгъ подалъ въ свѣтъ свое донесеніе, гдѣ были описаніе Амазонокъ, безголовыхъ людей и другихъ чудесъ, изложенный простымъ, энергическимъ, легкимъ и благороднымъ слогомъ, тайна котораго была ему извѣстна. Мы вмѣстѣ съ Эдинбургскимъ Обозрѣніемъ думаемъ, что онъ вѣрилъ въ существованіе золотыхъ рудъ, которыя отыскивалъ. Ралейгъ даже говорилъ о пророчествѣ, обѣщавшемъ Англичанамъ обладаніе Гіаною, и, желая обольстить разумъ самолюбивой королевы, разсказывалъ о кацикѣ, который, по словамъ его, увидѣвъ портретъ Елисаветы, испустилъ крики восторга.

Впрочемъ вся эта экспедиція не пріобрѣла Сэру Вальтеру Ралейгу никакихъ другихъ завоеваній, кромѣ литературныхъ. Разсказъ его, перемѣшанный съ баснями, краснорѣчивъ и убѣдителенъ. Болѣе старался увлечь, какъ глава предпріятія, нежели блистать красотою языка, какъ писатель, онъ отличился въ описаніи своего путешествія могущественною простотою и энергическою легкостію слога. Слава забыла его: Шекспиръ въ своихъ стихахъ пере-

сказалъ многія чудеса, о которыхъ Ралейгъ повѣствовалъ Англійскому народу. Всѣ считали его человѣкомъ необыкновеннымъ, но не имѣли къ нему ни довѣренности, ни уваженія. Елисавета, необузданная только въ своихъ сердечныхъ склонностяхъ, силою здраваго разсудка и опытности, умѣла оцѣнить мнимую важность открытій своего рыцаря и перестала ему вѣрить. Бывши мореходцемъ, адмираломъ, министромъ, писателемъ, Ралейгъ опять принимается за ремесло воина.

—

IV.

Эссексъ, Сесиль и Ралейгъ.

Въ качествѣ вице-адмирала, подъ главнымъ начальствомъ графа Эссекса, Ралейгъ въ 1596 и 1597 годахъ, уравновѣшивалъ, даже часто затмѣвалъ славу своего вождя и соперника. Честь взятія Кадикса, истребленія Испанскаго флота, разрушенія Файала, принадлежитъ болѣе Ралейгу, нежели Эссексу. Вальтеръ мало бы встрѣтилъ соперниковъ на военномъ поприщѣ, если бы исключительно занялся этимъ дѣломъ. Стремительность, неустрашимость, быстрота и вѣрность соображеній, не рѣдко доставляли ему побѣду. Елисавета возвратила ему званіе капитана гвардіи. «Онъ сталъ входить во дворецъ, говоритъ одинъ современникъ, также смѣло, какъ и прежде.» Въ то время исключительно тамъ властвовалъ графъ Эссексъ. Тогда этотъ человѣкъ, сражавшійся въ рядахъ Лиги, блиставшій истиннымъ краснорѣчіемъ въ Англійскомъ парламентѣ, надѣявшійся отыскать Эльдорадо, очертя голову ринулся въ омутъ интригъ, окружавшихъ Елисавету. Вступивъ въ заговоръ съ Кобмомъ и Сесилемъ, Ралейгъ исподоволь сталъ приготовлять паденіе любимца, коего неблагора-

Digitized by Google

зуміе и юношеская опрометчивость безпрестанно подвергали ихъ ударамъ. Въ письмѣ, которое писано Сэромъ Вальтеромъ къ Сесилю, и которое сохранилось доселѣ, открываются всѣ гнусныя подъиски перваго противъ Эссекса. Тамъ-то вы найдете достойные Макіавелли совѣты Ралейга, на счетъ средствъ, какъ ослабить и подорвать вліяніе своихъ противниковъ, на счетъ сѣтей, которыя можно имъ разставить. «Я, писалъ Ралейгъ, говоря объ осадѣ Кадикса, который онъ осаждалъ вмѣстѣ съ Эссексомъ, «я получилъ тамъ только одну рану и ничего болѣе. Другіе стяжали всѣ выгоды этого дня; я пришелъ слишкомъ поздо, жатва была собрана, мнѣ остались только скорби и бѣдность.» Надобно признаться, что Эссексъ, при всемъ надменномъ и необузданномъ своемъ характерѣ, оказалъ болѣе великодушія, нежели его соперникъ. «Я могъ бы его обвинить предъ военнымъ совѣтомъ, говорилъ Эссексъ, за то, что онъ меня ослушался и взялъ Файалъ безъ моего позволенія; но онъ мой открытый врагъ, и я не сдѣлаю этого.»

Смерть Эссекса, сложившаго голову на плахѣ, довершила торжество Ралейга. Народъ, увидя его въ день казни, стоявшаго подлѣ юнаго графа и палача, грознымъ ропотомъ изъявилъ такую ненависть къ Ралейгу и столько сожалѣнія къ казненному преступнику, что первый соскочилъ съ лошади, сѣлъ на лодку и удалился. Приближаясь къ своему жилищу, онъ размышлялъ о головѣ любимца, только что скатившейся съ плечъ, о другомъ любимцѣ Сесилѣ, который еще жилъ и о своемъ положеніи при Сесилѣ, прежде его соумышленникѣ, тогда единственномъ соперникѣ. «Его поразила мысль, говоритъ Осборнъ, внезапная какъ молнія. Сесилъ, захвативъ всю власть въ свои руки, могъ его погубить.» Сесилъ погубилъ его.

Digitized by Google

По смерти Эссекса, онъ сталъ продавать его приверженцамъ свою силу при дворѣ и стяжалъ огромные барыши отъ этой торговли. Настоящее Эльдорадо открылось для него въ обезглавленномъ трупѣ молодаго человѣка, погибшаго отъ его происковъ. Такъ, напримѣръ, онъ согласился выхлопотать прощеніе несчастному и благородному Литтлетону за десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Такъ продавалъ онъ жизнь людямъ, главу которыхъ самъ же обвинялъ въ нарушеніи государственнаго благосостоянія. Жадность Вальтера не имѣла предѣловъ, и умѣя согласать бережливость королевы со своимъ собственнымъ корыстолюбіемъ, онъ безпрестанно требовалъ отъ нее новыхъ привилегій и монополій, которыя ей ничего не стоили и въ которыхъ она ему не отказывала.

Воинъ, искатель приключеній, основатель колоній, блистательный царедворецъ, отличный писатель, смѣлый мореплаватель, онъ пустился еще на новое поприще. Елисавета, умѣвшая всѣмъ пользоваться, умѣла изъ его способностей извлечь всѣ возможныя выгоды для государства. Она поддерживала его противъ Эссекса, обогатила его, не уступая домогательствамъ и не поддаваясь его обманамъ. Обладая обширнымъ умомъ, она не сдѣлала изъ Ралейга ни врага, ни государственнаго министра. Вдругъ она умираетъ; ей наслѣдуетъ странный человѣкъ, болѣе женщина по слабости характера, нежели сколько Елисавета была мужчиною по силѣ своей воли. Сесиль, хотѣвшій господствовать при Іаковѣ I или, лучше сказать, надъ Іаковомъ I, рѣшился сокрушить своего соперника. Іаковъ боялся людей смѣлыхъ, ужасаясь столько же смѣлой мысли, сколько воинскаго мужества. Сесилю не трудно было погубить любимца, котораго пороки и добродѣтели были равно ненавистны новому монарху.

Digitized by Google

Прежде смерти, достойной героя, Ралейгъ произвелъ еще тысячу низкихъ поступковъ. Въ этой жизни, какъ на маитіи актера въ плохомъ театрѣ, повсюду видны золото и пятна. Еще прежде пріѣзда Іакова изъ Шотландіи, предусмотрительный Ралейгъ является главою противной партіи. Аубери, современный лѣтописецъ, впрочемъ весьма легковѣрный, говоритъ, что онъ находился въ обществѣ дворянъ, собравшихся въ Уйтгаллѣ и нападалъ не только на Іакова, но и на самый престолъ. «Сбережемъ для себя скипетръ и не допустимъ толпѣ голодныхъ бродягъ (Шотландцевъ) управлять Англіею.» Такія слова приписываетъ ему Аубери и присовокупляетъ, что Ралейгъ, пользуясь обстоятельствами, намѣревался основать республику—to set up a commonwealth. И въ самомъ дѣлѣ, въ ту минуту, когда сынъ Католички Маріи Стуартъ, ненавидимый, какъ Шотландецъ, и презираемый вообще, протягивалъ руку къ вѣнцу королевскому, въ эту минуту подобная мысль могла притти въ голову человѣку, который отъискивалъ Эльдорадо. Въ то же самое время Вальтеръ Ралейгъ разсыпалъ передъ королемъ льстивыя увѣренія, какія разсыпалъ предъ Елисаветою. Чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ Іакова онъ писалъ ему: «Наконецъ дождался я Вашего Величества. Я увѣренъ, что всегда позаимствую отъ васъ много хорошаго и страстно желаю увеличить свои познанія вашею бесѣдою!» Не взирая на эту лесть, уже разточаемую предъ слабымъ государемъ, Іаковъ въ самомъ началѣ своего царствованія отрѣшилъ Ралейга отъ занимаемыхъ имъ должностей. Капитанъ-гвардіи уступилъ свое мѣсто одному Шотландцу. Напрасно Ралейгъ въ своемъ протестѣ говоритъ «о своей привязанности къ королю, о своемъ вѣрномъ сердцѣ, въ которомъ его величество ничѣмъ не можетъ угасить любовь къ его высокой особѣ;» напрасно онъ призывалъ «Бога Творца земли и неба въ свидѣтели, что онъ ни-

Digitized by Google

когда не принадлежалъ къ числу недовольныхъ». Ему позволили лгать сколько угодно, но не сняли съ него опалы; никто не подалъ голоса въ его пользу.

Всѣ его ненавидѣли и радовались его паденію. Самые жаркіе его защитники свидѣтельствуютъ объ этой радости и народной нелюбви къ нему. Французскій посланникъ де Бононъ утверждаетъ, что эта ненависть и склонила перѣшительнаго Іакова на столь сильныя мѣры. «Всѣ будутъ въ восторгѣ, говорилъ Сесиль, отъ паденія человѣка, ненавистнаго цѣлой Англіи. Нортумберландъ, другъ Ралейга, признается, что доброе имя его много пострадало отъ слишкомъ долгой и тѣсной связи съ симъ послѣднимъ. Наконецъ Бенъ Джонсонъ, наблюдатель глубокомысленный, рожденный быть историкомъ и сдѣлавшійся драматическимъ писателемъ, однимъ словомъ выразилъ причину общей къ нему ненависти: *Ралейгъ уважалъ славу болѣе совѣсти.*

—

V.

Осужденіе Ралейга.

Историки исписали многіе томы, разрѣшая вопросъ, составлялъ ли Ралейгъ заговоръ противъ Іакова I? и говорятъ различно. Всѣ историки его обвиняютъ, всѣ біографы Ралейга его оправдываютъ. Вокругъ престола Іакова возникало много заговоровъ: одни были составлены неизвѣстными Католиками, другіе Испанскими агентами, одинъ наконецъ былъ произведенъ недовольными дворянами. Изъ этихъ заговоровъ два были извѣстны Ралейгу, одинъ приведенный въ дѣйствіе Испанцами, и другой, бывшій въ распоряженіи друга его, Лорда Кобма. Не льзя подумать, чтобы Вольтеръ вошелъ въ связи съ Испанцами, которыхъ постоянно ненавидѣлъ; но онъ

Digitized by Google

самъ признается, что зналъ о намѣреніяхъ Кобма. «Я погибъ, говорилъ онъ, связавшись съ легкомысленнымъ человѣкомъ» (listened to a vain man). Къ несчастію этотъ легкомысленный человѣкъ предлагалъ ему большой пенсіонъ отъ Испанскаго правительства и доказалъ это въ судѣ. Не довѣряя способностямъ Кобма, но желая вѣроятно избавиться отъ Іакова и Сесиля, онъ повидимому лично не участвовалъ въ заговорѣ, но удовольствовался второстепенною ролью, которую внушили ему хитрость и мщеніе — ролью подстрекателя и тайнаго сподвижника, а между тѣмъ выжидалъ случая, чтобы позже собрать плоды замысла, опасностямъ котораго не подвергался. Онъ такъ много надѣялся на свою хитрость, что самъ донесъ на Кобма, какъ вдругъ Сесиль, извѣщенный о заговорѣ, приказалъ захватить и того и другаго. Кобмъ, разъяренный симъ предательствомъ, возложилъ всю тягость преступленія на Ралейга, но потомъ, вспомнивъ, что не можетъ представить противъ него никакого существеннаго обвиненія, малодушно отперся отъ своего показанія, снова обвинилъ Ралейга, снова отперся и напослѣдокъ на эшафотѣ объявилъ Вальтера Ралейга своимъ соумышленникомъ. Можетъ быть Кобмъ, человѣкъ слабый и ограниченныхъ способностей, ведомый по опасной стезѣ геніемъ болѣе хитрымъ и сильнымъ, самъ сомнѣвался, позволительно ли ему обвинить Ралейга, скрытно дѣйствовавшаго. Ралейгъ любилъ употреблять для своихъ цѣлей людей, его окружавшихъ. «Онъ хочетъ, говоритъ другъ его Нортумберландъ, двигать умами и стремленіями.» Вооружась осторожностію, Ралейгъ ничего не писалъ, ничего не предавалъ случаю, не видѣлся съ иностраннымъ посланникомъ, не принималъ у себя заговорщиковъ, пустилъ на сцену одного Кобма, такъ что сей послѣдній могъ погибнуть, не погубивъ своего товарища. Взятый подъ стражу, Ралейгъ надѣ-

Digitized by Google

ялся выпутаться изъ бѣды, обвинивъ Кобма — дерзкая низость, бывшая причиною его гибели. Она возбудила рѣшительность въ колебавшемся Кобмѣ, который закричалъ: «измѣнникъ, подлецъ, чудовище!» и обвинилъ его въ свою очередь. Впрочемъ не смотря на это, ничто положительно не доказывало преступленія Ралейга.

Англичане, чувствовавшіе такое сожалѣніе къ Эссексу, обнаружили къ Ралейгу презрѣніе и ненависть. Изъ своей комнаты, въ Лондонской башнѣ, онъ слышалъ проклятія народа. Въ отчаяніи онъ было покусился на самоубійство, «потому что я не могъ (говоритъ онъ въ прекрасномъ письмѣ къ женѣ своей) снести ѣдкихъ насмѣшекъ враговъ своихъ, ихъ лютаго ожиданія, суровыхъ словъ судей и адвокатовъ, безстыдныхъ сарказмовъ черни, которая смотрѣла на меня, какъ на чудовище.» Сесиль, съ звѣрскимъ хладнокровіемъ заботившійся о скорѣйшемъ произнесеніи смертнаго приговора надъ Ралейгомъ, пришелъ къ нему послѣ покушенія на самоубійство и увидѣлъ, что «онъ не въ силахъ сносить свое несчастіе, кляпется въ невинности и сдѣлался равнодушенъ къ жизни.» Изъ Лондонской башни его перевезли въ Винчестеръ и тамъ предали суду. Онъ ѣхалъ въ каретѣ, сопровождаемый ругательствами черни. «Трудно вообразить, говоритъ одинъ современникъ, по имени Гиксъ, въ письмѣ своемъ къ Шревсбюри, какъ ненавидятъ этого человѣка. По всей дорогѣ проходящіе осыпали его самою ѣдкою бранью. Признаюсь, я лучше бы хотѣлъ умереть, чѣмъ испытывать столь общую ненависть. *А Ралейгъ негодяй, я его презираю и не хочу о немъ думать.*»

Тутъ для Ралейга наступила новая эпоха. Мы видѣли, что онъ оказывалъ гнусное малодушіе въ счастіи, теперь увидимъ, что въ крайнемъ злополу-

Digitized by Google

чіи онъ обнаружилъ необыкновенное величіе духа. Это была сильная душа, могущество которой развернулось только на краю гибели. Въ полсутокъ все измѣнилось. Ралейгъ опять явился человѣкомъ мужественнымъ, употребилъ свое краснорѣчіе, обнаружилъ всѣ свои способности, возвратилъ свое хладнокровіе такъ, что возбудилъ къ себѣ общее сочувствіе и удивленіе, доходившее до энтузіазма. «Крайнее сожалѣніе, говоритъ тотъ же современникъ, внезапно замѣнило злобную ненависть. «Это былъ счастливѣйшій день въ жизни Ралейга, писалъ Сэръ Дудлей Кернлтонъ, столько ума, хладнокровія, мужества и силы оказалъ этотъ человѣкъ, обреченный смерти.» Гонецъ, посланный Іаковомъ I за извѣстіями о рѣшеніи суда, выразился такъ: «Никто никогда не былъ такъ краснорѣчивъ, да никто и впередъ не будетъ. Вчера я прошелъ бы сто миль пѣшкомъ, чтобъ посмотрѣть, какъ его будутъ вѣшать; сегодня прошелъ бы тысячу, чтобы спасти его.» Генералъ-адвокатъ Кукъ и великій судья Попамъ бранью прерывали рѣчи Ралейга; Сесиль, присутствовавшій въ судѣ, оскорблялъ его лицемѣрнымъ состраданіемъ. Вальтеръ ни сколько не смущался, спокойный, хладнокровный, отвѣчавшій на всѣ вопросы, съ благородствомъ отражавшій оскорбленія, вооруженный здравымъ смысломъ противъ обвиненій, твердостію противу гнѣва, улыбкою противу ругательствъ. «Ты подлецъ!» сказалъ ему Кукъ. — Это не доказательства, отвѣчалъ Ралейгъ. — Измѣнникъ, ехидна, адское чудовище! кричалъ обвинитель. — Это только слова. — Я не нахожу словъ, какъ назвать тебя. — И по всему видно, что ты не находишь словъ; ты все повторяешь одно и то же. — Ужели можешь ты оправдаться въ своихъ преступленіяхъ, гнусный человѣкъ, адское изчадіе! — Такія выраженія не приличны человѣку твоего званія и достоинства. Но это меня утѣшаетъ: у тебя

Digitized by Google

нѣтъ противъ меня другихъ доказательствъ кромѣ этихъ. — А, ты сердишься? — Мнѣ не на что сердиться. — Да, ты человѣкъ ловкій и хитрый. — Однако всѣ обвиненія, которыя вы на меня взводите, доказываютъ ли мою хитрость?» Не взирая на недостатокъ доказательствъ и на то, что въ силу Англійскихъ законовъ не льзя было обвинить Ралейга по одному показанію Кобма, онъ былъ осужденъ и до конца сохранилъ твердость, внушенную гордостію, и геройское простодушіе, удивившее многочисленныхъ враговъ его. Іаковъ I, одинаково странный въ добрыхъ и худыхъ своихъ поступкахъ, велѣлъ взвести на эшафотъ всѣхъ заговорщиковъ, кромѣ Ралейга, который смотрѣлъ на это зрѣлище изъ окна и улыбался, какъ увѣряетъ де Бомонъ. Въ ту самую минуту, когда Кобмъ, Грей и Меркмъ шли уже на плаху, шерифъ объявилъ народу и осужденнымъ, что король милуетъ преступниковъ. Ралейгъ не переставалъ улыбаться, какъ бы въ доказательство, что заранѣе зналъ про эту комедію, устроенную Іаковомъ I. Цѣлые тринадцать лѣтъ онъ содержался въ Лондонской башнѣ, занимаясь химіею и физикою, принимая у себя друзей, сообщая свои наблюденія литераторамъ и ученымъ и стараясь, какъ говорилъ самъ, писать такъ, чтобъ *мысль его была осязательна.*

Любопытно было видѣть, какъ этотъ блистательный джентлменъ, царедворецъ, воинъ, въ аптекарскомъ передникѣ строилъ лабораторію изъ курятника въ саду, принадлежавшемъ Лондонской башнѣ и, какъ писалъ къ Сесилю начальникъ этой темницы Вилльямъ Уадъ, проводилъ цѣлые дни за ретортами. Но уединеніе и размышленіе не искоренили его природныхъ недостатковъ и остальные дни жизни его докажутъ, что удары тяжкой опытности не исправили его сердца и характера. Но за то умъ

Digitized by Google

его, развившійся въ уединеніи и сосредоточенный въ самомъ себѣ, не развлеченный происками двора и шумомъ сраженій, впервые возчувствовалъ свою силу и владычество. Сколько гордыхъ воспоминаній и плодотворныхъ размышленій тѣснилось въ головѣ арестанта, который могъ сказать, подобно старинному Французскому поэту Теодору Агриппѣ Добинье:

Господь меня на волны моря кинувъ,
Не разъ меня въ пучину погружалъ
И изъ пучины снова извлекалъ.
Я, бурями мірскими разволнованъ,
Дни юности своей безумно предалъ
Свирѣпымъ вихрямъ битвъ и свѣтской жизни.

Еслибы этотъ человѣкъ, такъ много испытавшій, одушевясь любовію къ истинѣ, вздумалъ вести свои записки, эта книга была бы однимъ изъ любопытнѣйшихъ твореній историческихъ. Но въ этой жизни было такъ много двусмысленности, такъ мало истины, слава его была такъ ненавистна, въ ней было такъ много тѣни и свѣта, лжи и величія, что вѣроятно онъ не дерзалъ взглянуть ей прямо въ очи. Сверхъ того онъ, надѣясь возвратить себѣ свободу, счелъ опаснымъ писать о временахъ царствованія Елисаветы и Іакова, эпохи, всѣ тайны которой были ему извѣстны. И такъ онъ рѣшился писать *Исторію Міра* (Histoire du Monde). Призвавъ на помощь Джонсона и другихъ ученыхъ и литераторовъ, воспользовавшись ихъ свѣдѣніями и доставленными отъ нихъ матеріалами, онъ ко всему этому присоединилъ свои собственные выводы въ видѣ отступленій и разсужденій побочныхъ, которыя составляютъ важнѣйшую часть его книги, написанной во вкусѣ Монтескье, Макіавелли, Вико и Монтанья. Факты, хронологія, ссылки, ученость, слабая педантская часть творенія, безъ сомнѣнія принадлежатъ сотрудникамъ Ралейга. Онъ оставилъ за собою взглядъ, еще прежде Боссюэта

Digitized by Google

брошенный имъ на предначертанное промысломъ шествованіе царствъ, единство мысли въ развитіи событій, свободу въ собственныхъ наблюденіяхъ, простоту слога мужественнаго и поэтическаго, богатство практическихъ выводовъ, простое и выразительное описаніе характеровъ и оригинальность, напоминающую Макіавелли. Вотъ его слава! Для Англійской прозы онъ сдѣлалъ то же, что Кальвинъ для Французской.

Между тѣмъ врагъ его Сесиль умеръ, а Соммерсетъ, обогатившійся конфискованнымъ имѣніемъ Ралейга, впалъ въ немилость. Сэръ Вальтеръ, возвратившій общее уваженіе своею твердостію, которую оказалъ въ судѣ, и стяжавшій славу своею книгою, за сто пятьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ купилъ себѣ свободу у фамиліи Букингамовъ.

—

VI.

Послѣднія сцены.

Едва возвративъ свободу, Ралейгъ отправился къ берегамъ Испанскимъ и сжегъ тамъ городъ Св. Ѳомы. Потомъ онъ хотѣлъ крейсировать и грабить по морямъ, но экипажъ его не согласился, взбунтовался и принудилъ его возвратиться въ Плимутъ. Тутъ начинается новая драма, которую пусть за насъ разскажетъ одинъ краснорѣчивый современный лѣтописецъ.

«Вскорѣ по прибытіи Ралейга въ Плимутъ, Сэръ Левн Стуклей, его родственникъ, адмиралъ графства Девонскаго, получилъ приказаніе захватить Сэра Вальтера и привезти его въ Лондонъ. Это было сдѣлано; Ралейгъ сказался больнымъ; къ нему приставили доктора, Француза Манури, отъ нарывныхъ пластырей котораго по лицу и всему тѣлу Ралейга показалось множество прыщей. Тогда онъ сталъ притворяться безумнымъ, бить въ полъ руками и ногами, рвать

Digitized by Google

волосы и кричать: «Господи Боже мой, ужели всѣ несчастія упадутъ на мою голову!»

Такъ Ралейгъ прикидывался слѣпымъ и сумасшедшимъ, ползалъ на четверенькахъ по комнатѣ, принималъ рвотное и тѣшился этими фарсами, достойными арлекина.

«Манури, войдя въ кабинетъ, нашелъ рыцаря на постелѣ и спросилъ, что ему нужно? Ралейгъ отвѣчалъ: мнѣ ничего не нужно; я это дѣлаю для шутки. Потомъ попросилъ рвотнаго. Тутъ вошелъ Сэръ Стуклей, и Ралейгъ опять началъ свою комедію, притворился, что съ нимъ сдѣлались судорги, сталъ корчить руки и ноги. Адмиралъ и другой человѣкъ, съ которымъ онъ пришелъ, успокоили его черезъ великую силу. Сэръ Леви велѣлъ его тереть по всему тѣлу теплыми полотенцами, что произвело въ больномъ сильную испарину. Ралейгъ съ великимъ трудомъ могъ удержаться отъ смѣха. Оставшись одинъ съ Манури, онъ сказалъ ему: «О! Стуклей отличный докторъ!»

«Между тѣмъ отъ нарывныхъ пластырей появилось такъ много прыщей на тѣлѣ Ралейга, что Стуклей и королевскіе совѣтники, пришедшіе допрашивать рыцаря, не могли преодолѣть своего отвращенія. Манури, у котораго адмиралъ требовалъ совѣта, отвѣчалъ поверхностно и неудовлетворительно. Адмиралъ призадумался и сталъ говорить съ епископомъ Дели, который посовѣтовалъ ему пригласить двухъ другихъ докторовъ. Эти доктора, посмотрѣвъ на больнаго, не знали, что подумать, запретили его выносить на воздухъ, что, по ихъ словамъ, могло стоить жизни больному; и написали свое показаніе, которое подписалъ и Манури.

«..... Однажды Ралейгъ, находясь одинъ съ Манури и въ рубашкѣ ходя взадъ и впередъ по комна-

Digitized by Google

тѣ, подошелъ къ окну и сказалъ тихонько доктору: «Какъ мы будемъ смѣяться надъ тѣмъ, что поддѣли совѣтъ, докторовъ и Испанцевъ!»

«1 Августа король отправился въ Салисбури. Ралейгъ, ожидая, что его самого увезутъ въ Лондонъ, написалъ нѣсколько писемъ и началъ дѣлать распоряженія къ бѣгству. Увѣренный въ преданности Манури, онъ открылся ему во всемъ и надавалъ ему разныхъ обѣщаній, если тотъ ему будетъ помогать. Манури, опасаясь слѣдствій этого покушенія, притворился, будто раздѣляетъ намѣренія рыцаря, по распоряженіямъ котораго капитанъ Кингъ долженъ былъ дожидаться его въ Гревзендѣ на нанятомъ кораблѣ и пріѣхать за нимъ на лодкѣ. Надобно было Ралейгу перейти въ другое жилище; онъ пожелалъ, чтобъ его перенесли въ собственный его домъ, оттуда онъ думалъ ускользнуть черезъ потаенную дверь. Манури обѣщался помогать ему и примолвилъ, что просьба, посланная Ралейгомъ королю и парламенту, избавитъ его отъ преслѣдованія. Сэръ Вальтеръ отвѣчалъ: «И, полно-те! человѣкъ, который боится за жизнь свою, никогда неспокоенъ.»

«Ралейгу дѣйствительно позволили перейти въ свой домъ. Манури, увѣдомивъ его объ этомъ, хотѣлъ его успокоить и сказалъ: «Король, сдѣлавъ вамъ эту милость, явно доказываетъ, что не хочетъ вашей погибели.» Но рыцарь, покачавъ головой, отвѣчалъ: «Я не вѣрю. Всѣ средства были употреблены, чтобы удалить отъ двора герцога Бирона, а оттолкнувъ его отъ двора, разомъ срубили ему голову. Я знаю, они рѣшили, что для общей пользы лучше умереть одному человѣку, нежели разрушить договоры и торговыя сношенія съ Испаніею, разторгнутыя этимъ человѣкомъ. Торговля пойдетъ впередъ по пути, орошенному моею кровію....»

Смѣлость, хитрость и угрозы Ралейга наконецъ

Digitized by Google

устрашили Манури. Ралейгъ, видя, что его наперсникъ колеблется, рѣшился ввѣриться Стуклею. Сей послѣдній, по видимому, склонился на его предложенія; это погубило Ралейга.

«..... Наконецъ Сэра Вальтера отправили въ Лондонъ и перенесли въ его домъ. Узнавъ о томъ, Французскій посланникъ Делашене явился къ нему отъ имени своего государя и сказалъ, что хочетъ говорить съ нимъ о важныхъ дѣлахъ, касающихся до самаго рыцаря. Делашене предложилъ ему Французское судно и нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ губернатору Кале. Онъ примолвилъ, что въ этомъ городѣ ждетъ его одинъ Французскій господинъ, приготовившій все нужное для продолженія пути. Ралейгъ отказался отъ Французскаго корабля, имѣя болѣе довѣренности къ Англійскому, уже нанятому, но рекомендательныя письма принялъ тѣмъ съ большею признательностію, что всѣ прежніе друзья его во Франціи уже умерли. Однимъ пламеннымъ желаніемъ возвратить свободу можно изъяснить неблагоразуміе, съ которымъ рыцарь ввѣрился иностранцу, котораго впервые видѣлъ. Это мнимое покровительство Французскаго посланника было нечто иное, какъ сѣти, въ которыя хотѣли вовлечь Ралейга бдительные враги его. Дѣло шло по ихъ желанію. Стуклей хотѣлъ имѣть положительныя доказательства въ связяхъ Ралейга съ Франціею; всякій день посылалъ онъ въ тайный совѣтъ донесенія о томъ, что происходило съ плѣнникомъ и что онъ объ немъ слышалъ. На третій день послѣ своего пріѣзда въ Лондонъ, Ралейгъ тихонько ускользнулъ изъ дома вмѣстѣ съ Кингомъ, Стуклеемъ и его сыномъ, взошелъ на корабль и отправился въ Гревзентъ. Его очень безпокоила лодочка, которая издали преслѣдовала бѣглецовъ. Вода еще не прилива́ла, и они должны были выти на берегъ у Гренвича. Тутъ Стуклей, внезапно перемѣнивъ тонъ, схватилъ Кинга, а между тѣмъ на другомъ суднѣ подъ-

Digitized by Google

ѣхали къ нимъ полицейскіе агенты. Ралейга переписли въ трактиръ, а на другой день заключили въ Лондонскую башню.»

Таковъ разсказъ современника. Во всѣхъ этихъ жалкихъ покушеніяхъ проявляется главная черта характера Ралейга, порокъ, который не оставлялъ его ни въ торжествахъ, ни въ несчастіяхъ: это излишняя самоувѣренность, убѣжденіе въ успѣхѣ, и сильное желаніе достигнуть его какими бы то ни было средствами. Этому научился онъ во Франціи. Племя, которое по своей живости и врожденной дѣятельности всегда стремится прямо къ дѣлу, племя, котораго быстрый умъ, не задерживаясь соображеніями теоретическими и заблужденіями мечты, предусматриваетъ слѣдствія самого событія, это племя первое произнесло сіи ужасныя слова: горе побѣжденнымъ! Вотъ преобладаніе дѣла надъ правомъ, событіе, въ которомъ поглащается нравственность. Народъ съ такимъ убѣжденіемъ всегда поддается нѣкоторымъ внушеніямъ неодолимымъ и нечестивымъ; слѣдствія бываютъ опасныя: вѣроятное предпочитается необходимому, призракъ дѣйствительному. Если человѣку довольно быть побѣжденнымъ, чтобъ казаться виновнымъ, онъ уже виноватъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ казаться побѣжденнымъ; онъ побѣдопосецъ и владыка съ того времени, когда стали ему приписывать призракъ успѣха; люди съ такимъ образомъ мыслей падаютъ предъ мечтою и празднуютъ побѣду, которую мечта же даровала. Эта смѣсь вѣроятнаго и дѣйствительнаго, истиннаго и ложнаго, благопріятствуя эпохѣ фронды, временамъ злодѣйствъ и беззаконій, была причиною преступленій неслыханныхъ. Она ободряетъ людей притворной нравственности и сомнительной славы. Вотъ что во время Вальтера Ралейга говорилъ человѣкъ съ умомъ смѣлымъ и проницательнымъ, поэтъ, на котораго я часто ссылался, тѣмъ болѣе, что по своему праводушію онъ представляетъ совершен-

Digitized by Google

ную противоположность съ Ралейгомъ, однимъ словомъ Добинье, который, вѣроятно изъ страха задѣть за живое своихъ современниковъ, остроумною аллегоріею облекалъ свои сатиры. Баронъ *Фенестъ* * — это *баронъ наружности*. Ралейгъ, воспитанный въ школѣ Гизовъ и ихъ противниковъ, говорилъ самъ великому канцлеру: «Успѣхи выше осужденій. Того нельзя назвать разбойникомъ, кто награбилъ милліоны.» Вотъ основаніе нравственности Ралейга.

Я уже изобразилъ вамъ послѣднюю жалкую сцену въ драмѣ Ралейга; слова современника представили вамъ это печальное зрѣлище, завоевателя Файала, Кадикскаго героя, унизившагося до смѣшныхъ фарсовъ для спасенія нѣсколькихъ дней жизни, въ которой было такъ много истинно благороднаго. Преданный палачу Іаковомъ I, осудившимъ его по настоянію Испанскаго посланника, онъ опять внезапно возникъ душею. Его послѣдніе дни были достойны того, кто написалъ Корнелевскій стихъ:

Who oft doth think must needs die well.
Кто мыслитъ — хорошо умѣетъ умереть.

Попавшись въ руки полицейскихъ агентовъ, онъ почелъ себя уже обреченнымъ смерти и снова явилъ всю силу своего духа. Судьи стали обходиться съ нимъ почтительно. Великій судья сказалъ ему: ступай, человѣкъ, обремененный бѣдствіями; я не хочу прибавлять новыхъ горестей къ твоимъ горестямъ. Ты, генералъ, великій полководецъ, мужъ храбрый и мощный духомъ, кинься въ объятіе смерти, какъ

* Комическій романъ Теодора Агриппы Добинье, философская мысль котораго не была вполнѣ оцѣнена. Faeneste — человѣкъ добродѣтельный по наружности. Добинье, умный и ученый человѣкъ по обычаю XVI вѣка, заимствовалъ изъ Греческаго языка сатирическое имя своего героя. Онъ барону *Наружности* (Foeneste) противуполагаетъ человѣка *Дѣйствительности*, господина Эне (Einai), на самомъ дѣлѣ мужественнаго, благороднаго и великодушнаго.

Digitized by Google

ты кидался въ середину боя. Mors me expectat et ego mortem expectabo.»

Онъ поблагодарилъ великаго судью за его доброе мнѣніе и просидѣлъ всю ночь, приводя въ порядокъ дѣла свои. Его послѣднее письмо къ женѣ, страстно его любившей, мы считаемъ за прекрасный отрывокъ изъ исторіи человѣческаго сердца и достопамятный образецъ этого могущественнаго краснорѣчія, не имѣющаго другаго украшенія, кромѣ силы мысли. Вотъ оно:

«Запечатлѣй на сердцѣ, любезная супруга, послѣднія слова мои. Посылаю тебѣ любовь мою, чтобъ ты помнила о ней послѣ моей смерти, и совѣты, какъ вести себя, когда меня не будетъ. Не хочу передавать тебѣ моихъ мученій, любезная Елисавета; пусть они сойдутъ со мною въ могилу и сокроются подъ моимъ прахомъ. Богу не угодно, чтобъ я еще разъ тебя увидѣлъ, и ты эту потерю перенеси мужественно, какъ это достойно твоего сердца.»

«Прими благодарность, какая только можетъ вмѣститься въ душѣ, какую только могу выразить словами, благодарность за горести и бѣды, тобою для меня перенесенныя. Если они не были вознаграждены успѣхомъ, котораго ты желала, долгъ мой передъ тобою отъ того не уменьшается; но выплатить его на этомъ свѣтѣ не возможно.»

«Умоляю тебя именемъ любви, которую живому мнѣ ты оказывала, не осуждай себя на долговременное уединеніе, но постарайся, сколько можно, устроить мое разрушенное имѣніе и имущество твоего бѣднаго ребенка. Печаль твоя не принесетъ никакой пользы мнѣ, который уже скоро будетъ прахомъ.»

.....

«Я надѣюсь, что кровь моя затушитъ ненависть тѣхъ, которые желали моей гибели, и что они не захотятъ удручить бѣдствіями тебя и друзей твоихъ. Какому другу я отдамъ тебя подъ покровительство? Мои всѣ оставили меня въ минуту испытанія. Крайне огорчаюсь, что не могу оставить тебѣ болѣе значительнаго наслѣдства, такъ внезапно застигнутый смертію и въ своихъ намѣреніяхъ

Digitized by Google

предупрежденный Богомъ Господомъ все творящимъ. Если можешь жить безъ нужды, не желай болѣе. Остальное все суета. Люби Бога: въ немъ ты найдешь великое утѣшеніе. Внуши и сыну любовь къ нему заблаговременно. Богъ будетъ тебѣ покровителемъ, а ему отцемъ.... покровителемъ и отцемъ, которыхъ у васъ уже не отнимутъ.

«. . . . . Когда я умру, тебя непремѣнно будутъ обыскивать; вѣдь въ свѣтѣ думаютъ, что я очень богатъ. Ради Бога не притворяйся ни въ чемъ. Ты не можешь испытать ужаснѣйшаго несчастія, какъ сдѣлаться добычею свѣта, а потомъ предметомъ его презрѣнія. Богъ видитъ, что я не отсовѣтываю тебѣ снова выти замужъ; это было бы всего лучше и передъ Богомъ и передъ свѣтомъ. А я уже не твой, и ты уже не моя. Богъ разлучилъ насъ; Богъ отрѣшилъ меня отъ міра и разлучилъ съ тобою. Вспоминай о своемъ бѣдномъ сынѣ изъ любви къ его отцу, который такъ любилъ тебя въ счастливое время своей жизни. Если бы я и хотѣлъ жить, такъ Богъ видитъ, желалъ бы жить для тебя и для твоего ребенка; но знай, моя милая, что твой сынъ есть сынъ человѣка, который достоинъ имени человѣка, и который презираетъ смерть, въ какомъ бы страшномъ видѣ она къ нему не предстала. Не могу писать болѣе. Богу извѣстно, что у меня мало досуга и что я едва похитилъ нѣсколько часовъ у ночи, покуда всѣ спятъ: въ это также время я отклоняю мысли свои отъ земли. Выпроси мое тѣло, котораго не хотѣли отдать тебѣ живымъ, и положи его подлѣ моихъ отца и матери. Ничего уже не могу говорить болѣе. Время и смерть меня призываютъ. . . . . »

«Тотъ, который принадлежалъ тебѣ и не принадлежитъ болѣе себѣ.»

«*Вальтеръ Ралейгъ.*»

Просидѣвъ въ темницѣ всю ночь за этимъ простодушнымъ и сильнымъ посланіемъ, въ которомъ обнаруживается такое величіе духа, онъ замѣтилъ, что надобно снять со свѣчи и тогда, вспомнивъ свое прежъ-

Digitized by Google

все ремесло остроумнаго человѣка, онъ экспромтомъ написалъ нѣсколько стиховъ:

Ужель сей жалкій свѣточь, ночи съ тѣнью
Едва борящійся, намъ должно сохранить?
Лишь малодушнаго смерть можетъ устрашить:
Мужъ доблестный единымъ дуновеньемъ
Умѣетъ жизнь свою и славу затушить.

Потомъ онъ загасилъ свѣчу и заснулъ.

Пусть тотъ же самый современникъ опишетъ послѣднія его минуты:

«Тренсонъ, деканъ Вестминстерскій, впослѣдствіи епископъ Салисбургскій, говоритъ, что Ралейгъ поступалъ въ это время съ твердостію и рѣшительностію, хотя кротко и набожно. «Когда я началъ приготовлять его къ смерти, говоритъ эта духовная особа, онъ обнаружилъ такое спокойствіе, что я удивился. Я сказалъ ему, что люди съ болѣе спокойною совѣстію, трепетали передъ смертію, а Ралейгъ признался, что и онъ умираетъ не безъ горести, но что слава Богу, не боится смерти, потому что, примолвилъ онъ, это зависитъ отъ воображенія. Ужь все лучше умереть отъ одного удара, нежели отъ горячки.»

Ралейгъ до послѣдней минуты сохранилъ эту твердость духа. Народъ, котораго сдѣлался онъ любимцемъ, встрѣтилъ несчастнаго съ рукоплесканіями; воображенію толпы живо представились прежніе его подвиги и приключенія. Его красота, не увядшая отъ лѣтъ, его гордая, твердая походка, его глаза живые, блестящіе и проницательные, неутухшіе отъ несчастій, все это возбуждало жалость и изумленіе. Онъ пригласилъ множество знатныхъ особъ, чтобы они присутствовали при исполненіи казни; самъ писалъ къ нимъ письма, какъ бы собирая ихъ на праздникъ; всѣ туда явились. Это происходило 29 Октября 1618 года въ старомъ Вестминстерскомъ дворцѣ,

Digitized by Google

противъ парламентской залы; Сэра Вальтера велѣлъ судьи графства Миддльсескаго. Онъ явился на позорище смерти съ тѣмъ же спокойствіемъ, какое оказывалъ со времени произнесенія приговора. Онъ направо и налѣво поклонился друзьямъ своимъ. Ралейгъ былъ въ темномъ атласномъ полукафтаньи, черномъ шелковомъ жилетѣ съ серебрянымъ шитьемъ, въ сѣрыхъ шелковыхъ чулкахъ и черной бархатной мантіи, также вышитой серебромъ. Въ этой самой предсмертной одеждѣ онъ блеснулъ еще разъ своимъ прежнимъ краснорѣчіемъ. Когда шерифъ велѣлъ умолкнуть, Ралейгъ сказалъ, обращаясь къ публикѣ:

«Желаю, чтобъ меня выслушали, хотя говорю очень тихо: у меня трехдневная лихорадка и въ этотъ именно день и часъ она пришла ко мнѣ, если я обнаружу нѣкоторую слабость, припишите это моей болѣзни.»

Увидѣвъ у окна лордовъ Арунделя и Донкестра, онъ сказалъ имъ:

«Благодарю Бога, что мнѣ дозволено умереть не въ темнотѣ, но въ присутствіи этихъ почетныхъ особъ.... Я возвышу голосъ, джентлемены, надѣясь, что вы меня услышите.»

— Мы спустимся къ эшафоту, возразилъ Арундель.

«Въ самомъ дѣлѣ джентлемены спустились внизъ, взошли на маленькую лѣстницу эшафота и стали вокругъ Ралейга. Онъ пожалъ имъ руки; сталъ продолжать рѣчь, и съ благородствомъ отклонять обвиненія, на него взносимыя, приводя Арунделя въ свидѣтели, что онъ обѣщался возвратиться въ Англію, каковъ бы ни былъ поводъ его предпріятія. Графъ Арундель, стоявшій подлѣ него, торжественно подтвердилъ это показаніе Ралейга. Сей послѣдній оказалъ великія огорченія за частые упреки, будто бы онъ смѣялся во время исполненія казни надъ графомъ Эссексомъ. «Напротивъ того, говорилъ онъ, я проливалъ горькія слезы, видя эшафотъ графа, пред-

Digitized by Google

знаменовавшій собственную мою участь. Всѣ любившіе меня при жизни Эссекса, отвратились отъ меня послѣ его смерти.» Потомъ онъ повинился, что болѣзнь его была притворная, что его цѣлію было возбудить состраданіе и выиграть время для своего спасенія; признался, что хитрость эту считаетъ преступленіемъ и умолялъ простить его; наконецъ твердымъ голосомъ воскликнулъ, что смерть его есть дѣло Испаніи.

Послѣ онъ съ усердіемъ сталъ молиться Богу, объявилъ присутствовавшимъ, что грѣхи его велики и многочисленны, и примолвилъ: «Я шествовалъ путемъ высокомѣрія, будучи постепенно, а иногда и въ одно время, воиномъ, полководцемъ, адмираломъ, придворнымъ и мореходцемъ, а всѣ эти состоянія преисполнены пороковъ.»

Онъ кончилъ сими словами: «Примирившись съ Богомъ, я прощаюсь и съ вами.» Потомъ взялъ топоръ, посмотрѣлъ на лезвее и сказалъ: «Это лекарство жестокое, но оно изцѣляетъ всѣ болѣзни.» Тогда онъ дружески поклонился палачу, простилъ его, и попросилъ его по данному знаку ударить *скоро и вѣрно.*

«Поднявъ въ послѣдній разъ къ небу взоръ покорный, но свѣтлый, онъ еще помолился, что до крайности разстрогало зрителей, и поручилъ душу свою Богу. Когда онъ уже положилъ голову на плаху, одинъ изъ присутствовавшихъ потребовалъ, чтобы преступника поворотили лицемъ къ востоку. Ралейгъ, вѣрный своимъ гасконскимъ обычаямъ, приподнялъ голову и сказалъ этому человѣку: «Другъ мой, душа моя отправляется путешествовать, такъ все равно къ востоку или къ западу положатъ меня лицемъ.» Впрочемъ онъ согласился исполнить желаніе этого джентлемена. Голова покатилась и палачъ показалъ ее

Digitized by Google

народу, молча, вопреки обычаевъ и не сказавъ: Боже, храни Короля! — Палачъ былъ нѣмъ.

—

Таковъ былъ конецъ этой необычайной жизни, затруднившей біографовъ. Ралейгъ былъ рожденъ во время, благопріятствовавшее пустому честолюбію, возлагавшее всю надежду на дерзкую отвагу и пышными обѣщаніями обольщавшее необузданную фантазію. Мы, чада XIX столѣтія, знаемъ нынѣ, что неумѣренныя желанія и неограниченныя надежды зависятъ отъ того или другаго времени. Ралейгъ хотѣлъ быть и былъ всѣмъ, не разъ достигалъ успѣха и на всѣхъ путяхъ стяжалъ неполную славу. Чего не встрѣтите въ этой занимательной исторіи: и романическія приключенія, и кровавыя сцены драмы и забавные фарсы комедіи. Какого историка не изумитъ это великодушіе, при которомъ, кажется, не возможны душевныя слабости, и это презрѣніе истины и нравственности, при которомъ трудно предполагать геройскую душу. Представьте честолюбіе, ко всему стремящееся, великодушіе, которое все хочетъ отдать; жадность, которая все хочетъ отнять; энтузіазмъ, ни на чемъ не останавливающійся и отыскивающій предметы желанія; представьте человѣка пронырливаго, корыстолюбиваго, безжалостнаго, и въ тоже время съ выспренними замыслами. Да, жизнь Ралейга достойна изученія въ наше время.

=

Digitized by Google

IV.

ОЧЕРКЪ
ИСТОРІИ КИТАЯ.*

Китайскій народъ, по своему началу, близокъ къ эпохѣ всемірнаго потопа, извѣстнаго по книгѣ Бытія. Со всѣмъ тѣмъ древнія преданія сего народа ни мало не намѣкаютъ о переворотѣ, произведенномъ на планетѣ нашей переходомъ морей съ прежнихъ ложовищъ на другія. Обсушеніе болотистыхъ мѣстъ, произведенное государемъ Юй въ началѣ XXIII столѣтія до Христіанской эры, не имѣетъ ни какой связи съ помянутымъ переворотомъ.

Китай, подобно Индіи и Аравіи, имѣетъ свои преданія, въ которыхъ нѣсколько обозначается перво-

* Никогда Китай не возбуждалъ столько вниманія наблюдателя, какъ теперь, когда ея торжественный вѣковой сонъ потревоженъ бурею, внезапно налетѣвшею на нее изъ Европы. Всѣ свѣдѣнія о Китаѣ сдѣлались нынѣ въ высокой степени любопытными. Рѣшась сообщить читателямъ нашимъ важнѣйшія изъ нихъ, мы просили пособія у нашего почтеннаго Синолога, извѣстнаго всей ученой Европѣ, отца Іоакинфа, который въ продолженіе четырнадцати лѣтъ изучалъ Китай въ самомъ средоточіи его жизни — въ Пекинѣ, и наконецъ пролилъ совершенно новый свѣтъ на изученіе этой необъятной имперіи. Онъ сообщилъ намъ предлагаемую нынѣ публикѣ статью и весьма важныя, особенно по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, свѣдѣнія о военныхъ силахъ Китая, которыя мы также передадимъ публикѣ въ слѣдующей книжкѣ С. О.

Прим. Ред.

Digitized by Google

начальное образованіе Китайскаго народа, т. е. переходъ его отъ дикаго состоянія въ пастушеское, а потомъ въ осѣдлое. Но здѣсь кстати показать изслѣдователямъ древностей одно важное обстоятельство, на которое ни одинъ оріенталистъ не обратилъ должнаго вниманія. Самыя древнія Китайскія преданія были изложены учеными четвертаго и третьяго столѣтій предъ Р. Х., съ примѣсью вымысловъ, свойственныхъ тогдашнему ученію послѣдователей мыслителя Лао-дань *, что и слогъ ихъ мистическій доказываетъ. Они представляли первыхъ государей живущими въ норахъ вмѣстѣ съ звѣрями, и въ тоже время приписывали имъ высочайшую мудрость въ управленіи народами. Ученые первыхъ столѣтій по Р. Х. безъ критическаго разбора повторяли чудесныя ихъ преданія. Что касается до ученыхъ новѣйшихъ временъ, то они, допуская древность возможныхъ и достовѣрныхъ событій, рѣшительно отвергаютъ всѣ нелѣпости, приложенныя къ нимъ въ послѣднія времена.

Преданія о первыхъ временахъ Китайскаго народа не открываютъ его происхожденія. Съ вѣроятностію можно предполагать, что предки его съ незапамятныхъ временъ разсѣянно жили по берегамъ рѣкъ, текущихъ по равнинѣ, простирающейся отъ Пе-

* Китайцы имѣютъ еще баснословныя преданія, по которымъ отъ сотворенія міра до того года, въ которомъ Кхунъ-цзы увидѣлъ звѣря Ци-линь, т. е. до 481 года до Р. Х., прошло 3,267,000 лѣтъ. Столь большое пространство времени заключаетъ въ себѣ царствованіе десяти домовъ, изъ коихъ каждому опредѣлено извѣстное число лицъ, колѣнъ и лѣтъ существованія. Но сіи преданія, какъ неимѣющія основанія, историками безусловно отвергнуты. Сверхъ того по названію историческаго звѣря Ци-линь можно заключить, что оныя преданія суть произведенія III или IV столѣтія предъ Р. Х., когда Китай уже имѣлъ непосредственныя связи съ сопредѣльными ему на западѣ странами, и могъ усвоить себѣ баснословія Индіи. *Прим. автора.*

Digitized by Google

кина на югъ до рѣки Янъ-цзы-цзянъ. По нѣкоторымъ преданіямъ праотцы Китайскаго народа обитали въ гористыхъ мѣстахъ губерніи Сычуанъ; но сіи преданія столь темны, столь сбивчивы и столь баснословны, что никакихъ соображеній сдѣлать по нимъ невозможно. И такъ, вмѣсто того, чтобы истощаться въ тщетныхъ догадкахъ по сему предмету, я расположенъ слѣдовать тому, что лучшіе Китайскіе историки принимаютъ за достовѣрное. Но чѣмъ ближе подходимъ къ древнимъ временамъ, тѣмъ скуднѣе становятся историческія свидѣтельства; и посему самому тѣмъ онѣ любопытнѣе. Вотъ, почему я предположилъ событія новѣйшихъ временъ представить въ краткихъ очеркахъ, и постепенно распространяться по мѣрѣ приближенія къ древности.

За двадцать девять вѣковъ до нашей эры появляются на берегахъ Желтой рѣки, отъ послѣдняго ея поворота на востокъ къ морю, семейства, взаимно связанныя узами родства и единствомъ языка. Онѣ составляютъ небольшія общества подъ управленіемъ старшинъ; благоразумнѣйшаго изъ старшинъ избираютъ главою соединенныхъ обществъ, и утверждаютъ патріархальное, т. е. феодальное правленіе, смѣшанное съ удѣльнымъ. Вотъ что по преданіямъ извѣстно о первоначальномъ основаніи Китайскаго государства, а достовѣрность сихъ преданій оправдывается самыми событіями.

Вышеизложенныя событія совершились въ царствованіе Фу-си, Шень-нунъ и Хуанъ-ди, которыхъ Кхунъ-цзы признаетъ первыми государями въ Китаѣ. Фу-си научилъ народъ ловить звѣрей и рыбу, и вскармливать домашнихъ животныхъ для употребленія въ пищу; установилъ браки, изобрѣлъ письмо, учредилъ чиновниковъ. Шень-нунъ научилъ народъ зем-

Digitized by Google

ледѣлію, установилъ мѣновой торгъ, открылъ врачеваніе болѣзней. Оба сіи государя имѣли столицу въ Чень-чжеу-фу. Хуанъ-ди сдѣлалъ важныя изобрѣтенія и произвелъ большое преобразованіе въ государствѣ. Онъ первый размежевалъ земли и раздѣлилъ ихъ на участки, названные колодцами. Колодезь содержалъ въ себѣ 900 му * пахатной земли и дѣлился на девять частей. Восемь изъ нихъ предоставлены были осьми семействамъ, которыя девятую часть обязаны были общими силами обработывать для правительства. Колодезь считался околодкомъ — *линь;* три околодка составляли общину — *пхынь;* три общины селеніе; пять селеній составляли волость — *ли*, три волости — уѣздъ *сянь;* десять уѣздовъ составляли резиденцію *ду* (княжество), десять резиденцій — корпусъ—*шы*, десять корпусовъ — округъ *чжеу*. Такимъ образомъ приведено было въ ясность исчисленіе народа по семействамъ; а по исчисленію открылось, что Китай содержалъ въ себѣ до 10,000 мелкихъ удѣльныхъ владѣній. Предѣлы имперіи на востокъ простирались до моря, на западъ до Хухэнора, на югъ до рѣки Янъ-цзы-цзянъ, на сѣверъ до горъ, по которымъ нынѣ лежитъ Великая Стѣна. Послѣ Хуанъ-ди слѣдовали на престолъ Китайской имперіи Шао-хао, Чжуань-юй и Ди-гу; но царствованіе сихъ государей, хотя и долговременно было, ничѣмъ достопамятнымъ не ознаменовано.

Яо, по вступленіи на Китайскій престолъ въ 2357 году, нашелъ имперію уже въ полномъ гражданскомъ развитіи; но въ началѣ XXIII вѣка сія имперія, начинавшая разцвѣтать, претерпѣла большое потрясеніе, и только дѣятельностью государя Яо спасена

* 900 му содержатъ въ себѣ около 49-ти нашихъ казенныхъ десятинъ.

Digitized by Google

отъ разрушенія. Желтая рѣка, сряду нѣсколько лѣтъ усиливаемая необыкновенно продолжительными дождями, вышла изъ своего русла, разорвала теченіе смежныхъ съ нею рѣкъ, и такимъ образомъ населяемую Китайцами равнину превратила въ необозримое болото, въ которомъ и сама потерялась. Жители, лишенные полей, уклонились на высоты, поросшія дремучими лѣсами, наполненныя хищными звѣрями. Князь Гунь, избранный въ 2297 году къ обсушенію земель, девять лѣтъ потерялъ въ неудачныхъ опытахъ ввести озера и рѣки въ берега. Въ 2286 году сынъ его Юй избранъ къ продолженію водяныхъ работъ, которыя онъ чрезъ девять лѣтъ счастливо привелъ къ концу.

Юй, собирая воды въ назначенные имъ предѣлы, въ тоже самое время выравнивалъ земли для посѣва хлѣба и облагалъ сіи земли налогами сообразно качествамъ почвы и мѣстнымъ произведеніямъ *. Послѣ сего онъ сдѣлалъ новое раздѣленіе имперіи на девять округовъ, а округи размежевалъ на удѣлы. Въ самой срединѣ государства отмежевалъ четвероугольный участокъ земли, имѣвшій 1,000 ли въ поперечникѣ. Это былъ удѣлъ, назначенный для главы имперіи. Въ центрѣ сего удѣла находилось его мѣстопребываніе. Касательно налоговъ постановилъ, чтобы на первой сотнѣ ли отъ центральной точки во всѣ стороны представляли подать цѣликомъ, т. е. снопами съ соломою и колосьями; на второй сотнѣ представляли срѣзки, т. е. колосья безъ соломы; на третьей взносили солому и исправляли повинность въ доставкѣ хлѣба; на четвертой взносили просо, на пятой пшено, т. е. ободранное про-

* По сей причинѣ и донесеніе о гидравлическихъ его трудахъ названо въ исторіи *Юй-гунъ*, это значитъ дани или подати (князя) Юй.

Digitized by Google

со. Земли, лежавшія на 500 ли далѣе во всѣ стороны отъ центральнаго удѣла, назначилъ въ удѣлы князьямъ, служившимъ при дворѣ главы имперіи. Изъ земель на 500 ли далѣе отъ княжескихъ удѣловъ, назначилъ 300 ли для содержанія чиновниковъ и 200 ли на содержаніе пограничныхъ гарнизоновъ. Изъ 500 ли земель въ четвертой линіи предоставилъ 300 ли инородческимъ племенамъ и 200 для преступниковъ, ссылаемыхъ на поселеніе. Изъ 500 ли земель въ пятой линіи предоставилъ 300 кочевымъ народамъ и 200 для ссылки важныхъ преступниковъ. Землямъ первыхъ трехъ линій, т. е. удобнымъ для осѣдлости и хлѣбопашества въ совокупности, далъ названіе *Чжунъ-го*, что значитъ *срединное царство*, т. е. центральное; и сіе названіе до нынѣ служитъ Китаю вмѣсто собственнаго имени.

Между тѣмъ Яо, видя необходимость законами утвердить нравственныя и гражданскія каждаго обязанности въ общежитіи, въ 2288 году приступилъ къ сочиненію уголовнаго уложенія; но, годъ отъ году ослабѣвал въ силахъ, сдалъ престолъ министру и зятю своему князю Шунь въ 2285 году. Шунь раздѣлилъ имперію на 12 округовъ, а въ слѣдующемъ году при обозрѣніи удѣловъ установилъ придворные церемоніялы и утвердилъ обрядовую форму той религіи, которая нынѣ господствуетъ въ Китаѣ, подъ названіемъ *религіи ученыхъ Жу-цзяо*. Въ 2282 году онъ издалъ уголовные законы, коихъ основанія и до сего времени мало измѣнены. Въ 2258 году скончался государь Яо; а въ 2208 и Шунь послѣдовалъ за нимъ.

По прошествіи трехъ лѣтъ, т. е. въ 2205 году удѣльные князья единодушно избрали князя Юй главою имперіи. Государь опять раздѣлилъ имперію

Digitized by Google

на девять округовъ. Онъ предпринялъ путешествіе для обозрѣнія имперіи и въ нынѣшней области Шао-синъ-фу, гдѣ собралось до 10,000 удѣльныхъ князей, старость и болѣзнь свели его во гробъ въ 2198 году. Въ слѣдующемъ году удѣльные князья постановили, чтобъ престолъ имперіи былъ наслѣдственный въ его родѣ въ мужеской линіи, и сына его Ци объявили главою имперіи. Такимъ образомъ государь Юй сдѣлался основателемъ первой въ Китаѣ династіи Ся. *

Яо имѣлъ столицу въ Пьхинъ-янъ-фу, ** Шунь въ Пху-чжеу-фу, Юй въ Аньи. Разстояніе между сими городами простиралось не свыше 200 ли. Яо и Шунь почитаются основателями Китайскаго законодательства, потому что они первые опредѣлили, въ чемъ состоятъ естественный законъ и обязанности каждаго человѣка въ отношеніи къ подобнымъ себѣ, но въ разныхъ состояніяхъ. Юй и Ци оказали себя достойными ихъ преемниками. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ государи становились слабѣе. Прежде достоинство главы имперіи было избирательное *Гуань-тхянь-ся*; съ династіи Ся сдѣлано наслѣдственнымъ *Цзя-тьхянь-ся*. При избирательномъ правленіи на престолъ имперіи возводили людей по способностямъ и добродѣтелямъ; при наслѣдственномъ правленіи напротивъ къ царствованію назначались старшіе по рожденію. Государи династіи Ся нечувствительно предались безпечности въ правленіи, отъ чего воз-

* Государи изъ дома Ся, имѣли титулъ *Хэу* царь, исключая государя Юй. Полный историческій титулъ *Ся-хэу*, что значитъ царь изъ дома Ся. Послѣ титула ставилось имя государя. Впослѣдствіи сей титулъ обращенъ въ *Ся-хэу-чшы*, прозвище сему дому. *Прим. автора.*

** Въ 20 ли отъ нынѣшняго Пьхинъ-янъ-фу на сѣверъ. Нынѣ городище Аньи лежитъ въ Сянь-си въ 90 ли отъ города Цзѣ-чжеу на сѣверовостокъ.

Digitized by Google

никли безпорядки въ государствѣ, а потомъ безначаліе. Сильные начали утѣснять слабыхъ, и наконецъ изъ 10,000 осталось не болѣе 3000 удѣльныхъ владѣній. Цзѣ-кхой, послѣдній изъ сей династіи государь, совершенно уклонился отъ порядка и неимовѣрною расточительностію истощилъ силы народа. Благомыслящіе князья вынуждены были приступить къ прекращенію безпорядковъ, и въ 1783 году Ченъ-тханъ, владѣтель удѣла Шанъ, объявленъ былъ главою имперіи и предводителемъ союзныхъ войскъ. Въ 1766 году побѣжденный Цзѣ-кхой бѣжалъ на сѣверозападъ, и Ченъ-тханъ началъ повую династію подъ названіемъ *Шанъ*.

Сей государь по вступленіи на престолъ немедленно приступилъ къ преобразованіямъ. * Онъ опредѣлилъ начинать новый годъ съ нарожденія Генварьской луны, начало мѣсяца съ полудня; употреблять знамена и колесницы бѣлаго цвѣта, коней бѣлыхъ черноголовыхъ; въ походахъ сидѣть на бѣлой лошади; важныя дѣла исправлять въ полдень; въ жертву употреблять бѣлыхъ тѣльцовъ. Всѣ эти постановленія относились только до главы имперіи. Что касается до перемѣнъ въ государственномъ управленіи, то сдѣланы были новыя постановленія:

1. *Касательно удѣльныхъ князей и чиновниковъ.*

Княжеское достоинство раздѣлено на пять степеней: *гунъ, хэу, бо, цзы, нань*. Чиновники раздѣлены на пять разрядовъ: *воевода, грандъ, высшіе, средніе* и *низшіе чиновники*.

* Государи сей династіи имѣли титулъ *Ванъ*, что значитъ: Великій Князь. Послѣ титула ставилось имя.

Digitized by Google

2. Касательно раздѣла земель.

Владѣніе главы Имперіи содержало 1000 ли въ поперечникѣ; владѣнія князей гунъ и хэу по 100 ли, владѣнія князей бо, цзы и нань по 50 ли. Неимѣвшіе удѣловъ въ 50 ли не имѣли права являться къ главѣ Имперіи, а подчинены были удѣльнымъ князьямъ подъ названіемъ *Фу-гонъ*, что значитъ: ленный владѣтель.

3. Касательно штата и содержанія двора.

Изъ трехъ министровъ, служащихъ при главѣ имперіи, каждый имѣлъ количество земель противъ князей гунъ и хэу, воевода противъ бо, грандъ противъ цзы и нань. Высшіе чиновники противъ ленныхъ владѣтелей. Въ первостепенномъ удѣлѣ низшіе чиновники получали содержаніе противъ землепашца перваго разряда (сто му земли), среднему чиновнику вдвое противъ низшаго, высшему вдвое противъ средняго; низшему гранду вдвое противъ высшаго чиновника, воеводѣ противъ четырехъ грандовъ; владѣтелю въ десять кратъ противъ воеводы. Во второстепенныхъ удѣлахъ содержаніе воеводѣ положено противъ трехъ грандовъ; владѣтелю въ десять кратъ противъ воеводы. Въ низшихъ удѣлахъ содержаніе воеводѣ вдвое противъ гранда; владѣтелю въ десять кратъ противъ гранда.

4. Касательно раздѣла чиновниковъ по удѣламъ.

Во второстепенномъ удѣлѣ высшій воевода имѣлъ степень противъ средняго воеводы въ первостепен-

Digitized by Google

номъ удѣлѣ, средній противъ низшаго воеводы, низшій противъ высшаго гранда. Въ низшемъ удѣлѣ старшій воевода равнялся чиномъ съ низшимъ воеводою первостепеннаго удѣла; средній противъ высшаго, низшій противъ низшаго гранда. Средніе и низшіе чиновники всѣ были одною степенью ниже.

5. *Касательно гражданскаго раздѣленія имперіи.*

Имперія раздѣлена была на девять округовъ *гжéу*. Каждый округъ имѣлъ 1000 ли въ поперечникѣ. Въ округѣ положено 30 удѣловъ во сто ли, 60 въ 70, 120 въ 50, всего 210 удѣловъ. Славныя горы и большія озера исключены изъ жалованныхъ земель; а остальныя земли давались леннымъ владѣльцамъ, или оставались порожними. Всего было восемь округовъ, принадлежавшихъ удѣльнымъ князьямъ, и въ каждомъ округѣ по 210 удѣловъ. Въ центральномъ округѣ, принадлежавшемъ главѣ имперіи, считалось девять удѣловъ во 100 ли, 21 въ 70, 63 въ 50 ли, всего 93 удѣла. Славныя горы и большія озера исключены изъ раздѣла; а остальныя земли раздавались низшимъ чиновникамъ на содержаніе, или оставались порожними. Всего же въ девяти округахъ считалось 1773 удѣла, за исключеніемъ ленныхъ владѣній.

6. *Касательно гражданскаго управленія.*

Исключая центральнаго округа, въ прочихъ восьми округахъ поставлены были страноправители *Фанъ-бо*. Пять удѣловъ составляли вѣдомство-*шу*; въ вѣдомствѣ былъ одинъ старшина-*чжанъ*. Десять удѣловъ составляли общину-*лянь*; въ общинѣ былъ предво-

Digitized by Google

дитель-*шуай*. Тридцать удѣловъ составляли корпусъ *цзу*; въ корпусѣ былъ главнокомандующій *чжень*. Двѣсти десять удѣловъ составляли округъ *чжеу*; въ округѣ былъ правитель *бо* (губернаторъ). Въ осьми округахъ считалось 8 правителей; 56 командующихъ, 168 предводителей, 336 старшинъ. * Восемь страноправителей подчинены были двумъ министрамъ, находившимся при главѣ имперіи, а имперія раздѣлена была на двѣ части: восточную и западную.

7. Касательно штата при дворахъ владѣтелей.

При главѣ имперіи положены три министра, 9 воеводъ, 27 грандовъ, 81 высшихъ чиновниковъ. Въ первостепенномъ удѣлѣ положены три воеводы, опредѣляемые главою имперіи, 5 низшихъ грандовъ, 27 высшихъ чиновниковъ. Во второстепенномъ удѣлѣ три воеводы, изъ коихъ два опредѣляемы были главою имперіи, одинъ отъ своего владѣтеля, 5 низшихъ грандовъ, 27 высшихъ чиновниковъ. Въ низшемъ удѣлѣ два воеводы, опредѣляемые отъ своего владѣтеля, 5 низшихъ грандовъ, 27 высшихъ чиновниковъ. Глава Имперіи посылалъ по три страноправителя изъ своихъ грандовъ въ каждый удѣлъ для надзора за его управленіемъ **.

8. Касательно инвеституры.

Князья въ округѣ главы Имперіи получали удѣлы въ пожизненное владѣніе; внѣшніе удѣльные князья были наслѣдственны. Постановлено было

* Всѣ помянутые начальники избираемы были изъ среды удѣльныхъ Князей.

** На сей статьѣ основано нынѣшнее управленіе Монголіи.

Digitized by Google

тремъ министрамъ имѣть по одной грамотѣ, а грамотъ жалованныхъ по особенному благоволенію не болѣе девяти, владѣтелямъ второстепенныхъ удѣловъ по семи, владѣтелямъ низшихъ удѣловъ не болѣе пяти; воеводамъ первостепенныхъ удѣловъ не болѣе трехъ, низшимъ воеводамъ не болѣе двухъ; низшихъ удѣловъ воеводамъ и грандамъ, по одной грамотѣ. *

9. Касательно правъ владѣтелей.

Удѣльные князья обязаны были отправлять къ главѣ имперіи ежегодно одно малое, въ третій годъ большое посольство, а въ пятый годъ лично являться къ его двору. Глава имперіи чрезъ каждыя пять лѣтъ обозрѣвалъ имперію. Онъ имѣлъ власть повѣрять въ удѣлахъ обряды, исправлять законы, жаловать удѣльныхъ князей музыкальными гимнами, имѣвшими различіе по отношенію къ степенямъ удѣловъ. Князья съ полученіемъ отъ главы имперіи лука со стрѣлами получали право ходить войною, съ полученіемъ чекана и бердыша получали власть казнить смертію.

10. Касательно училищъ.

Князья могли открывать училища съ дозволенія главы имперіи. Низшее училище *Сяо-се* строилось на восточной сторонѣ по южную сторону дворца; высшее училище *Да-се* въ южномъ предмѣстіи. Послѣднее въ столицѣ имперіи называлось *Би-юнъ*, въ столицахъ удѣльныхъ князей *Пханъ-гунъ*. Это есть одна изъ древнѣйшихъ феодальныхъ хартій, дошедшихъ до нашего времени.

* По симъ грамотамъ Князья получали нѣкоторыя наружныя преимущества предъ равными имъ въ достоинствѣ.

Digitized by Google

Домъ Шанъ имѣлъ столицу въ Бо: * но въ 1400 году Желтая рѣка разорила столицу имперіи; почему государь Пхань-гынъ перенесъ свое мѣстопребываніе на другое мѣсто и прежнее наименованіе *Шанъ* перемѣнилъ на *Инъ*.

Домъ Шанъ пять разъ упадалъ отъ безпечности своихъ государей, и пять разъ возставалъ твердостію воли ихъ. Наконецъ сладострастіе и расточительность послѣдняго государя Чжеу-синь, его недовѣрчивость и жестокость къ мудрымъ изъ приближенныхъ, усилившіеся безпорядки въ правленіи и неудовольствія въ имперіи ускорили совершенное паденіе сего дома. Западные удѣлы избрали главою имперіи владѣтеля удѣла Чжеу, князя Вынь-ванъ, бывшаго намѣстникомъ западной половины имперіи. По немъ слѣдовалъ сынъ его Ву-ванъ, которому предоставлено было ниспровергнуть династію Шанъ. Въ началѣ 1122 года князья 800 удѣловъ, подъ предводительствомъ государя Ву-ванъ, пошли къ столицѣ дома Шанъ. Побѣжденный Джеу-синь предалъ себя пламени въ собственномъ дворцѣ, и династія Чжеу ** заступила мѣсто погибшей династіи Шанъ.

Ву-ванъ по вступленіи на престолъ имперіи удержалъ прежнее раздѣленіе земель на 9 округовъ; но основалъ въ нихъ только 1800 удѣловъ во 100, 75 и 50 ли. Пятнадцать удѣловъ далъ своимъ братьямъ и родственникамъ; сорокъ удѣловъ далъ потомкамъ древнихъ государей: Шень-нунъ, Хуанъ-ди, Яо и Шунь,

* Развалины сей столицы лежатъ въ Хэ-нань въ 55 ли отъ Гуй-дэ-фу на югозападъ.

** Государи сей династіи имѣли тотъ же титулъ *Ванъ*; но какъ при самомъ вступленіи ея на престолъ опредѣлено давать качественныя наименованія государямъ по смерти ихъ, то слово *Ванъ* поставлялось послѣ наименованія, на пр. *Ву-ванъ*, значитъ воинственный Государь.

Digitized by Google

потомку династіи Ся и сыну погибшаго государя Чжеу-синь, а родственнику его же Цзи-цзы отдалъ земли низвѣшняго Корейскаго королевства. Всѣ прочіе удѣлы предоставилъ своимъ сподвижникамъ *. Столицу утвердилъ въ Фынъ-хао **. Такимъ образомъ и сія династія приняла систему феодальнаго правленія, смѣшаннаго съ удѣльнымъ; но касательно гражданскаго управленія сдѣлано было большое преобразованіе. Съ отмѣною прежнихъ чиновъ введены новые. При дворѣ главы имперіи сдѣланы шесть министровъ, какъ было при государѣ Хуанъ-ди; сверхъ сего вновь учреждено шесть министерствъ, которыя нынѣ называются палатами, и прокурорскій судъ. Прочее частію оставлено по прежнему. Религія въ существѣ своемъ мало измѣнена, но религіозные обряды и придворные церемоніалы приняли совершенно новый видъ.

Домъ Чжеу блистательно началъ свое царствованіе; но сей блескъ не былъ продолжителенъ. При второмъ государѣ родные его дядья подняли оружіе противъ него. Впослѣдствіи спокойствіе имперіи нерѣдко было нарушаемо набѣгами кочевыхъ народовъ: Тангутовъ съ запада и Монголовъ съ сѣвера. Наконецъ въ 1770 году Хухэнорскіе Тангуты, призванные однимъ изъ недовольныхъ князей, разорили столицу Фынъ-хао и убили государя. Сынъ его Пьхинъ-ванъ принужденъ былъ перенести свой дворъ

* Удѣльнымъ князьямъ, неимѣвшимъ родственной связи съ нимъ, но помогавшимъ ему въ полученіи императорскаго достоинства.

** *Фынъ-хао* есть названіе двухъ городовъ. *Хао* былъ столицею, лежалъ въ 18 ли отъ города Си-ань-оу на сѣверозападъ. *Фынъ* лежалъ въ 25 ли далѣе отъ Хао на западъ. Въ послѣднемъ находились кладбища династіи Чжеу, почему Государи часто ходили сюда по религіозной обязанности, а историки отъ сего случая сдѣлали два названія въ одно. Надлежитъ писать въ переводѣ: *Фынъ* и *Хао*.

Digitized by Google

на востокъ въ городъ Ло-янъ *. Съ удаленіемъ его на востокъ Тангуты исподоволь овладѣли землями отъ Си-нинъ-фу на востокъ до поворота Желтой рѣки на востокъ къ восточному морю. Съ сего времени глава имперіи потерялъ перевѣсъ въ силѣ надъ удѣльными князьями; они перестали повиноваться имперскимъ постановленіямъ и возникло безначаліе. Такъ начинается періодъ разноцарствія *Ли-го*, въ концѣ котораго считалось 120 удѣловъ; прочіе всѣ поглощены были сильными князьями.

Въ это время происходила безпрерывная брань между удѣльными князьями, родственниками царствовавшаго дома и феодальными вассалами. Удѣльные князья видя, что глава имперіи безсиленъ прекратить внутреннія безпорядки, основали новую систему правленія, по которой сильнѣйшій изъ удѣльныхъ князей, первенствуя на сеймахъ, управлялъ имперіею въ качествѣ намѣстника, и только въ важныхъ дѣлахъ, изъ учтивости, относился къ главѣ имперіи **. Но сія система, сопряженная съ насиліемъ, вмѣсто прекращенія безпорядковъ только что умножила ихъ и кончилось тѣмъ, что всѣ удѣлы имперіи слились въ семь сильныхъ царствъ независимыхъ другъ отъ друга. Глава имперіи при своемъ клочкѣ земли оставался неприкосновеннымъ потому только, что тотъ, кто покусился бы уничтожить его, самъ сдѣлался главою имперіи, а это произвело бы всеобщую войну. Впрочемъ владѣтели семи царствъ всѣ приняли титулъ великихъ князей, который со

* Сей городъ лежалъ въ 30 ли отъ нынѣшняго города Ха-нань-фу на северовостокъ.

** Сей образъ правленія нынѣ существуетъ въ Японіи. Европейцы несправедливо назвали главу имперіи духовнымъ, а намѣстника свѣтскимъ императоромъ.

Digitized by Google

временъ династіи Шанъ-данъ былъ присвоенъ главѣ имперіи, и въ продолженіе двухъ вѣковъ вели почти безпрерывную между собою войну для поддержанія равновѣсія; по сему обстоятельству и самый періодъ названъ Бранію царствъ *Чжанъ-го*. Домъ Цинь открылъ начало сего періода совершеннымъ изгнаніемъ Тангутовъ изъ предѣловъ Китая въ 444, а кончилъ покореніемъ шести царствъ и уничтоженіемъ династіи Чжеу въ 221 году.

Шы-хуанъ, глава имперіи, прежде бывшій владѣтель удѣла Цинь **, по уничтоженіи феодальнаго правленія, ввелъ единодержавное, и раздѣлилъ Китайское государство на 36 округовъ, а столицу основалъ въ городѣ Слнъ-янъ **. Сей государь завоевалъ на югѣ земли, лежащія отъ рѣки Да-цзянъ на югъ т. е. губерніи Фу-цзянь, Гуанъ-дунъ и Гуанъ-си, и переселилъ туда 500,000 Китайскихъ семействъ; на сѣверѣ завоевалъ Ордосъ и укрѣпилъ сѣверную границу земляянымъ валомъ, названнымъ Чанъ-ченъ, что значитъ: Долгая Стѣна. Сія стѣна шла отъ Корейскаго залива по нынѣшней ея чертѣ до Ордоса, а отъ Ордоса прямо на югозападъ на городъ Минь-чжеу; земли отъ сей стѣны на западъ составляющія нынѣ губернію Гань-су, находились тогда подъ владѣніемъ кочевыхъ народовъ Монгольскаго, Турецкаго и Тангутскаго племени. За утвержденіемъ монархическаго правленія слѣдовало новое гражданское уложеніе, по которому учреждены нѣкоторыя новыя судебныя мѣста, а прежнія при новомъ образованіи получили новыя названія. Сей государь отмѣнилъ качественныя наименованія по смерти, а вмѣсто сего установилъ давать наименованія по колѣнамъ. Та-

* Сей удѣлъ заключалъ въ себѣ нынѣшнюю губернію Шань-си.

** Лежалъ въ 45 отъ Си-ань-оу на западъ.

Digitized by Google

кимъ образомъ ему дано наименованіе *Шы-хуань*, что знач. первый императоръ; преемнику его *Эр-шы*, что знач. второе колѣно и т. д. Онъ первый ввелъ титулъ Хуанъ-ди, что знач. августѣйшій повелитель т. е. императоръ. Потомки ниспровергенныхъ царскихъ домовъ не переставали внушать народу, что уничтоженіе прежней системы противно кореннымъ государственнымъ постановленіямъ, изложеннымъ въ древней исторіи и стихотвореніяхъ, почитаемыхъ священными. Шы-хуанъ рѣшился отнять у недовольныхъ мнимыя права ихъ и предписалъ въ 213-мъ году сожечь исторію и стихотворенія во всей имперіи, что выполнено было съ большою точностію, потому что ни одного экземпляра исторіи не осталось.

Шы-хуанъ спокойно умеръ въ путешествіи по восточной сторонѣ имперіи; но преемникъ его Фу-су измѣнническы убитъ главнымъ евнухомъ Чжао-гао. На престолъ возведенъ братъ его Ху-хай, извѣстный подъ названіемъ *Эр-шы*. Сей юный государь предался утѣхамъ и для утвержденія себя на престолѣ убилъ всѣхъ ближайшихъ своихъ родственниковъ, завелъ обширныя строенія и наложилъ большія подати. Евнухъ Чжао-гао убилъ и сего государя, а на его мѣсто возвелъ малолѣтнаго извѣстнаго подъ названіемъ *Сань-шы*, что знач. третье колѣно. Между тѣмъ утѣсненный народъ взволновался и недовольные не упустили воспользоваться симъ обстоятельствомъ. Императорскія войска были разбиты и Сань-шы, въ 205 году, принужденъ былъ выѣхать изъ столицы въ унизительномъ видѣ и покориться шайкѣ мятежниковъ, предводительствуемой деревенскимъ старостою, который послѣ пятилѣтняго междуцарствія овладѣлъ престоломъ имперіи и въ 202 году сдѣлался осно-

Digitized by Google

тателемъ новой династіи, называемой: *Хань*. Онъ утвердилъ столицу въ Си-ань-фу *, и раздѣлилъ государство Китайское на 13 округовъ и зависимыхъ княжествъ, но впослѣдствіи еще учреждены 71 округовъ и удѣловъ. Къ прежнимъ судебнымъ мѣстамъ прибавлены княжеское правленіе и Приказъ ученыхъ, только не подъ нынѣшними названіями.

Но только что возстановлено было спокойствіе въ имперіи, какъ съ сѣвера неожиданно пришелъ изъ Халхи Модо-ханъ (въ 202 году предъ Р. Х.), одинъ изъ древнихъ завоевателей Азіи. Онъ спокойно перешелъ чрезъ Великую Стѣну спустя 10 лѣтъ отъ ея построенія, и наложилъ дань на Китай. Съ сего времени началась столѣтняя борьба между Китаемъ и Монголами, извѣстными подъ тогдашнимъ названіемъ Хунну, которая совершенно истощила обѣ стороны; но вмѣстѣ съ тѣмъ прославила Китай въ отдаленнѣйшихъ краяхъ стараго свѣта. Домъ Хунновъ палъ, а Китай пріобрѣлъ Корею, Восточный Туркистанъ, западную половину губерніи Гань-су, вліяніе на Монголію и Хухэноръ, торговыя сообщенія почти со всею Азіею, — сношенія съ древнимъ Римомъ въ Италіи.

Но домъ Хань при полномъ блескѣ своего могущества и славы неожиданно пресѣкается. Хитрый Ванъ-манъ, одинъ изъ царскихъ родственниковъ, съ женской стороны, воспользовался малолѣтствомъ царствующаго своего внука и похитилъ престолъ въ 9 году по Р. Х. Онъ сдѣлалъ многія распоряженія полезныя для государства, и начало его царствованія сопровождалось счастливыми во всемъ успѣхами; но въ 22 году по Р. Х. открылась внутренняя война, произшедшая отъ недоумѣнія между правительствомъ и фанатиками секты Даосовъ. Мятежники, подъ названіемъ Краснобро-

* Нынѣ главный огродъ въ губерніи Шань-си.

Digitized by Google

ныхъ *Чи-мэй*, прошли почти весь Китай и до основанія разорили столицу. Въ это смутное время одинъ изъ дальнихъ родственниковъ павшаго дома Хань успѣлъ возстановить спокойствіе. Онъ истребилъ престолохищника, разсѣялъ мятежниковъ и въ 23 году вступилъ на престолъ подъ названіемъ прежней династіи Хань; и какъ онъ перенесъ столицу въ Лоянъ, на востокъ отъ прежней столицы, то и назвали династію Восточнымъ домомъ Хань, *Дунь-хань*, а прежнюю Западнымъ домомъ *Си-хань*. Историки называютъ первую старшимъ домомъ *Цянь-хань*, а послѣднюю младшимъ *Хэу-хань*.

Ванъ-манъ, обольстивъ Тангутовъ коварными предложеніями, занялъ Хухэноръ и превратилъ его въ Китайскую область. По прошествіи нѣсколькихъ годовъ, Тангуты увидѣли обманъ и объявили Китаю войну, которая съ небольшими промежутками при разныхъ обстоятельствахъ продолжалась около 200 лѣтъ. Въ 107—116 годахъ Тангуты вторглись въ предѣлы Китая, опустошили окрестности столицы и разграбили царскія кладбища. Война съ Монголами въ Халхѣ и Чжуньгаріи хотя кончилась разрушеніемъ дома Хунновъ, но Китаю кромѣ славы мало принесла существенныхъ выгодъ.

Имперія истощилась, и домъ Хань примѣтно приходилъ въ безсиліе. Впрочемъ не столько внѣшнія войны, сколько внутреннія неустройства въ правленіи уронили вторую династію Хань. Она вообще имѣла государей слабыхъ, которые всегда были подъ вліяніемъ вельможъ-родственниковъ съ женской стороны, а въ послѣдствіи въ плѣну у полководцевъ-защитниковъ ихъ. При такомъ безначаліи благонамѣренные склонили послѣдняго государя изъ сего дома передать престолъ полководцу Цао-пэхи, осно-

Digitized by Google

вателю династіи Вэй (въ 221 году). Но сіе обстоятельство вмѣсто спокойствія произвело новое безначаліе и междоусобную войну, которая кончилась раздѣленіемъ Китая на три царства: *Хань*, *Вэй*, *Ву*. Сей самый періодъ историками названъ троецарствіемъ *Сань-го*.

Домъ Хань имѣлъ столицу въ Чэнъ-ду и владѣлъ 23 округами. Домъ Вэй имѣлъ столицу въ Ло-янъ и владѣлъ 68 округами. Третій домъ утвердился въ Цзянъ-нинъ-фу и занялъ 43 округа. Сіе троецарствіе кончилось тѣмъ, что преемники основателей, предавшись безпечности, въ непродолжительномъ времени лишились престоловъ. Домъ Вэй въ 265 году первый передалъ престолъ министру и полководцу Сы-маянь, который принялъ своему дому наименованіе *Цзинь* и покорилъ прочія два царства. Онъ утвердилъ столицу въ Ло-янъ и раздѣлилъ Китай на 19 округовъ.

Но соединеніе Китая подъ единодержавіемъ было кратковременно. При второмъ государѣ изъ сего дома родные братья начали кровопролитную войну за престолъ. Монголы, кочевавшіе по восточную сторону Ордоса, подъ названіемъ южныхъ Хунновъ, воспользовались ихъ междоусобіемъ. Князь Лю-юань, воспитанный при Китайскомъ дворѣ, въ 308 году объявилъ себя императоромъ и утвердилъ столицу въ Пьхинъ-янъ-фу. Сынъ его Лю-цунъ въ 311 году взялъ въ плѣнъ двухъ послѣднихъ государей изъ дома Цзинь, и обоихъ предалъ смерти. Хунны овладѣли сѣвернымъ Китаемъ.

Въ продолженіе кровавыхъ этихъ сценъ, одинъ изъ побочныхъ родственниковъ дома Цзинь, воспитанный въ южномъ Китаѣ, утвердился въ 317 году въ Цзянъ-нинъ-фу и сдѣлался основателемъ восточной

Digitized by Google

династіи Цзинь, которая царствовала 102 года. Послѣдній изъ сего дома государь въ 402 году передалъ престолъ своему полководцу Лю-юй, основателю династіи *Сунъ*.

Двѣ династіи Цзинь-западная и восточная владѣли Китайскимъ престоломъ 154 года. Въ продолженіе сего времени въ сѣверномъ Китаѣ царствовали 18 разныхъ домовъ, по большой части изъ Монголовъ и между ними два изъ Тангутовъ. Они въ одно и тоже время, но въ разныхъ мѣстахъ вели безпрерывную и звѣрскую войну, оспаривая другъ у друга престолы. Наконецъ Монгольскій домъ Тоба одержалъ верхъ надъ всѣми.

Между тѣмъ въ южномъ Китаѣ за домомъ Сунъ слѣдовали домы Ци въ 479 и Лянъ въ 502 году. Оба сіи домы спокойно передали престолъ усилившимся своимъ полководцамъ. Только домъ *Чень*, получившій престолъ отъ дома Лянъ въ 557 году, былъ покоренъ оружіемъ. Сіи четыре дома: Сунъ, Ци, Лянъ и Чень названы южными домами *Нань-чао*, потому что царствовали въ южномъ Китаѣ, и столицу имѣли въ нынѣшнемъ городѣ Цзянь-нинъ-фу. Основатели помянутыхъ домовъ были наслѣдственные полководцы, которые во всю жизнь занимаясь военными дѣлами, не могли дать своимъ сыновьямъ воспитанія нужнаго тому, кто назначенъ царствовать. Вотъ почему царствованіе ихъ преемниковъ было кратковременно.

Домъ Тоба первоначально кочевалъ въ степяхъ нынѣшняго Нерчинскаго округа; потомъ перешелъ на югъ къ большому озеру (по видимому къ Хулунь-нору или Далъ-нору), гдѣ онъ размножился и занялъ нынѣшній Чахаръ; въ половинѣ III вѣка утвердился въ нынѣшнемъ Хухэ-хота (Гуй-хуа-чень). Хинъ

Digitized by Google

Тоба-илу * въ 312 году оказалъ Китаю услугу пораженіемъ Хуннскаго государя Лю-юй, за что въ 315 году Китайскій дворъ призналъ его въ королевскомъ достоинствѣ. Въ 386 году вступилъ на престолъ Тоба-гуй, основатель династіи Вэй. Сей государь покорилъ весь сѣверный Китай — на югъ до рѣки Хуай; на сѣверъ владѣлъ южною Монголіею, отъ Карцинскаго-аймака на западъ до Хухэнора. Полководцы южнаго Китая долго оспаривали у него владычество надъ сѣверомъ; но мужество образованной кочевой конницы вездѣ торжествовало надъ ними. Въ 433 году Сло-вынь-ди, шестый государь изъ сего дома, перенесъ столицу на югъ въ Хэ-нань-фу, и ввелъ между Монголами Китайское образованіе. Съ сего времени государи дома Тоба ознакомились съ тонкимъ вкусомъ въ утѣхахъ южнаго Китая и начали ослабѣвать. Въ 515 году вельможи взяли силу въ правленіи; открылись неустройства при дворѣ, а съ ними въ одно время вспыхнули возмущенія въ государствѣ и нѣсколько государей сдѣлались жертвою оныхъ. Сло-ву-ди, двѣнадцатый государь изъ сего дома, утѣсняемый своимъ министромъ и полководцемъ Гао-хуань, бѣжалъ на западъ къ полководцу Юй-вынь-тхай и утвердился въ городѣ Си-ань-фу; а Гао-хуань возвелъ другаго государя на престолъ и утвердилъ столицу въ Чжанъ-дэфу. Такимъ образомъ домъ Вэй раздѣлился на два царства: восточное и западное. Въ первомъ Гао-хуань, во второмъ Юй-вынь-тхай, два великіе и равные въ военномъ искуствѣ полководца, упорно спорили о соединеніи дома Вэй. Наконецъ Гунь-ди, четвертый государь изъ западнаго дома Вэй, спокойно передалъ сыну бывшаго полководца Юй-вынь-тхай, основа-

* Въ Китайской исторіи слово *Хань* въ первый разъ встрѣчается въ біографіи дома Тоба. Ханы изъ дома Хуннов назывались Шанъюней.

Digitized by Google

телю сѣверной династіи *Чжеу*, а на востокѣ въ тоже почти время Цзинъ-ди передалъ престолъ сыну бывшаго полководца Гао-хуань, основателю сѣверной династіи Ци.

Вай, Чжеу и Ци, въ противоположность южнымъ четыремъ домамъ, считаются *тремя сѣверными дворами*. Домъ Чжеу покорилъ восточное царство Ци; но Цзинъ-ди, послѣдній государь изъ дома Чжеу, принужденъ былъ въ 581 году передать престолъ полководцу своему Янъ-цзянь, основателю дома *Суй*. Сей Государь, по принятіи престола, покорилъ южный Китай и соединилъ Китайское государство послѣ раздѣленія, 277 лѣтъ продолжавшагося. Въ сіе время предѣлы Китая заключались только въ собственныхъ его границахъ. Внѣшнія владѣнія въ продолженіе внутреннихъ безпокойствъ, неминуемыхъ при важныхъ политическихъ переворотахъ, были потеряны.

Въ половинѣ VI вѣка усилился домъ Дулга*, кочевавшій по южную сторону Алтая. Онъ покорилъ Монголію во всемъ тогдашнемъ ея пространствѣ, и по несогласію между родственниками раздѣлился на четыре Ханства. Цзинъ-ди изъ дома Чжеу былъ въ брачномъ родствѣ съ Шаболіо-ханомъ, старшимъ изъ четырехъ хановъ; почему для поддержанія правъ его въ 582 году всѣ четыре хана вторглись въ Китай съ 400,000 конницы: но они удовольствовались однимъ опустошеніемъ сѣверныхъ предѣловъ и обратно ушли въ степи. Таковое обстоятельство побудило Китайскій дворъ обратить особенное вниманіе на Монголію и всѣми мѣрами дѣйствовать къ ослаб-

* Цегинь назвалъ этотъ домъ *Туркали*; а это слово сдѣлалось источникомъ многихъ другихъ заблужденій въ отношеніи къ исторіи Китая и смежныхъ съ нимъ народовъ.

Digitized by Google

ленію союза между ханами. Онъ употребилъ къ сему брачное родство, серебро и оружіе, и этими средствами скоро произвелъ взаимную недовѣрчивость между ними. Шаболіо-ханъ заключилъ миръ съ нимъ въ 584 году и добровольно призналъ себя вассаломъ Китая. Это обстоятельство доставило Китайскому двору предлогъ имѣть сильное вліяніе на внутреннія дѣла Дулгаскихъ хановъ.

Домъ Суй недолго царствовалъ. Янъ-ди, сынъ основателя, по вступленіи на престолъ предался неумѣренной роскоши и разсѣянію. Отъ безпорядковъ въ правленіи произошли народныя возмущенія. Янъ-ди предпринялъ путешествіе, и столичному губернатору Ли-юань препоручилъ усмирить мятежниковъ. Въ это время Дулгаскій Шиби-ханъ для поддержанія мятежниковъ приходилъ къ самой столицѣ Китайской Тхай-юань-фу и произвелъ великіе грабежи. Но Ли-юань, втайнѣ замышлявшій овладѣть престоломъ Китая, заключилъ съ нимъ дружественный союзъ и разсѣялъ скопища мятежниковъ. Къ счастію его, путешествовавшій Янъ-ди безъ вѣсти пропалъ. Ли-юань возвелъ внука его на престолъ, а въ слѣдующемъ 618 году при содѣйствіи Шиби-хана достигнулъ желаемой цѣли. Малолѣтнаго государя склонили передать ему престолъ.

Сей самый Ли-юань есть Гао-цзу, основатель славной династіи *Тханъ*, начавшейся въ 618 году. Онъ утвердилъ столицу въ Си-ань-фу и раздѣлилъ государство на 15 губерній подъ названіемъ *Путей-дао*. Но на политическомъ горизонтѣ сѣвера и запада издали уже начали образоваться новыя тучи, вскорѣ потомъ разразившіяся на предѣлахъ Китая. Въ это время Дулгаскій домъ былъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Въ 619 году, когда Шиби-ханъ отправилъ посольство въ Китай съ поздравленіемъ, государь

Digitized by Google

при угощеніи посадилъ его посланника на престолѣ подлѣ себя. Не смотря на это, Цзѣли-ханъ принялъ сторону князя Янъ-чженъ-дао, потомка династіи Суй, имѣвшаго право на Китайскій престолъ, и въ 621 году вступилъ въ Китай со 150,000 конницы, и удовольствовавшись грабежами, чрезъ годъ самъ предложилъ о мирѣ. Въ 624 году вмѣстѣ съ Тулиханомъ вторично вступилъ въ Китай со всѣми своими силами и подошелъ къ столицѣ. Князь Ли-ши-минь, наслѣдникъ престола, выступилъ изъ города съ войскомъ, но вмѣсто сраженія одинъ подъѣхалъ къ ханамъ для объясненія. Ханы, тронутые столь отважнымъ поступкомъ, добровольно согласились вступить въ дружескія и родственныя связи съ Китайскимъ дворомъ, и пошли въ обратный путь.

До сего времени Китайскій дворъ признавалъ старшаго Дулгаскаго хана равнымъ съ собою; но съ 625 года началъ писать къ нему вмѣсто грамотъ указы. Огорченный симъ Цзѣли-ханъ произвелъ набѣги на предѣлы Китая отъ Ордоса къ западу; а въ слѣдъ за симъ сдѣлалъ мирныя предложенія и пошелъ въ обратный путь. Въ 626 году Цзѣли-ханъ и Тули-ханъ, поддерживая Китайскаго мятежника Лянъ-ши-ду, снова вторглись въ Китай со 100,000 конницы и вторично подошли къ столицѣ. Князь Ли-ши-минь, только что вступившій на престолъ, вышелъ изъ города, показывая видъ готовности къ сраженію; но ханы не имѣли охоты драться; они сами предложили миръ и пошли въ обратный путь. Это былъ послѣдній блистательный подвигъ Дулгаскаго союза.

Въ 628 году открылось возмущеніе на западныхъ предѣлахъ Цзѣли-хановыхъ владѣній; а на востокѣ отложились отъ союза два сильныя поколѣнія: Ойхоръ и Сѣяньто. Отряженный противъ нихъ Тули-

Digitized by Google

ханъ не имѣлъ успѣха, и Цзѣли-ханъ наказалъ его тѣлесно. Огорченный столь унизительнымъ поступкомъ, Тули-ханъ поддался Китаю, а въ слѣдъ за нимъ на Сѣверныхъ Дулгаскихъ предѣлахъ отложились отъ Цзѣли-хана многія другія поколѣнія, и объявили своимъ ханомъ Сѣяньтоскаго владѣтеля Инаня. Китайскій дворъ, дѣйствовавшій противъ Цзѣли-хана, не замедлилъ признать Инаня въ ханскомъ достоинствѣ. Цзѣли-ханъ, пораженный страхомъ, просилъ Китайскій дворъ въ 629 году принять его въ подданство и выдать за него царевну; но Китайскій дворъ не принялъ мирныхъ его предложеній, а послалъ въ Дулгу большую армію. Цзѣли-ханъ, разбитый въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, бѣжалъ къ одному изъ своихъ князей; но, по требованію Китайскихъ полководцевъ, выданъ и препровожденъ въ столицу. Послѣ сего происшествія, вся Монголія, исключая Тарбагтая, пришла подъ владычество Китайской державы. Южная ея половина раздѣлена была на четыре, а сѣверозападная на шесть областей. Но въ самой вещи Дулгасцы никогда не покорялись дому Тханъ, и тѣ только князья держались его стороны, которые имѣли нужду въ его помощи. Вскорѣ послѣ сего снова усилились Дулгаскіе домы и восточный и западный, и Китайскій дворъ въ продолженіе цѣлаго столѣтія долженъ былъ для безсиленія ихъ дѣлать неимовѣрныя пожертвованія. Къ счастію онъ велъ войну съ Дулгасцами по большой части вдали отъ своихъ предѣловъ — въ Халхѣ и Чжуньгаріи. Въ 744 году совершенно пали оба Дулгаскія ханства. Домъ *Ойхоръ* * при содѣйствіи Китайскаго двора овладѣлъ сѣверною Мон-

* Слово *Ойхоръ* южные Монголы выговариваютъ Хойхоръ; Тур. кистанцы пишутъ *Ойгоръ;* но какъ въ Турецкомъ языкѣ буква вавъ или вау произносится за о и у, то въ послѣдствіи *Ойюръ* превращено въ произношеніи въ *Уйгуръ*.

Digitized by Google

голіею и опасности для Китая съ сѣвера миновали, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время.

Въ 755 году домъ Тханъ едва не былъ ниспроверженъ съ другой стороны. Аньлу-шань, предводитель 150,000-ной Китайской арміи, стоявшей противъ Киданей и Хи, двухъ сильныхъ въ то время поколѣній въ восточной Монголіи, неожиданно возсталъ противъ своего отечества, и, взявъ обѣ столицы — Си-ань-фу и Хэ-нань-фу, объявилъ себя императоромъ. Государь бѣжалъ въ горы губерніи Сы-чуань, а наслѣдникъ его пріютился въ сѣверо-западномъ углу Китая — безъ арміи и безъ денегъ—съ одною надеждою на помощь со стороны Ойхорскаго хана. Въ непродолжительномъ времени сынъ Ойхорскаго хана дѣйствительно пришелъ въ Китай съ отборными войсками и, въ двухъ главныхъ битвахъ поразивъ многочисленныя ополченія мятежниковъ, возвратилъ обѣ столицы законному государю. Но какъ скоро Ойхорскія войска ушли за границу, искусные предводители мятежниковъ снова усилились. Тогда Ойхорскій ханъ самъ пришелъ въ Китай и вторично разсѣялъ ополченія мятежниковъ. Домъ Тханъ, признательный къ толь великой услугѣ Ойхорскаго дома, далъ при семъ случаѣ клятву вѣчно быть съ нимъ въ дружбѣ и брачномъ родствѣ *.

Въ одно время со вступленіемъ династіи Тханъ на престолъ Китайской имперіи начала возвышать-

* Ученые Европейцы нашего времени увѣряютъ, что Китайцы вовсе не знали, кто таковы были Ойхорцы, и несправедливо называютъ ихъ Монголами. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Китайцамъ издревле извѣстны были языки: Турецкій и Монгольскій; и посему довольно смѣшно утверждать, будто бы Китайцы были столь глупы, что не могли отличить Турецкаго языка отъ Монгольскаго, и Ойхоровъ (Уйгуровъ), которыхъ Европейцы называютъ Турками, принимали за Монголовъ.

Digitized by Google

ся держава, сопредѣльная Китаю на западѣ, имперія Тибетская. Владѣтель Тибета, помышляя распространить свои предѣлы на востокъ покореніемъ всѣхъ единоплеменныхъ съ нимъ народовъ, произвелъ нападеніе на Тогонъ (Хухэноръ) и западные предѣлы Китая. Китайскій дворъ остановилъ успѣхи его тремя обыкновенными средствами—оружіемъ, деньгами и выдачею царевны за него, въ 641 году. Тогонскій король, зять Китайскаго двора, видя опасность, угрожающую ему со стороны Тибета, совершенно поддался Китаю, какъ могущественнѣйшей державѣ на востокѣ. Между тѣмъ Тибетскіе полководцы въ 662 году покорили Чжуньгарію, въ 671 году завоевали Восточный Туркистанъ и въ томъ же году вступили въ Тогонъ съ сѣверной стороны. Китайскія войска, пришедшія для спасенія сей страны, были совершенно поражены, и Тогонское королевство превращено въ область Тибетской имперіи. Съ сего времени началась достопамятная въ лѣтописяхъ міра борьба между Китаемъ и Тибетомъ, продолжавшаяся съ небольшими промежутками до 820 года (150 лѣтъ) на западныхъ предѣлахъ Срединнаго царства. Китайцы шагъ за шагомъ отступали во внутренность страны, и каждый уступленный ими шагъ устланъ былъ сотнею тысячъ труповъ ихъ. Наконецъ въ 822 году заключенъ дружественный договоръ, по которому Китайскій дворъ призналъ Тибетскую имперію въ равномъ съ собою достоинствѣ и уступилъ ей завоеванныя Тибетцами земли нынѣшней губерніи Гань-су и западные предѣлы губерніи Сы-чуань, населенные Тангутскими племенами. Уже въ 860 годахъ, по паденіи Тибетской имперіи, сіи земли опять перешли къ Китаю.

Со времени введенія единодержавнаго правленія въ Китаѣ, три касты поперемѣнно дѣйствовали на по-

Digitized by Google

принцѣ государственнаго правленія: каста ученыхъ, каста военныхъ и каста евнуховъ. Ученые одушевлены преданностію къ отечеству, вѣрностію къ престолу, любовію къ порядку; военные стремились къ славѣ и почестямъ; евнухи жаждали власти и богатства. Ученые старались поддерживать дѣятельность въ государѣ, евнухи силились ослабить ее, военные пользовались смутными обстоятельствами при борьбѣ первой касты съ послѣднею, и нерѣдко успѣвали въ своихъ предпріятіяхъ; но, не имѣя образованія, нужнаго государственнымъ людямъ, рѣдко могли пользоваться плодами своихъ пріобрѣтеній.

Истина сія какъ въ зеркалѣ отражается во всѣхъ событіяхъ послѣдней половины царствованія дома Тханъ, и слѣдовавшихъ за нимъ пяти малыхъ династій. Лишь только миновали опасности, угрожавшія престолу со стороны мятежниковъ, государи тотчасъ впали въ какую-то сонную безпечность. Они утопали въ сладострастіи самомъ гнусномъ, или предавались набожности самой суевѣрной. Евнухи въ обоихъ этихъ случаяхъ исключительно были совѣтниками ихъ, и чрезъ то пріобрѣли такую силу въ правленіи, что ни одинъ государь не могъ ни вступить на престолъ безъ ихъ выбора, ни царствовать не по ихъ руководству. Въ столицѣ ученые вели съ ними междоусобную войну, въ которой попеременно и тѣ и другіе гибли. Военные начальники въ областяхъ вышли изъ повиновенія законамъ, и новыя междоусобія были слѣдствіемъ сего безначалія. Около столѣтія протекло въ сихъ замѣшательствахъ. Наконецъ ученые призвали въ помощь военныхъ начальниковъ, и послѣдніе скоро взяли перевѣсъ надъ обѣими партіями. Послѣ сего около полувѣка про-

Digitized by Google

шло въ борьбѣ воспныхъ между собою, изъ коихъ тотъ или другой содержалъ государя въ плѣну у себя; наконецъ одинъ изъ нихъ, бывшій прежде предводителемъ мятежниковъ, одержалъ верхъ надъ всѣми, и въ 907 году злодѣйски завладѣлъ престоломъ Китайской имперіи.

Съ 907 года начинается періодъ, извѣстный въ Китайской имперіи подъ названіемъ *Пяти династій Ву-дай*, періодъ краткій, но достойный замѣчанія по важнымъ его послѣдствіямъ въ политическомъ мірѣ восточной Азіи. Въ продолженіе 53 лѣтъ царствовали въ Китаѣ пять домовъ, которые одинъ у другаго оружіемъ оспаривали престолъ: но ни одинъ изъ ихъ основателей не имѣлъ качествъ, необходимыхъ для управленія народами. Каждый думалъ только о удовлетвореніи своему честолюбію, и при взаимныхъ спорахъ о престолѣ, упустили изъ вида вліяніе на сѣверъ съ варварскими народами.

Съ VII. столѣтія въ В. Монголіи началъ усиливаться домъ Кидань, который занималъ земли нынѣшнихъ аймаковъ: Корцинь, Корлосъ, Дурботъ и Чжаротъ; онъ попеременно находился подъ покровительствомъ Китая, Дулгаскаго дома и опять Китая. Онъ состоялъ изъ осьми поколѣній, и внутреннее управленіе имѣлъ республиканское. Старѣйшины осьми поколѣній попеременно были избираемы главою соединенныхъ владѣній республики на три года. Въ 901 году главою избранъ былъ князь Ёлой-амба-гянь, одинъ изъ великихъ полководцевъ своего времени. Въ 904 году, по сложеніи съ себя званія главы республики, онъ сдѣлалъ большія завоеванія и въ 916 году объявилъ себя единодержавнымъ повелителемъ всей Монголіи. Обратимся къ пяти династіямъ.

Digitized by Google

Основателемъ династіи Лянъ, первой изъ пяти династій, продолжавшейся 16 лѣтъ, былъ нѣкто Чжу-вынь, предводитель мятежниковъ. Покорившись законному правительству, онъ получилъ въ управленіе корпусъ войскъ; измѣнически убилъ двухъ своихъ государей и похитилъ престолъ. Столицу имѣлъ въ Кхай-фынъ-фу, и какъ онъ велъ безпорядочную жизнь, то и былъ убитъ сыномъ своимъ, а сей въ свою очередь убитъ роднымъ своимъ братомъ, который хотя и вступилъ на престолъ, но не долго царствовалъ. Непримиримый врагъ сему дому князь Ли-цунь-сюй, при содѣйствіи Киданьскаго государя, отнялъ престолъ у него. Это есть основатель малой династіи *Тханъ*, второй изъ пяти династій, продолжавшейся 13 лѣтъ. У преемниковъ его въ 936 году отнялъ престолъ зять его Ши-цзинъ-тханъ при помощи Киданьскаго же государя, противъ котораго онъ стоялъ на сѣверной границѣ съ наблюдательнымъ корпусомъ. Это есть основатель малой династіи *Цзинь*, третьей изъ пяти династій, продолжавшейся 11 лѣтъ. Ши-цзинъ-тханъ уступилъ Киданьскому государю 16 округовъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ Чжи-ли и Сань-си, и сверхъ сего обязался ежегодно платить по 300,000 кусковъ шелковыхъ тканей. Преемникъ его прекратилъ плату дани; но послѣ упорнѣйшей двухлѣтней войны взятъ Киданьцами въ плѣнъ въ самой столицѣ Кхай-фынъ-фу. Киданьскій государь, по причинѣ безпорядочнаго управленія пріобрѣтенными землями, и самъ не могъ утвердиться на престолѣ Китайской имперіи и вмѣстѣ съ плѣнникомъ уѣхалъ въ Монголію. Полководецъ Лю-чжи-юань выгналъ остальныя его войска изъ Китая и вступилъ на упраздненный престолъ въ 947 году. Это былъ основатель малой династіи *Хань*, четвертой изъ пяти династій, про-

Digitized by Google

должавшейся 4 года. Возмутившіяся войска не захотѣли повиноваться малолѣтнему его преемнику, и въ 951 году объявили императоромъ корпуснаго своего начальника Го-вэй. Это былъ основатель династіи *Чжеу*, пятой изъ пяти династій, продолжавшейся 13 лѣтъ. Онъ измѣнически убилъ своего государя, а внукъ его въ 960 году спокойно передалъ престолъ полководцу Чжао-гуанъ-инь, основателю династіи *Сунъ*.

Въ продолженіе пяти династій еще возникли десять другихъ сильныхъ домовъ, которые царствовали въ разныхъ частяхъ Китая. Сверхъ того сѣверный Китай находился подъ владѣніемъ претендента Китайскаго престола, поддерживаемаго Киданьскимъ домомъ. Въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ нуженъ былъ государь опытный, мужественный, рѣшительный, и общее мнѣніе государственныхъ чиновъ клонилось на сторону Чжао-гуанъ-инь, который по прибытіи изъ арміи въ Кхай-фынъ-фу, столицу имперіи, спокойно вступилъ на престолъ и въ непродолжительномъ времени уничтожилъ престолы нѣкоторыхъ изъ десяти частныхъ владѣтелей. Преемникъ его покорилъ претендента, и возвратилъ сѣверныя земли, исключая части, принадлежавшей Киданямъ. Китай опять сдѣлался сильною державою; но вліяніе на заграничный сѣверъ уже было потеряно, и сія потеря стоила ему четырехъ-вѣковаго раздробленія и вѣковаго порабощенія.

Поверхность, одержанная Китайцами надъ Киданьскимъ войскомъ, защищавшимъ претендента, ободрила Китайскій дворъ къ обратному завоеванію Пекина съ его округомъ. Первыя военныя дѣйствія были довольно счастливы для Китайскаго оружія, и въ 979 году повелитель Китая самъ обложилъ по-

Digitized by Google

нутый городъ со всѣхъ сторонъ; но когда пришли изъ Монголіи вспомогательныя войска, то онъ былъ на голову разбитъ и спасся бѣгствомъ. Не смотря на то, что и 986 годъ былъ самый несчастный для его оружія, онъ продолжалъ сію войну до 1004 года, въ которомъ Киданьскій государь вступилъ въ Китай съ великими силами и привелъ въ трепетъ столицу его. Повелитель Китая самъ прибылъ къ своей арміи и заключилъ съ Киданьскимъ государемъ мирный договоръ, по которому обязался ежегодно представлять ему 100,000 ланъ серебра и по 200,000 кусковъ шелковыхъ тканей. Въ 1042 году Киданьскій дворъ объявилъ свои права еще на десять уѣздовъ, лежавшихъ отъ Пекина къ югу. Послѣ долговременныхъ переговоровъ Китайскій дворъ, вмѣсто уступки земель, прибавилъ къ ежегоднымъ дарамъ еще 100,000 ланъ серебра и 100,000 шелковыхъ тканей *, съ предоставленіемъ преимущества Киданьскому дому предъ Китайскимъ.

По заключеніи послѣдняго договора Киданьскій дворъ не простиралъ своихъ видовъ на Китай далѣе; но въ то самое время, когда Китайскій дворъ занятъ былъ войною съ нимъ, на сѣверозападныхъ предѣлахъ Китая начало образоваться новое государство. Тоба-цзи-цзянь ** десятый изъ Тангутскихъ владѣтелей, переселенныхъ изъ Хухэнора въ Ордосъ,

* Въ то время кусокъ ткани оцѣнивался въ одинъ ланъ серебра. Слѣдовательно вся сумма — и тканями и серебромъ простиралась до 1080 пудъ чистаго серебра.

** Домъ Тоба происходилъ отъ царствовавшей въ сѣверномъ Китаѣ Монгольской династіи Юань-вэй. Еще въ VI вѣкѣ онъ занялъ обширное пространство земель въ Хухэнорѣ по южному берегу Желтой рѣки. Но чрезъ столѣтіе отъ сего происшествія начали усиливаться Тибетцы, и домъ Тоба просилъ Китай принять его въ свое покровительство. Въ слѣдствіе сего около 660-хъ годовъ онъ былъ переведенъ въ Ордосъ подъ названіемъ *Данлянскихъ Цзянов*.

Digitized by Google

предпринялъ основать Тангутское королевство въ то самое время, когда Китайскій дворъ рѣшился вызвать всѣхъ почти князей въ столицу, а управленіе Тангутами и землями ихъ ввѣрить Китайскимъ чиновникамъ. Такія распоряженія очень непріятны были Тангутамъ, потому что Ордосъ и другія земли они считали собственностію, пріобрѣтенною военными заслугами, оказанными Китаю; и Тоба-цзи-цзянь, съ общаго согласія родовичей, въ 984 году открылъ съ Китаемъ войну, въ которую въ теченіи 20 лѣтъ недостатокъ войскъ замѣнялъ стратегическимъ искуствомъ въ движеніяхъ и сдѣлалъ нѣкоторыя завоеванія, что и не трудно было, потому что во все это время главныя силы Китая устремлены были на сѣверъ къ Пекину. Въ 1004 году вступилъ на престолъ сынъ его Тоба-дэ-минъ, который безъ войны умѣлъ утвердить и возвысить отцемъ пріобрѣтенное. Онъ призналъ себя вассаломъ Китайской имперіи, а Китайскій дворъ призналъ его въ достоинствѣ Тангутскаго короля, и осыпалъ почестями и дарами. Въ 1033 году Тоба-дэ-минъ скончался; ему преемникомъ былъ сынъ его Тоба-юань-хао, одинъ изъ великихъ государей своего времени. По вступленіи на престолъ онъ сдѣлалъ большое преобразованіе въ своихъ владѣніяхъ, и въ 1039 году принялъ титулъ императора, чѣмъ Китайскій дворъ сильно пораженъ былъ. Въ 1040 году съ обѣихъ сторонъ двинуты большія арміи. Юань-хао первый открылъ наступательныя дѣйствія. Передовые Китайскіе корпусы, неосторожно выступившіе, взяты Тангутами въ плѣнъ. Въ 1041 году большая Китайская армія открыла наступательную войну; но на первомъ сраженіи сіе въ своихъ предѣлахъ была совершенно разсѣяна. Въ слѣдующемъ году Юань-хао снова вторгнулся въ предѣлы Китая, поразилъ

Digitized by Google

вторую Китайскую армію и въ пограничныхъ областяхъ произвелъ великое опустошеніе. Китайскій дворъ, потерявъ армію и съ нею нѣсколько городовъ и крѣпостей принужденъ былъ приступить къ миролюбивымъ мѣрамъ. Юань-хао послѣ долговременныхъ переговоровъ склонился на то, чтобъ въ письменныхъ сношеніяхъ съ Китаемъ называться ему Тангутскимъ королемъ, а не императоромъ; а Китайскій дворъ ежегодно доставлялъ бы ему подарки серебромъ, шелковыми тканями и чаемъ на 250,000 лянъ серебра. Китайскій дворъ считалъ эту мирную сдѣлку временною мѣрою, отлагая мщеніе до благопріятнаго случая; а между тѣмъ и Юаньхао въ своихъ владѣніяхъ по прежнему титуловался императоромъ.

Въ 1048 году Тоба-юань-хао скончался; на престолъ вступилъ сынъ его Тоба-лянь-цзо. Китайскій дворъ продолжалъ войну съ Тангутомъ, въ которую обѣ стороны имѣли и выгоды и потери. Въ 1067 году и сей государь скончался; малолѣтный сынъ его Тоба-бинъ-чанъ наслѣдовалъ престолъ. Война съ Тангутомъ и при семъ государѣ продолжалась. Китайскій дворъ истощалъ всѣ усилія къ уничтоженію сего королевства, слишкомъ опаснаго для сѣверныхъ его предѣловъ: но Тангуты съ постояннымъ мужествомъ продолжали защищать свои права.

1081 годъ польстилъ Китайскому двору однимъ обстоятельствомъ благопріятнымъ для его видовъ на Тангутъ. Ли-цинъ, одинъ изъ Тангутскихъ предводителей, родомъ Китаецъ, склонилъ короля поддаться Китаю со всемъ своимъ королевствомъ. Вдовствующая государыня, по открытіи сего заговора казнила Ли-цина, а сына посадила въ заточеніе. Это самое обстоятельство послужило Китайскому двору поводомъ къ войнѣ, въ которую онъ подъ благовид-

Digitized by Google

цымъ предлогомъ защищенія правъ короля, рѣшился уничтожить Тангутское королевство. Въ Октябрѣ, по плану, давно уже обдуманному, пять Китайскихъ армій, простиравшіяся до 500,000 человѣкъ, двинулись пятью дорогами прямо къ двумъ Тангутскимъ столицамъ (Нинъ-ся-фу и Линъ-чжеу). Тангутская вдовствующая государыня собрала Совѣтъ, на которомъ молодые полководцы единогласно полагали силу отражать силою. Но одинъ старый полководецъ сказалъ имъ: «Въ подобномъ случаѣ не слѣдуетъ сопро«тивляться непріятелю, а должно допустить его про«никнуть далѣе во внутренность. Лучшія войска со«брать подъ столицею, а легкую конницу отрядить, «чтобы опустошала дороги и пресѣкала подвозъ «хлѣба къ непріятелю. Многочисленную армію, не«имѣющую хлѣба, можно и безъ сраженія привести «въ тѣсное положеніе.» Планъ сей всѣми былъ одобренъ. Китайскіе полководцы счастливо продолжали походъ; но при всѣхъ своихъ успѣхахъ, чрезъ мѣсяцъ принуждены были предпринять обратный путь съ большою потерею въ людяхъ: изъ столь огромной арміи возвратилось къ границѣ не болѣе пятой части. Не смотря на столь великую потерю Китайскій дворъ спѣшилъ воспользоваться разстроеннымъ положеніемъ Тангута, и въ слѣдующемъ году поставилъ на границу новую армію: но Тангуты сами пришли сюда съ 300,000 конницы. Достоинство имперіи не дозволяло полководцамъ Китайскимъ уклоняться отъ сраженія, хотя перевѣсъ на сторонѣ Тангутовъ былъ очевиденъ. Китайцы приняли сраженіе и еще потерпѣли до 200,000 убитыми и въ плѣнъ взятыми. Китайскій дворъ въ это время не имѣлъ важныхъ военныхъ дѣлъ въ другихъ мѣстахъ; почему, не смотря на прошедшія потери, еще продолжалъ войну до 1086 года. Тангуты требовали воз-

Digitized by Google

вращенія земель, отнятыхъ у нихъ Китайцами въ 1081 году, и Китайскій дворъ принужденъ былъ удовлетворить требованіямъ ихъ. Такимъ образомъ онъ надолго потерялъ Ордосъ и сѣверные предѣлы нынѣшнихъ губерній Шáнь-си и Ганьсу, составлявшія помянутое королевство *.

Вскорѣ послѣ сего на политическомъ горизонтѣ Азійскаго востока показались Тунгусы, обитавшіе по правую сторону Амура подъ названіемъ *Нючжи*. Находясь подъ верховнымъ покровительствомъ Киданьскаго дома, они много терпѣли притѣсненій отъ него. Наконецъ Агуда, старѣйшій изъ ихъ владѣтелей, рѣшился оружіемъ свергнуть иго Киданей. Разсѣявъ на берегахъ Сунгари-улы многочисленныя ихъ ополченія, въ 1115 году онъ объявилъ себя императоромъ и принялъ дому своему наименованіе *Айжинь-гурунь*, по Китайски *Гинь-го*, что значитъ: Золотое царство. Въ 1119 году Агуда предложилъ Китайскому двору о военномъ союзѣ, и послѣдній тотчасъ согласился на условіи, возвратить Китаю земли, принадлежавшія Киданямъ внутри Великой Стѣны. Китайская армія три раза была отражена отъ Пекина съ большимъ урономъ и пошла обратно на югъ. Послѣ сего Агуда безъ труда, взялъ обезсиленный городъ, и вмѣсто возвращенія пошелъ далѣе на югъ. Китайскій дворъ, не ожидая столь наглаго вѣроломства отъ союзника, въ готовности не имѣлъ силъ достаточныхъ къ отпору. Нючжи взяли Кхай-фынъ-фу столицу Китая, и увезли двухъ государей за границу, гдѣ они въ крайней бѣдности кончили жизнь

* Сіе самое королевство Чингисъ-ханъ до основанія разорилъ въ 1227 году. Предѣлы его означены на картѣ, приложенной при Исторіи четырехъ хановъ.

Digitized by Google

на берегахъ Амура *. Министры перенесли дворъ въ Хань-чжеу, и тамъ возвели на престолъ дальняго родственника царствующаго дома. Наконецъ Китайскій дворъ, утомленный упорной войною въ Нючжи, согласился на поносный мирный договоръ, по которому уступилъ дому Гинь земли сѣвернаго Китая отъ Великой Стѣны на югъ до рѣки Хуай-шуй, на западѣ отъ Тангутской границы до хребта Чжунъ-шань, и сверхъ сего призналъ себя вассаломъ съ ежегоднымъ представленіемъ дани.

Въ началѣ XIII вѣка усилился въ сѣверной Монголіи одинъ владѣтель изъ дома Монголъ, и въ 1206 году объявилъ себя императоромъ подъ наименованіемъ Чингисъ-хана. По покоренія Монголіи, въ 1211 году онъ перенесъ оружіе въ сѣверный Китай, усыпленный долговременнымъ миромъ. Чингисъ-ханъ началъ войну съ домомъ Гинь и продолжалъ оную 20 лѣтъ съ неимовѣрнымъ безчеловѣчіемъ. Въ 1232-мъ году Монголы предложили дому Сунъ о военномъ союзѣ противъ дома Гинь, и домъ Сунъ согласился, имѣя въ виду впослѣдствіи выгнать и самихъ Монголовъ изъ Китая. Въ 1234 году Китайскій полководецъ, по ниспроверженіи дома Гинь, дѣйствительно занялъ земли на южномъ берегу Желтой рѣки, уже завоеванныя Монголами; и сіе вѣроломство впослѣдствіи поставлено было предлогомъ войны, положившей конецъ дому Сунъ.

Хобилай, пятый государь изъ дома Монголъ, въ 1271 году принялъ своему дому наименованіе *Юанъ*, а въ 1279 году кончилъ завоеванія южнаго Китая. Въ первый разъ иностранный домъ овладѣлъ Китаемъ во всемъ его пространствѣ. Въ сіе время Ки-

* Въ городѣ Ву-го-чэнъ, находившемся при впаденіи Сунгари-улы въ Амуръ.

Digitized by Google

тайская имперія заключала въ себѣ весь Китай, Маньчжурію, Монголію, Хами и Пичинъ въ Восточномъ Туркистанѣ *, Хухэноръ и Тибетское королевство. Хабилай раздѣлилъ Китайское государство на губерніи подъ нынѣшнимъ названіемъ *Шенъ*, а внѣшнія земли частію предоставилъ мѣстнымъ ихъ владѣтелямъ, частію превратилъ въ военные округи.

Царствованіе дома Юань послѣ великихъ потрясеній, произведенныхъ имъ въ цѣлой Азіи и частію въ Европѣ, было спокойно, не смотря на разныя ошибки въ правленіи, довольно важныя въ политическомъ отношеніи къ новымъ подданнымъ. Но въ половинѣ XIV вѣка открылись въ разныхъ частяхъ Китая народныя возмущенія, въ продолженіи которыхъ одинъ изъ начальниковъ мятежа овладѣвшій южнымъ Китаемъ, въ 1368 году объявилъ себя императоромъ; принялъ дому своему наименованіе *Минъ* и утвердилъ столицу въ Цзянъ-нинъ-фу. Шунь-ди, послѣдній государь изъ дома Юань, доведенный до крайности, оставилъ престолъ въ Пекинѣ и удалился въ Монголію — первобытное свое отечество.

Домъ Минъ раздѣлилъ Китай на 15 губерній подъ названіемъ Путей-дао и утвердилъ столицу въ Цзянъ-нинъ-фу. Но Монголы удалились въ степи съ тою цѣлію, чтобы оттуда соединенными силами дѣйствовать противъ Китая. Основатель дома Минъ 30 лѣтъ воевалъ съ ними за Великою Стѣною, доходилъ до Халхи, и утвердилъ подъ свою властію восточную Монголію отъ Ча-хара до Маньчжурія. Но послѣ пятилѣтней за престолъ войны между дядею и племян-

* Земли Туркистана отъ Аксу на западъ до Аму-дарьи принадлежали потомкамъ Чагатая, сына Чингисъ-ханова. Это было особливое царство, извѣстное тогда подъ названіемъ *Башибалы*, что на Турецкомъ языкѣ значитъ: голова и поясница.

Digitized by Google

никомъ, 1398—1403, домъ Минъ потерялъ всѣ завоеванія въ Монголіи, и хотя перенесъ свой дворъ въ Пекинъ, со всѣмъ тѣмъ болѣе двухъ столѣтій терпѣлъ почти безпрерывныя безпокойствія отъ Монголовъ.

Въ началѣ XVII вѣка начались въ Китаѣ внутреннія смятенія, продолжавшіяся около 40 лѣтъ. Къ междоусобіямъ присоединилась на сѣверовостокѣ война съ Тунгусами, которая приняла начало отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ и стоила Китаю потери нѣсколькихъ армій и всѣхъ земель въ Маньчжуріи. Въ 1616 году завоеватель Маньчжуріи объявилъ себя императоромъ, и началъ войну съ Монголами. Въ это время междоусобіе въ Китаѣ усилилось; мятежникъ Ли-цзы-ченъ объявилъ себя императоромъ, вступилъ въ Пекинъ, сѣверную столицу Китая, и положилъ конецъ царствованію дома Минъ. Но Маньчжуры, въ то же самое время призванные однимъ изъ Китайскихъ полководцевъ на помощь, поразили самозванца подъ Пекиномъ, и какъ они имѣли превосходство въ силѣ предъ Китайцами, то провозгласили своего государя обладателемъ Китая. Такимъ образомъ нынѣ царствующій въ Китаѣ домъ *Цинъ* получилъ престолъ Китайской имперіи.

=

Digitized by Google

V.

ИТАЛЬЯНСКАЯ КОМЕДІЯ.

I.

ЧЕТЫРЕ ГЛАВНЫЯ ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА НАРОДНОЙ КОМЕДІИ.

Четыре дѣйствующія лица Итальянскаго театра составляютъ естественный переходъ отъ народныхъ типовъ комедіи *dell'arte* къ лицамъ комедіи характерной. Въ самомъ дѣлѣ каждое изъ этихъ лицъ имѣетъ свой отличительный характеръ, также какъ и костюмъ. Эти четыре новыя лица суть Панталонъ, Арлекинъ, Бригелла и Болонскій докторъ. Почему Полишинель и Скарамушъ отдѣлились отъ этой группы? — Сходство между этими буффонами такъ велико, и ихъ драматическіе обычаи такъ сходны во всѣхъ отношеніяхъ, что мы не находимъ причины такого исключенія. Четыре названныя нами лица являются обыкновенно въ пьесахъ легкихъ, въ очеркахъ, которые весьма мало отличаются отъ народныхъ фарсовъ Флоренціи, Рима или Неаполя. Существенная разность состоитъ въ вѣрности, съ которою каждое изъ лицъ сохраняетъ свой характеръ. Венеціянскій Панталонъ и Болонскій док-

Digitized by Google

торъ, порядочные люди, благородные родоначальники новой вѣтви въ фамиліи Италіянскихъ шутовъ. Арлекинъ и Бригелла, прозванные въ Венеціи *Zani*, суть простые люди, слуги. Панталонъ обыкновенно честный негоціянтъ, добрякъ, простыхъ нравовъ, и неотесанный по наружности. Онъ почти всегда имѣетъ двухъ хорошенькихъ дочерей, и почти всегда бываетъ надутъ ихъ любовниками, при пособіи служанки или слуги. Не удивительно, что Панталонъ занятъ торговлею: онъ изъ Венеціи, города по превосходству торговаго. Костюмъ его не перемѣнился; онъ тотъ же и теперь, что былъ два вѣка тому назадъ; почтенный торгашъ сохранилъ старинный Венеціянскій нарядъ, черный ситцевый халатъ, шерстяной огромный колпакъ, кармазинныя чулки и турецкія туфли. Панталонъ былъ не расточителенъ и въ цвѣтущее время Венеціянской торговли, а когда дѣла республики приняли неблагопріятный оборотъ, то сдѣлался полнымъ скрягою. Онъ замаскированъ, какъ были всѣ его соотечественники въ цвѣтущее время.

Докторъ, подобно Панталону, съ притязаніями на важность и благородные манеры. Онъ преученый и юристъ, слѣдовательно долженъ быть изъ Болоньи. Этотъ городъ всегда считалъ себя первымъ въ наукахъ; въ средніе вѣка онъ даже былъ прозванъ ученымъ. Докторъ называется *Граціано*. Поэтъ Люціо первый вывелъ его изъ народной легенды на сцену около 1560 годъ. Докторъ необходимо большой педантъ. Онъ знаетъ и мало и худо, но думаетъ, что знаетъ и много и хорошо. При невѣжествѣ педантство его очень забавно. Онъ цитируетъ при всякомъ случаѣ, но всегда не къ стати, Латинскіе изуродованные тексты, или искаженные отрывки басенъ, перемѣняя кипарисъ въ источникъ, Библисъ въ кипа-

Digitized by Google

рясь, заставляя Грацій перерѣзывать нить нашей жизни, обставляя туалетъ Венеры паркамъ, и все это съ самоувѣренностію и смѣлостію настоящаго глупца. Докторъ, какъ всѣ самодовольные люди, позволяетъ себѣ сатиру, но злорѣчіе дается ему такъ же мало, какъ и учености. Грубыя шутки его становятся досадными, и его осмѣиваютъ вдвое.

Сдѣлавшись адвокатомъ, господинъ Граціано знаетъ толкъ только въ тѣхъ дѣлахъ, которыхъ ему не поручаютъ. Защитительныя его рѣчи коротки, потому что никто не хочетъ ихъ слушать.

Докторъ сохранилъ костюмъ профессоровъ и адвокатовъ Болоньи. Его, какъ и Панталона, обвиняютъ въ скупости, а маска, закрывающая его носъ и лобъ, намѣкаетъ на огромное красное пятно, доказывающее, что г. юрисконсультъ любитъ потягивать винцо; по крайней мѣрѣ такъ говоритъ преданіе, сохраненное намъ лѣтописцами народной комедіи. Болѣе вѣка какъ докторъ вышелъ изъ моды; Венеція и Миланъ изгнали его изъ своего театра; онъ удалился въ свой родной городъ Болонью; тамъ его еще можно видѣть.

Докторъ и Панталонъ, не смотря на свою важность и спѣсь, всегда заставляли смѣяться своихъ согражданъ. Болонцы и Венеціяне осмѣиваютъ другъ друга за скупость, называя одни другихъ скрягами, зубостуками. Представляя ихъ пирующими, сажаютъ обыкновенно за голый столъ; они ѣдятъ помои, пьютъ свѣтлое вино, почерпнутое изъ ближняго ручья, подчиваютъ другъ друга утинымъ яйцомъ, изъ котораго желтокъ оставляютъ для себя, бѣлокъ отдаютъ женамъ, а дѣтямъ отсылаютъ воду, подбѣленную молокомъ, говоря, что это кушанье не причиняетъ ни завалова, ни тягости въ желудкѣ. Площадные остряки разказываютъ сверхъ этого много

Digitized by Google

глупыхъ исторій, въ которыхъ Панталонъ и докторъ были героями, или лучше жертвами. Панталонъ особенно отдувается въ бѣдахъ; онъ зараженъ всѣми маленькими предразсудками и въ нѣкоторомъ отношеніи, всѣмъ невѣжествомъ своихъ согражданъ. Между прочимъ онъ часто катался изъ одного города въ другой, въ какой нибудь дряхлой наемной телѣгѣ, съ своими товарищами фокусниками; но верхомъ ѣздилъ только однажды, и когда, по обстоятельствамъ, отъ него независящимъ, свалился съ лошади средь дороги, то поклялся святымъ Маркомъ, что болѣе никогда на нее не сядетъ. Эта прогулка, кончившаяся такъ неудачно, наполнена любопытными приключеніями, о которыхъ обитатели твердой земли разсказываютъ съ ѣдкою насмѣшкою, и безъ сомнѣнія съ прибавками. Заемная кляча, на которой Панталонъ ѣздилъ въ этотъ день, вдругъ остановилась; Арлекинъ, его слуга, началъ такъ бить ее палкою, что смирное животное, выведенное изъ терпѣнія, лягнуло его въ брюхо. Разъяренный Арлекинъ подхватилъ камень и бросилъ въ лошадь, но такъ не ловко, что вмѣсто лошади попалъ въ спину своего господина. Панталонъ оборотился съ бранью, и видя Арлекина, который слѣдуетъ въ нѣкоторомъ разстояніи и держится за животъ, вскричалъ съ досадою: Что за негодную лошадь намъ дали! Повѣришь ли, въ то самое время, какъ она тебя ударила въ животъ, меня задѣла копытомъ посередь спины?

Бергамо, прекрасный городокъ, построенный амфитеатромъ на послѣднемъ соединеніи Альповъ Вальтелина и Италіи, есть отечество обоихъ слугъ Бригелла и Арлекина. Бергамо всегда служилъ мѣтою остякамъ Италіи, которые почитали его гражданъ невѣжами и неотесами. Бергамцы между тѣмъ ни умнѣе,

Digitized by Google

ни глупѣе своихъ сосѣдей Миланцевъ и Венеціянъ. Вотъ два анекдота о Бергамскихъ слугахъ.

Помѣщикъ Бергамскій послалъ своего слугу Джироламо купить семь ословъ. Джироламо отправился пѣшкомъ на рынокъ сосѣдней деревни, купилъ ословъ, заплатилъ деньги, и на возвратномъ пути сѣлъ на одного осла, гоня передъ собою остальныхъ шесть. Пріѣхавши домой, прежде нежели сошелъ съ осла, Джироламо началъ считать животныхъ и насчиталъ только шесть. Седьмой вѣрно заблудился на дорогѣ, сказалъ онъ самъ себѣ, и пустился скорѣе на рынокъ, гдѣ купилъ ословъ, отыскивать пропавшее животное. Онъ изъѣздилъ деревню вдоль и поперегъ, осматрѣлъ окрестности, спрашивалъ каждаго прохожаго и не могъ найти потерянпаго осла. Такъ онъ провелъ весь день и вечеръ въ поискахъ, до того что наконецъ бѣдный оселъ, на которомъ онъ ѣздилъ, измученный усталостію и голодомъ, на чисто отказался итти далѣе. Джироламо выведенный изъ заблужденія сопротивленіемъ осла, ударилъ себя въ лобъ и вскричалъ: какой же я дуракъ! да вотъ оселъ, котораго я ищу; я на немъ и гуляю.

Этотъ глупый слуга есть Арлекинъ; въ другихъ случаяхъ впрочемъ онъ довольно тонокъ и лукавъ.

Насмѣшки надъ соотечественниками Арлекина сдѣлались наконецъ нестерпимыми; особенно отличались ими Флорентинцы, купцы, считавшіе себя первыми умниками въ свѣтѣ. Бергамцы отвѣчали имъ на ихъ язвительныя эпиграммы слѣдующимъ образомъ:

Они послали депутацію во Флоренцію, которая прибывши въ залу академіи, сказала членамъ ея: «Вы насъ считаете глупцами и думаете, что вы ученѣе насъ: хорошо; мы пришли предложить вамъ диспутъ; Бергамо будетъ мѣстомъ сраженія, Венеціяне и Болонцы судьями.» Флорентинцы подняли съ дивнымъ презрѣ-

Digitized by Google

ніемъ брошенную имъ перчатку, и составили депутацію изъ ученѣйшихъ Флорентинцевъ, которые должны были вести диспутъ съ равнымъ числомъ Бергамцевъ, о самыхъ тонкихъ ученыхъ предметахъ.

Наканунѣ дня, назначеннаго для диспута, когда ученые Флорентинскіе были уже въ дорогѣ, Бергамцы собрали всѣхъ своихъ ученыхъ, всѣхъ, которые говорили по Гречески и по Латыни, одѣли ихъ въ платье крестьянъ, слугъ, трактирщиковъ, а молодыхъ, еще безбородыхъ людей, въ платье трактирныхъ прислужниковъ. Между тѣмъ дано знать о приближеніи Флорентинцевъ; переодѣтые ученые, вошедшіе совершенно въ свои роли, разошлись по шинкамъ и гостинницамъ и наполнили собою первые трактиры города.

Флорентинцы богато одѣтые, на борзыхъ мулахъ подъѣзжали къ Бергаму. Одинъ изъ нихъ видя близъ дороги мужика, копавшаго землю, спросилъ его насмѣшливымъ тономъ: Сколько миль отсюда до города? — Три мили, отвѣчалъ мужикъ чистымъ Латинскимъ языкомъ. Въ виду города депутаты остановились въ деревнѣ возлѣ предмѣстья, съ намѣреніемъ нѣсколько отдохнуть и прохладиться прежде, нежели войдутъ въ городъ. Постучались въ дверь небольшаго трактира, хозяинъ отворилъ и встрѣтилъ ихъ привѣтствіемъ въ пышномъ Цицероновскимъ стилѣ, налилъ рюмки съ цитатами изъ Горація и Анакреона; конюху, которому они отдали своихъ муловъ, отвѣчалъ имъ по Латыни; служанка, которую одинъ изъ молодыхъ ученыхъ заигривая хотѣлъ поцѣловать, ушла, отпустивши ему нѣсколько Латинскихъ браней на манеръ Сенекиной героини. Флорентинцы съ изумленіемъ посматривали другъ на друга. Если эта Бергамская сволочь выражается такъ классически, думали они, чего же надобно ожидать отъ ученыхъ профессоровъ? Однакожъ они рѣшились ѣхать

Digitized by Google

въ городъ. — Удивленіе ихъ увеличилось, когда часовой при воротахъ встрѣтилъ ихъ стихомъ изъ Одиссеи. Но когда прибывши въ гостинницу, для нихъ приготовленную, они услышали слугъ и носильщиковъ, говорящихъ отборною Латынью, когда хозяинъ, привѣтствуя ихъ прекрасной Греческой прозой, попросилъ въ столовую, и поваръ предложилъ имъ свои услуги на цвѣтущемъ языкѣ, который сдѣлалъ бы честь метръ-дотелю Лаисы, тогда удивленіе Флорентинцевъ превратилось въ совершенное смущеніе. Теперь они искали случая избѣжать вѣрнаго публичнаго пораженія, отказались отъ диспута по первому предлогу, и поспѣшили воротиться во Флоренцію. Они клялись Геркулесомъ, что Бергамо не только не невѣжественный городъ, какъ утверждали многіе, но напротивъ заслуживаетъ болѣе Болоньи названія ученаго. Говорятъ, что одинъ изъ этихъ переряженныхъ слугъ, нашедши вино трактира очень вкуснымъ, полюбилъ новое ремесло, и это былъ Бригелла, лукавый весельчакъ, въ послѣдствіи забывшій свою Латынь.

Эти два примѣра Бергамскаго характера гораздо лучше всякаго описанія показываютъ обоихъ слугъ Арлекина и Бригеллу, различныхъ какъ по костюму, такъ по манерамъ и духу.

Бригелла столько же ловокъ и лукавъ, сколько Арлекинъ простъ и глупъ. Бригелла одѣтъ въ странную ливрею, маска его темнаго цвѣта; этимъ хотѣли выразить загорѣлый цвѣтъ Бергамцевъ; Скапенъ, Фенокіо и Фиксто составляютъ виды Бригеллы. Арлекинъ имѣетъ притязанія на хитрость, и между тѣмъ всегда простосердеченъ до глупости; костюмъ его, какъ извѣстно, пестрый. Это костюмъ лекарскаго слуги, бѣднаго, собирающаго по улицамъ всякаго рода лоскутки, чтобы заплатать диры на своемъ

*

Digitized by Google

платьѣ. Шляпа его плоская, измятая, похожая какъ будто на военную; это настоящая нищенская шляпенка, которую онъ, въ видѣ изношенной треуголки, наслѣдовалъ отъ солдата. Заячій хвостъ, ее украшающій, служитъ вмѣстѣ и эмблемою храбрости этого героя, и обыкновеннымъ нарядомъ жителей Бергамскихъ.

Удивительно, что нашъ вѣкъ, ежели не все истребившій, по крайней мѣрѣ все измѣнившій, не могъ снять масокъ съ этихъ четырехъ шутовъ Италіянскихъ. Они были выше непостоянства публики, капризовъ авторовъ, тиранства моды. При нихъ вымерла Аристократія Венеціянская, которая презирала ихъ; они пережили Республику, Совѣтъ Десяти. Панталонъ, Бригелла и Арлекинъ три Венеціянскія маски, похоронили трехъ государственныхъ инквизиторовъ. Что же спасло ихъ среди этихъ переворотовъ? — Народность ихъ. Ежели они нравятся всегда массѣ народа, ежели забавляя столь долгое время отцовъ, они веселятъ еще и дѣтей, то надобно заключить, что Венеціяне крѣпко привязаны къ своимъ удовольствіямъ и что характеръ народа въ основаніи своемъ мало измѣнился.

Около половины прошедшаго вѣка представители старинной комедіи *Dell'arte* должны были выдержать жестокую борьбу, когда Гольдони, уступая Французскому вліянію, покусился на драматическую реформу. *Momolo Cortesan* характерная комедія, гдѣ онъ льститъ Венеціянскому дворянству, и *Prodigo*, были два произведенія, коими онъ пытался создать новый родъ. Въ обѣихъ этихъ піесахъ дѣйствіе старинной комедіи Гольдони замѣнилъ разговоромъ, и вмѣсто масокъ вывелъ лица, взятыя изъ дѣйствительной жизни. Пьесы имѣли успѣхъ; не смотря на то, Гольдони долженъ былъ уступить почти въ томъ

Digitized by Google

время требованіямъ публики и актеровъ, и дать двѣ большія комедіи на старинный манеръ (тридцать два несчастія Арлекина и критическая ночь). Здѣсь Арлекинъ и Панталонъ явились снова во всемъ своемъ блескѣ, и начали потѣшать публику обыкновенными своими глупостями. Гольдони не могъ даже лишить ихъ маски, которую употребилъ противъ своего желанія. Маска, говорилъ онъ справедливо, всегда мѣшаетъ дѣйствіямъ актера; веселъ ли онъ, или печаленъ, влюбленъ, сердитъ или шутливъ, у него все тоже холодное и неподвижное лицо, все таже кожа. Дѣлай онъ какіе хочетъ жесты, перемѣняй положенія, разнообразь свои пріемы, онъ сохранитъ только главныя черты, грубѣйшій колоритъ страсти, и не выразитъ оттѣнковъ ея. Эти доводы, очень справедливые, были безуспѣшны. Панталонъ, Бригелла, Арлекинъ и докторъ удержали свои маски. Гольдони, написавши нѣсколько характерныхъ комедій, представленныхъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, рѣшился наконецъ работать въ томъ родѣ, который презиралъ, но который по крайней мѣрѣ доставлялъ что нибудь его кошельку. Гольдони однакожъ ошибался; онъ писалъ эти пьесы играючи, и бросалъ въ публику съ пренебреженіемъ, а между тѣмъ они имѣли блистательный успѣхъ и доставили ему наиболѣе славы. Гольдони у Итальянцевъ въ такомъ же отношеніи къ Макіавелю и Аріосту, комическимъ поэтамъ, въ какомъ во Франціи Пикаръ къ Мольеру и Реньяру. Плодовитость его была невѣроятна. Онъ, напримѣръ, обязался дать публикѣ 16 новыхъ піесъ въ продолженіи четверти года. Въ самомъ дѣлѣ, рѣшась, какъ онъ говорилъ, сдержать слово, или издохнуть, онъ отдалъ на театръ обѣщанное число пьесъ въ положенный срокъ; каждая пьеса состояла изъ трехъ актовъ и требовала три часа на игру. По ему по-

Digitized by Google

казалось и этого мало: онъ прибавилъ еще одну пьесу сверхъ требованныхъ по договору *.

Арлекинъ въ этихъ пьесахъ не такъ уже глупъ, чтобы могъ почесть себя мертвымъ, заказать свой гробъ, и хотѣть присутствовать на своихъ похоронахъ; чтобы въ минуту отчаянія повѣситься, пока печаль пройдетъ; чтобы слыша крикъ жены въ родахъ, обѣщать ей, что въ другой разъ онъ родитъ за нее. Болтовня его уже не такъ свободна, какъ прежде; движенія не такъ низки и неуклюжи, онъ не лжетъ болѣе такъ отважно и безтолково и пользуется своею деревянною шпагою съ большею умѣренностію. Но это тоже большое дитя, которое въ одну минуту и плачетъ и смѣется, сердится и мирится, и подобно котенку царапается и ласкаетъ бархатною лапкою. Онъ не достигъ еще той простодушной и тонкой глупости, того нѣжнаго лукавства, которыми, благодаря любезному Флорилну, Французы такъ долго наслаждались; но сдѣлался гораздо интереснѣе (въ пьесахъ: Тридцать два несчастія Арлекина; Потерянный и найденный Арлекинъ; Добрая жена; Сто четыре приключенія и другихъ). Въ безчисленныхъ комедіяхъ Гольдони и его соперника Гоцци, Арлекинъ могъ измѣнить нѣсколько свой характеръ, но сохранилъ свое платье и свою подвижность, остался въ главныхъ чертахъ прежнимъ Арлекиномъ. Идетъ ли онъ ночью на любовное свиданіе, и его любовница, выслушавши серенаду, начинаетъ ревновать, Арлекинъ всегда дѣлаетъ самый умоительный прыжокъ, держа живописно въ рукѣ зажженную свѣчу. Позволяетъ ли себѣ Бригелла на-

* Вотъ названія піесъ, написанныхъ Гольдони въ четверть года: 1) Комическій театръ, 2) Щекотливыя женщины, 3) Кофе, 4) Лгунъ, 5) Льстецъ, 6) Антикварій, 7) Памела, 8) Человѣкъ со вкусомъ, 9) Игрокъ, 10) Притворно больная, 11) Благоразумная женщина, 12) Незнакомецъ, 13) Честный искатель приключеній, 14) Вѣтреница, 15) Болтуны, и еще двѣ.

Digitized by Google

кую нибудь наглость, Арлекинъ ловко потчуетъ его пинкомъ, и потомъ раскаивается повторяя свое *mea culpa*. Панталонъ, уставши наконецъ быть обкрадываемымъ негодяемъ слугою, посылаетъ сбировъ взять его; Арлекинъ прячется въ кануру сумасбра. Бригелла, всегдашній его противникъ, а Панталонъ жертва; Арлекинъ, подобно Бригелле, имѣетъ своихъ подражателей. Труффальдины и Труканьины вышли изъ его школы, и многіе думаютъ, что онъ самъ скрывается иногда подъ именами Граделина и Меццетина, сохраняя, подобно Бригелле-Скапену, свой оригинальный характеръ подъ чужимъ именемъ. Панталонъ и докторъ, люди степенные, держатся крѣпко своихъ именъ, и никогда ихъ не оставляютъ. Самый большой упрекъ, какой имъ можно сдѣлать, есть тотъ, что они скидываютъ иногда свои маски, и въ этомъ случаѣ виноваты не столько они, сколько Гольдони, немощный нововводитель, нѣсколько разъ неловко ихъ выставлявшій. Но впрочемъ за чѣмъ же они и задирали его?

Однажды, напримѣръ, толстый молодой человѣкъ, веселаго нрава, стучится въ дверь поэта, сдѣлавшагося на время адвокатомъ. Кто вы? — Я Дарбесъ.— Какъ, г-нъ Дарбесъ, сынъ директора почты въ Фріулѣ, г-нъ Дарбесъ, котораго считали погибшимъ? — Онъ самый!—Что жъ вы теперь дѣлаете?—Дарбесъ поднялся и ударя ладонью по огромному своему брюху, сказалъ съ комическою важностію: «я комедіянтъ, и безъ хвастовства могу сказать, что ежели Гаррикъ умеръ, то Дарбесъ замѣнилъ его. Но говоря откровенно, ежели я хвалю автора, это значитъ, что имѣю въ немъ нужду.» — Вы во мнѣ имѣете нужду? — «Да, господинъ Гольдони, я пришелъ просить у васъ комедіи. Я обѣщалъ моимъ товарищамъ піесу Гольдони; я буду имѣть ее и выиграю закладъ. — Но я за

Digitized by Google

нять, мнѣ нѣкогда.— «Что нужды, напишите мнѣ пѣсу, когда вамъ угодно.» — Продолжая разговоръ, Дарбесъ беретъ табакерку Гольдони, нюхаетъ табакъ, кладетъ туда нѣсколько золотыхъ монетъ и бросаетъ ее на столъ, съ жестомъ, объясняющимъ его дѣйствіе. Гольдони открываетъ табакерку, и принимаетъ дѣло серьозно.— Не сердитесь, говоритъ ему Дарбесъ, это на бумагу. Гольдони противится, Дарбесъ настаиваетъ, принуждаетъ, закрываетъ табакерку, раскланивается и уходитъ. Гольдони, одолженный такимъ образомъ, пишетъ къ Дарбесу письмо, обѣщая ему комедію. Дарбесъ отвѣчаетъ ему: «И такъ я буду имѣть комедію Гольдони; я молодъ, но теперь ничего не значатъ для меня всѣ Панталоны Венеціи, Рубини Сенъ-Лукскіе, Коррини Сенъ-Самуэльскіе; я смѣло вступлю въ бой съ Феррамонти Болонскимъ, Пазини Миланскимъ, Беллотти Флорентинскимъ, съ отставнымъ Галинетти, съ самымъ Горелли въ его гробницѣ.» По исчисленію Панталоновъ можно видѣть, что это была самая цвѣтущая ихъ эпоха.

Гольдони написалъ *Tonin belia gracia* для Дарбеса, игравшаго роль Панталона безъ маски; пьеса упала. Бѣдный актеръ былъ убитъ; Гольдони скоро далъ ему случай поправиться, написавши *благоразумнаго человѣка*, въ которомъ Дарбесъ явился въ маскѣ. Краткій разборъ этой комедіи, имѣвшей большой успѣхъ, покажетъ намъ Панталона въ дѣйствіи, и дастъ нѣкоторую идею о тогдашнемъ вкусѣ.

Панталонъ, богатый Венеціянскій негоціянтъ разбогатѣлъ и удалился въ Сорренто. Хотя онъ имѣлъ уже двоихъ дѣтей отъ перваго брака Октавія и Розауру, но женился вторично на донѣ Беатрисѣ, дочери Неаполитанскаго купца. Скоро пошли разстройства въ домѣ, хотя Панталонъ былъ неглупъ и сговорчивъ; новая жена его кокетка, зла, мститель-

Digitized by Google

на и, что всего хуже, имѣетъ чичисбеєвъ. Поведеніе дѣтей усиливаетъ безпорядокъ въ домѣ; Октавій своеволенъ, Розаура глупа; Октавій имѣетъ любовницъ, Розаура любовника. Панталонъ очень разсудителенъ; онъ читаетъ поученія попеременно каждому члену своей фамиліи, но его одни бранятъ, другіе не слушаютъ. Такъ какъ онъ терпѣливъ и благоразуменъ, то только истощивши кроткія средства, прибѣгаетъ къ мѣрамъ болѣе дѣйствительнымъ. Перебранивши всѣхъ, онъ грозитъ; но его угрозы недѣйствительнѣе поученій: одни сердятся, другіе смѣются съ нихъ; мать, дочь и сынъ вступаютъ въ заговоръ противъ бѣднаго Панталона, который уступаетъ поле битвы и убѣгаетъ. Беатриса, взбѣшенная угрозами мужа, и подстрекаемая совѣтами плута чичисбея, хочетъ мстить, то есть избавиться отъ Панталона. Она хотѣла бы вовлечь въ свои виды пасынка и падчерицу, но Октавій одинъ только принялъ ея сторону. Октавій покупаетъ ядъ, а мачиха приняла на себя дать его мужу. Она пользуется минутою, когда поваръ отворотился, и бросаетъ ядъ въ кушанье, назначенное благоразумному человѣку. Здѣсь фарсъ становится трагедіей, но трагедія скоро опять переходитъ въ фарсъ. Въ самомъ дѣлѣ, пока кушанье грѣется на легкомъ огнѣ, любимая собачка Розауры, привлеченная пріятнымъ запахомъ, лаетъ на очагъ. Розаура, для удовольствія своей любимицы, не колеблется взять часть отцовскаго завтрака. Животное, проглотивши нѣсколько ложекъ супу, падаетъ въ конвульсіяхъ и издыхаетъ. Розаура въ отчаяніи, и въ это время приходитъ ея любовникъ. Это хитрый Неаполитанецъ, который тотчасъ смѣкнулъ, кѣмъ былъ приготовленъ ударъ; онъ очень основательно разсудилъ, что подведя подъ висѣлицу Октавія и Беатрису, онъ избавится разомъ и будущаго шурина и бу-

Digitized by Google

дущей тещи, и что наслѣдство Розауры увеличится ихъ частями; онъ рѣшается готчасъ донести о преступленіи. Едва онъ ушелъ, какъ Панталонъ, потерявши терпѣніе въ ожиданіи завтрака, идетъ на кухню и находитъ тамъ Розауру, которая сообщаетъ ему о своемъ пріятномъ открытіи. Благоразумный человѣкъ естественно отказываетъ себѣ въ завтракѣ; онъ дѣлаетъ болѣе, выбрасываетъ и супъ и горшокъ за окно. Между тѣмъ приходятъ сбирры и берутъ Беатрису и Октавія. Начинается процессъ, и здѣсь великодушіе благоразумнаго человѣка является во всемъ блескѣ. Панталонъ отказывается преслѣдовать обвиненныхъ; еще болѣе, онъ рѣшается ихъ защищать. Гольдони въ этомъ случаѣ припоминаетъ, какъ онъ былъ когда-то адвокатомъ, и влагаетъ въ уста Панталона длинную рѣчь нелѣпо патетическую. Невозможно противиться дѣйствію рѣчи; но ораторъ хочетъ изумить судей новымъ родомъ судебной діалектики въ пользу невинности — онъ вдругъ выпускаетъ изъ подъ плаща живую собаку, совершенно подобную отравленной; животное бросается съ лаемъ на средину залы, и трибуналъ, уступая этому громкому краснорѣчію, объявляетъ дѣло конченнымъ и освобождаетъ обвиненныхъ. Панталонъ торжествуетъ, честь фамиліи его спасена; но такъ какъ онъ не даромъ называется благоразумнымъ человѣкомъ, то даетъ себѣ слово никогда не ѣсть по утрамъ супу, и приниматься за кушанье послѣ всѣхъ. — Успѣхъ подобныхъ сочиненій мало дѣлаетъ чести вкусу Венеціянской публики, и очень много актерамъ, которые умѣли играть ихъ такъ, что они нравились. Сколько Голицетти, Дарбесъ и Сакки должны были истратить ума и времени на то, чтобы сдѣлать сносными и даже занимательными шутки Арлекина, пошлости Бригеллы, тяжелыя нравоучитель-

Digitized by Google

ныя тирады Панталона. Простонародный, прекрасный языкъ Венеціи помогъ и автору и актерамъ; это самое пріятное изъ нарѣчій Итальянскихъ. Гольдони, употреблявшій его преимущественно, отдаетъ ему полную справедливость въ своихъ запискахъ. Звуки его, говоритъ онъ, нѣжны, мягки и легки, слова выразительны; ихъ такъ много для названія каждой вещи, что очень легко составлять какія хочешь фразы умныя и гармоническія. Любовь къ удовольствіямъ, пріятная безпечность и тихая веселость составляли въ послѣднемъ вѣкѣ основаніе Венеціанскаго характера. По этому нечего удивляться, ежели простонародный языкъ былъ такъ способенъ для шутки. Гольдони никогда не былъ столько естественнымъ, такъ непринужденно комическимъ, какъ изображая безыскуственно Венеціанскіе нравы и притомъ простонароднымъ языкомъ. Ежели есть у него искры генія, то именно тогда, когда онъ слѣдуетъ этому направленію. Онъ перестаетъ быть оригинальнымъ и упадаетъ часто до посредственности, когда употребляетъ свой удивительно гибкій талантъ на составленіе долгихъ и трудныхъ завязокъ, или тяжелыхъ характерныхъ комедій. Безъ сомнѣнія, надобно всегда выдти на встрѣчу посѣщающему насъ вдохновенію, но когда возбуждаютъ его ежечасно, оно отдаляется, становится туманнымъ и наконецъ оставляетъ навсегда докучливаго писателя. Гольдони создалъ въ Италіи школу, и послѣдователи его, какъ обыкновенно бываетъ, подражали только слабымъ его сторонамъ. Большая часть этихъ скучныхъ дѣлателей, не могши изобразить общества, котораго они никогда не видали, привязываются къ воображаемымъ странностямъ, или живописуютъ нравы столь грязные, что скорѣе станешь жалѣть объ ихъ оригиналахъ, нежели смѣяться надъ ними. Поэтъ, по ихъ

Digitized by Google

понятію, всегда бѣднякъ, который не можетъ зайти къ пріятелю не занявши у него рубля. Купецъ всегда мошенникъ, продающій товары по фальшивымъ вѣсамъ, и хвастающій плутовствомъ, какъ ловкою спекуляціею. Судьи берутъ взятки обѣими руками и оправдываютъ того, чей кошелекъ полнѣе. Адвокаты защищаютъ дѣла за столько-то рублей въ часъ, и всегда готовы въ одномъ и томъ же дѣлѣ говорить въ пользу обѣихъ тяжущихся сторонъ. Лекарл говорятъ еще Мольеровскою латынью и безтрепетно морятъ больныхъ. Военные всегда наглы и храбры только на словахъ; подобно Корнелеву храбрецу, они говорятъ сопернику своему, который идетъ за нимъ по пятамъ и любезничаетъ съ его любовницею: «Даю тебѣ на выборъ три или четыре смерти: я разобью тебя кулакомъ какъ стаканъ, или вобью тебя въ землю по самое темя; или однимъ взмахомъ разорву тебя на десять частей, или взброшу тебя выше громовъ, пусть тебя, истребятъ тамъ стихійные огни. Надумывайся и избирай скорѣе.»

Но этотъ соперникъ, вмѣсто того, чтобы бѣжать, отвѣчаетъ ему храбро:

«Потише, потише! Я *уже* десятерыхъ уничтожилъ въ эту ночь такихъ, какъ ты.»

Оба благоразумно бьютъ ретираду и одинъ изъ нихъ, въ случаѣ нужды, уступаетъ другому свою любовницу.

Этимъ бѣднымъ авторамъ не достаетъ, не столько умѣнья сложить сюжетъ и теплоты, сколько знанія свѣта; отъ того изображенія ихъ такъ грубы, что противорѣчатъ дѣйствительному ходу вещей, особенно въ тѣхъ пьесахъ, въ которыхъ хотятъ живописать общество. Но возвратимся къ нашимъ четыремъ геролмъ народной комедіи.

Лица эти потерялн нѣсколько своей прежней славы. Докторъ изгнанъ въ Болонью; во всей Ломбардіи, въ

Digitized by Google

Бергамѣ, какъ и Миланѣ, Менегино смѣнилъ Арлекина и Бригеллу. Менегино баловень Миланцевъ, герой театра Стадера; таланть его состоитъ преимущественно въ неловкости, въ искуствѣ, съ какимъ онъ стукается лбомъ объ стѣны, спотыкается на неровномъ полу, никогда не падая и не теряя хладнокровія. Наконецъ и къ самому Панталону охладѣли въ Венеціи. Этотъ простакъ съ его слугами принимается только въ театрахъ третьестепенныхъ. Арлекинъ впрочемъ постоянно выдерживаетъ характеръ изворотливаго неотесы, лукаваго дурачка. Ежели напримѣръ онъ хочетъ продать свой домъ, то вынимая изъ кармана кусокъ кирпича, говоритъ купцу: «мнѣ не хотѣлось бы обманывать васъ въ этой бездѣлицѣ, и вотъ я принесъ съ собою образчикъ товара.» — Однажды онъ приходитъ въ лохмотьяхъ, какъ настоящій нищій и проситъ милостыни у Панталона; этотъ, говоря какъ Неаполитанцы *Fate mi ben per voi?* даетъ ему монету въ шесть копѣекъ и требуетъ сдачи пять. Арлекинъ шаритъ у себя въ карманахъ и не находитъ ничего. Я забылъ, говоритъ онъ, деньги перемѣняя платье, и беретъ себѣ весь шестикопѣешникъ. Панталонъ неохотно ему уступаетъ и хочетъ отомстить шуткою. — Сколько у тебя отцовъ? спрашиваетъ онъ у него насмѣшливо. — Одинъ только, синьоръ. — Какъ, глупецъ, только одинъ? Поищи-ка хорошенько, вѣрно найдешь другаго.— Арлекинъ, подумавши съ минуту, отвѣчаетъ: я искалъ очень хорошо и не нашелъ болѣе; это вотъ видите, господинъ Панталонъ, отъ того, что я бѣденъ; если бы я былъ богатъ какъ вы, можетъ быть у меня также было бы тридцать шесть отцовъ.»

Арлекинъ захворалъ; докторъ предписываетъ ему ванну; потомъ при другомъ свиданіи спрашиваетъ,

Digitized by Google

какъ онъ выпилъ вашу? Очень мокрою, отвѣчаетъ больной. Докторъ требуетъ платы за визитъ; Арлекинъ не имѣетъ ни копѣйки и на чисто отказывается платить. Докторъ зоветъ его въ судъ, гдѣ Арлекинъ говоритъ: «Пускай докторъ принесетъ сюда мою болѣзнь, я готовъ съ моей стороны представить полученное отъ него здоровье, каждый изъ насъ возметъ что ему принадлежитъ, и мы будемъ квиты.» Арлекинъ даетъ также щелчокъ и Итальянскимъ маркизамъ.—«Какъ жаль, говоритъ онъ, что Адамъ не вздумалъ пожаловать себя въ маркизы: мы всѣ были бы теперь дворянами.» Панталонъ даетъ своему слугѣ Арлекину кружку съ Кипрскимъ виномъ, чтобъ тотъ отнесъ ее къ одному изъ друзей его; но такъ какъ онъ не вѣритъ плуту, котораго знаетъ какъ большаго блюдолиза, то припечатываетъ крышку къ кружкѣ. Арлекинъ провертываетъ дырочку внизу, вынимаетъ полпружки и залѣпливаетъ отверзтіе. Пріятель, которому послана кружка, открываетъ ее и видитъ, что вино испарилось въ половину; осматриваетъ дно кружки и находитъ дыру. — «Ахъ, ты негодяй! говоритъ онъ Арлекину, это ты сдѣлалъ дырку и выпилъ вино?»—«Помилуйте, отвѣчаетъ онъ простодушно, вѣдь вы видите, что вина не достаетъ сверху, а не снизу.»

Между фарсами Арлекина старинные все еще лучшіе. Арлекинъ въ лунѣ есть одинъ изъ тѣхъ фарсовъ, которые обошли всю Европу, и въ Италіи во время карнавала играются и теперь еще второстепенными труппами. Пьеса эта не болѣе какъ канва, которую всякой разрисовываетъ по своему; она отъ начала до конца исполнена глупостей, болѣе или менѣе забавныхъ, хотя и пошлостей довольно. Между тѣмъ среди этихъ площадныхъ сценъ встрѣчаются иногда неожиданно удары мастерской кисти; эти

Digitized by Google

блестки умной сатиры, которыми отличаются по большой части старинные народные фарсы, какъ будто похищенные у Макіавеля или Рабеле. Вотъ напримѣръ разговоръ доктора съ Арлекиномъ, сдѣлавшимся начальникомъ на лунѣ.

ДОКТОРЪ. Смѣю спросить вашу милость, какого нрава ваши подвластные?

АРЛЕКИНЪ. Мои подвластные! Они *quasi* безъ пороковъ, ежели не считать корыстолюбія и чванства, которыми они управляютъ.

ДОКТОРЪ. Это точно какъ здѣсь.

АРЛЕКИНЪ. Каждый старается устроить какъ можно лучше дѣла свои на счетъ другаго, и первая добродѣтель въ моей области состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть много денегъ.

ДОКТОРЪ. Это точно какъ здѣсь.—А въ вашей области есть ли правосудіе?

АРЛЕКИНЪ. Да объ немъ тамъ пишутъ.

ДОКТОРЪ. Судьи не поддаются иногда искушеніямъ?

АРЛЕКИНЪ. Женщины, какъ и вездѣ, осаждаютъ ихъ и иногда дѣлаютъ имъ небольшіе подарки; впрочемъ судьи не превебрегаютъ и деньгами; но кромѣ этого, все идетъ въ порядкѣ.

ДОКТОРЪ. Это точно какъ здѣсь.

Въ началѣ пьесы, Арлекинъ, которому еще не пришла въ голову счастливая мысль сдѣлаться знатнымъ человѣкомъ на лунѣ, узнаетъ, что докторъ хочетъ выдать Коломбину, свою служанку, замужъ за откупщика. Онъ выражаетъ свое отчаяніе въ знаменитомъ монологѣ, составляющемъ торжество и камень преткновенія актеровъ:

«Несчастный я! Докторъ хочетъ выдать Коломбину за откупщика, и я останусь безъ Коломбины! Нѣтъ, я умру. Безсмысленный докторъ! Неблагодар-

Digitized by Google

ная и непостоянная Коломбина! Подлый откупщикъ! Жалкій Арлекинъ! Я непремѣнно умру; пусть читаютъ въ древней и новой исторіи: Арлекинъ умеръ за Коломбину. Пойду въ свою комнату, привяжу веревку къ потолку, стану на стулъ, надѣну петлю на шею, толкну ногой стулъ, и я повѣшенъ— уфъ! — (принимаетъ положеніе повѣшеннаго). Но, фи! Арлекинъ, ты хочешь убить себя за дѣвчонку! Это была бы большая глупость.—Такъ, но эта дѣвчонка промѣняла честному человѣку, она большая злодѣйка. — Хорошо, но ежели ты повѣсишься, будешь ли отъ того жирнѣе? — Конечно, нѣтъ, даже не безъ того-то, чтобъ маленько не похудѣть.—Такъ для чего же вѣшаться?—Для того, что я хочу такъ.—Ты не повѣсишься.—Повѣшусь! —Увѣряю тебя, что нѣтъ. —Клянусь, что да.— Не повѣсишься, говорю тебѣ.— Подожди, негодяй, я избавлюсь отъ твоей докучливости (онъ вынимаетъ свою деревянную шпагу, бьетъ себя ею по спинѣ, и начинаетъ бѣгать).— Ага! разказчикъ ушелъ; теперь пойдемъ вѣшаться (дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, и останавливается). Повѣситься? Но это слишкомъ обыкновенно, это не сдѣлаетъ мнѣ чести. Поищемъ какой нибудь смерти необыкновенной, героической, достойной Арлекина.»

Онъ пробуетъ попеременно разные роды смертей: то удерживаетъ дыханіе, то становится вверхъ ногами; все что-то не клеится; онъ закрываетъ носъ и ротъ, смерть все-таки не является. «Вѣрно, воздухъ куда нибудь проходитъ, говоритъ онъ; потомъ обо-рачивается къ хохочущему партеру: «Вамъ смѣшно, продолжаетъ онъ: хорошо; держу пари, что вы не злѣе меня, и что между вами ни одного нѣтъ, кто бы показалъ мнѣ примѣръ какъ я долженъ умереть. Ваша веселость однакожъ подаетъ мнѣ счастливую мысль: я читалъ гдѣ-то, что люди умирали отъ смѣ-

Digitized by Google

ху; вотъ если бы мнѣ умереть отъ смѣху; попробуемъ, это было бы очень смѣшно; но такъ какъ у меня не много веселья на сердцѣ, то стану себя щекотать; тогда ужъ я долженъ буду смѣяться.»

Онъ щекочетъ себя въ самомъ дѣлѣ, падаетъ на землю хохоча, и дѣлая тысячи глупостей очень ловко и живо; онъ почти задыхается отъ смѣху, какъ входитъ его пріятель, утѣшаетъ его и уводитъ съ собою. Въ этихъ-то покушеніяхъ на самоубійство, онъ выдаетъ себя сперва за чиновника луны, потомъ за вельможу, женится на служанкѣ доктора, выманиваетъ у него прекрасное бриллiантовое кольцо и шесть червонцовъ, а ему за то выхлопатываетъ мѣсто скорпіона въ зодіакѣ.

Арлекинъ въ старинныхъ возобновленныхъ піесахъ и въ нѣкоторыхъ новыхъ, всегда старается выдти въ люди ловкою изворотливостію; обыкновенно онъ играетъ роль слуги въ комедіяхъ, и дурочка въ уродливыхъ мелодраммахъ, занятыхъ съ Нѣмецкаго театра. Но онъ нигдѣ такъ не хорошъ, какъ въ этихъ небольшихъ фарсахъ, которые ко времени карнавала иногда удостоиваютъ сочинять для него, и которые могутъ быть названы мастерскими произведеніями, въ своемъ родѣ, особенно ежели такіе остроумные писатели, какъ Антоніо Цезари, Карло Порта или Анелли, прославившійся составленіемъ Либретто, примутъ на себя трудъ срифмовать ихъ. Анелли въ теченіи двадцати лѣтъ успѣлъ осмѣивать то Нѣмцовъ, то Французовъ, такъ что ни тѣ ни другіе не могли сердиться. Въ *Italiani in Alghieri* онъ даже осмѣлился пошутить надъ Миланскимъ сенатомъ. Такъ какъ піеса имѣла необыкновенный успѣхъ, то почли благоразумнымъ не понимать сатиры, то есть предоставить все своему теченію, не заботясь ни о чемъ.

Digitized by Google

Очеркъ какого нибудь изъ этихъ фарсовъ, покажетъ этотъ родъ народной комедіи лучше, нежели длинныя разсужденія. Избираемъ піесу, имѣвшую наибольшій успѣхъ. Это подражаніе *Массо* Антоніо Цезари, и называется: *Три труса.*

Амброжіо Бурламатти, Вероискій дворянинъ съ нѣсколькими пріятелями Венеціянцами сидѣлъ въ Казино въ Брентѣ. Была осень; время очень непріятное въ Италіянскихъ провинціяхъ, лежащихъ при подошвѣ Альповъ. Охота, рыбная ловля, прогулки, любимыя развлеченія праздной молодежи сдѣлались невозможными. Не зная, какъ убить время, наши плѣнники умирали со скуки. Бурламатти и Стефано его другъ напрасно ломаютъ голову надъ тѣмъ, какъ бы пособить горю; вдругъ Амброжіо вскрикиваетъ отъ радости и обращался къ Стефано говоритъ: «Мой другъ, мы спасены; мы не умремъ еще на этотъ разъ; даже увѣряю тебя, что эту ночь мы порядкомъ посмѣемся.» — Тѣмъ лучше, потому что я охотнѣе прячусь съ моею скукою подъ одѣяло, чѣмъ сажусь за карточный столъ, гдѣ только раззоряются. — «Послушай! ты знаешь, что Менегино, мой ключникъ, поутру умеръ. По этому-то случаю мы и потѣшимся.» Какъ! по случаю смерти? — Именно. Ты знаешь, что здѣсь въ обычаѣ оставаться на ночь при покойникѣ кому нибудь изъ его прежнихъ товарищей; вотъ видишь, я думаю поручить это такому лицу, которое насъ очень позабавитъ; именно этому деревенщинѣ Панталону, сыну раззорившагося Венеціянскаго купца, принятому мною въ службу. Это огромный саженный мужикъ, глупъ и неповоротливъ какъ быкъ, и такъ не ловокъ, что жареная рыба уйдетъ изъ его рукъ: онъ будетъ при покойникѣ.» — Я тутъ не вижу еще ничего забавнаго. — «Вотъ слушай дальше: этотъ нсотеса съ притязаніями на храбрость

Digitized by Google

Геркулеса, Феррага, Роланда, готовый сокрушить все, на дѣлѣ есть величайшій трусъ, какого когда либо видали на свѣтѣ; ночью я думаю его правая рука боится лѣвой. Я хочу подвергнуть опыту его храбрость.» Какимъ образомъ? «Арлекинъ, мой лакей, ляжетъ на мѣстѣ мертваго, а ужъ онъ такой мастеръ на шутки и весельчакъ, что сдѣлаетъ изъ этого комедію. Стоя вотъ тутъ у окошка, мы будемъ видѣть все, что произойдетъ въ комнатѣ.»

Амброзіо тотчасъ позвалъ Панталона. Этотъ вошедши разсказываетъ, что онъ чистилъ лошадь его превосходительства, у которой шея опухла, и что занимаясь болѣе двухъ часовъ этою утомительною работою, онъ выбился изъ силъ. — Я не имѣю никакой надобности знать объ этомъ.—А я имѣю надобность сказать вамъ, чтобы вы знали, какого человѣка имѣете въ службѣ. — Очень хорошо; но къ стати, боишься ли ты мертвецовъ?—Бояться мертвецовъ? Вы смѣетесь надо мною. Какъ я могу бояться мертвецовъ, когда никогда не боялся ни одного живаго?—Хорошо сказано. Я никогда и не сомнѣвался въ твоей храбрости, мой любезный Панталонъ. Послушай же! ты знаешь, что Менегино померъ въ это утро?—Ахъ, да, Ваше Превосходительство, докторъ убилъ его.—Ты правъ; но сдѣланнаго не воротишь. Я знаю, что ты былъ другомъ умершаго, и рѣшаюсь поручить тебѣ посмотрѣть за нимъ эту ночь.—Панталонъ дѣлаетъ длинное лицо и начинаетъ дрожать.—Мнѣ сидѣть у мертвеца?—А что же, развѣ у тебя не достаетъ духу для этого? Панталонъ ободрился.—Духу! Развѣ надобно духу чтобы сидѣть у мертвеца? Пусть ихъ будетъ десятьтысячъ, и я стану сидѣть, если надобно.—И такъ, это рѣшено. Въ часъ молитвы ты пойдешь въ комнату покойнаго, и останешься тамъ всю ночь, пока свя-

Digitized by Google

щенникъ не придетъ поутру отпѣвать его. Понимаешь? Панталонъ, едва скрывая смущеніе свое, уходитъ повѣся носъ. Только тотъ ушелъ, графъ призываетъ Арлекина. Перенеси ты тѣло Менегино въ какой нибудь погребъ, и лягъ на его мѣсто въ постель. Ты знаешь что надобно дѣлать, когда останешься одинъ на одинъ съ Панталономъ, твоимъ сторожемъ. Но я тебя предувѣдомляю, что мы хотимъ смѣяться, какъ никогда не смѣялись. О! меня уже теперь беретъ смѣхъ.

Графъ не останавливается на этомъ; онъ хочетъ, какъ онъ говоритъ, на одинъ орѣхъ поймать трехъ индѣйскихъ пѣтуховъ; два найдены; Бригелла его домоправитель будетъ третій. У меня гдѣ-то въ сараяхъ есть костюмъ дiявола: голова львиная, рыло крокодила, кожа козлиная, ноги сатира, хвостъ осла, все есть.—Бригелла, мой другъ, надѣнь пожалуйста эттоъ нарядъ и влѣзь въ окно въ комнату, гдѣ Панталонъ сторожитъ Менегино. Появленіе твое вѣрно произведетъ ужасъ въ Панталонѣ. — Бригелла въ восхищеніи отъ роли, которую ему далъ; онъ потираетъ руки, обдумывая какъ лучше сыграть штуку съ Панталономъ, его соперникомъ, и заранѣе воображая его страхъ. Графъ, съ своей стороны, коварно смѣется себѣ въ бороду: онъ не сказалъ Бригеллѣ, что Арлекинъ будетъ на мѣстѣ мертваго, а Арлекину, что Бригелла участвуетъ въ комедіи въ ролѣ чорта. Онъ такъ доволенъ своею выдумкою и обѣщаетъ себѣ такъ много отъ нее удовольствія, что обнимаетъ Стефано, и оба запѣваютъ хоромъ живые и веселые куплеты, оканчивающіе эти первыя сцены.

Слѣдующій актъ происходитъ въ комнатѣ Менегино. Арлекинъ, завернутый въ длинную простыню и вымазанный мѣломъ, лежитъ въ постелѣ умер-

Digitized by Google

шаго. Онъ неспокоенъ духомъ, боится чего-то и по временамъ щупаетъ себя, чтобы увѣриться, не умеръ ли онъ въ самомъ дѣлѣ. Впрочемъ онъ собирается выместить свой страхъ на бѣдномъ Панталонѣ, котораго приходъ долженъ его успокоить. Между тѣмъ Панталонъ медлитъ и Арлекинъ предается философскимъ размышленіямъ, которыя внушаетъ ему его странное положеніе.—«Сегодня, говоритъ онъ, я долженъ быть мертвымъ для смѣха, но придетъ время, что я буду въ самомъ дѣлѣ мертвымъ; тогда меня отнесутъ на кладбище, для удобренія земли подъ рѣпу; еще если бы я могъ ее ѣсть....» Между тѣмъ Панталонъ приходитъ. «Ступай себѣ, говоритъ онъ человѣку, проведшему его до двери; я самъ буду стеречь этого мертвеца. Тотъ, кто захочетъ его похитить, встрѣтитъ здѣсь добрые кулаки. Я буду отстаивать покойника, ежели нужно, противъ пушечной баттареи.» Панталонъ остается одинъ, садится подальше отъ мертвеца и ставитъ возлѣ себя фляжку, наполненную Фріульскимъ виномъ. — «Вотъ гдѣ жизнь, говоритъ онъ, а жизнь очень нужна въ домѣ смерти.» Сдѣлавъ это философическое замѣчаніе, онъ подходитъ осторожно къ постели мертваго. «Такъ вотъ бѣдный Мегетино! Какъ онъ бѣлъ, другой испугался бы, а я, я.. я.. я.. не боюсь.» Говоря это, онъ дрожитъ всѣми членами. «Но фу пропасть, какъ стало здѣсь холодно. Я чувствую дрожь, кровь стынетъ у меня въ жилахъ и мнѣ кажется, что у меня лихорадка. Ночь будетъ долга; не позвать ли мнѣ товарища, чтобы поиграть въ кости или въ *mora*? Фи! завтра сказали бы, что Панталонъ струсилъ. Впрочемъ на что мнѣ товарищъ? Развѣ у меня нѣтъ прекраснаго товарища?» Онъ беретъ фляжку. «Въ добрый часъ! вотъ что очень ободряетъ, это возвратило бы

Digitized by Google

жизнь и мертвому.»—Ободренный немножко этимъ разсужденіемъ, онъ поетъ въ полголоса веселые куплеты, въ которыхъ вызываетъ на бой и чорта и мертвеца; потомъ наливаетъ рюмку, но въ ту самую минуту, какъ онъ подноситъ ее ко рту, Арлекинъ испускаетъ продолжительный вздохъ и переворачивается ницъ. Панталонъ роняетъ рюмку и хочетъ бѣжать; но ноги его подкосились; онъ смотритъ украдкою на покойника. Арлекинъ подскакиваетъ на постелѣ и принимаетъ прежнее положеніе. Панталонъ падаетъ на колѣна, складываетъ руки, и воображая, что мертвецъ его не видитъ, хочетъ какъ нибудь доползти до двери. Арлекинъ тихо подымается на постели; Панталонъ падаетъ ницъ. Въ эту минуту послышался звукъ цѣпей; Арлекинъ проворно ложится. Панталонъ остается неподвижнымъ, поглядывая то на дверь, то на постель; звукъ приближается; Арлекинъ не шевелится болѣе; теперь онъ почти въ такомъ же ужасѣ, какъ и Панталонъ. Тутъ показывается въ дверяхъ Бригелла въ нарядѣ чорта и съ факеломъ въ рукѣ. При этомъ видѣ Панталонъ вскакиваетъ и хочетъ бѣжать. Бригелла его не пускаетъ, и тогда когда онъ хочетъ поджечь ему волосы факеломъ, Арлекинъ, котораго страхъ пригвоздилъ къ постелѣ, бормочетъ задыхающимся голосомъ: «Помилуйте! куда меня занесла нелегкая; это самъ сатана. Сатана своею особою, пришелъ взять Менегино... Нашедши меня на его мѣстѣ, онъ приметъ меня за него, и утащитъ живьемъ,.... Не могу ли я какъ нибудь уйти?....» Онъ подымается тихо и пробираясь вдоль стѣны, старается попасть въ дверь, какъ вдругъ Бригелла, занятый Панталономъ, сталкивается съ нимъ носъ къ носу.—Сатана!—Мертвецъ!—и оба опрокидываются. Пропалъ я, кричитъ Панталонъ, и падаетъ между ними. Но скоро всѣ трое поднимаются и начинаютъ

Digitized by Google

бѣгать по комнатѣ какъ съумасшедшіе, стараясь разойтись, сталкиваются и опрокидываютъ другъ друга. «Эй товарищи, помогите! мертвецъ! чортъ! привидѣніе!—Что это за чортъ? кричитъ Арлекинъ.—Что за мертвецъ? кричитъ Бригелла.» Наконецъ три храбреца останавливаются каждый въ углу, полумертвые отъ усталости и озирая другъ друга съ ужасомъ. Панталонъ мычитъ, Арлекинъ стонетъ, чортъ воетъ. Въ эту минуту графъ Амброжіо въ сопровожденіи друзей, отворяетъ дверь и бросается съ хохотомъ на средину комнаты. — Молчите, трусы, говоритъ онъ, молчите; или я васъ велю выколотить палками!

БРИГЕЛЛА. Я умеръ!

АРЛЕКИНЪ. Я совсѣмъ уничтоженъ!

ПАНТАЛОНЪ (держась за животъ.) Ахъ, Боже мой, какая рѣзь!

АРЛЕКИНЪ. Взгляните на мертвеца.

БРИГЕЛЛА. Взгляните на чорта.

ПАНТАЛОНЪ. Взгляните на обоихъ.

ГРАФЪ. Молчите, говорю вамъ, негодные трусы, или я васъ палкою заставлю молчать. Кто повѣритъ, что мертвецъ и чортъ перепугались другъ друга? А ты, безстрашный Панталонъ, куда дѣвалъ свою храбрость?

ПАНТАЛОНЪ. Вамъ хорошо теперь говорить, сіятельнѣйшій графъ, хотѣлъ бы я видѣть васъ между чортомъ и мертвецомъ.

Невозможно въ краткомъ очеркѣ изобразить всѣхъ дурачествъ этой сцены, напоминающей встрѣчу двухъ медвѣдей въ превосходномъ фарсѣ *Медвѣдь и Паша*. Разыгранная этими немножко грубыми, но полными огня актерами, которыхъ можно видѣть на каждомъ шагу въ Италіи, она всегда возбуждаетъ ужасный смѣхъ, и располагаетъ зрителя къ веселости на цѣлый вечеръ

Digitized by Google

Разговоръ, когда три маски узнаютъ другъ друга, также имѣетъ въ себѣ чрезвычайно много комическаго. Теперь они сердятся одинъ на другаго за причиненный страхъ, и готовы подраться, и графъ долженъ наконецъ прибѣгнуть къ своей власти: «Замолчите ли вы, болтуны? кричитъ имъ снова, у этихъ шутовъ такъ же великъ языкъ, какъ мало сердце; ну слушайте, трусы, я почитаю не лишнимъ прописать вамъ кой-какое лекарство, чтобы предупредить дурныя слѣдствія страха, какой вы надѣлали другъ другу; вотъ это лекарство: въ сѣняхъ есть боченокъ вина; вамъ принесутъ двухъ большихъ индѣекъ и порядочный окорокъ ветчины, ѣшьте и пейте въ волю, и когда будете сыты, Николоза, Брунетта, Танціа, Тина, и всѣ эти шалуньи, которыя такъ хорошо играютъ башмаками, войдутъ сюда приплясывая, и тогда виватъ танцы и веселіе. Менегино будетъ доволенъ своими похоронами.» Арлекинъ, Бригелла и Панталонъ, успокоенные и подкрѣпленные этими словами, благодарятъ графа Амброжіо, и всѣ трое запѣваютъ хоромъ куплеты съ выраженіемъ и напѣвомъ удивительно забавными. Собственно говоря, эта веселая пьеса ни комедія, ни водевиль, ни опера буффо; это остроумный фарсъ, во многихъ мѣстахъ отличающійся превосходными стихами и оживленный танцами и пѣснями. Это чисто Итальянскій родъ, какъ нѣкогда была комедія пастушеская, совершенно брошенная теперь; родъ, который восходитъ къ *Anfiparnasso* Орація Векки, представленному въ 1595 году. Въ этой комедіи, перемѣшанной съ музыкою, Панталонъ, Арлекинъ, Бригелла и капитанъ Кардонъ, храбрецъ Испанскій, играютъ уже каждый свою ролю. Лица эти говорятъ по Кастильски, по Итальянски, по Болонски, по Бергамски и даже по Еврейски. Ежели эти веселыя маски пере-

Digitized by Google

жили Миртилей, Тирсисовъ, Сильвіевъ комедіи пастушеской, то они обязаны своимъ долголѣтіемъ неизмѣнному веселонравію. Эти весельчаки сложены гораздо крѣпче, чѣмъ мягкосердые меланхолики. Панталонъ, Бригелла и Арлекинъ, хотя принимаемые уже не съ такимъ восторгомъ, какъ прежде, еще не утомили Итальянской публики, и теперь еще довольно живы. Когда умрутъ они? Неизвѣстно.

—

II.

КОМЕДІЯ ВЫСШАЯ И ПОДРАЖАТЕЛЬНАЯ.

Когда Боссюэтъ обвинялъ такъ громко комедію, это гибельное наслажденіе, которое, по словамъ его, ласкаетъ только грубыя страсти, осмѣиваетъ добродѣтель, шутя развратомъ извиняетъ его, оскорбляетъ стыдливость, ставя ея во всегдашнія опасенія отъ послѣднихъ покушеній; когда уничтожалъ удовольствіе, въ которомъ человѣкъ, по его мнѣнію, дѣлалъ себѣ игру изъ пороковъ и забаву изъ добродѣтели, онъ нападалъ на Мольера, покрывалъ его безславіемъ и преслѣдовалъ даже во гробѣ нещадными проклятіями. Послѣ всего этого едва повѣрить можно, что дворъ папы, верховнаго представителя той религіи, которой Боссюэтъ былъ только однимъ изъ служителей, сдѣлался колыбелью возрожденной Итальянской комедіи. Этотъ папа былъ Леонъ X, поэтъ, музыкантъ, сверхъ того человѣкъ умный; этотъ верховный правитель церкви былъ одаренъ талантами и артиста и государя, такъ что въ теченіи 9 лѣтъ его первосвященства, дворъ его походилъ болѣе на дворъ свѣтскаго государя, нежели на дворъ намѣстника Св. Петра.

Здѣсь мы разсматриваемъ Леона X только какъ

Digitized by Google

поэта и умнаго человѣка; на основаніи только этихъ качествъ онъ избралъ въ свои секретари Садалета и Бембо, а въ библіотекари Бероальда; покровительствовалъ старому Ласкарису, переписывался съ Эразмомъ и всѣми умнѣйшими людьми своего вѣка, основалъ Римскій университетъ и окружилъ себя легіономъ поэтовъ, писателей и артистовъ. Этотъ папа и его молодые кардиналы, богатые, умные, друзья удовольствія какъ и онъ, Сигизмонды, Гонзаги, Биббіены, Гипполиты Эсты, взялись за жизнь съ веселой стороны, и кажется заняты были одной задачей: наслаждаться ею какъ можно веселѣе.

Великіе умы, какъ Макіавели, Биббіена, Аретинъ и Ариостъ, сочиняли комедіи тѣмъ съ большею смѣлостію и свободою, что занимали высокія мѣста въ тогдашнемъ обществѣ и слѣдовательно болѣе могли себѣ позволить. Папа Леонъ X, любившій всякаго рода удовольствія, особенно умныя, хотѣлъ, чтобы эти комедіи игрались передъ нимъ, не по философской вольности, какъ напрасно думали, но просто по эпикуреизму, для пріятнаго препровожденія времени. Кардиналъ Биббіена былъ столько же веселаго духа, какъ и его властитель, и подобно ему, онъ любилъ подшутить надъ педантами и мистифировать глупцовъ. Съ этой цѣлью онъ далъ торжественный въѣздъ въ Капитолію дряннаго поэту Барабалло, который, будучи шутовски посаженъ на великолѣпнаго слона, прибылъ туда для вѣнчанія, и на возвратномъ пути порядочно освистанъ чернью. Онъ очень серьозно хвалилъ дурные стихи поэта Кверно и коварно представилъ его Леону, который пригласилъ его на ужинъ, и эта смѣшная фигура, стоявшая у окна, и ѣвшая стоя то, что ей бросали какъ собакѣ, почитала за великую честь такой пріемъ. По временамъ папа вспоминалъ, что бѣдный поэтъ

Digitized by Google

былъ тутъ: «Кверно, кричалъ онъ, посылая ему свою чашу полную вина, сдѣлай мнѣ сейчасъ стихи на пріятный ужинъ, и я позволю тебѣ выпить эту чашу.» Ежели стихи были хороши, Кверно выпивалъ вино; ежели были дурны, чашу наполняли водою, и несчастный поэтъ обязанъ былъ ее выпить. Вообразите себѣ, что этотъ нелѣпый человѣкъ былъ тщеславенъ. Одинъ разъ однакожъ повязка, которою глупость покрывала глаза его, какъ-то спала, и онъ примѣтилъ, что надъ нимъ смѣются, и что его принимаютъ не болѣе какъ за шута. Съ этого дня онъ гордо удалился отъ двора, тщеславіе вскружило ему голову, а бѣдность докончила его сумасшествіе. По смерти Леона X онъ распоролъ себѣ брюхо ножницами, и перерѣзалъ внутренности. Въ этихъ мистификаціяхъ, которыя любили Биббіена и Леонъ, нѣкоторые находили тайное желаніе унизить литературные таланты. Мы не видимъ однакожъ, какимъ образомъ, нападая на педантство и глупость, можно вредить истинному таланту? Ставить этихъ голодныхъ и бездарныхъ авторовъ на приличныя имъ мѣста, скорѣе значитъ оказать ему услугу.

Биббіена былъ безспорно человѣкъ высокаго ума. Его комедія *la Calandria* занята частію изъ *Menechmes*; завязка ея вертится на сходствѣ двухъ близнецовъ разныхъ половъ. Въ этой комедіи такъ много дѣйствія и оно такъ сложно, что трудно было бы сдѣлать понятный ея разборъ. *La Calandria*, до сего времени пользующаяся во Флоренціи высокимъ уваженіемъ, одолжена успѣхомъ своимъ тонкимъ и умнымъ діалогамъ, особенно совершенству формы, за что Тосканская школа ставитъ ее на ряду съ новеллами Бокаччіо и комедіями Аріоста и Макіавели.

Имя Макіавели возбуждаетъ мрачныя и важныя идеи, и между тѣмъ этотъ страшный политикъ есть

Digitized by Google

авторъ самой живой, самой роскошной и лучшей изъ комедій Итальянскихъ. *La Mandragora* въ самомъ дѣлѣ выше Каландріи. Содержаніе ея занимательнѣе, интрига проще и лучше ведена, разговоръ столько же живъ. *La Mandragora* и *La Calandria* нѣкоторымъ образомъ составляютъ начатки Итальянской художественной комедіи. Въ Мандрагорѣ преимущественно нова находятъ этотъ типъ истиннаго комизма, который господствовалъ въ теченіи двухъ вѣковъ. И такъ необходимо бросить взглядъ на это твореніе Макіавели, чтобы понять совершенно переворотъ, произшедшій въ Итальянскомъ театрѣ.

Рама этой комедіи самая широкая; подробности очень заманчивы, но въ нихъ слишкомъ много вольнаго, напримѣръ Латинскія консультаціи самозванца доктора; надобно думать, что въ это время вошло въ привычку все говорить, и все дѣлать. Какъ бы то ни было, Мандрагора блистаетъ красотами первоклассными. Характеры главныхъ лицъ начертаны мастерскою рукою; таковы: блюдолизъ Лигуріо, Монна Люкреція виновная жена по неволѣ и незнанію, Мессиръ Ниціи, этотъ обманутый и довольный мужъ, такъ часто выводимый на сцену Мольеромъ; Тимофей, типъ тогдашнихъ Итальянскихъ аббатовъ, грубый интриганъ, жадный, но однакожъ непохожій вовсе на Мольерова Тартюфа: первый добросовѣстенъ при слабости характера, и нѣкоторымъ образомъ чистосердеченъ въ порокѣ. Это одинъ изъ тѣхъ портретовъ, которые великій артистъ рисуетъ играя, но которые только великій артистъ можетъ рисовать. Не знаешь, чему болѣе удивляться: чистотѣ ли и твердости рисунка и мѣткости смѣлой и небрежной кисти, или живости колорита и знанію эффекта. Удивительный выборъ подробностей и благоразумная

Digitized by Google

умѣренность принадлежностей обличаютъ равно писателя геніяльнаго.

Безъ сомнѣнія, человѣкъ, который написалъ такое мастерское произведеніе, въ минуту печали, для развлеченія, не могъ иначе представлять себѣ жизни, какъ со стороны грустной. Въ самомъ дѣлѣ, что въ этой піесѣ? Глупцы, негодяи и лица, живущія на счетъ первыхъ съ помощію послѣднихъ, но ни одного честнаго человѣка; только веселость и живость формы скрываютъ въ ней мрачность основанія. Остроумныя выходки и шутки держатъ вниманіе зрителя въ напряженіи отъ начала до конца и не даютъ ему образумиться. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ блистаетъ высокій комизмъ, комизмъ положенія. Такъ, когда Ницій, мужъ, узнаетъ, что Люкрецію уговорили наконецъ прибѣгнуть къ странному средству, которое заключается въ идѣ Мандрагоры, онъ отъ радости потираетъ руки и восклицаетъ: *Jo son il piu content' uomo del mondo* (я доволенъ какъ нельзя больше). Эта фраза обманутаго мужа, и такъ счастливаго этимъ, какъ будто похищена у Мольера.

Разговоръ Состраты, матери, ободряющей свою дочь, — отца Тимофея ей помогающаго, также чрезвычайно вѣрны. — «Чего ты боишься дурочка? говоритъ мать, найдется десятковъ пять женъ въ этой странѣ, которыя были бы внѣ себя отъ радости, ежели бы имъ представился подобный случай.» Стыдливость и простота придаютъ особенную прелесть прекрасной фигурѣ этой молодой женщины, невольной участницы въ лукавствѣ ея любовника.

Монологи Тимофея столько же смѣлы, какъ и вся піеса, въ нихъ-то содержится мораль драмы. Послушаемъ его разсужденій, когда онъ ночью переодѣтый идетъ принять участіе въ намѣреніяхъ молодаго развратника. — «Кто говоритъ, что дурное со-

Digitized by Google

общество можетъ довести до висѣлицы, говоритъ правду. Въ несчастіе попадаетъ одинаково и тотъ, кто слишкомъ добръ и уступчивъ, и тотъ, кто истинно золъ. Богу извѣстно, хочу ли я вредить кому нибудь. Я оставался спокойно въ моей комнатѣ, занимался моими дѣлами. Этотъ чортъ Лигурію пришелъ ко мнѣ; заставилъ меня положить палецъ въ грѣхъ, скоро тамъ очутилась цѣлая рука, и вотъ теперь я весь тамъ. Я не знаю право, куда это поведетъ». Монологъ, начинающій пятый актъ, также любопытенъ. Надобно, чтобы духовная власть въ Италіи была въ то время очень сильна, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣла бы полное довѣріе къ этой силѣ, ежели терпѣла подобныя шутки, и что еще болѣе, забавлялась ими. Эта крайняя свобода, чтобы не сказать необузданность, которую комедія присвоила себѣ тогда, оставалась при ней до конца послѣдняго вѣка, и комедіи Макіавели, Биббіены и Аріоста служили образцами писателямъ слѣдующихъ вѣковъ. Подражали также Плавту и Теренцію, только лица Латинскихъ поэтовъ перемѣняли платья и состояніе. Въ пьесахъ этихъ всегда осмѣивается скупецъ, ревнивый мужъ, или какой нибудь старый докторъ. Забавныя переодѣванья и сундуки, въ которыхъ лица попеременно прячутся, составляютъ почти единственное драматическое пособіе, съ коимъ дѣйствіе идетъ и развязывается. Сначала кажется будто эти лица играютъ въ жмурки, потому что интересъ вертится большею частію на томъ, будутъ ли они найдены, или нѣтъ. Впрочемъ любовь всегда торжествуетъ, разумѣется не безъ нѣсколькихъ пощечинъ пристойности и нравственности. Въ началѣ XVII вѣка предыдущіе поэты были уже далеко назади въ этомъ отношеніи. Комедія напримѣръ Гварини, автора прекрасной пастушеской поэмы *Pastor fido*, переступаетъ всѣ пре-

Digitized by Google

дѣлы. Эта комедія называется *Idropica*. Она была играна въ 1608 году при Мантуанскомъ дворѣ, во время свадьбы одного изъ сыновей герцога. Во все продолженіе этого вѣка, театральные нравы и основанія пьесъ оставались почти тѣже, только по мѣрѣ удаленія отъ первыхъ временъ комедіи, форма ея становилась сложнѣе. Гонялись за интригой, пренебрегли изученіемъ и развитіемъ характеровъ; можно уже было предвидѣть близкое торжество романической путаницы, введенной Жанъ Баптистомъ Портою, ученымъ философомъ, Бернардомъ Аккольти и Рафаелемъ Боргини. Пьеса *Gli intrighi amorosi*, приписываемая Тассу, была образцовою въ этой новой школѣ. Завязка ея такъ запутана, что сама Венера, въ прологѣ, приняла на себя трудъ возвѣстить, что сынъ ея никогда не связывалъ подобной. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней шестнадцать главныхъ лицъ и почти столько же эпизодическихъ дѣйствій съ безконечнымъ числомъ переодѣваній и открытій. Это настоящій драматическій лабиринтъ, въ которомъ очень трудно не потерять нити. Только живость и комизмъ разговора не позволяютъ принять эту сумасбродную комедію за пародію на этотъ родъ.

Подражаніе Испанскому театру, бывшему тогда въ большой модѣ въ Европѣ, господствовало въ этихъ комедіяхъ и въ пастушескихъ сказкахъ, введенныхъ Тассомъ и Гварини. Къ концу XVII вѣка Джироламо Джигли, Сіенскій, хотѣлъ вывести Итальянскую комедію изъ этой слишкомъ уже избитой дороги; онъ далъ въ Римѣ двѣ піесы въ подражаніе Французскому театру *Don Pirlone*, сколокъ съ Мольерова Тартюфа, и *Litiganti* переводъ Расиновыхъ Ябедниковъ. Нѣкоторые критики думаютъ, что Джироламо Джигли оказалъ большую услугу Итальянской комедіи, давъ ей это новое направленіе и обративъ вниманіе

Digitized by Google

современныхъ поэтовъ на образцовыя творенія Французскаго театра. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія. Мы думаемъ, что Джиги однимъ разомъ подорвалъ раждавшуюся національность Итальянскаго театра и оригинальность его. Утомленные подражаніемъ то Теренцію, то Плавту, то Испанцамъ, то великимъ комикамъ XVI вѣка, нѣкоторые писатели этого времени прибѣгли еще къ провинціяльной комедіи; они изображали смѣшное мѣстное, и думали воспользоваться обильными данными комедіи *dell'arte*, которая шедши долгое время параллельно съ правильною комедіею, безъ особеннаго впрочемъ блеска, въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка взяла перевѣсъ. Это движеніе ежели не было остановлено, по-крайней-мѣрѣ было не замѣчено. Подражаніе Французамъ замѣнено подражаніемъ Латинскимъ и Испанскимъ пьесамъ. Самый Гольдони, столь оригинальный, ежели хочетъ того, любилъ лучше тянуться за Мольеромъ, и въ отношеніи къ этому великому писателю остался тѣмъ, чѣмъ Метастазій и Апостоло Зено были въ отношеніи къ Расину и Корнелю. Ежели бы онъ захотѣлъ, то могъ бы быть возстановителемъ Итальянской сцены. Маркизъ Маффеи, ученый и остроумный Веронецъ, нападалъ на это новое стремленіе къ подражанію въ своихъ комедіяхъ: Церемонія и Рагетъ. Въ послѣдней особенно онъ хочетъ осмѣять Итальянцевъ, портящихъ свой языкъ Французскими фразами. Эти комедіи, прекрасныя по разговору, слишкомъ учены, и потому слишкомъ холодны; онѣ не могли произвести переворота, къ которому стремились. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать теоріей и совѣтомъ, онъ рѣшился дѣйствовать примѣромъ, Маффеи выстрѣлилъ разомъ и на Французовъ и на Флорентинцевъ. Его комедія *Крускантe, сдѣлавшійся дуракомъ*, есть хорошая сатира на ультрапуризмъ

Digitized by Google

Академіи де ла Круска. Итальянская комедія этого времени впала въ педантизмъ. Джіуліо Цезарь Беселли, нападая на педантовъ своего времени, самъ попалъ въ ихъ число. Его комедіи *I falsi litterati, I poeti comici, l'Ariostita, Il Tassita* отличаются положеніями слишкомъ утонченными, чтобы не сказать холодными. Это ученыя сатиры болѣе или менѣе драматизированныя, мало дружныя со смѣхомъ.

Приверженцы національной комедіи вмѣсто того, чтобы сражаться доводами или твореніями противъ этого Французскаго вліянія, почли за лучшее не признавать его. Вмѣсто того, чтобы преслѣдовать критикою списчиковъ и пародистовъ Мольера, они обвинили этого великаго комика въ литературномъ воровствѣ, и отказали ему въ оригинальности. «Мы ничѣмъ не обязаны Мольеру, говорили они, а Мольеръ намъ всѣмъ обязанъ. Онъ нагло обокралъ нашихъ старинныхъ писателей. Онъ взялъ у Барбіери, автора *Inavertitto* свою комедію *l'Etourdi*, содержаніе и интрига *Depit amoureux* взяты изъ *Interesse* Сакки, а знаменитая сцена съ ящикомъ изъ *Sporta* Джелли. Еще болѣе, вы найдете его Тартюффа въ старинной комедіи XV вѣка *il Dottore Bacchettone*. Недовольный этимъ грабежемъ онъ почерпалъ изъ подобныхъ источниковъ свои комедіи *l'Ecole des Marie George Dandin, l'Avare* и проч. и проч. Всякой знаетъ, сколько онъ обязанъ піесамъ мимическимъ и комедіи *dell'arte*; оттуда то онъ почерпалъ свою веселость, свой умъ и свою удивительную живость.» Мольеръ отвѣчалъ на эти смѣшныя обвиненія, и отвѣтъ его очень извѣстенъ: *J'ai pris mon bien ou je le trouvais.* (Гдѣ я нашелъ мое добро, тамъ и взялъ его.)

Эти упреки въ кражѣ, повторяемыя и теперь еще Итальянскими критиками, не заслуживали другаго отвѣта. Презрѣніе есть лучшій отвѣтъ на нихъ. Вмѣ-

Digitized by Google

сто возгласовъ противъ Маэстро, показавшаго имъ какимъ образомъ должно гранить необдѣланные алмазы, эти немощные школьники должны бы слѣдовать его примѣру и обращаться съ меньшимъ пренебреженіемъ съ комедіею *dell'arte* и національными типами. Вмѣсто того, чтобы передѣлывать Гольдони, который въ свою очередь хотѣлъ передѣлывать Мольера, они должны бы были пользоваться этими типами, и ихъ старинными очерками, и находить комедію тамъ, гдѣ она была. Достойно замѣчанія, что комическіе поэты, около четверти вѣка имѣвшіе въ Италіи наибольшій успѣхъ, были именно тѣ, которые или по содержанію или по изложенію пьесъ приближались къ простотѣ народной комедіи. Графъ Жиро Сографи, Фредерици были, собственно говоря, народные поэты, искусно пускавшіе въ оборотъ очень обыкновенныя идеи. Особенно Сографи, удивительно комическій въ тѣхъ пьесахъ, въ которыхъ онъ изображаетъ нравы Италіанскихъ драматическихъ трупъ, обязанъ своимъ великимъ успѣхомъ искуству, съ какимъ онъ пользовался характерами и нарѣчіями провинціяльными, Венуезскимъ, Болонскимъ или Римскимъ. Рисуя портреты, онъ создалъ характеры, которые никогда не умрутъ. *Dazia Gabrinati dè Procoli* надменная и капризная Прима—донна, которая вчера пѣла на улицѣ, а сегодня разсказываетъ встрѣчному и поперечному, что она отказалась отъ предложенія, сдѣланнаго Англіею, желая подарить своимъ талантомъ дворянство и дилетантовъ Лоди; Прокало ея мужъ, кроткій съ нею, грубый съ другими, ея обезьяна и попугай, такъ вѣрно копирующій ея жесты и повторяющій ея слова; *Gennariello* знаменитый маэстро; *Giuseppina Pappa* первый музыкантъ; *la Tota* этотъ безстрастный плясунъ, сопровождающій каждое слово съ дѣт-

Digitized by Google

скимъ простодушіемъ; *Luisa Syammagalli* Болонская пѣвица; *Gugliemo Knollemanhilverdinchsprafehmaester* Нѣмецкій теноръ; наконецъ каждое лицо этихъ небольшихъ живыхъ піесъ, составляетъ превосходный оригиналъ, найденный въ самой природѣ, какихъ можете встрѣтить въ каждомъ маленькомъ городкѣ Италіи.

Сографи съ непринужденною веселостію и совершенною естественностію изображаетъ ихъ разнообразныя комическія стороны, не впадая въ тривіяльное и площадное. Къ сожалѣнію нужда, этотъ смертельный врагъ лучшихъ Итальянскихъ талантовъ, убила и этотъ, какъ и многіе другіе. Вступивши въ обязательства съ *impresari* жадными и лишенными вкуса, онъ не столько старался о достоинствѣ пьесъ, сколько о числѣ ихъ. Отказавшись вполнѣ обработать народную комедію, какъ началъ было въ первыхъ опытахъ, онъ былъ такъ сказать поглощенъ ею, и составлялъ только легкіе очерки. Сказанное о Сографи можетъ быть приложено и къ Фредерици, автору *говорящей шляпы*, *философіи разбойниковъ* и проч. Отдавая справедливость легкости изложенія этихъ писателей, можно только пожалѣть, что они употребляли во зло эту способность. Итальянскіе критики, всегда немножко надутые, и благосклонные только въ комедіи благородной, выдержанной, пренебрегаютъ Сографи, а превозносятъ и ставятъ на первое мѣсто Альберто Нота. Мы не раздѣляемъ ихъ мнѣнія. Нота, какъ всѣ холодные и робкіе умы, всегда ходитъ по чужимъ слѣдамъ. Онъ подражаетъ безъ различія Гольдони, Мольеру или Колень-д Арлевиллю; но подражаетъ, обезображивая ихъ. Онъ лишаетъ Колень-д Арлевиля тонкости и добродушія, Гольдони огня, Мольера комическаго жара, и переплавивши съ трудомъ лучшія творенія этихъ авторовъ

Digitized by Google

онъ выливаетъ ихъ въ свою единообразную форму, изъ которой они выходятъ изуродованными и на себя непохожими. Повѣрятъ ли напримѣръ, что Піемонтскій адвокатъ вздумалъ передѣлать Мольерова Мнимаго больнаго? — И здѣсь особенно видна его слабость. — Вотъ что онъ сдѣлалъ: стараго Аргана, такъ естественно и такъ забавно потерявшагося въ страхѣ и сомнѣніяхъ, онъ замѣнилъ молодымъ сантиментальнымъ человѣкомъ, слушающимъ съ тою же довѣренностію и спокойствіемъ глупыя консультаціи своихъ докторовъ, съ какою слушаетъ ихъ легковѣрный старикъ Мольеровъ. Итальянскій авторъ не понялъ, что эта слабость и это легковѣріе у Мольера оправдываются возрастомъ; не понялъ, что молодой человѣкъ, который боится любить, потому что боится умереть, не существуетъ въ природѣ. Юность идетъ прямо на любовь, и не знаетъ ни пустыхъ предосторожностей, ни смѣшнаго страха. Человѣкъ, который въ цвѣтѣ лѣтъ встаетъ съ постели по барометру, и любитъ по совѣту врача, который слушаетъ хладнокровно глупыя и безконечныя консультаціи господъ Хризалида и Кастореума, дѣйствительно, а не мнимо боленъ. Альфонсъ, больной Алберта Нота, окруженъ интриганами, какъ и Аргантъ Мольера, но эти интриганты, гораздо подлѣе, чѣмъ послѣдняго. Сестра больнаго Аспазія только и думаетъ о томъ, какъ бы надуть своего брата и завладѣть его деньгами; для этой цѣли она даетъ кучу Испанскихъ дублоновъ лекарямъ, призваннымъ на консультацію, чтобы они объявили брата опасно больнымъ; Раймондъ блюдолизъ и подлый льстецъ съ своей стороны ухаживаетъ около Аспазіи въ предположеніи жениться на ней; видя, что его надежды на богатое приданое исчезли, онъ беретъ назадъ всѣ подарки, какіе ей сдѣлалъ, и уходитъ съ грубыми сло-

Digitized by Google

вами: «Мнѣ жениться на этакой гадкой женщинѣ, и безъ приданаго! Я не такъ глупъ!» — Неужели это въ самомъ дѣлѣ Итальянскіе нравы? — Не думаемъ; такая низость и жадность намъ кажутся невозможными. Мы думаемъ, что авторъ для возбужденія интереса, преувеличилъ пороки; и между тѣмъ Альбертъ Нота у Итальянскихъ критиковъ считается писателемъ умнымъ и его пьесы пользуются извѣстною степенью уваженія, какую оказываютъ портретамъ вѣрно списаннымъ съ натуры. Эти замѣчанія могутъ быть отнесены и къ прочимъ пьесамъ Ноты, къ *Fiera* холостяку философу, *Donna Ambitiosa* и проч. — Тѣ же общіе нравы, тѣ же обыкновенныя положенія, тотъ же стиль блестящій, холодный, безжизненный. Его драмы: *Маркиза де Ганжъ Лаура и Петрарка* не имѣютъ другаго достоинства, кромѣ терпѣливаго исполненія. Въ этихъ тусклыхъ, безжизненныхъ пьесахъ историческая истина искажена безъ всякой пользы для искуства и драматической занимательности. Нота напримѣръ заставляетъ Лауру раздѣлять жаркую любовь Петрарки, и показываетъ намъ домашнюю ссору ея съ мужемъ, въ которой она, довольно странно, является лицемѣрною и грубою. Такова система Нота: онъ тяжелъ и грязенъ въ выборѣ подробностей, и между тѣмъ всегда стремится къ нравственнымъ цѣлямъ.

Піемонтскій поэтъ создалъ школу, въ которой комизмъ былъ уничтоженъ; послѣдователи ея обратились къ серьёзному и изгнали изъ комедіи смѣшное; Смѣшное, говорили они, прилично только фарсу; они впали въ слезную драму Ла Шоссе, и нравоучительную Седена. Люди съ талантомъ, презирая этотъ не законный родъ, и не имѣя впрочемъ всей свободы, необходимой поэту комическому, вмѣсто того чтобы ссориться съ цензурою, почли за лучшее от-

Digitized by Google

казаться отъ изображенія смѣшнаго въ современныхъ нравахъ, и бросились въ историческую драму и трагедію, которой пытались дать новое направленіе. Когда Альфіери принялъ скипетръ трагедіи, всѣ поэты Италіи бросились по слѣдамъ его, и сдѣлались слѣпыми, рабскими подражателями, какъ во времена Петрарки. Только Монти и Пиндемонте вышли съ честію изъ этой толпы подражателей. Манцони, Пеллико и Никколини, слѣдовавшіе непосредственно за ними, благоразумно уклонились отъ избитой дороги. Каждый изъ этихъ поэтовъ имѣетъ свой собственный характеръ и свою собственную заслугу: Пеллико авторъ Эсфири, Гисмонда и Франческо Римини отличается отъ Альфіери болѣе идеями, нежели формою. Пеллико поэтъ нѣжныхъ ощущеній, какъ Альфіери поэтъ гнѣва, мстительности и вообще страстей сильныхъ. Уже въ Эсфири и Франческѣ видѣнъ этотъ скромный духъ, который встрѣчается на каждой страницѣ *темницъ*. Никколини написалъ Іоанна Просиду, Людовика Мавра и странную драму Набукко, въ которой онъ выводитъ на сцену Наполеона въ видѣ аллегорическаго лица. Никколини составляетъ переходъ отъ Пеллико къ Манцони. У этого форма полнѣе и подробности интереснѣе; изображеніе нравовъ замѣняется нечувствительно характерами, изученіе костюмовъ и обычаевъ изученіемъ страстей. Манцони съ перваго появленія показалъ еще больше смѣлости. Онъ тотчасъ далъ народной драмѣ то развитіе, какимъ отличаются драмы Англійская и Нѣмецкая, и какъ геніяльный писатель, который въ позднѣйшемъ своемъ произведеніи, романѣ *Promefsi sposi* напоминаетъ Вальтера-Скотта, вступилъ его славою, въ качествѣ драматическаго писателя, на стезю Шекспира и Шиллера. Манцони можно считать начальникомъ Ломбардской литературной школы, ко-

Digitized by Google

тора приняла подъ свое покровительство всѣ литературныя нововведенія. Піемонтцы съ одной стороны, Неаполитанцы съ другой не замедлили послѣдовать этому направленію, съ которымъ Флоренція еще борется. Къ сожалѣнію Пеллико и Манцони замолчали; новое поколѣніе драмматурговъ заняло ихъ мѣста. Маренко авторъ *Бераньжера*, Брофферіо авторъ *Vitige re dei*, Джакометто, написавшій *Goli Famiglia Lercari*, всѣ три посредственные поэта продолжали школы Альфіери.

Баталія, Туратти и Джіузеппе Ревере вывели драму на новѣйшую дорогу. Подражая Манцони, они перенесли на сцену историческій романъ, и всѣ трое выбирали сюжеты національные. Баталія, авторъ Луизы Стоцци, выше прочихъ. Онъ умѣетъ сосредоточивать интересъ въ одномъ лицѣ, связывать происшествія драмы, замедлять или ускорять дѣйствіе къ удовольствію зрителей. Баталія пытался найти середину между школами классическою и романтическою. Для этой цѣли онъ старался связать древнія формы, придавая имъ гибкость и упругость, какой онѣ не имѣли, съ разнообразіемъ приключеній новѣйшей драмы; это Итальянскій Казиміръ Делавинь. — Джіузеппе Ревере, авторъ Лоренцино Медичи, есть отъявленный врагъ подобнаго рода согласій. Онъ набралъ столько лицъ въ свою драму, и каждой сценѣ далъ такую обширность, что представленіе ея сдѣлалось матеріяльно невозможнымъ; оно бы тянулось цѣлый день. Онъ хотѣлъ разомъ изобразить въ своей драмѣ полную картину времени, какъ только можетъ это сдѣлать историкъ. Могъ ли онъ вполнѣ достигнуть своей цѣли? Любовь къ отечеству, ненависть къ врагамъ его, чувства возвышенныя, нѣжная любовь и распутство перемѣшаны въ этой драмѣ. Альфредъ де Мюссе, изложивъ-

Digitized by Google

шій тотъ же предметъ въ живомъ очеркѣ, въ которомъ найдете всю изворотливость и тонкость его ума, можетъ быть меньше ученъ чѣмъ Джіузеппе Реверс, за то гораздо интереснѣе, и особенно богаче драматическими движеніями. Туротти, младшій изъ трехъ поименованныхъ писателей, подаетъ наибольшія надежды. Итальянскіе критики, разбирая его драму: *графъ Ангвиссола*, привѣтствовали его громкими дифирамбами, на которые они очень расточительны. Впрочемъ драма Туротти есть, можетъ быть, самое важное произведеніе послѣднихъ лѣтъ. Она связана живо, хотя слишкомъ обдуманно, интересъ постепенно возвышается, колоритъ прекрасный. Содержаніе драмы очень просто: Пьеръ Луи Фарнезе овладѣлъ Піаченцою и началъ утѣснять дворянство. Джіованни Ангвиссола, человѣкъ пылкаго и рышительнаго характера, составляетъ противъ него заговоръ, въ которомъ долженъ участвовать Ферранте Гонзагъ Миланскій. Тогда какъ Ангвиссола отправился въ Миланъ, чтобы переговорить съ этимъ княземъ, Фарнезе заключилъ въ темницу его любовницу Терезу делла Каза Біанку. Ангвиссола по возвращеніи думаетъ только о мести, и 10 Сентября 1547 года онъ убиваетъ кинжаломъ Фарнезе. Новостію подробностей и выборомъ пособій Туротти скрылъ наготу и такъ сказать простонародность этого предмета. Это сочиненіе основано на страстяхъ. Властолюбіе, мщеніе, наглость утѣснителя, благородный характеръ угнѣтеннаго и двойная любовь матери и любовницы оживляютъ и украшаютъ быстрыя сцены этой прекрасной драмы. Итальянцы превозносятъ ее слогъ: *Il l'inguagio e sempre sostenuto* говорятъ они. Мы бы хотѣли болѣе простоты и естественности.

Неаполитанецъ *de'Virgiliis*, котораго мы помѣстили въ числѣ новѣйшихъ драматическихъ писателей

Digitized by Google

Италія, существенно отличается отъ предыдущихъ. Это оригинальный, но сбивчивый умъ. Его огромная *комедія XIX вѣка*, сочиненіе колоссальныхъ размѣровъ, напоминаетъ разомъ и Гетева *Фауста* и *Донъ Жуана де Марона*, Дюма, и *Фіера* младшаго Буонаротти. Эта странная пьеса въ двадцать пять актовъ, потребовала бы пяти дней для представленія. Небо, земля, человѣческія страсти, сверхъ естественныя или лучше неестественныя, неудачно перемѣшаны въ этомъ твореніи *de'Virgilliis*; это одно изъ тѣхъ сочиненій, которыхъ вся заслуга состоитъ въ странности ихъ, непризнаваемой вкусомъ, отвергаемой здравымъ смысломъ. Ниже этихъ авторовъ, отличающихся по крайней мѣрѣ оригинальностію, стоятъ ряды составителей, которые переводятъ Французскія мелодрамы и водевили, дѣлая иногда изъ двухъ пьесъ одну, или изъ одной двѣ *libretti*, судя по тому, какъ позволяетъ матерія пьесы. Преимущественно они собираютъ дань съ Французскихъ булеварныхъ театровъ, и берутъ обыкновенно пьесы самыя незначительныя, и потому наиболѣе пріятныя толпѣ. Картины мѣстныхъ нравовъ, тонкость въ толпѣ, нѣжность рисунка и простота, немножко трудны для ремесленника, и на такъ понятны для публики. Нѣкоторые изъ этихъ дѣлателей пробуютъ отъ времени до времени черпать въ ихъ собственныхъ источникахъ, и составлять мелодрамы и водевили оригинальные; успѣхъ однакожъ рѣдко вѣнчаетъ ихъ усилія, и большая часть видя, что выгоды не покрываютъ издержекъ, почли за лучшее слѣдовать за толпою подражателей; не послѣдовали общему примѣру только Феличе Романи въ Венеціи и Франческо Бонъ въ Туринѣ. Феличе Романи сочиняетъ большія мелодрамы *à la Pixéricourt*, съ хорошенькими заглавіями, какъ напримѣръ *Пустынникъ Астурійскій*. Фран-

Digitized by Google

ческо Бомъ смотритъ выше: онъ дѣлаетъ мелодрамы страстныя и вдохновляется *Игрокомъ*, или *Башнею Нельскою*, самыми образцовыми мелодрамами. Драма его *Бродяга*, представленная въ Туринѣ послѣднею зимою, имѣла минутный успѣхъ.

Бродяга пользовался честнымъ достаткомъ, но пороки довели его до крайней нищеты. Жена его исчахла въ болѣзни, и онъ, какъ Уголино въ башнѣ голода, окруженъ дѣтьми, которыя кричать ему: Батюшка! ѣсть хочу! Не смотря на свои пороки, человѣкъ этотъ гордъ и не хочетъ просить подаянія. Онъ почелъ за лучшее жаловаться на судьбу и людей въ своемъ несчастіи, и на утѣшенія жены отвѣчать проклятіями и богохульствомъ. Жена, образецъ добродѣтели, любитъ своего мужа, не смотря на его пороки, и сохраняетъ остатокъ власти своей надъ нимъ. Она знаетъ, что несчастный колеблется между злодѣяніемъ и самоубійствомъ, усиливается пробудить въ немъ бодрость, и возвыситъ упавшій духъ. Два незнакомца осаждаютъ бродягу; они предлагаютъ ему средство разомъ и обогатиться и отомстить мощному непріятелю. Надобно похитить дочь у этого непріятеля и отдать имъ, чтобы получить въ награду значительную сумму. Честь можетъ быть превозмогла бы надъ корыстолюбіемъ, но уступила корыстолюбію и мстительности вмѣстѣ. Несчастный рѣшается и назначаетъ незнакомцамъ свиданіе въ уединенномъ мѣстѣ; оттуда онъ долженъ повести ихъ къ исполненію умысла, потому что человѣкъ, которому онъ хочетъ мстить, его родственникъ, и онъ знаетъ, какимъ образомъ можно пробраться въ домъ его. Готовится большое злодѣяніе, но жена виновнаго, этотъ ангелъ хранитель, коего мелодрама всегда умѣетъ найти для поддержанія колеблющейся добродѣтели, слѣдила за движеніями мужа, и въ одной

Digitized by Google

патетической сценѣ исторгла у него признаніе въ его пагубномъ заблужденіи. Она заклинаетъ его именемъ дѣтей отказаться отъ этого безчестнаго дѣла; наконецъ пробудивши въ немъ благородныя чувства, она заставляетъ его отмстить непріятелю благодѣяніемъ. Эта сцена ведена прекрасно; она напоминаетъ большую темничную сцену въ *Башнѣ Нельсной*, и составила славу пьесы. Обращенный къ добродѣтели Бродяга отнимаетъ дочь своего врага изъ рукъ похитителей, возвращаетъ ее отцу и заставляетъ жениться на ней знатнаго господина, который хотѣлъ обезчестить ее. Признательный отецъ мирится съ благороднымъ врагомъ и возвращаетъ ему отнятое имѣніе. Такимъ образомъ добродѣтель награждена, порокъ наказанъ, невинность защищена и все кончилось, какъ нельзя лучше. Естественно, что сочиненіе, столь патетическое, должно было имѣть успѣхъ, особливо разыгранное актерами, которые и тѣломъ и душею предаются своимъ ролямъ. Въ Италіи такіе актеры, одаренные ежели не талантомъ, то по крайней мѣрѣ энергіею, замѣняющею талантъ, не рѣдки, и обыкновенно ихъ найдете на театрахъ второстепенныхъ. Готгорди въ помянутой пьесѣ исторгъ рукоплесканія у самыхъ холодныхъ зрителей своею бурною, нѣсколько дикою игрою. Беттини помогала ему какъ нельзя лучше. Она извлекла слезы у всѣхъ зрителей, когда въ сценѣ обращенія на путь добродѣтели закричала мужу: *Guardami, sono la madre de'tuoi figli.* — Эти актеры, обыкновенно жалкіе, удивительно знаютъ всѣ средства возбуждать минутный восторгъ. Они искусно умѣютъ пользоваться своею толстотою, сухощавостію, слабостію, даже глупыми привычками. Казаччелло, въ Неаполѣ, выходитъ на сцену почти всегда пьянъ, едва держась на ногахъ, и между тѣмъ онъ извлекаетъ удивитель-

Digitized by Google

ные эффекты изъ своего пьянства, особенно въ ролляхъ буффо. Онъ превосходно умѣетъ терять центръ тяжести, скрестя ноги когда сидитъ, или спотыкаясь когда идетъ. Падая онъ хватается за сосѣда, этотъ за ближайшаго къ нему, тотъ за слѣдующаго. Казачіелло большаго роста, паденіе его непремѣнно увлечетъ всю эту цѣпь, такъ, что въ мигъ всѣ лица на сценѣ валятся, какъ карточные дѣтскіе домики, и громъ рукоплесканій потрясаетъ стѣны театра. Во время карнавала эти шутовскіе каскады тянутся чрезъ всю сцену до самаго оркестра, и угрожаютъ партеру, гдѣ мальчики, разносящіе кофе и аббаты толкутся между собою, воя отъ радости.

Италія имѣетъ еще превосходныхъ актеровъ буффо и каждый отличается своею особенностію. Есть такіе, которые не играютъ ничего кромѣ ролей Гондольеровъ или хромаго кучера, другіе только заикъ или кривыхъ, потому что они въ самомъ дѣлѣ имѣютъ эти недостатки. Въ Италіи легко забавлять зрителей бездѣлицею и забавлять долго. Въ Венеціи на одномъ изъ небольшихъ театровъ Ріальто давали пьесу, въ которой Тріестскіе матросы дерутся между собою. Одинъ изъ матросовъ такъ ударилъ кулакомъ своего противника, что у него выскочилъ глазъ. Призвали хирурга. Это былъ толстой человѣкъ, одѣтый въ платье съ галунами, съ огромнымъ мѣшкомъ инструментовъ: онъ вытащилъ преболь-шой ножъ и огромныя щипцы, и началъ молча операцію. Когда онъ довольно помучилъ больнаго и готовился уйти, паціентъ спросилъ его: потерянъ ли глазъ?—Нѣтъ, отвѣчалъ хирургъ, вотъ онъ у меня въ рукѣ. Совершенное спокойствіе, съ какимъ этотъ толстый человѣкъ далъ свой ужасный отвѣтъ, и забавный жестъ, его сопровождавшій, заставили разомъ и хохотать и трепетать зрителей. Эту комедію даютъ

Digitized by Google

болѣе ста разъ въ годъ, и благодаря остроумной ролѣ и отвѣту хирурга, театръ всегда полонъ. Безъ сомнѣнія только этому постоянству вкуса провинціальные буффоны и четыре маски театра одолжены своимъ долговременнымъ успѣхомъ. Ему же должно приписать и счастіе веселаго и смышленнаго Арлотто, Бертольдо и Бертольдино его сына, этого лукаваго и нравоучительнаго мужика, которымъ Генуезцы и Миланцы тѣшатся, кажется, со временъ Альбонна и короля Дезидерія. Не выходитъ изъ моды также Флорентинскій мужикъ Арцигоголо, который будучи обвиненъ въ воровствѣ, по совѣту своего адвоката притворяется безумнымъ, и на всѣ вопросы судьи отвѣчаетъ свистомъ. Когда его оправдали и адвокатъ потребовалъ платы, то онъ и ему отвѣчалъ также свистомъ. Актеры, однажды овладѣвшіе расположеніемъ публики, могутъ быть увѣрены, что оно останется за ними долго.

Теперь лучшій комическій актеръ въ Италіи, безъ сомнѣнія Гаттинелли. Онъ первый въ декламаціи буффо, какъ Маріани первый въ пѣніи такого же рода. Гаттинелли совершенный образецъ Италіянскаго актера, который къ комическому жару и моральнымъ способностямъ присоединяетъ физическую гибкость. Этотъ превосходный актеръ Миланскаго театра равенъ, ежели не превосходитъ знаменитаго Вестриса, который не имѣлъ соперника въ пьесахъ буффо лѣтъ двадцать пять тому назадъ.

Теперь не въ актерахъ недостатокъ для хорошихъ пьесъ, а въ хорошихъ пьесахъ для актеровъ, осужденныхъ представлять холодные очерки Ноты, пошлую мораль поэтовъ его школы, или кой-какія драмы, въ которыхъ природа очень часто приносится въ жертву шумному сценическому эффекту. Гольдони и Альфіери, при всемъ несовершенствѣ своемъ, не

Digitized by Google

имѣютъ преемниковъ и большая часть ихъ продолжателей не могутъ возвыситься надъ посредственностію. Съ другой стороны романтики, идущіе по слѣдамъ Манцони, пишутъ романы въ разговорахъ, которыхъ нельзя было бы представить на сценѣ по ихъ огромности, если бы цензура ихъ не урѣзывала. Двое или трое молодыхъ писателей подаютъ нѣкоторую надежду; но сколько надобно постоянства, чтобы удержаться на этой неблагодарной дорогѣ, усѣянной терніемъ и едва едва обѣщающей нѣкоторую славу. Комедія упала еще ниже драмы. Мы уже видѣли, какіе нравы и характеры изображаются писателями низшаго разряда, которые думаютъ, что создали философскую комедію, если успѣли дать нравственную цѣль своимъ плоскимъ рапсодіямъ, и титулуютъ себя Мольерами Италіи, какъ будто въ этомъ дѣлѣ можно замѣнить общими правоучительными мѣстами живость и веселіе. Высокая комедія не существуетъ въ Италіи и можетъ быть никогда не существовала вполнѣ. Раннее развитіе драматическаго искуства въ ней въ то время, когда въ прочей Европѣ оно не было еще и въ дѣтствѣ, обѣщало мужественную зрѣлость. Но искуство, на минуту остановившееся, тотчасъ склонилось къ упадку. Итальянцы упредили Французовъ, Французы ихъ превзошли. Я очень сомнѣваюсь, чтобы они стали выше ихъ, даже чтобы поравнялись съ ними. Для этого надобно измѣнить національный характеръ. Перемѣна, произведенная иностранцами въ характерѣ Италіянцевъ, непрочна. Испанцы, Нѣмцы, Французы оставили въ нравахъ народа слѣды своего вліянія, никто однакожъ не преобразовалъ ихъ вполнѣ. Нынѣшній Итальянецъ тотъ же самый, какимъ былъ при Леонѣ X. и Макіавели, весь преданъ чувственности и страсти. Частныя лица возвышаются своею образо-

Digitized by Google

занностію надъ массами, но масса сохраняетъ свои нѣсколько дикіе нравы, и эту изворотливость ума, которая другимъ кажется такою грубою.

Другая причина упадка комедіи — легкомысліе публики, всегда готовой предаться автору, уподобиться дѣйствующему лицу. Когда Неаполитанскій импровизаторъ разсказывалъ собравшемуся вокругъ его народу трагическія повѣсти, которыя оканчивались худо, слушатели его уходили въ дурномъ расположеніи духа, и били женъ своихъ по возвращеніи домой. Даже люди высшаго общества пробудясь, думаютъ о страшной развязкѣ вчерашней драмы. Толпу слѣдовательно, посѣщавшую театры, очень легко удовлетворить. Поэты, работающіе для нее, не считаютъ нужнымъ предаваться большимъ усиліямъ и трудному изученію; они увѣрены, что легко возбудятъ участіе и соберутъ дань рукоплесканій.

Какое счастіе для поэта имѣть такую публику! Но надобно, чтобы поэтъ не подчинялся этому счастливому расположенію зрителей, а пользовался имъ для славы искуства и своей собственной.

Постоянство Италіянской публики, ее природа, состоящая изъ крайностей и это желаніе забавляться всѣмъ, изъясняютъ продолжительные успѣхи народной комедіи, особенно той, которая нападаетъ на смѣшное провинціяльное, такъ легко постигаемое народомъ. Можетъ быть одинъ только этотъ родъ комедіи сохранится для будущаго. Разработанная искусно и умно, народная комедія можетъ въ самомъ дѣлѣ произвести неожиданныя и счастливыя послѣдствія. Теперь она служитъ только для приправы убійственной драмѣ или тяжелой новѣйшей благородной комедіи. Мольеръ, на котораго нападали за шутовство въ Скапенѣ, отвѣчалъ очень умно: «Я видѣлъ публику, бросившую Мизантропа изъ любви къ Скараму-

Digitized by Google

шу и поручилъ Скапену воротить ее.» Скапены въ наше время не будутъ конечно приняты за образцовыя творенія, но сами по себѣ однакожъ они имѣютъ большую цѣну. Въ рукахъ геніяльнаго писателя направленная по указаніямъ Аппелли, Цезари и Сографи, подобная комедія, столь живая еще за Альпами, безъ сомнѣнія произвела бы счастливый переворотъ въ драматическомъ искуствѣ, и воззвала бы можетъ быть къ жизни истинную Итальянскую комедію, умершую при самомъ рожденіи.

Digitized by Google

VI.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

147. Ольга, быт Русскихъ дворянъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, соч. автора Семейства Холмскихъ. С. Петербургъ, въ типографіи А. Плюшара, 1840 г., въ 8 д., 4 части, въ 1-й 226, во 2-й 252, въ 3-й 216, въ 4-й 212 стр.

Въ наше время романъ сдѣлался рѣшительно господствующимъ родомъ литературы. Не мѣсто здѣсь объяснять причины этого явленія. Со временемъ мы постараемся показать, что форма романа есть самая сообразная съ духомъ и направленіемъ нашего вѣка и что ей долго еще суждено быть изобличительницей и провозвѣстницей важнѣйшихъ убѣжденій, тревогъ и судьбы человѣческаго сердца.

Романъ по своей идеѣ есть точно такое же поэтическое созданіе, какъ эпопея, какъ драма. Онъ принадлежитъ вполнѣ искуству, какъ одно изъ средствъ осуществленія чистой, свободной идеи красоты и отличается отъ другихъ его созданій не цѣлію, а стихіями, изъ коихъ созидаетъ свои идеальные образы. Таковъ романъ въ глазахъ истиннаго поэта, поэта—художника. Стихіи романа суть безчисленныя видоизмѣненія

Digitized by Google

жизни и сердца, какія человѣкъ испытываетъ находясь подъ вліяніемъ, или лучше сказать во власти порядка вещей, имъ же самимъ созданнаго для охраненія своей безопасности и для развитія всѣхъ сторонъ и всѣхъ силъ своей природы. Какъ масса силъ, сложенная изъ множества свободно разумныхъ недѣлимыхъ, изъ безконечнаго разнообразія ихъ отношеній, дѣйствуетъ на одно изъ этихъ недѣлимыхъ, какъ она увлекаетъ его, какіе отпечатки кладетъ на его самобытность и какъ сія послѣдняя выдерживаетъ безпрерывный напоръ ударяющихъ въ нее волнъ океана, который мы называемъ обществомъ — вотъ сокровенная, глубокая идея, на которую нанизывается вся пестрая ткань романа. Изъ этого неистощимаго хранилища жизни романистъ долженъ черпать содержаніе для своего творенія; онъ не можетъ создать матеріаловъ, также какъ и всякой другой художникъ. Въ этомъ уже должны они покориться человѣческой немощи, коей творчество не простирается до того, чтобы творить изъ ничего. Всѣ наши идеалы суть плоды исторіи; для нихъ работаетъ сперва судьба, а потомъ мы. Смочивъ кровію и слезами богатую ниву человѣческой природы, она гонитъ изъ нее наружу прозябенія сокрытыхъ въ ней сѣмянъ, жнетъ ихъ сокрушительнымъ своимъ серпомъ, раскидываетъ на той же нивѣ и опять низводитъ новыя для того же жребія. Подбирайте эти бренія: изъ нихъ вы можете сложить дивныя созданія, кои удостовѣрятъ васъ лучше печальныхъ уроковъ судьбы, что есть еще что-то выше ея, есть блюстительныя, мародержавная власть съ высочайше-разумными цѣлями, съ святыми несомнѣнными обѣтованіями лучшаго, съ добромъ, принадлежащимъ намъ, потому что мы вѣруемъ въ него, съ истиною, которая должна перестать быть понятіемъ, вѣющимъ холодомъ и смертію, а сдѣлаться полною и отрадною жизнію сердца, съ красотою, которая есть не иное что, какъ разоблаченная тайна вселенной, какъ самая вселенная въ вѣчной гармоніи ея существованія. Тогда обломки костей, прахъ и пыль, коими суровая исторія устилаетъ наше жилище, станутъ тѣломъ; оно будетъ имѣть душу, будетъ сочувствовать намъ, будетъ говорить звуками, въ коихъ

Рабъ свои забудетъ муки
И царь Саулъ заслушается ихъ.

Digitized by Google

Холодное какъ мраморъ, и полотно, эфирное и недосязаемое какъ призракъ, оно простретъ къ вамъ объятія роскошнѣе объятій невѣсты и отзовется на призывъ вашъ любовію, какой не почернѣете вы въ первомъ ея поцѣлуѣ. Это сдѣлаетъ геній-художникъ; это его призваніе. Романистъ также художникъ и призваніе его такое же. Но отъ чего романъ чаще всѣхъ другихъ формъ отклоняется отъ истиннаго своего поэтическаго назначенія и дѣлается орудіемъ для достиженія цѣлей вовсе не поэтическихъ? Въ самомъ дѣлѣ найдете ли вы въ строгой и величавой эпопеѣ какія нибудь вздорныя уличныя и домашнія сплетни, или въ суровой трагедіи уроки статистики и географіи? На такія святотатственныя искаженія искусства постыдится посягнуть даже самый плохой писатель. Между тѣмъ посмотрите, что дѣлаютъ съ бѣднымъ романомъ, по крайней мѣрѣ у насъ. Какой канцелярскій чиновникъ, не совсѣмъ безграмотный, не почитаетъ себя вправѣ, послѣ двадцатипятилѣтней службы, сложить жатву собранныхъ имъ канцелярскихъ опытовъ не въ докладную записку, а въ романъ? «Я таки насмотрѣлся многаго на бѣломъ свѣтѣ, думаетъ онъ;— слава Богу, понужнакъ безпорочной службы за 25 лѣтъ; былъ взыскуемъ милостями начальства, иногда и штрафованъ; сколько прошло мимо моихъ глазъ высшихъ и низшихъ чиновниковъ: иные пошли далѣе, другіе просидѣли цѣлый вѣкъ на своихъ мѣстахъ, или попадали! Сколько было разныхъ казусныхъ случаевъ: того отрѣшатъ, другаго отдадутъ подъ судъ за взятки, или за что нибудь, а паче за взятки; тому повезетъ, этому нѣтъ. А какія еще случались романическія оказіи! вотъ хоть бы Матрена Карповна, жена почтеннаго моего сослуживца и пріятеля И. Н., ужасная сплетница, до того досплетничалась, что ей однажды публично и очень тонко сказала Анна Никифоровна, жена нашего начальника отдѣленія: «Матрена Карповна! перестаньте сплетничать — это несносно. «И то также видали мы, какъ молоденькая дѣвочка, дочь Луки Петровича — царство ему небесное, онъ уже перешелъ изъ сего канцелярскаго суетнаго міра въ иной — какъ эта молоденькая дѣвочка влюбилась въ офицера, какъ онъ относился къ ней письменно съ разными непристойными нѣжностями, обѣщая на ней жениться, да не женился, а она осталась въ сильномъ подозрѣніи и проч.» — Другой поѣхалъ служить въ Грузію, въ Сибирь и какъ у него по службѣ накопилось много бумагъ

Digitized by Google

съ разными статистическими фактами, то къ стати, чтобы все это не пропало, можно сдѣлать изъ нихъ романъ *съ мѣстнымъ и живописнымъ изображеніемъ страны*, съ героями гарнизонными офицерами и героинями Лезгинками или Камчадалками. Случается другому послѣ долговременныхъ опытовъ и треволненій жизни, открыть великую истину, напр., что дѣти должны слушаться родителей и т. п. — Истина чрезвычайно новая! Какъ же заставить дѣтей любить и слушаться своихъ родителей? Разумѣется, написать романъ нравоучительный, солидный. Да чтожъ дѣлаетъ природа? Развѣ она перестала передавать дѣтямъ святыя истины крови на своемъ краснорѣчивомъ языкѣ? Нѣтъ! но это такъ, на всякій случай — не послушаютъ природы — такъ вотъ на мѣсто ея романъ. Иному еще случай доставилъ какой нибудь старинный любопытный актъ. Что изъ него сдѣлать? Историческій романъ. Мы не говоримъ уже о тѣхъ избранникахъ юношахъ, о тѣхъ маленькихъ великихъ людяхъ, на коихъ лежитъ печать высшаго предназначенія, которые волнуясь высокими думами и пламенными могучими страстями и не зная куда съ ними дѣваться, рѣшаются наконецъ людарить ихъ свѣту и проявляютъ ихъ въ романѣ дивномъ, міровомъ, съ типами и прототипами, съ отчаяніемъ, проклятіями и проч. Весь этотъ общественный соръ, всѣ эти жалкія грезы полусонной фантазіи — все, что проза имѣетъ въ себѣ мелкаго, запачканнаго, пошлаго сваливается въ злополучный романъ, который долженъ нести за то всю тягость незаслуженнаго презрѣнія. Правда, романъ соприкасается съ многоразличными интересами сердца человѣческаго; его сфера общество; онъ нисходитъ къ такимъ мелкимъ подробностямъ и сторонамъ жизни, что по видимому уже ничѣмъ не гнушается — все это такъ. Но люди бездарные забываютъ, что все дѣлается важнымъ тогда, когда выражаетъ общій законъ или природы, или сердца человѣческаго, и что романъ потому только обращается къ самымъ ничтожнымъ повидимому явленіямъ жизни, что въ нихъ онъ надѣется угадать и раскрыть этотъ законъ. А что дѣлаютъ люди бездарные? Не понимая внутренняго значенія вещей, передаютъ намъ ихъ скорлупу, считаютъ за великое дѣло познакомить насъ съ своими Матренами, Петрами Ивановичами и проч., со всѣмъ ничтожествомъ, со всею ихъ безжизненностію, забывъ, что изъ отрицаній

Digitized by Google

ничего нельзя создать. Кто-то сказалъ: «романъ есть живопись общества, станемъ же живописать общество, все что случится намъ увидѣть между людьми. Нѣтъ! романъ есть точно живопись общества, только онъ живописуетъ не формы его, а идеи; формы безчисленны, ихъ не перепишешь; да пусть этимъ занимается статистика, лѣтопись и проч. Формы создайте сами, а идеи откройте въ жизни, потому что ихъ выдумать нельзя. Изъ какого бы мелкаго круга жизни ни былъ взятъ герой вашъ, пусть онъ будетъ хоть подѣнщикъ, но если вы показываете мнѣ въ немъ или законъ судьбы или законъ сердца человѣческаго, если онъ не машина движущаяся, а существо, одаренное разумною, человѣческою душею, слѣд., уже поставленное на высотѣ общихъ интересовъ моихъ, вашихъ, цѣлаго поколѣнія, цѣлаго человѣчества; тогда я съ почтеніемъ остановлюсь передъ вашимъ созданіемъ и скажу: «авторъ художникъ-поэтъ, потому что представляетъ мнѣ не кусокъ матеріи, грязи, а великую истину жизни, олицетворенную въ живой, организованной матеріи.» Тѣ, которые пишутъ романы, какъ вѣдомости о разныхъ лицахъ и случаяхъ, съ означеніемъ ихъ примѣтъ и разныхъ къ нимъ прикосновенностей, не поэты, а слѣд. и не художники. Въ ихъ пьесахъ нѣтъ сосредоточенныхъ, самостоятельныхъ образовъ, нѣтъ картинъ гармонически сложенныхъ, нѣтъ живости красокъ — и гдѣ же ихъ взять? всѣ они слѣдствіе жизни понятой, раскрытой въ ея матеріальныхъ, фактическихъ явленіяхъ — а до этой-то жизни они и не дошли. Они по необходимости должны слѣдовать за теченіемъ самыхъ вещей, которыя рабски списываютъ; но вѣдь это теченіе не имѣетъ опредѣленныхъ границъ; явленія, несвязанныя съ основными причинами, не иное что какъ отрывки, арабески; неосвѣщаемыя общимъ закономъ, или идеей дающей всему значеніе и физіономію, они безцвѣтны, неподвижны, плоски, скучны — таковъ точно и романъ. — Право, пора очиститься нашей литературѣ отъ этихъ жалкихъ выписокъ изъ ежедневныхъ дѣлъ, которыя называются романами правоописательными, юмористическими, и проч., отъ этихъ безпрерывныхъ разсказовъ о томъ, какъ уѣздный исправникъ взялъ взятку, или какъ такой-то помѣщикъ поссорился съ другимъ за гончую собаку; они вовсе не дѣлаютъ чести литературѣ и не только не содѣйствуютъ образованности, будто бы заключая въ себѣ сатирическія противодѣй-

Digitized by Google

ствія дурнымъ нравамъ, а напротивъ затрудняютъ развитіе образованности, портя вкусъ грубыми и пошлыми изображеніями. Пора отказывать въ уваженіи и вниманіи произведеніямъ не таланта, не любви къ искуству, а жадности къ деньгамъ -да, жадность къ деньгамъ. Къ стати — странная, нелѣпая мысль укоренилась между прочимъ въ нашемъ современномъ обществѣ—мысль, что десть бумаги, исписанной въ минуты досуга и безсонницы или въ часы, свободные отъ службы, по первому предъявленію въ редакціи журнала, или въ лавкѣ книгопродавца, можетъ, тотчасъ какъ вексель, быть размѣнена на наличную, ходячую монету. Это убѣжденіе до того распространилось, что люди, не мечтавшіе и во снѣ быть писателями, схватились съ жаромъ за перо и принялись работать имъ во имя романа и повѣсти. Надобно побыть хоть нѣсколько мѣсяцовъ журналистомъ, чтобы видѣть, до какой степени литература сдѣлалась предметомъ неправедныхъ денежныхъ поползновеній. Къ вамъ является молодой человѣкъ съ тетрадію въ рукѣ; — что вамъ угодно? спрашиваете вы его. — Вы редакторъ такого-то журнала? — Точно такъ. — Я написалъ повѣсть; не угодно ли будетъ вамъ помѣстить ее въ журналѣ? Я слышалъ, что обыкновенная плата у васъ за печатный листъ оригинальнаго сочиненія отъ 150 до 200 руб.—Я предоставляю вамъ самимъ оцѣнить мое сочиненіе и опредѣлить, на какое изъ этихъ вознагражденій оно имѣетъ право. Я столько слышалъ о вашемъ вкусѣ и безпристрастіи, что совершенно увѣренъ въ справедливомъ вознагражденіи. — Вы поражены этою наглостію требованія, или, если вамъ угодно, этою простодушною увѣренностію, что всякая писанная страница въ типографіи непремѣнно превращается въ ассигнацію. Вамъ грустно видѣть на этомъ юномъ челѣ уже зрѣющую печать разврата, коимъ объятъ вѣкъ; этотъ юноша уже потерялъ прекрасный цвѣтъ душевнаго цѣломудрія, которое съ стыдливою скромностію ввѣряетъ бумагѣ первыя свои вдохновенія, увлекаясь одною томящею его полнотою чувства, однимъ стремленіемъ стать предъ лицемъ искуства со своею свѣжею, дѣвственною мечтою, со своимъ первымъ порывомъ къ благороднымъ подвигамъ ума; онъ даже не питаетъ честолюбія отличиться передъ толпою — онъ спѣшитъ только продать себя. Вы проникнуты негодованіемъ, отвращеніемъ и стыдомъ; спрашиваете его объ имени; оно покрыто, какъ говорятъ школьники на

Digitized by Google

экзаменахъ, глубокимъ мракомъ неизвѣстности; наконецъ вамъ ничего больше не остается, какъ сказать ему: «М. Г., деньги даются за литературныя произведенія тѣмъ, кого публика знаетъ, отъ кого привыкла она ожидать пользы и удовольствія. Справедливо, чтобы талантъ, посвятившій всего себя или большую часть своихъ силъ удовлетворенію ея умственныхъ потребностей, былъ вознагражденъ: иначе онъ не былъ бы и въ состояніи служить ей своимъ перомъ. Но вы — гдѣ права ваши на это воздаяніе? Я имѣю честь слышать въ первый разъ ваше имя — оно не ознаменовано ни какими литературными успѣхами, ни какими надеждами. Заставьте прежде желать вашего ума, а потомъ полагайте за него цѣну. «Въ другой разъ вы получаете съ почты письмо и при немъ кипу чистой бумаги, съ заглавіемъ на первомъ листѣ: *сцены въ уѣздномъ городкѣ, правоописательныя повѣсти.* Къ вамъ пишутъ: «Мнѣ случилась нужда въ деньгахъ, а какъ я сочинилъ прилагаемую при семъ повѣсть, то и прошу покорнѣйше слѣдующую за оную сумму, выслать по принадлежности въ городъ N, по означенному при семъ адресу.»

Такъ-то составляется у насъ большая часть романовъ и повѣстей. Но перейдемъ отъ общаго къ исключенію; обратимся къ явленію болѣе утѣшительному, утѣшительному по цѣли, если не по исполненію. Передъ нами романъ, принадлежащій къ высшей категоріи тѣхъ произведеній, кои пишутся по побужденію благороднаго, теплаго сердца, изъ чистаго желанія добра ближнему. Авторъ романа *Ольга* имѣлъ въ виду прекрасную нравственную цѣль — показать: какъ опасно предаваться безотчетному влеченію юнаго, неопытнаго сердца и отвергать спасительные уроки опытной мудрости, говорящей съ нами устами людей, кои судьбою или природою призваны къ тому, чтобы управлять первыми шагами нашими въ свѣтѣ. Ольга, только-что выпущенная изъ Смольнаго Монастыря, милое, очаровательное созданіе, какъ всѣ монастырки, съ умомъ раскрытымъ для всего высокаго и прекраснаго, по разумѣется, совершенно незнакомая съ пороками человѣческими, невѣрящая даже въ возможность ихъ — Ольга встрѣчается на балѣ у своего дяди съ красивымъ гвардейскимъ офицеромъ Изборскимъ, танцуетъ съ нимъ мазурку, слушаетъ его комплименты, потомъ увѣренія въ

Digitized by Google

страстной любви и наконецъ предается ему со всею силою, со всею чистотою своей юной души. Все это дѣлается немножко скоро. А кто жъ этотъ Изборскій? Онъ большой негодяй; ему нѣтъ никакого дѣла до сердца Ольги, до высокой красоты ея ума, до высокаго ея образованія; прелестное ея личико еще такъ нѣсколько занимаетъ его, но главное для него деньги, которыхъ очень много у отца Ольги, генерала Звѣрницкаго. Изборскій тотчасъ составилъ планъ жениться на ней, т. е., овладѣть ея богатымъ приданымъ, которое онъ называетъ *прилагательнымъ*. Встрѣчается однакожъ важное препятствіе — характеръ старика Звѣрницкаго надменный, строптивый, упорный, скупой до отвратительнаго цинизма: Онъ ни за что въ свѣтѣ не согласится выдать дочь свою за небогатаго офицера. Изборскій хочетъ храбро сражаться съ этимъ препятствіемъ: въ случаѣ рѣшительнаго несогласія отца, онъ намѣренъ увезти Ольгу. Обо всемъ этомъ идетъ у него бесѣда съ другомъ его дѣтства Лиманскимъ, хорошимъ человѣкомъ, который тщетно старается отвлечь Изборскаго отъ его замысловъ. Началась война; Изборскій отправляется въ походъ; Ольга ѣдетъ въ деревню къ родителямъ, предается тамъ страстнымъ мечтамъ объ Изборскомъ, переписывается о немъ со своею подругою Марьею Николаевною Ліонскою и наконецъ ѣдетъ въ Москву къ своей теткѣ, графинѣ Мерипосовой. Изборскій, возвратясь изъ похода, пріѣзжаетъ туда же. Тутъ развивается больше гадкій характеръ Изборскаго. Ольга ничего не видитъ, она его обожаетъ, хотя мать и старается внушить ей къ нему отвращеніе больше потому, что предвидитъ несогласіе отца на бракъ ея съ нимъ. Изборскій наконецъ рѣшается просить у Звѣрницкаго руки дочери: старикъ взбѣсился, прогналъ жениха, разбранилъ свою жену и чуть не прибилъ дочь. Бѣдная Ольга дѣлается опасно больною; она при смерти; въ одинъ вечеръ, когда утомленная мать вышла, чтобъ отдохнуть, а у постели больной осталась г-жа Ліонская, мать Ольгиной подруги, является незнакомецъ и предлагаетъ лекарство, смѣло ручаясь за выздоровленіе Ольги. Докторъ этотъ немножко страненъ: это нѣкто Хвалынскій, назначенный отцемъ Ольги ей въ мужья; онъ однакожъ явился здѣсь инкогнито. Но еще страннѣе лекарство для умирающей: это бутылка рейнвейну. Рейнвейнъ вылечиваетъ иногда отъ скуки, это извѣстно; но избавлять отъ смерти

Digitized by Google

— этого кажется не водилось даже за самымъ старымъ Іоганнисбергомъ. Какъ бы то ни было, рейнвейнъ дѣлаетъ чудо: Ольга выздоравливаетъ. Изборскій въ бѣшенствѣ на Хвалынскаго, хотя этотъ поступалъ съ нимъ съ чрезвычайно сантиментальнымъ великодушіемъ: они дерутся на дуэли — Хвалынскій опасно ранент, однакожъ выздоравливаетъ и женится на Ольгѣ, которая послѣ болѣзни совершенно исцѣлается отъ любви къ Изборскому. Не рейнвейнъ ли и тутъ оказалъ услугу? Это было бы славно: тогда всѣмъ молоденькимъ дѣвочкамъ, влюбленнымъ въ такихъ негодяевъ, какъ Изборскій, стоило бъ только не множко подгулять за бутылочкою рейнвейну — и прощай любовь. Это было бы гораздо легче прыжка съ Левкадскаго утеса. А что жъ Изборскій? Онъ тоже женится на сестрѣ Ольги Любинькѣ, которая въ него влюбилась, но которой онъ не любитъ, а хочетъ только прибрать къ рукамъ наслѣдство, достающееся ей послѣ тетки ея Мерзлосовой. Впрочемъ богатство не пошло ему въ прокъ: онъ промоталъ его и сдѣлался настоящимъ нищимъ, а Любиньку прогналъ отъ себя, что вполнѣ она и заслужила своимъ коварствомъ, дурнымъ поведеніемъ и безобразіемъ. Романъ оканчивается самымъ удовлетворительнымъ образомъ—награжденіемъ всѣхъ добрыхъ и наказаніемъ злыхъ, что и надлежало доказать. Читатель долженъ быть очень благодаренъ автору за это правосудіе, которое, какъ извѣстно, не совсѣмъ обыкновенно въ нашемъ вѣкѣ. Утѣшительно думать, что оно соблюдается, по крайней мѣрѣ, въ романѣ.

Авторъ, какъ мы сказали, имѣлъ благую цѣль; чего бы кажется лучше? Между тѣмъ признаемся чистосердечно: романъ его удрученъ тѣмъ роковымъ недостаткомъ, съ которымъ уже нельзя достигать никакихъ цѣлей — онъ скученъ, невыносимо скученъ. Отъ чего жъ это? въ немъ есть желаніе и добра ближнимъ, и нравоученія, и общія мѣста о житейскомъ благоразуміи — нѣтъ только поэзіи, а безъ поэзіи какое ужъ веселье. Какъ жаль, что люди не могутъ дѣлаться лучшими отъ того, напр. когда имъ скажутъ: «будьте лучшими — вѣдь это вамъ полезно.» О, тогда *Ольга* надѣлала бы чудеса; всѣ влюбленныя барышни, прочитавъ ее, тотчасъ поспѣшили бы сказать своимъ любезнымъ: «Messieurs! перестаньте ужъ влюбляться: отдайте намъ назадъ всѣ наши нѣжные взгляды, наши

Digitized by Google

улыбки, сердца наши; авторъ Ольги сдѣлалъ намъ прелестное нравоученіе, и мы теперь рѣшились жить и умереть съ этимъ нравоученіемъ. Полно! не ожидайте отъ насъ нѣжныхъ записочекъ; мы даже изорвали всю бумагу, подаренную для этого нашими cousins, голубую, розовую, благоухающую бумагу, и рѣшились взять самую сѣрую, чтобы переписывать на ней нравоучительныя мысли madame Авдотьи Васильевны Люпской, которыя она по дружбѣ своей сообщала Ольгѣ.» Увы! грустно сказать, что ни чего этого не будетъ. Неужели нравоучительные романы такъ мало значатъ на свѣтѣ?» Почти что такъ. «По этому ихъ и писать не за чѣмъ?» Не знаемъ; но не угодно ли вамъ, мм. гг., послушать, какъ мы думаемъ объ этомъ. Романъ, мы сказали, весь принадлежитъ искуству — онъ есть поэзія. Чтожъ такое искуство? Содѣйствуетъ ли оно нравственному усовершенствованію человѣка, и само ли собою содѣйствуетъ, или его надобно непремѣнно приспособлять къ извѣстнымъ нравственнымъ понятіямъ и началамъ? Искуство есть выраженіе идеаловъ въ гармоніи живыхъ образовъ — идеаловъ, которые человѣкъ, по вѣчнымъ законамъ своего духа, созидаетъ изъ идей, почерпаемыхъ въ явленіяхъ исторіи и природы. Идеалы не суть случайныя, или произвольныя порожденія безотчетной фантазіи; они необходимые результаты нашего творческаго могущества, проникающаго въ нѣдра вещей износящаго оттуда то, что въ нихъ есть всеобщаго, неизмѣннаго, — однимъ словомъ идеальнаго, которое и становится для него матеріаломъ. Оно похищаетъ, такъ сказать, жизнь у времени и пространства, коимъ она порабощена въ дѣйствительномъ мірѣ, — похищаетъ для того, чтобы представить ее независимою въ ея собственномъ значеніи, въ значеніи ея сущности, а не въ томъ, какое она получаетъ разсыпаясь на крупинки въ безчисленныхъ недѣлимыхъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ общимъ характеромъ явленій, съ тѣмъ, что не принадлежитъ ни одному изъ нихъ вполнѣ, но однакожъ каждому изъ нихъ даетъ значеніе и родовую физіономію. Вотъ три процесса, коими духъ человѣческій совершаетъ полную операцію творчества: онъ овладѣваетъ сначала въ природѣ и исторіи общею, или идеальною стороною вещей; далѣе, изъ мертвой области понятій онъ переноситъ ее въ міръ жизни, т. е., превращаетъ въ живой образъ; наконецъ осуществляетъ этотъ образъ для дѣйствительнаго міра,

Digitized by Google

заключивъ его въ данную матерію. Но этимъ не достигнута еще вполнѣ цѣль искуства: созданіе его не только должно быть сложено изъ стихій чистѣйшей идеяльной жизни: оно должно овладѣть еще вполнѣ и необходимымъ условіемъ жизни, обезпечивающимъ ея высшій характеръ; условіе это — *гармонія*. Теперь предъ вами *красота*, полное, довершенное созданіе искуства. Войдите же въ себя, рѣшите сами: благопріятствуетъ ли она высшимъ интересамъ вашего нравственнаго чувства? Какое дѣйствіе она производитъ на сердце ваше? Не чувствуете ли вы, какъ отъ ея могущественнаго, неизъяснимаго вліянія, спадаютъ съ васъ цѣпи мелкихъ ежедневныхъ страстей и нуждъ: ибо рабъ не можетъ находиться въ августѣйшемъ присутствіи красоты? И вотъ предъ вами новый міръ, новый совершеннѣйшій порядокъ вещей, столь близкій и драгоцѣнный вамъ по непреложнымъ вѣрованіямъ вашей души: здѣсь пріобщась чувствомъ высшаго значенія жизни, объятые царствующею повсюду гармоніей вещей и силъ, согрѣтые этимъ святымъ пантіемъ неба, вы противъ вашей воли совлекаетесь грубаго односторонняго эгоизма и открываете сердце ваше всѣмъ божественнымъ законамъ, всѣмъ нуждамъ человѣчества, всѣмъ требованіямъ всеобщаго разума. Уснувшая человѣчественность пробуждается въ сердцѣ, сжатомъ заботами грязной житейской экономіи, изъ глубины его катится тихая слеза и любви и соучастія ко всему человѣческому. Не стыдитесь ее — она говоритъ, что и вы хоть на минуту были человѣкомъ. Нужды нѣтъ, что слѣдъ ее скоро изгладится въ бурныхъ тревогахъ грядущей минуты: кто знаетъ, какъ много она смыла черныхъ пятенъ съ вашего сердца и сколько въ самой непроницаемой глубинѣ его успѣла оживить неприметно лучшихъ побужденій и вѣрованій! Сердце наше окружено своею атмосферою, гдѣ самыя разительныя явленія часто зависятъ отъ движенія элементовъ столь неуловимыхъ и тонкихъ, что ихъ никакая химія не разложитъ. На одномъ изъ Парижскихъ театровъ давали когда-то трагедію, авторъ которой имѣлъ множество противниковъ — видно, онъ былъ человѣкъ не безъ дарованій. Составился заговоръ, чтобъ уронить пьесу во время перваго представленія: участники этого прекраснаго предпріятія размѣстились въ театрѣ такъ, чтобы вдругъ со всѣхъ сторонъ и въ одно время напасть со свистками на свою жертву. Положено было не начи-

Digitized by Google

пать, пока не будетъ подано сигнала главою партіи, который съ однимъ изъ своихъ сподвижниковъ занялъ главную квартиру въ условленномъ мѣстѣ партера. Пьеса начинается; она идетъ очень хорошо, постепенно интересъ ея возрастаетъ, сила, глубокость, истина страстей потрясаютъ зрителей и въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ именно надлежало открыть атаку свистками, предводитель, вмѣсто того чтобъ начать первому, заливаясь слезами, говоритъ своему товарищу: «Братецъ! Пожалуста свисти — ты видишь: мнѣ нельзя — я плачу.»

Таково могущественное дѣйствіе искуства на нравственную сторону человѣка. Въ чемъ же заключается это могущество? безъ сомнѣнія, въ немъ самомъ. Красота есть вмѣстѣ и высочайшая нравственность—и пусть только одна она господствуетъ въ вашемъ твореніи, человѣчество пріиметъ его какъ благороднѣйшій подвигъ во имя добра, и во имя славы своей. Искуство не говоритъ вамъ: «вотъ очень хорошенькая, милая добродѣтель — пожалуста исполните ее;» но оно дѣлаетъ васъ способными къ выполненію всѣхъ истинныхъ добродѣтелей, возвышая надъ мелкими притязаніями эгоизма, вводя васъ въ сферу всеобщаго союза жизни и человѣчества и сообщая сердцу вашему ту жизненную мощь чувства, безъ которой не дѣлается ни одно благородное дѣло. Нѣтъ опредѣленнаго уголка въ душѣ для его дѣятельности, опредѣленнаго понятія, на которомъ бы оно остановилось, и способа, которымъ бы воодушевляло васъ: ему принадлежитъ вся душа съ самыми глубокими и сокровенными своими изгибами, а способъ, которымъ оно достигаетъ своихъ цѣлей, есть одно его присутствіе. Укажите, какимъ лучемъ и на какую точку прозябенія дѣйствуетъ солнце, животворя его, и мощно способствуя развитію его организаціи? Нѣтъ этого луча и этой точки. Прозябеніе тонетъ все въ разливѣ его роскошной теплоты и свѣта и цвѣтетъ благоухая. А вы хотите красоту сдѣлать рабою вашихъ мелкихъ правоучительныхъ понятій — ее, царствующую надъ областію духа, рѣшающую жребій возвышеннѣйшихъ его нуждъ и стремленій? Нѣтъ! не искажайте искуства, растягивая его на прокрустовомъ ложѣ, разрѣзывая на кусочки для вашего ежедневнаго употребленія. Ежели есть такія сердца, надъ которыми невластно и оно: бросьте ихъ—они ужъ никуда не годятся. Кому не льется въ душу пѣсня его родины, кто

Digitized by Google

проходитъ мимо бронзоваго лика Петра безъ благоговѣйнаго трепета въ сердцѣ, тому не читайте диссертацій вашихъ о любви къ отечеству: у него нѣтъ отечества.

Низводя искуство отъ самостоятельнаго его значенія до служебнаго средства, вы ставите его на опасныя стези; если добродѣтель станетъ почитать его орудіемъ своихъ цѣлей, что же воспретитъ пороку дѣлать изъ него подобное же употребленіе? Надобно, чтобы искуство заключало въ самомъ себѣ противудѣйствіе всякому злоупотребленію; ежели этого нѣтъ, тогда все погибло, тогда и подчинясь нравственнымъ расчетамъ и приложеніямъ, оно столь же мало сдѣлаетъ въ пользу добра, сколько и само по себѣ. Но не бойтесь за права искуства: оно не отдастъ себя на поругапіе пороку, оно,— провозвѣстникъ идеаловъ и путеводитель человѣческаго сердца къ лучшему существованію, къ совершеннѣйшему порядку вещей. Во зло употреблять можно только формы его: порокъ можетъ украсть на время его пурпуръ и вѣнецъ, чтобы прикрыть ими мерзость своей наготы; но оно не похититъ ни его власти надъ сердцемъ, ни его духа, чтобы замѣнить ихъ собою. И противъ злоупотребленій формы одно искуство можетъ дать оружіе: это оружіе — чистый, здравый вкусъ, имъ же самимъ образуемый и распространяемый въ обществѣ его вѣрными жрецами — тѣми, которые обрекли ему себя на служеніе безкорыстное и чистое.

И такъ напрасно хлопочутъ многіе писатели о томъ, какъ бы сочинить нравоучительную драму, или романъ: лучше бы они позаботились просто сочинить хорошую драму, и хорошій романъ. Какъ, безъ всякой цѣли? — спросятъ у насъ. Нѣтъ! съ цѣлями, какія допускаетъ и какихъ требуетъ искуство. Ищите цѣли въ самой идеѣ, которою вы возбуждены и которая составляетъ основу вашего творенія: хотите ли вы напримѣръ представить, какъ юное, чистое созданіе дѣлается жертвою глупыхъ коварствъ обольстителя: раскройте намъ душу его, покажите, откуда происходитъ эта простодушная довѣрчивость къ пороку, которая губитъ его; какими путями самый порокъ достигаетъ своихъ преступныхъ цѣлей — будьте историкомъ человѣческаго сердца и только. Какъ только? Гдѣ же цѣль? Извините, она уже достигнута, какъ скоро вы умѣли представить жертву со всею истиною ея злополучія и

Digitized by Google

губителя со всею черпотою его характера; какое нравственное действіе будетъ поразительнѣе ужаса, возбуждаемаго первою и отвращенія, внушаемаго вторымъ? «Но намъ бы хотѣлось еще такъ какой нибудь цѣли, говорите вы, мы очень любимъ цѣли.» — Хорошо! устремите вашъ талантъ къ возбужденію преимущественно такого-то изъ эффектовъ, которые заключаются въ избранной вами идеѣ; обрисуйте сильнѣе, ярче одно лицо, другое поставьте въ тѣни: словомъ распоряжайте вашими матеріялами, какъ истинный художникъ, который знаетъ, что разнообразіе предметовъ, составляющихъ содержаніе его творенія, должно быть подчинено закону гармоніи и приведено къ единству. Только ради Бога не показывайте, что вы хотите вашимъ романомъ или драмою доказать такую-то нравоучительную истину — вѣдь всѣ нравоучительныя истины извѣстны: ихъ доказывать нечего; «но мы хотимъ, говорите вы, чтобы ихъ полюбили.» — Прекрасно! зачѣмъ же дѣло стало? дѣлайте такъ, чтобы ихъ полюбили — кто вамъ мѣшаетъ? вѣдь вы художникъ — ваше дѣло въ томъ и состоитъ, чтобъ связать сердце человѣческое узами любви со всѣми великими истинами человѣчества.—Неужели вы думаете, что Шекспиръ, представивъ вамъ въ лицѣ Макбета ужасную судьбу властолюбія, ниспровергающаго всѣ преграды, судьбу эгоизма, который не хочетъ признать никакихъ ограниченій и наконецъ сокрушается о преграды собственныхъ страстей, гибнетъ въ мятежномъ отступничествѣ отъ всеобщаго порядка, — неужели изобразивъ такое грозное, такое кровавое явленіе человѣческой природы, Шекспиръ не достигъ величайшей нравственной цѣли, хотя и не думалъ, повидимому, ее достигать? Неужели вы думаете, что онъ лучше бы сдѣлалъ, когда бы изъ каждаго характера своей великой драмы сдѣлалъ олицетворенную логическую посылку силлогизма? Пусть жизнь говоритъ сама — она есть величайшая истина, урокъ, котораго нельзя оспорить, потому что жизни не оспориваютъ.

Выдумайте вы хоть двадцать лицъ для укорененія въ людяхъ вашего нравоученія, напишите хоть двадцать романовъ, или драмъ въ пользу его—все это ничего не будетъ значить предъ лунатизмомъ леди Макбетъ, когда она считаетъ кровавыя пятна на своихъ рукахъ и говоритъ: «Здѣсь все пахнетъ кровью: всѣ благовонія Аравіи не истребятъ этого запаха.

Digitized by Google

Ахъ! ахъ!» - Докторъ, присутствующій при этой сценѣ, замѣтилъ: «Какіе вздохи! видно тяжело ея сердцу,» — а фрейлина прибавила: «Я не хотѣла бы имѣть въ груди такое сердце за всѣ сокровища свѣта!»

А что вы скажете о Евгеніѣ Онѣгинѣ? Вотъ твореніе близкое намъ и по родству таланта его произведшаго и по родству образовъ, въ немъ заключающихся! Какъ глубоко, какъ истинно высказаны здѣсь немощи вѣка, съ какою прелестію выраженъ первый трепетъ дѣвственнаго сердца, первое увлеченіе его роскошныхъ силъ и эта ошибка вѣры въ сердце человѣческое, слѣдствія коей не измѣрилъ неопытный умъ—какіе уроки, сколько назиданія проницающаго душу! — Послѣ того какъ геній автора подялъ завѣсу съ тайнъ природы и души человѣческой, онъ съ благоговѣніемъ остановился передъ ними, не дерзая искажать ихъ глубокаго смысла *своею* убогою философіею, дополненіями своей насущной диктатики; превративъ эти тайны въ матеріялъ для художественнаго созданія и извлекши изъ нихъ удивительные лики Онѣгина, Татьяны, Ленскаго, онъ долженъ былъ положить рѣзецъ свой и сказать съ благороднымъ самосознаніемъ:

— «Теперь все сдѣлано для людей—пусть идутъ смотрѣть и поучаться!» — «Какъ, смотрѣть и поучаться? Да гдѣ же правоученіе?» Пойдемте же искать его въ другомъ мѣстѣ—нечего далѣе идти: вотъ передъ нами Ольга.

Писатель, который поставилъ правоученіе цѣлію своего романа, лишаетъ самъ себя средствъ дѣйствовать на сердце человѣческое съ тою силою, съ какою обыкновенно дѣйствуетъ искуство, когда ему не мѣшаютъ дѣйствовать свободно и самостоятельно. Онъ связалъ самъ себя злосчастною необходимостію насиловать природу и истину изъ уваженія къ своей темѣ, и вотъ начинается рядъ печальныхъ ошибокъ, одна другой печальнѣе. Какими являются у него люди? разумѣется, какихъ требуетъ всемогущая тема, а ей что за дѣло до живыхъ настоящихъ людей, и до того что они значатъ по своей природѣ и по законамъ общества? Ей нужны только доказательства, силлогизмы. Вѣдь для ней пишется романъ—давайте же сюда добродѣтели и пороки небывалые, или съ поддѣльными красками и ужасами. Тема пришла изъ чужаго, отвлеченнаго міра; у

Digitized by Google

ней нѣтъ ничего общаго съ вашею жизнію, съ исторіей. «Да вѣдь можно же избѣжать насилованій, которыми вы насъ пугаете,» скажутъ намъ. А какъ вы этого избѣжите? Спрятавъ правоученіе такъ далеко, чтобы присутствія его никто не видалъ? т. е., выгнавъ его изъ предѣловъ романа? другаго средства мы и не знаемъ. Тогда конечно все пойдетъ хорошо, разумѣется, если у автора есть талантъ. Далѣе, дѣйствующія лица въ правоучительномъ романѣ совершенно лишаются всякой самостоятельности, всякой свободы: это дѣтскія куклы, приводимыя въ движеніе посторонею рукою. Иначе и быть не можетъ—ужасная тема, сдѣлавъ ихъ своими орудіями, лишила ихъ всякаго внутренняго значенія,—въ нихъ все чужое авторово. И такъ вотъ вамъ тотчасъ двѣ роковыя неотразимыя причины паденія романа и уничтоженія въ немъ всякой поэтической силы: отсутствіе истины въ дѣйствующихъ лицахъ и отсутствіе въ нихъ самостоятельнаго характера—а это-то и составляетъ душу романа. Выбросьте оттуда людей—что жъ останется? Онъ весь сдѣланъ изъ людей и для людей. Намъ скажутъ, что талантъ могъ бы все уладить, удовлетворить и правоучительной темѣ и спасти поэтическое достоинство своего творенія. Нѣтъ! талантъ не въ состояніи сдѣлать невозможнаго: онъ можетъ только, если захочетъ, написать или дидактическій скучный романъ, или прекрасный романъ поэтическій — а соединить то и другое онъ не въ силахъ.

Мы не сомнѣваемся, что авторъ Ольги въ состояніи написать хорошій поэтическій романъ; но какъ ему захотѣлось написать скучный, то разумѣется онъ вполнѣ и достигъ своей цѣли. Что за романъ въ самомъ дѣлѣ, въ которомъ напримѣръ нѣтъ ни одного порядочнаго, живаго существа въ человѣческомъ образѣ? Начнемъ съ Ольги: мы назвали ее милымъ, очаровательнымъ созданіемъ только потому, что ей дано имя монастырки. Это имя носитъ въ себѣ столько ума, образованности, граціи, невинности и чистоты, что оно одно дѣлаетъ честь роману, припявшему его на свои страницы. Не по этому ли авторъ и уволилъ себя отъ дальнѣйшаго развитія характера, не обнаруживъ въ немъ ни сколько этихъ драгоцѣнныхъ качествъ? Впрочемъ для цѣли его романа въ этомъ не было ни какой надобности: ему нужна была дѣвочка пустинькая,

Digitized by Google

влюбчивая, немножко глупенькая, которая вѣритъ всякому печатному вздору, съ первой мазурки влюбляется въ негодяя, позволяетъ ему снять съ руки своей завѣтное кольцо и проч. Еслибъ она не была такая простенькая милочка, какъ бы она могла надѣлать столько глупостей? а безъ этого не было бы и нравоученія: «не должно дѣлать глупостей», слѣд. не было бы и романа. Что Ольга совсѣмъ не монастырка, это доказывается тѣмъ, какъ пишетъ она письма. Вотъ отрывокъ изъ письма ея къ своей подругѣ: «Вообрази себѣ, милая Маша, на другой же день, какъ мы разстались съ тобою, Дуняша, дѣвушка моя, которую дали мнѣ въ услуги по пріѣздѣ моемъ изъ Петербурга, принесла мнѣ письмо, поданное ей, при выходѣ отъ обѣдни, какимъ-то неизвѣстнымъ дворовымъ человѣкомъ, который, поручивъ ей отдать письмо своей барышнѣ, тотчасъ скрылся въ толпѣ такъ, что она не успѣла спросить: отъ кого оно? Почеркъ руки былъ мнѣ неизвѣстенъ. Я распечатала, и, вообрази себѣ, письмо было отъ Изборскаго.»—Съѣмъ увѣрить почтеннаго автора, что монастырки не строютъ такихъ неуклюжихъ, шероховатыхъ, неповоротливыхъ періодовъ, болѣе похожихъ на дѣловой языкъ, чѣмъ на языкъ сердца; ихъ гибкія, игривыя, свѣтлыя, розовыя мысли находятъ себѣ фразы немножко помягче и почище Олинькиныхъ. Можетъ быть онѣ не всегда поставятъ аккуратно, гдѣ слѣдуетъ, запятую, или точку съ запятой; но уже смѣло ручаемся, что языкъ Русскій и въ устахъ и подъ перомъ ихъ также прекрасенъ и благороденъ, какъ ихъ душа; веселъ, игривъ и чистъ, какъ ихъ воображеніе; также свѣжъ, какъ лице ихъ блистающее юностію и здоровьемъ и граціозно-легокъ, милъ, какъ ихъ улыбка. Иное дѣло Авдотья Васильевна Ліонская, женщина резонабельная, долговременною практикою и опытомъ снискавшая умѣнье разливать вокругъ себя самую убійственную скуку: ей не стыдно говорить, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ: «Добрая, несчастная Олинька не умѣетъ еще постигать, какъ она огорчаетъ бѣдную свою мать, а у той и безъ того много горя! Какъ сильно будетъ она укорять себя, когда сдѣлается постарѣе и пріобрѣтетъ побольше опытности, что не имѣла никакой власти надъ собою, не могла нисколько размыслить, что ея маменька, также и я, совѣтуемъ ей прямо отъ души, для собственнаго ея счастія, преодолѣть привязанность свою и забыть человѣ-

Digitized by Google

ка, который необдуманными поступками все болѣе и болѣе доказываетъ, что онъ совершенно ея недостоинъ.» — Вотъ языкъ истинно солидный, какъ чепчикъ той же Авдотьи Васильевны, который, не знаемъ почему, намъ кажется ужасно великъ и растопыренъ.—Олинька есть первый членъ въ большой посылкѣ раздѣлительнаго силлогизма, который разтягивается въ разбираемомъ нами романѣ; надобенъ и другой — вотъ онъ: Марья Николаевна Лѣпская, дочь почтенной Авдотьи Васильевны. Молодыя дѣвушки бываютъ *или* безразсудныя, *или* разсудительныя; безразсудныя дѣвушки Олиньки, разсудительныя Машиньки. Мы совѣтовали бы автору и назвать уже ихъ, одну г-жею Легкомысловою, а другую г-жею Благоразумовою, какъ это дѣлали сочинители старинныхъ драмъ и романовъ, чтобы читатель не нуждался въ яркомъ и живомъ изображеніи характеровъ и по вывѣскѣ заранѣе могъ судить, какія куклы можетъ онъ купить въ этомъ собраніи деревянныхъ человѣчковъ, солдатиковъ и т. п. Марья Николаевна дѣвушка свѣдущая, добропорядочная, настоящій портретъ своей маменьки почтенной Авдотьи Васильевны. Такъ какъ Олинька дѣлаетъ глупости, то Машинька не должна ихъ дѣлать; *равно послику* Олинька влюбляется, что впрочемъ также глупость, то Машинькѣ слѣдуетъ выдти замужъ, подведя предварительно всѣ итоги и сердечные и денежные и распорядившись симъ бракомъ, *елико возможно аккуратнѣе*. Олинька существо безъ всякой физіогноміи; для оживленія ея положено, вмѣсто сердца, въ голову, или ридикюль къ ней нѣсколько чувства, вынутаго изъ имени: монастырка; Машинька же, счастливая Машинька, должна остаться на всегда, къ радости своего суженаго, частію посылка, вынутой изъ Баумейстеровой логики. Всего этого требуетъ нравоучительная цѣль романа. Не знаемъ однакожъ требуетъ ли цѣль нравоучительнаго романа такого скучнаго олицетворенія добродѣтели, въ такомъ непріятномъ деревянномъ, тоску наводящемъ образѣ, какъ эта Машинька, Богъ съ ней. Будто добродѣтель непремѣнно должна быть мертвецомъ, чтобы пугать людей? Въ ней есть своя жизнь богатая, роскошная, глубокая—свой огонь, свой энтузіазмъ, изъ нѣдръ коего блещутъ радужные лучи чистѣйшаго свѣта; хоть бы одинъ лучь этого свѣта, этой богатой жизни авторъ уловилъ и кинулъ въ сердце своихъ добрыхъ героевъ и героинь, чтобы читатель, смотря на нихъ, не приходилъ въ отчаяніе и не

Digitized by Google

говорить самъ себѣ: «Боже мой! порокъ гадокъ, добродѣтель убѣдительна — что дѣлать? какъ жить на свѣтѣ?» Недовольно предлагать полезные уроки людямъ, надобно дать сердцу людей силу, нужную для выполненія уроковъ. Люди поступаютъ худо не столько отъ незнанія того, что должно дѣлать, сколько отъ недостатка внутреннихъ побужденій къ долгу, отсутствія любви и воли, способной къ пожертвованіямъ. Какъ все это въ нихъ создать? Богъ знаетъ, только ужъ вѣрно этого нельзя сдѣлать нравоучительными силлогизмами простыми и превращенными въ романъ. Угодно ли вамъ взглянуть еще на нѣкоторыхъ героевъ разбираемаго нами романа? Правду сказать, они ужасно надоѣли намъ и хотѣлось бы поскорѣе отъ нихъ отдѣлаться; но какъ быть? Вотъ мчится передъ нами въ бурной мазурикѣ, звеня шпорами и закручивая лихой усъ, Monsieur Изборскій. О! онъ отличный танцоръ и сверхъ того большой мерзавецъ — два качества необходимыя автору для того, чтобы осуществить нравоучительную идею своего романа. Танцовать отлично мазурку онъ долженъ для того, что это вѣдь единственный путь къ сердцу милой образованной дѣвушки, а мерзавцемъ ему надобно быть для доказательства великой вѣчной истины всѣхъ народовъ и вѣковъ, что дѣвушки не должны влюбляться въ мужчинъ по одной мазуркѣ. Mesdames! не лучше ли намъ уйти отъ этого Monsieur Изборскаго? Мазурка такъ вещь хорошая, но больше вы не найдете въ немъ ничего, кромѣ самыхъ гадкихъ, самыхъ пошлыхъ, истертыхъ пороковъ, изъ которыхъ никакъ не сдѣлаешь порядочнаго героя. Но, Mesdames, куда вы это такъ скоро бѣжите, какъ испуганныя лани? Позвольте, я обязанъ представить вамъ еще нѣкоторыхъ господъ и госпожъ — вотъ напримѣръ Звѣрницкій, отецъ Олиньки, коего характеръ мастерски, превосходно, неподражаемо обрисованъ и при томъ кратко, сжато, по Тацитовски, однимъ только словомъ, какое жъ это слово? его имя. Вотъ такъ бы послушать и со всѣми дѣйствующими лицами — Звѣрницкій точно настоящій звѣрь, тиранъ своего семейства, сирота и проч. Вотъ г. Лиманскій, или Машинька съ бритою бородою и во фракѣ, Хвалынскій съ бутылкою рейнвейна въ рукахъ, которыми онъ въ двѣ минуты вылечитъ васъ, если вы сдѣлаетесь больны горячкою или любовію, что впрочемъ одно и тоже — Хвалынскій добрѣйшее существо, невинное, чувствительное, кроткое, у котораго только одна слабость —

Digitized by Google

привычка лечить всѣ болѣзни рейнвейномъ. Видите ли, какъ онъ страстно вздыхаетъ—онъ влюбленъ въ Олиньку, это очевидно. Смотрите, какъ почтенная Авдотья Васильевна умильно и сладостно съ нимъ бесѣдуетъ, какими мудрыми она снабжаетъ его правоученіями, какъ она журитъ его за разные неблагоразумно-великодушные поступки, называя его мечтателемъ и проч. Вотъ еще г-жа Мерипосова, графиня, дама высшаго общества, чрезвычайно похожая на жену уѣзднаго казначея, изображенную, не помнимъ въ какомъ-то изъ нашихъ правоописательныхъ романовъ—вотъ—но я слышу крики милыхъ читательницъ: «Полно-те Monsieur критикъ! что вы это хотите съ нами дѣлать? заморозить наше сердце что ли, разсказывая намъ романъ, отъ котораго вѣетъ такимъ нестерпимымъ правоучительнымъ холодомъ? Развѣ мы дѣти, чтобы слушать о томъ, какъ маленькой Палашѣ маменька запретила кушать ягоды, а она покушала да и заболѣла, изъ чего слѣдуетъ, что не надобно дѣлать того, чего не должно? Фи! какъ можно писать романы, въ которыхъ нѣтъ никакой занимательности, гдѣ ни къ кому изъ дѣйствующихъ лицъ не можешь почувствовать влеченія, потому что они такіе пустые, бездушные, безцвѣтные—гдѣ люди изъ существъ живущихъ, мыслящихъ, изъ людей съ сердцемъ, волею, превращены въ какія то клѣточки, куда авторъ высыпаетъ свои мнѣнія и понятія! Пожалуста г. критикъ, скажите всѣмъ вообще писателямъ романовъ, чтобы они перестали намъ пересказывать тяжелымъ слогомъ свои статистическія и дѣловыя познанія, а пусть лучше займутся тѣмъ, какъ бы трогать наши сердца; пусть хоть немножко они любятъ искуство, поэзію, чтобы и мы полюбили ихъ книги.»

Мы исполнимъ желаніе милыхъ читательницъ.

148. Леонидъ, или ночная лампада; стихотворный разсказъ, соч. И. Н—ва, Москва, въ Университетской типографіи, 1840 г., въ 8 д., 133 стр.

Вѣроятно авторъ хотѣлъ доставить читателямъ наслажденіе пріятными неожиданностями: онъ далъ своему сочиненію заглавіе, невыражающее и десятой доли богатства и разнообразія предметовъ, которые составляютъ цѣль его разсказа. Вы думаете, что герой его Леонидъ, а героиня лампада:

Digitized by Google

совсѣмъ нѣтъ! Впрочемъ можетъ ли и быть героемъ мальчикъ, приготовляющійся еще къ ученью въ пансіонѣ, пустой, дряпной мальчишка, по всей вѣроятности *имѣющій быть такъ скоро* розгами, а что ужъ за герой, когда его высѣкутъ? Правда, онъ идетъ ночью одинъ на кладбище, чтобы мечтать тамъ о тлѣнности человѣческой — предпріятіе довольно смѣлое, за то мечты преглупыя. Онъ спрашиваетъ тамъ, напр.

— — — Давно ли
Воздвигнуть этотъ мавзолей
И кто наперсникъ общей доли,
Подъ нимъ скормилъ злыхъ червей?

Вотъ эта скоромная рѣчь ужъ ничего добраго не предвѣщаетъ въ мальчикѣ. Онъ также наблюдаетъ природу и людей, витійствуетъ, влюбляется — жаль намъ его: его непремѣнно будутъ сѣчь въ пансіонѣ и больно и по дѣломъ, потому что онъ дѣлаетъ все то, чего мальчики не должны дѣлать. Впрочемъ, какъ мы сказали, не Леонидъ главное дѣйствующее лице, и не лампада — авторъ удивительный космополитъ — примется ли описывать онъ ярмарку, или балъ, онъ тотчасъ привязывается всѣмъ сердцемъ къ каждому лицу, которое ему попадается тамъ, забываетъ про всѣ прочія и истощаетъ на изображеніе его множество своего таланта. Отъ этого у него цѣлая ярмарка героевъ и они составляютъ такой же хаосъ, какъ на ярмаркѣ купцы и покупщики. Нельзя однакожъ не познакомить читателей съ нѣкоторыми изъ этихъ лицъ; они чрезвычайно любопытны по красотѣ ихъ изображеній. Вотъ напримѣръ воспитатель Леонида, отецъ Іосифъ, который

Въ слѣпомъ усердіи своемъ
Съ непритворною душою
Любилъ бесѣдовать порою
Съ бумагой, мраморомъ, холстомъ.

Онъ говоритъ о себѣ такъ:

Утѣха сердцу ретивому
Изящное — моя бѣда!
Бывало, какъ самодовольно
Передъ картиной я сижу.
И весь окованный, невольно,
Уйти хотя, не отхожу.
Тогда не только надъ душой

Digitized by Google

Невластенъ царь ея разсудокъ;
Но деспотизмъ теряетъ свой
Самъ идолъ статуи — желудокъ.
— — —
Старая мукою таптала,
Въ литературу я гляжу
Сквозь тусклое стекло журнала.
Благословенъ языкъ Римлянъ,
Языкъ Гомера и Тевтоновъ:
Они собрали дань поклоновъ
И удивленіе племянъ!
Люблю ихъ сладкіе напѣвы,
Ихъ вѣчно пламенный перунъ,
Огня сердечнаго пригрѣвы.

Вотъ каковъ этотъ почтенный старикъ отецъ Іосифъ, надъ которымъ «невластенъ деспотизмъ желудка, который глядитъ въ литературу сквозь тусклое стекло журнала (какой бы это былъ журналъ?), который любитъ напѣвы разныхъ языковъ, перунъ и пригрѣвы ихъ сердечнаго огня!» Но тише — вниманіе, господа, вниманіе — выходитъ на сцену героиня. Что вы думаете, какова она? «Прелесть, конечно, какъ всѣ героини.» Да, только въ особенномъ родѣ. Въ домѣ почтеннаго старика Іосифа есть свѣтлица — не угодно ли вамъ заглянуть туда?

Въ ней цвѣтъ поблекнувшей весны,
Хлопочетъ старая дѣвица,
Передвигая чугуны.

Извините, это героиня въ Гомерическомъ вкусѣ; она похожа на Навзикаю, которая сама мыла себѣ бѣлье; разница только въ лѣтахъ: Навзикая, какъ извѣстно, была моложе нашей героини и не занималась чугунами. Вотъ эти негодные чугуны немножко набрасываютъ тѣнь на граціозно-изящный характеръ героини г-на И. П—ва. Но въ слѣдующихъ стихахъ она является уже во всемъ блескѣ своей Гомерической лѣпоты:

Стоитъ у печки Маргарита,
(Такъ звали дѣву старыхъ лѣтъ)
И котъ любви ея предметъ
Мурлычитъ грустно у корыта.
Кругомъ разставлены горшки,

Digitized by Google

Въ углу ухваты съ кочергою,
Ведро съ колодезной водою
И въ немъ капустные вилки.
Все это геній Маргариты
Въ порядокъ стройный приводилъ.

Удивляемся, какъ авторъ, столь отчетливый, столь классическій въ изображеніи подробностей, составляющихъ характеристику его лицъ, забылъ помело, одинъ изъ важнѣйшихъ атрибутовъ его героини? Совѣтуемъ ему при второмъ изданіи своей поэмы, водрузить его гдѣ нибудь возлѣ прелестной Маргариты. — Но слѣдующее мѣсто должно привести въ неописанный восторгъ читателей; тутъ только два стиха, но передъ этими двумя стихами поблѣднѣютъ и разсыпятся въ прахъ тысячи другихъ стиховъ, не исключая даже трехъ знаменитыхъ стиховъ изъ описанія Екатерингофскаго гулянья:

На мостовой у мухи съ жукомъ
Прервалась разговоровъ связь —
Молчатъ купецъ, молчитъ и князь.

Вотъ вамъ это сокровище — выходятъ на поле крестьяне и тамъ они

— — Свѣтлыми косами
Природу бреютъ на лугахъ.

Невольно останавливаешся, полный изумленія, передъ этимъ дивнымъ изображеніемъ. Гдѣ вы встрѣтите такую оригинальность? Еще никому на свѣтѣ, ни одному прозаику и поэту не приходило въ голову «брить природу.» Эту идею новую, самобытную, изящную похитилъ г. И. П—въ у самой природы; ему одному предстала она безъ покрывала, за просто, небритая и при немъ, какъ при своемъ близкомъ другѣ, выбрилась, вѣроятно изъ милаго кокетства, чтобы показаться предъ нимъ еще прекраснѣе. Чудесно! неподражаемо! Закройте послѣ этого поэму г-на П—ва: выше этого вы едва ли уже что найдете. Трудно было бы даже попять, какъ такая дичь могла залѣзть въ человѣческую голову, еслибъ въ предисловіи автора вы не читали слѣдующаго воззванія его къ своему воображенію:

Родить оно предначертанья,
И чѣмъ огонь его сильнѣй,

Digitized by Google

Тѣмъ производятся смѣлѣй
Всѣ геніальныя созданья —

и послѣ съ нимъ, продолжаетъ г. Н—въ:

«Куда летишь, не знаешь самъ.»

Въ томъ-то и дѣло во всякомъ сочиненіи, чтобы летѣть, куда не знаешь самъ.

149. О значеніи имени Руссовъ и Славянъ, соч. Ѳедора Марошкина, Москва, въ Университетской типографіи, 1840 года, въ 8 д., 76 стр.

Какъ вы думаете, мм. гг. кто вы такіе? Какъ кто? разумѣется, Русскіе, по милости Божіей. — Ну, это имя таки что нибудь значитъ на свѣтѣ, да только все же оно очень просто, обыкновенно; а хотите ли знать, какъ вы называетесь въ ученомъ, глубокомъ, міровомъ смыслѣ? — Какъ же? скажите намъ. — Вы, мм. гг., прошу не погнѣваться, вы *розги!* — Какъ розги? это что за извѣстіе? — Да! глубокія филологическо-историческія познанія довели г. Марошкина до того, что онъ произвелъ имя Русскаго народа отъ слова: *роза*. Не знаемъ, для кого въ глубокой древности предки наши служили розгами, но объясненія автора чрезвычайно остроумны. Мы не осмѣливаемся приступить къ его книжкѣ съ тѣмъ, чтобы почерпнуть оттуда что нибудь для нашихъ читателей. Повѣрите ли? эта пучина, цѣлый океанъ учености; передъ вами вздымаются до облаковъ волны мышленія, а когда онѣ немножко утихнутъ, то другое величественное зрѣлище поражаетъ ваши очи—неизмѣримая водяная поверхность испещрлется вдругъ блестками удивительнаго фосфорическаго огня; это все цитаты Греческія, Латинскія, Арабскія, всякія. Тутъ вы видите верхомъ на буквѣ, какъ на дельфинѣ, ѣдущихъ Геродота, Страбона, Помпонія Мелу и проч. и проч. Удивительно, удивительно! Нѣтъ! уйдемте, скорѣе уйдемте отъ брошюры г. Марошкина, если вы не хотите сдѣлаться изъ сѣкущаго вещества сѣкомымъ, т. е., если вы не хотите, чтобы ученость г. Марошкина больно высѣкла ваше терпѣніе. Господи Боже мой! подумаешь, сколько надобно было труда, чтобы перерыть такую громаду книгъ, переписать эти легіоны цитатъ, пересыпать столько значеній изъ однихъ умершихъ, слѣд. несуществующихъ, слѣд. ничтожныхъ, слѣд. пустыхъ словъ

Digitized by Google

въ другія такія же—и все это для подтвержденія гипотезы, что православный Русскій человѣкъ названъ былъ первоначально розгою! Между тѣмъ авторъ думаетъ, что онъ пролилъ удивительный свѣтъ на Русскую исторію, точно также, какъ онъ увѣренъ, будто «значеніе имени русь вполнѣ выражено въ стихи А. Пушкина:

О Rus! О Русь!»

150. Графъ-Томскій, романъ въ стихахъ, изданный Н. Колотепкомъ, Одесса, въ городской типографіи, 1840, въ 8 д., 104 стр.

При дворѣ Наполеона, говорятъ, находился какой-то чиновникъ, который чрезвычайно былъ похожъ на него лицемъ и разумѣется, очень тщеславился этимъ, старался даже подражать герою въ манерѣ и пріемахъ обращенія, что очень тѣшило насмѣшниковъ. Случается тоже и въ литературѣ. Вотъ напр. Графъ Томскій точь въ точь какъ будто списанъ съ Евгенія Онѣгина. Послѣдній являлся въ свѣтъ по частямъ, главами, Томскій также. Во многихъ строфахъ Онѣгина недостаетъ стиховъ и они замѣнены точками къ досадѣ читателя, который привыкъ каждый стихъ Пушкина считать драгоцѣннымъ перломъ; подобную же досаду старается возбудить и Томскій. Онъ и достигаетъ своей цѣли, читатель точно досадуетъ только не на то, зачѣмъ нѣсколько стиховъ выпущено, а зачѣмъ выпущены не всѣ. У автора Томскаго видны вездѣ смѣлыя и рѣшительныя притязанія на талантъ безсмертнаго творца Онѣгина. Подобно ему, онъ перерываетъ разсказъ свой лирическими отступленіями, старается картинамъ своимъ придать такой же блестящій колоритъ, какъ у него, разговорамъ дѣйствующихъ лицъ такой же легкій, свободный тонъ, стихамъ туже гибкость, изворотливость, быстроту и прелесть; онъ также хочетъ быть остроумнымъ, сыплетъ ѣдкія эпиграммы на нравы современные, на общество — но увы! все это мишура, поддѣлка, суета и тщета. Авторъ забылъ видно, что формы знаменитаго писателя потому только и хороши, что онѣ оживлены его духомъ, его идеями; что безъ нихъ эти формы у всякаго другаго писателя дѣлаются смѣшными и жалкими, потому что въ нихъ нѣтъ ни той жизни, ни того значенія, кои дали имъ и существованіе и красоту. Геніальный писатель употребитъ иногда самое простое слово,

Digitized by Google

самый обыкновенный оборотъ рѣчи, и между тѣмъ они производятъ удивительное впечатлѣніе; ничего, кажется, нѣтъ легче какъ достигнуть той же цѣли — средство такъ легко и просто; попробуйте — выйдетъ пошлость или нелѣпость. Тутъ недостаетъ бездѣлицы: вы иначе взглянули на предметъ, не такъ пошевелилось сердце въ груди вашей, не въ томъ порядкѣ образовались ваши понятія или они иначе сблизились и раздѣлились. Всѣ эти обстоятельства такъ неуловимо-утончены и дѣйствіе, ими производимое, столь глубоко, что обыкновенные люди никогда не въ состояніи ихъ понять, и потому глядя на превосходное произведеніе искуства, поблистающее, кажется, никакими *чрезвычайными* красотами, никакими чертами рѣзкими, которыя бы кидались въ глаза, они спрашиваютъ съ изумленіемъ: «Помилуйте! да чѣмъ же тутъ восхищаться? Вѣдь это всякой можетъ сдѣлать!» Авторъ не понялъ также того, какъ опасно становиться на показъ рядомъ съ первокласснымъ писателемъ. Чѣмъ чаще мы будемъ напоминать его собою, тѣмъ неизбѣжнѣе и злополучнѣе наше паденіе — лучше идти своею дорогою, какъ она ни узка и пріютиться гдѣ нибудь въ уголку подъ собственнымъ домашнимъ кровомъ, чѣмъ бѣжать за торжественною колесницею героя, и кидаться безуспѣшно то на запятки ея, то на козлы, чтобы обратить на себя вниманіе. — Вотъ, напримѣръ, каковы *Пушкинская* смѣлость и легкость кисти въ Томскомъ:

Зима!... и наши Пенелопы,
Увидя падающій снѣгъ,
Творятъ въ мѣховые салопы
Свой поэтическій побѣгъ.
Вотъ самовластные морозы
Своей холодною рукой
Рисуютъ на лицѣ ихъ розы
Съ очаровательной красой.
При томъ морозъ, хирургъ примѣрный
Дыханьемъ инея чрезмѣрнымъ
Сердечный унимаетъ жаръ
И романическій угаръ.

Очевидно, авторъ вообразилъ себѣ, будто и Пушкинъ ничего другаго не дѣлалъ въ своихъ художническихъ, изящныхъ изображеніяхъ, какъ только бойко, какъ ни попало, кидалъ

Digitized by Google

стихи на бумагу и что отъ этого онъ такъ и хорошъ. Но вотъ эта несчастная мысль довела нашего автора до того, что у него «дамы творятъ поэтическій побѣгъ въ мѣховые салопы» — а морозъ становится «хирургомъ уймающимъ дыханіемъ инея сердечный жаръ» и пр. Извините, г-нъ подражатель Пушкина, это совершенная нелѣпость, также, какъ и слѣдующее мѣсто:

Молчатъ окутанныя дамы,
Порой глотая эпиграммы, —
Передаютъ ихъ кучерамъ
Съ досадой горькой пополамъ.

Прелесть! «дамы ѣдятъ съ кучерами эпиграммы!» — Что жъ это за непостижимый вкусъ у Одесскихъ дамъ? Вотъ тутъ Пушкинская ловкость, быстрота и неожиданность въ переходѣ отъ одной черты изображенія къ другой:

Покинулъ онъ друзей и *куши*,
Жилъ какъ въ Саратовской глуши,
Бѣжавъ ихъ вдовъ, любилъ ихъ души,
Но не любилъ ихъ отъ души.
Порою съ нимъ бывалъ припадокъ:
Тогда холодныхъ дипломатокъ
Онъ въ заблужденье приводилъ:
Тогда онъ нѣжно говорилъ
Имъ обольстительныя сказки;
Тогда ихъ сравнивалъ съ лупой
И разсыпался сатаной,
Плясалъ, и пѣлъ и щурилъ глазки,
Давалъ грезеткамъ по рублю
А дамамъ нашёптывалъ: люблю.

Есть ли тутъ что нибудь похожее на картину, на поэтическій образъ? Гдѣ тутъ гармонія понятій, единство цѣлаго? Вѣдь это просто напизываніе стиховъ безъ внутренняго смысла и значенія, безъ всякой цѣли. — Евгеній Онѣгинъ входитъ въ театръ: является на сценѣ Истомина. Всякой знаетъ наизусть очаровательное изображеніе артистки, полное жизни, граціи, истины — нарисованное мастерскою, художническою кистію. Томскій также въ театрѣ и передъ нимъ на сценѣ также артистка:

Мгновенно занавѣсъ взвился,
Взвился!... и чудная Бельтрами,

Digitized by Google

Беллини звуками полна,
Плѣнаетъ, двигаетъ сердцами,
Какъ пѣньемъ ангельскимъ она.
Carissima Бельтрами — донна!
Не величавая Юнона,
Не prima предъ поэзьей лицъ,
Но prima donna межъ пѣвицъ.
Она поетъ и голосъ сильный
Сердца въ волшебный край влечётъ.
Она поётъ! Она поётъ!...
Вдругъ взоромъ нѣжнымъ и умильнымъ
Она смѣнила свой порывъ —
И плещутъ всѣ на перерывъ.

Нѣтъ, г. авторъ Томскаго! Оставьте въ покоѣ тѣнь Пушкина: нехорошо платить таланту за его высокіе дары выдѣлываніемъ каррикатуръ на него изъ его же творепій.

151. Живописное путешествіе по Азіи, составленное на Французскомъ языкѣ подъ руководствомъ Эйріе и украшенное гравюрами, переводъ Е. Корша, изданіе А. С. Ширяева, Москва, въ типографіи Н. Степанова, 1840 года, въ 8 д., томы V и VI-й, въ V-мъ 233 стр., въ VI-й 272.

Этими томами оканчивается живописное путешествіе по Азіи и публика имѣетъ теперь книгу, въ коей заключаются самыя свѣжія, вѣрныя и довольно полныя свѣдѣнія объ этой части свѣта. Свѣдѣпія эти при томъ изложены языкомъ чистымъ и легкимъ. И немудрено, г. Коршъ, занимавшійся переводомъ живописнаго путешествія по Азіи, извѣстенъ какъ отличный переводчикъ.

Digitized by Google

VII.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

ЛѢТОПИСЬ СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

По Высочайше утвержденному церемоніалу 8 Сентября послѣдовалъ торжественный въѣздъ въ С.-Петербургъ Ея Величества Государыни Императрицы, въ сопровожденіи Ея Королевскаго Высочества Принцессы Маріи Гессенъ-Дармштадтской, Высоконареченной невѣсты Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Николаевича. — Сердца подданныхъ съ неописаннымъ восторгомъ привѣтствовали и свою возлюбленную Монархиню, возвратившуюся къ нимъ съ обновленными силами, и юную чету — залогъ продолженія въ грядущемъ того благоденствія, коимъ наслаждается Россія. 8-е Сентября останется на вѣки незгладимымъ въ душѣ каждаго Русскаго, кто видѣлъ этотъ священный день.

Франція. Вооруженія во Франціи продолжаются съ большою дѣятельностію. Составленъ Комитетъ для начертанія плана укрѣпленія Парижа. Онъ собирается каждый день. Члены его суть: генералъ-

Digitized by Google

лейтенанты Доде и Понтонъ, генералъ-маіоры Прево, Доль, Бертуа, Маріонъ де Болье, Перюленъ и Коссиньи. Должность секретаря исправляетъ инженеръ-полковникъ Дартуа. Парижъ будетъ окруженъ непрерывною линіею укрѣпленій, кромѣ коей будетъ построено еще нѣсколько отдѣльныхъ фортовъ въ отдаленіи отъ Парижа. На эти работы ассигновано 100 милліоновъ франковъ. Предположено употребить 50,000 работниковъ, чтобы окончить все дѣло до будущей весны. Въ Страсбургскомъ арсеналѣ приказано построить понтоны, а въ литейной отлить по возможности большое число полевыхъ орудій. Въ Камбре, Валансіеннѣ и Лиллѣ приказано вооружить крѣпости въ двѣ недѣли; во всѣхъ приморскихъ гаваняхъ господствуетъ величайшая дѣятельность. Военному Министру открытъ кредитъ, однимъ королевскимъ повелѣніемъ въ 18,986,000 франковъ, какъ для устройства и улучшенія казармъ и конюшень, такъ и на издержки по матеріяльной части, сдѣлавшіяся необходимыми въ слѣдствіе увеличенія арміи; — другимъ королевскимъ повелѣніемъ въ 8,336,381 франкъ на добавочное изготовленіе пороха. Морской экипажъ предположено увеличить до 12,000 человѣкъ, а артиллерію 600 человѣками.

— Въ Алжирскомъ дѣлѣ Французы обнаруживаютъ неменьшую дѣятельность. Предположено открыть нынѣшній осенній походъ ранѣе обыкновеннаго, и притомъ съ большею рѣшительностію. Составляютъ три дивизіи Алжирскую, Оранскую и Мостагенемскую. Алжирская дивизія въ 10,000 человѣкъ, будетъ подъ начальствомъ маршала Вале, если только онъ не найдетъ своего присутствія необходимымъ въ Оранѣ; въ послѣднемъ случаѣ ею будетъ командовать генералъ Дювивье. Въ первомъ же случаѣ онъ при-

Digitized by Google

метъ начальство надъ городомъ Алжиромъ и его окрестностями. Сильнѣйшая дивизія будетъ Оранская: она составится изъ 12 или 14 тысячъ человѣкъ подъ командою генерала Ламорисьера. Дивизія Мостагенемская будетъ состоять изъ 5 или 6 тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ генерала Шангарнье. — Дивизіи Алжирская и Оранская будутъ дѣйствовать въ одно время, дабы, стѣсняя непріятеля съ двухъ сторонъ, прижать его къ одному пункту. Мостагенемская дивизія будетъ или подкрѣплять операціи главныхъ корпусовъ, или сдѣлаетъ диверсію, съ тѣмъ чтобъ угрожать сосѣднимъ племенамъ и парализировать ихъ. Алжирская дивизія соберется въ Миліанѣ и оттуда спустится на Шетифскую равнину. Двинувшись изъ Эльканторы, по берегамъ Шетифа, дивизія достигнетъ чрезъ 36 часовъ Текедемтскихъ высотъ. Она вступитъ тогда въ связь съ Оранскою дивизіею, которая въ тоже время придетъ на равнину Гобрахъ, въ разстояніи одного перехода отъ Текедемта. Это движеніе, принимая въ счетъ сопротивленія непріятеля, можетъ быть совершено въ 10 или 12 дней. Оранская дивизія сосредоточится въ лагерѣ фиговаго дерева. Она выступитъ въ одно время съ Алжирскою дивизіею на Маскару, и придетъ въ это мѣсто вѣроятно тогда, когда маршалъ достигнетъ владѣній Сиди-эль-Арби.

Между тѣмъ стычки съ Арабами продолжаются безпрестанно.

—Лудовикъ Наполеонъ допрошенъ канцлеромъ Пакье; въ немъ ожидали найти мужество и рѣшительность, необходимыя для человѣка, затѣвавшаго ниспровергнуть настоящее Французское правительство и возсѣсть на тронѣ великаго императора; и къ

Digitized by Google

удивленію нашли въ немъ человѣка, слишкомъ озабоченнаго положеніемъ своимъ и своихъ приближенныхъ, О защитѣ своей предъ судомъ перовъ принцъ просилъ Беррье, который согласился принять на себя это порученіе, ежели принцъ предоставитъ ему полную свободу мнѣній.

Отецъ Лудовика Бонапарте, по случаю поступка его сына, напечаталъ въ газетѣ *Commerce* слѣдующее письмо:

«Графъ Сенъ-Ле, Людовикъ Наполеонъ Бонапарте, къ редактору газеты Commerce.

Я знаю, что прибѣгать къ журналамъ въ моихъ обстоятельствахъ — средство странное и неприличное; но если глубоко огорченный, старый, больной, изгнанный закономъ изъ своего отечества отецъ, не можетъ иначе оказать помощь сыну, то подобное средство будетъ одобрено всѣми, у кого въ груди бьется родительское сердце. Увѣренный, что мой сынъ, единственный, у меня оставшійся, сдѣлался жертвою гнусной интриги, и что его обманули льстецы и ложные друзья, я не могъ бы хранить молчанія, не нарушивъ моей обязанности и не подвергнувшись жесточайшимъ угрызеніямъ совѣсти. И такъ я объявляю, что сынъ мой Наполеонъ Лудовикъ былъ въ третій разъ вовлеченъ въ разставленныя ему сѣти; невѣроятно, чтобы человѣкъ, у котораго нѣтъ недостатка въ средствахъ и въ здравомъ смыслѣ, захотѣлъ добровольно ввергнуть себя въ такую пропасть. Если онъ достоинъ наказанія, то еще болѣе достойны его тѣ, которые его обольстили и ввели въ заблужденіе. Въ особенности я объявляю съ чувствомъ глубокаго негодованія, что оскорбленіе, которому подвергли моего сына, заклю-

Digitized by Google

чивъ его въ комнату, предназначенную для низкихъ убійцъ, есть жестокость неслыханная и недостойная Французовъ. Какъ глубоко опечаленный отецъ, какъ добрый Французъ, проведшій 30 лѣтъ въ изгнаніи, какъ братъ, и могу даже сказать, питомецъ того, кому Франція воздвигаетъ вновь памятникъ, я поручаю моего обольщеннаго и вовлеченнаго въ заблужденіе сына его судьямъ, и всѣмъ тѣмъ, у которыхъ въ груди бьется Французское и родительское сердце. — Лудовикъ С. Ле.»

— Молодому Архитектору Журдену поручено воздвигнуть памятникъ въ честь Французскаго Короля Лудовика Святаго, на самой возвышенной точкѣ Карѳагенской горы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ по преданію должна находиться могила этого Короля. Монументъ будетъ состоять изъ высокой церкви въ нынѣшнемъ вкусѣ, съ готическими окнами и шпицами. Издержки будутъ покрыты изъ собственныхъ доходовъ Короля.

—Франція увѣряетъ кабинеты Голландскій и Бельгійскій, что въ случаѣ войны она признаетъ и будетъ уважать ихъ нейтралитетъ, если только эти державы воздержатся отъ всѣхъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Франціи.

Англія. Вооруженія въ Англіи производятся съ неменьшею дѣятельностію. Въ Гибралтаръ и Средиземное море отправлено значительное количество разныхъ военныхъ припасовъ. Адмиралъ Стопфордъ двинулся съ своею эскадрою и Австрійскою дивизіею, состоящею у него въ командѣ, къ Александріи, для блокированія этого города, предполагая принудить силою Египетскаго Пашу къ исполненію рѣшенія четырехъ державъ, если бы онъ добровольно не захотѣлъ подчиниться этому рѣшенію.

Digitized by Google

— Война съ Китаемъ и до сихъ поръ все еще идетъ только въ приготовленіяхъ; грозныя демонстраціи дѣлаются съ обѣихъ сторонъ, какъ будто пугая другъ друга, а фактовъ еще не дѣлаютъ: по крайней мѣрѣ эхо объ нихъ до насъ еще не достигло. Американскіе купцы въ Кантонѣ писали письмо къ коммиссару Лину, въ которомъ его просили пропускать суда ихъ прямо въ Кантонъ, безъ разгрузки въ Вампоа. Причиною представили то, что прибытіе ожидаемой Англійской экспедиціи, которая безъ сомнѣнія будетъ блокировать берега, не дозволитъ Американцамъ окончить свои дѣла, если выгрузка ихъ судовъ въ Вампоа будетъ замедлена.

Линъ на другой день прислалъ отказъ, и вмѣстѣ съ нимъ, совершенно противъ обыкновенія, возвратилъ и самую просьбу, чтобы показать, что въ архивахъ Поднебесной Имперіи не можетъ оставаться такой документъ, въ которомъ говорится о насильственныхъ мѣрахъ противъ Китая. Отвѣтъ Линя ясно обнаруживаетъ, что онъ считаетъ такое предположеніе смѣшнымъ. Онъ почитаетъ дерзкою ложью и дѣломъ несбыточнымъ, чтобы Англичане блокадою воспрепятствовали Американскимъ судамъ торговать съ Китаемъ. «Помыслите только, пишетъ онъ, что эти гавани суть достолніе Небесной династіи. Можетъ ли Англія васъ блокировать? Развѣ Америка подвластна Англіи? Какъ могли вы подумать, что мы дозволимъ Англичанамъ воспретить вамъ, съ 1 Іюня, или около этого времени, входить въ наши гавани, или вести съ нами торговлю? — Подобные слухи явно разглашаются недоброжелателями.»

Китайскія начальства въ Кантонѣ отдали повелѣніе, которымъ воспрещается всѣмъ судамъ входить въ Бакка-Тавресъ, если они не предоставили предъ

Digitized by Google

тѣмъ своихъ бумагъ въ Кантонѣ и не получили формальнаго позволенія.

—Въ Лондонѣ составилось общество для основанія колоніи въ Западной Австраліи. Эта колонія получитъ названіе Австралиндъ. Она будетъ заключать, первоначально 51,000 акровъ земли, изъ коихъ 1000 акровъ назначаются подъ новый городъ Австралиндъ, а остальные 50,000 будутъ раздѣлены на 500 участковъ, каждый во 100 акровъ. Такой участокъ съ однимъ акромъ внутри города стоитъ 101 ф. ст.; остальные 500 акровъ городской земли будутъ раздѣлены на четверти акра, для построенія двухъ тысячъ домовъ. Каждая четверть акра стоитъ 10 ф. ст. — Изъ суммы, вырученной продажею, общество удерживаетъ 50 процентовъ для покрытія издержекъ и въ счетъ прибыли, а остальные 50 процентовъ будутъ употреблены для переселенія неимущихъ работниковъ. Западная Австралія, въ послѣднія десять лѣтъ, находила мало участниковъ. Тамошніе три тысячи колонистовъ, поселенные на обширной полосѣ земли, были почти совсѣмъ отдѣлены отъ остальнаго міра и предоставлены самимъ себѣ. Что же касается до физическихъ качествъ и коммерческаго положенія этой колоніи, то она обѣщаетъ несравненно болѣе, нежели новѣйшія колоніи Южной Австраліи.

—Въ послѣднее время множество судовъ отплыло изъ разныхъ Англійскихъ гаваней; многія богатыя семейства съ ремесленниками и работниками отправились на этихъ судахъ въ Британскія колоніи для основанія тамъ новыхъ поселеній.

—Рѣшительность, съ какою Англійское Правительство требовало уничтоженія сѣрной монополіи, давала поводъ заключать о важности Британской торговли съ Сициліею. Изъ донесенія Лорду Пальмер-

Digitized by Google

стону 30 Іюня 1840 года, обнаруживается, что эта монополія устранила отъ Сицилійской торговли болѣе 300 Англійскихъ судовъ, отъ 150 до 350 тоннъ. Г. Макгрегоръ, написавшій это донесеніе, объѣздилъ гавани Сициліи, Палермо, Жирженти, Ликати, Катанію и Мессину и нашелъ въ книгахъ Англійскихъ консульствъ, что въ продолженіи пяти лѣтъ, до учрежденія сѣрной монополіи, ежегодно приходили въ Сицилію 563 Британскія судна, между тѣмъ какъ въ 15 мѣсяцовъ существованія монополіи пришло только 179 судовъ. Другія разысканія обнаружили, что Англичане учредили въ Сициліи восемнадцать значительныхъ домовъ, что на эту торговлю употребленъ капиталъ въ два милліона фунтовъ стерлинговъ, и что сѣрная монополія причиняетъ Англичанамъ ежегодную потерю въ триста тысячъ фунтовъ стерлинговъ. — Въ Марсалѣ находятся также четыре Англійскія купеческія конторы, производящія торгъ винами. Самая большая изъ нихъ имѣетъ въ запасѣ двадцать тысячъ пипъ вина. Эта торговля продолжается сорокъ лѣтъ: разведеніе Сицилійскаго винограда производится Англійскими деньгами.

— Въ провинціи Антіокіи (Новой Гренадѣ) составилось Англійское общество съ капиталомъ въ 25,000 ф. ст. для добыванія золотоноснаго песку въ Ріо-Негро. Эта компанія намѣрена перемѣнить направленіе рѣки на пространствѣ 6 Англійскихъ миль (9 верстъ), дабы высушить то мѣсто, въ которомъ рѣка образуетъ большой бассейнъ глубиною въ 17 футовъ, посреди небольшой долины Андскихъ горъ.

Испанія. Управленіе Испаніи до сихъ поръ еще не установилось; Королева правительница еще не согласилась окончательно съ главнокомандующимъ

Digitized by Google

войсками, Эспартеро, касательно составленія кабинета и закона объ айюнтаміенто. Мѣсто президента совѣта было нѣсколько разъ предлагаемо герцогу Виттоpіи, но онъ отказался, предпочитая лучше распоряжать этимъ мѣстомъ, нежели занимать его. Онъ предложилъ на мѣсто себя кавалерійскаго генерала Ферраса, изъ анкучосовъ; Феррасъ пользуется довѣренностію Эспартеро, и представляя армію, займетъ первое мѣсто въ кабинетѣ; другой Феррасъ будетъ главою финансовой части; морской министръ Армеро, такъ же другъ герцога Виттоpіи. Министръ юстиціи Сильвела по характеру и воспитанію настоящій Французъ; только министръ внутреннихъ дѣлъ Кабелло находится въ связи съ народною партіею. Королева и генералъ согласились исключить въ законѣ объ айюнтаміенто статью, которою предоставляется королевской власти право назначать алькадовъ.

Генералъ О'Доннель, котораго думаютъ противопоставлять герцогу Виттоpіи, не согласился признать кабинета, составленнаго въ Барселонѣ, и по его мнѣнію, вынужденнаго. Королевскимъ декретомъ 28 Августа составленъ былъ кабинетъ вновь, въ духѣ большинства кортесовъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ 1-го Сентября, Мадритскій городовой совѣтъ (айюнтаміенто) объявилъ себя безсмѣннымъ. Національная гвардія собрана и заняла главные посты. Рота, сопровождавшая генерала Алдаму и національная гвардія помѣнялись нѣсколькими ружейными выстрѣлами. Адъютантъ генерала и еще нѣсколько человѣкъ убиты. Алдама занялъ позицію съ двумя батальонами, однимъ эскадрономъ и нѣсколькими орудіями у Ретиро. Гражданскій начальникъ Буэренсъ арестованъ въ Ратушѣ.

Національная гвардія провела ночь подъ ружьемъ.

Digitized by Google

Въ 3 часа утра генералъ капитанъ Алдама съ 12 орудіями и 300 конной гвардіи выступилъ изъ столицы. Одна часть полка Королевы правительницы, послѣдовавшая сначала за генералъ-капитаномъ, возвратилась потомъ въ городъ, и съ двумя другими полками и частію жандармовъ присоединилась къ національной гвардіи: они были приняты съ восторгомъ. Даже изъ окрестностей національная гвардія собралась въ Мадритъ. Юнта, временно принявшая на себя мѣстное управленіе, можетъ также полагаться на нѣкоторую часть войскъ генерала Конхи, и алькады принимаютъ въ національную гвардію всякаго, изъявляющаго на то желаніе. Временная Юнта извѣстила всѣ провинціи о событіяхъ въ столицѣ, и занимается перемѣною правительственныхъ лицъ. Колатрава назначенъ интендантомъ. Думаютъ, что до прибытія Королевы, обнаружившей въ послѣднее время замѣчательную твердость и силу воли, вступятъ въ столицу двѣ дивизіи подъ начальствомъ генераловъ Дона Діего Леона и О'Доннеля.

Германія. Извѣстно, что правительства таможеннаго союза съ давняго времени старались согласиться на счетъ введенія общей монетной системы, и гдѣ этого нельзя достигнуть, въ слѣдствіе отношеній отдѣльныхъ земель, по крайней мѣрѣ установить такую систему, которая не представляла бы затрудненій въ расчетахъ, въ особенности при малыхъ оборотахъ. Государства Средней Германіи, Саксонія, Курфюршество Геосенское, Великое Герцогство Саксенъ-Веймарское и Эйзенахское, герцогства Саксенъ-Кобургъ-Готское и Саксенъ-Альтенбургское, Княжества Шварцбургъ-Рудольштадтское, Шварцбургъ-Зондергаузенское Рейсъ старшей линіи, Рейсъ-Шлейцъ и Рейсъ-Лобенштейнъ-Эберсдорфское присоедини-

Digitized by Google

лись въ этомъ случаѣ къ Пруссіи. Это было естественнымъ слѣдствіемъ ихъ географическаго положенія и преимущественныхъ отъ него взаимныхъ выгодъ между подданными. Уже 30 Іюля 1838 года была подписана общая монетная конвенція, въ которой оіи государства обязались ввести монетную единицу (въ четырнадцать талеровъ) и мелкую монету соотвѣтственную номинальной цѣнѣ этой единицы. Теперь настало время ввести эту систему. Къ 1 Января 1841 года въ Великомъ Герцогствѣ Веймарскомъ будетъ выведена изъ употребленія серебряная и мѣдная мелкая монета, доселѣ бывшая въ законномъ обращеніи, а также конвенціонныя монеты въ одинъ и въ два гроша, здѣшняго чекана, съ уплатою ихъ полной номинальной и курсовой цѣны. Вмѣсто этой монеты будутъ введены новые серебряные гроши и полугроши и соотвѣтствующая мелкая мѣдная монета. По новой системѣ талеръ будетъ подраздѣляться на 30 грошей, а грошъ на 12 пфенниговъ.

Нидерланды. 4 Сентября въ половинѣ перваго часа по полудни Ея Королевское Высочество Наслѣдная Принцесса Оранская благополучно разрѣшилась отъ бремени Принцемъ.

Америка. *Сѣверные Штаты.* Пограничный вопросъ все еще нерѣшенъ; извѣстія изъ Мена вовсе не миролюбивы. Говорятъ, что донесеніе Британскихъ пограничныхъ коммиссаровъ произвело дурное впечатлѣніе на правительство Соединенныхъ Штатовъ. Ванъ-Буренъ объявилъ, что если Великобританія будетъ настаивать на пунктахъ, постановленныхъ въ этомъ донесеніи, то разрывъ неизбѣженъ. Это мнѣніе раздѣляютъ почти всѣ Американскія газеты.

— Англійскій повѣренный въ дѣлахъ въ Мексикѣ

Digitized by Google

получилъ повелѣніе предложить Мексиканскому правительству свое посредничество въ спорахъ его съ Техасомъ; предложеніе его принято Мексикою.

Турція. Въ Босніи и Герцоговинѣ произошло волненіе. Въ Сараевѣ оно было особенно значительно. Намѣстникъ, пребывающій въ Травникѣ, принялъ мѣры къ наказанію мятежниковъ и къ возстановленію въ столицѣ порядка. Но жители Сараева представили сильныя жалобы на удалившагося Пашу, и кажется совершенно оправдались. Вслѣдъ за тѣмъ 11 и 12 Августа возникли подобныя безпокойства и въ Травникѣ, и самъ намѣстникъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Видя, что онъ въ опасности и что надобно дѣйствовать рѣшительно, онъ разослалъ во всѣ стороны для сбора войска, и 15 числа при немъ уже былъ значительный корпусъ. Считая себя довольно сильнымъ, 16 Визирь выступилъ противъ инсургентовъ, встрѣтилъ ихъ у Витеса и послѣ кровопролитнаго сраженія разбилъ, но по значительности потери не могъ ихъ преслѣдовать. Инсургенты заперлись въ Сараевѣ и рѣшились упорно сопротивляться. Между тѣмъ отправили жалобу къ Султану на притѣсненія, и просили его положить конецъ ихъ бѣдствіямъ.

—Въ послѣднихъ числахъ Іюля опустошенія огнемъ и мечемъ все еще продолжались въ Ливанскихъ горахъ. Друзы, кажется, согласились съ Албанцами погубить эту несчастную страну. Предводители Друзовъ получили значительныя суммы за то, что перешли на сторону Мегемета-Али. Британскій консулъ приглашалъ другихъ политическихъ агентовъ протестовать вмѣстѣ съ ними противъ жестокостей, которыя не прекращаются въ Сиріи, но двое изъ нихъ не дали ему ни какого отвѣта; и потому главнокомандующій Британскими кораблями у Бейрута,

Digitized by Google

ограничился только тѣмъ, что сдѣлалъ сильныя представленія Египетскимъ корабельнымъ капитанамъ, которые въ слѣдствіе того немедленно отплыли въ Александрію. Французскій консулъ Буре письменно просилъ Солимана-Пашу положить конецъ страданіямъ христіанскихъ горныхъ жителей, но получилъ только словесный отвѣтъ, что Паша извѣститъ Французскаго консула въ Египтѣ о полученіи этого письма. Буре, оскорбленный такою невнимательностію, хочетъ требовать увольненія.

Греція. Послѣ врученія Греческому посольству Турецкой министерской ноты, касательно непринятія коммерческаго трактата, Король Оттонъ послалъ въ Константинополь новаго повѣреннаго въ дѣлахъ Христидеса, который протестовалъ противъ насильственныхъ мѣръ, принятыхъ въ отношеніи къ Греческимъ подданнымъ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ даже не заплачены пограничныя повинности. При этомъ случаѣ обѣ стороны дѣлали другъ другу упреки, такъ что съ Греціею предстоитъ совершенный разрывъ. Повѣренный въ дѣлахъ сиялъ Греческій гербъ съ своего дома, оставилъ столицу и переѣхалъ въ частный домъ въ Санъ-Стефано на Мраморномъ Морѣ, гдѣ намѣренъ 48 часовъ ожидать отвѣта Порты на данное ему порученіе. По истеченіи этого срока, и если отвѣтъ будетъ неудовлетворительный, онъ возвращается въ Грецію. — 14 Августа три Греческія судна съ 1500 Греческими подданными отплыли въ свое отечество. За ними готовится къ отплытію еще большее число, потому что Король Оттонъ призвалъ къ оружію всѣхъ своихъ подданныхъ мужескаго пола отъ 16 до 40 лѣтъ.

Ость-Индія. Пароходы плаваютъ теперь по Инду отъ его устья до Фирузпора и Лудіяны, то есть

Digitized by Google

на пространствѣ 280 или 300 верстъ. Между Курналомъ и Лудіаною будетъ прорытъ каналъ для соединенія рѣкъ Восточной и Западной Индіи.

Бангкокскій Принцъ Хань-фу, въ Сіамѣ, обращенъ Американскими миссіонерами въ христіанскую вѣру.

Бомбей. Сейки, кажется, намѣрены расторгнуть союзъ съ Англіею и завязали уже интриги въ Афганистанѣ. Принцъ Но-Негаль-Сингъ, управляющій Пенджабомъ, вмѣсто своего слабоумнаго отца, отказалъ въ пропускѣ Британскихъ войскъ чрезъ свои владѣнія.

— Въ Афганистанѣ Гильзы все еще въ возстаніи. Шахъ Суджа до того не любимъ, что для защиты его нужно было усилить Британскую армію въ Кабулѣ.

— По новѣйшимъ извѣстіямъ изъ Бирмы тамъ произошло возстаніе противъ Короля. Три тысячи инсургентовъ изъ племени Шансовъ, къ которымъ присоединились 3000 солдатъ Короля, сожгли городъ Маттару, и разбили посланныя противъ нихъ войска. —Ость-Индское правительство платитъ Индѣйскимъ и Магометанскимъ принцамъ, сверженнымъ имъ съ престоловъ, и членамъ ихъ семействъ пенсій до 1,160,950 ф. стерлинговъ.

Digitized by Google

VIII.

ИЗВЕСТІЯ И СМѢСЬ.

МОЛУКСКІЕ ОСТРОВА. Острова, составляющіе Молукскій архипелагъ, вообще мало извѣстны. Путешественники начали посѣщать ихъ съ 1636 года; но имѣя въ виду болѣе торговые виды, чѣмъ ученыя изслѣдованія, они мало содѣйствовали распространенію географическихъ о нихъ свѣдѣній. Лейтенантъ Кольеръ, объѣзжая эти острова на Голландскомъ бригѣ Дурга, познакомилъ съ ними Европу нѣсколько больше. Мы приводимъ изъ его книги описаніе острововъ Аррусъ.

«Острова, лежащіе къ западу отъ этой группы, говоритъ Кольеръ (Вама, Воканъ, Майкоръ и Вакіа) обитаемы, первые три Христіанами, послѣдній Магометанами; острова, лежащіе къ востоку, населены Арафурами (Аборигенами этихъ острововъ) зависящими отъ ихъ сосѣдей. Во время владычества прежней Восточно-Индѣйской Компаніи острова Аррусъ были заняты отрядомъ Голландскихъ солдатъ, и на Воканѣ была построена красивая крѣпостца. Торговая монополія Амбоина и Банды много содѣйствовала приведенію обѣихъ этихъ колоній въ цвѣтущее состояніе. Теперь эти острова посѣщаются ежегодно тридцатью или болѣе судами въ 100 или 150 тоннъ, приходящими изъ Макассара, Бона и другихъ мѣстъ. Жители острововъ получаютъ мѣною товары такъ дешево, что Амбоина и Банда не могутъ болѣе выдерживать торговаго соперничества въ сихъ мѣстахъ. Острова Аррусъ издали кажутся низкими, однакожъ можно различить на нихъ нѣсколько зеленѣющихъ холмовъ, среди известковыхъ скалъ. Вѣроятно эти

Digitized by Google

острова одолжены происхожденіемъ своимъ полинамъ. Арафуры составляютъ довольно многочисленное народонаселеніе. Они не столько не образованны, какъ вообще объ нихъ думаютъ; живутъ деревнями по 10 или 12 домовъ вмѣстѣ подъ управленіемъ старѣйшинъ. Питаются преимущественно рыбою и свиньями, которыхъ бьютъ желѣзными стрѣлами. Разводятъ также прекрасную огородную зелень, Турецкую пшеничку, табю, родъ тыквы, вкусомъ очень похожей на рѣпу, сахарный тростникъ, рисъ бѣлый и красный. Платье ихъ не роскошнѣе пищи; мужчины носятъ бѣлый, синій или пестрый передникъ, завязывая его на боку; украшаютъ руки браслетами изъ раковинъ, а лице мѣдною проволокою, которую продѣваютъ сквозь носъ; изъ жемчуга дѣлаютъ ожерелья. Волосы на головѣ ихъ обыкновенно очень черны; они никогда ихъ не расчесываютъ и моютъ въ водѣ щелочной или желѣзистой, что придаетъ имъ большую жесткость и пепельный оттѣнокъ цвѣта: это почитается красотою здѣсь такъ же, какъ и въ Новой Гвинеѣ. Нѣкоторые изъ жителей, имѣя очень длинные волоса, прикалываютъ ихъ на затылкѣ бамбуковымъ гребнемъ. Они убираютъ голову двойнымъ рядомъ коралловыхъ зеренъ, которыя идутъ отъ ушей и соединяются на лбу. За поясомъ носятъ обыкновенно небольшой топоръ. Женщины вмѣсто кушака носятъ проволочную мѣдную цѣпь, съ застежкой впереди; кусокъ Макассарскаго полотна покрываетъ ихъ спереди, такой же кусокъ сзади, и вотъ весь ихъ нарядъ. Множество ожерельевъ жемчужныхъ и коралловыхъ привязывается концами къ ушамъ и виситъ на груди, что довольно красиво. Уши во многихъ мѣстахъ пронизаны и въ скважины ихъ красавицы вкладываютъ кусочки мѣди, жести или одного морскаго растенія, изъ котораго дѣлаютъ также и браслеты; на колѣняхъ и локтяхъ носятъ повязки очень искусно сплетенныя изъ тростника. Они могутъ похвастать длинными и прекрасными волосами, коихъ однакожъ никогда не причесываютъ, также какъ и мужчины, а заплетаютъ ихъ въ разныя плетенки и соединяютъ вмѣстѣ на верху головы. Цвѣтъ волосъ черный или темно-русый.

Почти всѣ работы отправляютъ женщины. Онѣ ходятъ за водой, рубятъ дрова, ставятъ ловушки для животныхъ, ловятъ раковъ и черепахъ, готовятъ кушанье. При всѣхъ этихъ работахъ онѣ не оставляютъ дѣтей, которыхъ носятъ привязанны-

Digitized by Google

ми за спиною. Арафуръ не иначе можетъ жениться, какъ заплатя за дѣвушку цѣну, состоящее въ слоновыхъ зубьяхъ, мѣдныхъ вещахъ, тканяхъ и проч.; взносъ его однакожъ разсрочивается на нѣсколько лѣтъ. Отецъ, имѣющій нѣсколькихъ дочерей, становится наконецъ богатымъ человѣкомъ отъ сбора этой дани. Часто случается, что молодой человѣкъ, не имѣя чѣмъ заплатить за жену, которую хотѣлъ бы взять, путешествуетъ по другимъ островамъ для сбора потребной суммы, и люди, которыхъ онъ посѣщаетъ, охотно даютъ ему, кто что можетъ, такъ что возвратясь, онъ уже имѣетъ съ чѣмъ предстать къ отцу своей невѣсты. Бракъ обыкновенно праздпуется пиромъ, на которомъ подаркомъ Европейской образованности, аракъ, играетъ главную роль. Мужчина не долженъ входить въ домъ сосѣда во время отсутствія хозяина; виновный въ этомъ обязанъ заплатить ему пени кусокъ ткани, или что нибудь другое. Приговоръ обыкновенно произносится старцами, которые опредѣляютъ количество пени, и приговоръ этотъ всегда имѣетъ такую силу, что обвиненный непремѣнно долженъ немедленно уплатить по немъ или оставить деревню. Если кто нибудь вздумаетъ приволокнуться за чужою женою, то обязанъ сдѣлать оскорбленному честное удовлетвореніе за эту обиду. Макассарскіе торговцы говорили мнѣ, что они всегда строго смотрятъ за своими людьми, чтобы они не подходили близко къ замужнимъ женщинамъ, потому что за малѣйшее прикосновеніе къ нимъ взыскивается пеня, неуплата коей могла бы разорвать ихъ торговыя сношенія съ Арафурами.

Они очень любятъ слоновые зубы и колокола и гордятся, когда имѣютъ ихъ достаточно. Цѣна первыхъ опредѣляется ихъ длиною, послѣднихъ шириною и окружностію. Прежде они получали эти вещи отъ купцовъ Банды, которые доставали ихъ въ Батавіи; теперь доставляютъ ихъ Макассарцы изъ Батавіи, Малакки, или Сингапора. Впрочемъ не одно тщеславіе побуждаетъ ихъ пріобрѣтать слоновые зубы и колокола. Они дѣлаютъ изъ нихъ употребленіе, какого нельзя было бы ожидать отъ дикаго народа. Ими обыкновенно помогаютъ они неимущимъ соотечественникамъ уплачивать свои долги. Мнѣ разсказывали объ одномъ случаѣ, разительно выражающемъ этотъ духъ братства. Въ Аффаро происходило избраніе деревенскаго старшины, и двое искали этой степени; народъ избралъ старѣйшаго, что очень огорчило другаго,

Digitized by Google

однакожъ онъ скоро преодолѣлъ себя и одобряя выборъ, сказалъ: «Зачѣмъ мнѣ досадовать? развѣ я не могу помогать моимъ согражданамъ и не будучи избранъ въ начальники?» Такимъ образомъ богатства свои они употребляютъ для поправленія ошибокъ счастія между своими соотчичами, и такъ какъ это составляетъ привилегію старшины, то степень эту могутъ получать только богатѣйшіе.

Слѣдующая черта служитъ доказательствомъ кротости ихъ законовъ. Арафуръ, отправясь на ловлю рыбы, долго не возвращался; жена его, истративъ всю провизію, принуждена была просить у сосѣда пособія; между ними завязалась тѣсная дружба; сосѣдъ носилъ ей воду, рубилъ дрова, ловилъ рыбу; она была признательна за услуги, и дружба мало по малу превратилась въ любовь. Зная великость преступленія, оба удалились на сосѣдній островъ. Мужъ, задержанный противнымъ вѣтромъ, воротился чрезъ два мѣсяца и потребовалъ свою жену у братьевъ, которые обязаны были ее найти; открывши убѣжище виновныхъ, они привели ее обратно въ деревню. Оскорбленный мужъ потребовалъ огромной платы отъ обольстителя; этотъ отказывался платить, говоря, что всей жизни его не достанетъ для того, чтобы собрать требуемую сумму. Перенесли дѣло на судъ старѣйшинъ: эти допросили жену; жена сказала прямо, что предупредительность и доброта ея сосѣда возбудили въ ней чувство признательности, впослѣдствіи превратившееся въ любовь, и что первый шагъ сдѣлала она. Старики, удивленные ея чистосердечіемъ и разсуждая, что мужчинѣ очень трудно противиться нѣжнымъ нападеніямъ молодой, хорошенькой женщины, смягчили законъ и приговорили любовника къ легкой пенѣ, совѣтуя мужу не оставлять въ другой разъ жены безъ продовольствія на такое долгое время. Жена возвратилась къ мужу, который принялъ ее, и никогда не упрекалъ за невѣрность.

Обычаи ихъ касательно умершихъ показываютъ варварство въ высокой степени, и отсутствіе всякаго понятія о будущей жизни. Когда умираетъ мужчина, то родственники его собираются и уничтожаютъ все имущество, нажитое имъ въ теченіи цѣлой жизни; все разбиваютъ и выбрасываютъ вонъ. Въ деревняхъ ихъ всюду валяются куски разной посуды, принадлежавшей умершимъ, которою живые никакъ не хотѣли подѣлиться. Та-

Digitized by Google

ло умершаго кладутъ на рогожу и прислоняютъ къ лѣстницѣ, пока не соберутся родственники, что бываетъ рѣдко ранѣе четырехъ дней; но такъ какъ въ это время тѣло начинаетъ портиться, то части, подвергшіяся гніенію, покрываютъ известью, каждый день курятъ смолами въ домѣ, а собравшихся гостей потчуютъ безпрестанно аракомъ и другимъ спиртнымъ напиткомъ, который они сами приготовляютъ изъ сока однихъ плодовъ. Все это дѣлается съ большимъ шумомъ, который еще болѣе усиливается звукомъ ихъ колоколовъ и воемъ женщинъ. Потомъ предлагаютъ пищу мертвому, и такъ какъ онъ не ѣстъ, то ему набиваютъ ротъ до такой степени, что пища и питье валятся изъ рта и текутъ полосами по трупу. Когда всѣ родственники соберутся, тогда тѣло кладутъ въ гробъ, который покрываютъ множествомъ кусковъ тканей, соотвѣтственно достоинству умершаго, а подъ гробомъ ставятъ большія вазы Китайскаго фарфора, высокой цѣны. Два или три дня домъ умершаго бываетъ наполненъ гостями шумно пирующими и пьянствующими.

Наконецъ тѣло выносятъ изъ дому и приставляютъ къ столбу, гдѣ снова предлагаютъ ему пищу. Зажженныя сигары, арекъ, рисъ, плоды и пром. снова пихаютъ ему въ ротъ, а предстоящіе поютъ хоромъ, спрашивая у усопшаго, неужли онъ забудетъ друзей и соотечественниковъ не въ состояніи пробудить ихъ? Наконецъ, видя всѣ свои усилія тщетными, кладутъ умершаго въ простой гробъ, безъ всякихъ украшеній, уносятъ въ лѣсъ и тамъ ставятъ его на четырехъ столбахъ, а возлѣ сажаютъ дерево, называемое *Pavetta indica*. При этой церемоніи присутствуютъ одни только нагія женщины. Обрядъ этотъ называется *Судабуанъ*, что значитъ, что тѣло брошено на вѣтеръ, и болѣе не способно слышать.

Жители этихъ острововъ, изданна оставленные Европейцами, лишены христіанскихъ проповѣдниковъ, и отъ того мало подвинулись въ образованности. Они много потерпѣли съ тѣхъ поръ, какъ кончились покровительства Голландцевъ, потому что Бугійцы и Макассарцы ведутъ съ ними дѣла болѣе какъ грабители, нежели какъ порядочные торговцы; это впрочемъ въ характерѣ Индѣйцевъ, когда они превозмогаютъ въ числѣ и необходимаются Европейцами. Купцы посылаютъ эти острова для трепанговъ, раковинъ, птичьихъ гнѣздъ и жемчугу. Они первого изъ этихъ произведеній хуземцы получаютъ или

Digitized by Google

болѣе выгодъ. Трепангъ есть видъ голотурія (полипа) и находится преимущественно по берегамъ, состоящимъ изъ мѣла, смѣшаннаго съ тонкимъ пескомъ, и покрытымъ морскими растеніями, которыя при убыли воды показываются на поверхности моря. Торгующіе насчитываютъ ихъ до 20 видовъ, между которыми есть и неупотребительные въ пищу, по причинѣ очень горькаго вкуса. Собранный трепангъ варятъ въ морской водѣ, съ примѣсью листьевъ папыа, чтобы отдѣлить отъ нихъ тонкую кожицу, ихъ покрывающую; потомъ кладутъ въ корзины и покрываютъ землею до другаго утра, нѣсколько разъ моютъ, чтобы отнять непріятный коралловый вкусъ, а тамъ раскладываютъ на рогожи и сушатъ. Сухой трепангъ, не смотря на всѣ эти омовенія, еще удерживаетъ непріятный вкусъ, свойственный голотуріямъ, и по этому Китайцы прежде приготовленія изъ нихъ суповъ и соусовъ, варятъ его съ сахарнымъ тростникомъ. Арафуры продаютъ Бутійцамъ трепангъ укарами (мѣра въ полчетверика); купцы сортируютъ его тщательно, потому что цѣна по различію видовъ бываетъ различна. Первый сортъ трепанга продается въ Китаѣ по 120 Испанскихъ талеровъ за четверикъ. — Варкай, островъ, лежащій на юговосточномъ концѣ этой купы острововъ, славится также ловлею жемчугу. Въ разстояніи 8 миль къ востоку, разсѣяно множество маленькихъ острововъ, и на промежуткахъ между ними лежатъ отмели для ловли трепанговъ. При убыли воды мужчины, женщины и дѣти отправляются сотнями къ этимъ отмелямъ, съ корзинами за плечами и съ палкою въ рукѣ, вооруженною желѣзнымъ крючкомъ. Тогда вода не выше двухъ или трехъ футовъ; но ежели она выше, то плывутъ на лодкахъ. Когда Арафуры собираются на ловлю на дальнѣйшія отмели, тогда употребляютъ прагу, судно нарочно устроенное, и отправляются со всѣмъ семействомъ. Это судно особеннаго устройства. Семейства помѣщаются въ трехъ или четырехъ маленькихъ шалашахъ, устроенныхъ въ глубинѣ судна изъ пальмовыхъ листьевъ и обведенныхъ желѣзною рѣшеткою для предосторожности, чтобы дѣти не упали въ воду. Плаваютъ подъ парусомъ, сдѣланнымъ изъ тростника, который разстилается на подобіе вѣера, какъ на Китайскихъ джонкахъ и прикрѣпляется къ бамбуковой мачтѣ. Двѣ другія мачты служатъ только для флаговъ.

Большимъ судамъ почти невозможно приставать къ остро-

Digitized by Google

намъ Аррусъ съ восточной стороны, по множеству отмелей далеко простирающихся въ море. Есть кой-гдѣ проходы, по которымъ можно провести бригъ, но въ такомъ случаѣ надобно имѣть коричнымъ Арафура.

Знатнѣйшія деревни Воркал суть Старая и Новая Аффара, Лонга, Ури и Гооръ; эта послѣдняя владѣетъ важною жемчужною отмелью. Туземцы увѣряли меня, что она обѣднѣла, и что около двухъ лѣтъ уже ничего на ней не достаютъ; но я думаю, что это не правда. Они говорятъ, что ловится только большая раковина, называемая жемчужною маткою, но въ ней жемчугу не находятъ; ее покупаютъ Китайцы. Настоящая жемчужная раковина тонка и мала. Ловля жемчугу производится слѣдующимъ образомъ: Купцы торгуются съ Арафурами на сотни за аракъ, полотно и проч.; когда согласятся въ цѣнѣ, Арафуръ отправляется на отмель и ныряетъ на глубину 24 или 30 футовъ, чтобы набрать раковинъ, вообще черныхъ и малыхъ, изъ нихъ онъ выбираетъ лучшія. Ремесло это очень трудно и опасно; часто ныряющіе топутъ, подвергаясь внезапнымъ ударамъ или же попадаютъ въ пасть акуламъ. Старшины говорили мнѣ, что во времена Голландской Восточно-Индѣйской Компаніи жемчугъ ловили по ея приказанію; но когда Арафуры мало по малу стали выходить изъ подъ власти Европейцевъ, то и ловля сама собою прекратилась, отъ того, что опасности при этой ловлѣ несравненно больше, чѣмъ при ловлѣ трепанговъ. Въ низкихъ водахъ и теперь еще ловятъ незначительное количество жемчугу, который продаютъ Бугійцамъ, но онъ низкой цѣны и обыкновенно идетъ въ Китай, гдѣ употребляютъ его въ составъ лекарствъ.»

ГОСТИННИЦА ВЪ БЕЛЬГІИ. (*Изъ путевыхъ записокъ Дюма.*) Мы ввѣрились рельсамъ и тридцати мѣшкамъ угля, и съ помощію ихъ пробѣжали въ четыре или пять часовъ восемнадцать миль, отдѣляющія Лiежъ отъ Брюсселя. Здѣсь мы попали въ средину арміи омнибусовъ, которыхъ извощики бросились на насъ съ крикомъ. Перестрѣливаясь съ ними словами минутъ десять на всѣ стороны, я былъ наконецъ взятъ въ плѣнъ однимъ изъ нихъ, который и заперъ меня въ свою машину. Я кричалъ ему о моихъ чемоданахъ, пакетахъ и книгахъ и хотѣлъ выскочить насильно изъ фургона, но къ

Digitized by Google

несчастію я былъ именно четырнадцатый, такъ что, кондукторъ, не обращая вниманія на мой крикъ, заперъ дверцы, закричалъ извощику: готово! и мы поскакали въ галопъ въ отечество Малерба, Ренье и Гретри. Черезъ часъ мы остановились; кондукторъ отворилъ дверцы и обращаясь ко мнѣ сказалъ: вотъ ваша гостинница.

— А какъ называется моя гостинница?

— Англія.

— А мои вещи?

— Ихъ скоро привезутъ.

— Но какъ ихъ узнать?

— Онѣ надписаны.

— Да.

— И такъ вы можете быть спокойны.

Я вышелъ изъ омнибуса, который тотчасъ ускакалъ дальше, и съ палкой въ рукѣ стоялъ передъ дверью гостинницы Англіи. Обождавши съ минуту, не выйдетъ ли кто, и видя, что дверь не отпирается, я рѣшился войти самъ. Вхожу, спрашиваю ужинъ и комнату. Хозяйка спала въ углу кухни; она подняла голову и посмотрѣла на меня съ самымъ изумленнымъ видомъ; мнѣ показалось, что я попалъ не туда, куда надобно и что я вошелъ къ какому нибудь честному гражданину, гдѣ не имѣлъ никакого права дѣлать подобнаго рода требованія. Но осмотрѣвшись кругомъ, я удостовѣрился по расположенію кухни и ея приборовъ, что мнѣ себя не въ чемъ упрекать.

— Вы что-то спрашивали? сказала хозяйка.

— О, конечно, спрашивалъ.

— Не угодно ли вамъ сказать чего?

Я думалъ, что я былъ не довольно учтивъ, когда соотечественница Матье Ленсберга захотѣла дать мнѣ урокъ въ вѣжливости.

— Прежде всего, отвѣчалъ я, позвольте спросить васъ о здоровьѣ.

Digitized by Google

— Вы очень добры; а ваше?

— Мое не дурно, только я голоденъ.

— Вы Бельгіецъ? спрашивала хозяйка, какъ будто не понимая меня.

— Извините, я Французъ.

— Ахъ! тысяча извиненій! Мы, Валлонцы, не очень любимъ Фламандцевъ. Но ежели вы Французъ, такъ это другое дѣло: вамъ только стоило сказать.

— Хорошо! мнѣ хотѣлось бы поужинать, честью увѣряю васъ.

— О! теперь поздно ужинать. На вашемъ мѣстѣ, сударь, я бы не ужинала.

— Почему бы это, скажите, пожалуйста.

— Поутру вы лучше позавтракаете.

— Я надѣюсь хорошо завтракать даже поужинавши теперь.

— Посмотримъ что есть въ этомъ шкафу.

— О! сказала хозяйка, не трогаясь съ мѣста, ежели бы вы пріѣхали дня два назадъ тому, тогда этотъ шкафъ былъ полонъ. Тутъ былъ торгъ, у насъ были цыплята, утки, куропатки.

— Послушайте, прервалъ я ее, я не прошу у васъ ужина въ три блюда. Ежели у васъ нѣтъ цыплятъ, утокъ (при каждомъ названіи птицъ я останавливался), куропатокъ.... нѣтъ?— куропатокъ? — (хозяйка наклонила голову). Хорошо; ежели у васъ нѣтъ ни цыплятъ, ни утокъ, ни куропатокъ, то конечно есть кусокъ говядины или телятины холодной, а?

— О! сударь, ежели бы это было вчера, сказала хозяйка, о! да! вчера былъ прекрасный кусокъ говядины, отличный кусокъ телятины! потому что вчера, видите, былъ день бойни.

— Хорошо, но изъ этихъ двухъ кусковъ развѣ не осталось столько, чтобы сдѣлать одинъ?

— Ровно ничего. Два часа тому назадъ, одинъ Фламандецъ съѣлъ остатки. Вы не Фламандецъ?

— Боже мой! нѣтъ, я вамъ сказалъ уже, что я Французъ.

Digitized by Google

— Да, это правда; мы Валлонцы терпѣть не можемъ Фламандцевъ.

— Я надѣялся выиграть что нибудь поддѣлываясь къ ней.

— Дѣйствительно, сказалъ я, эти Фламандцы скучный народъ; но они тѣмъ хороши, что въ ихъ гостинницахъ во всякое время найдешь чего нибудь поѣсть.

— Но развѣ вы думаете, что у насъ умираютъ съ голоду?

— Не умираютъ съ голоду, отвѣчалъ я, стараясь сократить разговоръ, который начиналъ растягиваться, — ежели есть масло и яйцы.

— О! здѣсь, сказала хозяйка, страна хорошаго масла, страна Валлонская.

— Очень радъ.

— Къ несчастію, здѣсь бьютъ масло только одинъ разъ въ недѣлю.

— Въ какой день?

— Въ пятницу.

— А сегодня?

— Середа.

— И такъ у васъ кромѣ прогорькаго масла никакого нѣтъ?

— Совсѣмъ никакого нѣтъ; мы не держимъ прогорькаго масла. Наше свѣжее масло очень хорошо, и его тотчасъ издерживаютъ.

— Такъ дайте мнѣ хоть яицъ, я и тѣмъ буду доволенъ.

— Поутру у меня было четыре дюжины.

— На что такъ много, сварите мнѣ пять или шесть въ смятку.

— Надобно сказать вамъ, что мы Валлонцы высиживаемъ цыплятъ.

— Сами?

— О! я вижу хорошо, что вы не Фламандецъ; вы весельчакъ; тѣмъ лучше, потому что мы, Валлонцы, не можемъ....

— Хорошо, хорошо; то есть вы не можете терпѣть Фла-

Digitized by Google

мандцевъ; не такъ ли? — Вы правы, но возвратимся къ яйцамъ.

— Яйцы я отдала подъ насѣдку.

— Чортъ поберн! неужли ни одного не осталось?

— Постойте, кажется, осталось одно, яйцо индѣйки.

— Индѣйкино яйцо не дурно, гдѣ жъ оно?

— Оно не давно снесено, этимъ утромъ.

— Тѣмъ лучше.

— Вы поужинаете чудесно. Посмотрите, сказала хозяйка, отворяя шкафъ, велико ли оно?

Въ самомъ дѣлѣ яйцо было величиною съ строусово.

— Скорѣе сварите, я умираю отъ голода.

— Успокойтесь, это не долго. Здѣсь на огнѣ всегда есть, вода. Посмотрите, посмотрите, сказала хозяйка, взявши яйцо.

— Что еще? спрашивалъ я, устрашенный ея глупымъ видомъ.

— Такъ и есть, навѣрное негодяй Валентинъ сдѣлалъ мнѣ эту штуку.

— Какую штуку?

— Оно выпито.

— Что выпито?

— Боже мой, яйцо!

— Какъ выпито?

— Да, выпито; вообразите, этотъ пакостникъ хуже кошки. Онъ помѣшанъ на яйцахъ. Гдѣ бы онъ ни попалъ его въ гнѣздѣ, или въ шкафѣ, онъ тотчасъ прокалываетъ его съ обоихъ концовъ булавкою, выдуваетъ себѣ въ ладонь и съѣдаетъ все дочиста. Оно обыкновенно бываетъ тепло — это недурно; онъ очень знаетъ, что теплыя яйца легче для желудка.

— Какъ! и мерзавецъ выпилъ это яйцо?

Digitized by Google

— Ахъ, Боже мой, да!

— Яйцо индѣйки?

— Ну, да! Надобно видѣть, какъ это ему полезно; онъ силенъ какъ Турокъ. О! это чудесное дитя, вы его увидите поутру.

— Да, да, покажите мнѣ его, я его поздравлю; какой негодяй!

— Хозяюшка! сказалъ посильщикъ, отворяя дверь съ улицы, вотъ вещи господина Бельгійца, который остановился у васъ. При свѣтѣ лампады я узналъ мой чемоданъ и подошелъ къ двери; кондукторъ не обманулъ меня; все было цѣло.

— Вы стало быть Бельгіецъ, спросила хозяйка.

— Совсѣмъ нѣтъ, я не Бельгіецъ, я Француз; хотите ли видѣть мой паспортъ?

— За чѣмъ же ты говоришь, что господинъ Бельгіецъ? спросила хозяйка посильщика.

— Потому что онъ ѣдетъ изъ Брюсселя.

— Но, въ самомъ дѣлѣ.... сказала хозяйка, какъ бы пораженная справедливостію заключенія.

Я видѣлъ, что вещи оборотились ко мнѣ дурною стороною и что не имѣя ужина, я могъ не имѣть и постели. И такъ я поспѣшилъ втащить вещи въ кухню и расплатиться съ посильщикомъ. Потомъ, позвавши служанку, я велѣлъ ей снести вещи въ мою комнату.

— Въ вашу комнату? Развѣ у васъ есть комната? спросила служанка.

— Еще нѣтъ, но я надѣюсь, что хозяйка мнѣ дастъ ее.

— Вержени! отведи господина въ 35-й нумеръ, сказала хозяйка.

— Пойдемъ, господинъ Фламандецъ, сказала служанка, взявши свѣчу.

Digitized by Google

— По крайней мѣрѣ, сказалъ я вздохнувши, пришлите ко мнѣ въ комнату кусокъ хлѣба, воды и сахару.

— Все принесутъ что надобно, будьте спокойны.

— Пойдемъ, доброй ночи!

— Доброй ночи! Эти Фламандцы ужасно скучны.

Таково мое счастіе: въ Брюсселѣ меня не приняли за Бельгійца, въ Ліежѣ не захотѣли признать за Француза. Я пошелъ за Вержени, какъ называла ее хозяйка на Валлонскомъ нарѣчіи, въ третій этажъ. Тамъ она отворила мнѣ дверь комнаты, которая совсѣмъ не обѣщала ничего пріятнаго.

— Здѣсь, сказала Вержени, ставя подсвѣчникъ на каминъ, надѣюсь вамъ будетъ хорошо, господинъ Фламандецъ.

— Чудесно, отвѣчалъ я, только не забудь воды, хлѣба и сахару.

— Все вамъ пришлютъ тотчасъ.

— Хорошо, я подожду.

— Да, да, подождите, сказала служанка и ушла.

Я ожидалъ добрые полчаса; потомъ видя, что никто нейдетъ, взялъ свѣчу и сошелъ внизъ: все въ домѣ спало, смотрю на часы: половина одиннадцатаго. Я воротился въ мою комнату и записалъ въ дорожномъ альбомѣ: не забыть гостинницу Англію.

БОКАНЕГРА. «Прекрасно!» сказалъ Афанасій Боканегра, прохаживаясь широкими шагами по своей мастерской, «очень хорошо!» Въ походкѣ его ясно выражалась самодовольная гордость, потому что голова была такъ высоко поднята, какъ будто онъ боялся смять подбородкомъ складки своей фрезы. Впрочемъ весь туалетъ его былъ составленъ довольно тщательно. Кафтанъ и камзолъ чернаго атласа, которые обрисовывали его красивыя формы, вышли изъ рукъ лучшаго Мадритскаго портнаго. Пріемы его и движенія ясно говорили: «я доволенъ собой.» Вокругъ все показывало изысканную роскошь. Стѣны

Digitized by Google

были обиты тисненой фландрской кожей, съ которой позолота изгнана тонкимъ вкусомъ. Голландія давала ковры для завѣшиванія дверей. Плетенки разныхъ цвѣтовъ и формъ составляли на полу богатый мозаикъ. Занавѣсы и шторы смягчали яркость свѣта, льющагося въ эту залу сквозь единственное, но огромное окно. Вокругъ комнаты разставлены были драгоцѣнныя оружія, статуи, древніе бюсты. На стѣнахъ висѣло нѣсколько неоконченныхъ картинъ, рисунки, гравюры. Въ рѣзномъ буфетѣ, работы Беррюгета, были разставлены серебряныя вазы, нѣсколько гипсовыхъ вещей подъ венеціянской позолотой, фаянсы причудливыхъ формъ, бокалы нѣмецкіе, стопы богемскіе, мѣдныя эмальированныя тарелки. Къ оленьимъ рогамъ были привѣшаны лукъ, обдѣланный слоновою костью, ружье, охотничья труба, рожокъ съ порохомъ искусной работы. Кинжалъ и шпага живописца висѣли возлѣ окна.

Прошедши нѣсколько разъ по залѣ, Боканегра придвинулъ широкое кресло къ картинѣ, стоявшей на огромномъ станкѣ, и избравъ самую выгодную точку зрѣнія, сѣлъ разсматривать ее на свободѣ.—«Да, сказалъ онъ, это хорошо, точно хорошо! Я создалъ удивительную вещь.— Какое величіе! Какое выраженіе въ этомъ умирающемъ Христѣ! Не такова ли Божественная природа?—А эти святыя жены, какъ удивительно онѣ выражаютъ горесть! Да! это истинная Марія, слѣдовавшая за сыномъ на Голгофу. Вотъ живая скорбь Божіей Матери, плачущей у подножія креста! — Да, это хорошо, прекрасно, и Гренадскій соборъ можетъ справедливо гордиться обладаніемъ превосходнѣйшаго творенія, какое только геній живописи могъ родить. О! ежели бы нашъ молодой король имѣлъ болѣе познаній, и умѣлъ бы лучше цѣнить заслуги, онъ никогда не выпустилъ бы изъ Мадрита моего творенія, и вмѣсто титула: королевскій живописецъ, онъ вѣрно далъ бы мнѣ другой: Король живописцевъ! Кто въ самомъ дѣлѣ можетъ равняться со мною?.....»

Извѣстно, что самолюбіе чрезвычайно хорошо утѣшаетъ нить размышленій въ такихъ случаяхъ, и въ состояніи тянуть ея до безконечности; не знаемъ, когда утомился бы живописецъ выпрядывая эту нить похвалъ самому себѣ, но онъ былъ прерванъ: одинъ изъ учениковъ его пришелъ сказать, что въ концѣ улицы показалась королевская карета въ сопровожденіи

Digitized by Google

многочисленной свиты, и что она скоро должна прибыть сюда. Карлъ II не хотѣлъ, чтобы Боканегрова картина была отправлена въ Гренадскій соборъ, прежде нежели онъ ее посмотритъ. Онъ отправился, окруженный придворными, въ мастерскую живописца, и конечно такое вниманіе могло бы усилить гордость Боканегро, ежели бы это было возможно. Живописецъ встрѣтилъ короля у дверей, и благодаря за честь, которой Его Величество благоволилъ удостоить нижайшаго изъ подданныхъ, повелъ его въ мастерскую. Вотъ, сказалъ онъ, показывая свое произведеніе Королю, плодъ трудовъ моихъ! Онъ, конечно, недостоинъ чести быть представленнымъ Вашему Величеству, но смѣю думать, что никто не сдѣлалъ бы лучше!

— Эта картина въ самомъ дѣлѣ прекрасна, сказалъ король, разсматривая долго и внимательно работу Боканегро. И дѣйствительно, она стоила похвалы. Не смотря на гордость художника, нельзя было не признавать въ немъ великаго таланта.— «Надобно васъ прозвать Божественнымъ, какъ Моралеза,» сказалъ Король, привѣтливо улыбаясь художнику.

— Ваше Величество очень милостивы ко мнѣ и снисходительны къ памяти этого бѣднаго Моралеза, который, несмотря на прозваніе Божественнаго, былъ немножко сухъ; онъ высчитывалъ каждый волосокъ на головѣ и бородѣ своихъ фигуръ и картины его такъ выработаны, какъ будто онъ хотѣлъ ими обманывать глазъ.

— Вы строги, сказалъ король; ну такъ васъ можно сравнить съ Зурбараномъ; у этого кисть широка.

— Зурбаранъ не дуренъ въ драпировкѣ, но въ нагомъ тѣлѣ онъ увеличиваетъ недостатки Караваджа, не имѣя его достоинствъ.

— Веласкецъ, можетъ быть, вамъ понравится больше?

— Веласкецъ очень удачно ставитъ свои фигуры. Въ немъ много естественности, но посмотрите сколько сухости въ его поклоненіи волхвовъ.

— А Рафаэль? сказалъ король, не зная больше какого назвать художника.

Digitized by Google

Мгновенная краска пробѣжала по щекамъ живописца и глаза его заблистали.— *Este P....* онъ сжалъ уже губы, чтобы выговорить букву, начинавшую слово *Picaro*, почти тоже что мальчишка, и уже готовъ былъ договорить: Если бы онъ жилъ въ наше время, я бы сдѣлалъ ему честь, поручивъ приготовлять мою палитру. Присутствіе короля удерживало его. О! сказалъ онъ приходя въ себя, этотъ Рафаэль рисуетъ довольно чисто! Но ежели бы онъ былъ современникомъ нашимъ, я надѣюсь, что ему не дали бы перваго мѣста.

— Вижу съ удовольствіемъ, сказалъ Карлъ, что вы отдаете первенство нашей эпохѣ. Мы имѣемъ въ самомъ дѣлѣ геніяльныхъ людей. Мурилло стоитъ удивленія.

— Фигуры Эстебана Мурилло не безъ пріятности, но облака, на которыя онъ сажаетъ своихъ Мадоннъ, немножко легки; полутѣнямъ его недостаетъ прозрачности."

— По крайней мѣрѣ вы пощадите вашего собрата Каррено де Миранда. Вы знаете, что мы къ нему питаемъ особенное расположеніе.

— Каррено де Миранда недурно дѣлаетъ портреты. У него много хорошихъ качествъ; но цвѣта его иногда немножко приторны, и рисунокъ слабъ.

Каррено де Миранда, находившійся въ свитѣ короля, улыбнулся. Но Карлъ II, оборотясь къ грандамъ, съ нимъ пришедшимъ, сказалъ: Господа! скромность подруга таланта, а мы не знаемъ ни кого скромнѣе Каррено де Миранды. Однажды онъ писалъ нашъ портретъ, мы были тогда очень молоды. Мы спросили его, почему онъ, человѣкъ съ такими заслугами, не носитъ никакого ордена, когда есть столько людей, увѣшанныхъ ими, и между тѣмъ не могущихъ равняться съ нимъ ни заслугами, ни талантомъ? Онъ отвѣчалъ намъ, что онъ нашъ усерднѣйшій слуга. Мы послали ему орденъ святаго Іакова. Видите, господа, онъ не носитъ его. Онъ отказался отъ него, говоря, что его недостоинъ. По нашему мнѣнію, этотъ отказъ дѣлаетъ болыше чести, нежели самый орденъ.

Digitized by Google

— Да здравствуетъ, Король! Да здравствуетъ нашъ добрый Король! вскрикнулъ хлопая руками живописецъ Матіасъ Торресъ, радуясь униженію Бокапегро. — Это, прибавилъ онъ, справедливость, воздаваая заслугѣ. Когда друзья Каррено упрекали его въ томъ, что онъ не принялъ знака отличія, ежели не для себя, то по крайней мѣрѣ для искуства, то онъ отвѣчалъ, что искуство не нуждается въ почестяхъ, и его одного достаточно къ тому, чтобы возвысить истинное дарованіе.

— Такъ! сказалъ Карлъ II, онъ правъ; но ежели онъ не имѣетъ нужды въ почестяхъ, то по крайней мѣрѣ не откажется отъ знака расположенности. Каррено де Миранда отнынѣ будетъ имѣть исключительное право носить то платье, которое было на королѣ въ Великую пятницу *, и мы объявляемъ, что никакой живописецъ отнынѣ не будетъ писать нашего портрета безъ его позволенія. Что касается до васъ, г. Бокапегра, такъ какъ наши сужденія не заслужили вашего одобренія, то мы думаемъ, что мы ошибались; могло случиться, что мы ошиблись также оцѣнивая и вашу картину. Что вы скажете объ ней, Матіасъ Торресъ?

— Картина прекрасна, сказалъ этотъ, желая показать себя справедливымъ къ тому, кто такъ былъ несправедливъ къ другимъ, — картина превосходная, но она напоминаетъ Алонзо Кано, у котораго Афанасіо учился. Ежели онъ имѣетъ столько генія, сколько онъ самъ себѣ приписываетъ, то пусть напишетъ что нибудь дѣйствительно оригинальное, что нибудь свое. Пусть намъ назначатъ сюжетъ, увидимъ, кто исполнитъ его лучше.

— Я вызываю васъ Афанасіо Бокапегра.

— Вы? отвѣчалъ презрительно Бокапегра, не много чести побѣдить васъ. Вы развѣ писали что нибудь кромѣ декорацій?

Матіасъ Торресъ хотѣлъ отвѣчать, но Карлъ II не далъ ему времени. Ваше изображеніе Христа очень хорошо, сказалъ

* Обычай Испанскихъ Королей давать платье, бывшее на нихъ въ Великую пятницу, восходитъ ко временамъ Санчо IV; ее давали, чтобы почтить и въ тоже время вознаградить лучшаго изъ слугъ.

Digitized by Google

онъ, уходя. Афанасіо, кусая губы, стоялъ неподвижно передъ своею картиною, а Матіасъ, сходя съ лѣстницы, еще повторялъ: да я тебя вызываю на маслѣ или фреско. Гвашь или пастель, все равно.

У живописца остался одинъ только Архіепископъ Гренадскій.—Сынъ мой! сказалъ онъ ему, ваша работа заслуживаетъ большую похвалу; завтра вы можете прислать ко мнѣ за уплатою; но я долженъ дать вамъ небольшой совѣтъ: припоминайте чаще слова Соломона: ожидайте, чтобы другіе васъ хвалили, а не хвалите сами себя. Пусть васъ превозносятъ чужія, а не ваши собственныя уста. Положите въ сердцѣ вашемъ эти слова Псалмопѣвца: *Deposuit potentes de sede et exalta vithumiles.*

Если вы видѣли когда нибудь фехтовальнаго учителя наканунѣ драки передъ публикой, то можете составить себѣ понятіе о волненіи, въ какомъ находился Боканегро. Что я выиграю изъ этого вызова? спрашивалъ онъ самъ себя. Что за честь побѣдить Матіаса, человѣка безъ имени, безъ славы, который только раскрашивалъ тріумфальныя ворота? Но ежели вдохновеніе не придетъ ко мнѣ во время, ежели я буду ниже самого себя, ежели въ немъ сверкнетъ геній, ежели я буду побѣжденъ?— Какой стыдъ! Нѣтъ ставка наша не равна, я не могу принять вызова. Онъ прибѣгнулъ къ посредству друзей, и Матіасъ Торресъ, довольный и тѣмъ, что заставилъ отступить человѣка, съ которымъ не могъ равняться талантомъ, согласился не говорить больше о своемъ вызовѣ. Афанасіо умѣлъ однакожъ надѣлать себѣ слишкомъ много враговъ, и не могъ оставаться спокойно въ Мадритѣ. Онъ воротился на свою родину въ Гренаду, но здѣсь нашелъ соперника гораздо страшнѣе, чѣмъ Матіасъ Торресъ. Это былъ молодой Теодоръ Ардеманесъ. Оба искали чести управлять работами въ соборѣ.

Ардеманса знали. Онъ былъ не изъ тѣхъ противниковъ, которыхъ одно имя Бокапегра могло побѣдить. На сей разъ нуженъ былъ конкурсъ, и рѣшили, чтобы соперники сняли другъ съ друга портреты.

Ардеманесъ, имѣвшій тогда не болѣе 25 лѣтъ, взялъ пер-

Digitized by Google

вый палитру, и безъ всякихъ приготовленій написалъ портретъ Боканегра такъ сходно, такъ смѣло и мѣтко, что этотъ потерялъ духъ, и потребовалъ нѣсколькихъ дней отсрочки; ему дали ее.

Въ назначенный день всѣ Андалузскіе господа, всѣ Гренадскія дамы собрались въ назначенное для состязанія мѣсто. Боканегра былъ здѣсь. Ардемансъ уже принялъ надлежащее положеніе, но въ физіогноміи его было что-то неуловимое. Вотъ что расказываютъ по этому случаю, и мы повторяемъ, не ручаясь за достовѣрность факта. Ардемансу было поручено написать для одного монастыря Паденіе возмутившихся Ангеловъ. Изображая діавола, онъ не далъ ему роговъ. Это дѣлали до сихъ поръ всѣ живописцы. Онъ постарался дать ему голову такую, въ которой можно было видѣть и павшаго Ангела, и его божественное происхожденіе. Дьяволъ подается на лесть не хуже всякаго другаго, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время его не очень ласкали; и потому довольный своимъ портретомъ и угодливостію Ардеманса, онъ взялъ его въ свое покровительство. Въ силу ли этого покровительства, или въ силу естественной способности, физіогномія Ардеманса измѣнялась безпрестанно. Едва Афанасіо начертилъ на холстѣ абрисъ своего оригинала, какъ этотъ совершенно измѣнилъ лицо. Казалось, оно было кругло, и окладъ его схваченъ; но взглянувши въ другой разъ, лицо показалось длиннымъ. Куда жъ я смотрѣлъ, сказалъ Афанасіо, протирая глаза; я глупо ошибся. — Онъ стираетъ абрисъ, и принявши твердое намѣреніе смотрѣть строже на размѣры, снова начинаетъ — голова слишкомъ коротка, передѣлываетъ — взглядываетъ на модель — совсѣмъ не та фигура — снова передѣлываетъ — взглядываетъ: Боже мой! это худощавое лицо, а я его округлилъ; стираетъ часть контура, смотритъ на модель, да круглое; рисуетъ, носъ не тотъ. Да что за дьявольщина — я уловить не могу! Такъ онъ безпрестанно стиралъ, поправлялъ, и снова стиралъ; глаза его помутились, голова пошла кругомъ, а между тѣмъ время уходило, и работа еще не начата. Пошли шушуканья между посѣтителями, послышались легкія насмѣшливыя замѣчанія — мгновенная мысль пробѣжала въ головѣ Боканегра: это дьяволъ, сказалъ онъ, съ дьяволомъ я не имѣю дѣла. Бросилъ объ земь палитру, разо-

Digitized by Google

рвалъ холстъ и вышелъ, сопровождаемый громкими насмѣшками до самыхъ дверей. Пришедши домой, онъ бросился въ постель; жестокая лихорадка била его; скоро показался бредъ, и чрезъ нѣсколько дней онъ скончался въ 1688 году.

Digitized by Google

I.

ГНѢВЪ БОЖІЙ.

—

Ударьте въ люшни и шимпаны,
Возьмите лиры и кимвалъ!
Того восхвалимъ, кто багряной
Себя зарею увѣнчалъ!

Когда своимъ единымъ словомъ
Ты вызвалъ міръ изъ ничего,
Цвѣтущимъ прахъ одѣлъ покровомъ
И влагой напоилъ его;
Новорожденному созданью
Ты далъ державнаго царя,
Его свободныя дѣянья
Разумной волѣ покоря;
И вертоградомъ ты устроилъ
Въ жилище людямъ, дольный свѣтъ;
День — ночью тихой успокоилъ,
А ночи — утра далъ привѣтъ;
И вѣчно радостны и юны,
Безпечно люди жизнь вели;
На небеса созвучьемъ струны
Безплотныхъ хоровъ ихъ влекли.
Когда жъ змѣею поселился

Digitized by Google

Въ сердцахъ ихъ гибельный порокъ
И брашней кровью обагрился
Ножъ брата — міра цѣпь поблекъ!
Мгновенно рѣчью громовою
Глаголъ архангельской трубы
Изрекъ надъ твердію земною
Твои, о Господи, судьбы!

Воздвигся вихорь; заревѣла
Рѣка огня по небесамъ,
И хлябь завыла, закипѣла
И къ горнымъ прянула главамъ;
И пошопила весь и нивы,
Разбила тверди городовъ,
Низвергла кедры и оливы
И смыла скалы съ береговъ.
Все гибнешъ.... хляби по дубравамъ
Изъ нѣдръ земныхъ испочены,
И молній заревомъ кровавымъ
Хребты валовъ обагрены.
Вражда забыша!... сѣпи львица
Среди людей безъ чадъ плыла,
Искала крова голубица
Гнѣздясь подъ крыльями орла.
Но вотъ — рванулась на вершины
Высотъ заоблачныхъ волна....
Свершилось!... въ ужасѣ въ пучины
Съ младенцемъ ринулась жена!
Свершилось!... тьмы покровъ ужасный
Творецъ на небѣ простянулъ:
Померкло солнце искрой красной,
Во мракѣ мѣсяцъ потопулъ....

Но пролилась вся чаша гнѣва:
Глаголы благости гремятъ;

Digitized by Google

Спасенія святое древо
Вновь осѣнило Арарашъ;
Прекрасной, свѣтлою лампадой
Явилось солнце въ свой шаперъ,
И какъ смутившееся стадо
Валы отпрянули отъ горъ;
И вновь на высохшее лоно
Въ водахъ омывшейся земли,
Повѣялъ запахъ киннамона
И мирръ и розы зацвѣли!

Ударьте въ люшни и шимпаны,
Возьмите лиры и кимвалъ!
Поемъ того, кто увѣнчалъ
Себя дугой завѣта рдяной!
Творецъ великаго великъ!
Кто постигалъ его творенье?
Кто думу тайную проникъ?
Кто преградилъ ей исполненье?
Его враги прейдутъ какъ дымъ,
Какъ капли въ безднахъ океана,
А правый сердцемъ передъ нимъ
Возсіянетъ пальмою Ливана:
Господь его пересадитъ
Въ пріютъ святаго вертограда,
И онъ предъ Богомъ заблеститъ —
Какъ предъ иконою лампада!

А. М.

II.

ПѢВЕЦЪ.

—

«Что тебѣ въ награду дамъ?
Ты скажи, пѣвецъ мой юный:
Рыцарей и нѣжныхъ дамъ
Ты плѣнялъ, ударя въ струны.

«Земнородныхъ смертныхъ сынъ,
Чѣмъ почту пѣвомца неба?
О! поэтъ, любимецъ Феба —
Онъ есть міра властелинъ!

«Такъ! лишь загремятъ святые
Звуки съ арфы золотой, —
Передъ нимъ цари земные
Преклоняются главой;

«Звонки почестей оковы,
Злато — все къ его ногамъ; —
Но пѣвецъ челомъ суровымъ
Смотритъ къ вѣчнымъ небесамъ!»

Рыцарь молвилъ — и поэтъ,
Къ сердцу руку прижимая,

Digitized by Google

Черны очи потупляя,
Скромно такъ ему въ отвѣтъ:

«О! мой рыцарь благородный!
Какъ пѣвца ты наградилъ!
Ты прозрѣлъ въ немъ духъ свободный,
Божество ты въ немъ почтилъ!

«Такъ да будетъ небесами
Домъ твой щедро одаренъ,
Какъ жемчужными рѣчами
Я тобою днесь почтенъ.

«Но когда еще награду
Хочешь дашь поэту въ честь,
Повели ты мнѣ въ отраду
Кубокъ пѣнистый поднесть!
Пусть вино шипитъ, играетъ
И мнѣ пѣсни пробуждаетъ!

«Пышенъ залъ твой, какъ день ясный,
Стѣны золотомъ горятъ;
Посреди — вѣнкомъ прекраснымъ
Дамы, рыцари сидятъ.

«Но безъ пляски, унываетъ
И боговъ черногъ злашой;
Пусть же цитра оглашаетъ
Звонко залъ блестящій твой!

«Цитры голосу послушны
Дѣвъ и юношей спопы;
Загремитъ — и въ рой воздушный
Рѣзвыя свились пчелы.

Digitized by Google

«Молви — и чрезъ залъ широкій
Полетишь крыланный строй,
И пѣвецъ твой молодой
Съ дѣвой спашной черноокой

«Станешь въ рядъ — и вновь душей
Къ небу воспаришь высоко,
Пѣснью свѣтлой и глубокой
Грянешь съ арфы золотой.»

Digitized by Google

III.

КОРДЕЛІЯ.

—

ПОВѢСТЬ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ГОРОДАХЪ.

—

КОМО.

—

«Германія! Германія! если сравнить описанія Германіи Тацита и госпожи Сталь, можно ли повѣрить, что въ нѣсколько вѣковъ до такой степени все перемѣнилось на одной и той же землѣ?— Но признаюсь, и знаменитая писательница столь же плохо представила намъ картину этой мозаичной націи, какъ можетъ быть и Тацитъ, съ преувеличенною грубостію и рѣзкостію очертилъ за-Алпійскихъ своихъ современниковъ. Три раза въ жизни я былъ въ Германіи и всѣ три раза въ эпохи слишкомъ одна отъ другой отдаленныя; первый разъ — отрокомъ, для науки; потомъ, какъ сами знаете, на пути изъ Парижа въ Россію; въ третій разъ, въ такую позднюю осень моей жизни, такъ недавно и — Маркеза.... Простите, простите! Я не могъ догнать васъ; старость и болѣзни, ея спутники, задержали меня такъ долго въ Дрезденѣ и Вѣнѣ; я дважды былъ несча-

Digitized by Google

стливъ; мучился отсутствіемъ одной небесной женщины и мучился присутствіемъ другой....

— Кто же моя соперница? спросила съ дружескою улыбкою Маркеза Гортенсія....

— Кто? а вотъ узнаете... отвѣчалъ докторъ Сильвіо Теста.

— Еще Новелла! Еще Новелла! Ахъ, какъ я рада! Право, мнѣ кажется, вы сочиняете случаи вашей жизни!

— Тогда бы я имѣлъ право считать себя первымъ поэтомъ вѣка. Никогда вымыслы нашихъ разскащиковъ не были такъ эффектны, какъ дѣйствительные случаи, которые намъ удалось встрѣтить въ этой однообразной библіотекѣ мелочей, что мы называемъ жизнію. Ни одна книга не оставитъ въ душѣ нашей тѣхъ живыхъ, незабвенныхъ истинъ, тѣхъ вѣрныхъ совѣтовъ, мѣткихъ и точныхъ замѣчаній, основательныхъ познаній, которыми насъ обогащаетъ собственный опытъ....

— Но кто же она, докторъ?

— Ахъ, Маркеза, можно подумать, что вы читаете романъ Вальтеръ Скотта и сердитесь на первую главу! А я ужасно люблю первыя главы у Вальтеръ Скотта! Другіе щеголяютъ изящной краткостью; онъ Англичанинъ; оригиналъ; что за охота итти битымъ путемъ? дай щегольнуть изящной длинnотою... Но всему причиною возрастъ; я старъ; стало быть и быстрота въ разсказѣ вовсе несогласна съ моими лѣтами, каждый нѣмецъ-старикъ; хочу быть нѣмцемъ, медленнымъ, подробнымъ и именно потому, что вы слишкомъ нетерпѣливы. Теперь извольте слушать. Во-первыхъ: Пiетро, подай лимонаду!...

Маркеза расхохоталась...

Digitized by Google

— Не извольте смѣяться.... Я съ умысломъ попросилъ лимонаду; боюсь разгорячиться и быть кратокъ....

— Да отъ чего же?...

— Ахъ, Маркеза! Уже не рано. Комо уже отуманилось вечернимъ сумракомъ. Слушать Новеллу вы будете терпѣливо, а такимъ образомъ и бесѣда моя съ вами продолжится въ третьемъ лицѣ, а иначе... усталость отъ дневныхъ увеселеній, отъ eиміама похвалъ расточаемаго вашими обожателями, отъ прогулки, театра, сплетней, — все это навѣетъ сонъ и прогонитъ меня въ одинокую келью....

— Дорогой другъ, смотрите, и вы попадете въ Новеллу....

— Только бы не одному, Маркеза.... и съ лучшимъ концемъ, нежели въ моихъ Новеллахъ....

— А развѣ опять печальная?...

— А вотъ увидите....

КАРЛЬСБАДЪ.

I.

— Въ Карльсбадѣ я остался одинъ; вы уѣхали въ Дрезденъ; дня черезъ два три я полагалъ догнать васъ; моя Русская паціентка, у которой каждый день появлялась новая болѣзнь, истощила всю свою домашнюю терапію и не находила уже названія еще какого нибудь недуга, которымъ бы могла встрѣтить меня во время утренняго моего посѣщенія. Можетъ быть были и другія причины, только завтра она хотѣла быть совершенно здорова и умоляла меня отсрочить отъѣздъ до слѣдующаго вечера; денежные расчеты по вашему дому, кое-какія

Digitized by Google

прощанія, и нѣкоторыя другія мелочи были поводомъ, что я не спорилъ съ Русской синьорой; остался; и въ восемь часовъ вечера, по Нѣмецкому счету, вышелъ на главную улицу въ послѣдній разъ поглядѣть, какъ всѣ возможныя націи на одной и той же улицѣ пьютъ кофе. — Не успѣлъ я пройти десяти шаговъ; слышу — трубы заиграли на городской башнѣ. «Ого, подумалъ я, еще гости! Откуда? Съ какого конца Европы послали мои незнакомые братья больнаго, къ этому усердному, кипящему, безкорыстному врачу Божію, неизсякаемому источнику цѣлебныхъ чаръ?...» По тѣсной улицѣ спускалась почтовая коляска, и остановилась возлѣ дома, гдѣ вы жили.... Послѣ васъ квартира была пуста; я не успѣлъ еще и расплатиться; пріѣзжіе отправились въ комнаты и уже не выходили; люди перетаскали вещи; коляска отъѣхала; и все, казалось, пришло въ обыкновенный порядокъ. Не прошло десяти минутъ, и самый ужасный безпорядокъ, какъ злой геній, пробѣжалъ по всему Карльсбаду. — Дамы надѣли шляпки, бросили свои столики; мужчины охорашивались, и все народонаселеніе Европейской больницы толпилось у вашего дома; всѣ глядѣли въ окна; ожидали кого-то; шушукали; но въ окнахъ блеснулъ свѣтъ, заходили тѣни, опустились шторы, и Карльсбадъ заснулъ.

II.

Моя квартира, помните, была противъ вашихъ оконъ. Не смѣйтесь, синьора; вы вѣрно не забыли и той липы, которую мнѣ удалось ночью подвязать и такимъ образомъ наклонить вершину, докучную, завистливую, вѣтвистую; Нѣмцы думали, что она мнѣ мѣшаетъ спать; о нѣтъ, ночью я готовъ былъ дать

Digitized by Google

сей свободу; по утромъ, но вечеромъ.... Нѣсколько разъ я порывался срубить старуху и боялся только одного, чтобы не разсердить добрыхъ Нѣмцевъ; сколько было тогда въ Германіи дуэлей за опрокинутый стаканъ пива; сколько пѣсень съ Германскою остротою; сколько шуму въ театрахъ и на загородныхъ гуляньяхъ! Но вы уѣхали, и плѣнница въ тотъ же вечеръ получила свободу. На другой день, просыпаюсь отъ звуковъ Карльсбадскаго оркестра; отворяю окно, и превосходный вальсъ раздается во всю улицу передъ вашими окнами.... Церемоніалъ слишкомъ знакомый. Лакей принесъ кофе и необходимыя принадлежности Карльсбадскаго завтрака, хлѣбъ, масло и печатную повѣстку о ново-пріѣзжихъ.... Читаю: «Г. Мюллеръ съ дочерью; артисты.» — Любопытство мое было удовлетворено; вальсъ сыгранъ, и я отправился въ послѣдній разъ на галлерею. Прихожу.... Всѣ больные захворали новымъ недугомъ, *любопытствомъ*. Многіе уходили и возвращались съ утѣшительнымъ извѣстіемъ «сей часъ будетъ»; но извѣстіе не оправдывалось. Наконецъ прибѣжалъ молодой Нѣмецъ съ ужасной бородой и баккенбардами, которыя дѣлали лице его шире туловища, втиснутаго въ свѣтлозеленый сюртукъ, съ огромной дубиной, на которой вмѣсто набалдашника сидѣла мертвая голова изъ слоновой кости.... Не было сомнѣнія: это Нѣмецкій либералъ, онъ подскочилъ къ кружку дамъ и торжественно сказалъ: «Уже надѣла шляпку!..» Мнѣ показалось, что это сигналъ къ возмущенію; всѣ бросились въ одну кучу. — «Идетъ, идетъ...» раздалось въ толпѣ... и въ самомъ дѣлѣ на галлерею вошли: старикъ весьма пріятной наружности и молодая дѣвушка въ соломенной шляпкѣ подъ густою зеленою вуалью.... Г. Мюллеръ съ дочерью пробыли съ нами не болѣе

Digitized by Google

получаса; все время промолчали; знакомыхъ не встрѣтили и возвратились домой, въ сопровожденіи цѣлаго клуба бородатыхъ обезьянъ.... На галлереѣ остался — споръ.... Одни утверждали, что это просто Венера Медицейская; другіе сравнивали ее съ Аріадной Даннекера; третіе признавались, что вуаль не позволялъ видѣть лица, безъ чего о красотѣ судить невозможно; но это мнѣніе было признано нелѣпымъ, старымъ, несовременнымъ, потому что въ Парижѣ влюблялись въ одинъ цвѣтъ платья, словомъ — спорамъ не было конца. Изъ всего этого извлекъ я только одну истину, что Софія Мюллеръ была первая трагическая актриса во всей Германіи и что подобной старики не запомнятъ, а молодежь вся давно влюблена въ Софію Мюллеръ, многіе по новой Іюльской модѣ, даже не видавъ никогда очаровательной художницы. Вы помните, въ Карльсбадѣ мы видѣли двухъ трехъ человѣкъ, которые объѣзжаютъ Европу съ особенною цѣлію, и эта цѣль — мотовство, балы, вечера, праздники, фейерверки. Есть привиллегированные Карльсбадскіе моты, которые къ началу Іюня непремѣнно явятся на галлерею и пригласятъ всѣхъ больныхъ и небольныхъ къ блистательному празднику. Всѣ акты этой Карльсбадской комедіи были уже разыграны; но появленіе Софіи Мюллеръ возобновило больничный карнавалъ и породило ужасный споръ, кому первому предоставить право почтить знаменитую артистку блистательнымъ праздникомъ... Вопросъ затруднительный, и если бы онъ могъ перейти къ кастѣ бородатыхъ, возмущеніе было бы неминуемо; но по счастію онъ волновалъ только червонную аристократію XIX вѣка; и послѣ многихъ преній — жребій палъ на одного Русскаго богача, который никогда не имѣлъ и не имѣетъ ни помѣстій, ни капиталовъ, какъ утвер-

Digitized by Google

ждали его друзья. Но за то въ рукахъ его былъ какой-то талисманъ, доставлявшій ему лучшія вина, яства, убранства, иллюминаціи, фейерверки и въ придачу всегда нѣсколько тысячъ карманныхъ денегъ. Видно, самъ жребій былъ въ числѣ обожателей несравненной Софіи, потому, что невозможно было сдѣлать выбора лучше; день назначенъ; весь Карльсбадъ приглашенъ, въ томъ числѣ и я; отказаться не слѣдовало; не пойти на балъ — жаль; онъ будетъ послѣ завтра; остаюсь. Васъ надѣялся я застать въ Дрезденѣ. На другой день я уже и не думалъ объ отъѣздѣ; на галлереѣ всеобщимъ хоромъ разсказывали, что Софія Мюллеръ будетъ завтра на вечерѣ; опять тоже ожиданіе; опять тоже посѣщеніе, краткое, безмолвное; опять тѣже проводы и споры. Наступилъ желанный вечеръ. Мюллеры явились раньше многихъ.... Ахъ, Маркеза!....

— Измѣнникъ! грозя пальцемъ ласково, сказала Гортенсія.

— Нѣтъ! Маркеза! Но къ чему эти встрѣчи? Довольно на моей памяти печальныхъ воспоминаній.... И я ожидалъ ясной осени моей жизни!.... Представьте высокую, стройную женщину, царственный ростъ и поступь, большіе черные глаза, прелестныя кудри самаго темнаго каштановаго цвѣта, греческія черты лица, руки образцы изящества.... и эта полубогиня въ бѣленькомъ платьицѣ; ленточка вмѣсто пояса; на шеѣ черная цѣпочка съ чернымъ крестикомъ, вотъ и все тутъ. Представьте, всѣ разлюбили Софію Мюллеръ, т. е. не смѣли любить; глядѣли съ умиленіемъ, благоговѣйно, безмолвно, многіе со слезами.... Ни что не могло быть свѣтлѣе, покойнѣе, величественнѣе очаровательнаго лица чудной гостьи; я даже и неба такого не помню.... На всѣхъ напи-

Digitized by Google

сама была одна мысль, одно чувство: «Нѣтъ! Любить ее нельзя; нѣтъ! И она любить не будетъ; не родился еще достойный счастливецъ.» Многіе громко обмѣнялись этою мыслію и удивились сходству взаимныхъ ощущеній.... Начались танцы. Никто, даже хозяинъ, несмотря на испытанную храбрость Русскихъ, не рѣшался подойти къ Софіи.... Вдругъ бородатый либералъ закрутился въ страстномъ Штраусовскомъ вальсѣ съ безстрастною полубогиней и сталъ ненавистенъ всему обществу; и это чувство было замѣтно и также не могло не сдѣлаться гласнымъ.... Толпа гостей прибывала; въ палаткѣ нарочно, и съ отличнымъ вкусомъ раскинутой для бала, стало тѣсно, душно, но никто не хотѣлъ уйти. Послѣ танца, Софія величественно вышла на иллюминованную площадку и палатка опустѣла.... «Чары!» подумалъ я, и поплелся за другими.... Толпа медленно двигалась передо мною и вдругъ попятилась. Софія Мюллеръ возвращалась и весело разговаривала съ молодымъ человѣкомъ. Прежде я видалъ его на галлереѣ, встрѣчалъ на горахъ одного съ ружьемъ и собакой, и даже простое любопытство никогда не мелькало во мнѣ узнать «кто онъ?» Печаленъ, страшенъ былъ видъ этого человѣка; онъ былъ слишкомъ молодъ; золотыя кудри вились по узкимъ плечамъ; голубые глаза, большіе, но впалые, были оживлены болѣзненнымъ огнемъ; улыбка — горькая улыбка не сходила съ устъ; казалось, онъ былъ разсѣянъ; презрительно поглядывалъ на толпу, на хозяина, вовсе не смотрѣлъ на женщинъ; худоба и глаза обличали тяжкій недугъ; но въ поступи и движеніяхъ замѣтна была живость, даже какое-то молодечество, удальство. Софія весь вечеръ только съ нимъ и говорила; отецъ съ удовольствіемъ поглядывалъ на дочь и на незнакомца; жестоко нюхалъ табакъ съ

Digitized by Google

страннымъ самодовольствіемъ; сладостно молчалъ и улыбался. Никто не зналъ, кто этотъ счастливецъ; ни съ кѣмъ онъ не былъ знакомъ; даже хозяинъ къ собственному удивленію не могъ понять, какимъ образомъ онъ пригласилъ незнакомаго человѣка? Впечатлѣнія перемѣнились. Богиня стала женщиной, кокеткой, актрисой, и въ глазахъ толпы, которая такъ недавно боготворила Софію, заходили пятна, обидныя, черныя пятна.... Царица вечера стала забытою, оставленною Психеею; начался обычный тайный споръ о первенствѣ; побѣда переходила изъ рукъ въ руки; стало весело, шумно; многія дамы сняли шляпки; никто и даже хозяинъ не заботился о Софіи, и какъ я думаю, она была очень благодарна за это невниманіе. Вечеръ кончился. Всѣ разошлись. Проводовъ не было.... только одинъ я по пути и то издали слѣдовалъ за Мюллерами; но незнакомецъ былъ съ ними.... Признаюсь, это и меня огорчило; общественные недостатки заразительны; Богъ знаетъ за что и я уже не любилъ его. У дверей незнакомецъ распростился съ Мюллерами, и представьте — пошелъ прямо въ мою квартиру....

— Ого! сказалъ я почти громко: завтра любезный, я могу тебѣ очистить завидную келью, но сегодня извини.... «А липа? Бѣдная липа! Онъ срубитъ ее!» и, какъ будто опасность была слишкомъ близко, я поспѣшилъ выручать такъ недавно еще освобожденную плѣнницу. Представьте мое удивленіе! Вхожу и вижу: незнакомецъ расположился въ креслахъ какъ дома; мой услужливый лакей подалъ ему трубку, и столбы дыма первые встрѣтили хозяина....

— Вотъ до чего дошелъ Нѣмецкій либерализмъ! подумалъ я; подошелъ къ столу, взялъ кресла и сѣлъ прямо противъ поздняго гостя.

Digitized by Google

— Милости просимъ, сказалъ онъ.

— Я едва удержался отъ смѣха....

— Посмотримъ, каково ваше хваленое искуство, продолжалъ онъ. «Лечите, лечите, пожалуй, но только врядъ ли....» и пустилъ мнѣ въ глаза столбъ дыму....

— Удивительный паціентъ! Что дальше! подумалъ я.

— Карльсбадъ не помогъ! сказалъ онъ, что же вы мнѣ теперь посовѣтуете; Эмсъ, Ахенъ, Комо, Неаполь.... Или воротиться въ мою Прагу, продолжать музыкальныя занятія, сдѣлаться капельмейстеромъ; жениться на толстой Гретхенъ, растолстѣть самому;... на все на это графъ Букла согласится.... Что мнѣ Морлакки? А Вебера давно нѣтъ на этомъ свѣтѣ; Дрезденъ уже не то, что былъ прежде. Все это можно объяснить графу. Не правда ли?

— Конечно, сказалъ я, конечно!

— Я вамъ очень благодаренъ, почтенный докторъ. Ваши лѣта не позволяютъ играть роли альхимика, у котораго на все есть особый талисманъ; у васъ есть совѣсть; еще разъ благодарю васъ за дружескій совѣтъ. — Я исполнилъ мой долгъ, повиновался; вы согласились. Все кончено, прощайте. Благодарю, вы меня вылечили....

Всталъ и ушелъ.... Я за нимъ со свѣчой на самую улицу; онъ даже не поблагодарилъ меня за проводы; остановился противу оконъ Мюллеровъ и началъ пѣть премилую Нѣмецкую пѣсню, пропѣлъ и ушелъ.... Когда мы выходили на улицу, за шторой стояла тѣнь Софіи; отодвинувъ крайчикъ шторы, она глядѣла на

Digitized by Google

насъ; но съ первымъ звукомъ пѣсни Софія исчезла, а я воротился домой.... въ постель и заснулъ.

III.

Рано, очень рано разбудили меня. Подаютъ записку: «Знаменитый Теста не откажетъ въ своей помощи сосѣдкѣ.— Софія Мюллеръ.»—«Вотъ тебѣ разъворчалъ я. Мнѣ надо было ѣхать и, вы сами знаете, какъ я во все время нашего путешествія удалялся отъ практики; я зналъ, какъ непріятно, когда въ моемъ городкѣ вздумаетъ лечить Нѣмецъ или Французъ и отымаетъ у моихъ учениковъ хлѣбъ и практику; но не пойти — было бы неучтиво.... И такъ сегодня же уѣду, думалъ я, никто сердиться не будетъ; приду, скажу, что ѣду и концы въ воду.... Прихожу. Она была въ утреннемъ нарядѣ, сто разъ, тысячу разъ прелестнѣе, милѣе вчерашняго; отецъ въ бланжевомъ халатѣ, въ очкахъ и безъ парика, сидѣлъ за письменнымъ столомъ, и что-то выписывалъ изъ толстой тетради; Софія противъ него чесала и помадила паринкъ; меня и отецъ и дочь приняли какъ старинаго знакомаго.... Софія начала со мной говорить по-Итальянски; я замѣтилъ, что хотя языкъ ей совершенно извѣстенъ, но въ разговорѣ она еще затруднялась и отвѣчалъ по-Нѣмецки. О! одни звуки насъ сдѣлали друзьями; не было конца комплиментамъ, угодливости и внимательности отца и дочери; оба бросили работу и принялись меня уговаривать переѣхать въ Вѣну или въ Дрезденъ, т. е. туда, гдѣ они навсегда поселятся. Разговоръ болѣе и болѣе дѣлался дружескимъ и откровеннымъ. Въ Мюллерахъ представилось мнѣ въ полномъ видѣ и въ очаровательной красотѣ то Германское простодушіе, которое такъ сильно привлекало меня къ этому наро-

Digitized by Google

ду. Наконецъ рѣшились мнѣ сказать и причину приглашенія.

— Простите, докторъ, если мы рѣшились такъ рано васъ обезпокоить и можетъ быть поводъ покажется вамъ страннымъ, но живое участіе, которое мы принимаемъ въ судьбѣ этого несчастнаго молодаго человѣка и ваши добродѣтели, извѣстныя всей Европѣ, и ваша медицинская слава.... Софія остановилась, отецъ продолжалъ....

«Заставили насъ рѣшиться.... Эдуардъ былъ вчера у васъ. Софія требовала настоятельно, чтобы онъ посовѣтовался съ вами, и мы видѣли, какъ онъ вошелъ къ вамъ и какъ ушелъ.... Скажите, сдѣлайте дружеское одолженіе, какого рода его болѣзнь; можно ли надѣяться на скорое выздоровленіе. Мы нарочно за этимъ пріѣхали. Софія взяла отпускъ и весьма много теряетъ; черезъ семь, восемь дней надо воротиться, и сполнить ангажементъ, заключить новый контрактъ; я противъ этого; но все зависитъ отъ Эдуарда.»

Я разсказалъ имъ о нашемъ свиданіи; добрая Софія смѣялась сквозь слезы; отецъ хохоталъ.... Не прошло еще впечатлѣніе моего разсказа, какъ вошелъ Эдуардъ.

— Хорошъ! хорошъ! - сказалъ отецъ. Такъ то ты исполнилъ приказаніе Софіи. Посовѣтовался съ господиномъ докторомъ. Славно! Славно!

Эдуардъ смѣшался.

— Упрямство, Эдуардъ! съ чувствомъ сказала Софія. Да помилуйте! Непремѣнно хотятъ меня сдѣлать больнымъ, когда я совершенно здоровъ; виноватъ ли я, что Богъ мнѣ далъ такую больную наружность, а въ существѣ я совершенно здоровъ....

Digitized by Google

— Разоказывай, подумалъ я и примолвилъ: «Молодой человѣкъ! Вашъ вчерашній разговоръ обнаруживаетъ разстройство нервъ...»

— Отъ музыки, господинъ докторъ....

— Отъ чего бы то ни было и, съ помощію Божіею, мнѣ кажется я васъ вылечу....

Истерическій смѣхъ овладѣлъ Эдуардомъ; онъ упалъ въ кресла и хохоталъ....

— Если такъ, вставъ сказалъ я съ жаромъ, я васъ вылечу насильно....

Эдуардъ не понялъ меня, испугался и очень подробно началъ доказывать, что онъ совершенно здоровъ.

— Это не доказательства, сказалъ я уже съ умышленною строгостію. «Нѣтъ, я вамъ повѣрю, когда по утру найду васъ за рабочимъ столикомъ, за обѣдомъ въ обществѣ вашихъ добрыхъ друзей, вечеромъ въ театрѣ.

— Въ театрѣ! Ни за что, докторъ. На первыя два условія согласенъ, но въ театръ ни за что....

— Такъ на прогулкѣ, сказалъ я, какъ будто не замѣчая этой странности. «Только не на такія, какъ вы изволите дѣлать съ ружьемъ и собакой по здѣшнимъ окрестностямъ; рано; пусть поукрѣпятся нервы. Карльсбадъ вамъ вовсе не нуженъ.... Какую воду вы пьете.... Не сочиняйте, не сочиняйте! Никакой! Я здѣсь давно....»

Эдуардъ былъ совершенно смущенъ, перепуганъ. Опустивъ голову, онъ стоялъ передо мною какъ преступникъ и я спѣшилъ воспользоваться побѣдой....

Digitized by Google

— Я сегодня ѣду въ Дрезденъ.... У васъ есть экипажъ?....

— Нѣтъ! Нѣтъ! закричали Мюллеры, онъ пришелъ пѣшкомъ.

— Пѣшкомъ! прикрикнулъ я, съ вашими нервами! Нѣтъ, этого я не позволю. У меня покойная коляска; вы ѣдете со мной, сегодня же, сейчасъ.... И отворивъ окно, я закричалъ черезъ улицу: «Джанни, Джанни! Укладывай вещи!.... Пошли за лошадьми! Когда будетъ готово, скажи!....»

— Вы пришли пѣшкомъ, сказалъ я, обратясь къ Эдуарду; поклажи большой быть не можетъ.... Гдѣ вы живете?

Онъ сказалъ.

— Джанни, поди сюда! и я послалъ моего Джанни за вещами Эдуарда.

— Вотъ медикъ, сказалъ съ восторгомъ старый Мюллеръ, надѣвъ очки и любуясь моею распорядительностію.... «Ну, Софи! Мы можемъ также ѣхать!»

— Батюшка! покраснѣвъ отвѣчала Софія. Я хотѣла накупить Карльсбадскихъ бездѣлушекъ; отвѣдать воды; вы знаете, намъ приказали сдѣлать эту поѣздку....

— Пустое, пустое! сказалъ старикъ, надѣвая парикъ и собираясь въ походъ. «Зачѣмъ скрываться. Да, г-нъ Эдуардъ! Надо умѣть цѣнить Софію! Какъ только узнали, что ты въ Карльсбадѣ — и мы тутъ!...» Старикъ ушелъ....

—Софія! заливаясь слезами, сказалъ Эдуардъ и упалъ къ ногамъ добраго своего ангела хранителя. «Неужели для меня!»

Digitized by Google

— Встань, Эдуардъ; садитесь; вотъ такъ....

Всѣ молчали; долго молчали; такъ долго, что первый заговорилъ отецъ; онъ возвратился со связкой разнаго рода печатокъ, игральныхъ косточекъ, марокъ, табакерокъ, выдѣланныхъ изъ осадка цѣлебныхъ источниковъ. «Вотъ тебѣ, Софи!» сказалъ онъ, развязывая платокъ....

— Батюшка! едва внятно сказала Софія и горько заплакала. Эдуардъ вскочилъ, схватилъ меня за руку, хотѣлъ что-то сказать, но вошелъ Джанни. — «Готово» — и картина перемѣнилась. Вздумали прощаться....

— Пустое, пустое! И мы сейчасъ ѣдемъ, сказалъ отецъ....

Къ вечеру всѣ вмѣстѣ мы оставили Карльсбадъ.

IV.

Хотя отъ Карльсбада до Дрездена совсѣмъ недалеко; но мнѣ показалось ужъ слишкомъ близко; меня смѣшилъ паціентъ; долго ли подружиться съ сумасшедшимъ? А влюбленные—тоже каста. И Эдуардъ за Карльсбадской заставой называлъ меня Liber Freind, а на половинѣ дороги папахенъ, а подъѣзжая къ Дрездену, я уже зналъ всѣ его тайны. Сердце человѣческое самая лучшая аптека, и я почти всегда туда обращаю мои рецепты.

— Остается два часа, сказалъ Эдуардъ, и я увижу мой рабочій столъ, отобѣдаемъ у Мюллеровъ, ввечеру побываю у Марлакки и Тика, а завтра поутру за работу, обѣдать у Мюллеровъ.... ввечеру «въ театръ» тихо шепнулъ я.

— Условія, папахенъ! Не забывайте условій.

Digitized by Google

— Да почему же вы не хотите въ театръ?

— Я былъ счастливъ, спокоенъ, счастливъ, какъ вы, сказалъ онъ, и я улыбнулся. Графъ Букла, мой дядя привезъ меня въ Вѣну учиться музыкѣ; повелъ въ театръ; я увидѣлъ Софію Мюллеръ — и пропалъ счастіе!....

— Вы, кажется, любимы? Женитесь!... сказалъ я.

— Она не выйдетъ замужъ, пока живъ отецъ.

— Такъ онъ противится вашему счастію?

— Совсѣмъ нѣтъ. Самый лучшій мой ходатай; теперь не больше мѣсяца, какъ пересталъ уговаривать, а прежде первое слово: здравствуй, а второе: выходи за Эдуарда....

— Такъ кто же вамъ мѣшаетъ?....

— Любовь....

— Какая любовь?

— Любовь Софіи къ отцу.

— Что за вздоръ?

— Ну, подите, увѣрьте ее, что она можетъ быть счастливой супругой и вполнѣ, какъ и прежде, обожать своего старика. Я ревновать не буду.... Что онъ по прежнему можетъ заботиться обо всѣхъ мелочахъ; выписывать ей роли; бѣгать въ магазины; поливать ея цвѣты; дѣлать съ нею репетиціи.... Она меня любитъ; и что досадно, говоритъ это всѣмъ и каждому. Любитъ!.... Но согласитесь, что такая любовь пытка.... Нѣтъ отца, — я первый человѣкъ въ свѣтѣ; она не скрываетъ чувствъ своихъ; ревнуетъ; даетъ выговоры; сердится за каждое неловкое слово; вышиваетъ для меня подушки, вяжетъ кошельки,

Digitized by Google

пишетъ ко мнѣ стихами самыя нѣжныя посланія.... Когда мы бесѣдуемъ одни, она всякій разъ спрашиваетъ съ досаднымъ простодушіемъ: «Не правда ли, Эдуардъ, мы счастливы.... Ну сами посудите, какъ тутъ съ ума не сойти!... Хорошо! Мы счастливы. Вошелъ отецъ и всѣ работы и я въ сторону; одинъ другому въ глаза глядятъ; только о томъ и думаютъ, какъ бы другъ дружку удивить пріятною нечаянностію. — Разойдутся: ея нѣтъ; старикъ плачетъ и благодаритъ небо за несравненную дочь. Уйдетъ онъ; Софія плачетъ и молится, чтобы Господь продлилъ жизнь единственнаго отца, единственное ея блаженство! Какъ тутъ съ ума не сойти! Помилуйте, какъ тутъ съ ума не сойти! Теперь вы видите, что я былъ правъ, когда въ первый разъ съ вами совѣтовался.... И непремѣнно исполню мое намѣреніе. Въ Прагу. Женюсь! Дядя доставитъ мнѣ мѣсто капельмейстера, и я кое-какъ буду счастливъ.... Дрезденъ.... Дрезденъ.... Четверть часа, и я увижу Софію.... Вонъ домъ ея.... Видите, видите, она на балконѣ, она ожидаетъ меня!....

«Ну, подумалъ я, далеко до Праги!

ДРЕЗДЕНЪ.

I.

«Представьте мой ужасъ, когда я прочиталъ вашу записку, Маркеза! — Вы не могли остаться въ Дрезденѣ одного дня, а полагали пробыть недѣлю.... Догнать васъ я не видѣлъ ни какой возможности.... Огорченіе было слишкомъ сильно, и я.... не могу, Маркеза, буду искренекъ, — я захворалъ. Дрезденскіе врачи, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, навѣстили меня и очень кстати; я нуждался въ ихъ помощи, потому что самъ не могъ уже здраво разсуждать о

Digitized by Google

моей болѣзни.... На другой день, я былъ уже на ногахъ и на строгой діэтѣ; на третій посѣтилъ меня Эдуардъ и старикъ Мюллеръ; я обѣщалъ завтра придти къ нимъ обѣдать.

Прихожу; общество гостей было довольно многочисленно; поэты, музыканты, графы, актеры, путешественники тѣснились около очаровательной хозяйки; отецъ и Эдуардъ хлопотали около стола и первые встрѣтили меня. «Что это у васъ сего дня?» спросилъ я... «Середа, дорогой докторъ; каждую середу добрые друзья собираются вмѣстѣ съ нами хлѣба соли откушать, а потомъ... потомъ вы увидите... Софи!» сказалъ отецъ, вводя меня въ гостиную... «Докторъ Сильвіо да Теста.»

Я не славолюбивъ, но признаюсь, уваженіе людей, пользующихся въ свою очередь заслуженною извѣстностью — лестно даже для Россини. Общество избранныхъ поднялось съ мѣста; Софія прежде всѣхъ; послѣ привѣтствій и сожалѣній о моей болѣзни, меня, какъ будто старшаго гостя, усадила Софія возлѣ себя; за обѣдомъ мнѣ предложено первое мѣсто; въ разговорахъ большею частію относились ко мнѣ, старался сколько возможно сдѣлать пріятнѣе и занимательнѣе затрапезную бесѣду. Я восхищался умомъ и познаніями собесѣдниковъ, но болѣе всего удивляла меня чинность, порядокъ, хладнокровіе въ спорахъ; только одинъ сдѣлалъ на меня непріятное впечатлѣніе, какъ наружнымъ своимъ видомъ, такъ и поведеніемъ; этого человѣка я никогда не забуду; потому что по несчастію отвратительное и прекрасное имѣютъ равныя права на нашу память. Этому ужасному гостю было лѣтъ подъ 60; росту онъ былъ средняго, толстоватъ, сѣдъ; губы отъ лѣтъ построились въ два этажа; къ концу стола онъ говорилъ почти

Digitized by Google

одинъ; вскакивалъ съ мѣста, бѣгалъ къ разнымъ собесѣдникамъ, обнималъ, цѣловалъ ихъ; ему въ глаза говорили грубости; онъ отшучивался или зажималъ ротъ противника своего лобзаніями; хотя на нашемъ концѣ на него не обращали никакого вниманія и разговоръ продолжался безъ участія несноснаго человѣка, но для меня по новости этотъ господинъ былъ очень занимателенъ, и я однимъ ухомъ слушалъ моихъ сосѣдей, а другимъ слѣдовалъ за охотой, которую на него вели засѣдатели другаго конца и за кошечьими его прыжками отъ мѣткихъ язвительныхъ ударовъ, которыми неумолимо осыпали его охотники... Обѣдъ кончился пѣснями; толстякъ до того забылся, что пѣлъ на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ, а иногда и на Нѣмецкомъ, пошлые куплеты; циническая острота отвратительныхъ куплетовъ заставила Софію встать;—обѣдъ кончился; толстякъ въ свою очередь нападалъ на гостей; превозносилъ до небесъ способности, таланты, сочиненія каждаго, но каждый старался отдѣлаться отъ него двумя, тремя словами и уходилъ въ гостиную; пришла и моя очередь... «Вы давно у насъ въ Дрезденѣ?».... Я долженъ былъ прежде прибѣгнуть къ помощи платка; отереть лице и тогда уже отвѣчать. Послѣ двухъ, трехъ самыхъ обыкновенныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, онъ потащилъ меня къ окну; я не могъ понять, какія могутъ быть тайны между людьми вовсе незнакомыми; и что же разсказалъ онъ мнѣ въ этой тайной бесѣдѣ, «что онъ на правду—чортъ; что онъ нажилъ сочиненіями своими помѣстье и безчисленныхъ враговъ; что Гумбольдтъ—его другъ; что только онъ одинъ въ Дрезденѣ понимаетъ драматическое искуство, потому что былъ очень коротко знакомъ съ Тальмою, когда былъ кажется адъютантомъ, если не маршаломъ Наполеона; что если я имѣю на-

Digitized by Google

мѣренье остаться въ Дрезденѣ, то безъ помощи его пера, едва ли буду имѣть успѣхъ; что онъ Нѣмецкій Аретино и понимаетъ духъ времени....» Не знаю, чѣмъ бы кончилась исповѣдь *несноснаго* человѣка, если бы добрая Софія не позвала меня въ гостиную. Мы разстались, но не надолго; наши дальнѣйшія встрѣчи составляютъ особенную повѣсть. Когда вы будете въ состояніи смотрѣть на картину отвратительнаго уничиженія души человѣческой; когда доброе сердце ваше будетъ въ силахъ слушать любопытную смѣшную исторію литературнаго мытарства, приведеннаго въ систему—я вамъ, пожалуй, разскажу о дальнѣйшемъ знакомствѣ съ *несноснымъ* человѣкомъ—и разсказъ мой едва ли не будетъ лучше Маккіавеля. На бѣду я узналъ всѣ тайны моего толстяка, такъ что кромѣ меня никто не въ состояніи написать его біографіи... Немезида! ты жестоко отмстила за жертвы, поглощенныя этимъ Шеридановскимъ чудовищемъ! Послѣднее наше свиданіе съ толстякомъ было въ замкѣ для сумасшедшихъ близъ Дрездена; когда я осматривалъ этотъ замокъ, столь занимательный и для медика, и для психолога, я нашелъ моего знакомца на привязи; родъ сумасшествія былъ ужасенъ. Ему казалось, что люди, которыхъ съ умысломъ оскорбляло его корыстолюбіе, съ палками стоятъ вокругъ него; руки были связаны; онъ только огрызался.... Въ гостиной я услышалъ совсѣмъ другой разговоръ; дѣло шло о Шекспировой драмѣ: Король Лиръ; старичекъ совѣтовалъ Софіи—дать въ свой бенефисъ эту прекрасную пьесу.

«Я поставлю ее, продолжалъ старичекъ, цѣликомъ какъ она написана. Не люблю сокращеній, передѣлокъ и всегда спорилъ объ этомъ съ Гёте. Конечно, ему и книги въ руки. Онъ можетъ и не совсѣмъ извратилъ Шекспира. Но примѣръ соблазнителенъ. Наши без-

Digitized by Google

численные переводчики, плохо разумѣя Англійскій языкъ, еще менѣе духъ и особенности геніл Шекспира, уродуютъ самыя лучшія, самыл превосходныя его созданія.—Возьмите драму, какъ она есть; возьмите любой переводъ; каждый имѣетъ свои достоинства; по мнѣ вѣрнѣе другихъ Бенда; сыграйте Корделію, и конечно слава ваша не возрастетъ, но умножится репертуаръ нашего наслажденія.»

— Она и такъ уже разыгрываетъ эту глупую ролю, сказалъ кто-то позади меня. Я оглянулся, то былъ Эдуардъ — и какъ то страшно горѣли глаза его... Софія сидѣла въ глубокой задумчивости; другой старичекъ подошелъ къ ней.

— Рѣшайтесь, сказалъ онъ: послѣдній бенефисъ такъ близокъ; Король Лиръ, или Іоганна Д'Аркъ или Отецъ и дочь....

— Ни за что не позволю! закричалъ отецъ Софіи. «Терпѣть не могу этой піесы.»

— За что, г. Мюллеръ? Да это одинъ изъ тріумфовъ вашей дочери....

— Покорнѣйше благодарю! Выбросьте начало, и я согласенъ.

— Это невозможно! сказалъ первый старичекъ. Раупахъ разсердится; и по дѣломъ; да и я не позволю себѣ перемѣнить запятой въ чужой піесѣ. И что худаго въ началѣ?

— Помилуйте! Припомните! Піеса начинается словами: «Миссъ Мюллерь скончалась».

Всѣ захохотали.

Digitized by Google

— Смѣйтесь, смѣйтесь! продолжалъ отецъ Софіи, какъ услышалъ первый разъ это проклятое начало, такъ морозъ и заходилъ по всему тѣлу... Во второй разъ волоса встали дыбомъ; въ третій, вы знаете, Софи не играла этой піесы и играть не будетъ... Не будешь, Софи?...

— Батюшка! Вы не любите піесы, и я ее ненавижу....

— Благодарю тебя, мой другъ, такъ послѣдуемъ умному совѣту; возьмемъ Лира.

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ! Есть роли, которыхъ не снесутъ многіе... сказала Софія и съ улыбк взглянула на Эдуарда....

— Благодарю, Софи, шепталъ Эдуардъ. Любовь Корделіи къ сумасшедшему Лиру убьетъ меня.

— Такъ Іоганну...

— Помилуйте!—возопилъ несносный и Шиллеръ былъ поверженъ во прахъ; до того, что всѣ едва удерживали негодованіе; но когда толстякъ назвалъ Шиллера пьяницей всѣ встали и начали прощаться. Первый старичекъ уходилъ; толстякъ началъ было оправдываться, но старичекъ не далъ говорить несносному человѣку.

— Послушайте! сказалъ онъ. И мертвымъ нѣтъ пощады! Видно покойникъ порядочно хлеснулъ ваше самолюбіе, такъ, что и за гробомъ не можете простить.... Толстякъ что-то бормоталъ, слова тѣснились, путались платки и шляпы пришли въ дѣйствіе; гости разошлись.

Digitized by Google

II.

Меня удержала Софія; было не рано; театра въ этотъ день не было; я охотно остался и мы усѣлись.

— Эта середа не удалась Софи! сказалъ старикъ Мюллеръ. Да, батюшка, всѣ какъ-то чинились, боялись проговориться, и я сама была будто не своя. — А все этотъ взбалмочный!

— Какой онъ взбалмочный! замѣтилъ Эдуардъ: это олицетворенная злоба; Шейлокъ....

— По крайней мѣрѣ того же происхожденія, сказалъ старикъ. А что всего досаднѣе, ходитъ къ намъ не прошенный; и не только къ намъ онъ вездѣ является незванный, врывается насильно; и потомъ на насъ же клевещетъ изустно и письменно.

— Мнѣ кажется, сказалъ Эдуардъ, что его можно бы и выбросить.

— А онъ смѣшаетъ насъ съ грязью.

— Да не все ли равно. Вѣдь его задабривать деньгами не станете, а другой дружбы съ нимъ нѣтъ.

— Я же ему отомщу, сказала Софія, сыграю Іоганну... Да за что онъ такъ Шиллера не любитъ?

— Длинная исторія, а Іоганны и я не хотѣлъ бы.

— Отъ чего? батюшка...

— Отъ того, что роль слишкомъ велика, слишкомъ трудна; какого требуетъ напряженія! тянется часа четыре, а Корделія — вся роль три странички.

Digitized by Google

— И какъ легка, батюшка! Чувство сл мнѣ такъ близко....

— Софи, ангелъ мой! — и такъ Король Лиръ....

— А что скажетъ Эдуардъ, батюшка?...

— Послушайте, дѣти мои! Пора кончить эту комедію. Послѣ бенефиса свадьба! Онъ человѣкъ свободный; я имѣю согласіе графа: онъ можетъ ѣздить съ женою по всей Европѣ; путешествіе и ему послужитъ въ пользу; познакомится съ Мейербероиъ, онъ теперь пишетъ для Парижа какую-то оперу; съ Мендельсономъ, Бартольди, съ Гуммелемъ; мы поѣдемъ въ Варшаву, тамъ Эльснеръ; будемъ и въ Петербургѣ, тамъ Мауреръ, а можетъ быть Фильдъ; тамъ есть хорошій драматическій Нѣмецкій театръ, тамъ г-жа Бауеръ... Не правда ли?..

— Какъ угодно, батюшка! отвѣчала Софія Мюллеръ, глядя на отца со слезами, какъ будто прощаясь съ нимъ на вѣки... Какъ угодно; воля ваша; не знаю, къ чему свадьба, мы такъ счастливы нашею прекрасною любовью; мы такъ молоды; я боюсь свадьбы. Корделія, ты бы не умерла, еслибы отецъ тебя не согналъ съ глазъ своихъ, не отлучилъ отъ сердца, не спѣшилъ замужствомъ и раздѣломъ царства!... Какъ угодно, какъ угодно....

— Господи Боже мой, Софи! сказалъ отецъ мнѣ; ничего не угодно. Воля твоя! Что я? За совѣтъ сердиться нельзя... Какъ хочешь, какъ хочешь.... Ну мы еще поговоримъ объ этомъ.... Не унывай! Эдуардъ, докторъ помогайте намъ; конечно упрямство, но могу ли не считать себя блаженнѣйшимъ отцемъ въ этомъ мірѣ!»

Digitized by Google

Батюшка и Софія плакали на груди истинно превосходнаго отца.

III.

—Вы слышали! Вы видѣли! сказалъ Эдуардъ уже на улицѣ, удерживал меня за руку....

— Странно, непонятно! отвѣчалъ я.... «Это болѣзнь! Ни капли благоразумія!... Но, Эдуардъ, къ чему нетерпѣніе?... Согласитесь, во всякомъ случаѣ исторія кончится свадьбою!

— Никогда, докторъ! Никогда! Я знаю чѣмъ вырваться изъ этого ада самаго нестерпимаго блаженства.... Третій годъ, третій годъ; виноватъ ли я, что тайное пламя пожираетъ меня; виноватъ ли я, что глаза мои впали, лобъ изморщился, губы высохли, сонъ не хочетъ освѣжать меня иногда двѣ, три ночи сряду.... Ради Бога, виноватъ ли я? Докторъ, я не пойду домой! Въ грустномъ одиночествѣ, Богъ знаетъ, что приходитъ на умъ. Я боюсь моего ружья, боюсь бритвъ, крутой вышины моей кельи... всего, гдѣ является возможность смерти.

— Пойдемъ ко мнѣ, сказалъ я....

— Но вамъ нуженъ сонъ.

— Наше ремесло и безсонница сосѣди; вы больны, а я вашъ медикъ и другъ....

— А можетъ быть и душеприкащикъ. Сказавъ это, онъ такъ стиснулъ мою старую руку, что у меня слезы на глазахъ показались и пошелъ не со мной, а за мной безмолвно, грустно, опустивъ голову и руки.

Digitized by Google

Я поподчивалъ Эдуарда медицинскимъ часмъ и онъ уснулъ въ креслахъ. — Просыпаюсь, гляжу, Эдуардъ что-то читаетъ съ особеннымъ любопытствомъ. Дрезденскіе врачи нанесли мнѣ множество медицинскихъ книгъ своего издѣлія. Подымаюсь — въ рукахъ дуарда — токсикологія, доктора С., глупѣйшая книжонка, которая однакоже надѣлала въ Германіи между профанами много шуму, по занимательности анекдотовъ, въ которыхъ описаны дѣйствія отравъ. Примѣтивъ, что я проснулся, Эдуардъ торопливо бросилъ книжонку и сталъ ходить скорыми шагами по комнатѣ: ни слова не могъ я отъ него добиться; наконецъ онъ взялъ шляпу. «Прощайте, докторъ!» сказалъ и ушелъ....

IV.

Надо собираться въ дорогу; жаль мнѣ было новыхъ друзей; но я помочь не могъ. Какъ же однако уѣхать, не видавъ Софіи на сценѣ? И какой случай: сегодня Донъ Карлосъ; она играетъ королеву; день не составляетъ счету. — Послѣ спектакля зайду къ нимъ, прощусь и уѣду ночью; а теперь утро надо посвятить обязанностямъ общежитія и отплатить внимательностью за внимательность.

— Такъ разсудилъ я и съ трудомъ обошелъ моихъ братій по Эскулапу и натурально первый пригласилъ меня къ обѣду; тотъ же привѣтъ, тѣже приглашенія у каждаго; ударило шесть часовъ, и я въ театрѣ. Подобной трагической труппы я не только не видалъ во всю продолжительную жизнь мою, но даже не воображалъ, чтобы гдѣ и когда нибудь можно было собрать столько превосходныхъ драматическихъ талантовъ. Цѣлость пьесы была сохранена въ совершенствѣ; самыя малыя роли были исполнены съ невѣ-

Digitized by Google

ротною отчетливостію и правдою; Альба, Лерма, Медина, Сидонія, все это были точно герцоги, гранды Испаніи; а на иныхъ театрахъ малыя роли убиваютъ эффектъ, производимый игрою лучшихъ артистовъ, и оставляютъ самое непріятное впечатлѣніе въ душѣ зрителя. Особенно поразила меня постановка или обстановка пьесы; каждый бантикъ на башмакѣ, каждая пряжка, стулъ, подсвѣчникъ, все это было изъ Эскуріала Филипповыхъ временъ; даже картины при нѣкоторыхъ историческихъ свѣдѣніяхъ можно было называть по мастерамъ и сочиненію.... Въ этой стройной, умной, талантливой труппѣ — Софія Мюллеръ появилась какъ солнце, предъ которымъ блѣднѣли прочія свѣтила Дрезденской сцены.... Очаровательная мелодія дикціи; отчетливость чувства; подробность въ оттѣнкахъ; естественность величія.... О Маркеза, я не узналъ Софіи; мнѣ казалось, что Елисавета Валуа сама на сценѣ! — Превосходно вела она свою ролю до четвертаго акта; именно до свиданія съ Маркизомъ Позой, когда онъ уже взялъ подъ стражу Донъ Карлоса; но здѣсь она вышла блѣдная, дрожащая; весь Испанскій колоритъ исчезъ; играла Софія Мюллеръ, играла дурно, ошибалась въ стихахъ, и едва, едва окончила сцену.... Въ антръ-актѣ толкамъ не было конца; я боялся бунта, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ; въ пятомъ актѣ еще хуже.... Кончилась пьеса и публика разошлась въ безмолвномъ уныніи; какое-то предчувствіе говорило, что Дрезденъ болѣе не увидитъ очаровательной королевы.... Я бросился прямо въ квартиру Мюллеровъ; они еще не пріѣзжали изъ театра; проходятъ добрые полъ-часа; нѣтъ и нѣтъ. Что бы это могло значить; колокольчикъ; вѣрно пріѣхали; бѣгу внизъ съ слугой на встрѣчу; двери отворяются, и на лѣстницу ползетъ Эдуардъ; ползетъ,

Digitized by Google

царапается съ ступеньки на ступеньку.... «Что королева?» спросилъ онъ такимъ голосомъ, что у меня всѣ жилки задрожали.

—Неужели, подумалъ я, дуардъ пошелъ по слѣдамъ Гофманна! Ради Бога, что съ вами?...

— Докторъ! докторъ! Я не могъ сносить долѣе, отвѣчалъ онъ дрожащимъ голосомъ. Я счастливъ; сдержите слово, будьте моимъ душе-прикащикомъ; у меня на столѣ письмо и двѣ ненадписанныя симфоніи; въ B—dur отошлите графу, недокончанную въ H—moll — моей Софіи....

— Что вы сдѣлали, отвѣчайте скорѣе? Я вижу еще можно спасти васъ....

— Не смѣйте! закричалъ онъ неистово....

— Онъ здѣсь! Онъ здѣсь! раздался голосъ Софіи.... Отецъ и дочь вбѣжали и бросились къ несчастному....

— Нѣтъ.... Нѣтъ.... онъ умеръ.... Токсикологія.... страница.... Благодарю.... были послѣднія слова Эдуарда; онъ скончался на моихъ рукахъ; Софія и старикъ Мюллеръ безъ слезъ и словъ стояли сложивъ руки надъ трупомъ; люди плакали....

V.

Чувства Софіи помутились; ее подхватили и унесли въ спальню отецъ ушелъ за нею. Распорядясь по моей части, я принялся за мертвеца, и съ помощью Джанни и добраго слуги Мюллера, вступилъ въ права и обязанности душе-прикащика. Все происходило на моей квартирѣ; я позвалъ врачей,

Digitized by Google

полицію, вскрылъ трупъ, и освидѣтельствовавъ желудокъ полувоспаленный, полуобъятый уже антоновымъ огнемъ, я нашелъ, съ помощью аптекарей, около драхмы мышьяку.

На другой день похоронили мы Эдуарда. Добрые мои знакомые ревностно мнѣ помогали. Отдавъ послѣдній долгъ несчастному, я прямо отправился къ Мюллерамъ; отецъ ходилъ по комнатѣ и курилъ трубку....

— Чудеса, докторъ! сказалъ онъ.

Я пожалъ плечами.

— Сдѣлайте милость, продолжалъ онъ, не упрекайте Софіи, она съ ума сойдетъ; если можно, постарайтесь оправдать.... Тсъ! Тише! Она идетъ....

Софія, вся въ черномъ, блѣдная, съ заплаканными глазами вошла въ гостиную; въ рукахъ письмо и еще какая-то бумага. «Докторъ!» сказала она, увидавъ меня и зарыдала....

— Я предвидѣлъ несчастіе, сказалъ я, но предупредить не было возможности; онъ лишился разсудка — отъ музыки; настоящая причина заключается именно въ непомѣрномъ напряженіи музыкальныхъ органовъ; я нашелъ ихъ въ совершенномъ разстройствѣ, а въ письмахъ и журналѣ его — отразились всѣ муки человѣка, который не могъ вдругъ возвыситься на равную съ вами степень славы... Я еще что-то лгалъ, но Софія не вѣрила.... Не оправдывайте меня! Молю васъ, не оправдывайте. Передъ четвертымъ актомъ я получила это письмо. Прочтите: я прочелъ почти слѣдующее:

Digitized by Google

«Нѣтъ, Софія! Счастіе мое невозможно, или мнѣ не должно разрушиться. Бѣжать отъ васъ...: Я бѣжалъ, но недалеко.... Теперь бѣгство и жизнь уже невозможны. Я не пугаю васъ своею смертію; вы бы презрѣли такія средства. Нѣтъ, я умираю!»

— Батюшка! вставъ съ рѣшительностію, сказала Софія: хотите спасти меня? Уѣдемъ отсюда; бросимъ бенефисъ! До него ли теперь?...

— Богъ съ нимъ! сказалъ отецъ, взялъ шляпу и пошелъ; на другой день еще разъ вмѣстѣ мы пустились въ дорогу.

ВѢНА.

I.

«Скоро мы разстались съ добрыми Мюллерами, они поѣхали въ Вѣну, а я въ Прагу, гдѣ познакомился съ графомъ Буклой; понялъ въ музыкальную исторію, которая стоитъ вашего вниманія, но не сего дня; она меня задержала въ Прагѣ лишнихъ двѣ или даже три недѣли; наконецъ и я пріѣхалъ въ Вѣну.— Посѣтивъ старыхъ знакомцевъ, я разъузналъ, гдѣ живутъ Мюллеры и вечеркомъ отправился къ нимъ.— Квартира ихъ была въ самомъ лучшемъ мѣстѣ города; у крыльца горѣли фонари, стояли кареты; весь этажъ былъ освѣщенъ. — «Середа!» подумалъ я; точно была середа, въ сѣняхъ остановилъ меня швейцаръ въ придворной ливреѣ.—Что вамъ угодно? спросилъ онъ. «Здѣсь живетъ г. Мюллеръ?»

— Здѣсь живетъ госпожа Софія Фонъ Мюллеръ Vorleserin! Какъ бы это перевести? La Lectrice, чти-

Digitized by Google

ца, что ли, Ея Императорскаго Величества, съ отцемъ своимъ.

— Его-то мнѣ и нужно.

— Позвольте! Надо доложить, у васъ нѣтъ билета!

— Какого билета? Я сегодня пріѣхалъ въ Вѣну.

— А, извините, милостивый господинъ! Позвольте, сейчасъ.

Раздался колокольчикъ; съ перилъ лѣстницы на верху перевѣсилась голова придворнаго лакея...

— Не угодно ли сказать вашъ чинъ, санъ, имя, фамилію?...

— Докторъ Сильвіо да Тестa! сказалъ я съ неудовольствіемъ.

— Докторъ Сильвіо да Тестa! заревѣлъ лакей...

— Докторъ Сильвіо да Тестa! раздался отдаленный ревъ—и не прошло мгновенія, какъ на верху лѣстницы показался самъ старикъ въ щегольскомъ нарядѣ.

— Милости просимъ, кричалъ онъ сверху, милости просимъ, мы васъ поджидали, и потеряли надежду васъ видѣть!

Вхожу: рядъ комнатъ, пышно освѣщенныхъ; въ каждой карточные столы; игроки хранили мудрое молчаніе; мы прошли въ залу, тамъ молодежь кружилась въ шумномъ вальсѣ; что ни женщина, то красавица; что ни нарядъ, карикатура; Вѣна имѣетъ

Digitized by Google

свои моды; люблю я эту независимость, но люблю и вкусъ; а добрая, веселая Вѣна вкусомъ щегольнуть не можетъ... «Гдѣ же хозяйка?» подумалъ я. Старикъ какъ будто угадалъ мой вопросъ.

— Софія сейчасъ пріѣдетъ; она у Императрицы. Вы не узнаете ее, добрый докторъ, какъ я думаю не узнали нашего дома. Я раззоряюсь; выдумываю ей развлеченье; стараюсь поселить страсть къ чему будь; напрасно; напрасно; все унесъ съ собою Эдуардъ

— Поѣдемъ въ Италію, ко мнѣ, въ Комо, сказалъ я; природа лучше всего лечитъ раны человѣческаго сердца...

— О еслибы только она согласилась! Императрица не откажетъ ей; она любитъ ее какъ дочь; Софи каждую недѣлю читаетъ Ея Величеству; Государыня, замѣчая грусть Софи, зоветъ ее довольно часто, вотъ и сегодня прислала неожиданно, и Софи такъ обрадовалась, и обнаружила, что эти вечера для нея въ тягость. Баста! больше не дамъ ни одного вечера. Представьте, она танцовала до перваго часа, полагая, что дѣлаетъ этимъ удовольствіе мнѣ, а я, дуракъ, раззорялюсь, воображая, что это сколько нибудь пріятно ей...

— Добрые чудаки! подумалъ я.

— Впрочемъ, докторъ, она насъ очень любитъ. — Узнайте, такъ, стороною, не сердится ли она на меня? Въ цѣломъ городѣ не нашелъ. Ей Богу не нашелъ! Третьяго дня возвратясь отъ Императрицы, она съ особеннымъ удовольствіемъ разсказывала, что за ужиномъ подавали какія-то большія Испанскія сливы, ужасной величины и превосходнаго вкуса, и

Digitized by Google

жалѣла, что приличіе не позволяло спрятать сливу въ мѣшокъ и привезти мнѣ въ гостинецъ. Вы можете себѣ представить: я обошелъ всѣ лавки; палилъ карету; объѣхалъ сады; сливъ не нашелъ... Впрочемъ она можетъ быть сердится и за то, что я до сихъ поръ не замѣтилъ.... право не могло притти въ голову.... у меня есть любимый ящикъ, въ которомъ помѣщаются мои шахматы, шахматная доска; перевернуть—трикъ тракъ; поставить бокомъ письменный столъ; на другую сторону—покойный табуретъ; сверхъ того тамъ множество разныхъ бездѣлушекъ.—Я всегда любовался, въ какой чистотѣ любезный мой Іоганнъ содержитъ всѣ мои вещи, въ особенности этотъ ящикъ. Никогда ни пылинки и вчера оборачивая его для письма....—надобно было выписать для Софи ролю....—не могъ не сказать спасибо Іоганну. «Чужаго на себя не возьму, отвѣчалъ слуга; это ваша дочь распоряжается, пока вы спите, и мы съ Фрицомъ не смѣй этого ящика пальцомъ тронуть... Представьте, а мнѣ и въ голову этого не приходило!»—«А какъ теперь на нее, продолжалъ Іоганнъ, безсонница находитъ, то не рѣдко, гляжу сквозь щелку, цѣлую ночь кабинетъ вашъ убираетъ, уберетъ и садится за столъ, пишетъ, потомъ вымоетъ, оботретъ перо, а бумагу съ собой уноситъ, и когда вы встанете, она будто спитъ, а совсѣмъ не спитъ, потому что Гретхенъ слышитъ и видитъ, что не спитъ.» Зачѣмъ же вы этого не говорите? сказалъ я... Іоганнъ перепугался и началъ умолять меня, чтобы я Софи ни слова не сказывалъ, а то она на нихъ будетъ сердиться. Я обѣщалъ. И ей Богу, самъ не знаю, что дѣлать? Помогите, докторъ! Сдѣлайте милость, помогите! Она васъ такъ любитъ....

«Счастливецъ!» сказала Маркеза....

Digitized by Google

— Дослушайте, дослушайте!... Не помню, что еще говорилъ Мюллеръ; вдругъ стукъ кареты прервалъ нашъ разговоръ. «Пойдемъ, побѣжимъ, сказалъ онъ, Софи пріѣхала.» Хотя въ наши лѣта бѣгать не приходилось, однакоже мы другъ отъ друга не отстали и успѣли встрѣтить Софію на лѣстницѣ...

— Докторъ, докторъ! съ трепетомъ сказала она, и чувства ея помутились; мгновенное волненіе; она отдохнула на лакейской скамьѣ, и мы ввели ее въ комнаты, съ обѣихъ сторонъ однакоже поддерживая...

Да! Точно ее трудно было узнать! Не тѣ глаза, тусклые, покрытые неисходной слезою; не та уже бѣлизна мраморнаго чела; морщинки! морщинки въ такія раннія лѣта; въ поступи—изнеможеніе; въ лицѣ выраженіе тайной боли, страха; изрѣдка легкій кашель; то жаръ, то холодъ въ рукахъ и примѣтное измѣненіе въ формѣ пальцевъ.... «Плохо, плохо!» подумалъ я. Когда она обошла всѣхъ гостей, всѣхъ одарила ласковымъ привѣтомъ, пріятнымъ словомъ; нарушила въ компатахъ карточную тишину, а въ залѣ прервался вальсъ и музыка затихла.... О въ этомъ появленіи Софіи было что-то торжественное, величественное и трогательное! Не знаю, почему мнѣ было жаль Софіи. «Не долго она съ вами пробудетъ,» говорило мнѣ сердце. Она подошла ко мнѣ. «Пойдемъ, докторъ, присядемъ, давно мы съ вами не видѣлись.» Мы усѣлись; съ одной стороны я, съ другой отецъ.

— Что Софи, какъ здоровье Ея Величества?

— Ахъ, батюшка, я и забыла, Государыня приказала вамъ поклониться. Какъ только я вошла, тотчасъ спросила объ вашемъ здоровьи.

Digitized by Google

— Добрая Императрица! со слезами сказалъ старикъ, этой честію, этимъ счастіемъ я обязанъ тебѣ. И поцѣловалъ ея руку.

Софія, принимая руку отца къ устамъ, тихо сказала:—Всѣмъ, всѣмъ, кромѣ монхъ глупостей и недостатковъ, я обязана вамъ, батюшка....

— Что же вы читали сегодня?

— Новые стихи Гёте и еще письма какого-то остряка....

Софи закашлялась довольно сильно.

— Что съ тобой, Софи? поблѣднѣвъ, спросилъ отецъ.

— Насморкъ.... Пустяки....

— Постой! Чего нибудь сладкаго, —сказалъ Мюллеръ, и побѣжалъ изъ залы....

— Не пустяки, сказалъ я, не насморкъ....

— Вы знаете! Ради Бога, не говорите батюшкѣ. Я лечусь, и лечусь очень старательно; но заклинаю васъ....

Подошелъ отецъ съ подносомъ фруктовъ.

— Вотъ, другъ мой, чего хочешь?....

— Позвольте, батюшка — вставъ и схвативъ подносъ, сказала Софія....

— Сиди, сиди, занимай дорогаго гостя, а ужъ

Digitized by Google

хозяйничать я буду.... отвѣчалъ старикъ и опять ушелъ.

— Перестаньте танцовать, сказалъ я, на время перестаньте играть на театрѣ и читать Ея Величеству.... Я въ свою очередь заклинаю васъ...

— Да еще нѣтъ ничего опаснаго....

— Долго ли до бѣды?...

— Въ пятницу послѣ завтра въ послѣдній разъ, докторъ, и потомъ не буду играть съ мѣсяцъ; какъ нибудь отдѣлаюсь.

— Нельзя ли не играть и въ пятницу?

— Корделію, докторъ, самая легкая роль....

— А потомъ....

— Потомъ слово — играть не буду....

II.

Непокойно провелъ я ночь послѣ нашего свиданія; но неумолимый Джанни рано разбудилъ меня докладомъ, что кто-то болѣе часу ожидалъ моего пробужденія; я всталъ; входитъ незнакомецъ весьма красивой наружности.

— Имѣю честь себя рекомендовать, докторъ Фроли....

— Добро пожаловать.... Вѣрно съ книгою, подумалъ я. Въ Германіи докторъ рѣдко знакомится безъ книги; едва успѣетъ кончить курсъ наукъ, и пишетъ книгу. Похвальное усердіе, но каково же намъ,

Digitized by Google

ветеранамъ, которые прочитали все, что только дѣльнаго прочитать можно; каково имъ, не говорю критически разсматривать, нѣтъ, а только перелистывать эти зеленые листки растеній, которымъ такъ далеко еще до цвѣту! На этотъ разъ я непріятно ошибся; ужъ лучше бы принесъ онъ диссертацію о томъ, какъ сохранить ногти, нежели.... Но слушайте, слушайте....

— Вчера, такъ началъ онъ, имѣлъ я счастіе васъ видѣть въ домѣ г-на Мюллера и замѣтилъ дружескія отношенія ваши съ хозяйкой....

Положеніе мое самое непріятное, Г. Теста.... Я лечу — Софію....

— Ради Бога, сказалъ я подвигая кресла, что съ нею....

— По моимъ наблюденіямъ она очень опасна. Онъ пересказалъ мнѣ всѣ признаки болѣзни, но весьма сбивчиво.

Мнѣ показалось, что у бѣдной Софіи десять разныхъ недуговъ и эта дорогая жизнь въ рукахъ врача неопытнаго, и кажется весьма плохаго.... Надо пойти, посмотрѣть не откладывая; можетъ быть, Богъ и опытность мнѣ помогутъ.

— Видите, господинъ Теста, прервалъ онъ мои размышленія.... Я влюбленъ въ дѣвицу Мюллеръ! — Когда я открылся въ любви, она отвѣчала: есть важное препятствіе; я больна; вылечите; тогда подумаемъ; но вылечите такъ, чтобы батюшка не могъ имѣть малѣйшаго подозрѣнія о моей болѣзни. Я должна играть на театрѣ, читать Императрицѣ....

Digitized by Google

— И вы позволили! сказалъ я съ неудовольствіемъ.

— Слѣпая любовь!... Я надѣялся...

— Пойдемъ, сказалъ я...

— Что вы хотите дѣлать?...

Я не отвѣчалъ; я видѣлъ, что съ нимъ мнѣ говорить нечего; взялъ шляпу и пошелъ къ Мюллерамъ.

Прихожу. Дома нѣтъ; на репетиціи...

Прихожу ввечеру, у Императрицы, а г. Мюллеръ куда-то поѣхалъ, никто не знаетъ...

Я зашелъ къ одному знакомому врачу, который жилъ въ той же улицѣ и возвращаясь опять завернулъ къ Мюллерамъ.

— Дома?

— Дома. Но легли спать!

— Спать!

— Спять! запкался отвѣчалъ Іоганнъ! Я вспомнилъ разсказъ старика.

— Не правда! Она въ кабинетѣ, сказалъ я.

— Какъ вы это знаете? спросилъ Іоганнъ поблѣднѣвъ.

Мнѣ хотѣлось видѣть Софію одну; случай самъ представился и я отвѣчалъ...

Digitized by Google

— Знаю, потому что она меня ожидаетъ... Пойдемъ.

— Это ты, Іоганнъ, отворяя перо, спросила Софія...

— И не одинъ.... Докторъ Сильвіо да Теста хочетъ васъ видѣть...

— Постой, я надѣну платокъ...

— Не безпокойтесь, Софія! Наше свиданіе даже въ такую пору и при такихъ страшныхъ обстоятельствахъ не можетъ повредить вамъ.

— Пожалуйте вашу руку.... Садитесь, намъ надо переговорить.

— О чемъ докторъ?... съ приметнымъ испугомъ спросила Софія.

— Вы больны и больны не хорошо. Я разсказалъ ей свиданіе съ Фроли и мои опасенія.... Теперь судите, дорогая Софія, могъ ли я откладывать наше свиданіе; разскажите мнѣ подробно, какъ вы себя чувствуете?...

Съ каждымъ вопросомъ опасенія мои возрастали... Перо попало въ руки мои больше по привычкѣ, нежели отъ умысла; бумага лежала на столѣ и я написалъ коротенькую записку: «Дѣвица Мюллеръ завтра играть не можетъ, по причинѣ болѣзни. Сильвіо Теста....»

— Что вы, что вы, докторъ! Лучше умру, нежели обману Императрицу. О! лучше три раза умру, нежели огорчу добраго отца моего!...

Digitized by Google

— Такъ умрете, умрете непремѣнно и скоро и не огорчите, а убьете вашего родителя.

— Докторъ! Но посмотрите ролю, посмотрите!

Я удивился.... Всего три странички!

— Какъ вы должны быть одѣты? спросилъ я ...

— Какъ хочу. Времена баснословныя....

— Платье съ фрезой на шеѣ, сказалъ я, и длинными рукавами; теплые ботники; на головѣ ничего; слышите ли?

— Слушаю.

— Послѣ спектакля въ постель и — вотъ это лекарство; черезъ часъ по двѣ столовыя ложки или полъ чашки; пока не уснете, каждый часъ принимайте. Послѣ завтра я приду въ свое время. А теперь Іоганнъ пойдетъ со мной, мы зайдемъ въ аптеку и я пришлю вамъ — сонъ, котораго вамъ искренно желаю...

— Но батюшкѣ, ради Бога ни слова....

— Завтра ни слова....

— И послѣ завтра, и послѣ...

— Сладимъ, сладимъ.... Спокойной ночи!

— Боже мой! Кажется, батюшка идетъ и Софія со свѣчой исчезла... Іоганнъ спряталъ меня въ своей комнатѣ; вдругъ я вспомнилъ, что на столѣ записка и рецептъ — и Іоганнъ отправился снова въ каби-

Digitized by Google

нетъ. Едва успѣлъ онъ схватить нашн тайныя бумаги, вошелъ старикъ.... Это ты, Іоганнъ?...

— Я....

— Кажется, здѣсь громко говорили?

— Это я сердился на Фрица, что осенью окна не заперъ, и вѣтеръ чуть не разбилъ....

— Прощай, Іоганнъ! Слава Богу, сказалъ Мюллеръ уходя, это не она....

Тихо вышли мы изъ дому.... Дорогой Іоганнъ безпрерывно повторялъ съ глубокимъ вздохомъ: — Iesus! Maria! Въ первый разъ въ жизни я обманулъ моего друга!

III.

Вся Вѣна стояла у театра, и съ билетомъ трудно было протѣсниться. «Добрая Вѣна! Жаль мнѣ тебя, Вѣна!» подумалъ я. Говорите послѣ этого, что люди лишены инстинктуальныхъ предчувствій; животныя задолго предчувствуютъ изверженіе Везувія и заблаговременно удаляются; птицы, еще очень тепло, а уже тянутся къ югу.... а люди, по крайней мѣрѣ на сей разъ это было предчувствіе. Роль Корделіи такъ ничтожна, такъ мала, такъ не развита; и вся пьеса кромѣ одного характера Эдмунда.... и то не въ началѣ.... право для меня было непонятно, какъ люди могутъ слушать мучительный, невѣрный ревъ старика, смотрѣть на этотъ рядъ смертей, которыхъ не пойметъ никакой медицинскій геній. Двѣ дочери взволили лишить себя жизни за сценой, но Лиръ на сценѣ взялъ и умеръ; Кентъ сказалъ два стиха, и

Digitized by Google

такъ, изъ угожденья Лиру, взялъ да и умеръ. Шекспиръ воспользовался привиллегіей театральнаго убійства и хуже нашего брата морить людей.... Въ прежніе вѣка это нравилось публикѣ, когда театръ спорилъ о первенствѣ съ травлей и охотой; но почему это понравилось Нѣмцамъ, людямъ тихимъ, спокойнымъ — понять не могу; должны быть особенныя причины и размышляя о Нѣмецкомъ Шекспиризмѣ, я вошелъ въ театръ.

Почти въ тоже мгновеніе поднялась занавѣсъ. И Лиръ не замедлилъ явиться, не изъ причуды, а просто изъ глупости разсердился на Корделію; конечно такъ нужно было для дальнѣйшаго хода драмы; но Корделія совсѣмъ незастѣнчива, какъ думаетъ женихъ ея король Французскій; а Лиръ больше всѣхъ любилъ ее и не стало капли ума понять, что она говоритъ дѣло, что она дѣлаетъ честь ему, глупому отцу за воспитаніе, которое онъ далъ этой дочери и за то чѣмъ онъ долженъ былъ гордиться, Корделію прочь съ глазъ и съ какими проклятіями, и вѣрю отцу они не придутъ въ голову, ихъ можно сочинить только за письменнымъ столомъ и то не въ добрую минуту.... Но какъ бы то ни было, Корделія сказала свой превосходный отвѣтъ, но какъ сказала! О публика не знала, отъ чего она такъ сказала.... Я позабылъ Шекспира, хотя горячо люблю его красоты, и кажется понимаю его недостатки; но это мѣсто принадлежитъ къ тѣмъ, которыя не легко забываются. Не знаю, буду ли я вѣренъ, но вотъ что отвѣчала Корделія: «Вы дали мнѣ жизнь, Государь, воспитали меня.... любили.... Я плачу вамъ, чѣмъ долгъ велитъ. Люблю, почитаю и повинуюсь! Если сестры мои говорятъ, что любятъ васъ больше всего на свѣтѣ, чѣмъ же будетъ для нихъ

Digitized by Google

мужъ? Если судьба опредѣлила и мнѣ выйти замужъ, то кому я дамъ супружескій обѣтъ, тому подарю и половину любви моей, заботъ и обязанностей. Конечно, я никогда не выйду замужъ, единственно для того, чтобы любить только отца!»

Софія сказала это такъ, что я почти слышалъ продолженіе отвѣта въ сердцѣ Корделіи: «И вотъ почему я никогда не выйду замужъ!...» Кромѣ того въ отвѣтѣ такъ было много страданія, такъ много грусти, скорби, опасеній, что я не хуже Лира проклиналъ себя, за чѣмъ позволилъ играть Корделію.... Пришла предпослѣдняя сцена Корделіи, когда Лиръ просыпается и на время выходитъ изъ сумасшествія.... Корделія была не своя.... Не много словъ въ этой прекрасной сценѣ; не много дѣйствія; но она была продолжительна, слишкомъ продолжительна по чудному искуству Софіи.... Когда она призывала богиню врачеванія, чтобы она устамъ Корделіи сообщила цѣлебныя свойства и поцѣлуемъ хотѣла вынить изъ старика печали, испытанныя имъ отъ старшихъ дочерей.... О! въ эту минуту раскрылось на лицѣ преображенной Софіи все небо дочерней любви; и она и всѣ плакали.... Послѣ спектакля публика еще два раза увидѣла Софію, по вызову на сцену и въ ложѣ Императрицы. «Слава Богу кончилось, подумалъ я, она сдержитъ слово....» и уснулъ покойно;... но не на долго.... будятъ.... иду.... Боже великій!.. Спасенія мои сбылись сторицей....

IV.

Сильная горячка метала несчастную; кругомъ толпа врачей; въ другой комнатѣ стоны отца.... Костюмъ Корделіи еще на ней, но она уже играла роль Лира; сильный бредъ, слова мѣшались; то она видѣ-

Digitized by Google

ла отца въ ужасѣ при своемъ гробѣ; то шумную толпу, то бросала цвѣты на гробъ Эдуарда; врачи стояли и спокойно разсуждали, когда больную съ трудомъ могли удержать Фрицъ и Гретхенъ.... Я не могъ скрыть моего негодованія; и какъ умѣлъ, спѣшилъ помочь несчастной; сложность болѣзни, неизвѣстность ея оборота, успѣхи горячки, все колебало мое обычное хладнокровіе.... Софія затихла. Врачи все еще разсуждали. Я пошелъ къ отцу.... У окна старикъ и Іоганнъ, обнявшись, рыдали; въ рукахъ Мюллера моя записка.... Оба бросились ко мнѣ и цѣловали руки. Я съ умысломъ не скрылъ опасности.... Испугъ остановилъ рыданія; тогда на помощь я призвалъ надежду, хотя самъ ей не вѣрилъ.... «Спасайте, г-нъ докторъ, спасайте ее! Она васъ такъ любитъ....»

— Искуство мое слишкомъ слабо, отвѣчалъ я, соберите опытнѣйшихъ здѣшнихъ врачей. Посовѣтуемся....

Въ четвертомъ часу ночи почти всѣ съѣхались, всѣ, т. е. тѣ, которыхъ я назначилъ; толпа, найденная мною у одра больной, была не что иное, какъ сбродъ врачей, собранныхъ на удачу испуганными людьми Мюллера. Почтенные мои собратья съ истиннымъ, неподдѣльнымъ участіемъ принялись за дѣло; я скрылъ отъ нихъ одного Эдуарда.... Въ средствахъ мы скоро согласились, но никто не рѣшался принять на себя исключительнаго пользованія; болѣзнь, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, еще казалась излечимою, но требовала, по нашимъ соображеніямъ, слишкомъ много времени, и я ни какъ не могъ оставаться долѣе недѣли. Положили пользовать Софію соборно, пока не минуетъ опасность... Врачи разъѣхались.... я сообщилъ Мюллеру ихъ на-

Digitized by Google

дежды и уложивъ въ постель, сѣлъ возлѣ несчастнаго; всю ночь онъ разсказывалъ чудеса о своей Софіи; даже мысль о снѣ не приходила къ бѣдному.... Я навѣдывался къ больной и каждый разъ приносилъ старику новую надежду.... Вдругъ вбѣжала Гретхенъ.... «Проснулась....» Не всегда благодаримъ мы Бога за медицинскія свѣдѣнія, но на сей разъ я не могъ удержаться отъ благодарной молитвы.... Consilium опять собрался, остался весьма доволенъ и больною и ея навязчивымъ докторомъ.... Мюллеръ сталъ покойнѣе, я воротился домой и отъ безсонницы, безпокойства и другихъ ощущеній слегъ въ постель и слегъ не на шутку....

V.

Въ болѣзни меня утѣшало и участіе Вѣнскихъ врачей и добрыя вѣсти о состояніи здоровья Софіи. По разсказамъ она быстро оправлялась; главный недугъ, конечно, требовалъ времени, но она уже ходила по комнатѣ; отецъ читалъ ей газеты; собиралъ гостей, составлялъ музыкальные вечера и позволялъ играть только квартеты Гайдена. По его медицинскимъ понятіямъ, Бетговенъ и здороваго сдѣлаетъ больнымъ; я не большой знатокъ въ музыкѣ, особенно Германской и не знаю правъ или нѣтъ старый Мюллеръ; ко мнѣ во все время болѣзни онъ не зашелъ ни разу; я и не обвинялъ его, наконецъ я выползъ изъ постели, а вскорѣ изъ дому и прямо къ Мюллерамъ. Весь домъ былъ въ волненіи; нигдѣ не могли отыскать Софіи; отецъ бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, какъ полоумный; ничего не понималъ, что ему говорили, искалъ въ шкафахъ, и не преувеличивая, въ забытьи отворялъ ящики въ столахъ и съ бѣшенствомъ ихъ захлопывалъ.... «Вѣр-

Digitized by Google

но она пошла прогуляться,» сказалъ я, «погода чудесная; конечно ей нельзя, я полагаю, осенью, въ сырость, выходить изъ дому; но можетъ быть никого не было; солнышко свѣтитъ, въ окошко грѣетъ, дай, подумала, подышу чистымъ воздухомъ....» Отецъ уже былъ на лѣстницѣ, на улицѣ, нечезъ.... Люди бросились въ спальню, не нашли любимаго чернаго бархатнаго платья; не нашли теплой мантильи и ботинокъ, и брильянтоваго крестика съ золотой цѣпочкой, подаренаго Императрицей.... Между тѣмъ собрались и гости, приглашенные къ обѣду; всѣ были огорчены поступкомъ Софіи; съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія; подъѣхала придворная карета; два каммергера ввели Софію подъ руки; смертная блѣдность на лицѣ; дыханіе захватывало; раздался сильный тяжелый кашель.... но при всемъ томъ она была весела, счастлива и не успѣвъ еще отдохнуть порядочно, сказала придворной дамѣ, которая вмѣстѣ съ нею пріѣхала:

— Доложите Ея Величеству, что только одинъ Богъ можетъ наградить Государыню за такія милости, и что безъ позволенія моей благодѣтельницы я не сдѣлаю изъ дому ни шагу.... Примите мою благодарность, графиня и вы, господа, за вашу заботливость и честь.....

Опять закашлялась.... Придворные уѣхали. Мы окружили Софію; вбѣжалъ отецъ, растолкалъ насъ всѣхъ и остановился предъ Софіей какъ вкопаный, сложивъ руки и не смѣя вымолвить слова.

— Простите, батюшка, меня не спросили; я почла долгомъ позаботиться объ этомъ дѣлѣ и тихонько ушла во дворецъ, сказала Софія и подала отцу бумагу.... Онъ пробѣжалъ....

Digitized by Google

— Мнѣ, мнѣ пенсіонъ до смерти!.. закричалъ онъ, уронивъ бумагу. И за меня ты просила Императрицу, и за меня ты жертвовала жизнью. О! за чѣмъ я давно не умеръ!

— Успокойтесь, батюшка, мнѣ помогъ чистый воздухъ, мнѣ такъ легко.... Садитесь, батюшка.... Поговоримъ, потолкуемъ.... время бѣжитъ.... вечеретъ.... Ближе, батюшка, ближе.... Дайте мнѣ вашу руку.... Вотъ такъ! Ахъ, какъ еще хорошо и на этомъ свѣтѣ!....

Умиленные гости, мы смотрѣли на нихъ съ любовію и горькимъ, горькимъ сожалѣніемъ.

— Батюшка! сказала Софія, взглянувъ на насъ, не пора ли обѣдать? Я всѣхъ задержала!

— Сейчасъ, сейчасъ, мой другъ! отвѣчалъ отецъ и побѣжалъ въ столовую.... Не помню, кто-то изъ гостей, желая ли ободрить больную, или точно вѣруя въ скорое исцѣленіе Софіи, сказалъ ей:

— Ну, слава Богу, теперь вамъ примѣтно лучше; скоро мы васъ увидимъ на поприщѣ вашихъ очаровательныхъ побѣдъ; а въ какой піесѣ вы первый разъ покажетесь нетерпѣливой Вѣнѣ....

Софія поглядѣла на всѣхъ насъ съ умоляющей улыбкой, какъ будто хотѣла сказать: «скажу, только не выдайте,» и шепотомъ наклонясь намъ отвѣчала: «въ драмѣ Раупаха: Отецъ и дочь!»

Всѣ вздрогнули....

VI.

Ночью разбудили меня.... Прихожу.... Встрѣчаю одного изъ врачей. Спрашиваю....

Digitized by Google

—Черезъ часа два, не больше, отвѣчалъ онъ тихо... Я вошелъ въ спальню. Простите! Здѣсь я долженъ окончить разсказъ мой и задернуть занавѣсъ постели моей страдалицы.... Агонія продолжалась нѣсколько часовъ.... Во все это время она бесѣдовала съ отцемъ и Эдуардомъ.... Послѣднія слова ея были: «Руку! Руку! Эдуардъ!... Руку, дорогой супругъ! Навсегда! до гроба и за гробомъ! Батюшка, благословите!»

Н. КУКОЛЬНИКЪ.

Digitized by Google

IV.

КИТАЙСКІЯ ВОЕННЫЯ СИЛЫ.

—

Содержаніе. — Комплектъ. — Управленіе. — Вооруженіе. — Ученіе. — Флотъ. — Комплектованіе.

—

Прежнее состояніе военной силы.

Въ продолженіе первыхъ трехъ династій 2,205—231 годовъ до Р. Х. военная служба составляла общую повинность всѣхъ землепашцевъ. Мѣстные начальники были и военными ихъ начальниками. Назначены были извѣстный срокъ службы, извѣстное время для ученія. Такимъ образомъ войско не требовало издержекъ на содержаніе; народъ не былъ изнуряемъ долговременною службою. Это было одно изъ лучшихъ воинскихъ учрежденій. Домъ Цинь, по введеніи монархическаго правленія въ 231 году до Р. Х., отмѣнилъ это учрежденіе; и полагая, что съ прекращеніемъ причинъ къ распрямъ, болѣе не будетъ войны, уничтожилъ оружіе, а въ областяхъ опредѣлилъ только военныхъ учителей. Такимъ образомъ онъ изъ воинскихъ упражненій сдѣлалъ театральную забаву, доходилъ до Халхи, и утвердилъ подъ своею властію восточную Монголію отъ Чаха-

Digitized by Google

ра до Маньчжуріи. По послѣ пятилѣтней за престолъ войны между дядею и племянникомъ 1398—1403, домъ Минъ потерялъ всѣ завоеванія въ Монголіи, и хотя перенесъ свой дворъ въ Пекинъ, со всѣмъ тѣмъ болѣе двухъ столѣтій терпѣлъ почти безпрерывныя безпокойствія отъ Монголовъ.

Въ началѣ XVII вѣка начались въ Китаѣ внутреннія смятенія, продолжавшіяся около 40 лѣтъ. Къ междоусобіямъ присоединилось на сѣверовостокѣ война съ Тунгусами, которая приняла начало отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ и стоила Китаю потери нѣсколькихъ армій и всѣхъ земель въ Маньчжуріи. Въ 1616 году завоеватель Маньчжуріи объявилъ себя Императоромъ и началъ войну съ Монголами. Въ это время междоусобіе въ Китаѣ усилилось; мятежникъ Лицзы-чэнъ объявилъ себя Императоромъ; вступилъ въ Пекинъ, сѣверную столицу Китая, и положилъ конецъ царствованію дома Минъ. Но Маньчжуры, въ то же самое время призванные однимъ изъ Китайскихъ полководцевъ на помощь, поразили самозванца подъ Пекиномъ, и какъ они имѣли превосходство въ силѣ, то династія его въ третьемъ колѣнѣ пала. Домъ Хань превратилъ общія земли въ частную собственность, а военную службу въ подушную повинность. Каждый обязанъ былъ служить отъ 23 до 56-го года возраста. Въ столицѣ учредилъ два гвардейскихъ корпуса, въ которыхъ солдаты набираемы были изъ областныхъ и пограничныхъ войскъ и служили безсрочно; а въ областяхъ опредѣлилъ только военныхъ учителей и конныхъ офицеровъ, которымъ въ военное время предписывалось приготовлять войска къ походу. Но со 140 года до Р. Х. опредѣлены были восемь корпусныхъ начальниковъ для образованія арміи, которую положено было набрать

Digitized by Google

изъ жителей нынѣшней губерніи Чже-цзянъ. Это былъ первый опытъ рекрутскаго набора. Солдаты должны были служить пожизненно, и правительство въ первый разъ приняло на себя многозаботную обязанность содержать войско на своемъ иждивеніи. Въ войну съ Монголами со 122 года многіе откупались отъ солдатства, и рекрутскій наборъ распространенъ былъ на разныя сословія. Въ исходѣ III столѣтія открылись въ имперіи внутреннія безпокойствія. Запутанность въ образованіи военныхъ силъ, время отъ времени усиливалась, продолжалась до династіи Суй, т. е. до 581-го года по Р. Х. Домъ Суй учредилъ въ имперіи 12 военныхъ округовъ: это было первое учрежденіе отдѣльнаго военнаго состоянія. При династіи Тханъ сіе учрежденіе сдѣлалось источникомъ великихъ внутреннихъ потрясеній. Усилились начальники военныхъ округовъ и должности ихъ сдѣлались наслѣдственными. Они ввели учрежденіе содержать при себѣ безземѣльныя войска, набираемыя изъ торговыхъ людей, и окружныя войска приняли грозное положеніе. Тогда Дворъ для охраненія себя поспѣшилъ усилить гвардію, и, слѣдуя ложному правилу благоразумія, поручилъ начальство надъ нею евнухамъ, сословію совершенно незнакомому съ войною. Съ этого времени областныя войска взяли большой перевѣсъ надъ столичными, и власть двора ограничена была самыми тѣсными предѣлами. Слѣдствіемъ сего было медленное паденіе дома Тханъ и мятежное царствованіе пяти малыхъ династій. Домъ Сунь, по уничтоженіи прежнихъ неустройствъ по арміи, призвалъ лучшія войска изъ имперіи въ столицу, и въ областяхъ вмѣсто прежнихъ гарнизоновъ поставилъ новые. Въ это время армія состояла изъ четырехъ разнородныхъ частей: гвардіи, войскъ областныхъ, милиціи и войскъ инород-

Digitized by Google

ческихъ. Военныя распоряженія зависѣли отъ верховнаго совѣта при дворѣ, а управленіе военными дѣлами ввѣрено было тремъ войсковымъ канцеляріямъ. Но долговременное содержаніе войскъ, особенно въ военное время, наконецъ истощило области, и дворъ пришелъ въ безсиліе. Домъ Минъ снова учредилъ военные округи, въ которыхъ мѣстные жители исправляли военную службу, а военные начальники опредѣляемы были верховнымъ правительствомъ. Дворъ имѣлъ власть производить перемѣны по арміи, смотря по обстоятельствамъ. Сія военная система была довольно хороша: но долговременный миръ внутри имперіи ослабилъ военную дисциплину. Войско хотя было многочисленно, но худо образовано. Это обстоятельство обезсилило домъ Минъ, и было главною причиною его паденія.

Нынѣшній составъ войскъ.

Въ Китаѣ содержится безсмѣнное войско; а военную силу составляютъ два военныхъ состоянія: Маньчжурское и Китайское. Первое образовалось, или составилось изъ трехъ племенъ: Маньчжуровъ, Монголовъ и Китайцевъ, пришедшихъ изъ Маньчжуріи; а второе, изъ внутреннихъ Китайцевъ. Изъ сихъ двухъ состояній пополняютъ разные корпуса дѣйствительно служащихъ войскъ.

Маньчжурское военное состояніе раздѣлено на восемъ знаменъ *Бпа-ци*. Это суть: восемь корпусовъ, которые получили названіе отъ цвѣта своихъ знаменъ. Сіи знамена суть:

1. Желтое знамя съ каймою.
2. Желтое знамя.

Digitized by Google

3. Бѣлое знамя.
4. Бѣлое знамя съ каймою.
5. Красное знамя.
6. Красное знамя съ каймою.
7. Синее знамя.
8. Синее знамя съ каймою.

Изъ знаменъ оба желтыя и бѣлое считаются тремя высшими, также дворцовыми знаменами, а остальныя пять низшими знаменами. Первыя принадлежали Маньчжурскому хану, а послѣднія союзникамъ его. Знамена желтое съ каймою, два бѣлыхъ и синее расположены въ восточной половинѣ Пекина и составляютъ лѣвое, т. е. восточное крыло. Знамена желтое, два красныхъ и синее съ каймою расположены въ западной половинѣ Пекина и составляютъ правое крыло.

Каждое знамя раздѣляется на три дивизіи: Маньчжурскую, Монгольскую и Китайскую, которыя такъ называются по племенамъ съ присовокупленіемъ названія знамени. Каждая Маньчжурская и Китайская дивизія раздѣлена на пять, а Монгольская на два полка. Такимъ образомъ въ осьми Маньчжурскихъ дивизіяхъ считается 40, въ Монгольскихъ 16, въ Китайскихъ 40 полковъ; число ротъ въ полкахъ неодинаково.

Каждое знамя, сверхъ раздѣленія по племенамъ на дивизіи и полки, еще раздѣляется на роты, а рота каждая содержитъ въ себѣ 150 человѣкъ мужескаго пола отъ 16 до 60 года. Изъ прибылыхъ людей составляются новыя роты или полуроты.

Маньчжурское племя въ Пекинѣ составляетъ 681

Digitized by Google

роту, въ семъ числѣ 15 ротъ князей желтопоясныхъ *; 24 роты князей краснопоясныхъ **, 39½ изъ Монголовъ.

Монгольское племя въ Пекинѣ составляетъ 204 роты. Китайское племя, пришедшее изъ Маньчжуріи, составляетъ 266 ротъ. Число ротъ въ полкахъ неодинаково.

Маньчжурскіе гарнизоны въ губерніяхъ, включая и Маньчжурію, составляютъ 840 ротъ. Офицеры и рядовые, находящіеся въ гарнизонахъ, числятся въ тѣхъ столичныхъ ротахъ, изъ которыхъ первоначально были отправлены въ губерніи: но тамъ они уже не раздѣляются на дивизіи по племенамъ, а въ совокупности составляютъ гарнизоны по губерніямъ.

Къ гарнизонамъ въ губерніяхъ причислены:

а) 97 ротъ звѣролововъ, изъ коихъ 47 ротъ солоновъ, 39 ротъ дахуровъ въ губерніи Хэлунъ-цзянъ и 11 ротъ Тунгусовъ съ рѣки Элушьчунь.

б) 120 ротъ пастуховъ. Въ семъ числѣ 63 роты Чахарцовъ.

И такъ всѣхъ ротъ въ осьми знаменахъ считается 2,088

Въ нихъ душъ мужеска пола отъ 16 до 60 года . . . . . 313—200

* Желтопоясными названы Князья, происходящіе отъ потомковъ Государя Сюань-ди, родоначальника нынѣ царствующаго въ Китаѣ дома; краснопоясными названы Князья, ведущіе происхожденіе отъ дядей и братьевъ этого Государя.

** Это составляетъ 2250 возрастныхъ душъ мужескаго пола.

Digitized by Google

Комплектъ войскъ.

Изъ военнаго состоянія осьми знаменъ въ Пекинѣ составлены разные корпуса войскъ, служащихъ въ сей столицѣ, какъ-то:

1. Корпусъ тѣлохранителей *Ши-вэй.*
2. Гвардейскій корпусъ *Цинь-цзюнь.*
3. Передовый корпусъ *Цянь-фынь.*
4. Охранный корпусъ *Ху-цзюнь.*
5. Конный корпусъ *Ма-бинъ.*
6. Артиллерійскій корпусъ *Хо-ци-инъ.*
7. Пѣхотный корпусъ *Бу-цзюнь.*
8. Охранный корпусъ въ *Юань-минъ-юань.*
9. Дворцовый корпусъ.

10. Отборный корпусъ *Жуй-цзя-инъ.* Корпусъ тѣлохранителей состоитъ изъ 1285 офицеровъ отъ 1-го до 14-го класса. Въ семъ корпусѣ еще считается: а) постоянные опричные вельможи *Юй-цзинь-да-чень*, назначаемые государемъ изъ высшихъ князей и первыхъ государственныхъ чиновниковъ; б) временные опричные вельможи, назначаемые государемъ изъ Монгольскихъ князей и Тайцзи; в) тѣлохранители сверхштатные. Въ тѣлохранители избираютъ дѣтей Маньчжурскихъ и Монгольскихъ офицеровъ трехъ высшихъ знаменъ, дѣтей высшихъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ; изъ первыхъ Китайскихъ магистровъ военной гимнастики. Тѣлохранители содержатъ дежурство внутри внѣшняго дворца, принимаютъ доклады для представленія государю, осматриваютъ чиновниковъ при входѣ и выходѣ изъ дворца, и представляютъ государю военныхъ чиновниковъ. Низшіе тѣлохранители при дворцовыхъ пирахъ исправляютъ должности пажей.

Digitized by Google

Гвардейскій корпусъ состоитъ изъ 1770 рядовыхъ, взятыхъ по два изъ каждой роты Маньчжурскихъ и Монгольскихъ дивизій. Сей корпусъ по управленію причисленъ къ корпусу тѣлохранителей.

Передовый корпусъ состоитъ изъ 122 офицеровъ и 1770 рядовыхъ, также взятыхъ по два изъ каждой роты Маньчжурскихъ и Монгольскихъ дивизій. Сей корпусъ содержитъ караулы вкругъ ставки государевой во время его путешествія.

Охранный корпусъ состоитъ изъ 1015 офицеровъ и 15,045 рядовыхъ, избираемыхъ по 17 изъ каждой роты Маньчжурскихъ и Монгольскихъ дивизій. Охранные высшихъ трехъ знаменъ вмѣстѣ съ передовыми сопровождаютъ государя при выѣздѣ изъ дворца и въ путешествіи. Сверхъ сего они содержатъ караулы внутри дворцовой крѣпости, а охранные низшихъ пяти знаменъ окружаютъ дворцовую крѣпость со внѣшней стороны. Въ карауле по два часовыхъ сидятъ за воротами, держа по красной палкѣ въ рукахъ, и даже предъ князьями не встаютъ на ноги.

Конный корпусъ, составляющій коренное войско, состоитъ изъ 2302 офицеровъ и 28,872 рядовыхъ, избираемыхъ по 20 изъ каждой роты Маньчжуских и Монгольскихъ дивизій, а изъ ротъ Китайскихъ дивизій по 42 человѣка. Въ семъ корпусѣ есть свой артиллерійскій баталіонъ, въ которомъ въ каждой Китайской дивизіи по 40 пушкарей и по 100 щитниковъ, въ каждой ротѣ по 8 рогатинниковъ.

Артиллерійскій корпусъ состоитъ изъ 288 офицеровъ и 6195 рядовыхъ, въ числѣ которыхъ изъ каждой роты Маньчжурскихъ и Монгольскихъ дивизій по одному артиллерійсту и по шести ружейниковъ.

Digitized by Google

Сей корпусъ раздѣляется на внутренній и внѣшній. Внутренній расположенъ въ самомъ Пекинѣ и упражняется въ стрѣльбѣ изъ фалконетовъ и ружей; а внѣшній стоитъ въ казармахъ на полѣ Лань-дянь-чанъ, отъ Пекина на сѣверозападъ и упражняется только въ стрѣльбѣ изъ ружей. Ружьями дѣйствуютъ 5052 человѣка.

Пѣхотный корпусъ состоитъ изъ 460 офицеровъ и 2,158 рядовыхъ—по 20 изъ каждой роты Маньчжурскихъ и Монгольскихъ дивизій и по 13 изъ ротъ Китайскихъ дивизій. Сей корпусъ, составляя гарнизонъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полицейскую стражу въ Пекинѣ, содержитъ караулы во внутреннемъ городѣ у городскихъ воротъ, по городской стѣнѣ, въ будкахъ по улицамъ и въ казенныхъ мѣстахъ. Онъ же обязанъ смотрѣть за полицейскимъ порядкомъ въ столицѣ.

Охранный корпусъ въ загородномъ дворцѣ Юань-минъ-юань состоитъ изъ 328 офицеровъ и 4075 рядовыхъ, набираемыхъ изъ всѣхъ осьми знаменъ, и содержитъ караулъ вокругъ сего дворца въ пребываніе государя.

Дворцовый корпусъ набирается изъ трехъ дворцовыхъ знаменъ. Онъ раздѣляется на двѣ дивизіи:

а., Конную, содержащую около 10,000 рядовыхъ съ 120 офицерами. Половина сей дивизіи содержитъ караулы въ разныхъ мѣстахъ дворца; другая половина составляетъ военно-рабочихъ, которые исправляютъ всѣ низкія работы во дворцѣ.

б., Охранную, состоящую изъ 190 офицеровъ и 1200 рядовыхъ. Сія дивизія содержитъ караулы у

Digitized by Google

воротъ внутреннихъ дворцовъ, занимаемыхъ государынею и побочными супругами государя, и сопровождаетъ ихъ въ дорогѣ.

Отборный корпусъ состоитъ изъ 200 офицеровъ и 3800 человѣкъ рядовыхъ, набираемыхъ изъ передоваго корпуса; расположенъ у западныхъ горъ около загороднаго дворца Цинъ-и-юань. Солдаты обучаются владѣть пикою, ружьемъ и саблею, волтижировать и брать города штурмомъ.

Въ Пекинскихъ осьми знаменахъ возрастные, оставшіеся за выборомъ, и малолѣтки способные къ службѣ, помѣщаются въ штатъ кантонистовъ, коихъ считается:

Въ Маньчжурскихъ дивизіяхъ:

получающихъ рисъ	12,664
неполучающихъ риса.	5,428

Въ Монгольскихъ дивизіяхъ:

получающихъ рисъ	3,279
неполучающихъ риса	1,224
Въ Китайскихъ дивизіяхъ	4,815

Послѣдніе не получаютъ риса. На убылое мѣсто кантониста помѣщается малолѣтокъ изъ той же роты, имѣющій около 10 лѣтъ. Ежели въ ротѣ нѣтъ таковыхъ, то выборъ производится по полку, а ежели въ полку нѣтъ, то по дивизіи. Обыкновенно сначала помѣщаютъ на вакансію неполучающаго риса, а сей переводится на мѣсто съ рисомъ.

Маньчжуры, Монголы и Китайцы изъ Маньчжу-

Digitized by Google

ріи, расположенные по губерніямъ, въ совокупности составляютъ гарнизоны, какъ то:

Въ окрестностяхъ Пекина. . . .	8,760
при кладбищахъ.	1,419
въ Шанъ-дунъ.	2,400
— Сань-си.	3000
— Хэ-нань.	1,500
— Цзянъ-су.	6,400
— Цзянъ-си.	7,200
— Фу-цзянь	2,700
— Ху-бэй	8,400
— Шань-си.	6,000
— Гань-су.	24.650
— Сы-чуань.	3,600
— Гуанъ-дунъ.	2,700
— Шенъ-цзинъ	14,250
— Гиринь.	9,300
— Хэ-лунъ-цзянъ.	28,150
офицеровъ	5,500

И того знаменныхъ войскъ, состоящихъ въ дѣйствительной военной службѣ:

а.) Въ Пекинѣ съ окрестностями.	100,038
б.) Кантонистовъ	27,408
в.) Въ гарнизонахъ по имперіи.	135,929
Всего	262,375
Когда сіе число вычтемъ изъ душъ полнаго комплекта въ знаменахъ, то остается до . . .	330,200 67,000

неслужащихъ. Изъ послѣднихъ самая большая часть служитъ по гражданской части, или при разныхъ мелкихъ военныхъ отдѣленіяхъ. Въ семъ же числѣ

Digitized by Google

и пастухи полагаются; но всѣ гражданскіе офицеры изъ военнаго состоянія закономъ обязаны обучаться стрѣлянію изъ лука.

Войска, состоящія изъ природныхъ Китайцевъ, называются войсками зеленаго знамени *Лу-цы-бинъ* потому, что у нихъ знамена зеленаго цвѣта. Они раздѣляются на полевыхъ *Чжань-бинъ*, и гарнизонныхъ *Шеу-бинъ*, содержащихъ внутреннюю стражу по губерніямъ. Первыя состоятъ изъ конницы, вторыя изъ пѣхоты. Число войскъ зеленаго знамени по губерніямъ есть слѣдующее:

Въ Чжи-ли.	62,530
— Шань-дунъ.	20,170
— Сань-си.	25,540
— Хэ-нань.	13,830
— Цзянь-су.	20,790
— Ань-хой.	28,090
— Цзянъ-си.	13,830
— Фу-цзянь.	63,330
— Чже-цзянъ.	39,000
— Ху-бэй.	25,540
— Ху-нань.	35,600
— Шань-си.	43,000
— Гань-су.	52,500
— Сы-чуань.	33,000
— Гуанъ-дунъ.	67,250
— Гуанъ-си.	22,000
— Юнь-нань.	48,300
— Гуй-чжеу.	48,500
При сихъ войскахъ:	
офицеровъ.	8,300
унтеръ-офицеровъ.	8,500
И того	679,600

Digitized by Google

Въ семъ числѣ положены:

а., служащихъ въ 16-ти флотскихъ дивизіяхъ.	88,000
б., служащихъ въ трехъ дивизіяхъ по водяному сплаву. . .	11,000
в., служащихъ въ корпусѣ путей водянаго сообщенія. . . .	15,500
г., служащихъ въ двухъ дивизіяхъ военнопашцевъ	16,500
Всѣхъ войскъ въ имперіи осьми знаменныхъ и зеленаго знамени.	940,530

Военное управленіе.

Въ осьми знаменахъ считается 24 дивизіи. Въ каждой дивизіи есть канцелярія, въ которой производятся письменныя дѣла по внутреннему управленію ротъ. Въ каждой канцеляріи Маньчжурскихъ дивизій присутствуютъ два полковника и по осьми ротныхъ начальниковъ; въ каждой канцеляріи Монгольскихъ дивизій по одному полковнику и по четыре ротныхъ начальника; въ каждой канцеляріи Китайскихъ дивизій по два полковника и по четыре ротныхъ начальника. Въ каждой дивизіи есть дивизіонный начальникъ *Дутхунъ*, и два помощника *Фуду-тхунъ*; въ каждомъ полку есть полковникъ *Цанъ-линъ*; въ каждой ротѣ ротный начальникъ *Цзо-линъ*, поручикъ и пять унтеръ-офицеровъ, исправляющихъ письменныя дѣла по ротѣ. Въ каждой дивизіи есть своя канцелярія, въ которой исправляются письменныя дѣла по корпусу. Рядовые по службѣ подчинены офицерамъ корпуса, въ которомъ служатъ, а по семейственнымъ дѣламъ под-

Digitized by Google

чинены канцеляріи той дивизіи, въ которой родились.

Офицеры, солдаты и непоступившіе въ дѣйствительную службу обязаны о рожденіи сыновей и дочерей донести ротному начальнику для внесенія въ списокъ. Черезъ 10 лѣтъ ротный начальникъ представляетъ объ нихъ списки въ дивизіонную канцелярію. Изъ гарнизоновъ по губерніямъ, также гражданскіе и военные чиновники изъ военнаго состоянія обязаны доносить чрезъ свои начальства. И дивизіонныя и корпусныя канцеляріи руководствуются въ своихъ распоряженіяхъ уложеніемъ, изданнымъ для осьми знаменъ подъ названіемъ: Бпа-ци-цзэ-ли.

Войска зеленаго знамени, расположенныя въ 18 губерніяхъ, раздѣляются на дивизіи *Біио*. Каждый генералъ-губернаторъ и губернаторъ имѣетъ подъ своимъ начальствомъ дивизію войскъ отъ 1500 до 6000 человѣкъ, независимо отъ другихъ военныхъ начальниковъ въ губерніи. Главноуправляющіе путями водянаго сообщенія и водянымъ сплавомъ также имѣютъ свои дивизіи, независимо отъ другихъ военныхъ начальниковъ. Начальникъ дивизіи губернскихъ войскъ *Тъхи-ду* управляетъ всѣми отрядами, на которые его дивизія раздѣлена. Начальники дивизій, расположенныхъ по губерніямъ, въ дѣлахъ по управленію руководствуются уложеніемъ, изданнымъ для войскъ зеленаго знамени, подъ названіемъ *Лу-инъ-цзэ-ли*.

Военная палата управляетъ общими дѣлами по арміи по особливому уложенію, изданному подъ названіемъ: *Бинъ-бу-цзэ-ли*. Выдачею войскамъ жалованья провіанта, пенсій и денежныхъ наградъ завѣдываетъ

Digitized by Google

палата финансовъ, а снабженіе войскъ оружіемъ и разными военными вещами ввѣрено строительной палатѣ.

Вооруженіе войскъ.

Вооруженіе войскъ состоитъ:

1. Изъ латъ и шлема.

Латы бываютъ шелковые и китайчатые, стеганые на ватѣ и усаженные мѣдными пуговичными шляпками, или составлены изъ чешуйчатаго сцѣпленія желѣзныхъ пластинокъ. Шлемъ дѣлается кожаный, или изъ желѣзныхъ листовъ. Латы и шлемъ надѣваютъ только во время парадныхъ смотровъ.

2. Изъ лука и стрѣлъ.

Лучной оставъ дѣлается изъ ильма и обстроганнаго бамбука; длиною въ $3^{7}/_{10}$ фута; внутри выклеивается воловьимъ рогомъ, на лицевой сторонѣ жилами и сверху берестою. Степени упругости въ лукѣ называются *силами*, и зависятъ отъ количества жилъ съ клеемъ. На лукъ отъ одной до трехъ силъ употребляется восемь ланъ жилъ и пять ланъ клея. На лукъ отъ 16 до 18 силъ употребляется 38 ланъ жилъ и 14 ланъ клея. Стрѣлы дѣлаются изъ березоваго или ивоваго дерева длиною въ три фута.

3. Изъ ружей и пушекъ.

Солдатское ружье отливается изъ желѣза; въ длину съ ложею содержитъ $6^{1}/_{10}$ футовъ; заряжается тремя золотниками пороха и пулею вѣсомъ въ золотникъ. Ружейная ложа въ Маньчжурскихъ и Монгольскихъ

Digitized by Google

дивизіяхъ желтая, въ Китайскихъ дивизіяхъ черная, у войскъ зеленаго знамени красная. Разсошки у ружей желѣзныя, вышиною въ футъ. Порохъ на полкѣ зажигаютъ фитилемъ. Пушки разнаго калибра и по большой части мѣдныя, отлитыя католическими миссіонерами. Вѣсъ заряднаго пороха и ядра опредѣляется калибромъ пушки; напримѣръ пушка, называемая *золотой драконъ*, содержитъ въ себѣ вѣса до 370 гиновъ, длиною до 6 футовъ. На зарядъ для нея идетъ пороха до 8 лянъ; ядро вѣсомъ до 16 лянъ.

4. Изъ сабель и проч.

Сабля, вообще употребляемая военными, имѣетъ лезвее въ $2^{9}/_{10}$ фута длиною и $1^{3}/_{10}$ дюймъ въ ширину; ручка длиною въ $4^{1}/_{10}$ дюйма. Есть тесаки, косари, бердыши, топоры и желѣзныя палки; но сіи орудія не имѣютъ общаго употребленія.

5. Изъ копьевъ.

Копье имѣетъ желѣзко длиною въ 1 футъ, а древко въ 10 футовъ; копье, называемое долгое, состоитъ изъ желѣзка въ 9 дюймъ и древка въ 9 футовъ.

6. Изъ рогатокъ и осадныхъ лѣстницъ.

Рогатка имѣетъ брусъ длиною въ 8 футовъ, толщиною въ 4 дюйма. Въ брусѣ восемь поперечинъ въ $5^{1}/_{2}$ футовъ длиною и $1^{1}/_{2}$ дюйма толщиною. Осадная лѣстница содержитъ 22 фута въ вышину и 24 ступени, которыя вверху имѣютъ длины $1^{2}/_{10}$, а внизу 2 фута. Подвигается на чугунныхъ колесахъ, а поднимается двумя желѣзными вилами.

7. Изъ металлическихъ бубновъ, раковинъ и литавръ.

Digitized by Google

Металлическій бубенъ, иначе тазъ *цзинъ*, отливается изъ красной мѣди; наружность имѣетъ ровную; содержитъ $1^1/_2$ фута въ поперечникѣ 2 дюйма въ глубину. Бьютъ въ него колотушкою изъ водянаго камыша (обшитою холстомъ). Въ каждомъ корпусѣ и дивизіи находится извѣстное число большихъ морскихъ раковинъ Хай-ло, ни чѣмъ неоправленныхъ. Литавра *Гу* состоитъ изъ деревяннаго остова, обтянутаго кожею; въ поперечникѣ $1^8/_{10}$ футъ, въ глубину $7^2/_{10}$ дюйма. Подставка на четырехъ ножкахъ въ $3^1/_2$ фута въ вышину. Бьютъ въ нее двумя палочками.

8. Изъ знаменъ и палатокъ.

Знамена корпусныхъ, дивизіонныхъ, полковыхъ и ротныхъ начальниковъ шьются изъ атласа. Цвѣтъ знаменъ соотвѣтствуетъ названію корпуса. Знамена желтое, бѣлое и синее имѣютъ красную, а красное знамя съ каймою имѣетъ бѣлую обкладку—шириною въ 8 дюймовъ; одноцвѣтныя знамена не имѣютъ обкладки. Знаменныя полотнища вообще цѣльныя; вдоль по древку имѣютъ пять, а въ поперечникѣ $5^8/_{10}$ фута. По обкладкѣ и краямъ знаменъ вышито пламя золотистаго цвѣта. Древко бамбуковое, покрытое киноварію и обвитое тростникомъ, имѣетъ въ длину 13 футовъ. На полѣ по полотнищу вышитъ драконъ въ золотыхъ облакахъ. Ротныя знамена безъ шитья по краямъ. На ротныхъ знаменахъ Китайскихъ дивизій вмѣсто дракона представленъ летящій золотой тигръ. Знамена начальниковъ зеленаго знамени имѣютъ косое (клинообразное) полотнище зеленаго цвѣта, съ изображеніемъ змѣя или медвѣдя, летящаго въ золотыхъ облакахъ; вдоль по древку въ 8, а въ поперечникѣ въ $5^8/_{10}$ фута. По краямъ

Digitized by Google

вышито пламя золотистаго цвѣта, а древко красное въ 14 футовъ длиною. Солдатскія палатки двускатныя; шьются изъ бѣлаго плотнаго бумажнаго холста.

Солдаты осьми знаменъ получаютъ отъ правительства оружіе или деньги на покупку его. Оружіе для войскъ зеленаго знамени заготовляется на счетъ казны. Порохъ и пули выдаются предъ ученьемъ въ опредѣленномъ количествѣ. Въ артиллерійскомъ корпусѣ въ Пекинѣ въ каждой дивизіи по пяти фальконетовъ. Въ Маньчжурскихъ гарнизонахъ по губерніямъ вообще полагается по десяти большихъ орудій на 1000 солдатъ. Котлы и палатки выдаются предъ выступленіемъ въ походъ. Офицерамъ 1-го и 2-го класса, также Монгольскимъ князьямъ и Тайцзи 1-го класса по четыре котла и по четыре палатки; офицерамъ отъ 3-го до 6-го класса по три котла и по три палатки; офицерамъ отъ 7-го до 10-го класса по два котла; низшимъ офицерамъ по одному котлу и по одной палаткѣ. Каждымъ четыремъ рядовымъ, пяти милиціонныхъ и десяти служителямъ по одной палаткѣ.

Флотъ.

Для морскихъ войскъ содержатся:

1. Морскія военныя суда, коихъ считается:

Въ Шенъ-цзинѣ	10
— Шань-дунѣ	12
— Цзянъ-нанѣ	158
— Фу-цзянѣ	267
— Чже-цзянѣ	315
— Гуанъ-дунѣ	156
Всего	961

Digitized by Google

2. Рѣчныя военныя суда, коихъ считается:

Въ Цзянъ-нань	417
— Цзянъ-си	49
— Фу-цзянь	155
— Чже-цзянъ	117
— Ху-бэй	86
— Ху-нань	30
— Гуанъ-данъ	275
Всего	1,229

Ученіе.

Войска обучаются военному искуству въ свободное отъ карауловъ, время. Четыре знамени расположенныя въ восточной половинѣ Пекина, обучаются пѣшему стрѣлянію изъ лука 4, 8, 14, 18, 24 и 28 числа, а четыре знамени, расположенныя въ западной половинѣ, обучаются въ 2, 7, 12, 17, 22 и 27 числа. Ученіе начинается съ 20 числа перваго мѣсяца и продолжается до половины 4 мѣсяца. Въ лѣтніе жары ученье прекращается, а вторично начинается съ 16 числа 7-го мѣсяца и продолжается до 20 числа 12-го мѣсяца *. Ружейники обучаются съ 8-го мѣсяца, до новаго года, всего пять мѣсяцовъ. Ученье производится три раза въ мѣсяцъ. Въ каждый разъ берутъ на ученье 200 ружей. Артиллерійскій корпусъ ежегодно упражняется у моста Лугэу-гуао въ 9 мѣсяцѣ отъ 1-го до 5 числа. Привозятъ изъ каждой дивизіи по девяти пушекъ, что составитъ 216 орудій. Изъ каждаго орудія производится по три выстрѣла въ день.

* Въ 1835 году 16 числа 4 мѣсяца было мая 2-го, а 16-е число 7 мѣсяца, было 27 августа.

Digitized by Google

Каждый солдатъ обучается владѣть оружіемъ свойственнымъ его назначенію; но стрѣлянію изъ лука всѣ безъ исключенія обязаны обучаться. Въ Пекинѣ войска раздѣлены на корпуса, изъ коихъ каждый имѣетъ свое назначеніе. Въ губерніяхъ существуютъ для сего другія положенія. Напримѣръ въ губерніи Чже-цзянъ каждая тысяча сухопутныхъ солдатъ дѣлится на 20 равныхъ частей, изъ коихъ одна часть артиллерійстовъ, одна копѣйщиковъ, восемь частей ружейниковъ, шесть частей стрѣльцовъ; двѣ части щитниковъ, двѣ части мечниковъ. Въ губерніи Фуцзянь каждая тысяча сухопутныхъ солдатъ дѣлится на 20 равныхъ частей, изъ коихъ четыре части конныхъ стрѣльцовъ, двѣ части пѣшихъ стрѣльцовъ, десять частей ружейниковъ, одна часть артиллерійстовъ, одна щитниковъ, одна мечниковъ и одна копѣйщиковъ.

Осенью производится смотръ войскъ, сопровождаемый маневрами, представляющими видъ сраженія. Рядовые въ латахъ и шишакахъ становятся въ пять линій. Офицеры назади линій располагаются рядами по классамъ. Въ первой линіи ротные начальники — каждый противъ своей роты, во второй полковники — каждый противъ своего полка, но всѣ пѣшіе; далѣе такимъ же образомъ становятся дивизіонные начальники и помощники ихъ — всѣ на верховыхъ лошадяхъ.

Маневры открываются трубленіемъ въ раковины — сигналомъ къ наступающему сраженію. За симъ слѣдуютъ три выстрѣла изъ вѣстовыхъ пушекъ — сигналъ къ открытію сраженія, команда производится не офицерами, а сигналами. При первомъ ударѣ въ литавру подаютъ знакъ красными знаменами и вой-

Digitized by Google

ся дѣлаютъ залпъ изъ ружей и пушекъ. Такимъ образомъ производятъ девять залповъ, подаваясь послѣ каждаго залпа впередъ на 50 футовъ. На десятомъ приступѣ стрѣляютъ изъ ружей и пушекъ бѣглымъ огнемъ. Послѣ трехъ ударовъ въ тазъ бѣглый огонь прекращается. Въ слѣдъ за симъ конница при общемъ трубленіи въ раковины и сильномъ гикѣ пускается впередъ клиномъ и симъ оканчиваются маневры.

Замѣщеніе убылыхъ мѣстъ.

На высшія офицерскія мѣста Государь самъ назначаетъ, или опредѣляетъ по представленію Военной Палаты. Низшія офицерскія мѣста замѣщаются по уложенію или переводомъ рядовыхъ изъ среднихъ корпусовъ въ другіе; высшіе, или кантонистами той роты, которой убылое мѣсто принадлежитъ. По недостатку людей въ ротѣ, выборъ производится по полку; а по недостатку людей въ полку, выборъ дѣлается по дивизіи. Въ войскахъ зеленаго знамени на мѣста кавалеристовъ помѣщаютъ полевыхъ, на мѣста полевыхъ берутъ изъ гарнизоновъ; въ гарнизоны помѣщаютъ своихъ подростковъ, а при недостаткѣ въ подросткахъ дозволяется принимать изъ разночинцевъ. Замѣщеніе убылыхъ мѣстъ и офицерскихъ и солдатскихъ производится съ точнымъ соблюденіемъ изданныхъ по сему предмету постановленій.

Содержаніе войскъ.

Содержаніе войскъ раздѣляется на двѣ статьи, одна другой противоположныя. Войска осьми знаменъ имѣютъ большое преимущество предъ войсками зеленаго знамени.

Digitized by Google

Въ войскахъ семьи знаменъ считаются всѣ князья, всѣ гражданскіе и военные чиновники, по рожденію принадлежащіе къ знаменамъ. Такимъ образомъ штатъ военныхъ заключаетъ въ себѣ не однихъ офицеровъ и солдатъ, находящихся въ дѣйствительной службѣ.

Жалованье, производимое офицерамъ въ столицѣ, раздѣляется на статьи, какъ-то:

а., Жалованье князьямъ императорскаго дома:

Князю 1-й степени.	10,000 лянъ.
Наслѣднику его.	6,000 —
Князю 2-й степени	5,000 —
Наслѣднику его	3,000 —
Князю 3-й степени	2,500 —
Князю 4-й степени	2,300 —
Князю 5-й степени	700 —

Жалованье князьямъ низшихъ шести степеней постепенно нисходитъ отъ 500 до 110 лянъ. На каждый лянъ серебра производится еще по полумѣшку риса. * Князь 1-й степени получаетъ 5000 мѣшковъ риса и т. д.

б., Жалованье царевнамъ и княжнамъ: **

Законной царевнѣ.	400 лянъ.
Мужу ея.	360 —
Побочной царевнѣ.	300 —
Мужу ея.	250 —

Жалованье княжнамъ постепенно нисходитъ отъ 160 до 30 лянъ. Жалованье мужьямъ ихъ постепенно

* Мѣшокъ содержитъ въ себѣ 5 п. 32 ф.

** Царевнами называются дочери царствующаго государя, а княжнами дочери князей.

Digitized by Google

нисходитъ отъ 100 до 40 лянъ. На каждый лянъ серебра производится по полумѣшку риса.

в., Жалованье офицерамъ, имѣющимъ наслѣдственныя достоинства: Гунъ, хэу, бо, цзы нань постепенно нисходитъ отъ 700 до 80 лянъ. На каждый лянъ серебра производится по полумѣшку риса.

г., Жалованье гражданскимъ чиновникамъ изъ военнаго состоянія:

Чиновнику 1 и 2 класса.	180	лянъ
3 — 4 — —	155	—
5 — 6 — —	130	—
7 — 8 — —	105	—

далѣе, жалованье чиновникамъ отъ 9 до 14 класса постепенно нисходитъ отъ 80 до 45 лянъ. Но гражданскіе чиновники, служащіе въ Пекинѣ, получаютъ двойное жалованье: настоящее и прибавочное; сверхштатные чиновники получаютъ одно настоящее жалованье по чину. На каждый лянъ настоящаго жалованья производится по полумѣшку риса.

д., Жалованье военнымъ чиновникамъ осьми знаменъ въ Пекинѣ:

Жалованье офицерамъ также какъ и гражданскимъ чиновникамъ. Прибавочнаго они не получаютъ: на каждый лянъ серебра производится имъ по полумѣшку риса.

е., Жалованье солдатамъ въ Пекинѣ по мѣсячно выдаваемое:

Гвардейцу и унтеръ-офицеру. . . .	4	лана.
Артиллерійсту и мастеровому. . . .	3	—

Digitized by Google

Унтеръ-офицеру пѣхотнаго корпуса и артиллерійскому ученику. . . . . 2 лана.
Пѣхотному и кантонисту . . . . . 1½ —
Гвардейцу изъ краснопоясныхъ. . . 5 —

Рисомъ производится:

Всѣмъ солдатамъ осьми знаменъ въ годъ по . . . . . 22 мѣш.
Артиллерійстамъ по . . . . . 27⁶/₁₀ —

ж., Жалованье офицерамъ зеленаго знамени въ годъ:

Офицеру 2-го класса . . . . . 81 лянъ.
— 3-го — . . . . . 67 —

далѣе, постепенно нисходитъ отъ 53 до 12 лянъ. Но имъ еще производится на дрова, свѣчи и проч., какъ-то:

Офицеру 2-го класса (тьхи-ду) . . . 880 лянъ.
далѣе постепенно нисходитъ до . . . 100 —

з., Жалованье солдатамъ зеленаго знамени, ежемѣсячно производимое:

Конному . . . . . 2 лана.
Фронтовому . . . . . 1½ —
Гарнизонному . . . . . 1 —
Риса каждому по 1 гарнцу въ сутки *.

Расходы по содержанію войскъ не ежегодно бываютъ одинаковы. По отчетамъ 1812 года вышло:

На содержаніе осьми знаменъ въ Пекинѣ:
серебромъ . . . 5,951,478 лянъ.
рисомъ . . . . 3,022,269 мѣш.
На содержаніе гарнизоновъ въ губерніяхъ:
серебромъ . . . 5,151,888 лянъ.
хлѣбомъ . . . . 920,168 —

* На каждаго 3½ мѣшка въ годъ.

Digitized by Google

На содержаніе войскъ зеленаго знамени:

серебромъ . . .	12,089,148	лан.
рисомъ	1,666,239	мѣш.
на столъ офицерамъ .	1,353,697	лан.
— содержаніе канцелярій	246,674	—
Всего серебромъ .	24,792,885	—
На Росс. ассигнаціи .	173,550,195	—
рисомъ и хлѣбомъ . .	5,608,676	мѣш.

Примѣч. Въ семъ числѣ полагается:

На содержаніе войскъ въ Или до 5 м. руб.
въ Тибетѣ до 2 —
въ Маньчжуріи отъ 7 до 10 —

Наказъ для военнодѣйствующей арміи, изданный въ 1731 году на основаніи прежнихъ военныхъ положеній.

1. Въ продолженіе сраженія должны всѣ слушать приказаній, объявляемыхъ боемъ въ литавры и тазы. Кто по бою въ литавры не пойдетъ впередъ, а по бою въ тазъ не остановится, тому отсѣчь голову *.

2. При наступленіи на непріятеля, кто оглянется назадъ, и отъ робости скажетъ другому что нибудь, тому отсѣчь голову.

3. Приставленные къ литаврамъ и тазамъ по полученіи приказа немедленно должны объявлять оный боемъ, и прекратить бой по первому же приказанію. За неисполненіе знаменному солдату дать 40 ударовъ плетью, а солдату зеленаго знамени 30

* Надобно подразумѣвать исполненіе сей казни по окончаніи военнаго суда.

Digitized by Google

ударовъ палкою; за неисполненіе, учиненное во время сраженія, отсѣчь голову.

4. Если объявитель тайныхъ приказовъ главнокомандующаго самовольно прибавитъ къ онымъ что нибудь, или убавитъ, или выдумаетъ что либо похожее на приказъ, отсѣчь ему голову.

5. Кто тайныя приказанія главнокомандующаго по арміи сообщитъ постороннимъ, и чрезъ сіе открытіе повредитъ плану военныхъ распоряженій, тому отсѣчь голову.

6. Офицеру и солдату, убившему или ранившему безвиннаго, чтобъ выдать это за услугу, отсѣчь голову.

7. Кто чужую военную услугу выдастъ за свою, или увеличитъ маловажную услугу, тому отсѣчь голову.

8. Кто въ походѣ будетъ притѣснять народъ и инородцевъ, и, надѣясь на силу, подъ предлогомъ покупки отнимать имущество, разламывать домы, насиловать женъ и дѣвицъ, тому отсѣчь голову.

9. Кто вымышленными внушеніями духовъ въ сновидѣніи будетъ возмущать другихъ, тому отсѣчь голову.

10. Если солдатъ въ походѣ заразится какою либо болѣзнію, то унтеръ-офицеръ обязанъ освидѣтельствовать его и донесть по начальству, а начальствующій предписать лекарю пользовать больнаго. Если же не освидѣтельствуютъ и непредпишутъ пользовать, то унтеръ-офицеры подвергаются тѣлесному наказанію. Ежели рядовый ложно скажется боль-

Digitized by Google

нымъ, чтобъ уклониться отъ сраженія, отсѣчь ему голову.

11. Кто подкравшись къ ставкѣ главнокомандующаго, подслушаетъ тайныя его совѣщанія съ прочими о военныхъ дѣлахъ, тому отсѣчь голову.

12. Если отряженный для развѣдываній по робости не поѣдетъ и ложно донесетъ, что ѣздилъ; или развѣдаетъ невѣрно, и чрезъ то повредитъ плану военныхъ распоряженій, отсѣчь ему голову.

13. Кто пойманной лошади не возвратитъ хозяину, и самъ будетъ ѣздить на ней, то знаменному солдату дать 50 ударовъ плетью, а солдату зеленаго знамени 40 ударовъ палкою, и сверхъ сего провести по лагерю съ продѣтою въ ухо стрѣлою. Кто пойманную лошадь заколетъ или продастъ другимъ, тому отсѣчь голову.

14. Кто предъ самымъ сраженіемъ украдетъ лошадь и скроется, тому отсѣчь голову и выставить ее на показъ. Кто учинитъ сіе въ лагерѣ, то знаменному солдату дать сто ударовъ плетью, а солдату зеленаго знамени 80 ударовъ палкою.

15. Въ лагерѣ должны по очередно содержать караулъ, и строго смотрѣть. Если ночью случится что либо, въ тоже время обстоятельно донести начальству для принятія мѣръ осторожности.

16. Кто будетъ роптать и кручиниться, за сіе знаменному солдату дать 70 ударовъ плетью, а солдату зеленаго знамени 60 ударовъ палкою. Кто послѣ наказанія опять будетъ тоже дѣлать особенно предъ сраженіемъ, тому отсѣчь голову.

Digitized by Google

17. Кто въ темную ночь отъ испуга и даже безъ причины закричитъ и опрометью побѣжавъ приведетъ прочихъ въ смятеніе, тому отсѣчь голову. Кто сдѣлаетъ это во время дня, то знаменному солдату дать за то 50 ударовъ плетью, а солдату зеленаго знамени 40 ударовъ палкою.

18. Кто изъ рядовыхъ, лично принимая приказаніе отъ начальствующаго офицера, окажетъ неуваженіе къ нему, то знаменному солдату дать 50 ударовъ плетью, а солдату зеленаго знамени 40 ударовъ палкою. Кто съ намѣреніемъ не исполнитъ приказанія, и чрезъ то повредитъ плану военныхъ распоряженій, тому отсѣчь голову.

19. Кто по неосторожности обронитъ огонь, и сожжетъ запасное сѣно (солому просяную), то знаменному солдату дать за то 100 ударовъ плетью, а солдату зеленаго знамени 80 ударовъ палкою. Кто сдѣлаетъ это въ виду непріятеля, тому отсѣчь голову.

20. Кто обронивъ огонь, сожжетъ платье и оружіе, то знаменному солдату дать за то 50 ударовъ плетью, а солдату зеленаго знамени 40 ударовъ палкою. Кто обронитъ огонь недалеко отъ ящиковъ съ порохомъ, то знаменному солдату дать 100 ударовъ плетью, солдату зеленаго знамени 80 ударовъ палкою; начальствующаго же унтеръ-офицера провести по лагерю съ продѣтою въ ухо стрѣлою. Кто предъ сраженіемъ обронитъ огонь въ арміи, и чрезъ то произведетъ замѣшательство въ военныхъ дѣйствіяхъ, то и унтеръ-офицеру и солдату отсѣчь голову.

21. Кто, будучи пробужденъ испугомъ спящаго подлѣ него солдата, отзовется на его голосъ, и произведетъ тревогу въ лагерѣ; то знаменному сол-

Digitized by Google

дату дать 70 ударовъ плетью, солдату зеленаго знамени 60 ударовъ палкою, а старшаго унтеръ-офицера провесть по лагерю съ продѣтою въ ухо стрѣлою. Если же сдѣлаютъ это въ виду непріятеля, обоимъ отсѣчь голову.

22. Если часовый, стоящій въ лагерныхъ воротахъ, допуститъ кого либо самовольно войти въ лагерь; то знаменному солдату дать 70 ударовъ плетью, а солдату зеленаго знамени 60 ударовъ палкою. Если же сдѣлаютъ это въ виду непріятеля, то отсѣчь голову.

23. Если посланные для развѣдываній, встрѣтивъ сдающихся мятежниковъ, не донесутъ; то знаменному солдату дать 70 ударовъ плетью, а зеленаго знамени 60 ударовъ палкою. А если при семъ случаѣ откроютъ непріятелю положеніе арміи, то судятся какъ за открытіе военныхъ распоряженій.

24. Кто вопреки запрещенію главнокомандующаго устремится грабить обозъ разбитаго непріятеля; тѣхъ провести по лагерю съ продѣтою въ ухо стрѣлою. Если же при семъ случаѣ произведутъ замѣшательство въ войскѣ, то отсѣчь голову.

25. Кто надѣясь на силу, будетъ обижать слабыхъ, или пьяный выйдетъ изъ повиновенія, то за маловажный поступокъ наказать плетью, а за важный провести по лагерю съ продѣтою въ ухо стрѣлою.

26. Запрещается засаривать выкопанные въ лагерѣ колодцы, и затаптывать лопадьми водопойные ключи. За нарушеніе сего запрещенія знаменному

Digitized by Google

солдату дать 100 ударовъ плетью, а солдату зеленаго знамени 80 ударовъ палкою.

27. Кто при препровожденіи обоза не будетъ соблюдать должнаго порядка, и въ дорогѣ растеряетъ провіантъ; то знаменному солдату дать 100 ударовъ плетью, солдату зеленаго знамени 80 ударовъ палкою, а начальствующему унтеръ-офицеру продѣть стрѣлу въ ухо.

28. Если солдаты пойдутъ не колоннами, а разсыпавшись по сторонамъ дороги потопчутъ траву, то знаменному солдату дать 100 ударовъ плетью, а солдату зеленаго знамени 80 ударовъ палкою. Кто во время становленія лагеря пуститъ скотъ въ луга и потопчетъ траву, то знаменному солдату также дать 100 ударовъ плетью, а солдату зеленаго знамени 80 ударовъ палкою; сверхъ сего провести ихъ по лагерю съ продѣтою въ ухо стрѣлою; начальствующему же унтеръ-офицеру продѣть стрѣлу въ ухо.

29. Если солдаты, препровождающіе провіантъ для войскъ, въ дорогѣ похитятъ часть онаго, или похитятъ провіантъ своихъ товарищей, или утратятъ хлѣбные мѣшки; то знаменному солдату дать 100 ударовъ плетью, а солдату зеленаго знамени 80 ударовъ палкою.

30. Кто не крѣпко привяжетъ колчанъ, сайдакъ и саблю, и потеряетъ что нибудь изъ этихъ вещей, или не будетъ при себѣ имѣть нужное оружіе; то знаменному солдату дать 100 ударовъ плетью, солдату зеленаго знамени 80 ударовъ палкою; унтеръ-офицеру охраннаго корпуса дать 40 ударовъ плетью, унтеръ-офицеру зеленаго знамени 80 ударовъ пал-

Digitized by Google

кою, низшимъ офицерамъ продѣть стрѣлу въ ухо.

31. Солдатъ, увидя на дорогѣ стрѣлу или тесакъ, долженъ поднять, и, донесши начальствующему офицеру, возвратить кому слѣдуетъ. Если же не подниметъ, или поднявши не возвратитъ, то знаменному дать 40 ударовъ плетью, а солдату зеленаго знамени 30 ударовъ палкою; сверхъ сего провести по лагерю съ продѣтою въ ухо стрѣлою.

32. Кто для маловажнаго дѣла самовольно поскачетъ на лошади, то знаменному солдату дать 50 ударовъ плетью, а солдату зеленаго знамени 40 ударовъ палкою.

33. Солдаты должны идти колоннами, и задняя колонна не должна обходить переднюю. За нарушеніе сего знаменному солдату дать 50 ударовъ плетью, а солдату зеленаго знамени 40 ударовъ палкою, и сверхъ сего провести по лагерю съ продѣтою въ ухо стрѣлою.

34. Какъ скоро лагерь будетъ поставленъ, то изъ каждой палатки высылать по одному человѣку, которые должны при поднятіи синяго знамени идти за дровами, а при поднятіи чернаго знамени идти за водою. Выходящихъ изъ лагеря по нуждѣ, караулъ, стоящій при воротахъ, долженъ и выпускать и обратно впускать по билетамъ. По пробитіи стражи (зари) ни кого, кромѣ идущихъ по службѣ, не выпускать изъ лагеря. За нарушеніе сего знаменному солдату дать 40 ударовъ плетью, солдату зеленаго знамени 30 ударовъ палкою; унтеръ-офицерамъ за слабое смотрѣніе продѣвать стрѣлу въ ухо.

35. Кто въ ночи нерадиво будетъ разносить во

Digitized by Google

енныя приказанія, или находясь въ карауль, будетъ спать въ будкѣ и пропуститъ пай и очередь; то знаменному солдату дать 100 ударовъ плетью, а солдату зеленаго знамени 80 ударовъ палкою; старшему въ отрядѣ за несмотрѣніе и недонесеніе знаменному солдату дать 50 ударовъ плетью, солдату зеленаго знамени 40 ударовъ палкою. Если же это сдѣлано будетъ предъ сраженіемъ, то отсѣчь голову.

36. Если солдатъ будетъ грубо и дерзко поступать предъ начальствующимъ офицеромъ, то провесть его по лагерю съ стрѣлами, продѣтыми въ ухо и въ ноздрю.

37. Кто по неосторожности подмочитъ порохъ до того, что не можетъ загораться, или по разсѣянности разсыплетъ, или по пустому будетъ употреблять его въ большомъ количествѣ; то знаменному солдату дать 50 ударовъ плетью, а солдату зеленаго знамени 40 ударовъ палкою; унтеръ-офицера зеленаго знамени провесть по лагерю съ продѣтою въ ухо стрѣлою. Если же кто потеряетъ порохъ, то знаменному солдату дать 100 ударовъ плетью, солдату зеленаго знамени 80 ударовъ палкою; унтеръ-офицера зеленаго знамени водить по лагерю съ двумя стрѣлами, продѣтыми въ уши.

38. Пули должны быть вылиты въ мѣру ружейнаго дула. Если же будутъ не въ мѣру, то въ обыкновенное время знаменному солдату дать 50 ударовъ плетью, солдату зеленаго знамени 40 ударовъ палкою, и сверхъ сего провесть по лагерю съ продѣтою въ ухо стрѣлою; унтеръ-офицера только провесть по лагерю съ продѣтою въ ухо стрѣлою, а

Digitized by Google

низшимъ офицерамъ продѣть стрѣлу въ ухо. А кто во время сраженія будетъ употреблять пули не въ мѣру ружейнаго дула, то солдату немедленно отсѣчь голову. Знаменному старшему унтеръ-офицеру дать 100 ударовъ плетью, унтеръ-офицеру зеленаго знамени 100 ударовъ палкою, низшихъ офицеровъ провести по лагерю съ продѣтою въ ухо стрѣлою; высшимъ офицерамъ сдѣлать одно замѣчаніе въ большомъ проступкѣ.

39. Кто лошадей и верблюдовъ пуститъ на пастбище, не выдержавъ до назначеннаго приказомъ времени; то знаменному солдату дать 100 ударовъ плетью, солдату зеленаго знамени 80 ударовъ палкою; начальствующимъ офицерамъ продѣть стрѣлу въ ухо.

40. По дорогѣ нашедши на ключь, должны поить лошадей по порядку одну за другою, а наперерывъ не тѣснить другъ друга. Кто съ намѣреніемъ преступивъ сіе, затопчетъ или возмутитъ ключь, то знаменному солдату дать 100 ударовъ плетью, солдату зеленаго знамени 80 ударовъ палкою.

Въ 1740 году еще прибавлены три слѣдующія статьи, относящіяся до главнокомандующихъ:

1. Если главнокомандующій, пренебрѣгая военными дѣлами для собственнаго спокойствія, съ намѣреніемъ будетъ медлить, не точно доносить государю о военныхъ происшествіяхъ, и чрезъ то повредитъ государственному дѣлу; то немедленно (т. е. по окончаніи суда) отсѣчь ему голову.

2. Если главнокомандующій по личному неудовольствію или изъ зависти къ кому либо изъ своихъ

Digitized by Google

военачальниковъ остановитъ военныя дѣйствія и чрезъ то, истративъ провіантъ и уронивъ духъ въ войскахъ, разстроитъ планъ военныхъ дѣйствій, то немедленно отсѣчь ему голову.

3. Если начальствующій надъ войскомъ, будучи не въ силахъ преодолѣть непріятеля, предпріиметъ обвинять въ этомъ другихъ и, ложными слухами уронивъ духъ въ войскахъ, разстроитъ планъ военныхъ дѣйствій; то немедленно отсѣчь ему голову.

ЮЛКИНЪ ВИЧУРИНЪ.

Digitized by Google

V.

КОЛОКОЛЪ.

(Разсказъ е-жи Дебордъ-Вальморъ.)

—

Великолѣпная процессія проходила однажды по улицамъ Перта и Дунди. Аббаты шли подъ богатыми, вызолоченными балдахинами, пѣвчіе пѣли, кадильницы курились. Моряки благоговѣйно несли флаги и значки, окропленные священною водою. Тысячи зажженыхъ свѣчь горѣли въ рукахъ поклонниковъ, стекшихся со всѣхъ сторонъ, молить Св. Антонія, покровителя тѣхъ, которые ввѣряются бурному океану.

Пока процессія приближалась къ берегу, на нее сыпались со всѣхъ сторонъ деньги изъ рукъ зрителей, которые, изъ окошекъ, смотрѣли съ благоговѣніемъ на великолѣпное шествіе. Мальчики, одѣтые херувимами, собирали деньги, подставляя серебряныя свои блюда; серебро звучало подъ частыми приношеніями благочестивыхъ душъ.

Цѣлый день, торжественная процессія переходила изъ улицы въ улицу, и къ вечеру, увеличилась сумма, пожертвованная обоими городами. Вездѣ, милостыня предупреждала молитву; ибо вездѣ, почти

Digitized by Google

каждое семейство оплакивало погибель родственника или друга, претерпѣвшаго крушеніе близъ утеса, который, какъ страшный великанъ, возвышался у входа въ Тейскій проливъ.

Не богатая толпа знала, что деньги, такимъ образомъ собранныя, будутъ употреблены правительствомъ на выполненіе проэкта одного изъ самыхъ умныхъ Пертскихъ моряковъ. Небогатая толпа отказывала себѣ въ насущномъ хлѣбѣ, желая содѣйствовать великому дѣлу, которое породитъ благодѣянія въ будущемъ; бѣднякъ тоже мечтаетъ о будущности. Хотѣли поставить огромный колоколъ на опасномъ утесѣ, такъ, чтобы незначительный вѣтеръ могъ зарождать въ немъ звуки и издалека предупреждать моряковъ о тайной опасности и страшномъ сосѣдствѣ утеса.

Молодой капитанъ Андрю Элисъ такъ хорошо изложилъ свой планъ передъ изумленнымъ совѣтомъ, что думали только о средствахъ, какъ бы привести въ исполненіе выдумку, которая могла отдалить опасность.

Собрали деньги, сочли и отдали на сохраненіе; сумма превышала издержки, необходимыя на выполненіе намѣреній молодаго капитана. Въ другомъ совѣтѣ рѣшили, что Андрю Элисъ немедленно отправится въ Амстердамъ и тамъ купитъ колоколъ у одного богатаго заводчика. По увѣренію молодаго капитана, Голландецъ Фанъ-деръ-Макдинъ владѣлъ чудеснѣйшимъ колоколомъ, именно такимъ, какой былъ нуженъ по величинѣ и звуку.

Немедленно всѣ жители проводили Андрю Элиса до берега, осыпая его благословеніями. Онъ сѣлъ на корабль, взялъ довѣренныя ему деньги и совершилъ переѣздъ счастливо. Онъ уже нѣсколько разъ бывалъ

Digitized by Google

въ Амстердамѣ, жилъ въ дружбѣ съ заводчикомъ Фанъ-деръ-Маклиномъ, и частоважный, живой и быстрый характеръ Англичанина возбуждалъ похвалы весьма лестныя, въ устахъ флегматическаго наблюдателя. Они провели нѣсколько вечеровъ вмѣстѣ, пили вмѣстѣ возбудительный нектаръ, въ дыму мечтательныхъ трубокъ. Въ такой симпатіи, почти безгласной, богатый заводчикъ не разъ жалѣлъ, что у него нѣтъ такого сына, какъ Андрю Элисъ. Фанъ-деръ-Маклинъ былъ вдовъ и такъ старъ, что не могъ уже думать о второй женитьбѣ, а у него была только одна дочь. Ей наступили тѣ года, когда молодыя наслѣдницы возвращаются въ родительскій домъ и принимаются за домашнія хлопоты. До тѣхъ поръ, Андрю Элисъ никогда не видалъ прелестной Катерины.

— Такъ, господинъ Элисъ, сказалъ Фанъ-деръ-Маклинъ, сидя на полу въ своемъ магазинѣ, вы покупаете знаменитый колоколъ, изъ Утрехта, и хотите поставить его на вершинѣ проклятаго утеса? Да! мы часто объ этомъ говаривали, по вечерамъ, во время отдохновеній, не такъ ли? Такъ вы тогда замышляли объ этомъ славномъ дѣлѣ, которое похититъ у меня колоколъ? Хорошо! Я самъ, какъ вы знаете, пострадалъ отъ этого утеса. Однакожъ, я опять разбогатѣлъ, и прошу Св. Антонія, да и всѣ другіе разбогатѣютъ, какъ я..... Но цѣна будетъ высока; такъ и должно быть, вѣдь колоколъ, клянусь вамъ, необыкновеннаго вѣса!

— Мы готовы заплатить вашу цѣну, мейстеръ Фанъ-деръ-Маклинъ.

— Однакожъ, для такого добраго дѣла и для такой святой цѣли, не одни вы будете щедры, и я хочу вамъ помочь. Ничего не возьму за превосходную отдѣлку, вы заплатите только за металлъ. Такую цѣну дастъ мнѣ, въ продолженіе четырехъ мѣсяцовъ, Жидъ Эзау, да я ему все отказывалъ. Не прошу того, что

Digitized by Google

онъ запросилъ бы съ васъ; заплатите мнѣ только то, что скупецъ мнѣ даетъ, разница безмѣрная! Есть ли у васъ десять тысячъ гильдеровъ?

— Есть, и даже больше!

— Больше не нужно! Повторяю вамъ, что самъ хочу участвовать въ добромъ дѣлѣ. Жидъ! Клянусь Богомъ, что Жиду не достался бы мой колоколъ!... Онъ не зазвонитъ ни для его кошелька, ни для упокоя души его! Довольны ли вы?... Берите колоколъ, дѣло слажено!

— Кончено! Наши аббаты поблагодарятъ васъ молитвами, за ваше великодушіе, мейстеръ Фанъ-деръ-Маклинъ.

— Лучше, пусть благодарятъ меня добрые моряки. Мы заключили торгъ: теперь пойдемъ ко мнѣ, закуримъ трубки, и вы познакомитесь съ дочерью моею Катериною Миньонъ.

Въ то время Андрю Элису было двадцать шесть лѣтъ. Ростъ его былъ довольно хорошій; самъ онъ казался красивымъ мужчиной; его откровенность и благородство доставляли ему любовь всѣхъ тѣхъ, кто хоть разъ его видѣлъ. Обращеніе его, какъ и всѣхъ моряковъ, было крутое, но не обидное; глаза его, выражавшіе всю его душу, были проницательны, какъ орлиные. При первомъ свиданіи его съ дочерью Голландца, и онъ и она подумали, что сама судьба свела ихъ, и хочетъ ихъ соединить. Съ этой минуты они полюбили другъ друга, но не такъ, какъ любятъ другіе, робко, осторожно и неловко, а съ пылкостію и смѣлостію, которыхъ нельзя описать. Они сказали между собою, на этотъ разъ, не болѣе одного слова; тоже случилось и въ другіе разы; гово-

Digitized by Google

рили ихъ глаза, не болѣе, но глаза знали языкъ ихъ душъ.

Колоколъ перетащили на корабль. Корабль, окрыленный всѣми парусами, три раза покачнулся подъ тяжелою ношею. Деньги заплачены, экипажъ готовъ, Андрю Элисъ не можетъ откладывать отъѣзда, однакожъ откладываетъ: онъ чувствуетъ, что сердце у него разорвется, отъ одной мысли, что надобно разстаться съ Катериною. Теперь, во всемъ мірѣ, она только одна нужна ему! Когда корабль выходилъ изъ порта, Катерина чувствовала приближеніе смерти; перестала бы дышать, еслибъ не хотѣла слѣдовать за нимъ глазами, и когда бѣлый парусъ, съ распущеннымъ флагомъ, не видѣлся уже въ воздухѣ, какъ чайка въ тучѣ, она упала на постель, зарыдала, и потомъ лишилась чувствъ. Сердце ея превратилось въ горящій уголь; она возвратилась къ жизни, горѣла и таяла въ одно время. Любовь очень страшна!

Пока корабль бѣжалъ подъ распущенными парусами, Андрю Элисъ проводилъ цѣлые часы въ одномъ занятіи: нагнувшись къ водѣ, закрывъ лице руками, улетая душою въ неизмѣримую даль, онъ искалъ въ лучахъ дня или въ веселыхъ звѣздахъ прелестныя черты Катерины Миньонъ.

Прошло два мѣсяца со дня пріѣзда. Андрю Элисъ, съ прилива до отлива занятый прелестнымъ личикомъ, могъ однакожъ прилежно смотрѣть за работами на утесѣ.

Дѣло быстро подвигалось впередъ. Скоро разнесся слухъ о новомъ торжествѣ: на этотъ разъ назначалась процессія на морѣ, съ музыкою, флагами и фиміамомъ.

Въ тихое, ясное лѣтнее утро, аббаты, монахи,

Digitized by Google

пѣвчіе, со всѣми важными лицами Перта и Дунди, отправились съ Абербротвикскаго берега, на открытыхъ лодкахъ съ малыми парусами, подъ священными и аллегорическими флагами, разрисованными, шитыми, съ народными или священными девизами. Божественная гармонія разливалась по водѣ, а легкія лодки, тѣсно сжатыя одна съ другою, казались изданы летучимъ мостомъ. Торжественные гимны, пѣтые дѣвственными голосами и церковниками, раздавались тамъ, куда прежде ничей звукъ не достигалъ.

Андрю Элисъ, въ сопровожденіи четырехъ человѣкъ, которые должны были повѣсить колоколъ, взобрался на утесъ, въ виду разстроганной толпы. Черезъ часъ, который прошелъ въ ожиданіяхъ и молитвахъ, посредствомъ веревокъ и колесъ, кои дѣйствовали, какъ могутъ дѣйствовать только руки, управляемыя разумомъ, колоколъ медленно поднялся среди подставокъ, вставленныхъ въ обширные бока утеса; раздалось благословеніе посреди волнъ фиміама и цвѣточныхъ вѣнковъ.

Цвѣты, какъ небесный дождь, падали на море и покрыли все пространство около утеса, на которомъ не было ни травы, ни даже моху. Святая вода, смѣшанная съ благовонными облаками, вылетавшими изъ кадильницъ, оросила колоколъ, предоставленный, на будущее время, омовеніямъ соленыхъ валовъ.

Пока пѣснопѣнія подымались къ небу съ живѣйшею благодарностію, вихрь ворвался въ колоколъ и звуки его раздались громко. Печальный звонъ послужилъ знакомъ къ скорому отъѣзду, ибо давалъ торжественно знать, что вѣтеръ скоро перемѣнится и сосѣдство утеса сдѣлается опаснымъ. Въ самомъ дѣлѣ, не большія бѣлыя тучки, извѣстныя у моряковъ подъ именемъ цвѣтковъ бури, быстро пронеслись по воздуху. Процессія поспѣшила въ Абербротвикъ и

Digitized by Google

успѣла во время выйти на берегъ; черезъ часъ весь берегъ былъ потопленъ. Море, съ бѣшенствомъ и шумомъ, возстало на звучнаго сторожа, какъ бы желая низвергнуть его въ свои бездны; но колоколъ свято исполнялъ свое дѣло, звуча громче бури.

Огромный колоколъ безпрерывно звонилъ, хотя около него вились только чайки и водорѣзы. Эти птицы со страхомъ отвѣчали на неизвѣстный имъ языкъ, которымъ жители одарили утесъ. По быстрому ихъ полету около страшнаго голоса, можно было подумать, что онъ мѣшаетъ имъ спускаться на утесъ, нерѣдко служившій имъ убѣжищемъ во время прилива.

Наконецъ Андрю Элисъ вздохнулъ свободно. Колоколъ повѣшенъ; дѣло его кончено. Капитанъ чувствовалъ, что возвращенъ свободѣ. На слѣдующее утро, онъ скрылся отъ изъявленій всеобщей радости и пировъ, приготовляемыхъ многими семействами и на которыхъ имя его произносили съ восторгомъ; онъ полетѣлъ душою, на кораблѣ своемъ, къ берегамъ Голландіи.

Скоро нога его задрожала у порога дома г-на Фанъ-деръ-Маклина; скоро остался онъ, въ первый разъ, наединѣ съ предметомъ своихъ мечтаній. На этотъ разъ, они начали говорить, разговаривать, услышали голосъ другъ друга; на этотъ разъ, они размѣнялись обѣтами на жизнь и смерть; будущность стала для нихъ вѣчностію, а Фанъ-деръ-Маклинъ не замѣтилъ даже, что они смотрятъ другъ на друга. Онъ думалъ, что молодой морякъ, по бѣдности своей, не посмѣетъ имѣть видовъ на его дочь, богатую наслѣдницу; но онъ внезапно разочаровался, когда Элисъ, въ довѣрчивомъ благородствѣ души, сказавъ ему, что уважаетъ его какъ роднаго отца, сталъ просить у не-

Digitized by Google

го руки Катерины Миньонъ. При такой неожиданной дерзости, лице Голландца покрылось краскою; послѣ минутнаго молчанія, удержавъ гнѣвъ свой, онъ сказалъ Элису:

— Г-нъ Андрю Элисъ, когда человѣкъ намѣревается жениться, онъ обязанъ сказать, что у него есть и можетъ ли онъ содержать жену прилично. Посмотримъ ваше богатство; сомнѣваюсь, чтобы вы могли содержать дочь мою въ сладкомъ довольствѣ, къ которому она привыкла въ отцовскомъ домѣ. Привычка побѣждаетъ природу, г-нъ Элисъ. Женщина, привыкшая къ бархату, не станетъ ходить въ грубой саржѣ. Посмотримъ; докажите мнѣ, что вы богаты, какъ я; тогда я отдамъ за васъ дочь мою.

Андрю Элисъ почувствовалъ въ сердцѣ тоску, которую легко пойметъ всякой человѣкъ гордый и влюбленный; въ то же время онъ понималъ, что эта строгая рѣчь весьма основательна. Потому онъ рѣшился убѣждать старика доводами разума, и быстро отвѣчалъ ему:

— Я молодъ, г-нъ Фанъ-деръ-Маклинъ, а вы уже стары. Въ мои лѣта, были ли вы такъ богаты, какъ теперь? Неужели считаете меня глупцемъ, и не надѣетесь, чтобъ я въ ваши лѣта разбогатѣлъ, какъ вы?

— Ваше разсужденіе мнѣ нравится, капитанъ; надѣюсь, что и мое насъ не поссоритъ. Не требую отъ васъ богатства, равнаго моему, но требую приданаго, равнаго тому, какое я самъ заплатилъ за право быть отцемъ Катерины, когда женился на ея матери.

— Такъ скажите же цѣну этого приданаго, чтобы я сказалъ, при какой суммѣ можно осмѣлиться просить у васъ руку дочери?

Digitized by Google

— Принесите мнѣ двѣнадцать тысячъ гильдеровъ, и дочь моя ваша!

— У меня только двѣ тысячи, отвѣчалъ Андрю Элисъ, поблѣднѣвъ.

— Такъ ищите жену въ другомъ мѣстѣ; всѣ дѣвушки равны. Если ваша страсть неразумна, я не хочу, чтобы дочь моя о ней знала. Забудьте ее; что можно легко сдѣлать, прекративъ съ нею свиданія. Желаю вамъ всѣхъ возможныхъ благъ, господинъ Элисъ, но не зову васъ къ себѣ въ гости.

Глубоко огорченный Андрю низко поклонился и вышелъ. Когда онъ, въ отчаяніи, возвращался на корабль, толстый бѣлокурый мальчикъ остановилъ его и сказалъ ему медленно, какъ бы повторяя урокъ:

— Господинъ! вотъ ваше перо, вы уронили его въ конторѣ.

Андрю взялъ перо, разсматривалъ его въ недоумѣніи, хотѣлъ распросить мальчика, но тотъ повернулся и убѣжалъ къ дому заводчика. Тутъ Андрю вспомнилъ, что онъ видѣлъ, какъ мальчикъ ходилъ и скакалъ на порогѣ дома Маклина. Перо не напрасно попалось въ его дрожащія руки: письмо, съ разсказомъ о послѣдствіяхъ просьбы, дошло до Катерины, которая такъ его ждала, что умѣла получить его. Однакожъ купецъ все узналъ, и ловкая Катерина принуждена отправиться въ монастырь. Сверхъ того, осторожный Голландецъ написалъ къ своему корреспонденту въ Дунди приказъ, чтобы впредь не отправлять товаровъ на кораблѣ Андрю Элиса, хотя онъ достоинъ полнаго уваженія.

Молодой капитанъ, извѣщенный объ этомъ обстоятельствѣ самимъ Фанъ-деръ-Маклиномъ, который честно послалъ къ нему копію съ этого письма, ли-

Digitized by Google

шился почти всякой надежды. Однакожъ любовь не прошла и замедляла его отъѣздъ. Онъ не былъ уже прежнимъ дѣятельнымъ, сильнымъ, аккуратнымъ и точнымъ моряком; онъ пренебрегалъ всѣмъ, даже своею наружностію; былъ только безумнымъ любовникомъ Катерины.

Тщетно ходилъ онъ по всѣмъ улицамъ Амстердама, приглядываясь съ неутомимымъ любопытствомъ ко всякому молодому личику, съ золотою косою, подъ длиннымъ чернымъ покрываломъ, ниспадающимъ съ головы до ногъ. Нигдѣ не находилъ онъ пылкихъ очей, сладкихъ и сладострастныхъ, которыхъ лучи смертельно его ранили.

Часто прохаживался онъ по пристани, поглядывая на корабль, желая выиграть время, не зная, куда, направить шаги, безъ надежды отыскать убѣжище Катерины, на всегда для него погибшей. Въ одно утро, толстый мальчикъ, податель пера, прыгая на одной ногѣ, съ самымъ печальнымъ видомъ, вдругъ сталъ передъ нимъ и изрѣдка поглядывалъ на него, желая увѣриться, узнали ли его. Маленькій шалунъ заставилъ капитана трепетать. Однакожъ Андрю не видалъ отъ него ни какихъ таинственныхъ знаковъ, хотя наблюдалъ за его движеніями съ трепетнымъ вниманіемъ. Только капитанъ послѣдовалъ за нимъ, глядя, какъ онъ ѣстъ вишни изъ платка и бросаетъ передъ собою косточки, подвигаясь назадъ. Мальчикъ уставилъ свои огромные голубые глаза, свѣтлые и выразительные, на влюбленнаго моряка, котораго влекъ за собою приманкою неясной надежды. Такимъ образомъ дошли они до какого-то дома; мальчикъ позвонилъ и вошелъ; Андрю догадался, что тутъ скрыта Катерина. Тутъ новый свѣтъ нашего пылкаго Христофора Колумба! Онъ едва не задохся отъ радости и принужденъ былъ прислониться къ

Digitized by Google

забору, выстроенному вдоль пустынной улицы. Мечты его были прерваны паденіемъ камня. Онъ съ смущеніемъ поднялъ его, осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ, и едва разобралъ слова, мелко написанныя женскою рукою. Вотъ эти роковыя слова:

«Колоколъ!.... Эзау!.... Десять тысячъ гильдеровъ!...»

Колоколъ!.... Воображеніе Элиса распалилось! Каждая буква на камнѣ блистала свѣтомъ роковой звѣзды. Сердце его тотчасъ постигло, что въ этихъ словахъ заключается вся его будущность. Мысль, ими выраженная, пробѣжала по его мозгу съ быстрою силою электричества. Колоколъ звучалъ въ его ушахъ обѣщаніями блаженства; онъ звонилъ ему свадьбу, ибо стоилъ десять тысячъ гильдеровъ.... Жидъ Эзау скуетъ за эту сумму неразрывную цѣпь, которою Элисъ жаждалъ соединиться съ дочерью богатаго заводчика.

Тогда онъ былъ готовъ пасть на колѣна передъ замысловатымъ геніемъ, давшимъ золотую нить для выхода изъ лабиринта. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, онъ думалъ, что живетъ въ небесахъ и достигъ туда черезъ улыбку своей возлюбленной.

На что онъ рѣшается? На адъ! Каковъ источникъ его счастія? Измѣна, недостойное злоупотребленіе довѣрія людей; они объявляютъ его своимъ избавителемъ, и отъ него же погибнутъ! Волосы на головѣ его стали дыбомъ; уста его, дотолѣ свободно открытыя для словъ души, оросились кровію: въ ужасѣ, онъ самъ укусилъ себя. Колоколъ, освященный церковію, купленный на приношенія неимущихъ, звучалъ надъ нимъ, такъ, что черепъ его распадался на части. Онъ воображалъ, что колоколъ возвѣщаетъ братьямъ его бурю, и эта буря — самъ онъ! Вѣдь онъ

Digitized by Google

ввергаетъ не одну душу въ могилу, надъ которой нѣтъ ни какихъ видимыхъ слѣдовъ! Проклятія вдовы, стоны сироты идутъ прямо къ небу, и доносятъ объ его преступленіи.

— «Нѣтъ, никогда, вскричалъ онъ; страшная, ужасная мысль!» И онъ топталъ ногами камень; при внезапной мысли, что рука сатаны бросила ему такой подарокъ. Но сатана принялъ на себя очаровательную форму женщины, а когда зоветъ женщина, мужчина погибъ!

Прелести молодой соблазнительницы стали молительнѣе и очаровательнѣе прежняго; его твердость пала, угрызенія совѣсти замолкли, судьба рѣшена! — «Такъ и быть, говорилъ онъ мрачно, пусть дѣло совершится! Катерина будетъ моею! Хоть заплачу душою за драгоцѣнную добычу!»

Корабль, подъ всѣми парусами, летѣлъ опять по океану, до того мѣста, гдѣ колоколъ заснулъ подъ опущенными крыльями урагана. Нѣмое море предлагало Элису безпрепятственный путь къ замышленному преступленію, или, лучше сказать, онъ ужъ не видалъ преступленія очарованными своими глазами. Преступленіе теперь называлось Катериною! Какая добродѣтель вдохнула бы въ него столько мужества и силы? Это сладкое и роковое имя царствовало единовластно въ атмосферѣ, которою дышалъ Андрю Элисъ. Въ ясную ночь мѣсяца любви, волна подняла быстро корабль до уединеннаго утеса, и колоколъ спустился съ него, безмолвный и опозоренный. Тяжелая кража произведена безъ препятствій; тихая и ясная луна освѣщала похищеніе; только одна птичка, выгнанная изъ убѣжища, взвилась съ пронзительнымъ визгомъ, означившимъ, что прервали ея мирный сонъ. Огромная добыча возвратилась въ Амстер-

Digitized by Google

дамъ, куда вошелъ ночью корабль съ святотатственнымъ грузомъ.

Во время совершенія преступленія, молодая Голландская роза возвратилась вновь къ свободѣ, но не могла пользоваться ею: безъ уѣхавшаго любовника, она встрѣчала вездѣ только уединеніе. Она ждала его въ мрачномъ молчаніи. Сердце ея питало твердую увѣренность, что они ненапрасно поклялись жить и умереть другъ для друга; однакожъ она невольно рвалась изъ тѣснаго круга, въ которомъ заключалась жизнь ея, какъ въ тюрмѣ. Однажды утромъ, отецъ ея, видя, что она розовѣе и плѣнительнѣе отъ волненія безсонныхъ ночей, вспомнилъ, что пора выдавать ее замужъ, и назвалъ ей трехъ жениховъ, готовыхъ отсчитать по двѣнадцати тысячъ гильдеровъ для ея приданаго.

Уста Катерины раскрылись, какъ цвѣтокъ:

— Милый батюшка, сказала она, если вы думаете, что я стою двѣнадцати тысячъ гильдеровъ, и если Богу угодно послать четвертаго жениха съ такою же суммою, такъ я буду очень рада, потому что не могу терпѣть тѣхъ трехъ, которыхъ вы мнѣ сейчасъ назвали.

Фанъ-деръ-Маклинъ посмотрѣлъ на нее, опечалясь такою длинною фразою; онъ этого не ожидалъ отъ дѣвушки, которая въ монастырѣ должна была научиться молчанію. Закрывая огромную счетную книгу, въ черномъ переплетѣ, съ мѣдными застежками, онъ отвѣчалъ ей:

— Старайся спать на правомъ боку, дочь моя, будешь видѣть сны спокойные. Влюбленные, съ двѣнадцатью тысячами гильдеровъ, очень рѣдки, когда эту сумму слѣдуетъ платить чистымъ золотомъ. Я тебѣ назвалъ троихъ, и это ужъ чудо.

Digitized by Google

— Въ самомъ дѣлѣ, батюшка? прервала неопытная дѣвушка съ хитрою улыбкою. Вотъ ужъ штатгалтеръ прекратилъ войну; на морѣ нѣтъ злыхъ солдатъ; оно можетъ принести мнѣ столько счастія, сколько принесло и вамъ.

Не доставало, въ этомъ отвѣтѣ, только имени Андрю Элиса; тогда отецъ узналъ бы тайныя думы дочери. Письмо молодаго капитана пришло ему на мысль, и онъ сказалъ: — Ты говоришь дѣло! знаешь больше, чѣмъ я думалъ, и разсуждаешь, какъ книга съ серебряными застежками. Но, оставивъ въ покоѣ море и солдатъ, скажи-ка мнѣ, почему не нравится тебѣ нашъ честный сосѣдъ, Павелъ Майръ? Онъ такъ ловко помѣстился почти у нашихъ дверей, что ему очень пристойно, съ честію войти въ домъ мой зятемъ.

— А спросили ль вы у него объ его лѣтахъ, когда справлялись объ его богатствѣ, любезный батюшка?

— Я считаю его выгоды въ 20 тысячъ флориновъ ежегоднаго дохода; флорины пріобрѣтены честно и всѣ въ наличности. Изъ всѣхъ, ищущихъ счастія на морѣ, нѣтъ ни одного съ такимъ важнымъ капиталомъ. Даже сомнѣваюсь, чтобы капитанъ Андрю Элисъ могъ нажить столько денегъ до старости.

— А если наживетъ ихъ въ молодости? спросила она съ торжествующею гордостію, чувствуя, что любовь прикрываетъ ее своими крылышками.

— Садись-ка за кружева, Катерина; ты должна лучше умѣть плесть, чѣмъ разсуждать о замужствѣ; лучше тебѣ думать, какъ бы сшить свадебныя манжеты.

Но Катерина напѣвала что-то сквозь свои жем-

Digitized by Google

чужные зубы, а проницательные ея глаза устремлялись въ окна, черезъ которыя можно было смотрѣть на корабли, летѣвшіе въ портъ. Она не отвѣчала отцу, и подымая къ небу взоръ, пламенный, какъ ея душа, она тихо прошептала, сложивъ на груди руки:

— Колоколъ!

Увы! юная дѣва смѣетъ ли обращаться къ небу съ преступными желаніями? Боже! какъ страшно должно быть помраченіе ума, ослѣпленнаго страстію!

Во время этого безмолвія, старикъ, бывшій простодушнѣе дѣвушки, замѣтилъ, что нитки рвутся у ней въ рукахъ, а она того вовсе не замѣчаетъ; онъ смотрѣлъ на нее съ тѣмъ неизъяснимымъ удивленіемъ, какое чувствуетъ человѣкъ, внезапно открывшій себѣ властелина въ слабомъ созданіи, которому самъ даровалъ жизнь.

Какъ умный, смѣтливый Голландскій купецъ, Фанъ-деръ-Маклинъ почувствовалъ при этомъ открытіи какое-то печальное униженіе, потомъ задрожалъ, прочитавъ повѣсть, написанную въ пылкихъ глазахъ Катерины. Въ ней не было ужъ ни чего дѣвическаго. Въ ней царствовалъ твердый умъ женщины, подъ покровомъ столь тонкимъ, нѣжнымъ и мягкимъ, что какое нибудь безплотное существо могло имъ покрыться, не опасаясь его матеріяльности. Въ первый разъ еще, важныя опасенія запали въ душу отца, гордившагося дочерью, при восхитительномъ разборѣ ея достоинствъ. Слеза, неописанно горькая, блеснула на его рѣсницѣ; однакожъ, еще ни кто не сказалъ ему громко, что неподвижная дочь его, вмѣсто молитвы, безпрестанно произноситъ роковое слово:

— «Колоколъ!»

Digitized by Google

Андрю-Элисъ не присталъ къ Амстердаму, по обыкновенію, черезъ рѣчку Гастель, протекавшую за богатымъ домомъ Фанъ-деръ-Маклина; онъ прибылъ ночью, какъ уже сказано, черезъ каналъ, проведенный передъ домомъ Жида Эзау. Блѣдный и легкій, какъ тѣнь, онъ постучался въ окно, слабо освѣщенною лампадою, и одинъ явился къ единственному жильцу дома, въ тайнѣ объяснялъ ему про предметъ продажи. Сѣрые глаза больнаго Израильтянина, удрученнаго годами, заблистали надеждою, когда онъ увидѣлъ возможность снова завладѣть покупкою, о которой такъ много жалѣлъ. Въ полночь, колоколъ катился по сырой мостовой, и тяжело сталъ въ задней комнатѣ конторы Жида. Отсчитали 10 тысячъ гильдеровъ молодому капитану, пылавшему страстію, вовсе не похожею на страсть къ золоту, но страстію не менѣе ужасною, которая вдругъ превратила любезнаго и честнаго человѣка въ презрѣннаго злодѣя, въ вора!

О ничтожество человѣческое!

Обязанность скрывать одно преступленіе часто ведетъ къ другимъ, болѣе страшнымъ преступленіямъ. Такъ подлые соучастники, согласившіеся за тысячу гильдеровъ помогать святотатцу, вдругъ зароптали, что за потерю души такая награда слишкомъ ничтожна; возстали противъ униженнаго своего начальника и рѣшительно требовали половину изъ цѣны, заплаченной за его преступленіе. Право ихъ основывалось на самой холодной, и вмѣстѣ съ тѣмъ самой ужасной причинѣ: на угрозахъ все разсказать.

Блѣдный, пораженный Андрю тщетно призывалъ умъ на помощь; въ трепетѣ, онъ слышалъ только шопотъ одного голоса, которому уже внималъ прежде; этотъ голосъ внушилъ ему отвѣтъ.

Digitized by Google

Притворившись веселымъ и принявъ на себя видъ менѣе гордый, онъ согласился все раздѣлить по братски съ презрѣнными людьми, которыхъ одинъ видъ поселялъ въ немъ отвращеніе.

Раздѣлъ назначили въ слѣдующую ночь. Соучастники безъ церемоній сошли въ четверомъ въ каюту капитана, гдѣ щедро разливался любимый напитокъ моряковъ. Это питье, горѣвшее какъ огонь, до того ихъ воспламенило, что они безпрестанно просили еще, еще.... пока смерть привязала имъ языки.

Андрю остался одинъ, хладнокровно, между трупами. Онъ уложилъ ихъ въ мѣшки, съ пушечными ядрами, и спустилъ ихъ, одинъ за другимъ, въ глубокій каналъ; вода расплеснулась съ глухимъ ропотомъ, потомъ закружилась, и все было кончено!

Послѣ минутнаго круженія головы, отъ котораго она едва не лопнула, капитанъ разломалъ люки, съ намѣреніемъ дать кораблю своему видъ корабля опустошеннаго. Послѣ этого новаго преступленія, онъ молча сошелъ на берегъ. Обманщикъ и убійца объявилъ начальству, что экипажъ его, разграбивъ корабль, скрылся на большой лодкѣ, пропавшей безъ вѣсти.

Тотчасъ произвели слѣдствіе, но ничего не могли открыть. Во всѣ сосѣдніе порты послали описаніе приметъ бѣжавшихъ матросовъ; думали, что они бѣжали на большой лодкѣ, которая въ самомъ дѣлѣ исчезла; она пошла ко дну во время перевоза колокола въ домъ Жида Эзау, и обломки ея были уже далеко отъ порта.

Фанъ-деръ-Маклинъ, на порогѣ дома, пускалъ широкіе круги дыма, покуривая отличный табакъ свой, и искалъ въ нихъ, съ какой стороны подуетъ вѣ-

Digitized by Google

теръ послушанія, котораго онъ тщетно ожидалъ отъ розовенькой своей Катерины. Онъ совершенно рѣшился взять на удачу одного изъ трехъ жениховъ съ двѣнадцатью тысячами гильдеровъ, желая изгнать изъ торговыхъ расчетовъ безпрестанно возраставшую заботу объ отвѣтственности за дѣвушку съ слишкомъ живыми глазками. Въ разсудительныхъ своихъ желаніяхъ, онъ затруднялся выборомъ между богачомъ Павломъ Майромъ, уже зрѣлымъ и старымъ человѣкомъ, и молодымъ Вангакеромъ, любившимъ отдаленныя морскія поѣздки, и полудворянином Ванъ-Гольфеномъ, который со временемъ могъ достигнуть до званія бургмейстера. Но дочь его уже высчитала злобно, перерывая нитки, по пальцамъ лѣта Павла Майра, и клубокъ дыма, пущенный къ дому богатаго сосѣда, возвратился въ грудь заводчика, привлеченный глубокимъ его вздохомъ. Съ другой стороны, однажды Катерина, возвращаясь изъ монастыря, подъ ручку съ отцомъ, не покорилась толчку, сопровождавшему его просьбу, и держалась прямо, отказываясь поклониться молодому Вангакеру. Что же касается до будущаго бургмейстера, онъ недавно былъ приглашенъ на чай къ Ванъ-деръ-Маклину. Чай разливала сама Катерина. Гольфенъ породилъ въ ней такую нелестную разсѣянность, что она не захотѣла сѣсть противъ него и подать ему чашку прямо, а поднесла ее въ профиль; чай полился на ея розовое платье, а Китайская чашка разбилась въ дребезги. Теперь Катерина могла убѣжать въ свою комнату, къ величайшему огорченію обоихъ Голландцевъ, которые пили только пиво, самое превосходное. Наконецъ, разумный заводчикъ, сидя какъ на иголкахъ, началъ роптать сквозь зубы:

— Чортъ побери капитана Андрю Элиса!

— Вашъ слуга! отвѣчалъ кстати самъ Андрю Элисъ, бросаясь въ клубы дыма.

Digitized by Google

— Я говорилъ про васъ, спокойно сказалъ Голландецъ; но, ей ей, я васъ вовсе не звалъ; хоть я вамъ не врагъ, но вы и не родня же мнѣ.

— Вы заставили меня думать, что я буду самымъ близкимъ вашимъ родственникомъ, когда наживу девять тысячъ гильдеровъ, живо прервалъ Элисъ; вотъ они со мною!

Фанъ-деръ-Маклинъ остолбенѣлъ отъ изумленія; однакожъ вошелъ въ домъ, въ сопровожденіи молодаго моряка. Такая неожиданная вѣсть избавляла заводчика отъ безпокойства, котораго не могла побѣдить вся счетная наука; онъ уставилъ на капитана глаза, желая узнать причину такого нежданаго обогащенія. Источникъ богатства былъ объясненъ безъ труда: честный купецъ легко повѣрилъ, что оно есть награда за выдумку, которой онъ самъ удивлялся, не принимая однакожъ на себя обязанности вознаградить за нее; но онъ признавалъ, что такая награда справедлива и достойно породнитъ его съ покупщикомъ колокола. Наконецъ, чувствуя, что счастіе и можетъ быть честь дочери зависятъ отъ этого брака, онъ согласился искренно въ тотъ же вечеръ, когда Андрю Элисъ объявилъ, что долженъ скоро вернуться въ Англію для обезпеченія купцовъ, которыхъ товары похищены на его кораблѣ. Скоро сыграли свадьбу; прелестнѣйшая Голландская роза, въ восторгѣ отъ исполненія желаній, благодаря Бога, приняла убійцу въ объятія, трепетавшія только отъ удовольствія.

Вездѣ радость, пиры, цвѣты, музыка; но тайное угрызеніе совѣсти, безпрерывно возрастающее, овладѣло сердцемъ Андрю Элиса.

Достигнувъ цѣли пылкихъ усилій, онъ понялъ,

Digitized by Google

что она стоитъ ему слишкомъ дорого, и что ему нигдѣ нельзя уже найти душевнаго спокойствія.

Только Катерина, въ радости, въ утѣхахъ любви, легкая какъ невинность, не понимала мученій совѣсти. Двойное преступленіе Элиса придавало въ ея глазахъ болѣе цѣны ему; она даже гордилась, потому что онъ сдѣлалъ все это для нея.

Прижимая его пылающими руками къ сердцу, жадно требовавшему его присутствія, она замирала отъ наслажденія, чувствуя, что она для него и небо и адъ, и въ этомъ заключалось ея полное блаженство; ея слабое тѣло дрожало и трепетало, но не отъ страха.

— Все равно! говорила она, сжимая его въ объятіяхъ; я наконецъ твоя! А ты, мой Элисъ, мой, купленный навсегда!

Навсегда! Какое слово, для земли, когда часы бѣгутъ передъ скоропреходящимъ человѣкомъ! Навсегда! что это за слово, выдуманное смертными устами?

Четыре трупа, лежавшіе на днѣ канала, ежеминутно оковывали жизнь Элиса тою желѣзною тяжестію, которая удерживала ихъ на песчаномъ ложѣ. Въ безпокойствѣ и смущеніи, въ первый разъ притворствуя улыбками и обѣщаніями возвратиться, онъ взялъ часть приданаго и поспѣшилъ отплыть съ живымъ своимъ сокровищемъ.

Простившись съ единственною дочерью, утопавшею въ счастіи, которая, послѣ свиданія съ новыми родными, должна была возвратиться осенью, добрый Голландецъ въ раздумьи сѣлъ къ окну; часто онъ утиралъ лице занавѣскою, самъ не понимая, почему ничего не видитъ. Онъ плакалъ; забылъ свою труб-

Digitized by Google

ку и просидѣлъ такъ два дня. Въ послѣдствіи онъ признался, что принужденъ былъ сѣсть къ окну, съ предчувствіемъ, что никогда не увидитъ Катерины.

—

— Тебѣ здѣсь нѣтъ мѣста, кричалъ черезъ недѣлю Андрю Элисъ Катеринѣ, когда она въ третій разъ показывалась на верху лѣстницы изъ капитанской каюты, желая видѣть и раздѣлить опасность, которой онъ подвергался на палубѣ. — Ступай внизъ, жена, кричалъ онъ еще громче, или волна снесетъ тебя; говорю, что каждый валъ грозитъ намъ потопленіемъ; мы потеряли двухъ человѣкъ! Они ужъ не плаваютъ! Скорѣй! внизъ, говорю тебѣ!

— Я боюсь, когда не вижу тебя, Андрю; хочу съ тобой остаться.

— Ступай внизъ, повторилъ онъ съ бѣшенствомъ, и Катерина увидѣла взоръ, для нея совершенно новый. Она смотрѣла на него глазами, выражавшими упрекъ, потомъ повиновалась, сошла внизъ, удерживаясь за веревки, и слушала команду среди бунтующихъ валовъ.

Буря шумѣла въ полномъ разгарѣ. Солнце, казалось, сѣло, но во весь день оно походило на блѣдную, туманную луну. Ревущія волны бѣжали одна за другою, а корабль, лишенный мачтъ, бился, какъ огромное тѣло, въ предсмертныхъ судорогахъ. Вѣтеръ вылъ и свисталъ, какъ свищутъ привидѣнія. Въ продолженіе трехъ дней, бились моряки противъ шквала, но не шли впередъ, оставаясь близъ утеса, безмолвнаго мстителя, отъ котораго они хотѣли бѣжать.... Ничто не предувѣдомило ихъ объ его сосѣдствѣ, ибо спасительный голосъ проданъ Жиду. Катерина, изобрѣтательная дѣва, влюбленная и торже-

Digitized by Google

ствующая жена, выслушивала свой приговоръ, передъ открытою пастію чудовища, у котораго сама она вырвала языкъ.

Тайскій проливъ держалъ ихъ между Дунди и противоположнымъ берегомъ. Утесъ возвышался вдали, среди огромныхъ, кипящихъ валовъ, а капитанъ неподвижно смотрѣлъ на мрачную могилу, которая только что приняла двѣ невинныя жертвы и громко звала къ себѣ виновныхъ. Душа его исполнилась горести; море произносило ему приговоръ; совѣсть вела его къ кораблекрушенію. Прежде, онъ не боялся смерти, надѣясь за нею встрѣтить Бога; теперь онъ ея страшился, именно потому, что за смертію Богъ!

Катерина опять вышла, желая поддержать и поцѣловать мужа.

— Не могу сидѣть тамъ безъ тебя! сказала она ему. Скоро ли все кончится?

— Скоро, отвѣчалъ Элисъ отрывисто и мрачно; скоро все для всѣхъ насъ кончится!

Катерина упала на колѣна передъ Андрію Элисомъ, котораго она обожала болѣе всего въ мірѣ.

— Ты сказалъ, Андрію, что буря пройдетъ къ вечеру.

— Я солгалъ!

— Когда же она кончится, другъ мой?

— Скоро, а съ нею погибнемъ и мы, Катерина!...

— Нѣтъ! я одна! вскричала Катерина пронзитель-

Digitized by Google

нымъ голосомъ, испугавшись страшной блѣдности мужа.

— Молчи, сказалъ онъ, смерть близка къ намъ обоимъ, а за нею вѣчное мученіе! Катерина! Я за тебя погубилъ душу!

— О! не говори этого, мужъ мой!

— Такъ ступай прочь, или я прокляну тебя!

Катерина не отвѣчала; бросилась на палубу, лицемъ къ полу, и замерла въ чувствѣ смертельнаго страха. Пока она лежала на палубѣ, а Андрю управлялъ рулемъ, вѣтеръ стихъ; корабль не бросался во всѣ стороны и не подымался; матросы ободрились, набросили кое-какіе обрывки парусовъ на развалины мачтъ, и возможность спасенія предстала передъ измученнымъ экипажемъ.

Внимательный капитанъ молчалъ и смотрѣлъ за рулемъ; вдругъ вѣтеръ перемѣнился, сталъ благопріятнымъ и надежда ожила въ отчаянныхъ душахъ. Передъ ними открывался уже Тайскій проливъ, и Андрю Элисъ вздохнулъ свободнѣе, какъ бы избавившись отъ невыносимой тяжести всего корабля. Онъ передалъ руль лоцману, и нагнулся къ Катринѣ, которая лежала на прежнемъ мѣстѣ, неподвижно, прикрытая длинными, влажными своими волосами. Онъ поднялъ ее, старался вдохнуть въ нее отвагу, а въ себя любовь къ ней, которая воротилась къ нему, какъ тишина къ морю. Но Катерина ничего не слушала, не могла истребить въ себѣ воспоминаній и горько рыдала.

— Мы спасены, Катерина!

— Ты проклялъ меня, отвѣчала она печально. О!

Digitized by Google

для чего мы не погибли прежде этого проклятія, которымъ все разрушено, Андрю!

— Я былъ безъ ума.... Катерина! Я говорю тебѣ, что мы спасены. Посмотри, какъ волны утихаютъ.

— Я ничего не вижу! сказала Катерина съ отчаяннымъ вздохомъ.

— Ну! ободрись для меня! Развѣ ничего не значитъ, душа моя, что мы опять будемъ наслаждаться этою жизнію?... Онъ не смѣлъ досказать: когда потеряли будущую!

— Что мнѣ жизнь, когда я перестала быть для тебя жизнію? прервала она едва слышнымъ голосомъ.

— О! замолчи! Человѣкъ самъ не знаетъ, что говоритъ, подъ пыткою совѣсти!

Блѣдныя уста Катерины не раскрывались.

— Капитанъ! Что дѣлать? Какъ уйти отъ утеса? закричалъ рулевой. — Мы бѣжимъ прямо на него!... Что же колоколъ насъ не извѣщаетъ?...

— Колоколъ! повторилъ Андрю, отскочивъ.... но не далъ другаго отвѣта.

Волны и вѣтеръ подняли корабль высоко; онъ закружился въ воздухѣ, надъ пучиною, и вдругъ упалъ въ бездну; коварная стихія поглотила его. Капитанъ, въ безпамятствѣ, выбросилъ Катерину изъ объятій, чтобы плыть безъ препятствія. Она бросилась за нимъ, и подъ ударами вѣтра, кружилась на волнахъ. Черезъ нѣсколько секундъ затрещали спа-

Digitized by Google

сти, волны хлынули на палубу, корабль сломало; на волнахъ неслось тѣло женщины, легкое какъ остовъ птички — безъ крыльевъ!

Когда утомленная буря опустила валы на ихъ глубокое ложе, человѣкъ, брошенный замертво на утесъ и повисшій на подставкахъ, гдѣ висѣлъ колоколъ, медленно открылъ глаза. Въ памяти ея была такая же буря, какъ на океанѣ. Избитый волнами, онъ привсталъ и съ открытаго утеса устремилъ повсюду взоръ, глубокій, какъ бездна. Все исчезло!

Съ тѣхъ поръ, гдѣ бы онъ ни скитался, въ Индіи или въ Ледовитомъ морѣ, преслѣдуемый воспоминаніемъ, которое точитъ жизнь его, когда подымается вѣтеръ, свиститъ чайка, а рыбакъ направляетъ лодку къ берегу, несчастный видитъ передъ собою крушеніе корабля, женщину, которая хватается за спасти или тонетъ въ морской пучинѣ. Онъ зоветъ колоколъ, который не звучитъ, на спасеніе юной красавицы, разбиваемой объ утесъ, и взываетъ къ небу:

— Колоколъ!

Потомъ, когда все въ мірѣ спокойно, даже около капитана-мечтателя, когда море, его единственное отечество, ласково обнимаетъ корабль, на которомъ онъ печальный владыка, когда онъ, неутомимый, прогуливается вечеромъ по своему тѣсному царству, свѣтъ серебристой луны выводитъ передъ него тѣнь еще прелестной Катерины, которая машетъ бѣлымъ платкомъ, призывая его на утесъ, гдѣ она обожаетъ его на колѣнахъ.

Суевѣрные Пертскіе моряки разсказываютъ, что она

Digitized by Google

часто, когда они проходятъ мимо утеса, подаетъ имъ письмо къ отцу, и потомъ плачетъ, когда осторожные моряки удаляются молча, скрестивъ на груди руки и не сводя съ нея глазъ.

Digitized by Google

VI.

СОВРЕМЕННАЯ СЛАВА.

—

12 Іюня 1624 года, одинъ весьма сухощавый кавалеръ въѣзжалъ въ Неаполь. Вокругъ его прыгали смуглые, запыхавшіеся Лацзорони и бросали розы пестума подъ ноги коня его. Около всадника шло пѣшкомъ нѣсколько дворянъ, которые, съ обнаженною головою подъ палящими лучами солнца, подстрекали общее восхищеніе народа. Всадникъ часто останавливался подъ балконами, откуда на его покрытое морщинами чело дождемъ сыпались цвѣты и благословенія; на него были устремлены взоры всѣхъ собравшихся тутъ Испанцевъ и Неаполитанцевъ. Онъ былъ около шести футовъ ростомъ; длинное со впадшими щеками лице, волосы рѣдкіе и разтрепанные, взоры разсѣянные, острый подбородокъ, маленькій носъ, кожа свинцоваго цвѣта, чрезвычайно тонкій станъ, и премаленькая нога — вотъ портретъ пріѣхавшаго въ Неаполь гостя. Этотъ длинный всадникъ, одѣтый великолѣпно, но безъ вкуса, съ золотою цѣпью на шеѣ, разсѣянно, но самодовольно кланялся на право и на лѣво, между тѣмъ какъ привѣтствія ле-

Digitized by Google

тѣли къ нему со всѣхъ сторонъ, изъ каретъ, съ портиковъ, церквей и съ высоты террасъ.

Передъ тріумфаторомъ шелъ молодой человѣкъ и несъ распущенное красное знамя, на которомъ были вышиты золотомъ слѣдующія слова, сверкавшія при лучахъ солнца:

«Во славу кавалера Іоанна Баптиста Марино *, моря неподражаемой учености, плодовитаго краснорѣчія, глубочайшей эрудиціи, души поэзіи, духа лиры, правила поэтовъ, цѣли перьевъ, содержанія чернильницъ; наикраснорѣчиваго, наиплодовитаго сокровища богатыхъ вымысловъ, руды дивныхъ изобрѣтеній, счастливаго феникса ученыхъ мужей, чуда геніевъ, изумителя музъ, чести лаврóваго дерева, славы Неаполя, достойнѣйшаго князя лебедей, небаснословнаго Аполлона Италійскихъ музъ, котораго славное перо доставляетъ поэмамъ, настоящую цѣну, рѣчамъ естественный цвѣтъ, стихамъ истинную гармонію, прозѣ совершенное изящество; ему, предмету удивленія ученыхъ, почести государей, восхваляемому всѣмъ свѣтомъ, прославленному самою завистію — эти немногія строки, дань ручейка посвящены.»

Синьоръ Фачіути (Ручеекъ) потрясалъ это знаменитое знамя, и всѣ жители Неаполя, внѣ себя отъ восхищенія, кричали: Evviva!

Италія и почти вся Европа раздѣляли мнѣніе Неаполитанцевъ. Въ Парижѣ и въ Мадритѣ думали, что увѣнчанный поэтъ затмитъ Данте, Тассо и Аріосто, своихъ предшественниковъ, можетъ быть Гомера и Виргилія, своихъ учителей.

* А не Марини, какъ обыкновенно его называютъ. Марино измѣнивъ окончаніе своего имени на i, изъ простонародной фамиліи сдѣлалъ благородную, ибо одни только дворяне имѣли право на это окончаніе.

Digitized by Google

А Марино былъ не болѣе, какъ посредственный стихотворецъ.

Пусть другіе, если имъ угодно, напишутъ біографію человѣка, жизнеописаніе котораго мы читали, книгахъ въ десяти у Байякки, Корніани, Феррари, Тирабоски и у многихъ другихъ. Мы предложили себѣ на разрѣшеніе вопросъ гораздо любопытнѣе: какимъ образомъ весьма обыкновенное дарованіе могло въ началѣ XVII вѣка возсѣсть на престолъ поэзіи въ Европѣ, и почему эта посредственность даже и нынѣ требуетъ внимательнаго разсужденія историковъ? Будемъ продолжать описаніе торжества.

Цѣлая вереница каретъ за шестнадцать миль отъ Неаполя ѣхала впереди поэта, котораго величали геніемъ, и остановилась у Капуи. Въ головѣ этой толпы былъ видѣнъ Маркизъ де Манзо, старинный другъ и покровитель Тассо, человѣкъ любезный, благородный, но не умѣвшій великому мужу воздать и половину тѣхъ почестей, которыя разсыпались передъ смышленымъ стихотворцемъ. На Кіаія Маркизова карета въ шесть лошадей ожидала тріумфатора, который, уставъ отъ долговременной верховой ѣзды, вошелъ въ экипажъ, скромно укрылся отъ восторженной толпы и заперся въ монастырѣ отцевъ театиновъ. Эта черта скромности какъ нельзя лучше согласовалась со всѣми прочими его поступками. Марино возбудилъ бы нѣкоторую зависть, если бы направилъ путь къ палатамъ, которыя были сооружены для него на Паузилиппѣ, противъ могилы Виргилія. Тамъ на стѣнахъ мраморной галлереи висѣли тысячи картинъ, написанныхъ великими художниками; и вотъ какъ одинъ современникъ, именно Феррари, тогдашнимъ изысканнымъ слогомъ описывалъ это зданіе: «На Паузилиппѣ, мысѣ забавъ, раѣ Италіи, возвышалось жи-

Digitized by Google

лище Марино, прекрасное и уютное, загроможденное рисунками, эстампами и картинами работы знаменитѣйшихъ мастеровъ всѣхъ временъ, ибо сіи благородныя прихоти составляли радость и сладострастіе поэта и не было ни одного даровитаго художника, который не захотѣлъ бы цѣною подобнаго славнаго произведенія, купить дружбу великаго мужа.»

Въ нѣдрахъ этого восхитительнаго жилища Марино, вскорѣ послѣ торжества своего, умеръ, задохнулся подъ розами удивленія и любви народной, покровительствуемый Римскимъ и Французскимъ дворами, которые скорбно жалѣли о его кончинѣ, пользовавшійся дружбою вице-короля Испанскаго, внука герцога Альбы. Ни одинъ поэтъ при жизни не стяжалъ столько счастія, славы, любви и почестей. Двѣ Неаполитанскія академіи спорили между собою за честь имѣть его своимъ президентомъ. И осчастливленная его выборомъ, при каждомъ его появленіи, возобновляла сцену тріумфа. Тогда въ академію люди сбѣгались со всѣхъ сторонъ. Лишь только президентъ раскрывалъ ротъ, громъ рукоплесканій прерывалъ его рѣчь на первомъ словѣ. Наконецъ онъ умеръ, и его похороны были отправляемы не только въ Неаполѣ, но и въ Римѣ, съ церемоніею, которой мы не будемъ описывать. Похвальныя слова, диссертаціи, элегіи, эпитафіи сыпались градомъ. Ему (о! оскверненіе святыни!) поставили статую недалеко отъ Виргиліевой. Все это происходило въ 1625 году. Черезъ двадцать пять лѣтъ тронъ этого поэта былъ низвергнутъ, и эта прославленная статуя была сокрушена.

Джіованно Баптисто Марино, сынъ одного Неаполитанскаго адвоката, не былъ ни кавалеръ, ни дворянинъ. Будучи главою партіи, онъ могъ завладѣть всѣмъ, чего хотѣлъ. Онъ увлекъ за собой всю эпо-

Digitized by Google

ху, обольстилъ всѣ умы, на одно мгновеніе низвергнулъ владычество разума и заслужилъ, чтобъ мы разсматривали его какъ лице историческое и какъ человѣка, произведшаго переворотъ. Въ людяхъ этого рода всегда надобно отличать двѣ принадлежности, ремесло и призваніе. Эти люди своими литературными успѣхами одолжены болѣе хитрости, смышленности, дерзости, лживости и гибкости, отличающей политиковъ и дипломатовъ. Сработавъ себѣ славу и собравъ достаточную партію, они привлекаютъ умы, льстятъ, пугаютъ, обольщаютъ, улавливаютъ, мстятъ, сооружаютъ и упрочиваютъ свое могущество, опираясь здѣсь на могучихъ покровителей, тамъ на силу толпы, а всегда думая только о самихъ себѣ и полагаясь на нѣсколькихъ преданныхъ имъ учениковъ, надъ которыми они сберегли себѣ право награды и наказанія. Такъ развращая чистый трудъ мысли (что очень легко дѣлается), они уваженіе вѣковъ мѣняютъ на современную славу и счастіе. Надъ ними господствуютъ тщеславіе и корыстолюбіе, и при небольшемъ дарованіи они очень легко умѣютъ матеріальные виды свои согласить съ требованіями славолюбія. Они ведутъ шумную жизнь, но никогда не имѣютъ славной могилы.

Нѣтъ, не такъ мыслилъ Виргилій, не такъ Тассъ упивался собственными своими обольщеніями, не такъ Данте, влача свое отчаяніе на развалины колизея, изъ глубины адскихъ безднъ воолталъ до вѣчныхъ лучей Бога, сотворившаго всяческая. Высокая безпечность къ земнымъ выгодамъ, отсутствіе эгоизма, какъ божественныя печати возложены на челѣ каждаго истиннаго поэта. Госпожа Сталь замѣчаетъ весьма глубокомысленно, что мірскіе успѣхи проистекаютъ отъ напряженно-разсчитаннаго самолюбія; а торжества, но не успѣхи, разума, отыскивающаго исти-

Digitized by Google

ну, предполагаютъ совершенное отсутствіе эгоизма. Сравните жизнь Тассо съ жизнію Марино. Одинъ ищетъ идеала, другой счастія; тотъ воспѣваетъ безкорыстную, чистую любовь, а этотъ сладострастіе. Тассо льститъ тѣмъ, кого любитъ; Марино холопствуетъ передъ тѣми, которые могутъ ему что нибудь дать; одинъ въ сопровожденіи немногихъ тоскующихъ друзей влачитъ страдальческую жизнь, за другимъ слѣдуетъ толпа приверженцевъ, онъ налагаетъ дани на Францію и Италію; ему въ Неаполѣ сооружаютъ дворецъ; въ одномъ видимъ первообразъ генія, въ другомъ ловкаго человѣка, спекулянта въ искуствѣ.

Эту самую роль, только въ другихъ формахъ, играли Стацій у Римлянъ, Гонгора у Испанцевъ, Лилли въ Англіи, Готшедъ въ Германіи. Да будетъ намъ позволено, не касаясь ничьей современной личности, возстановить здѣсь права чистаго, искренняго вдохновенія, истиннаго искуства, задушевной поэзіи противъ хладнокровныхъ разсчетовъ разсудка, по внушеніямъ котораго служеніе поэта очень легко согласуется съ должностью придверника, съ видами канцелярскаго чиновника, съ безконечными хлопотами журналиста, кидающаго грязью въ своего собрата. Тогда вдохновеніе становится на колѣни передъ корыстолюбіемъ: въ литературномъ мірѣ возникаетъ бунтъ. Тутъ кадятъ ядра метафоръ, наводятъ баттареи эпиграммъ, чтобъ только сокрушить непріятельское укрѣпленіе; морочатъ публику и кричатъ ей: «Я владыка, ты должна мнѣ повиноваться!» Тутъ среди обезумленной толпы каждый поетъ благодарственную пѣснь своей собственной славѣ. Поэзію и философію примѣняютъ къ правиламъ «политики» Макіавелли и «военнаго искуства» Вежеса; цѣль искуства смѣшиваютъ съ цѣлью политическою и забываютъ, что послѣдняя

Digitized by Google

добивается только успѣха, а первая прежде всего ищетъ красоты.

Эти смуты, опасныя, если время вскорѣ не положитъ имъ конца, всего чаще свирѣпствуютъ тамъ, гдѣ еще не установился общественный вкусъ, и гдѣ литература есть болѣе дѣло пустаго любопытства и праздной забавы, чѣмъ требованіе сердца и двигатель умовъ. Для чего, говорятъ тогда, не протянуть руки къ вѣнцу литературному? Что помѣшаетъ намъ произвести переворотъ въ образѣ мышленія? Такъ говорили Ронсаръ и Люлли, Гонгора и Марино.

Марино вовсе не былъ геній: это былъ умный человѣкъ, шарлатанъ геніяльный. Онъ понималъ, что его соотечественники готовы прельститься его сладострастными пѣснями и блистательными картинами. Онъ наливалъ Италіянскій нектаръ въ золотой сосудъ Испаніи и упоилъ свой вѣкъ этимъ обаятельнымъ питьемъ. Онъ составилъ свои чары изъ пороковъ обѣихъ націй: чувственность и жеманство, изысканность и неестественность, вотъ изъ чего состоялъ этотъ напитокъ Армиды, котораго великій Корнель никогда не приближалъ къ благороднымъ устамъ своимъ. Съ своею соблазнительною изворотливостію Марино соединилъ ловкость и наглость начальника партіи. У него были друзья и непріятели, ссоры и дуэли, ласкатели и ненавистники; одни государи сану покровительствовали, другіе съ нимъ враждовали. Онъ былъ немножко Тартюфъ, немножко Тюфіэръ, немножко Ловеласъ, немножко Фигаро. Изысканность одежды, важность поступи, скрытую иронію, неистощимую плодовитость онъ употреблялъ, какъ средства второстепенныя и, надѣвъ на чело свое вѣнецъ изъ золотой бумаги, онъ сдѣлался полубогомъ Европы.

Надо согласиться, у того много власти, кто вла-

Digitized by Google

дѣтъ своей эпохой, хотя бы только для того, чтобъ обольстить и развратить ее. Не такъ легко, какъ думаютъ, воспользоваться пороками своего времени и господствовать надъ ними симпатіею собственныхъ страстей своихъ. Марино, котораго біографы называли Марини, а Франція въ 1610 и 1650 годахъ чествовала подъ именемъ кавалера Марэнъ, умѣлъ воспользоваться многими благопріятными обстоятельствами, и, искусно ими управляя, опъ достигъ до самой вершины литературной славы.

Италія уже произвела Данте, Петрарку, Аріоста, Тассо, Бембо, Макіавелли и многихъ другихъ властителей надъ умами въ XIV и XV столѣтіяхъ. Принявъ участіе въ воспитаніи Шекспира и Спенсера въ Англіи, Монтанья и другихъ ученыхъ во Франціи, она, утомленная, опочила на своихъ трофеяхъ. Наступила пора Испаніи, которая явилась съ своимъ оригинальнымъ геніемъ; примѣръ его былъ опасенъ, потому что онъ надменно и своенравно жертвовалъ красотою высокому и чистотою блеску; богатый величественными чертами и яркими красками, неистощимый въ героическихъ вымыслахъ, могущественный геній Испанской поэзіи крушительнымъ потокомъ разлился по Европѣ, склонившейся передъ Карломъ V и Филиппомъ II. Кроткій и чистый блескъ вѣнца Италійской музы побѣднѣлъ, потускнулъ, утонувъ въ лучахъ болѣе яркихъ. Между Италіянскими писателями даже тѣ, которые съ прискорбіемъ ополчались противъ политическаго владычества Испаніи, напримѣръ Парюта, сатирикъ Боккалини и многіе другіе; даже они первые отечественную литературу подчинили власти чужеземнаго духа; они были творцами Испанско-Италіянской прозы, хитросплетенной, напыщенной, блистательной и безсильной. Это странное и бѣдственное преобразованіе было произведе-

Digitized by Google

но затѣйливымъ Марино съ удивительнымъ успѣхомъ; но слѣдствія его торжества распространились гораздо далѣе, нежели сколько онъ ожидалъ. Европа, уже уставшая подражать Италіи, легкомысленно взяла себѣ за образецъ Испанію и вполнѣ предалась этому Неаполитанцу, который въ Италіянскую оригинальность перенесъ яркіе цвѣты Испанскіе.

И такъ обстоятельство и собственная его смышленность упрочивали его славу; это былъ умъ неосновательный, но разнообразный и свѣтозарный: онъ никогда не заботился о существенной сторонѣ человѣческой жизни. Марино провелъ юность свою въ Неаполѣ, въ благовонномъ чаду любовныхъ интригъ, и пособивъ одному изъ своихъ пріятелей увезти любовницу какого-то Испанскаго вельможи, былъ на нѣсколько недѣль посаженъ въ тюрьму. Изъ Неаполя онъ переѣхалъ въ Туринъ, гдѣ его шашни и литературныя схватки кончились пистолетнымъ выстрѣломъ, который былъ направленъ въ Марино его соперникомъ. Ловко воспользовавшись случаемъ выйти на сцену героемъ и увѣнчать себя блескомъ новой славы, онъ изъ этого выстрѣла извлекъ всевозможную выгоду: выпросивъ прощеніе своему врагу, покушавшемуся на жизнь его, онъ шутовское, славолюбивое чело свое осѣнилъ лучами геройскаго величія. Тутъ онъ началъ переходить отъ одного безразсудства къ другому, плести рифмы на всякій случай, раскрашивать все, что попадалось ему подъ руку, повелъ войну съ древними писателями, сталъ малевать картины самыя непристойныя, пересыпать свои стихотворенія каламбурами, и такимъ образомъ уже къ 1606 году умѣлъ помрачить славу и Данте и Тассо.

Ему не доставало здраваго смысла, котораго много было у Аріоста, а еще болѣе у Сервантеса. Марино

Digitized by Google

со своимъ испорченнымъ вкусомъ распространилъ во Франціи, и черезъ нее въ Европѣ, новый Италіянско-Испанскій духъ, исторгшійся первоначально изъ Неаполя, его отечества. Дѣйствуя быстро и злотворно, онъ заразилъ своимъ вліяніемъ большую часть Французскаго общества; въ его духѣ были воспитаны Рамбулье, Котены, Перрольты, Бурсоли, Годо, Воатюры и Сентъ-Аманы. Уже въ 1606 году онъ успѣлъ написать десять томовъ звонкихъ пустяковъ, любовныхъ рѣчей, стихотвореній пастушескихъ, нравоучительныхъ, лирическихъ, героическихъ, сатирическихъ, комическихъ, сладкозвучныхъ погремушекъ, чудныхъ произведеній ребяческаго остроумія. Множество отрывковъ его эпической поэмы, воспѣвавшей любовь Адониса, разошлось по всей Европѣ, слава провозгласила его художникомъ надъ художниками, поэтомъ, низвергшимъ Тассо, пѣвцемъ нѣжнѣйшихъ упоеній любви, подпорою вкуса, царемъ гармоніи и стихотворства. Въ это время одинъ изъ соотечественниковъ Марино привезъ его во Францію. Этотъ Италіянецъ былъ никто другой, какъ Кончино Кончини, маршалъ д'Анкръ, любимецъ Королевы, вскорѣ потомъ опозоренный Парижскимъ народомъ, которому наконецъ надоѣли и эта Италіянская роскошь и высокомѣріе и щеголеватость сихъ чужеземцевъ.

Славному Марино было уже сорокъ лѣтъ отъ роду; онъ испыталъ свѣтъ и познакомился съ придворною жизнію. Поэтъ воспользовался своимъ пребываніемъ во Франціи и устроилъ тамъ свое счастіе. Жизнь его въ Парижѣ составляетъ любопытное событіе.

Въ улицѣ Сен-Тома дю Лувръ, не далеко отъ строившагося тогда Кардинальскаго дворца, въ 1615 году изъ за острыхъ кровель, обыкновенно покрывавшихъ домы тогдашнихъ Парижскихъ мѣщанъ,

Digitized by Google

возвышалось зданіе, замѣчательное своею архи-тектурою въ Италіянскомъ вкусѣ. Это былъ знаменитый отель Пизани или Рамбулье — сборное мѣсто щеголихъ, отличавшееся изысканною роскошью украшеній, великолѣпными и обширными садами и особенно богатымъ щегольствомъ гостей, которые тамъ собирались. Хозяйка дома, болѣе великолѣпная, нежели красивая, болѣе привлекательная, нежели чувствительная, Италіянка, урожденная Пизани, вышла за г-на де Рамбулье оберъ-гардеробмейстера Людовика XIII. Вокругъ нее собирались обломки Италіянскаго двора Екатерины Медичи и вообще люди, имѣвшіе притязаніе на остроуміе. Истинная дочь XVI столѣтія, она любила все переслащенное и преухищренное. Она давала тонъ своей бесѣдѣ; въ началѣ XVII вѣка подъ ея баюканьемъ нѣжились въ своихъ колыбеляхъ Котенъ, Бурсо, особенно Вотюръ, кумиръ этого общества. Шапленъ, тогда еще весьма юный, распѣвалъ тамъ свои первыя пѣсни и уже присвоивалъ себѣ эту власть критики, которою славился впослѣдствіи. Легкомысліе сдружилось тамъ съ педантствомъ. Тамъ съ ужасомъ отвращались отъ простонароднаго языка, отъ всего, что пахло площадью, кабакомъ и рынкомъ. Маленькій міръ заключился въ будуарѣ *Артенисы*. Чтобъ отличиться отъ людей обыкновенныхъ, хозяйка перемѣнила даже свое имя. Каждый взялъ себѣ новое; кто занялъ себѣ имя у Бембо, кто у Садолэ, кто у рыцарскихъ романовъ, особенно у Аріосто и Тассо.

Тамъ-то собирались эти *драгоцѣнные* (precieux), эти смѣшные щеголи и щеголихи, на которыхъ, лѣтъ тридцать спустя, въ негодованіи здраваго смысла вооружались Расинъ, Мольеръ и Буало. Каждый дворянинъ, получившій доступъ въ «палату генія» (такъ называли комнату, назначенную для чтеній)

Digitized by Google

стяжалъ въ свѣтѣ имя *драгоцѣннаго*. Съ этого времени каждое слово, излетѣвшее изъ его устъ, считалось также *драгоцѣннымъ*. Придворные добивались милости быть представленными Артенисѣ; епископы плели мадригалы въ честь властительницы; епископъ Годо чванился титуломъ «Карлы Юліи» и всѣ модники считали за честь принимать участіе въ этой «знаменитой гирландѣ любезности», какъ говорили современники. Отель Пизани доставляла почести и уваженіе; это очень хорошо понималъ Шаплент, ловкій педантъ, непренебрегавшій ничѣмъ для своей выгоды. Викарій былъ другомъ дома; всѣ старались казаться любезными, страстно преданными литературѣ, немножко недовольными правительствомъ, немного набожными, и вполнѣ посвятившими себя избраннымъ удовольствіямъ.

Кратковременное владычество отели Пизани произвело нѣкоторое измѣненіе въ нравахъ Французскаго общества. Въ комнатахъ Артенисы совершился этотъ странный переходъ отъ крамолъ Лиги къ царствованію Людовика XIV. Въ началѣ XVII столѣтія отель Пизани цѣпью разныхъ обстоятельствъ связала вліяніе Италіянскаго духа съ болѣе сильнымъ владычествомъ духа Испанскаго.

Первые члены Италіянскаго общества *драгоцѣнныхъ* не заслуживаютъ совершеннаго презрѣнія. Народъ живой, склонный къ общежительности, уклончивый, готовый всему подражать, но ожесточенный отъ безпрестанныхъ войнъ,—этотъ народъ не успѣлъ еще завести порядочнаго общества, еще не привыкъ къ прілтному обхожденію. Пизани и ихъ Италіянскіе друзья первые показали образецъ любезности хорошаго общества. Уже болѣе ста лѣтъ блескъ Италіянской литературы обольщалъ Францію, и госпожа Рамбулье основала тогда въ Парижѣ ака-

Digitized by Google

демію Италіянско-Французскую, какъ не иначе можно назвать отель Пизани. И какъ обрадовались жрецы этого храма позолоченныхъ искусствъ, узнавъ о пріѣздѣ въ Парижъ величайшаго поэта Италіи, Марино. Отъ него ожидали плодовъ чистой Италіянской образованности, поэзіи Тассо и Аріосто; вмѣсто того онъ представилъ въ себѣ смѣсь лелѣющаго Италіянскаго сластолюбія и чудныхъ Арабо-Испанскихъ вымысловъ; онъ привезъ съ собой одни звонкія слова, изысканные образы и затѣйливые concetti. Но искупивъ всѣ эти недостатки щегольскимъ выборомъ выраженій и плодовитостію странной фантазіи, онъ въ умахъ Французовъ произвелъ двоякое потрясеніе. Одни, какъ Сирано, Бальзакъ, Скаронъ и Ротру преклонились предъ Испанскимъ элементомъ его дарованія; другіе, какъ Сентъ-Аманъ, Вуатюръ, Дюрфэ предпочли въ немъ элементъ Италіянскій; но всѣ вообще признали въ немъ поэта великаго.

И какой великолѣпный праздникъ они ему задали. Мы уже сказали, что Марино зналъ свѣтъ и людей: онъ рѣдко показывался въ обществѣ, чтобы люди не слишкомъ привыкли къ своему кумиру. Марино накопилъ кучу денегъ и большею частію сообщался со свѣтомъ только посредствомъ своихъ твореній. Болѣе корыстолюбивый, нежели тщеславный; болѣе смышленый, нежели склонный къ обольщенію; онъ смѣялся, надо всѣми и прежде всего началъ морочить маршала д'Анкра. Кончивши, послѣ первой ауедіенціи, которую имѣлъ Марино, сказалъ ему по Французски, что приказалъ своему казначею выдать ему пять сотъ червонныхъ. Это была сумма довольно значительная; но нашъ Неаполитанецъ, не понимая, какъ онъ увѣрялъ, хорошо по Французски, потребовалъ тысячу и взялъ ее. — «Чортъ возьми, вскричалъ маршалъ по Италіянски, встрѣтивъ Ма-

Digitized by Google

рино, вы настоящій Неаполитанецъ, мой милый кавалеръ. Вамъ даютъ пятьсотъ червонныхъ, а вы приказываете выдать себѣ тысячу.» — Ваша Свѣтлость, возразилъ Марино, вы очень счастливы, что мнѣ не послышалось: три тысячи. Я ничего не понимаю по Французски.» Запершись въ плохомъ трактирѣ и не оказывая ни малѣйшей роскоши, онъ не принималъ посѣщеній, посылалъ въ Неаполь на постройку своего дома и на покупку картинъ деньги, которыя получалъ отовсюду, и прикрывался маскою поэтической и ученой разсѣянности, которую выдавалъ за признакъ генія. Въ отелѣ Пизани разсказывали съ удивленіемъ, что кавалеръ, сидя однажды въ своемъ трактирѣ передъ очагомъ, занятый сочиненіемъ станса, чуть не сжегъ себѣ ноги. Впрочемъ и точно у него было много работы. День и ночь онъ сочинялъ дивирамбы, прославляя власти, народъ, покойнаго короля, королеву — правительницу, Маршала д'Анкра и маленькаго Людовика XIII. Болѣе шести сотъ стиховъ посвятилъ онъ Маріи Медичи, восхваляя ея уста, руки, ноги, волоса, и она признала его величайшимъ поэтомъ въ мірѣ и дала ему въ пенсіонъ двѣ тысячи червонныхъ. Всякій разъ, когда *большая золотая карета* Маріи Медичи близъ Лувра встрѣчалась съ кавалеромъ Марино, сидѣвшемъ на своемъ маленькомъ мулѣ, супруга Генриха IV останавливалась и долго бесѣдовала съ этимъ дивнымъ поэтомъ, который долженъ былъ позднѣйшему потомству передать славу красоты Королевы: la bellezze corporali de la reina. Будуаръ Артенисы трепеталъ отъ восторга передъ сухощавымъ кавалеромъ; всѣ нетерпѣливо ожидали появленія *Адониса*, огромной поэмы, изъ которой онъ уже напечаталъ нѣсколько отрывковъ, и которая должна была уничтожить Иліаду и Одиссею. Лишь только двадцать

Digitized by Google

пѣсень этой поэмы были напечатаны, Шапленъ, оракулъ вкуса, учеными образомъ доказалъ, что Адонисъ задумалъ и написалъ поэму точь въ точь по правиламъ Аристотеля. Маркизъ де Манзо помѣстилъ Марино у себя въ домѣ. Марино смѣялся себѣ въ кулакъ и ни мало не щадилъ націи, которая его осчастливила. Онъ былъ правъ. Не только это предубѣжденіе, но даже самые нравы и одежда этой смѣшной эпохи сдѣлались для него предметомъ жестокой сатиры. — Вотъ что говорилъ онъ о Франціи въ письмѣ къ другу своему, Испанцу, дону Лоренцо Ското.

«Знай, что я живу въ Парижѣ и предаюсь отчаянно изученію Французскаго языка, хотя и ничего болѣе не знаю, какъ *oui* и *non*. Это большіе успѣхи: что можно болѣе сказать людямъ, кромѣ утвержденія и отрицанія? Что написать тебѣ объ этомъ городѣ? Это цѣлый міръ по своей величинѣ, по всему разнообразію и населенію. Это также міръ глупостей. И весь-то міръ хорошъ только по своимъ глупостямъ: онъ живетъ только противуположностями. Во Франціи болѣе, нежели гдѣ нибудь, противуположностей и этихъ несоразмѣрностей, которыхъ несогласная гармонія поддерживаетъ страну. Одежда смѣшная, нелѣпости страшныя, безпрестанныя перемѣны, вѣчныя междоусобія, безпорядки, излишества, сраженія, ссоры, насилія, смятенія, что должно разрушить Францію, все это ее поддерживаетъ. Это міръ глупѣйшій, нежели самый міръ. Здѣсь все на оборотъ. Женщины здѣсь мужчины, а мужчины женщины. Женщины владычествуютъ въ домѣ и повсюду. Мужчины кокетничаютъ и щеголяютъ какъ женщины. Сіи послѣдніе усиливаются казаться блѣдными, и ты скажешь, что у нихъ у всѣхъ лихорадка. Для большей красоты онѣ лѣпятъ себѣ на лицѣ

Digitized by Google

мушки и пластыри, на волосы сѣютъ муку, такъ что съ перваго взгляда я почелъ было всѣхъ ихъ старыми и сѣдыми. А одежда ихъ!... Они подкладываютъ подъ нее обручи, что даетъ имъ величавый видъ: они занимаютъ болѣе пространства. Вотъ все что можно сказать о женщинахъ. Мужчины, въ морозы прогуливаются въ рубашкахъ. Груди у нихъ открыты такъ, что рубашки вѣются по вѣтру. Манжеты длиннѣе рукавовъ, ихъ надѣваютъ на кисти рукъ, такъ что рубашка со всѣхъ сторонъ выглядываетъ изъ подъ платья. Мужчины всегда въ сапогахъ со шпорами, и это ихъ самая знаменитая глупость. Я видалъ такихъ, у которыхъ никогда не бывало ни одной лошади, и такихъ, которые не умѣли сѣсть на коня, а всѣ они ходятъ въ сапогахъ и со шпорами, точно кавалеристы. Вѣроятно они принимаютъ своимъ символомъ Галльскаго пѣтуха, у котораго всегда на лапахъ шпоры. Пѣтухи по шпорамъ, они кардиналы по остальной одеждѣ: у нихъ полукафтанья и плащи красные. Впрочемъ платья столь разноцвѣтны, что этихъ господъ можно почесть за палитры. Они носятъ перья длиннѣе лисьяго хвоста и на головѣ другую прибавочную голову, которую зовутъ парикомъ.

«Вотъ какое платье долженъ я здѣсь носить, чтобъ не отстать отъ моды. Ты отъ души насмѣялся бы, увидѣвъ меня въ этой шамелюкской одеждѣ, которая со всѣхъ сторонъ подшпиливается булавками, такъ что мнѣ иногда приходится плохо въ нѣкоторыхъ обстолтельствахъ. Я долженъ былъ употребить цѣлые два аршина кружевъ, чтобъ обмотать ноги до половины икры. Архитектура этого украшенія дорическая; сверхъ того на голову надобно надѣть лахань изъ накрахмаленной кисеи: голова въ ней каменѣетъ, будто она сдѣлана изъ гипса. Здѣсь носятъ

Digitized by Google

на ногахъ иногда башмаки, иногда сапоги и такіе широкіе, что ходишь какъ бы вполовину разутый, на сгибахъ ноги торчатъ банты изъ лентъ, съ которыми я похожъ на махноногаго голубя. Подъ пятки подставлены каблуки въ два или три вершка, а подъ тѣнью моей большой ліонской шляпы изъ темнаго войлока, могъ бы скрываться Марокскій императоръ: она острѣе деревенской колокольни. Здѣсь все заострено: шляпы, кафтаны, сапоги, прически, умы и кровли домовъ. Дворяне проводятъ въ гульбѣ дни и ночи, готовы межъ собой подраться за бездѣлицу и берутъ себѣ въ секунданты перваго встрѣчнаго; тому вѣчный стыдъ, кто откажется: вотъ еще одна глупость. Можетъ быть тебѣ когда нибудь напишутъ, что и я отбивалъ терцію и кварту, и изъ учтивости былъ убитъ, Богъ знаетъ, кѣмъ. Пріятели, встрѣтившись между собою, разсыпаются въ церемоніяхъ и комплиментахъ, и надобно тому брать уроки у танцовальнаго учителя, кто хочетъ хорошо кланяться, потому что разговоръ между двумя особами всегда начинается балетомъ.»

«Съ дамами цѣлуются публично, и пастушокъ очень громко и весьма свободно говоритъ на прямикъ своей нимфѣ разныя вещи. Только и видишь одни игры, балеты, праздники, балы, обѣды и маскарады. Въ одинъ день рѣжутъ животныхъ болѣе, нежели сколько природа можетъ произвести ихъ въ годъ. Съ ранняго утра до поздней ночи каплуны, бараньи ноги и котлеты на вертелахъ жарятся въ адскомъ огнѣ, доказывая тѣмъ вѣчное движеніе. Воду продаютъ также какъ каперсы, сыръ и каштаны. О плодахъ ужъ и не спрашивай: за лимонъ или помаранецъ надо заплатить мѣшки золота. Вино течетъ рѣкою и бутылки переходятъ изъ рукъ въ

Digitized by Google

руки. По все это ничто передъ глупымъ климатомъ, до крайности непостояннымъ, какъ и люди, которые въ немъ живутъ: въ одинъ день увидишь всѣ четыре времени года. Для этого надобно по крайней мѣрѣ запастись четырьмя плащами: однимъ для дождя, другимъ для града, третьимъ на случай вѣтра, а четвертымъ отъ солнца. Впрочемъ солнце здѣсь, какъ женщины, всегда замаскировано. Дождь очень благосклоненъ къ доброму городу Парижу и настилаетъ на улицы чертовскую грязь болѣе вязкую, нежели смола. Когда я пріѣду въ Туринъ, припаси мнѣ хорошенькій балконъ, на которомъ я въ своемъ Французскомъ нарядѣ сяду о маслянницѣ, какъ попугай для потѣхи ребятъ.»

Мы не выписали бы этого шутовскаго письма, если бы оно не выражало души Марино, захватившаго въ литературной Европѣ диктаторскія кресла, на которыхъ впослѣдствіи возсѣдали Вольтеръ и Гёте. Тогда жилъ Корнель, но многіе не вѣрили его великому дарованію. Монтеньи не задолго передъ симъ умеръ, и одна дѣвица де Гурней чтила его память. Сервантесъ томился въ крайнемъ убожествѣ; забытый Шекспиръ садилъ капусту въ Стратфордѣ. Марино затмилъ ихъ всѣхъ. И это-то былъ великій человѣкъ. Вотъ что такое великій человѣкъ!

Онъ получалъ двѣ тысячи червонныхъ пенсіона; *Адонисъ* былъ напечатанъ; слава его была утверждена; дворъ и отель Пизани становились предъ нимъ на колѣна; Римъ и Неаполь призывали его къ себѣ. Очень нужно было ему жертвовать жизнію и славою своему покровителю Кончини. Лишь только Маршалъ д'Анкръ и жена его подверглись ярости народа и хладнокровному гнѣву юнаго Людовика XIII, нашъ поэтъ испугавшись уѣхалъ въ Римъ, и

Digitized by Google

потомъ въ Неаполь, куда онъ вступилъ такъ торжественно.

Здѣсь кстати разсмотрѣть его поэтическія произведенія, которымъ образованные народы воздали столь великую почесть. Ихъ характеръ — пустословіе. Это стихотворная болтовня, безъ страсти и безъ убѣжденія, чуждая истины и величія. Послѣ паденія монархій наступаетъ владычество адвокатовъ, послѣ упадка литературы настаетъ царство болтуновъ. Адвокаты ведутъ къ могилѣ гражданскую образованность; риторы идутъ за гробомъ литературы. Не мнимое ли ораторское искусство, то есть нахальное пустословіе, своею прозою спеленало умирающую Римскую имперію? Греческая и Италіянская литературы умерли подъ тою же тягостію поэтической болтовни, подъ этими же позолотами безмысленнаго слова. Марино, истинный представитель этого упадка Италіянской литературы, впервые вышелъ на свое поприще съ пѣснію «Поцѣлуи» (Basi), которую вмигъ пропѣла вся Италія. Въ этомъ твореніи уже проявился общій элементъ его произведеній: сладострастіе и гармонія.

Еще не имѣя двадцати лѣтъ, онъ началъ писать и уже тогда обнаружилъ всѣ свои недостатки: изысканность выраженій, склонность къ антитезамъ, къ возбужденію эффекта, къ страннымъ, неожиданнымъ оборотамъ и все это въ самой высшей степени Эти бѣдные *Поцѣлуи* являются у него *врачествомъ, обидою, трубою, битвою;* уста называются *сладкими воителями, пріятною темницею, язвительнымъ кораллом, живою смертію.* Звѣзды сдѣлались *факелами на погребеніи дня*, потомъ *ожемчуженными плясовицами, живыми цвѣтами.* Эти диковинки, перемѣшанныя съ преподробными, почти пафологическими описаніями, чрезвычайно понравились его со-

Digitized by Google

отечественникамъ. Тогда съ пера Марино непстощимымъ потокомъ потекли рифмы пастушескія, печальныя, любовныя, фантастическія, героическія, всякія, *сюрель*, собраніе Идиллій, *убіеніе младенцевъ*, *Хралъ*, *Панегирики* и наконецъ *Адонисъ*, оконченный во Франціи. Въ важномъ или комическомъ тонѣ, въ страстномъ или описательномъ родѣ Марино никогда не выходилъ изъ колеи, прорѣзанной имъ въ первомъ его твореніи. Онъ уже пересталъ заботиться объ идеѣ, о составѣ плана, объ изящной чистотѣ формы. Ему довольно было изумлять и щекотать необузданную фантазію, чего онъ и достигалъ съ помощію плодовитаго своего воображенія, представлявшаго ему новые и яркіе образы. Не трогая души, и дѣйствуя только на фантазію, онъ надмевался, что не подражаетъ древнимъ и не слѣдуетъ старинной модѣ. «Къ чорту токи a la Petrarque, кричалъ онъ, и дыравые кафтаны нашихъ предковъ» Эта мнимая оригинальность, сдѣлавшись разсчетомъ, довела поэзію до презрѣннаго ремесла. Это высокое искусство, раззнакомясь съ теплыми, благородными чувствами человѣческаго сердца, обреклось служенію суетнымъ прихотямъ ума и грубымъ вожделѣніямъ плоти. Разсыпая стансы и мадригалы, оно, какъ безплодное, несогрѣвающее пламя, потекло по газамъ будуаровъ и по скуднымъ цвѣтамъ, которыхъ продажная красота была подрумянена. Тогдашняя поэзія была безнравственна, потому что была суетна и порочна, потому что не согрѣвалась любовію.

Марино не былъ настоящій Италіянецъ, изящный живописецъ красоты, обожатель чистой и граціозной формы; онъ искалъ колорита болѣе яркаго, нежели колоритъ Тассо и Аріосто. У него цѣль поэзіи, удивлять сцѣпленіемъ новыхъ идей.

По его мнѣнію поэтъ не имѣетъ достоинства, ес-

Digitized by Google

ли онъ не можетъ ошеломить читателя. У Марино была своя система, которую онъ пространно развивалъ въ посвященіяхъ и письмахъ, особенно въ тѣхъ, которыя посылалъ поэту Аккиллини, своему ученику въ безпутной оригинальности превзошедшему самаго учителя, какъ это всегда случается. Марино оказывалъ глубокое презрѣніе ко всякой критикѣ. «Къ чему годятся, говорилъ онъ, эти смѣшные, мизные судіи евнухи литературные? Что будутъ дѣлать у насъ эти немощные серальскіе придверники? На какую власть могутъ имѣть притязаніе эти жалкіе таможенные смотрители мысли, эти надзиратели искусства, которые роются въ нашихъ обозахъ и портятъ тамъ все, до чего ни дотронутся? Что смотрѣть на ихъ господствованіе. Они квакаютъ какъ лягушки, не имѣя силъ ни пѣть, ни кусать. Всеблагій Творецъ не далъ ни зубовъ болотнымъ гадамъ, ни дарованія критикамъ, и за это слава ему и поклоненіе. Если бы у однихъ были зубы, а у другихъ таланты, путешественники должны бы были ходить въ латахъ и желѣзныхъ наколѣнникахъ, и ни одинъ поэтъ не могъ бы создать великаго творенія.»

Такъ то нашъ геній защищалъ свой испорченный вкусъ и переворотъ, произведенный имъ въ искусствѣ. Его доводы и поэтическія произведенія казались современникамъ превосходными, и они нарекли царемъ поэтовъ рифмача, насильственно и безумно слившаго въ себѣ два элемента, Испанскій и Италіянскій, прекрасные каждый въ особенности, но противные истинному искусству въ такомъ неестественномъ смѣшеніи. Франція, тогда безсознательно и тревожно отыскивавшая идеальнаго изящества, рабски начала списывать недостатки Марино, который, считая себя поэтомъ Италіянскимъ, не былъ въ душѣ ни Испанцемъ, ни Италіянцемъ. Едва черезъ трид-

Digitized by Google

цать лѣтъ усилій и битвъ здравый смыслъ и истинный вкусъ народа успѣли уничтожить это гибельное вліяніе. Буало, Мольеръ, Расинъ и Паскаль разсѣяли наконецъ этотъ удушливый туманъ, налегшій на Французскую литературу и сбили съ пьедесталовъ бюсты Марино и его побочныхъ сыновей Теофила и Сент-Амана.

Во всѣхъ произведеніяхъ этого Итальянскаго поэта вы не найдете ничего великаго и могущественнаго. Въ пятнадцатой пѣснѣ своей поэмы «Адонисъ» онъ сто десять строфъ посвящаетъ описанію, какъ Венера съ Меркуріемъ играетъ въ шахматы. Все это разсказано превосходными стихами; трудно оказать болѣе художнической ловкости и плодовитости. Здѣсь изложены всѣ правила игры, всѣ мельчайшія подробности этой партіи, которую вы можете разыграть въ клубѣ, если вамъ угодно. Меркурій что-то сплутовалъ съ помощію служанки; Венера это замѣчаетъ, кидаетъ въ нее шахматную доску; убиваетъ ее и потомъ превращаетъ въ черепаху: все это описано въ пяти стахъ щегольскихъ стихахъ. Марино не поражаетъ васъ глубокостію чувствъ, какъ Тассо, не обольщаетъ яркими красками очаровательнаго волшебства, какъ Аріосто; онъ, пожалуй, описалъ бы стихами засѣданіе земскаго суда. Такъ ничтожество души отражается въ ничтожествѣ произведенія. Нѣтъ, талантъ этимъ не довольствуется. Имъ владычествуетъ болѣе возвышенное вдохновеніе, и чрезвычайно назидательно изученіе преждевременно увядающихъ литературъ, которыхъ оплодотворять не можетъ и дарованіе, когда нравственная сила народа сокрушена.

Вотъ какимъ опасностямъ подвергнулась бы Франція, еслибы въ самомъ духѣ народа не таилось бы противуядіе — ироническій умъ и изящный вкусъ.

Digitized by Google

Врожденная гибкость и непостоянство Французскаго народа влекутъ его къ подражательности. Первое свое воспитаніе онъ получилъ отъ низпадающаго Рима; потомъ онъ сталъ посѣщать ненавистныя школы схоластики среднихъ вѣковъ. Языкъ его былъ римское нарѣчіе, болѣе жесткое на сѣверѣ, болѣе мягкое на югѣ. Онъ еще не подарилъ міру этой первобытной энергіи, этой чистосердечной оригинальности, этой плодовитости въ новыхъ вымыслахъ, этихъ качествъ свойственныхъ тевтонскому племени, которое всегда чуждо Римскому міру. Языкъ и духъ древнихъ не перешли къ нему въ наслѣдіе изъ первыхъ рукъ. Напослѣдокъ онъ подчинился вліянію упадающихъ литературъ Испанской и Италіянской, вліянію, тѣмъ болѣе опасному, что въ природѣ этого народа вовсе не было ни Иберійской величавой энергіи, ни Италіянской изнѣженности. Иноземная мишура испестрила яркими цвѣтами чистую основу Французскаго ума, и только нѣкоторые великіе писатели, неусыпные дѣятели, время отъ времени останавливали нашествіе иноплеменниковъ на полѣ Французской литературы. Таковы были Кальвинъ, Монтаньи, Паскаль, Боссюэтъ, между прозаиками; Малербъ, Корнель, Расинъ, Буало, Лафонтенъ между поэтами. Нельзя сказать, что они были совершенно чужды иноземнаго вліянія, но во всѣхъ своихъ твореніяхъ эти и другіе знаменитые писатели сохраняли характеръ Французскій. Маро и Рабле имѣютъ въ себѣ много Италіянскаго; Корнель усвоилъ себѣ все, что есть высокаго въ Испанской литературѣ; въ самомъ Расинѣ находимъ милую блистательность Гварини и Монтемайера. Но другіе, которыхъ слабость или склонность къ неестественности подчинили ихъ рабской подражательности, Бальзакъ со своими Испанскими фразами, Вуатюръ со своими

Digitized by Google

Испанско-италіянскими кончетти, Сирако, двоюродный братъ Кеведы, Сент-Аманъ, наслѣдникъ Марино, всѣ сіи писатели, не имѣвшіе ни генія, ни вкуса, но не лишенные ума и таланта, блеснули на минуту, потомъ потускли и оставили по себѣ двусмысленную память.

Очень трудно въ наше время склонить читателя къ разбору «Адониса.» Эта смѣсь Греческой миѳологіи и рыцарскаго волшебства, нѣчто среднее между трагедіей и имброльо, между эротическимъ гимномъ и эпическимъ описаніемъ; тутъ вы увидите краски и христіанскія и арабо-испанскія и языческія воспоминанія сладострастной Италіи. Это нѣчто ложное и не полное, какъ бы два межъ собою враждебные элемента, два несоотвѣтствующіе другъ другу свѣта, которые хотятъ одинъ другимъ проникнуться и безъ успѣха. Осмѣлимся представить небольшой образчикъ этого слога, приводившаго нѣкогда въ удивленіе всѣхъ, слога легкаго и блистательнаго, текучаго и яркаго, Италіянскаго и Испанскаго, быстраго, лишеннаго чистоты и вкуса, но сверкающаго фосфорическимъ огнемъ и отличающагося силою, утомительною для читателя.

Come prodigiosa acuta stella,
Armata il volto di scintille è lampi,
Fende de l'aria, horribil si, ma bella,
Passegierá lucente, i larghi campi;
Mira il nocchier, da questa riva e quella
Con qual purpureo piè la nebbia stampi,
E con qual penna d'or scriva e disegni
Le morti á i regi e le cadute á i regni.

.....

Gran traccia di splendor dietro si lassa
D'un Jolco ardente, e d'auree fiamme acceso
Riga intorno le nubi, ovunque passa
E trahe per lunge linea in ogni loco

Digitized by Google

Striscia di luce, impression di foco.
Sul mar si cala, e si com'ira il punge,
Se stesso avampa impetuoso á piombo;
Corconda i lidi quasi mergo, e lunge
Fa de l'ali stridenti udire il rombo, etc...

«На крыльяхъ своихъ знойныхъ, но легчайшихъ воздуха, онъ пробѣгаетъ по стезѣ вѣтровъ. Такъ чудная звѣзда, блистательная путешественница, страшная и прекрасная, съ челомъ, вооруженнымъ молніями, разсѣкаетъ огромныя пространства. Кормчій любуется и дивится на розовыя ноги, которыми она поражаетъ облака, и смотритъ, какимъ золотымъ перомъ она пишетъ и возвѣщаетъ смерть царей паденіе монархій. Такъ мчится богъ, оставляющій за собой великій слѣдъ сіянія, пламенную бразду; огни золотые сверкаютъ вездѣ по облакамъ, гдѣ онъ протекаетъ. Повсюду за нимъ тянется длинная стезя блеска, напечатлѣніе пламени. Онъ склоняется къ морю и, проникнутый жестокимъ гнѣвомъ, падаетъ отвѣсно, какъ морская птица, касаясь морскихъ береговъ и вдалекѣ слышенъ шумъ отъ вѣянія крылъ его.»

Если слогъ и идея сочиненія обнаруживаютъ ограниченный разсудокъ поэта, мелочная изысканность въ подробностяхъ доказываетъ еще болѣе нравственную скудость, отъ которой тогда страдала Италія. Марино совсѣмъ небезчиненъ въ стихахъ своихъ; выраженія его не грубы; онъ срываетъ цвѣты души со свѣжихъ устъ,

Da la sue labra il flor de l'alma coglio.

Самыя сладострастныя его картины, облеченныя нечистосердечнымъ цѣломудріемъ, не поражаютъ ни уха безчинными словами, ни воображенія сластолюбивыми группами; но лишь только Марино разовьетъ свой станъ, сквозь весь этотъ прозрачный газъ уже и выглядываетъ утонченное сладострастіе и изыска-

Digitized by Google

нія болѣе, нежели ученыя. У него подъ мнимымъ простодушіемъ скрываются самыя непристойныя вещи и «Поцѣлуи». Жана Сегонда покажутся очень скромными въ сравненіи съ любовными стихотвореніями Марино. Парни и Бертенъ, также поэты эротическіе, никогда не писали ничего подобнаго пѣсни въ Адонисѣ, называемой *J Frastulli*. Профессоръ чувственности, онъ съ хладнокровіемъ и важностію, методически преподаетъ тонкости ученаго сибаризма. Онъ въ своихъ произведеніяхъ не сказалъ бы ни слова объ облакѣ, которымъ стыдливый Виргилій облекъ пещеру, гдѣ скрывались его любовники. Подобный этимъ соблазнительнымъ танцовщицамъ, которымъ лицемѣрное покрывало служитъ извиненіемъ и приманкою, Марино безпрестанно обращается къ людямъ, искусившимся въ сладострастныхъ утѣхахъ и изнуреннымъ удовольствіями. Впрочемъ въ его сластолюбіи нѣтъ ни стыда, ни неистовства. Это ни вакханка, ни любовница; это прелестница юная, опытная, ловкая.

Мы уже видѣли, что Марино первый перенесъ Испанско-италіянскій вкусъ, проникшій всю литературу при Людовикѣ XIII. Но чему этотъ поэтъ, былъ обязанъ славою занимать мѣсто властителя въ кругу литературномъ? Большею частію своимъ посвященіямъ и въ самомъ дѣлѣ, если его зоркое корыстолюбіе замѣчало ларецъ, изъ котораго онъ могъ поцечиться, перо его уже начинало скрыпѣть по бумагѣ. Такъ напримѣръ, онъ написалъ для маршала д'Анкра свой «Tempio», посвященный all'illustrissima et eccelentissima madama la maresciа la d'Ancra. Это поэма, панегирикъ Генриху IV, Маріи Медичи, Франціи и всему что казалось полезнымъ Марино, произведеніе въ сто девяносто шесть строфъ, каждая въ шесть стиховъ, которые, какъ потокъ пріятнаго благоуханія, ка-

Digitized by Google

тится въ своемъ утомительномъ теченіи... Марино зналъ женщинъ, зналъ, что королевы также женщины и сто шестьдесятъ два стиха въ своемъ «Tempio» употребилъ на подробное описаніе того, что мы называли *bellezze corporali della reina*. Въ своемъ введеніи онъ называетъ маршальшу д'Анкръ *солнцемъ добродѣтели, полюсомъ мудрости*.

Въ цѣлой строфѣ онъ описываетъ *божественную кайму* (la margelle) чела ея, въ двѣнадцати стихахъ славитъ ея черныя, блистательныя очи, и во всемъ стихотвореніи безпрестанно обращается къ королевѣ, находя на лицѣ ея *млечныя степи, долины лилій, снѣжныя тропы*. Но особенно носъ Маріи Медичи возбуждаетъ въ поэтѣ дифирамбическій энтузіазмъ; этотъ носъ *бѣлое зданіе, возвышающее свою небольшую ступенку между двумя лугами пурпуроваго снѣга и бѣлаго пурпура*

Sorga nel mezzo un edificio bianco
E letto a terminar con muro breve
Posto colá fra'l destro prato e'l manco
Il candid'ostro e la purpurea neve.

Самые усики Маріи Медичи, *рѣденькій лѣсокъ*, плѣнютъ поэта, а въ зрачкахъ ея глазъ написаны *черными перомъ* слова: *здѣсь солнце!*

Вотъ по какимъ причинамъ этотъ человѣкъ полными пригоршнями черпалъ славу въ потокѣ народной глупости и червонцы въ ларцѣ королевскомъ! Вотъ почему онъ разговаривалъ съ королевою на улицѣ, строилъ себѣ дворецъ въ Неаполѣ и заслужилъ, что современники поставили ему статую! Между тѣмъ Бэконъ, Шекспиръ и Монтаньи были забыты. Современная слава! безразсудные смертные! пѣлѣное легкомысліе!

Но при всемъ томъ Марино человѣкъ весьма замѣчательный. Въ спискѣ литературныхъ нововводи-

Digitized by Google

телей онъ занимаетъ видное мѣсто, и свѣтъ его поэтической звѣзды далеко простирается, умирая уже у подножія престола Людовика XIV. Онъ лице историческое, какъ прародитель многихъ блестящихъ пороковъ, остроумный обольститель, заимствовавшій многіе недостатки отъ Испаніи и перенесшій ихъ во Францію, слѣдовательно въ одно время и развратитель и развращенный. Наконецъ его паденіе послѣ такой славы, мракъ забвенной могилы послѣ столь блистательной жизни, презрѣніе послѣ такихъ почестей, все это заслуживаетъ глубокаго наблюденія и занимательно не въ одномъ литературномъ отношеніи. Это жестокій и поучительный урокъ гордости и тщеславію. Не будемъ сами возлагать вѣнцовъ славы на главы свои; предпочтемъ истину успѣхамъ, а все прочее предоставимъ будущности.

Digitized by Google

VII.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

152. Сицкій, капитанъ фрегата, соч. князя Н. Мышицкаго. С. Петербургъ, въ типографіи Императорской Академіи наукъ, 1840 г., въ 8 д., 3 части, въ 1-й 326, во 2-й 277, въ 3-й 325 стр.

Есть два рода слабыхъ произведеній въ искуствѣ: одни происходятъ отъ незнанія того, что должно дѣлать, другіе отъ неумѣнья дѣлать то, что должно. Слѣдствія одинаково печальны въ томъ и другомъ случаѣ: произведеніе падаетъ. Извѣстно всѣмъ и каждому, что наша литература чрезвычайно богата нищетою, т. е. произведеніями упадшими, падающими и зловѣщими предвѣщаніями такихъ, которые еще должны упасть въ свою очередь. По какому же закону преимущественно случаются съ ней эти роковыя событія? по первому закону — закону незнанія, или по второму — неумѣнья? Конечно, по обоимъ вмѣстѣ, хотя мы не постигаемъ, какимъ образомъ не знаютъ и не умѣютъ сдѣлать порядочныхъ литературныхъ произведеній наши писатели, изъ которыхъ почти каждый есть или юноша глубокихъ помысловъ и всезнанія, или міровой геній, проявляющій безконечный объектъ въ своемъ конечномъ субъектѣ, и образующій въ себѣ по тому самому объек-

Digitized by Google

то-субьектъ. Право не постигаемъ! Въ страшное мы время живемъ! Посмотрите, какая благодать надъ нами, сколько блеску, различныхъ самобытностей, различныхъ самонадѣянностей, высокостей въ умахъ нашего поколѣнія! Боже мой! такой умственной роскоши не производилъ ни одинъ вѣкъ. Тамъ милый юноша, еще не кончивший своего ученія, рѣшаетъ міровыя задачи съ такою же беззаботностію и легкостію, какъ будто бы онъ глоталъ устрицы, или пускалъ изъ своего рта клубы гаванскаго дыма; то, что другимъ, обыкновеннымъ людямъ стоило прежде труднаго и продолжительнаго изученія, глубокихъ соображеній, ему дается въ два въ три часа прилежнаго гулянья на Невскомъ проспектѣ. Вотъ здѣсь даже цѣлая толпа юношей, кипящихъ великими идеями, съ челомъ, пріосѣненнымъ лучами творческой думы, со взоромъ, пронзающимъ сквозь очки въ золотой оправѣ ваше сердце, какъ вы пронзаете вилкою Кулоповскую котлету! Тамъ учредилась цѣлая міровая компанія на акціяхъ для обусловленія людей идеями безконечнаго бытія и развитія и для обобщенія между ними той дивной, міровой темноты понятій, которая, какъ извѣстно, составляетъ первое основаніе всякой умной рѣчи и чрезвычайно быстро подвигаетъ человѣчество впередъ. А вотъ другая компанія приняла на себя великую и вмѣстѣ скромную обязанность преобразовать все умственное и литературное направленіе въ Россіи, мимоходомъ кинуть лучь новаго свѣта на остальную Европу, и въ заключеніе, подарить смертнымъ новую логику, которою бы торжественно воспрещалось мыслить и судить, а только предписывалось бы все знать ясно, несомнѣнно и безошибочно. Такая-то у насъ изумительная роскошь литературныхъ способовъ и силъ! А между тѣмъ, мы все-таки не видимъ почти ни одного замѣчательнаго творенія. Удивительно! Можетъ быть наши геніальные писатели просто не хотятъ хорошо писать и то, что намъ кажется зависящимъ отъ естественнаго хода вещей, есть слѣдствіе глубокихъ міровыхъ соображеній, есть не иное что, какъ система, основанная на мудрыхъ началахъ посредственности. Но въ такомъ случаѣ, къ чему жъ этотъ шумъ о высокомъ, объ идеяхъ, о всемірныхъ значеніяхъ, глубинахъ, дивныхъ помыслахъ и т. п.? не постигаемъ! Намъ казалось бы, что лучше всего дѣлать то, о чемъ говоримъ, чѣмъ говорить не дѣлая. Мы также думаемъ, что всѣ преувеличенныя притязанія въ

Digitized by Google

искусствѣ очень вредны и что гораздо полезнѣе было бы для него выполнять удовлетворительно его скромныя задачи, чѣмъ пускаться въ бездны міроваго значенія вещей, куда не всякій можетъ рискнуться безопасно и гдѣ многихъ ожидаютъ вѣрный мракъ и пустота. Можетъ быть и умѣнья нашлось бы у насъ больше, если бы мы сосредоточивали свои силы въ цѣляхъ, болѣе опредѣленныхъ, сжимая и усиливая ихъ такъ сказать границами ближайшими къ намъ, которыя въ тоже время служили бы намъ и опорою. Грустно видѣть покушеніе, стоившее жертвъ, безъ послѣдствій, трудъ безъ плода, усиліе, изобличившее только слабость силъ. Вотъ передъ нами большой, очень большой романъ *Сицкій* съ притязаніями на характеры, съ обширнымъ значеніемъ, глубокостію страстей и яркою обрисовкою. Это не повѣсть эфирная, игривая и граціозная съ легкими очерками нравовъ и сердца человѣческаго: это цѣлый эпосъ, обѣщающій вамъ образы колоссальнаго размѣра и впечатлѣнія, раздирающія сердце. Къ чему это все? Авторъ изнемогъ подъ бременемъ своего предмета; рука его не въ силахъ была управлять этимъ огромнымъ кораблемъ: корабль палъ въ бурныхъ океана и вождь его на обломкѣ доски выброшенъ на острыя и сухія скалы критики. Между тѣмъ въ маленькой лодочкѣ онъ счастливо могъ бы наплаваться, сколько душѣ угодно, около цвѣтущихъ береговъ, или между зелеными островками, и привезти своей музѣ не алмазы, не кораллы, а букетъ свѣжихъ, благоухающихъ цвѣтовъ—и она взглянула бы на него съ такою милою улыбкою и, вмѣсто горькихъ уроковъ критики, подарила бы ему такой прелестный поцѣлуй, что послѣ этого у самаго суроваго рецензента выпало бы изъ рукъ перо.

Содержаніе романа очень просто: Капитанъ Сицкій съ фрегатомъ своимъ Смѣлымъ, лейтенантомъ Мартьяновымъ, мичманомъ Чаровымъ и матросами, которыхъ имена не означены, стоитъ на Кронштадтскомъ рейдѣ; къ нему пріѣзжаетъ въ гости молоденькая замужняя графиня, съ двумя тоже молоденькими и прелестными дѣвицами. Всѣ эти три дамы только что добрались до фрегата, тотчасъ и влюбляются въ трехъ офицеровъ, начиная съ Сицкаго, которому, по праву старшинства, достается сердце графини. Видно по всему, что онѣ на берегу еще приняли твердое намѣреніе влюбиться, во что бы то ни стало, въ морскихъ офицеровъ: къ сухопутнымъ у нихъ

Digitized by Google

какъ-то не лежало сердце. Впрочемъ романъ принялъ на свои страницы только двѣ любви, любовь графини Леонтины къ Сицкому и любовь Маріи къ Мартьянову: двое послѣднихъ ужъ самыми именами своими были, какъ видно, обречены другъ другу. Что касается до третьей дамы Софьи, романъ уволилъ ее отъ необходимости влюбиться въ морскаго офицера. Онъ рѣшился за то исключительно заняться любовію благороднаго капитана и восхитительной графини. И что за любовь, Боже мой! Это цѣлый океанъ любви, съ бурями, штормами, шквалами, крушеніями и наконецъ съ благополучною пристанью у цвѣтущихъ береговъ брака. Авторъ зналъ, что вся важность романа зависитъ отъ изображенія характеровъ, и потому всѣ усилія свои сосредоточилъ на эту часть своей обширной картины. Съ крайнимъ прискорбіемъ мы должны увѣдомить читателей, что это-то и есть самая слабая часть его творенія. Главныя дѣйствующія лица, разумѣется, Сицкій и графиня Леонтина. Автору очень хотѣлось, чтобы первый отличился силою и глубокостію души, рѣзкими и оригинальными чертами физіономіи, а вторая всею роскошью молодой, прекрасной, образованной женщины высшаго круга. Онъ построилъ огромные лѣса около мѣста, на которомъ должно было возникнуть зданіе по задуманному плану—лѣса остались, вы смотрите, гдѣ жъ зданіе? Гдѣ эта дивная громада, для которой истрачено столько средствъ? Не ищите напрасно— вы увидите маленькую бесѣдку странной архитектуры, родъ голубятни, такъ неудачно построенную, что она и держится только лѣсами, и столь тѣсную, что великой идеѣ и сильнымъ страстямъ тамъ и поворотиться негдѣ. Вотъ напримѣръ этотъ г-нъ Сицкій вышелъ препустой человѣкъ, не смотря на то, что онъ безпрестанно рвется въ сильные характеры. Его страсть есть настоящая морская болѣзнь со всѣми возможными корчами глубокаго чувства, только безъ его внутренняго огня и жизни. Авторъ приказалъ ему офиціально влюбиться, и бѣдный Сицкій, не смотря на свою неспособность къ поэтическому изступленію, мечется во всѣ стороны, бушуетъ, свирѣпствуетъ, однимъ словомъ влюбляется отчаянно и рапортуетъ автору: «честь имѣю донести, что по части бѣшеной любви у меня все обстоитъ благополучно. Я даже напился пьянъ и завязалъ дуэль.» Но за что, напримѣръ, въ Ревелѣ онъ вздумалъ грянуть настоящимъ морскимъ ураганомъ на бѣдную

Digitized by Google

графиню, которая впрочемъ такъ глупа, что вовсе и не заслуживала быть предметомъ такого ужаснаго испытанія природы? Автору, вотъ видите, нужна была ревность, чтобы дать поводъ Сицкому развернуть свой сильный характеръ — и вотъ онъ ревнуетъ безъ всякой основательной причины и дѣлаетъ такія отчаянныя глупости, какихъ ни на морѣ, ни на сушѣ вы не встрѣтите. Вообще этотъ Сицкій во всемъ романѣ постоянно ничего не дѣлаетъ, и ничего не говоритъ кромѣ пошлостей, все подъ предлогомъ сильнаго характера и ничего не возбуждаетъ въ читателѣ, кромѣ смѣха, какъ карликъ, надѣвшій на себя доспѣхи древнихъ великановъ—рыцарей. Да и откуда авторъ взялъ такую ужасную любовь для своего капитана? Сколько намъ извѣстно, капитаны фрегатовъ люди уже не первой молодости, степенные, разсудительные, и до того занятые своею трудною должностію, что имъ вовсе не прійдутъ и на мысль подобныя проказы. Зачѣмъ же такое отступленіе отъ истины? Вотъ Мартьяновъ, такъ ужъ тотъ, по крайней мѣрѣ только лейтенантъ — пусть себѣ запирается въ каютѣ для сладостныхъ мечтаній, когда, его спрашиваютъ за дѣломъ, хотя и ему довольно таки работы по службѣ. Чтобъ познакомиться съ огненнымъ характеромъ Сицкаго и его способомъ выраженія, не угодно ли вамъ прочесть письмо, написанное имъ къ графинѣ въ роковую минуту, когда онъ готовится на смертный бой съ нѣкіимъ Славинымъ. А кто этотъ Славинъ? ничтожнѣйшій изъ смертныхъ, котораго авторъ, какъ куклу, нарядилъ въ рыцарское удальство, свѣтскую любезность и великодушіе, хотя все это идетъ къ нему, какъ модный корсетъ къ Матренѣ Карповнѣ, толстой сожительницѣ Чухлонскаго мѣщанина. Вотъ что онъ пишетъ: «Когда Славинъ будетъ стрѣлять, я прощусь съ вами, положу портретъ на сердце мое и наведу пистолетъ противника прямо въ средину его, для того, чтобы двѣ тамъ положенныя пули пробили на вылетъ со мною вмѣстѣ и образъ вашъ, и такъ умру все таки, какъ бы неразлучно съ той, съ которою я узналъ и потерялъ жизнь. Теперь единственное мое желаніе, чтобы Славину достался тотъ пистолетъ, въ которомъ неизбѣжная смерть; они готовы: одинъ холостой, другой съ двумя пулями; я любуюсь на послѣдній, въ надеждѣ скораго конца всему для меня на свѣтѣ, но и боюсь, чтобы враждующая судьба не обманула меня.»

«Позвольте просить васъ объ одной послѣдней милости: не сердитесь, ежели Славинъ пострѣлитъ со мною вмѣстѣ портретъ вашъ, который тогда, конечно, пропалъ. Но если судьба сохранитъ меня для дальнѣйшихъ страданій, портретъ оставлю у себя, пусть напоминаетъ мое прошлое счастье, тѣ черты, въ коихъ было блаженство мое; напоминаетъ ту, для которой жилъ, въ которой заключался міръ земной и рай мой! Столь драгоцѣнный портретъ не будетъ годенъ для васъ тогда, потому что во всякомъ случаѣ, непремѣнно испортится хоть нѣсколько: на него ляжетъ выстрѣлъ, если и безъ пули, то и отъ этого онъ, можетъ быть, вдавится въ бокъ мой» замарается кровью, уже противною для васъ; кровью, которую вы же зажгли, воспламенили; онъ окурится смрадомъ пороха, предшественника смерти» и проч.

По прочтеніи сего рапорта объ имѣющемъ быть умертвіи капитана Сицкаго, графиня Леонтина, обратясь къ Маріи, съ надлежащимъ хладнокровіемъ, спрашиваетъ ее:

«Каковъ тебѣ теперь кажется Сицкій?

— «Удивительный,» отвѣчаетъ Марія. Эта графиня Леонтина также удивительное существо, по ея притязаніямъ на характеръ Бальзаковской женщины. Авторъ поступаетъ съ ней однакожъ безъ всякаго уваженія къ ея полу и званію: онъ заставляетъ ее въ цѣлыхъ трехъ томахъ дѣлать и говорить множество сантиментальнаго и всякаго вздору подъ самымъ носомъ ея мужа, а не даетъ ей въ замѣнъ ни крошки той увлекательной роскоши ума и любезности, которыми отличаются порядочныя графини и ни одной черты прелести и граціи, изъясняющихъ по крайней мѣрѣ, если не оправдывающихъ искушенія сердца, какимъ подвергаетъ женщина себя и мужчину. Въ романѣ есть еще одинъ *сильный* характеръ, Серафима, влюбившаяся также въ капитана Сицкаго, потому что ужъ ему на роду написана такая напасть, чтобъ въ него ужасно влюблялись женщины; только Леонтина влюбилась въ него на морѣ, или по крайней мѣрѣ, въ морскомъ заливѣ, а Серафима на сухомъ пути. Страсть ее однакожъ не менѣе отъ того походитъ на сильнѣйшій шквалъ, который наконецъ кидаетъ ее сначала къ стѣнамъ монастыря, а послѣ въ могилу. Миръ праху ея! Мы очень жалѣемъ, что эта милая дѣвушка не могла сдѣлать ничего умнѣе, какъ умереть; чего ей стоило бы пожить и полюбить Славина, этого отлич-

Digitized by Google

наго сухопутнаго любовника, пылающаго къ ней цѣлымъ пожаромъ страсти? Вѣдь она жъ любила прежде Чарова, а когда онъ умеръ, скоро забыла его. Почему жъ этого не сдѣлать бы ей и съ Сицкимъ? Вѣдь онъ то же умеръ для ней, т. е., женился на Леонтинѣ. Тогда бы всѣ герои и героини переженились и романъ совершенно выдержалъ бы свой характеръ, доказавъ въ заключеніе, что всѣ сильныя страсти чистые пустяки: что они такъ попугаютъ только немножко, но въ самой вещи ихъ нечего бояться ни; все окапчивается самымъ благополучнымъ и веселымъ образомъ, т. е., свадьбами.

Когда романъ наполняютъ такія незанимательныя, неестественныя и смѣшныя лица, то гдѣ ужъ тутъ читателю искать отдохновенія отъ скуки? Въ событіяхъ? авторъ Сицкаго не щедръ на нихъ; Сицкій раза два или три ѣздитъ съ фрегата въ Петергофъ, плаваетъ немножко по морю, путешествуетъ въ Ревель, ссорится съ Леонтиною, напивается пьянъ и затѣваетъ дуэль съ Славинымъ, возвращается въ Петербургъ, мирится съ Леонтиною, ѣдетъ въ Архангельскъ, куда, по смерти мужа, отправляется также и Леонтина, женится тамъ и возвращается въ Петербургъ. Все это вмѣстѣ съ любовью Серафимы къ Сицкому и Мартьянова къ Маріи вовсе не стоило такихъ большихъ трехъ томовъ, какіе теперь какъ три огромныя скалы воздымаются къ ужасу рецензента въ морѣ вашей литературы, грозя разбить въ дребезги самое желѣзное терпѣніе. Но можетъ быть авторъ умѣньемъ расказа вознаграждаетъ нѣсколько пустоту содержанія? Извѣстно, что Вальтеръ-Скоттъ, Купперъ и другіе мастерски умѣли облекать свой расказъ въ драматическую форму, вводя свои дѣйствующія лица въ самыя занимательныя положенія и заставляя ихъ самихъ высказывать свою душу. Сколько въ этихъ вполнѣ одраматизированныхъ сценахъ сжато у нихъ движенія и жизни! Какъ искусно умѣютъ они выказывать передъ читателемъ рѣзкія черты характера своихъ героевъ и въ тоже время вводить васъ въ святилище самыхъ глубокихъ тайнъ человѣческаго сердца! Какое сочетаніе художественной отдѣлки съ блестящею, упоительною роскошью поэзіи! И какъ послѣ этого грустно читать вотъ такія напримѣръ подражанія этимъ изящнымъ и высокимъ созданіямъ истиннаго творчества: «Я, говоритъ Сицкій Леонтинѣ въ одно изъ тѣхъ роковыхъ и торже-

Digitized by Google

ственныхъ мгновеній, которыя рѣшатъ жребій сердца, увлеченнаго наполняющимъ его чувствомъ — я, говоритъ онъ, оглянулся на себя, Леонтина! Резоны Мартьянова, которые бы могли образумить всякаго другаго, болѣе встревожили меня; душа моя давно была готова разорваться, какъ ветхій парусъ отъ малѣйшаго вѣтра; слова Мартьянова рѣшительно уничтожили ее. Я заперся въ каюту, не принималъ къ себѣ никого и отдался всей силѣ невыразимаго страданія; докторъ, придя съ рапортомъ, замѣтилъ болѣзнь, сказалъ Мартьянову, а тотъ уже кой-какъ убѣдилъ меня воспользоваться пособіями медицины.

«Худо дѣлаешь, милый Николай, говоритъ графиня тономъ гувернантки, дѣлающей *надлежащіе* выговоры маленькой Палашѣ за то, что она съѣла вишни, которыхъ ей не велѣно было трогать — худо, дѣлаешь милый Николай, что такъ мало владѣешь собою; еще хуже, что во время надобности не слушаешься совѣтовъ дружбы. За чѣмъ ты упрямишься?»

— Леонтина! мнѣ хотѣлось перестать жить; что въ жизни, когда я отжилъ мои радости! Мое счастье миновалось; къ отрадѣ нѣтъ надежды: что же это за жизнь?

— Николай! ты бредишь, ты опять боленъ? Чего ты хочешь, безумецъ.

— Ничего въ мірѣ, кромѣ любви твоей!

— Развѣ ты не увѣренъ въ ней? развѣ тебѣ мало? что еще могу я сдѣлать, чтобы увѣрить тебя?

— Будь моя, Леонтина!

— Глупецъ! можно ли это? — Я твоя, Николай? сказала она, обвивъ его рукою и смотря въ глаза: — твоя, столько, сколько можно! Милый, успокой свою бурную душу, приди въ себя! посмотри какъ страдаю я съ тобой, Николай, не убивай меня! ужели я два раза должна быть несчастною? Съ кѣмъ соединилась по опредѣленію рока, къ тому холодна какъ ледъ; кого люблю — тотъ гибнетъ! Боже милосердый, возьми ты меня! тамъ я не буду служить ни отравою жизни, ни ядомъ обольщенія. Слезы хлынули изъ глазъ Леонтины.

Одеревенѣлый, забывшійся Сицкій молчалъ. Онъ потупилъ глаза, наморщилъ лобъ; что-то неизъяснимо тяжелое выражалось на лицѣ его,

Digitized by Google

— Николай! ты не слушаешь меня; ты не хочешь смотрѣть на женщину, тебя любящую; ты сердишься! Умолю тебя, опомнись!

Безмолвно Сицкій взялъ ея руку, судорожно сжалъ, и тяжелый, вулканическій вздохъ вырвался изъ стѣсненной груди.

— Сицкій! ты меня не слышишь?

Онъ оборотился къ ней и смотрѣлъ какъ на жертву, обреченную гибели, страшными, блуждающими глазами.

— Ты страшенъ, Николай! я боюсь тебя! Бога ради, не гляди такъ!

— Страшенъ! — повторялъ бѣснующійся — давно ли, Леонтина? скоро ты стала бояться меня, ужасная женщина! ты — не любишь!

Леонтина упала на столъ; рыданія заперли грудь несчастной; смертная блѣдность покрыла очаровательное лицо.

Сицкій всталъ съ дивана, сложилъ руки на груди и продолжалъ смотрѣть на жертву своего безумія, какъ смотритъ злодѣй на погубленную, борющуюся со смертію. — Леонтина! — проговорилъ онъ наконецъ.

Страдалица подняла голову, подала ему обѣ руки и едва внятно сказала: «что ты хочешь?»

— Успокойся, несчастная женщина! Отвергни злодѣя, мучащаго тебя! Я недостоинъ тебя, неземная!

— Нѣтъ, милый Николай! отдавшись разъ, я не могу разлюбить тебя; не измѣни только той, которая готова всѣмъ для тебя жертвовать. Не страдай такъ страшно, успокойся!... Я люблю тебя!

— Вѣчно ли ты будешь любить, Леонтина, постоянно ли? Клянись не измѣнять безумцу; тогда я безропотно покорюсь судьбѣ, съ терпѣніемъ буду ждать моей участи, и клянусь взаимно не отдаваться никогда и никому на свѣтѣ.

— Николай! Николай! неужли ты не вѣришь? неужли мало еще того, что видишь ты? Безжалостный, не приписываешь ли ты это притворству, или искусству казаться такой? — Какъ кстати? жестокій! я не беру клятвы твоей, будь счастливъ, ищи подругу достойную тебя; отдайся ей, но позволь мнѣ тогда любить тебя какъ сестру; не убивай меня, я не воспорчу твоего счастья съ нею, затаю душу мою, изнемогу въ тоскѣ и перейду въ вѣчность вѣрною тебѣ!

Сицкій послѣ этихъ общихъ мѣстъ о *сильной любовной*

Digitized by Google

страсти и ея действіяхъ, и наконецъ прощаясь на долгую разлуку, говоритъ: «безцѣнный другъ! не забывай меня во время отсутствія; не отучи твоего пламеннаго сердца отъ сроднившейся съ нимъ мысли о Сицкомъ; твои воспоминанія здѣсь, будутъ меня радовать тамъ; сердце сердцу вѣсть подаетъ, Леонтина! Сочувствіе любви увѣритъ меня въ твоей постоянной привязанности.

— Даю тебѣ честное слово—все мое свободное время посвящать тебѣ; это мое любимое занятіе, услажденіе моей жизни.

Предоставляемъ читателямъ самимъ судить, хорошъ ли этотъ офиціальный шкваль, набѣжавшій на сердце Сицкаго и эта ужасная и *вселенная* графиня съ ея офиціальнымъ честнымъ словомъ посвящать все свое свободное время своему любезному, или вязанію чулка, что все равно, судя по тону, съ какимъ дано это честное слово?

Отдадимъ однакожъ справедливость автору — за что бишь такое? Дай Богъ памяти! да, за описаніе морскихъ похоронъ одного офицера, Чарова, который, бѣдняжка, не успѣлъ влюбить въ себя ни одной сирены на морѣ, и ни одной графини на сухомъ пути, также за разговоры матросовъ; жалѣемъ, что ихъ очень мало въ сравненіи съ ничтожною болтовнею офицеровъ и дамъ. Эти немногія мѣста сшѣются какъ маленькіе островки въ неизмѣримомъ океанѣ пустословія и скуки. Переплыви его кто хочетъ, чтобъ добраться до этихъ благополучныхъ, хотя и тѣсныхъ убѣжищъ, а мы устали, очень устали, и потому спѣшимъ бросить якорь въ тихой библіографической пристани.

153. Карманная книжка русскаго барина охотника, или собраніе наставленій, относящихся къ рыбной, птичьей и звѣриной ловлѣ и къ стрѣлянію птицъ и звѣрей; составлено по совѣтамъ опытнаго охотника. Москва, въ типогр. Лазарева Инст. Восточ. языковъ. 1840, въ 16 д., 63 стр.

Какое злое существо, человѣкъ! Онъ не только ведетъ упорную и кровавую войну противъ разныхъ животныхъ, которыя виноваты только тѣмъ, что ему нравится ихъ мясо или шкура, но еще издаетъ противу нихъ книги. Говорятъ, что между обитателями птичьяго и звѣринаго міра уже распространился слухъ объ этомъ новомъ способѣ ихъ преслѣдова-

Digitized by Google

нія и что они долго совѣщались о средствахъ отвратить бѣду. Одинъ ученый и умный козелъ объявилъ однакожъ почтенному собранію, что бояться нечего, что пока книги, посягающія на ихъ безопасность, будутъ писаны такъ необстоятельно, какъ одна вышедшая подъ названіемъ карманной, то всѣ они могутъ еще довольно спокойно разгуливать въ водахъ, воздухѣ и лѣсахъ. Мы просили было рогатаго мудреца показать намъ, въ чемъ именно состоятъ недостатки книжки Русскаго барина — охотника, но онъ объявилъ намъ, что не стоитъ заниматься этимъ, что въ ней разсказываются такія вещи, о которыхъ нечего писать и книги, а не говорится о томъ, что дѣйствительно могло бы быть назидательнымъ и любопытнымъ для кровожаднаго племени, воюющаго съ утками, бекасами, зайцами, лисицами и проч.

154. Карманный пѣсенникъ издалъ А. А...нымъ, въ двухъ частяхъ, Москва, въ типографіи В. Кирилова, 1840, въ 16 дол., въ 1-й части 51, во 2-й 16 стр.

Этотъ пѣсенникъ, милыя пѣвуньи горничныя, если только онѣ грамотны, могутъ носить въ кармашкѣ своего передника, или въ наперсткѣ, потому что онъ можетъ помѣститься и въ наперсткѣ. Впрочемъ прелестныя Палашки и Матрешки будутъ весьма благодарны почтенному А. А...ву за его изданіе: тутъ столько драгоцѣннаго для нихъ! Какъ сладко забьется ихъ нѣжное сердце, когда онѣ прочтутъ столь знакомый имъ восхитительный куплетъ:

Саша, ангелъ! какъ не стыдно
Вещь чужую къ себѣ брать! и проч.

или:

Горы златыя, крезусъ, тебѣ,
Взоры драгіе миленькой мнѣ.

О, вѣрно встрѣтивъ собирателя на масляницѣ возлѣ горъ или балагановъ, онѣ въ восторгѣ осыпятъ его орѣхами, закидаютъ пряниками — словомъ, увѣнчаютъ совершенно своего Анакреона, который хотя не самъ сочинилъ эти изящныя пѣсни, но все же напечатавъ ихъ на сѣрой бумагѣ, оказалъ нѣжную услугу милымъ граціямъ лакейскихъ и достоинъ вполнѣ ихъ улыбки и орѣховъ.

155. Похожденія и странныя приключенія лысаго и безносаго жениха Фомы Фомича Завардынина, юмори-

Digitized by Google

стическое чудо XIX вѣка, разсказанное поклоннику Шекспира демономъ юной словесности. Москва, въ типографіи Лазаревыхъ Инст. Восточ. язык. 1840 г., въ 8 дол., 76 стр.

Опять отвратительное изчадіе сѣрой литературы! Авторъ объявляетъ притязанія на наблюдательность и остроуміе, а болѣе всего кажется на карманы читателей. Но всего изумительнѣе его творческая изобрѣтательность. Есть одинъ небольшой романъ Поль-де-Кока — имени не упомнимъ, повѣствующій о томъ, какъ одинъ старый чудакъ и холостякъ хотѣлъ жениться и какъ ему вездѣ отказали; нашъ авторъ передѣлалъ его на Русскіе нравы, выпачкавъ его съ первой страницы до послѣдней елико возможно грязью толкучаго рынка, и пустилъ гулять по бѣлому свѣту, да добывать денегъ виновнику своего злосчастнаго бытія. Мы радовались, что у насъ перестали уже печатать Ваньку Каина, да Совѣстдрала; что пользы въ этомъ? На мѣсто ихъ цѣлыми стаями появляются другіе Ваньки и раздиратели здраваго смысла, къ стыду благороднаго искуства книгопечатанія. Когда-то переведется въ конецъ это несчастное племя, порождаемое цинизмомъ безсмыслія и спекуляціей?

=

Digitized by Google

VIII.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

ЛѢТОПИСЬ СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

—

Франція. Вооруженіе Франціи и распоряженія для укрѣпленія Парижа продолжались съ такою же дѣятельностію, какъ и въ первой половинѣ этого мѣсяца. Правительство заключило контракты съ одною торговою компаніею на поставку 30,000 лошадей, къ Марту будущаго года, открыло военному министру чрезвычайный кредитъ на первый разъ только въ 6 милліоновъ франковъ для первоначальныхъ издержекъ на укрѣпленіе столицы, такъ какъ министръ финансовъ не рѣшился безъ согласія палатъ подписать повелѣніе о назначеніи кредита во 100 милл. фр. потребныхъ на это укрѣпленіе, королевскимъ декретомъ признанное необходимымъ. Оружейнымъ заводамъ въ Мозельскомъ департаментѣ дано приказаніе приготовить 560,000 крѣпостныхъ ружей и 800,000 килограммовъ ядеръ, бомбъ и гранатъ. Всѣ литейни и заводы въ напряженной работѣ. Артиллерійскіе арсеналы въ Осеннѣ, Гренобль, Дуэ, Мецѣ, Страсбургѣ, Реннѣ, Лаферѣ, Тулузѣ и Парижѣ наполняются порохомъ, бомбами, ядрами и разнаго ро-

Digitized by Google

да оружіемъ. Селитряные заводы въ Лиллѣ, Панси, Тулузѣ, Марсели, Бордо, Ле-Рипо и Парижѣ отправили большіе транспорты въ складочныя мѣста въ Шалонѣ на Марнѣ и въ Авиньонѣ. Изъ Рейпскаго арсенала послано множество зарядныхъ ящиковъ, лафетовъ и другихъ снарядовъ къ береговымъ мѣстамъ, снабжаемымъ изъ этого арсенала. Предположено распространить морскую конскрипцію на людей, ведущихъ судоходство по рѣкамъ. Въ Гаврѣ инженеры дѣятельно занимаются укрѣпленіемъ этого города. Въ Мецѣ и Тіонвиллѣ тоже. Войска располагаются уступами въ окрестностяхъ Ліона. Другіе займутъ Роанъ и Монбризонъ, которыхъ гарнизоны ставятся на военную ногу. Аміенское городское начальство занимается образованіемъ подвижной національной гвардіи. 44-й линейный полкъ, котораго часть находилась въ гарнизонѣ въ Макопѣ, составляетъ теперь два батальона на военномъ положеніи; въ Шербургскомъ морскомъ округѣ приняты на королевскій флотъ даже кандидаты на званіе береговыхъ лоцмановъ: этого прежде никогда не случалось. По приказанію военнаго министра одна баттарея послана въ Гренобль. Работы въ арсеналѣ этого города производятся съ большою дѣятельностію. На укрѣпленіяхъ Гренобля будетъ полтораста орудій.

Между тѣмъ лордъ Пальмерстонъ, сообщая г. Гизо копію съ трактата 15 Іюля, изъявляетъ сожалѣніе правительства Ея Британскаго Величества, что Французское правительство не заблагоразсудило принять участія въ трактатѣ, и увѣряетъ, что договаривающіяся стороны имѣли единственною цѣлью сохраненіе равновѣсія Европы и общаго мира.

— Въ Алжиріи схватки съ Арабами продолжаются безпрестанно; но рѣшительнаго нѣтъ еще ничего.

Digitized by Google

— Королевскимъ повелѣніемъ отъ 7 Сентября, имо устройство управленію Французской колоніи въ Сенегалѣ, которая до сихъ поръ руководствовалась только отдѣльными актами и временными инструкціями. Этимъ повелѣніемъ, состоящимъ изъ 123 статей, опредѣляются обыкновенныя и чрезвычайныя права губернатора. Въ Сенъ-Луи учреждается главный совѣтъ, который долженъ ежегодно собираться и разсуждать о потребностяхъ и желаніяхъ страны и о доходахъ и расходахъ колоніяльныхъ. Въ Горелѣ учреждается окружный совѣтъ съ подобнымъ же назначеніемъ. Главный совѣтъ въ первое свое засѣданіе долженъ избрать двухъ повѣренныхъ, которые должны находиться въ Парижѣ и блюсти о благѣ колоніи.

— Лудовикъ и его сообщники еще не были предъ судомъ Перовъ. Беррье защищаетъ принца Лудовика и графа Монтолона, а Фердинандъ Барро полковниковъ Вуазена и Паркена.

— 24 Сентября скончался маршалъ Макдональдъ, герцогъ Тарентскій, въ помѣстьѣ своемъ близъ Жіена, на 77 году отъ роду.

Англія. Послѣ объявленія Египетскому Пашѣ о рѣшеніи четырехъ державъ, значительный флотъ отправленъ въ Левантъ для блокады Сирійскихъ береговъ. Морскими силами Англіи въ Средиземномъ морѣ командуетъ лордъ Стопфордъ. Одна эскадра подъ начальствомъ коммодора Непира подступила къ Бейруту и задержала нѣсколько Египетскихъ судовъ, шедшихъ туда съ оружіемъ и разными запасами.

— Вооруженіе Франціи нашло себѣ отзывъ въ Англіи, какъ будто обѣ державы хотятъ выказать другъ передъ другомъ огромность своихъ средствъ. Менѣе недѣли въ двѣ недѣли Англія снарядила 16 военныхъ

Digitized by Google

кораблей, не считая пароходовъ; безчисленнымъ множествомъ объявленій, прибитыхъ въ улицахъ, приглашали на службу моряковъ, обѣщая имъ деньги, добычу и хорошую пищу на кораблѣ, при незначительной работѣ, и 15,000 матросовъ готовы поступить на службу. Состояніе и распредѣленіе Англійскаго флота показываютъ въ слѣдующемъ видѣ: Въ Англійскихъ гаваняхъ 7 кораблей, 2 фрегата, 11 пароходовъ, кромѣ малыхъ судовъ; въ Лиссабонѣ 1 корабль, 1 бригъ, 1 корветтъ; въ Средиземномъ морѣ 10 кораблей, 2 фрегата, 14 корветтовъ, бриговъ и проч. и 10 пароходовъ; у Антильскихъ острововъ и въ Мексиканскомъ заливѣ 2 фрегата, 2 большіе корветта, 15 легкихъ судовъ, 5 пароходовъ; въ Америкѣ и въ Южномъ Океанѣ 2 фрегата, 4 большіе корветта, 18 легкихъ судовъ; въ Сѣверной Америкѣ 3 легкія судна, 1 пароходъ; на Африканскомъ берегу и у мыса Доброй Надежды 18 мелкихъ судовъ; въ Индѣйскомъ морѣ 7 легкихъ судовъ, не считая военнаго флота и пароходовъ Ость-Индской Компаніи; въ Китайскомъ морѣ 3 корабля, 3 фрегата, 4 большіе корветта, 6 мелкихъ судовъ, не считая части Индѣйскаго флота и вооруженныхъ транспортныхъ судовъ. Въ Австраліи 2 легкія судна. Сверхъ того 23 разъѣздные корветта, плавающіе между Южною Америкою, Мексиканскимъ заливомъ и Фальмутомъ. Наконецъ адмиралтейство дало повелѣніе вооружить окончательно корабли Гау и Британніа о 120 пушкахъ, Монархъ и Формибаль о 84 пушкахъ, и Индъ о 78 пушкахъ.

— Чины острова Джерси просили Королеву объ учрежденіи морскаго поста въ заливѣ Булейскомъ. Они говорятъ, что пароходство въ послѣднее время сдѣлало такіе успѣхи, что теперь надобно назначить

Digitized by Google

системы обороны острова. Хотя Ея Величество находится теперь въ мирѣ и согласіи съ Франціею, но чины Джерсійскіе, помышляя о непостоянствѣ дѣлъ человѣческихъ, съ безпокойствомъ смотрятъ на гигантскія усилія Французовъ, для увеличенія и укрѣпленія на противоположномъ берегу портовъ Шербурга, Гранвилля и Сен-Мало, и на средства нападенія, которыя представляютъ эти мѣста въ случаѣ войны. Чины, не желая быть предсказателями разрыва мира и согласія, не могутъ однако скрыть отъ Ея Величества, что вооруженные пароходы легко могутъ въ два или три часа произвести высадку на островъ и прервать всѣ сообщенія, такъ, что невозможно будетъ дать знать въ Англію объ опасности. Чины просятъ Ея Величество дать повелѣніе о выборѣ удобнаго мѣста на сѣверномъ берегу острова, и о построеніи тамъ порта, который могъ бы служить убѣжищемъ для вооруженныхъ пароходовъ.

—Нѣкто г-нъ Ваттонъ изъ Гулля предложилъ новую систему телеграфическаго морскаго сообщенія, обѣщающую чрезвычайно важные результаты. Нѣсколько постовъ будетъ учреждено на разныхъ пунктахъ, и работы въ разныхъ мѣстахъ уже начаты. Цѣль ихъ уверять нѣсколькими часами полученіе извѣстій о привозѣ товаровъ, извѣщать куда, когда они не должны входить въ портъ, передавать имъ новыя повелѣнія объ отходѣ, доставлять имъ лоцмановъ, посылать съѣстные припасы, когда будутъ имѣть въ нихъ нужду, оказывать помощь въ случаѣ опасности. Съ постовъ будутъ передаваемы инструкціи тѣмъ судамъ, которыя будутъ проходить мимо ихъ. Все это производится посредствомъ сигналовъ, очень простыхъ. Извѣстія о войнѣ съ Китаемъ еще не рѣшительныя. Китайцы построили только нѣсколько батарей и воо-

Digitized by Google

ружили 3,000 человѣкъ. Писали, что часть Англійской экспедиціи прибыла въ Кантонскую рѣку и разорила фортъ Бокка-Тигрисъ; но это еще требуетъ подтвержденія, преимущественно потому, что главнокомандующему экспедиціею предписано испытать миролюбивыя средства.

ТУРЦІЯ. Рѣшеніе четырехъ державъ было сообщено Мегемету-Али чрезъ Рифаата Бея, посланнаго отъ Султана; но Паша Египетскій не почелъ за нужное покориться этому рѣшенію, и въ слѣдствіе предстоящихъ событій, началъ укрѣплять берега, назначилъ фортификаціонный комитетъ подъ предсѣдательствомъ Саида-Бея изъ Селима-Паши, Гассана-Бея, коменданта Гусара и главнаго инженера Мукеля. Подъ его распоряженіемъ уже поставлены для обороны берега 800 орудій и 80 мортиръ. Для службы на этихъ батареяхъ назначены 5000 морскихъ артиллеристовъ.

— Ливанскіе жители написали просьбу къ Султану Абдулъ-Меджиду, въ которой умоляютъ Его Высочество помочь имъ для освобожденія себя отъ нестерпимаго ига Мегемета-Али.

— Инсургенты Ливанскіе собрались въ значительномъ числѣ въ горахъ Триполя. Имъ извѣстны начальныя событія въ Бейрутѣ, и участь, постигшая тѣхъ, которые вторично довѣрились обѣщаніямъ агентовъ Мегемета-Али, и потому они рѣшились защищаться до крайности, и сражаются отчаянно. Однако, если они не получатъ скораго подкрѣпленія, то будутъ подавлены превосходствомъ непріятеля, или оттѣснены внутрь страны. Салиманъ-Паша поспѣшилъ въ Сенъ-Жанъ-д'Акръ, чтобы ускорить возстановленіе тамошнихъ укрѣпленій. У подошвы Ливана столпъ отъ десяти до двѣнадцати

Digitized by Google

тысячъ регулярныхъ войскъ. Ибрагимъ-Паша находился въ Баальбекѣ, а Эмиру Беширу поручено съ корпусомъ Албанцовъ и Друзовъ наблюдать горы.

Сей послѣдній, однакожъ, получивъ нѣкоторыя сообщенія изъ Константинополя, отвѣчалъ, что пребудетъ вѣрнымъ подданнымъ Порты. Его два внука одинъхъ съ нимъ мыслей: они съ нетерпѣніемъ ожидаютъ Турецкой экспедиціи, чтобы обратить свое оружіе противъ общаго врага. Совѣтъ Турецкихъ министровъ единодушно согласился удовлетворить требованіямъ Эмира и его родственниковъ, то есть обезпечить ихъ политическое положеніе въ Сирійскихъ горахъ. Самые Мусульмане въ теченіи столѣтій повиновавшіеся Султану, считаютъ необходимымъ для пользы исламизма и собственныхъ выгодъ отдѣлиться отъ Мегемета-Али. Наконецъ большая часть Пашей, начальствующихъ въ Сиріи, обратилась къ Портѣ, испрашивая прощенія Султана.

Въ слѣдствіе отказа Мегемета-Али покориться рѣшенію четырехъ державъ, Султанъ поручилъ области Сиріи слѣдующимъ лицамъ: Санджаки Сандскій, Бейрутскій и Трипольскій Иццетъ-Мегметъ-Пашѣ, нынѣшнему начальнику Дарданеллъ; Пашалыкъ Дамасскій съ Санджаками Іерусалимскимъ, Наплузскимъ и Газскимъ Муширу Коніи, Эльгаджъ-Али-Пашѣ; Пашалыкъ Алепскій бывшему Муширу Сивасскому Эсаадъ-Пашѣ; Пашалыкъ Аданскій съ Санджакомъ Тарсусскимъ Ферикъ-Иццетъ-Пашѣ, бывшему губернатору Хаджа-Или; Пашалыкъ Джидскій нынѣшнему Пашѣ Багдадскому Али-Ризи-Пашѣ; управленіе Кандіи поручается, съ званіемъ Мушира, нынѣшнему военному начальнику этого острова Мустафѣ-Пашѣ.

—Греческаго повѣреннаго въ дѣлахъ при Оттоманской Портѣ Христидеса принимаютъ съ большою

Digitized by Google

предупредительностію, и кажется, несогласія, возникшія между Грецією и Турціею по случаю торговаго трактата, уладятся мирно.

ИСПАНІЯ. Новое назначеніе министровъ, сдѣланное Королевою, было не успѣшнѣе предыдущаго; они не приняли портфелей, имъ предложенныхъ. Посланники Англійскій и Португальскій отправились въ Валенсію, гдѣ находятся обѣ Королевы. Декретомъ 16 Сентября Королева правительница назначила Эспартеро президентомъ совѣта, и въ тоже время даровала ему надлежащее полномочіе для составленія кабинета по собственной его волѣ. Эспартеро принялъ это порученіе.

ПОРТУГАЛЛІЯ. Въ слѣдствіе новыхъ безпорядковъ, происшедшихъ въ Абрантесѣ, министры потребовали отъ палаты депутатовъ неограниченной власти на одинъ мѣсяцъ и получили ее. По этому закону Антоніо Жервисъ д'Эстогпія, почетный секретарь, немедленно назначенъ генералъ-администраторомъ столицы, на мѣсто Гавюа-э-Лизъ; Антоніо Жозе Авила генералъ-администраторомъ Опорта съ неограниченною властію, а маіоръ Сала снова принялъ должность начальника штаба третьяго военнаго округа.

— Коммерческій трактатъ между Португаллією и Соединенными Штатами заключенъ, но еще не былъ представленъ Кортесамъ.

АМЕРИКА. Въ Мексикѣ снова произошли безпокойства; прежній глава федералистовъ Уррса бѣжалъ изъ темницы, собралъ своихъ приверженцовъ и подкрѣпленный бывшими вице-президентами Гомесомъ-Педрасою и Гомесомъ-Фарильясомъ напалъ на столицу. Послѣ упорнаго сопротивленія, при которомъ погибло около трехъ сотъ человѣкъ, онъ за-

Digitized by Google

пялъ дворецъ и другія публичныя зданія. Президентъ Бустаменте попался было въ руки инсургентовъ, но потомъ освобожденъ, соединился съ партіею централистовъ и обложилъ съ тремя тысячами человѣкъ и четырьмя орудіями кварталъ, занятый федералистами, которые, укрѣпясь въ цитадели, имѣли въ рукахъ своихъ значительный артиллерійскій паркъ. Войска со всѣхъ сторонъ двинулись въ подкрѣпленіе правительства; генералы Фелисада, Валенсія и Мену присоединились къ президенту; жители Мексики приняли сторону федералистовъ, взяли въ плѣнъ нѣсколькихъ генераловъ при осадѣ цитадели и разстрѣляли ихъ; сраженіе продолжалось десять дней. Федералисты предлагали Бустаменте соединиться съ ними, но онъ отвѣчалъ, что скорѣе предпочтетъ лишиться свободы и жизни, нежели дѣйствовать противно своему долгу; послѣ десятидневной драки заключено перемиріе.

Digitized by Google

IX.

НОВОСТИ И СМЕСЬ.

САЛЬВАТОРЪ РОЗА САТИРИКЪ. Кто бывалъ въ Эрмитажѣ, тотъ конечно помнитъ имя этого знаменитаго живописца по прекрасной его картинѣ: Блудный сынъ; а кто не видалъ ее, тотъ слышалъ его имя въ ряду славныхъ именъ, о которыхъ довольно громко говоритъ съ каѳедръ проповѣдникъ изящнаго. Этотъ-то Сальваторъ Роза былъ извѣстенъ современникамъ, не только какъ живописецъ, но и какъ поэтъ, граверъ, комедіантъ, композиторъ и музыкантъ. Столько качествъ при теперешней его знаменитости, невольно возбуждаютъ желаніе взглянуть на его жизнь.

Сальваторъ Роза родился въ Неаполѣ 20 Іюня 1615 года отъ Антоніо Роза землемѣра или потаріуса и Джюліи Греко, дочери Вито Грека, довольно хорошаго живописца. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ въ немъ обнаруживались бѣглость и острота умственныхъ способностей, съ которыми онъ одинаково легко принимался и за науки и за искуства. Долгое время онъ рисовалъ безъ руководства, и первыя его упражненія состояли въ снятіи видовъ съ окрестностей Неаполя. По смерти отца, это занятіе для удовольствія сдѣлалось ремесломъ для хлѣба, потому что отецъ оставилъ его въ крайней бѣдности. — Роза былъ тогда 17 или 18 лѣтъ, и къ этой-то эпохѣ относятъ плѣнъ его у разбойниковъ, которые будто бы взяли его на переходѣ чрезъ Абруццо и Калабрію. Леди Морганъ, сдѣлавшая изъ этого цѣлый романъ, признается, что доказательства достовѣрности этого приключенія она почер-

Digitized by Google

пада изъ картинъ Розы, который, говоритъ она, не могъ бы съ такою вѣрностію изображать ихъ наружность и нравы, если бы не жилъ съ ними. Какъ бы то ни было, молодой Роза рисовалъ ландшафты и продавалъ ихъ въ Неаполѣ, когда кавалеръ Лапфранко, имѣвшій порученіе расписать куполъ Езуитской церкви, въ томъ же городѣ увидѣлъ ихъ. Онъ похвалилъ художника, купилъ нѣсколько рисунковъ и еще болѣе заказалъ ему. Похвала этой современной знаменитости сильно подожгла самолюбіе Розы, и онъ рѣшился поучиться; побывавши въ разныхъ мастерскихъ, онъ наконецъ остановился у знаменитаго Риберы, прозваннаго Эспаньолетомъ. — Нетерпѣніе видѣть скорѣе творенія великихъ художниковъ, и показать себя, повлекло его въ Римъ на 22 году. Но поспорьте съ судьбою! Видно Сальватору было еще не пора развить свой талантъ, потому что по прибытіи въ Римъ онъ тотчасъ заболѣлъ, и долженъ былъ скорѣе уйти на родину, въ Неаполь; здѣсь онъ пробылъ еще два года. Въ это время онъ связался съ горячими головами, которымъ надоѣла власть Испаніи; попытка ихъ противъ этой власти не удалась, и Сальваторъ Роза долженъ былъ бѣжать въ Римъ Впрочемъ видно имя его въ этомъ заговорѣ песлишкомъ блистало злополучною извѣстностію, потому что въ слѣдъ за нимъ пришло къ нему множество заказовъ отъ почитателей его таланта, уже начинавшаго дѣлаться извѣстнымъ, и онъ написалъ множество картинъ миѳологическихъ, историческихъ и пейзажей. Въ 32 года онъ уже славился какъ живописецъ, комическій актеръ и сатирикъ, и нажилъ завистниковъ. Искали только удобнаго случая, чтобы его унизить, и благодаря его сатирическому духу, скоро нашли.

Ему пришла въ голову мысль изобразить фортуну съ рогомъ изобилія, изъ котораго самые драгоцѣнные предметы сыпались на головы и въ лапы звѣрей, одинъ другаго глупѣе. Тонко-умная зависть нашла въ этихъ быкахъ, ослахъ и поросятахъ, осыпанныхъ дарами счастія, лучшее Римское общество, такъ что въ скоромъ времени имена кардиналовъ, прелатовъ аббатовъ, срослись въ воображеніи зрителей съ смѣшными фигурами, изображенными живописцемъ. Наконецъ ему начали грозить тюрмою, если не объяснитъ удовлетворительно смысла картины. Онъ долженъ былъ публиковать объясненіе ея и кой-какъ выпутался изъ бѣды. Но эти на-

Digitized by Google

падки оскорбили его тщеславіе и вспыльчивый характеръ. Различные таланты Сальватора Розы, какъ поэта, музыканта, актера и импровизатора, много способствовали его успѣхамъ въ Римѣ, гдѣ онъ нашелъ многихъ почитателей. Истощивъ средства успѣха въ этомъ городѣ, онъ отправился во Флоренцію искать новыхъ лавровъ и денегъ. Тутъ дѣйствительно онъ былъ завалепъ работою. Онъ писалъ картины историческія, миѳологическія, баталыныя, морскіе виды, пейзажи, маскарады, — и чего не писалъ онъ? Онъ былъ изумителенъ по плодовитости изобрѣтенія, также какъ и по искуству исполненія. Во Флоренціи онъ сблизился также съ отличнѣйшими людьми въ наукахъ, литературѣ и искуствахъ. Они собирались въ его пышной квартирѣ въ опредѣленный день; здѣсь проходило у нихъ время пзящно и весело; они читали поочередно свои сочиненія, импровизировали комедіи и фарсы, занимались музыкою, или разсуждали о наукахъ и литературѣ. Девять лѣтъ онъ пробылъ въ Тоскапѣ, получая содержаніе отъ двора и живя обыкновенно во Флоренціи, гдѣ онъ свелъ связь съ одною женщиною замѣчательною по красотѣ. Сначала она служила ему моделью; потомъ онъ привязался къ ней такъ, что она сдѣлалась неразлучною его подругою. Эта женщина, по имени Лукреція, любила его пѣжно: и онъ рѣшился никогда не оставлять ее. Лукреція оставалась у Сальватора Розы въ качествѣ домоправительницы и родила ему двухъ сыновей: Розальво, который умеръ отъ чумы въ Неаполѣ, и Августа, оставшагося послѣ отца 16 лѣтъ.

Неизвѣстно почему онъ оставилъ Флоренцію и возвратился въ Римъ; въ этомъ послѣднемъ городѣ онъ написалъ еще много картинъ, и выгравировалъ крѣпкой водкой большую часть своихъ аллегорическихъ и философическихъ произведеній довольно дурныхъ, хотя онъ самъ почиталъ ихъ важнѣйшими изъ своихъ работъ. Здѣсь онъ также исправилъ свои первыя пять сатиръ.

Въ сатирахъ и письмахъ своихъ Сальваторъ Роза жалуется часто на несправедливости, ему оказанныя, и на всегдашнее противоборство судьбы. Его успѣхи однакожъ едвали были не выше заслугъ. Картины и сатиры его возбуждали всеобщій восторгъ не только въ Римѣ и Флоренціи, но почти при всѣхъ дворахъ; вездѣ хотѣли его слышать и имѣть его

Digitized by Google

произведенія. Не было ласкательствъ, какихъ бы не дѣлали Сальватору люди знатные и богатые, чтобы быть принятy въ его общество и слышать, какъ онъ читаетъ свои сатиры. Кромѣ того, ему оказали въ Римѣ такое снисхожденіе, какимъ даже Пуссенъ не пользовался: тогда было въ обычаѣ выставлять въ Пантеонѣ или Ротондѣ картины, и владѣтели картинъ умершихъ художниковъ вывѣшивали ихъ всякой годъ въ церкви для удовольствія публики. Сальваторъ Роза одинъ только изъ живыхъ получилъ позволеніе выставить свои произведенія подлѣ картинъ Карраччей, Тиціяна и Рафаэля. Его обвиняли, будто бы онъ не самъ написалъ свои пять сатиръ, а присвоилъ ихъ себѣ по смерти одного изъ друзей своихъ. Оскорбленный этимъ несправедливымъ предположеніемъ, онъ написалъ послѣднюю свою сатиру *Зависть*, самую длинную, хотя и не лучшую, но которая однакожъ доказываетъ его стихотворный талантъ. Шесть сатиръ его имѣютъ слѣдующія названія: Музыка, Поэзія, Живопись, Война, Вавилонъ и Зависть.

Мы приведемъ отрывокъ изъ его сатиры Музыка:

«Пѣвица изъ рода Лизіски, сопровождая свое пѣніе звуками арфы, привлекаетъ къ себѣ болѣе слушателей, нежели колоколъ церкви Сапіенца. Все улыбается красивому пѣвцу (musico). Чтобы онъ ни дѣлалъ, чего бы ни желалъ, все одобрено; потому что въ наше время все удается красивому мущинѣ хорошо поющему.

«Я совсѣмъ не намѣренъ осуждать искуство пѣнія, но только порочныхъ пѣвцовъ, осквернившихъ мантію скромности. Я очень знаю, что музыка когда-то была предметомъ изученія для людей самыхъ великихъ; что Давидъ и Сократъ упражнялись въ музыкѣ, что Греки вознесли это искуство до высоты прочихъ наукъ, и что великаго героя Ѳемистокла укоряли за то, что онъ не былъ искусенъ въ Ѳивскомъ пѣніи, какъ Эпаминондъ.

«Цѣлебная сила музыки доказана Фалесомъ Критскимъ, Неопомъ, Асклепіядомъ и Дамономъ, и прославлена исторіею, и весь свѣтъ знаетъ, что Амфіонъ звуками лиры образовалъ людей и даже пользовалъ нѣкоторыя болѣзни. Но кто мнѣ укажетъ въ наше время пѣвца, который бы, подобно Пиѳагору, удерживалъ или приводилъ юношей къ законамъ цѣломудрія? Нынѣ музыка стала подлою вещію, потому что ею

Digitized by Google

занимаются только изъ тщеславія люди самаго низкаго разбора, самые порочные, поколѣніе, заклейменное безчестіемъ, полное невѣжества, души грязныя, помышляющія ни объ чемъ ни совѣсти.

«Число такихъ людей велико, и чѣмъ наиболѣе изобилуетъ Италія, такъ это козлами и баранами; рогатые мужья и пѣвцы встрѣчаются сотнями. Бродящая тѣнь этихъ скоморохов, привыкшихъ къ разврату и безчестію всякаго рода, таскается по театрамъ. Городъ наполненъ Семпроніями, которыхъ подлыя интриги подрываютъ благосостояніе добрыхъ людей.

«Только здѣсь услышите названіе пѣнія *virtus*, только здѣсь увидите шутихъ, украшенныхъ именемъ виртуозокъ. Дайте Римскія, краснѣйте отъ словъ монхъ! Ваши непристойныя пѣсенки ввели безчестіе во всѣ улицы; ваши гитары и ваши шпинеты служатъ предлогами къ разврату. А васъ, недостойные учители музыки, васъ, проклинаю; васъ, которые открываете тайны развращенія и учите равнодушію къ небесному гнѣву; васъ, которыхъ гибельное искусство размягчаетъ души самыя крѣпкія, и приводитъ въ разслабленіе вздохами Филиса и Тирсиса; васъ, которые упражняетесь въ этомъ искусствѣ, чтобы понравиться низкимъ сердцамъ, искусствѣ приличномъ только развратнымъ людямъ. Ахъ! Это избранные нашего времени. Они-то измѣняютъ твоихъ дѣвъ, о великій Римъ! Изъ Порцій, какими онѣ могли бы быть, дѣлаютъ Нимъ, Лукрецій превращаютъ въ Чіулей, которыя оскверняютъ цвѣтъ твоихъ дщерей, которыя учатъ скрывать порокъ подъ благовидною наружностію и низводить изящество даже въ переулки.

«Увы! мой любезный Агамемнонъ, кто бы ты ни былъ, мужъ, ежели ты ввѣряешь твою жену храненію *musico*, приготовься найти по возвращеніи въ твоемъ домѣ порядочную толпу эгоистовъ. И не смотря на то, безчинства, къ какимъ приводятъ ихъ соблазнительныя пѣсни, таковы, что этимъ пѣвцамъ благопріятствуютъ, и непостоянная фортуна возноситъ ихъ высоко.

«Музыка нѣжная, сладострастная, одна только въ наше время въ уваженіи; всѣ ее ищутъ, всѣ на нее бросаются, какъ бабочки на огонь, какъ собаки на кость. Племя музыкантовъ жретъ все, и чтобы насытить ихъ, владѣтели не затрудняютъ-

Digitized by Google

ея обирать своихъ подданныхъ и вассаловъ. Вельможа почелъ бы себя несчастнымъ и униженнымъ, если бы не имѣлъ всегда подлѣ себя *musico* для пѣнія. Да и цѣлая Европа теперь такъ запачкана этой грязью, что вся добродѣтель древняго Катона была бы недостаточна, чтобы вычистить ее. Если бы воскресъ Горацій, сколько бы насчиталъ онъ злыхъ и глупыхъ Тигеллиновъ, которые въ этомъ печальномъ вѣкѣ не могутъ насытиться зломъ. Честные домы служатъ гнѣздами этимъ совамъ; осквернешные ими, они раздѣляютъ соблазнъ съ театрами. Самыя возвышенныя пѣсни сдѣлались мерзостію, проходя сквозь уста этихъ нечестивцевъ, и никакой соблазнъ не можетъ сравниться съ тѣмъ, какой производятъ слова самыя возвышенныя, когда ихъ ревутъ и воютъ и лаютъ эти люди; воздухъ до того наполняется мычаньемъ, что святилище музъ уподобляется Ноеву Ковчегу. Иногда гимны поютъ какъ Испанскую плясовую пѣсню и самый торжественный и величественный изъ нихъ становится фарсомъ и комедіей, или превращается въ сорабанду.

«И не думаютъ объ исправленіи этого зла, хотя оно никогда не было такъ оскорбительнымъ, потому что изъ той же овцы (Castrone), поутру бывшей въ церкви ввечеру дѣлаютъ Филиса въ театрѣ.

«Здѣсь сбывается басня объ овцѣ Фрикса, потому что теперь всѣ наши овцы (Castroni) имѣютъ золотое руно. Благосклонность фортуны льется на нихъ дождемъ и одинъ придворный, изжившій вѣкъ въ Римѣ, мнѣ говорилъ, что дабы имѣть доступъ ко двору, надобно имѣть мало мозгу, но быть *musico*, или угодливымъ и безбородымъ; избѣгать гнѣва, но быть завистливымъ, и ежели нѣтъ двухъ сердецъ и двойнаго лица, не приближаться къ знатнымъ.

«Знатные, изгнавшіе музыкантовъ изъ своего присутствія, поступили мудро, и я благословляю Менадъ за то, что они били такъ своими священными и храматическими палками по спинѣ Орфея. Но теперь иначе; теперь одно только племя пѣвцовъ блистаетъ въ чертогахъ вельможъ. Они теперь тамъ въ такой силѣ, что даже подражаютъ пантомимамъ ихъ. При дворѣ Итальянскихъ князей ничѣмъ болѣе не занимаются; кто возвышается, тотъ пришѣваетъ: do, re, mi, fa, sol la; кто упадаетъ, поетъ: la, sol, fa, mi, re, do.»

Не правда ли не можно растянутая и ужъ очень рѣзкая са-

Digitized by Google

тира; она содержитъ болѣе 600 стиховъ. Въ переводѣ, особливо прозаическомъ, она теряетъ все достоинство; ѣдкость и желчь ея показываютъ болѣе раздражительность автора, счастливаго впрочемъ въ житейскихъ дѣлахъ; но ни какъ не можетъ служить указаніемъ на тогдашнее состояніе Итальянскаго общества, искони пѣвучаго, веселаго и беззаботнаго, которому послѣ древней власти и славы ничего не осталось болѣе, какъ грѣться на солнцѣ, и своею безпечностію дразнить завистливыхъ и желчныхъ.

КАМЕННЫЕ СТОЛЫ НА ЛЕДНИКАХЪ АЛЬПІЙСКИХЪ. Извѣстный геологъ Агассизъ, между множествомъ любопытныхъ наблюденій, дѣланныхъ имъ на ледникахъ Швейцарскихъ, говоритъ о множествѣ каменныхъ столовъ, особенно на Сенъ-Теодулѣ у подошвы горы Серпена. Нѣкоторыя изъ этихъ столовъ длиною до 20 футовъ, а вышиною до 5 или 6; но тотъ ошибся бы въ расчетѣ, кто захотѣлъ бы созвать пріятелей для веселой пирушки на одномъ изъ этихъ столовъ: ножка ихъ такъ тонка, что едва выдерживаетъ тягость верхней части стола, а подъ батареею бутылокъ вѣрно бы подломилась къ досадѣ и убытку хозяина пира. Вотъ какъ Агассизъ объясняетъ ихъ образованіе: Пространство льда, покрытое камнемъ, будучи защищено со всѣхъ сторонъ отъ лучей солнца и вліяній атмосферы, не таетъ, тогда какъ открытыя мѣста безпрестанно понижаются отъ дѣйствія этихъ силъ. Естественно, по прошествіи нѣкотораго времени камни остаются на прежнемъ уровнѣ и возвышаются надъ всею поверхностію льда. Мало по малу отъ разрѣзающей силы атмосферы таетъ основаніе подъ камнемъ, утончается, получаетъ видъ ножки, и вотъ столъ; еще нѣсколько времени, и тягость камня, перемогая крѣпость льда, его подпирающаго, ломаетъ свою ножку и катится волею Божіею, пока не остановится, для образованія изъ себя новаго настоящаго стола, или для умноженія мусора въ долинѣ. Этотъ феноменъ ясно доказываетъ, что льды на горахъ таютъ съ поверхности, а не съ основанія, какъ предполагали, будто бы отъ дѣйствія внутренней теплоты земли.

АЛМАЗЫ ВЪ АЛЖИРІИ. Они найдены въ златоносныхъ пескахъ рѣчки Гумеля въ провинціи Константинской. Алмазы эти, бывшіе въ послѣднее время на Алжирской промышленной выставкѣ, даны были въ уплату г. Пелуцо, здѣшнему Сардинскому консулу. Туземецъ, давшій ихъ г. Пелуцо,

Digitized by Google

спрашивалъ его о цѣнѣ, говоря, что можно бы заняться разыскапіемъ ихъ, ежели бы это стоило того, потому что въ пескахъ Гумеля ихъ можно находить между золотою пылью. Пелуцо сначала не вѣрилъ этому показапію, думая съ минералогами Гайю, Броншаномъ, Вилліеромъ, Броньяромъ и другими, что Африка не производитъ алмазовъ, и что тѣ, которые находятся у Алжирскихъ жителей, получаются посредствомъ торговли изъ Азіи или Португаліи. Геродъ однакожъ говоритъ, что Карѳагенцы торговали алмазами съ Этрусками, а Плиній показываетъ и мѣсто нахожденія ихъ между храмомъ Меркурія и островомъ Мероэ; теперь кажется надобно будетъ согласиться съ ними. Пелуцо отослалъ свои алмазы въ Парижъ, чтобы узнать имъ цѣну. Они самой чистой воды и чрезвычайно яркаго блеска; одинъ изъ нихъ вѣсилъ 3 карата, другой $1^1/_4$ каратъ, третій 1 каратъ.

ИЗОБРѢТЕНІЕ МАННА. Французъ Маннъ сдѣлалъ любопытное изобрѣтеніе. — Оно состоитъ во первыхъ, въ безконечномъ умноженіи экземпляровъ всякаго письма, рисунковъ, нотъ, словомъ всего, что можно написать перомъ, не исключая глупостей; во вторыхъ, въ томъ, что г-нъ Маннъ съ экземпляра какого нибудь писанья, сдѣланнаго простымъ перомъ и на обыкновенной бумагѣ, отливаетъ мѣдныя и цинковыя доски, съ большею точностію, нежели это можно сдѣлать посредствомъ гравированья— съ досокъ дѣлаетъ оттиски, съ оттисковъ новыя доски, съ новыхъ досокъ безду новыхъ оттисковъ, и вотъ около васъ цѣлое наводненіе факъ-симилей, рисунковъ, нотъ, билетовъ и прочаго. Въ третьихъ, изобрѣтатель доставляетъ слѣпымъ новые способы читать ощупаніемъ, и даже переписываться. Въ четвертыхъ онъ наконецъ учитъ даже каллиграфіи безъ учителя, заставляя учащагося водить только перомъ по готовымъ буквамъ прописи. Маннъ представилъ нѣсколько досокъ, отлитыхъ имъ съ оттисковъ на бумагѣ, и онѣ найдены превосходными.

ГАЛЬВАНОПЛАСТИКА. Знаменитое открытіе нашего соотечественника г-на Якоби сдѣлало во Франціи такіе успѣхи, что теперь тамъ отливаютъ этимъ способомъ все, даже словомъ, за что Сойе требуетъ съ городоваго Парижскаго совѣта только 200,000 франковъ, тогда какъ отлитіе одного слона обыкновеннымъ образомъ станетъ не менѣе 600,000 фр. Цвѣты, вѣтьви, гирланды, листья, плоды, можно отливать съ натуры,

Digitized by Google

не говоря уже объ игрушкахъ, мебели, инструментахъ музыкальныхъ (трубахъ, рогахъ и проч.) и многомъ другомъ,—все это дѣлается изъ одного куска, скоро, дешево и хорошо.

ДАГЕРРОТИПЪ. Это изобрѣтеніе также чрезвычайно упрощено Бодропомъ. Онъ дѣлаетъ три сорта дагерротиповъ: упрощенный, складной и бутылочный. Въ этомъ послѣднемъ бутылка замѣняетъ очень удачно камеръ-обскуру и въ тоже время сохраняетъ въ себѣ ртуть. Впрочемъ бутылочный сортъ не совсѣмъ новъ: съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ на свѣтѣ бутылка, множество самыхъ обольстительныхъ изображеній перебывало на днѣ ея, особливо ежели вмѣсто ртути въ ней хранится доброе вино.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖИВОПИСНОЙ ТУРЦІИ, ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ: КОНСТАНТИНОПОЛЬ И ТУРКИ. А. Ф. Смирдинъ издаетъ Живописную Турцію подъ названіемъ: «Константинополь и Турки» — т. е., 90 гравированныхъ видовъ замѣчательнѣйшихъ мѣстъ, зданій и памятниковъ Константинополя и Турціи Азіятской и Европейской. Къ нимъ присоединяются два тома объяснительнаго текста, составленнаго по самымъ новѣйшимъ извѣстіямъ, какія только имѣемъ мы объ Оттоманской Имперіи. Хорошо написанная книга объ этомъ государствѣ съ рисунками замѣчательнѣйшихъ предметовъ есть уже само по себѣ любопытное явленіе, особенно въ нынѣшнее время, когда взоры всѣхъ устремлены на Востокъ; но публика знаетъ, что почтенный А. Ф. Смирдинъ никакого любопытнаго изданія не выполнялъ иначе, какъ съ роскошью и вкусомъ, еще не виданными у насъ. Живописная Турція принадлежитъ именно къ такимъ изданіямъ: гравюры дѣланы въ Лондонѣ такъ, какъ только умѣютъ ихъ дѣлать въ Лондонѣ и больше нигдѣ. Роскошная природа странъ, благословенныхъ небомъ, великолѣпныя зданія и памятники, воздвигнутые оригинальнымъ Восточнымъ вкусомъ, или уцѣлѣвшіе остатки Греческой и Римской древности, все это оживлено передъ вами съ удивительною отчетливостію въ самыхъ малѣйшихъ подробностяхъ. Изданіе это составитъ одно изъ лучшихъ украшеній всякой библіотеки.

ОБЪ ИЗДАНІИ 2-ГО ТОМА СТА АВТОРОВЪ. Печатаніе 2-го тома Ста Русскихъ Литераторовъ приводится къ окончанію. Уже получена большая часть картинокъ и портретовъ; остальные ожидаются со дня на день. Это будетъ также пре-

Digitized by Google

восходное изданіе по прекрасно гравированнымъ картинкамъ и портретамъ чрезвычайно сходнымъ и весьма замѣчательное въ литературномъ отношеніи. — Мы читали нѣкоторыя статьи и можемъ смѣло рекомендовать ихъ какъ произведенія милыя, умныя, и слѣдовательно чрезвычайно занимательныя.

О ПЕРЕВОДѢ ОДИССЕИ. Мы слышали, что одинъ изъ молодыхъ нашихъ литераторовъ трудится надъ переводомъ Одиссеи съ Греческаго, въ стихахъ, размѣромъ подлинника. Онъ будетъ издаваться по тетрадямъ, и первая изъ нихъ выйдетъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ. Одиссея, вмѣстѣ съ Иліадою, составляетъ прекраснѣйшее наслѣдіе, завѣщанное намъ геніемъ Греціи. Мы увѣрены, что многіе порадуются этому умному и благородному литературному предпріятію.

ОБЪ ИЗДАНІИ РУССКАГО ВѢСТНИКА. Еще одно пріятное явленіе въ Русской литературѣ: съ будущаго года будетъ издаваться *Русскій Вѣстникъ*, основанный въ 1808 году, потомъ прекратившійся и нынѣ возобновленный почтеннымъ ветераномъ нашей словесности, С. Н. Глинкою. Редакціей будутъ непосредственно завѣдывать Н. И. Гречъ, Н. А. Полевой и Н. В. Кукольникъ. Судя по этимъ именамъ, надежда на хорошій журналъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Желаемъ ему всевозможнаго успѣха: однимъ умнымъ, дѣльнымъ, благороднымъ журналомъ больше на Руси, значитъ больше однимъ дѣятелемъ на поприщѣ образованности — кто жъ этого изъ просвѣщенныхъ людей не пожелаетъ отечеству?

ОБЪ ИЗДАНІИ ПОСРЕДНИКА, ГАЗЕТЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ХОЗЯЙСТВА И РЕАЛЬНЫХЪ НАУКЪ. Г. Усовъ доказалъ уже своею газетою, что она есть одно изъ весьма полезныхъ изданій въ Россіи; мы встрѣчали въ ней множество свѣдѣній самыхъ любопытныхъ и самыхъ нужныхъ въ домашнемъ быту и слышали отъ другихъ тѣ же отзывы. Въ слѣдующемъ году она будетъ выходить на томъ же основаніи и въ томъ же самомъ видѣ, какъ издавалась въ нынѣшнемъ. Въ составъ газеты входятъ слѣдующія части:

Промышленность. Здѣсь сообщаются подробныя и лучшія описанія разныхъ производствъ, сельскихъ, заводскихъ, мануфактурныхъ и проч.

Хозяйство содержитъ въ себѣ статьи хозяйственныхъ ра-

Digitized by Google

счетовъ, разнаго рода постройки, сбереженіе и приготовленіе домашнихъ припасовъ, сохраненіе скота, и тому под.

Науки. Помѣщаются ученыя открытія и изслѣдованія почему либо занимательныя для образованнаго человѣка и хозяина, по естественной исторіи, физикѣ, химіи, механикѣ, технологіи, искусствамъ и другимъ наукамъ, имѣющимъ приложеніе въ общежитіи.

Разныя извѣстія. Здѣсь помѣщаются легкія извѣстія и новости, относящіяся къ предмету газеты, также цѣны на припасы и другія вещи, нужныя въ хозяйствахъ, объявленія о выходящихъ книгахъ.

По принятому плану, Посредникъ отвѣчаетъ печатно, по возможности, на предлагаемые ему вопросы, по всѣмъ частямъ, входящимъ въ составъ его.

Газета Посредникъ выходитъ еженедѣльно по средамъ, не исключая праздниковъ. Цѣна за годовое изданіе съ пересылкою въ города, а въ С. Петербургѣ съ доставкою на домъ, 4 руб. 30 коп. серебромъ, или 15 рублей ассигнаціями.

ПОДПИСЫВАТЬСЯ МОЖНО:

Въ С. Петербургѣ, въ редакціи Земледѣльческой газеты, у конногвардейскаго манежа, противъ Исакія, въ домѣ Бремера; въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго почтамта; въ типографіи Э. Праца у Краснаго моста; у книгопродавца В. П. Полякова.

Въ Москвѣ, у книгопродавца А. С. Ширяева. Учебныя мѣста благоволятъ относиться по прежнему къ издателю. Адресъ его слѣдующій: *въ С. Петербургѣ, въ Редакціи Земледѣльческой газеты, издателю Посредника.*

Digitized by Google

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

СЫНА ОТЕЧЕСТВА.

Стеченіе многихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ было причиною, что въ нынѣшнемъ году книжки С. От. не выходили въ срокъ. Гг. подписчики впрочемъ получали не только обѣщанное число печатныхъ листовъ, но и болѣе. Что касается до содержанія и обработки статей, то не издателю судить о томъ. Онъ можетъ сказать только, что редакція пользовалась всѣми находившимися въ ея власти средствами, чтобы доставить журналу занимательность свѣжестію, разнообразіемъ статей и ясностію, чистотою, легкостію ихъ изложенія. Въ статьяхъ, посвященныхъ разбору книгъ, читатели могли замѣтить особенное направленіе, отличающееся между прочимъ совершеннымъ отсутствіемъ духа журнальныхъ партій и стремленіемъ отдавать каждому литературному произведенію должное не иначе, какъ на основаніи коренныхъ идей искусства, а не по мелкимъ личнымъ увлеченіямъ. Если вѣрить многимъ дошедшимъ до издателя отзывамъ, то жалобы публики, которымъ С. От. имѣлъ несчастіе подвергнуться, падали не на литературную часть журнала, а на не своевременный выходъ его книжекъ, что конечно не должно и не могло бы случиться, если бы журналъ къ сожалѣнію не подверг-

Digitized by Google

ся вліянію такихъ обстоятельствъ, которыхъ издатель ни предвидѣть, ни отвратить не былъ въ состояніи. Приняты однакожъ дѣятельныя мѣры, чтобы всѣ книжки С. От. непремѣнно вышли въ свѣтъ въ нынѣшнемъ году. Четыре типографіи заняты работами для сей цѣли. При этомъ издатель долгомъ считаетъ довести до свѣдѣнія публики, что съ будущаго 1841 года онъ передаетъ право изданія С. От. на нѣкоторое время О. И. Сенковскому, который уже и принялъ самыя дѣятельныя мѣры ко всевозможному усовершенствованію журнала. Редакція остается по прежнему въ завѣдываніи А. В. Никитенко.

Digitized by Google

I.

СЧАСТЛИВЫЙ БРАКЪ.

—

— Что такое любовь?

— Любовь есть взаимное влеченіе двухъ сердецъ.

— Неправда!

— Есть разнаго рода любовь: любовь супружеская....

— О, неправда!

— Любовь — это то небесное, то ...

— Неправда, неправда!

— Ну, такъ скажите сами, господинъ экзаменаторъ, если вы лучше знаете?

— Виноватъ, mesdames, я и самъ не знаю! А если вамъ непремѣнно хочется знать, что такое любовь, такъ послушайте.

«Любовь — пустое слово, звукъ, ничего невыражающій, но которому люди придали великолѣпное «значеніе. Любовь, въ устахъ женщинъ — западня «въ которую онѣ ловятъ легковѣрныхъ; въ устахъ «мужчинъ — ловушка, въ которую попадаются не-

Кн. XIX 1

Digitized by Google

«опытныя женщины. Это звукъ, придуманный затѣмъ «чтобъ легче и вѣрнѣе погубить того, кого мы опу- «тываемъ; — это пѣснь сирены. На свѣтѣ нѣтъ люб- «ви, все и вездѣ эгоизмъ. Особливо любовь женская, «воспѣваемая поэтами!... Поэты воспѣваютъ химеру, «которой не бывало, нѣтъ и не можетъ быть! Жен- «щина не можетъ любить!»

Не подумайте, чтобъ все это говорилъ я, чтобы я могъ произнести такой рѣшительный приговоръ. Какъ можно! Да у меня языкъ не поворотится! Нѣтъ, это говорилъ молодой человѣкъ, Владиміръ Ивановичъ Мстиславскій. Не подумайте также, чтобъ онъ говорилъ такъ спокойно, какъ вы читаете. Ни мало: онъ бѣгалъ по комнатѣ, какъ слѣдуетъ человѣку недовольному своей судьбой. Иногда онъ садился, но для того только чтобы, взмахнувъ руками, снова вскочить; иногда онъ останавливался, но для того только чтобъ сильнѣе начать бѣгать изъ угла въ уголъ.

Да изъ-за чего же онъ бѣснуется?

А вотъ послушаемъ дальше.

— «Софья, Софья! кто бы подумалъ,» продолжалъ молодой человѣкъ, остановясь въ граціозной позѣ передъ зеркаломъ, «кто бы подумалъ, чтобъ въ этомъ прелестномъ созданіи было такъ много эгоизма! чтобъ это существо, съ избыткомъ надѣленное всѣми преимуществами женскаго пола, созданное, по-видимому, для любви, могло быть холодно, какъ мраморъ! Въ природѣ, говорятъ, нѣтъ изліяній; природа все уравновѣшиваетъ. О! только не здѣсь; здѣсь не нужно этого равновѣсія! Женщина, одаренная всѣмъ, что необходимо для любви, должна прежде всего сама быть одушевлена ею, она должна быть вся любовь, вся пламень!»

Молодой философъ сѣлъ, и закрылъ лицо руками.

Да, это философъ и, что всего удивительнѣе, фило-

Digitized by Google

софъ двадцатилѣтній. Не случалось вамъ никогда видѣть двадцатилѣтнихъ философовъ? Препотѣшный народъ! Ихъ въ послѣднее время развелось очень много: на всякомъ вечерѣ вы можете встрѣтить по десятку такихъ господъ. Если вы видите молодаго человѣка, который, вмѣсто того, чтобы танцовать до упаду, шалить и напѣвать что въ голову пріидетъ встрѣчной и поперечной, сидитъ гдѣ-нибудь въ углу, въ отдаленной комнатѣ, печально облокотясь на столъ; извольте знать, это двадцатилѣтній философъ. Попробуйте спросить, отчего онъ такъ печаленъ; онъ занесетъ вамъ о холодности людей, о равнодушіи и кокетствѣ женщинъ — этихъ злыхъ, себялюбивыхъ, созданій! И все это оттого что господину философу не удалось танцовать мазурку съ Олинькой или Наденькой!

Во многихъ домахъ вы также можете встрѣтить подобныхъ философовъ. Одинъ изъ нихъ недоволенъ цѣлымъ свѣтомъ, зато что начальникъ сдѣлалъ ему сегодня выговоръ, другой называетъ людей коварными, потому что пріятель выигралъ у него вчера послѣднія сто рублей, третій восклицаетъ, что люди неблагодарны, зато что слуга укралъ у него старую шляпу, и всѣ вмѣстѣ увѣряютъ, что они совершенно узнали свѣтъ и людей, что они очень опытны! Они, видите, успѣли сдѣлаться опытными впродолженіи двухъ лѣтъ, что оставили школу!

Какъ жаль, что я въ школѣ тысячу разъ писалъ хріи «порядочныя» и «превращенныя» на вопросъ: полезны ли науки? А то теперь бы прекрасный случай предложить этотъ вопросъ. Неужели эта преждевременная опытность, это стараніе казаться стариками, есть слѣдствіе ученія, образованности? Нѣтъ, не можетъ быть! Скорѣе это слѣдствіе недообразованности, и двадцатилѣтній философъ не что иное, какъ недоученный философъ. Онъ нахватался въ школѣ мно-

*

Digitized by Google

го всякой всячины; но не умѣетъ примѣнить этого къ обстоятельствамъ жизни, и изъ мухи дѣлаетъ слона.

Мстиславскій также двадцатилѣтній философъ, онъ тоже говоритъ, что по опыту узналъ женщинъ — злыхъ и коварныхъ, и все это не дальше, какъ до перваго умильнаго взгляду, до перваго ласковаго слова. О, тогда господинъ философъ запоетъ совсѣмъ другое! Напримѣръ:

«Любовь, любовь, небесное чувство! Какъ счастливъ смертный, къ которому низойдешь ты, котораго бытіе освятишь своимъ присутствіемъ! Нѣтъ счастья безъ любви, потому что самое счастіе есть любовь! Какъ жалки, какъ презрительны тѣ, которые не понимаютъ этого чувства; которые осмѣливаются промѣнивать взглядъ, одинъ взглядъ прелестной и любящей женщины на какое-нибудь чувственное наслажденіе! Богачи, я не завидую вамъ. Мнѣ ли ставить себя на ряду съ вами? мнѣ, любимому?.... Да, любимому тѣмъ небеснымъ существомъ, которое все пламень, все любовь!»

И всё-таки не подумайте, чтобъ это говорилъ я. Какъ-можно! Да у меня языкъ не поворотится говорить такъ высокопарно! Нѣтъ, это говорилъ Петръ Петровичъ Сердечкинъ, такой же двадцатилѣтній философъ, какъ и Мстиславскій и, слѣдовательно, его пріятель. И не подумайте опять, чтобъ онъ говорилъ такъ же спокойно, какъ я вамъ разсказываю! Нимало: онъ, то воздѣвая руки къ небесамъ, то складывая ихъ на груди, то закладывая за спину, ходилъ взадъ и впередъ плавнымъ шагомъ, или облокачивался на спинку креселъ, или садился на диванъ.

Но, что̀ это! посмотрите; онъ беретъ перо, садится за письменный столъ. Поздравляю, молодой человѣкъ хочетъ писать стихи! Слѣдовательно, онъ вмѣстѣ и философъ и ораторъ и поэтъ и, слѣдовательно, предо-

Digitized by Google

стойный молодой человѣкъ. Посмотримъ, господинъ философъ, ораторъ и поэтъ, что вы напишете! Да что жъ вы вертите перомъ, а не пишете? Бѣдняжка, жалкой мученикъ! ни одна риѳма нейдетъ у него съ пера.

А, вотъ написалъ что-то!..... Софья..... опять — Софья! И довольно; о чемъ же онъ еще хлопочетъ? Чудакъ, да развѣ тутъ нѣтъ поэзіи, тутъ, въ одномъ этомъ словѣ? Бросьте перо, молодой человѣкъ, вы поэтъ и безъ пера! Зачѣмъ вамъ трудиться выжимать изъ себя риѳмы, когда — Софья — въ одномъ этомъ словѣ для васъ цѣлая поэзія со всѣми ея ямбами и анапестами, дактилями и хореями.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ всталъ, совершенно довольный собою, какъ-будто написалъ цѣлую книгу стиховъ съ риѳмами.

Теперь я снова обращаюсь къ тому же вопросу: что жъ такое любовь? Вотъ два человѣка, два философа, изъ которыхъ одинъ кричитъ, что нѣтъ любви, другой, что любовь небесное чувство! Кто изъ нихъ правъ? кто виноватъ? Оба виноваты, и я съ ними третій; и потому всѣ мы три философа — я вѣдь также философъ, а кромѣ-того и ораторъ —, вамъ милостивыя государыни и милостивые государи, клянемся и признаемся, что мы вовсе не знаемъ и не понимаемъ, что такое любовь. А буде про то заподлинно увѣдаемъ, то сообщить вамъ не преминемъ.

«Ба, да ты дома? сказалъ, входя къ влюбленному философу тотъ разочарованный философъ, Владиміръ Мстиславскій, съ которымъ вы уже знакомы.

— Гдѣ жъ мнѣ быть?

— Вотъ хорошъ вопросъ! а Софья?.. А, понимаю, значитъ, ты разочаровался какъ я!

— Что ты хочешь сказать, Владиміръ?

Digitized by Google

«Ты узналъ, наконецъ, что подъ этими прекрасными формами кроется холодная душа.

Сердечкинъ вскочилъ. — Да, я узналъ, вскричалъ онъ, приходя въ энтузіазмъ: я узналъ, что подъ этими прекрасными формами кроется душа прекрасная, кроется сердце, способное любить!

Послѣ такой выходки, страстный любовникъ вздохнулъ и замолчалъ, приложивъ руку къ сердцу и понникнувъ главою долу. Петръ Петровичъ былъ необыкновенно хорошъ въ такомъ трагическомъ положеніи, въ чемъ и самъ сознавался, потому что изподтишка поглядывалъ въ зеркало — это мѣрило человѣческаго самосознанія.

— Ха, ха, ха! бѣдняжка, какъ мнѣ жаль тебя!

При этомъ нежданномъ смѣхѣ влюбленный философъ тотчасъ перемѣнилъ позитуру. Онъ всталъ, какъ становится Каратыгинъ, когда говоритъ: «Люди, люди, порожденіе крокодиловъ!»

— Владиміръ! — сказалъ онъ тихоторжественнымъ голосомъ: ты обижаешь меня. Къ чему этотъ смѣхъ? Если тебѣ завидно.....

— Вотъ какъ! Хорошо; я молчу. Мало этого: хочешь ли, я, вмѣстѣ съ тобой, буду восхищаться твоей Софіей, буду превозносить ее. Но, напередъ говорю, не упрекай меня, когда настанетъ время разочарованія; не говори, что другъ, отъ котораго зависѣло открыть тебѣ глаза, не хотѣлъ этого сдѣлать! Пьеръ, я умываю руки, дѣлай что знаешь! —

— Я не понимаю тебя, Мстиславскій; не понимаю даже, смѣешься ли ты надо мной, или хочешь сказать что-нибудь дѣльное. Въ первомъ случаѣ шутки твои неумѣстны; во второмъ, ты обижаешь меня, если думаешь, что я ослѣпленъ до такой степени, что буду отвергать совѣты дружбы! Я слушаю тебя, Владиміръ; говори, слушаю даже и въ такомъ случаѣ, если бы

Digitized by Google

сказанное тобою отравило меня! Но, слушай, чтобъ это не была клевета! Напередъ говорю: ты долженъ доказать и подтвердить, что хочешь сказать.

— Непремѣнно! Доказательства будутъ представлены на лицо и въ возможно скоромъ времени.

— Такъ говори же. Но, еще разъ, пощади меня! Я выпью чашу съ ядомъ, которую ты мнѣ подносишь; но, Бога ради, чтобъ этотъ ядъ не вдругъ убилъ меня. — Владиміръ, дай мнѣ пожить!

— Нельзя, мой милый! Ни какъ нельзя. Я тебѣ предлагаю не ядъ, а лекарство. Оно, правда, горько, непріятно; но должно быть выпито залпомъ. Тогда только оно подѣйствуетъ и изцѣлитъ тебя! Слушай же.

Позвольте мнѣ разсказывать, вмѣсто Владиміра Ивановича. Онъ, видите ли, питаетъ ненависть къ моей героинѣ, между-тѣмъ какъ я совершенно къ ней равнодушенъ. Ну, не то, чтобы совершенно; можно ли быть совершенно равнодушнымъ къ своей героинѣ? По-крайней-мѣрѣ я не питаю къ ней ни той превысшей любви, которою одушевленъ Сердечкинъ, ни той преизмѣнной ненависти, которою зараженъ Мстиславскій. И такъ, слушайте.

Софья, — одинъ изъ тѣхъ нравственныхъ феноменовъ, которые рѣдко встрѣчаются между женщинами; впрочемъ, въ нашъ спекулятивно-философскій вѣкъ эти феномены встрѣчаются чаще. Часто въ провинціи; а въ столицѣ, на каждомъ шагу. Эгоизмъ... нѣтъ это было бы несправедливо! женщины, не во гнѣвъ вамъ будь сказано, въ тысячу разъ больше нашей братьи способны къ пожертвованіямъ, иногда къ величайшимъ пожертвованіямъ, даже къ самоотверженію. За то другая страсть со всею силою владѣетъ прекраснымъ поломъ, — это тщеславіе! Женщина изъ тщеславія, какъ мужчина изъ славолюбія, — а какъ вы думаете, не одно ли это и то же, — готова на все. Чтобъ у меня было

Digitized by Google

меньше брилліантовъ, нежели у княгини Маріи Алексѣевны; чтобъ у меня была карета хуже, нежели у графини Пульхеріи Андреевны, — ни за что! Да я лучше на балъ совсѣмъ не поѣду, или буду цѣлый годъ ѣсть хлѣбъ съ водой и тѣмъ же кормить моего мужа, дѣтей и гувернантку! Какъ же весело должно быть мужу, дѣтямъ и гувернанткѣ! А послѣ сами же вы гнѣваетесь, mesdames, когда находите вашихъ супруговъ, тихомолкомъ ужинающихъ съ гувернантками, и дѣтей, завтракающихъ на кухнѣ!

Софья была именно такова. Быть одѣтой не лучше всѣхъ, имѣть экипажъ, домъ, дачу не отличные, это могло бы привести ее въ отчаяніе, — въ такое же отчаяніе, какъ если бы изъ красавицы она превратилась въ урода. А надо знать, что въ ней природа къ прелестямъ искусства прибавила еще и прелесть красоты тѣлесной; или, лучше сказать, къ прелестямъ красоты тѣлесной Софья Михайловна долгомъ считала прибавлять прелести искусства. Оно такъ и слѣдуетъ. Ничего нѣтъ смѣшнѣе, какъ видѣть въ прекрасномъ нарядѣ лицо, покрытое морщинами или рябинами. Я знаю молодыхъ людей, которые отъ подобныхъ казусовъ приходили въ отчаяніе. И есть отъ чего! Представьте, напримѣръ, что передъ вами идетъ дама, легкая какъ Фанни Эльснеръ, воздушная какъ Тальони. Разумѣется, вы тотчасъ стараетесь опередить красавицу, чтобы, хоть мимоходомъ, взглянуть на ея прекрасное личико. Что жъ оказывается? Это прекрасное личико имѣетъ всѣ свойства печенаго яблока!

Слѣдовательно, Софья Михайловна была права? Совершенно. Чтобъ эти прекрасные каштановые волосы не вились прелестными локонами, искусно завитыми первымъ, великимъ парикмахеромъ столицы? чтобъ на этомъ алебастровомъ лбѣ не блистала брилліантовая ферроньера? чтобъ легкій газъ, или прекрасное

Digitized by Google

шелковое платье, произведеніе великой швеи, не выставляло всѣхъ оттѣнковъ этой воздушной таліи? чтобъ атласный башмачекъ, плодъ трудовъ великаго башмачника, не стягивалъ этихъ дивныхъ ножекъ? Ну, скажите сами, возможная ли это вещь? Нѣтъ, это не возможно, рѣшительно не возможно. И случись такая бѣда съ Софьей Михайловной, такъ тутъ есть отъ чего въ отчаяніе придти не только ей, но даже и мнѣ и всѣмъ любителямъ изящнаго и всѣмъ сказаннымъ великимъ художникамъ.

Софья Михайловна такъ дорожила всѣмъ этимъ, что скорѣе готова была живая лечь въ гробъ, нежели лишиться малѣйшаго изъ своихъ брилліантовъ! Графъ Михайло Михайловичъ, достойный родитель Софьи Михайловны, былъ совершенно согласенъ съ дочерью: онъ самъ такъ свыкся съ мыслію о роскоши, съ привычкою къ роскоши, что, не только не отучалъ, но, напротивъ, пріучалъ къ ней дочь свою. Графъ, видите ли, совсѣмъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ чудаковъ богатыхъ людей, которые, въ надеждѣ современемъ обѣднѣть, пробуютъ иногда умѣрять свои расходы, отлагая копѣйку на черный день, и даютъ своимъ дѣтямъ такое воспитаніе, чтобъ они могли быть равно счастливы съ двумя стами тысячъ, какъ и съ десятью тысячами дохода. Напротивъ, благородный графъ не хотѣлъ и думать, чтобы его единственная дочь могла имѣть когда-нибудь менѣе двухъ сотъ тысячъ въ годъ. По-видимому иначе и нельзя было разсуждать, затѣмъ что графъ имѣлъ десять тысячъ душъ крестьянъ. Но, вотъ бѣда, а все Нѣмцы виноваты! этимъ господамъ, я не знаю съ какого повода, вѣроятно однако жъ по поводу will ich essen, изъ сельскаго хозяйства вздумалось сдѣлать цѣлую науку. Нѣмцы вѣдь народъ хитрый, изо всего дѣлаютъ науки! Вслѣдъ за ними — есть же и на Руси такіе чудаки! и

Digitized by Google

наши нѣкоторые помѣщики давай усовершенствовать сохи, да плуги, да пахать землю систематически. Ужъ вѣрно благородный графъ былъ не изъ ихъ числа: ему заниматься удобреніемъ земли и устройствомъ плуговъ, ему рыться въ навозѣ, фи! Словомъ, графъ принадлежалъ къ тѣмъ помѣщикамъ, которые хотятъ жить, какъ жили ихъ отцы и, слѣдовательно, съ увеличеніемъ роскоши, проживать вдвое болѣе, не обращая вниманія на то, что сельское хозяйство, источникъ ихъ благосостоянія, источникъ ихъ доходовъ, сдѣлало исполинскій шагъ не только за границей, но даже и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего отечества. Они даже и не слыхали объ этомъ, они и знать не хотятъ, что существовали на свѣтѣ Тэры, Крейсихи, ихъ благодѣтели. Какъ бы вы думали, я видалъ такихъ помѣщиковъ, у которыхъ листы «Библіотеки для Чтенія» о наукахъ и сельскомъ хозяйствѣ остаются не разрѣзанными.

Но что же выходитъ изо всего этого? Да то, что истощенная земля, обработываемая по истощенной методѣ, истощенными крестьянами, не въ состояніи дать и половины прежнихъ доходовъ. Что жъ дѣлаетъ помѣщикъ, чтобъ получать доходъ по-прежнему? Вѣдь, проживавши двѣсти тысячъ, нельзя же спуститься на десять! Очень просто: онъ закладываетъ часть имѣнія въ Опекунскій Совѣтъ.

Такъ случилось и съ графомъ Михайломъ Михайловичемъ. Привыкши проживать по двѣсти тысячъ въ годъ, онъ вдругъ получаетъ увѣдомленіе отъ управителей, что теперь они не могутъ высылать ему болѣе ста пятидесяти. Ну что жъ, занять остальныя пятьдесятъ тысячъ; а между-тѣмъ заложить двѣсти душъ. А потомъ еще двѣсти, за тѣмъ еще двѣсти и такъ далѣе; и, въ то время, когда продавались съ аукціона первозаложенныя двѣсти душъ и закладывались предпослѣднія, графъ былъ увѣренъ самъ и увѣрялъ

Digitized by Google

дочь свою, что она обладательница полныхъ двухъ сотъ тысячъ рублей годоваго доходу.

Пришло наконецъ время открыть глаза: это именно случилось тогда, когда управители спрашивали: прикажетъ ли его сіятельство заложить послѣднія двѣсти душъ? Все имѣніе, заложенное, полупроданное, истощенное, едва могло давать тридцать тысячъ; а это, какъ вы видите, очень далеко отъ двухъ сотъ. Но я говорю, что графъ и его дочь согласились бы скорѣе утопиться, нежели проживать копѣйкою менѣе. Тридцать тысячъ, помилуйте, да тутъ, просто, не начто жить! Какъ же выйдти изъ бѣды? Придумали наконецъ; ужъ конечно не графъ, а его дочь, какъ сейчасъ увидите.

Случилось, что въ самый день печальнаго извѣстія отъ управителей, былъ балъ у княгини Марьи Алексѣевны. Графиня Софья, какъ обыкновенно, играла на этомъ балѣ первую роль и, какъ обыкновенно, затмѣвала всѣхъ своей красотой и пышностью наряда. Но балъ самъ по себѣ вещь пустая, какъ и все, что только блеститъ; зато слѣдствія его, какъ и всего, что блеститъ, чрезвычайно важны! Что́ касается до этого бала, то онъ имѣлъ самыя смѣшныя, самыя странныя, самыя непонятныя слѣдствія для обожателей Софьи Михайловны! На другой день одни изъ нихъ хохотали, другіе плакали, а всѣ вмѣстѣ вовсе не понимали, что сдѣлалось съ Софьей Михайловной. Представьте себѣ въ самомъ дѣлѣ: графиня Софья провела почти весь вечеръ съ баропомъ Гауткнохеномъ! Какъ, съ этимъ шестидесятилѣтнимъ волокитою, начиненнымъ ртутною окисью, подложеннымъ и подкрашеннымъ, и у котораго нѣтъ ничего собственнаго кромѣ кожи и костей, и то не зубныхъ?

— Точно такъ-съ!

Графиня Софья рѣшилась провести вечеръ съ этимъ изношеннымъ, гадкимъ старичишкой, годнымъ толь-

Digitized by Google

ко для виста, и надъ которымъ она прежде такъ жестоко смѣялась?

— Точно такъ-съ.

Да это еще ничего; а вотъ чему подивитесь: она была съ нимъ очень любезна и безъ малѣйшей насмѣшки увѣряла сѣдаго волокиту, что не считаетъ его болѣе какъ тридцатилѣтнимъ. И того мало: она, просто, дѣлала ему нѣжные глазки и упрекала за то, что онъ рѣдко посѣщаетъ домъ ея родителя. Влюбленный старикъ обѣщалъ быть у нихъ на другой же день и самъ-другъ, то есть со своимъ бумажникомъ; потому что, разнѣживъ своего обожателя до послѣдняго градуса теплоты, остававшейся въ его тѣлѣ, Софья Михайловна объявила, что папа ея ищетъ занять триста тысячъ. А для стараго барона, какъ всякой зналъ, триста тысячъ ровно ничего не значили.

На другой день баронъ Гауткнохенъ, вмѣстѣ съ тремя стами тысячъ, былъ въ дружескихъ объятіяхъ графа Михайлы Михайловича; а черезъ мѣсяцъ потомъ тотъ же самый баронъ Гауткнохенъ былъ, вмѣстѣ съ своими тремя стами тысячъ дохода, въ супружескихъ объятіяхъ графини Софьи Михайловны.

Такъ она, эта молодая и прекрасная дѣвушка, вышла за стараго и скверная волокиту? Вѣроятно такъ, судя по тому, что она, на зло своимъ обожателямъ и насмѣшникамъ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти подписывалась: баронесса Софія Гауткнохенъ. И очень хорошо дѣлала! Этимъ господамъ всегда надобно дѣлать на зло, иначе отъ нихъ не отвяжешься.

Какъ бы то ни было, только Софья Михайловна законная жена барона Гауткнохена и очень счастлива, потому что можетъ жить не только по прежнему, но еще и лучше прежняго. Полно такъ ли? въ самомъ ли дѣлѣ она счастлива? Я думаю, по наружности покрайней-мѣрѣ такъ; вѣдь въ сердце не влѣзешь. А

Digitized by Google

что ей дурно дѣлалось, когда она долго смотрѣла на свою изношенную половину, что она утирала тихомолкомъ слезы, катившіяся изъ ея прекрасныхъ глазъ, это извѣстно только ей, да мнѣ.—Ей—потому, что это случилось съ нею, чего вамъ не дай Богъ, даже въ случаѣ, еслибы вы и сами того хотѣли; а мнѣ, потому, что я узналъ объ этомъ изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ. Изъ тѣхъ же вѣрныхъ источниковъ мнѣ заподлинно стало извѣстно, что Софья Михайловна не спала иногда на пролетъ по цѣлымъ ночамъ, думала не извѣстно о комъ и произносили имя неизвѣстно какого-то Александра..... Македонскаго по моему мнѣнію, который, какъ вы знаете, былъ великій герой. А Софья Михайловна очень любила героевъ, и въ доказательство того смотрѣла съ особеннымъ удовольствіемъ на полковника Александра Александровича, который, увѣшанный крестами, только-что возвратился изъ турецкаго походу. Скажу вамъ по секрету: не знай Софья Михайловна, что полковникъ, какъ и ея родитель, заложилъ недавно послѣднія пятьсотъ душъ, она непремѣнно постаралась бы соединиться съ нимъ, для славы человѣчества, узами законнаго брака. Для славы человѣчества, потому что они, вдвоемъ, могли бы доставить свѣту новаго героя въ родѣ Искендера. Но Софья Михайловна знала, что въ нашъ спекулятивный вѣкъ плохо геройствовать безъ денегъ и, очень просто, рѣшилась промѣнять героя безъ денегъ на Гауткнохена съ деньгами.

Все это такъ просто и естественно, что я право не знаю, что можетъ быть проще и естественнѣе. То развѣ, что обожатели Софьи Михайловны ласкали себя пріятною надеждою видѣть въ непродолжительномъ времени супруга ея везомаго на Волково поле. Добрые люди эти основывали догадки свои на томъ, что бѣдный баронъ каждый день болѣе и болѣе горбился,

Digitized by Google

и каждый день болѣе и болѣе откашливался и отплевывался. Но онъ, на зло своимъ доброжелателямъ, рѣшился лучше сгорбиться въ кольцо, нежели умереть; такъ, что уже и баронесса начала сильно задумываться и чаще прискивать, за что бы поссориться съ супругомъ, чтобы потомъ не смотрѣть на него цѣлую недѣлю. Даже были минуты, что она была совершенно одинаковаго мнѣнія съ своими обожателями; но одинъ взглядъ на брилліанты, одна мысль о трехъ стахъ тысячахъ дохода и — баронесса мирилась съ своимъ супругомъ и даже желала ему, если не здравія, то покрайней мѣрѣ долгоденствія. Здравія, очень естественно, она и не могла ему желать, потому что тогда слѣдовало бы выѣзжать вмѣстѣ съ супругомъ, который теперь преспокойно сидѣлъ дома. Что же касается до долгоденствія, жестоко было бы съ ея стороны желать смерти человѣку, который любилъ ее, а ревновать не смѣлъ, который былъ такъ добръ и снисходителенъ, что позволялъ удивляться прелестямъ своей супруги. Въ награду за это,— кто бы подумалъ? баронъ пережилъ главнаго обожателя своей супруги — полковника Александра. Видя, что баронъ только отплевывается, а умирать и не думаетъ, герой Александръ рѣшился, уже конечно съ отчаянія, самъ умереть. Въ этомъ случаѣ помогли ему, кромѣ отчаянной любви, рана, полученная имъ въ турецкомъ походѣ и мой пріятель Мартынъ Мартыновичъ. Достойный докторъ дозналъ по опыту, что, послѣ мученія выпить бутылку ваксы, самыя ужасныя мученія въ жизни — мученія любви, и ихъ надобно прекращать особеннымъ средствомъ, называемымъ въ медицинѣ mors.

Баронесса Софья была въ отчаяніи услышавъ о смерти любезнаго, и особенно потому, что не могла надѣть чернаго платья съ плерезами, что было бы ей очень къ лицу. Черезъ два мѣсяца послѣ смерти пол-

Digitized by Google

ковника, отчаяніе ея достигло до такой степени, что она не могла равнодушно произносить имени Александра и замѣнила его Ипполитомъ, или Евгеніемъ, или чѣмъ-то въ родѣ этого, только очень романическимъ! Однако жъ не Карломъ, за тѣмъ что именно такое названіе носилъ ея изношенный супругъ. А Софья Михайловна до того не любила изношенныхъ вещей, что положила себѣ за правило не надѣвать ни одного платья больше одного раза. Каково же ей было вотъ уже третій годъ имѣть на плечахъ изношеннаго мужа? Въ день смерти полковника, чтобъ утѣшить себя хоть чѣмъ-нибудь, Софья Михайловна заказала прекрасное черное бархатное платье.

Дошла наконецъ очередь и до почтеннаго барона: однажды утромъ его согнуло такъ сильно, что супруга, при помощи пяти слугъ, не могла разогнуть его; и въ такомъ видѣ его отвезли на Смоленское кладбище. Слѣдовательно всё-таки не на Волково, какъ того желали обожатели Софьи Михайловны. Я ужъ вамъ сказалъ, что эта злая женщина любила дѣлать все на зло своимъ обожателямъ.

Баронесса наконецъ добилась своего: послѣ трехъ лѣтъ счастливаго супружества, она надѣла черное платье съ плерезами.

Софья Михайловна была въ самомъ дѣлѣ восхитительна въ черномъ платьѣ съ плерезами, и особливо съ этимъ задумчивымъ, грустнымъ видомъ, съ этими опущенными длинными ресницами! Не подумайте, чтобъ все это было поддѣльное; какъ можно! Нѣтъ, эта печаль была истинная. Да и какъ же было не грустить хорошенькой вдовушкѣ: вѣдь изъ трехъ сотъ тысячъ ей приходилась только седьмая часть! Надобно было подумать о себѣ и объ отцѣ, потому что у графа Михайла Михайловича оставалось на лицо, непроданныхъ, всего только пять сотъ душъ, а дочери

Digitized by Google

его было всего только двадцать одинъ годъ и красота ея не только не уменьшалась, но, особливо послѣ смерти супруга, болѣе и болѣе возрастала. Слѣдовательно, брилліанты дѣлались еще необходимѣе прежняго и баронесса искала новаго Гауткнохена. Съ этой цѣлью она вербовала къ себѣ въ поклонники встрѣчнаго и поперечнаго, по пословицѣ: «бей сороку и ворону, добьешься и до яснаго сокола.» Воздыхатели толпились около нея десятками, сотнями и наконецъ тысячами! Круглымъ числомъ, каждую недѣлю, она вербовала по двадцати человѣкъ; такъ что, по истеченіи перваго года вдовства, число ея поклонниковъ простиралось до тысячи. Но вотъ бѣда: доходы всѣхъ ихъ вмѣстѣ немногимъ превышали двѣсти тысячъ; а ей нужно было по-крайней-мѣрѣ двѣсти пятьдесятъ и то у одного!

Въ это-то время и были въ числѣ ея обожателей два молодые философа, одинъ отставной, другой вновь зевербованный. Вновь завербованный, какъ вы видѣли, требовалъ доказательствъ у отставнаго. Чтобъ представить ихъ на лицо, какъ говорилъ Мстиславскій, и тѣмъ излечить своего друга, онъ повелъ его къ Кулону.

Кстати о Кулонѣ. Всѣмъ извѣстно, что у этого великаго аптекаря лечатся отъ желудочныхъ болѣзней; но я честь имѣю извѣстить публику, что у него есть также разные составы для возбужденія любви, и разные составы для утѣшенія себя въ случаѣ любовнаго отчаянія. А что всего важнѣе, въ этой аптекѣ собираются иногда знаменитѣйшіе доктора. Въ это время, напримѣръ, тамъ сидѣлъ и посредствомъ шампанскаго возбуждалъ въ себѣ любовь, докторъ медицины и хирургіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и докторъ правъ на вступленіе въ бракъ съ богатой невѣстой. Докторъ этотъ назывался баронъ Фридрихъ Готлибъ Марія Софія

Digitized by Google

Доротеа Христіанъ Францъ Онегельдъ фонъ Мислунгенъ. Сидѣлъ этотъ баронъ потому, что еще могъ сидѣть и потому, что лежа пить шампанское не ловко. Пилъ же онъ шампанское потому, что имѣлъ въ карманѣ до десяти тысячъ рублей. Имѣлъ же онъ въ карманѣ до десяти тысячъ потому, что недавно заложилъ послѣднія пятьдесятъ душъ. Заложилъ же онъ послѣднія пятьдесятъ душъ потому, что надѣялся на вырученныя деньги сдѣлать маленькую спекуляцію, и именно, жениться на богатой невѣстѣ. Жениться же на богатой невѣстѣ вознамѣрился онъ, баронъ, по тремъ главнымъ причинамъ: во-первыхъ потому, что самъ былъ влюбленъ и предполагалъ влюбленною въ себя баронессу Софію Гауткнохенъ; во-вторыхъ потому, что ее же, баронессу, считалъ обладательницею несмѣтныхъ богатствъ; въ-третьихъ потому, что, сдѣлавшись участникомъ въ обладаніи этихъ богатствъ, онъ надѣялся невозбранно и каждодневно пить шампанское въ такомъ количествѣ, какое допустятъ его баронскія физическія силы и такого качества, какого пожелаетъ его баронская фантазія. Вотъ вамъ силлогизмъ, составленный по правиламъ цѣпныхъ силлогизмовъ. Убѣдительнѣе было бы все это предложить въ видѣ рогатаго силлогизма; но я не мастеръ составлять рогатыхъ силлогизмовъ.

Мстиславскій тотчасъ поручилъ своего друга попеченіямъ достойнаго доктора. Не подумайте, впрочемъ, чтобъ баронъ былъ патентованнымъ докторомъ: нѣтъ, онъ принималъ на себя эту должность только изъ дружбы, и въ такихъ случаяхъ употреблялъ противъ всѣхъ болѣзней одно универсальное лекарство, составляемое изъ особеннаго рода плодовъ, называемыхъ uvae. Въ самомъ же дѣлѣ баронъ былъ отставкой маіоръ полка, полка.... не мастеръ я полки-то разбирать. Ну словомъ, баронъ тотчасъ же принялся ле-

Digitized by Google

чить новаго пріятеля, какъ вышеупомянутымъ лекарствомъ, такъ особенно стараясь увѣрить Петра Петровича, что Софья Михайловна чрезвычайно влюблена въ него, барона, и только въ него, а больше ни въ кого! Петръ Петровичъ кусалъ себѣ губы, ломалъ пальцы, краснѣлъ, блѣднѣлъ и наконецъ, пройдя чорезъ реторту злости, бѣшенства и отчаянія, превратился въ жесточайшаго врага Софьи Михайловны. Выслушавъ до конца доводы барона и выпивъ до дна двѣ бутылки лекарства, онъ побѣжалъ домой проклинать себя, барона, своего друга, Софью Михайловну и весь свѣтъ. Если хотите знать, какъ онъ все это дѣлалъ, читайте рѣчь Владиміра Метиславскаго, представленную при началѣ повѣсти.

Теперь перейдемъ къ Софьѣ Михайловнѣ.

Неужели въ самомъ дѣлѣ подъ этой прекрасной наружностью скрывалась душа холодная, исполненная эгоизма и тщеславія? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ и еще десять разъ нѣтъ! Женщина, спросите любаго физіолога, дурная или красавица, всё-равно, есть волканъ, котораго середина всегда въ огнѣ. Наружность его покрыта иногда ледяною корою; но не вѣрьте наружности: иногда она такъ же обманчива, какъ въ этого рода волканахъ. Увѣряю васъ, что пламя, въ нихъ затаившееся, не останется такъ, взрывъ послѣдуетъ непремѣнно, — для этого нуженъ только случай. О, тогда это пламя, чистое, яркое, все сожигающее, появится, и часто, чтобы сожечь того, кто произвелъ его! Но прочь аллегоріи: я утверждаю, что женщинъ холодныхъ нѣтъ и быть не можетъ. Если онѣ холодны, то, милостивые государи, потому только, что вы не умѣете воспламенить ихъ, не умѣете исторгнуть изъ нихъ этого пламени, которымъ природа наградила ихъ съ избыткомъ. Найдите только секретъ, ключъ къ ихъ сердцамъ, и вы увидите, что я говорю правду!

Digitized by Google

А что даете, я вамъ открою этотъ секретъ? Боже мой, ваше превосходительство! вы снимаете съ себя звѣзду и надѣваете ее на меня! Неужели вы неотъискали еще ключа къ сердцу вашей осьмнадцатилѣтней супруги? А вамъ что угодно, господинъ Крезусъ? что за бумаги вы мнѣ подносите? Векселей на милліонъ! Какъ? такъ и вы не увѣрены еще въ вашей любовницѣ? Карлъ Карловичъ, другъ мой, что это значитъ? ты снимаешь рубашку и отдаешь ее мнѣ! Великій Боже! Алексѣй Алексѣевичъ, Матвѣй Матвѣевичъ! Сдѣлайте милость, возьмите все назадъ: я пошутилъ, я не знаю никакого секрета! Да сказать правду: если бы зналъ, то не промѣнялъ бы его ни на звѣзды, ни на деньги, ни на какія сокровища въ свѣтѣ! Э, господа, какіе вы легковѣрные! Скорѣе можно отъискать философскій камень, нежели разгадать сердце женщины, даже самой близкой къ намъ!

Однако жъ вѣдь это противорѣчіе: я говорю о женщинахъ такія вещи и самъ же выставляю Софью Михайловну какъ образецъ холодности. Въ такомъ случаѣ прошу васъ взять терпѣніе, потому что дѣло еще не кончено, а вы увидите, что кончится по моему. А чтобъ терпѣніе ваше не истощилось, то я сейчасъ же начинаю оканчивать.

Я ужъ сказалъ, что доходы всей тысячи обожателей Софьи Михайловны не многимъ превышали двѣсти тысячъ. Слѣдовательно, ей, для поправленія обстоятельствъ, надобно было вступить въ бракъ со всею тысячью. Можетъ быть, баронесса и рѣшилась бы на это; но, какъ вамъ извѣстно, въ законный бракъ съ тысячью человѣками вступить неможно, то и надлежало искать новаго Гауткнохена. Но гдѣ жъ найти его? Чтобъ поймать подобнаго молодца, надобно, чтобъ онъ былъ богатъ и вмѣстѣ глупъ. Не чистая ли это глупость и не значитъ ли накликать на себя насмѣшки и надѣвать доб-

Digitized by Google

ровольно головное украшеніе, когда, будучи осьмидесяти лѣтъ, вступаешь въ бракъ съ молодою кокеткой? Господа Гауткнохены! кромѣ того, что вы украшаете ваши посѣдѣвшія головы, вы дѣлаетесь еще посмѣшищемъ для франтовъ, которые волочатся за вашими супругами, и посмѣшищемъ для цѣлаго общества!

Не подумайте, однако жъ, чтобы все это относилось къ Софьѣ Михайловнѣ! Нѣтъ, это было бы черезъ чуръ. Ея единственная страсть — тщеславіе, желаніе жить въ изобиліи, блистать; но ни одинъ изъ ея поклонниковъ, имѣй онъ языкъ длиннѣе моего и ни капли совѣсти, никогда не рѣшился бы сказать объ ней что-нибудь предосудительное. Но вѣдь есть же на свѣтѣ такія госпожи!

Между-тѣмъ противъ баронессы составился странный заговоръ. Заговорщиками были всѣ отставные ея поклонники, которыхъ было очень много; потому что, вербуя каждодневно новыхъ, Софья Михайловна по необходимости должна была очень многихъ увольнять въ чистую и безо всякаго пенсіона. Озлобленные, они поднимали знамя бунта и рѣшились непремѣнно отомстить невѣрной. Главою заговорщиковъ былъ Мстиславскій; онъ принялъ на себя команду надъ ними именно для того, чтобъ излечить своего друга. Прекрасное средство леченія! Что жъ дѣлать: медицина ужъ такая наука что, изцѣляя одно, она повреждаетъ другое!

Эти господа покусились на самое гнусное дѣло: сочетать промотавшуюся баронесу Гауткнохенъ съ промотавшимся барономъ Онегельдъ. Владиміръ Ивановичъ, какъ главное дѣйствующее лицо, старался самъ, и при помощи своихъ пріятелей и тетушекъ, распускать слухи, будто баронъ Онегельдъ милліонщикъ. Слухи эти дошли до баронессы и, какъ нарочно, именно въ то время, когда ей приходило до зарѣза и она рѣ-

Digitized by Google

шилась завоевать барона и съ его владѣніями. А владѣнія барона, по словамъ его и его пріятелей-враговъ, составляли вся Эстляндія, Лифляндія и Курляндія съ островами Эзелемъ и Викомъ. Кромѣ того баронъ имѣлъ претензіи на крѣпость Гибралтаръ, островъ Сицилію, мысъ Доброй-Надежды, всю Восточную Индію и острова Табаго и Marie galante въ Западной Индіи, и все это надѣялся онъ завоевать при помощи несмѣтныхъ сокровищъ, имѣющихъ перейти въ его руки вмѣстѣ съ главнымъ сокровищемъ — баронесою Гауткнохенъ!

Проказники увѣрили его, что баронесса милліонщица.

Баронъ имѣлъ такъ много претензій потому, что онъ происходитъ изъ древней Нордманнской фамиліи, и всѣ вышепомѣненованныя мѣста, какъ то значилось въ родословныхъ документахъ барона, были завоеваны однимъ изъ его предковъ въ XI столѣтіи. Изгнанный, какъ гласили документы, изъ своего отечества, вѣроятно за то, что онъ былъ Онегельдъ, храбрый Нордманнъ, предокъ нашего героя, начальствуя множествомъ другихъ Онегельдовъ, завоевалъ земли около Балтійскаго моря. Затѣмъ отправился онъ, какъ и всѣ изгнанники того времени, въ Крестовый походъ и на дорогѣ захватилъ Гибралтаръ и островъ Сицилію. Въ Святой Землѣ онъ узналъ о существованіи Индіи и рѣшился отправиться туда съ своими сподвижниками, ужъ разумѣется, не сухимъ путемъ, потому что этотъ Нордманнъ, какъ и его потомокъ, не любили ничего сухаго; нѣтъ, онъ отправился моремъ, счастливо обогнулъ мысъ Доброй-Надежды и присталъ къ Индіи; а оттуда, что долго думать, махнулъ прямо въ Америку, совершивъ такимъ образомъ путешествіе вокругъ свѣта!

Εὑρηκα, εὑρηκα! Вотъ нечаянное открытіе! Господа историки, рукоплещите! Слѣдовательно теперь мы заподлинно знаемъ, что мысъ Доброй-Надежды и

Digitized by Google

Америка открыты и завоеваны не Португальцами и Испанцами, а Норманнами, и именно предкомъ достойнаго барона. Ахъ! какіе хвастуны эти господа адмиралы Христоферъ Колумбусъ и Васко-де-Гама: присвоили себѣ открытія, которыми мы обязаны предку почтеннаго барона.

Если вы мнѣ не вѣрите, то взгляните въ родословныя книги барона; а лучше всего взгляните на его гербъ. Тамъ, кромѣ мечей, стрѣлъ и щитовъ, необходимыхъ принадлежностей всякаго герба, вы найдете еще крестъ — доказательство, что предокъ барона былъ въ Крестовомъ походѣ, — якорь — доказательство, что онъ открылъ мысъ Доброй-Надежды, — змѣю изъ породы anguis maledicens,—доказательство, что онъ завоевалъ всю Индію,— и листокъ американскаго табаку, свернутый въ видѣ цыгары, —доказательство, что онъ не только открылъ Америку, но и изобрѣлъ великое искусство дѣлать цыгары! Я приглашаю господъ геральдиковъ поприлежнѣе заняться гербомъ барона; а то, пожалуй, прослывешь лгуномъ, чего я боюсь больше всего на свѣтѣ. И безъ того ужъ я никогда не хожу чрезъ Поцѣлуевъ мостъ: тамъ, говорятъ, недавно провалились два журналиста, поссорившіеся за сей и этотъ, и портной, утверждавшій, что онъ великій художникъ.

Завоевавъ, что принадлежало ему въ Европѣ, достойный баронъ намѣренъ былъ прежде всего отнять у Англичанъ островъ Табаго, который, по его мнѣнію, долженъ доставлять отличныя цыгары, лучше Гаванскихъ. Баронесса не согласна была съ этимъ: ей хотѣлось поскорѣе въ Индію, чтобы обмотать себя газами и увѣшать бриллiантами.

Такого-то, то есть почти такого-то рода мечтамъ предавались, каждый самъ по себѣ, будущіе супруги. Я называю ихъ будущими супругами, потому что, при

Digitized by Google

помощи злыхъ людей, они очень сблизились. Баронесса надѣялась все это совершить посредствомъ денегъ барона; а баронъ? и баронъ надѣялся не только обогнуть мысъ Доброй-Надежды, но и завоевать весь свѣтъ, лишь бы ему удалось покорить прелестную Софью съ ея милліонами сокровищами. Оба они были счастливы и именно потому, что человѣкъ тогда только и счастливъ, когда онъ мечтаетъ. Бѣдняжки! каково-то будетъ ихъ пробужденіе? — Ужасно, не правда ли! Увидите, что.... А впрочемъ я ничего не знаю. Какъ же я могу знать будущее, извѣстное одному только Зевесу, у котораго оно лежитъ на колѣнахъ!

По мѣрѣ того, какъ баронъ и баронесса сближались между собою, они пріобрѣтали болѣе и болѣе враговъ, по-крайней-мѣрѣ баронесса, которой всѣ поклонники переходили на сторону заговорщиковъ. Число этихъ злодѣевъ возросло наконецъ до тысячи; а если возьмемъ, что каждый изъ нихъ имѣлъ по одной тетушкѣ, то до двухъ тысячъ. Двѣ тысячи противъ двухъ единицъ! Спастись ужъ нѣтъ никакихъ средствъ! Однако жъ это скверно, это вѣроломно, особливо со стороны мужчинъ. Дурно, милостивые государи, такъ дурно и между-тѣмъ такъ естественно, что его заставляетъ меня обратиться къ нижеслѣдующему вопросу.

Господа, занимающіеся моральною частію человѣческаго рода! извольте мнѣ рѣшить: въ какихъ случаяхъ человѣкъ можетъ быть на двухъ крайнихъ точкахъ своего нравственнаго бытія, то есть, въ высшей степени злымъ и въ высшей степени добрымъ, что лучше всего человѣка можетъ разозлить и раздобрить?... Ну хорошо, чтобъ не заставить васъ долго думать, раздѣлимъ задачу пополамъ: о добротѣ людей рѣшайте вы, какъ вамъ угодно, а о злости, извольте, я возьму на себя: я вѣдь самъ золъ и ревнивъ какъ тигръ! Гмъ! золъ и ревнивъ, — мнѣ кажется, я ужъ рѣшилъ

Digitized by Google

вопросъ. Но прежде всего приведемъ его въ систему: система главное при разрѣшеніи ученыхъ вопросовъ! Для этого раздѣлимъ родъ человѣческій... что я, родъ человѣческій?.. весь вообще родъ животныхъ, на двѣ половины: на прекрасную и дурную, то есть, на самокъ и самцевъ, и будемъ разсматривать каждую отдѣльно.

Женщина, или вообще самка, въ царствѣ животныхъ бываетъ зла тогда только, когда она вывела дѣтей и оберегаетъ ихъ. Берегитесь тогда приблизиться къ ней! Попробуйте, напримѣръ, попасть на волчицу, у которой маленькіе волчата, или на львицу, у которой маленькіе львята, или на женщину у которой маленькіе ребята, и сказать ей, что ребята ея негодяи и что она ихъ балуетъ или бросаетъ безъ присмотру, а сама рыскаетъ по баламъ. Я знаю по опыту, какъ ужасно то и другое. Когда мнѣ было пять лѣтъ, я боялся бѣгать по двору, потому что тамъ ходила насѣдка съ цыплятами и, несмотря на то, что я несъ корму ея дѣтямъ, она бросалась на меня и жестоко клевала! Съ тѣхъ поръ я чрезвычайно боюсь насѣдокъ! А когда мнѣ было двадцать пять лѣтъ, я совсѣмъ раззнакомился въ одномъ домѣ за то только, что вздумалъ пожаловаться маменькѣ на ея дѣтей, которыя забросали меня каменьями и грязью, бѣгая запачканные и оборванные по двору, въ то время, когда маменька ихъ отличалась гдѣ-то на вечерѣ. О! съ тѣхъ поръ я смертельно боюсь танцующихъ маменекъ, а онѣ меня смертельно ненавидятъ за то, что я научаю молодыхъ людей не только не танцовать съ ними, но даже и вовсе за ними не волочиться. Я вѣдь вамъ сказалъ, что я золъ какъ тигръ. Но помиритесь, только этотъ случай и можетъ разозлить самку; другихъ, къ чести всего женскаго пола, нѣтъ, за исключеніемъ развѣ, и то очень неважныхъ слу-

Digitized by Google

чаевъ, касательно человѣческой самки, какъ напримѣръ, сказать ей, что она дурна собой или вообще всякую правду; да и въ тѣхъ случаяхъ должно обвинять обстоятельства, а не природу; а вѣдь я говорю только о природѣ. Что касается до самцовъ, двѣ вещи могутъ особенно разозлить ихъ: во-первыхъ не бросайте имъ кости, — подерутся навѣрное; а во-вторыхъ, когда они ухаживаютъ за самками. Возьмите тѣхъ же самыхъ львовъ и волковъ и всѣхъ самцевъ: какъ жестоко грызутся они за самокъ! Людскіе самцы отличаются въ этомъ случаѣ только тѣмъ, что, грызя соперниковъ, они готовы грызть также и самку, къ которой ревнуютъ.

Таковое философическое и физіологическое разсужденіе, очень естественно, должно насъ снова привести къ Софьѣ Михайловнѣ и ея будущему супругу: окруженные врагами, они, закрывши глаза, стремились въ пропасть, изрытую злыми завистниками.

Дѣло между-тѣмъ быстро шло къ развязкѣ, подвигаемое двумя тысячами неумолкающихъ языковъ. Баронъ, боясь упустить кладъ, который самъ давался ему въ руки, рѣшался на дняхъ объясниться съ баронессой. Въ согласіи ея впрочемъ онъ и не сомнѣвался, такъ она была съ нихъ хороша! Но вотъ въ чемъ очень сомнѣвался достойный баронъ: ему надобно имѣть на первый разъ порядочную квартиру, порядочный экипажъ, порядочныя мебели и прочее и прочее, а для всего этого — порядочныя деньги; а ихъто и не было у барона! Онъ не отказался бы и заложить, если бы было что закладывать; изъ прежнихъ же десяти тысячъ, на которыя онъ пилъ шампанское и надѣялся сдѣлать спекуляцію, осталось всего только пять. А что можно сдѣлать на пять тысячъ? Ровно ничего. Какъ же тутъ быть? Прибѣг-

Digitized by Google

путь къ друзьямъ, — но въ нихъ-то именно и сомнѣвался баронъ.

Обидное сомнѣнье! Значитъ, баронъ плохо зналъ своихъ друзей; они, напротивъ, при первомъ требованіи снабдили его деньгами. Если говорить правду, такъ это не велика услуга: вѣдь ихъ было тысяча человѣкъ, слѣдовательно по пятидесяти рублей съ каждаго,— вотъ ужъ пятьдесятъ тысячъ. Пятьдесятъ тысячъ, да это капиталъ! Конечно для многихъ, но не для барона, который женился на женщинѣ, привыкшей проживать каждогодно триста тысячъ, а, главное, считавшей его богачемъ. Онъ, напротивъ, на пятьдесятъ тысячъ не могъ завести ничего порядочнаго, и рѣшился, чтобъ не ударить лицомъ въ грязь, лучше заплатить большія деньги и взять все на прокатъ, но чтобъ все это было отличное и блестящее, нежели накупить дряни.

Хорошо, все это на время, а потомъ? Ну что жъ потомъ, когда баронъ сдѣлается законнымъ супругомъ, онъ объявитъ своей половинѣ, что все это обманъ въ пользу любви и что онъ голъ какъ соколъ, а невиненъ какъ горлица. Супруга, можетъ-быть, посердится, а потомъ заплатитъ не только за мебели, экипажъ и квартиру, но и всѣ его долги; она, вѣдь, богата! А что она, проститъ?... ахъ, помилуйте, да какъ же и не проститъ такого прекраснаго барона! Она знаетъ, что онъ не богатъ, а выходитъ за него единственно по любви, она сама это говорила. Да что она его любитъ, можетъ-быть, потому что ужъ такая привычка у женщинъ, выходя за-мужъ, говорить, что онѣ любятъ своихъ суженыхъ, даже и Гаткнохеновъ. Что же касается до того, чтобъ Софья Михайловна знала о бѣдности своего суженаго — онъ чисто обманывается! Именно въ то время, когда баронъ занималъ деньги у пріятелей и слушалъ увѣренія, что баронессѣ не-

Digitized by Google

вѣстно о его денежныхъ недостаткахъ, баронесса въ свою очередь слушала увѣщанія одной изъ тетушекъ, которыя были въ такомъ родѣ:

«Ну поздравляю васъ, милая баронесса! Судя по тому, что я слышала отъ моего племянника, вы дѣлаете прекрасную партію!»

Замѣтьте, что Софья Михайловна не была еще и невѣстой.

— Во-первыхъ, продолжала тетушка, что за красавецъ этотъ баронъ! Ужъ не то, что вашъ прежній Гауткнохенъ, не во гнѣвъ вамъ будь сказано. Признаюсь, я не вытерпѣла, вчера нарочно поѣхала посмотрѣть его въ лѣтній садъ: у васъ мнѣ какъ-то не удается его видѣть. Но, главное, богатъ чрезвычайно: представьте, племянникъ увѣрялъ меня, что на Балтійскомъ морѣ принадлежитъ ему цѣлый островъ и преогромный, больше Каменнаго! А при вашихъ обстоятельствахъ, моя милая, извините, что я говорю откровенно, дружба не умѣетъ скрываться! при вашихъ обстоятельствахъ это очень кстати. И ему извѣстны ваши обстоятельства; вотъ отъ чего такъ и цѣнна любовь его, она такъ чиста, безкорыстна!

Въ это время явилась другая тетушка, которая увѣряла Софью Михайловну, что баронъ владѣетъ также обширными помѣстьями на Атлантическомъ океанѣ. Явившаяся затѣмъ третья тетушка клятвенно утверждала, что баронъ законный обладатель обоихъ Ость-Индійскихъ полуострововъ и мыса Доброй-Надежды.

Охъ, мнѣ эти тетушки! И представьте, что, за исключеніемъ двухъ или трехъ, всѣ остальныя были сорокалѣтнія дѣвицы! Оттого, хоть самолюбіе и подстрекало Софью Михайловну имъ повѣрить, но она всё еще съ сомнѣніемъ посматривала вокругъ себя, пока не явился на помощь къ тетушкамъ знаменитый человѣкъ: Самойла Самойловичъ, или, лучше, Самуилъ

Digitized by Google

Самуиловичъ, или, еще лучше, Самьель Самьелевичъ фонъ Шнупфтухъ.

Позвольте васъ познакомить съ Самуиломъ Самуиловичемъ. Это человѣкъ по-истинѣ достойный всякаго уваженія и почтенія, которыми онъ безнаказанно и пользуется отъ тѣхъ, кто его коротко не знаетъ. Это тотъ самый Самуилъ Самуиловичъ, который такъ искусно, какъ онъ говоритъ, или такъ безстыдно, какъ говорятъ другіе, да ихъ не надобно слушать, втирается во всѣ домы. Господинъ фонъ Шнупфтухъ утверждаетъ, что онъ Венгерской націи; но, стоитъ только взглянуть на его физіономію и фигуру, чтобъ видѣть изъ какой онъ націи. Стоитъ только къ этому черному и блѣдному лицу, къ этимъ плутовскимъ глазамъ въ очкахъ, къ этой скорченной и кланяющейся фигурѣ придѣлать пейсы, и вы тотчасъ увидите, къ какой націи принадлежитъ перекрещенный Самуилъ Самуиловичъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ спросите, съ какого повода онъ называетъ себя фономъ. Что же касается до его искусства заводить знакомства, оно очень просто: господинъ фонъ Шнупфтухъ взялъ себѣ за образецъ муху Крылова: если его выгонятъ въ двери, такъ онъ влетитъ въ другія. Именно такимъ образомъ познакомился онъ съ графомъ Михайлой Михайловичемъ, который принималъ его сперва потому, что не было средствъ отъ него отвязаться. Потомъ, кланяясь и принимая отъ графа щелчки и толчки, разумѣется, въ шутку, Самуилъ Самуиловичъ втерся къ нему такъ, что графъ сдѣлалъ его своимъ повѣреннымъ. Въ награду за это онъ предалъ теперь его дочь заговорщикамъ. Однако жъ способъ, какимъ Самьель Самьелевичъ познакомился съ графомъ, такъ куріозенъ, что я не могу не разсказать его.

У графа Михайлы Михайловича былъ однажды балъ. Самойла Самойловичъ прогуливался въ это вре-

Digitized by Google

мя по улицѣ, наслаждаясь свѣжимъ воздухомъ двадцатиградуснаго мороза. Видя освѣщеніе въ домѣ графа, достойный Іудей, не будучи съ нимъ знакомъ, безъ церемоній влетѣлъ въ комнаты и расположился любезничать съ первопопавшейся дамою. Затѣмъ перешелъ онъ къ карточнымъ столамъ и въ заключеніе подсѣлъ къ самому графу, который думалъ, что это знакомый его супруги; а графиня, къ которой Самьель Самьеловичъ не преминулъ подъѣхать, считала его знакомымъ своего мужа. Раскланиваясь, Самойла Самойловичъ объявилъ, что онъ въ восхищеніи отъ знакомства съ его сіятельствомъ и завтра же пожалуетъ къ нему обѣдать. Графъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и промолчалъ. Но вѣдь молчаніе есть знакъ согласія! Фонъ Шнупфтухъ такъ это и принялъ и на другой же день явился къ самому обѣду. Между-тѣмъ его сіятельство успѣлъ уже объясниться съ супругой, и нахалъ слуга хлопнулъ дверью передъ самымъ носомъ Самуила Самуиловича. Что жъ бы вы думали, пошелъ прочь достойный фонъ Шнупфтухъ? Ничего не бывало! Онъ преспокойно пробрался черезъ заднее крыльцо и явился въ столовой. Къ счастію, одинъ стулъ былъ не занятъ, и Самуилъ Самуиловичъ, раскланявшись съ хозяевами, сѣлъ за столъ и вмѣшался въ общую бесѣду. Видя такое безстыдство, какъ говорилъ графъ, или наивность въ обращеніи, какъ говорилъ фонъ Шнупфтухъ, его сіятельство шепнулъ что-то слугѣ, и всѣ блюда начали летать мимо Самуила Самуиловича, которому пришлось бы остаться безъ обѣда, если бъ не удалось налету схватить кусокъ жаркого. Послѣ обѣда графъ попросилъ незваного гостя къ себѣ въ кабинетъ; но Жидокъ такъ умѣлъ разсмѣшить его сіятельство, что былъ припятъ въ число его шутовъ. А изъ шутовъ, сами вы знаете, прямая дорога въ друзья и повѣренные, чѣмъ и состоялъ онъ

Digitized by Google

при графѣ, но не при графинѣ, которая терпѣть не могла этого Жида и употребляла всѣ способы выжить его изъ своего дому. Однако жъ Самуилъ Самуиловичъ, защищаемый графомъ, счастливо отсидѣлся отъ его супруги, которая погибла, защищая свое семейство отъ козней Жидовскихъ. Графиня умерла въ лихоткѣ и, говорятъ, будто одинъ случай ускорилъ ея смерть: она замѣтила однажды, что Самуилъ Самуиловичъ пріѣхалъ къ графу вмѣстѣ съ своей женой, хорошенькой и молоденькой Итальянкой, а уѣхалъ одинъ. По это, должно быть, клевета! А если не клевета, такъ тѣмъ лучше для Самуила Самуиловича. По смерти графини, которой фонъ Шнупфтухъ ждалъ съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ, онъ поднялся ступенью выше, то есть, изъ повѣренныхъ перешелъ въ руководителя къ графу и его дочери, учившейся у него музыкѣ. Хорошъ руководитель!

Большое несчастіе остаться дѣтямъ сиротамъ безъ матери, на попеченіе одного только отца!

Да-съ; очень большое, почти такое же большое, какъ и остаться сиротами послѣ отца на попеченіи матери!

Я говорю: Софья Михайловна еще могла бы не повѣрить Самуилу Самуйловичу? Онъ говорилъ такъ краснорѣчиво, льстилъ такъ безстыдно, пересыпая все это поклонами и шутками, что баронесса не могла не убѣдиться, что безъ барона ей нѣтъ спасенья. Она готова была хоть сама предложить ему руку, если бы ему въ скоромъ времени не вздумалось потребовать ея. Но не безпокойтесь, баронъ самъ не промахъ! Что онъ, прости Господи, за дуракъ, чтобы пропустить такую выгодную партію! Словомъ, баронъ объяснился — и объявленъ женихомъ.

Что жъ, теперь я думаю за свадьбу приниматься? Ужъ конечно другаго ничего не остается дѣлать; тѣмъ

Digitized by Google

больше, что у милаго Фрица, такъ называла Софья Михайловна своего жениха, все приготовлено какъ слѣдуетъ: квартира нанята и даже за одинъ мѣсяцъ заплачено впередъ, мебели, прекрасной отдѣлки, взяты на прокатъ, экипажъ съ лошадьми также, свадебные подарки также и сверхъ того осталось столько денегъ, что достойный Фрицъ могъ сдѣлать блестящую свадьбу.

Ну свадьба! ужъ что же за свадьба богатая и блестящая была у барона! Свадьба на славу! Съ одними экипажами полиція не знала что дѣлать: ихъ, право, было до тысячи! Ну тысяча, не тысяча, а пятьсотъ было навѣрное. Именно такое количество четвероместныхъ каретъ требовалось для помѣщенія всѣхъ враговъ-завистниковъ счастливаго Фрица съ ихъ тетушками. Сверхъ-того мундировъ, фраковъ, жилетовъ, пуговокъ, выпушекъ, — видимо не видимо! Квартира барона, которой срокъ былъ завтра поутру, утопала въ огняхъ, счастливый Фрицъ и его молодая утопала въ удовольствіи, тетушки утопали въ хлопотахъ и суетахъ, о чемъ ихъ, разумѣется, совсѣмъ не просили; заговорщики утопали въ насмѣшкахъ и каламбурахъ. Ай да, Софья Михайловна! раздавалось со всѣхъ сторонъ, убила бобра! ай да, баронъ, подстрѣлилъ лисицу чермобурую!

Прекрасный Фрицъ вздохнулъ свободно, пріѣхавъ отъ вѣнца. До-сихъ-поръ онъ не вѣрилъ своему счастію: такъ оно казалось ему велико! Но теперь, о! теперь ужъ ни кто не отниметъ у него Софію: она связана съ нимъ золотыми узами Гименея и Плутуса! Корабль его подъѣзжалъ къ берегу на всѣхъ парусахъ, онъ достигъ мыса своихъ добрыхъ надеждъ, за которымъ должна открыться Индія, прекрасная, долги уплачивающая Индія! Мечтатель! ему и въ голову не приходило, что за этимъ мысомъ, вопреки составлен-

Digitized by Google

ной въ его головѣ географіи, начинается безпредѣльная пустыня льдовъ, царство смерти. Берегитесь, баронъ, чтобъ вамъ не потерпѣть шторма, которые такъ часто случаются въ тропическомъ нравѣ женскаго пола, чтобъ мысъ, который вы огибаете, не пришлось назвать бурнымъ!

Этакой вѣдь я дальновидный и прозорливый малый! Тотчасъ угадаю, что должно случиться, особливо когда отъ меня зависитъ, чтобъ случилось такъ, а не иначе! А случилось не иначе, а именно такъ, какъ я сказалъ. На другой день произошла страшная буря, да такая буря, что баронъ назвалъ свою супругу просто — злой женщиной, злой Софіей.

Злой Софіей? скажите пожалуйста! Я вамъ говорю, эти мужчины такая дрянь, что ей Богу не стоитъ хлопотать съ ними связываться! Софья Михайловна злая женщина! И все это за то, что она заплакала, когда по утру не нашла въ своей залѣ ни одного стула, — ну, стулья еще Богъ съ ними; а то, вообразите, даже и ни одного зеркала! Злая за то, что не хотѣла говорить съ мужемъ, когда онъ признался, что экипажъ былъ нанятой; за то, что она зарыдала, когда брилліанщикъ явился за брилліантами, подаренными ей барономъ, а хозяинъ дому объявилъ, что вышелъ срокъ квартирѣ. Злая, наконецъ, за то, что назвала барона безсовѣстнымъ, когда онъ объявилъ, что онъ не только не обладатель Индіи, но даже и корабля, на которомъ надѣялся ея достигнуть.

И послѣ всего этого она же злая, между-тѣмъ какъ долгъ всякой порядочной женщины былъ бы, если не выцарапать ему глаза, такъ по-крайней-мѣрѣ вытолкать его отъ себя и потомъ тотчасъ же развестись! Ну чего ждать отъ этого мужа? А между-тѣмъ послушайте еще какой невинностью онъ прикинулся.

— «Софья, милая Софья! восклицалъ негодный

Digitized by Google

Францъ, стоя предъ женой на колѣнахъ, вѣроятно потому, что ему не на что было сѣсть: неужели ты не простишь человѣка, который, изъ любви къ тебѣ, покусился бы не только на обманъ, но и на всѣ возможныя преступленія: воровство, убійство, на все, на все! хочешь ли....

— Нѣтъ не хочу, баронъ, довольно и этого! Вы сдѣлали меня бѣдной, нищей; вы лишили меня всего!

Софья Михайловна не могла не заплакать, вспомнивъ о брилліантахъ.

— Я васъ сдѣлалъ нищей? Вотъ это ужъ вовсе не понятно! Правда, я ничего не придалъ къ вашимъ богатствамъ....

— Къ моимъ богатствамъ! Кто жъ вамъ сказалъ, что я богата? Я бѣднѣе васъ, баронъ, у меня ничего нѣтъ!

— Вы шутите, Софья Михайловна, вскричалъ Мислунгенъ, вскочивъ на ноги. Вы единственная дочь отца, который имѣетъ десять тысячъ душъ крестьянъ и двѣсти тысячъ годоваго доходу! Ваше богатство извѣстно.

— Да, все это было прежде, со вздохомъ отвѣчала баронесса: а теперь, увы, отецъ мой обладатель только пяти сотъ душъ, да и тѣхъ половина заложена!

— Такъ вы меня обманули!

— Прекрасно! Да развѣ я вамъ говорила о моихъ богатствахъ? Обманула! такъ вотъ ваша любовь?

— Ахъ! пѣтъ, баронесса, я васъ очень уважаю, сказалъ разочарованный Францъ, садясь на окно и отворачивась отъ супруги, сидѣвшей на другомъ окнѣ.

Молодые отворотились наконецъ совершенно другъ отъ друга и, задумавшись, машинально смотрѣли на улицу, гдѣ прохожіе съ удивленіемъ останавливались, видя въ окнахъ квартиры барона Опегельдъ неподвижныя лица двухъ статуй, совершенно похожихъ

Digitized by Google

на барона и его супругу. Одинъ проходившій господинъ, продолговатой фигуры, говорилъ даже, разсматривая ихъ въ лорнетъ, что это должны быть портреты молодыхъ, рисованные по заказу Карломъ Брюловымъ, которому, какъ онъ увѣрялъ, баронъ подарилъ за работу островъ Эзель.

Баронъ между-тѣмъ терялся въ догадкахъ. Что бы это значило? Не можетъ быть, чтобы ни одинъ изъ тѣхъ, которые хлопотали о его бракѣ, не зналъ о его плохихъ обстоятельствахъ! Очевидно, что они сговорились. Отъ кого бы узнать объ этомъ? Если бы Самуилъ... Ахъ, мерзавецъ, да онъ больше всѣхъ говорилъ барону о милліонахъ его суженой.

Обрадованный догадкой, баронъ оборотился къ женѣ. Тогда только господинъ, разсматривавшій его въ лорнетъ, увидѣлъ, что это не портретъ, но ликъ самого, настоящаго барона и побѣжалъ поскорѣе разсказывать вездѣ, что молодые, одержимые лунатизмомъ, вмѣсто того, чтобъ спать, какъ слѣдуетъ молодымъ, просидѣли цѣлую ночь у окна и продолжаютъ сидѣть и теперь, а когда кончатъ, неизвѣстно.

Когда же на другой день баронъ и его супруга не поѣхали никуда съ визитами, чего они и не могли сдѣлать, какъ за неимѣніемъ экипажа, такъ и срама ради; то продолговатый господинъ безъ околичностей объявилъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ баронъ и баронесса, въ припадкѣ лунатизма, отворили окна и бросились на мостовую, гдѣ, разумѣется, разбились въ прахъ.

Ну, продолговатый господинъ! не совѣтую вамъ ходить по Поцѣлуеву мосту: сами вы соскочите съ него въ припадкѣ лганья, если только вы еще существуете.

Ахъ, вотъ еще открытіе! Сколько важныхъ открытій сдѣлалъ я на этотъ разъ! Неужели до сихъ поръ

Digitized by Google

не догадались, отъ чего проваливаются мосты? А это ясно какъ Петербургское солнце: они проваливаются, когда по нимъ вздумаетъ идти какой-нибудь лжецъ. Не худо бы сосчитать, всѣ ли у насъ журналисты цѣлы, кромѣ тѣхъ двухъ, разумѣется, которые провалились на Поцѣлуевомъ мосту. Ихъ ужъ не воротишь; а жаль, предостойные были люди!

Баронесса! сказалъ баронъ, обращаясь къ женѣ, знаете ли, кто во всемъ виноватъ? — Шпунфтухъ. — Такъ и вы также думаете? — Я иначе и не думала; вообразите: этотъ Еврей увѣрялъ меня, что у васъ несмѣтныя богатства! — Ахъ онъ мерзавецъ! Ну, не попадайся же онъ мнѣ!

Вотъ каковы люди! По неволѣ вспомнишь эту старинную басню, гдѣ большія мухи проскакиваютъ сквозь тенета, а маленькія остаются. Теперь Самуилъ Самуиловичъ во всемъ виноватъ, а тетушки и племянники правы! Но не безпокойтесь: Самуилъ Самуиловичъ хоть и не изъ крупныхъ мухъ, однако жъ не позволитъ опутать себя тенетами. Дуракъ онъ, что ли, чтобы попасться вамъ теперь, почтенный баронъ, когда вы такъ гнѣвны.

Кто такъ думаетъ, тотъ, значитъ, плохо знаетъ Самьеля Самьелевича. Напротивъ: именно въ это время, время гнѣва и вспышки, онъ стоялъ и подслушивалъ за дверьми той комнаты, гдѣ происходила описываемая мною сцена.

Да онъ сумасшедшій! — Нимало; что жъ можетъ ему сдѣлать баронъ, будь онъ хоть Богъ-знаетъ какъ разгнѣванъ? Дастъ оплеуху! Этакая важность: это не въ диковинку Самуилу Самуиловичу! Между-тѣмъ онъ надѣялся получить по крайней-мѣрѣ тысячу рублей за свою старую коляску, которую онъ намѣревался сбыть съ рукъ. Да у барона денегъ нѣтъ, и зачѣмъ ему коляска? О деньгахъ не безпокойтесь,

Digitized by Google

Самуилъ Самуиловичъ отъищетъ; а коляска четверомѣстная и дорожная необходима барону. Вѣдь послѣ всего, что съ нимъ случилось, не въ Петербургѣ же ему оставаться! Надобно уѣхать куда-нибудь; если не въ Индію, такъ по-крайней-мѣрѣ въ оставшуюся деревню графа Михайлы Михайловича. Самуилъ Самуиловичъ, предвидѣвшій все это, явился къ барону, какъ для оправданія себя, такъ и для предложенія услугъ.

Увидѣвши Самуила Самуиловича, баронъ поднялъ было руку, но супруга напомнила ему, что неприлично такому герою марать руки о Жида. Да и самъ баронъ вспомнилъ, что никто не можетъ ему дать лучшаго объясненія обо всемъ случившемся, какъ Шнупфтухъ. Самуилъ Самуиловичъ, такъ неожиданно избѣжавшій потасовки, съ радостію принялся за объясненія и началъ выдавать барону заговорщиковъ съ ихъ начальникомъ Мстиславскимъ, точно такъ, какъ за нѣсколько дней онъ выдавалъ имъ самого барона и его супругу.

— Вотъ что! вскричалъ разгнѣванный Онегельдъ, когда узналъ правду: хорошо, я съ ними раздѣлаюсь! и тотчасъ же началъ торговать у Самуила Самуиловича пистолеты. Шнуптухъ испугался, по врожденной боязни всего Жидовскаго племени къ огнестрѣльному оружію. Онъ продалъ бы и пистолеты; но, почему знать, можетъ быть, барону войдетъ въ голову застрѣлить и его вмѣстѣ съ заговорщиками. Да и что же можно взять за пару старыхъ пистолетовъ, сто рублей не больше; а за коляску онъ надѣялся взять тысячу! И такъ, онъ предложилъ, вмѣсто пистолетовъ, коляску. По зрѣломъ размышленія, баронъ согласился. И прекрасно сдѣлалъ: сколько времени, пороху и пуль потребно, чтобы перестрѣляться со всею

Digitized by Google

тысячью соперниковъ; между-тѣмъ какъ коляска необходима ему во всякомъ случаѣ.

— Ахъ бѣдный баронъ! ахъ бѣдная Софья Михайловна! восклицали между-тѣмъ тетушки, бѣгая изъ дому въ домъ. Скажите какое несчастіе! Слышали вы, графиня? — Что такое? — Ужасныя вещи: вѣдь баронъ, въ припадкѣ лунатизма, бросился въ окно и увлекъ за собой жену! — Въ самомъ дѣлѣ? Да. — Представьте, я ужъ давно замѣтила за барономъ эту болѣзнь: въ послѣдній разъ какъ онъ у меня былъ, я говорила съ нимъ, не помню о чемъ, кажется, о моемъ плутѣ управителѣ; а онъ сидѣлъ, сидѣлъ, да и задремалъ. Теперь я понимаю отъ чего это; а тогда совсѣмъ собиралась обидѣться.— Ну что жъ они, разбились? — Въ прахъ, такъ, что и остатковъ не нашли! — Ахъ Боже мой, какая жалость! Такая милая Софья Михайловна: я любила ее какъ родную дочь! такой прекрасный баронъ, обладатель Индіи! — Да, что послѣ этого наше земное счастіе? Пыль, прахъ и суета! Кому бы, кажется, и наслаждаться счастіемъ, какъ не такимъ достойнымъ людямъ; такъ нѣтъ, прыгаютъ въ окна! Однако жъ прощайте графиня, поѣхать скорѣе заказать черное платье, вѣрно похороны будутъ пышныс. А послѣ обѣда надобно съѣздить еще къ двумъ графинямъ, да тремъ княгинямъ; въ другіе десять домовъ я ужъ послала четырехъ племянниковъ.

Ну, тетушки! Просто наказанье съ этими тетушками! Скажи имъ дичь какую угодно, онѣ рады повторять! Богъ вамъ судья, милыя и любезныя тетушки! похоронили молодыхъ, между-тѣмъ какъ они здравы и невредимы. Но вотъ что худо: зловѣщія тетушки въ самомъ дѣлѣ накликали несчастіе на головы молодыхъ, какъ сейчасъ увидите.

— Ну, друзья мои, поздравляю васъ! говорилъ

Digitized by Google

графъ, входя въ комнату, гдѣ сидѣли, — виновать, стояли, — Софья Михайловна, ея мужъ и Шнупетухъ. Съ распростертыми объятіями Михайла Михайловичъ шелъ къ молодымъ; но вдругъ остолбенѣлъ на дорогѣ, остолбенѣлъ точно такъ же, какъ его зять и дочь, которыхъ онъ надѣялся найти вмѣстѣ и нашелъ въ двухъ противоположныхъ углахъ комнаты. Вмѣсто того, чтобъ броситься въ объятія къ родителю, молодые стояли потупя взоры. Самуилъ Самуиловичъ, чтобъ не отстать отъ нихъ, сдѣлалъ тоже.

— Что это значитъ? вскричалъ графъ, опомнившись: Sophie, что съ тобой и отчего такая пустота у васъ въ квартирѣ?

Sophie молчала.

— Я васъ спрашиваю, милостивый государь, что это значитъ? сказалъ графъ, обращаясь къ барону.

Баронъ молчалъ.

— Что жъ вы смѣетесь надо мной! Шнупетухъ, что все это значитъ и зачѣмъ ты здѣсь?

Самуилъ Самуиловичъ молчалъ.

— А, Жидокъ, и ты молчишь! Хорошо, мой другъ, я тебя заставлю говорить! — Графъ поднялъ бамбуковую трость.

— Сейчасъ, сейчасъ, ваше сіятельство! вскричалъ Самуилъ Самуиловичъ: все разскажу. Это, изволите видѣть, маленькая ошибка въ расчетѣ со стороны господина барона: онъ надѣялся получить, богатое приданое за Софіей Михайловной.

— Я думаю, баронъ не имѣетъ нужды въ приданомъ; онъ самъ богатъ.

— Я этого не могу знать, ваше сіятельство!

— Такъ что жъ онъ, нищій что ли, какъ ты?

Какъ можно, ваше сіятельство! Однакожъ, благодаря вашимъ милостямъ, я не бѣденъ....

— Вонъ отсюда, Жидъ! закричалъ баронъ, котора-

Digitized by Google

го эта дерзость задѣла за живое. Самуилъ Самуиловичъ не заставилъ повторять и убѣжалъ; но не дальше, какъ за дверь, будучи увѣренъ, что онъ еще понадобится.

— Я не нищій, продолжалъ баронъ, обращаясь къ тестю: но и не богачъ, какъ вы думаете, графъ. Затѣмъ онъ разсказалъ, какую шутку сыграли съ ними заговорщики.

Графъ не дослушалъ зятя: глаза его помутились, руки и ноги затряслись, кровь бросилась въ голову, онъ запатался и готовъ былъ упасть. Кресла, кресла, дайте мнѣ кресла! говорилъ Михайла Михайловичъ слабымъ голосомъ; но, увы, креселъ не было! Онъ упалъ бы на полъ, но услужливый Шнупфтухъ вбѣжалъ въ комнату и составилъ изъ своей фигуры родъ креселъ, куда и посадили больного графа.

Бѣдный отецъ! нежданное несчастіе такъ поразило его, что параличъ въ ту же минуту отнялъ у него половину тѣла, оставивъ владѣть другою половиною не больше двухъ недѣль. По прошествіи двухъ недѣль, и именно въ то время, когда тетушки, примѣряя въ десятый разъ черныя платья, удивлялись, почему такъ долго не хоронятъ барона и его супругу, въ это самое время везли мимо ихъ графа Михайла Михайловича, за которымъ шли баронъ и баронесса. Тетушки и не узнали ихъ, онѣ даже не спросили, вопреки своему обыкновенію, кого хоронятъ? И все оттого, что катафалкъ и гробъ были безо всякихъ украшеній и за гробомъ не тянулась длинная процессія!

Ну Софья Михайловна, не знаю что дальше будетъ, а медовые дни вашего брака, право иной, острякъ, назвалъ бы горчичными!

Смерть отца, былъ первый случай, открывшій, что сердце Софьи Михайловны совсѣмъ не такъ нечувствительно, какъ о томъ толковали влюбленные въ нее

Digitized by Google

философы. Печаль о смерти отца овладѣла ею до такой степени, что она не сшила себѣ не только платья съ плерезами, но даже и никакого траура. Казалось, она забыла все ее окружавшее, забыла свою бѣдность, забыла даже, что она поссорилась съ мужемъ, къ которому съ рыданіемъ упала въ объятія, возвратившись съ кладбища, и ужъ вѣрно ошибкой, назвала его милымъ Фрицемъ!

Упала въ объятія — значитъ Софья Михайловна помирилась съ своимъ супругомъ? Да; но замѣтьте, что помириться и простить — это въ супружескомъ быту совсѣмъ двѣ различныя вещи. Она, конечно, помирилась съ мужемъ, потому что вѣдь не вѣкъ же ссориться; но простить.... нѣтъ, баронъ, извольте-ка прежде заслужить это. А заслужить прощеніе вашей супруги можете вы неиначе, какъ супружескимъ долготерпѣніемъ.

Впрочемъ, вѣдь я не знаю навѣрное простила она его или нѣтъ, и простилъ ли онъ ее или нѣтъ; а думаю, что нѣтъ и нѣтъ. Во-первыхъ потому, что оба они были виноваты и, слѣдовательно, оба не хотѣли уступить другъ другу; а во вторыхъ и особенно потому, что прапорщикъ Христофоръ Христофоровичъ Поссеншпрехеръ разсказывалъ мнѣ слѣдующее:

Однажды, когда онъ, прапорщикъ, стоялъ въ карауле на Московской заставѣ, подъѣхала будто бы къ этой заставѣ коляска, построенная, по донесенію караульнаго унтеръ-офицера Прокофія Прохорова Хвастунова, при царѣ Горохѣ, и что будто бы оная коляска заключала въ себѣ три персоны, въ числѣ которыхъ, къ величайшей радости его, прапорщика, сидѣла прехорошенькая женщина. Далѣе онъ говорилъ, что лица всѣхъ лицъ, сидѣвшихъ въ допотопномъ экипажѣ, обращены были совершенно въ противоположныя стороны, а именно: лице господина,

Digitized by Google

сидѣвшаго рядомъ съ прекрасною дамою, обращено было на востокъ и, слѣдовательно, лицо его сосѣдки прямо на западъ, и, по словамъ вышеозначеннаго прапорщика, прямо на него, что однако жъ требуетъ подтвержденія. Лицо же и глаза противосидѣвшей особы, вѣроятно, чтобъ составить совершенную противоположность съ неподвижностью двухъ упомянутыхъ лицъ, безпрестанно обращались отъ востока къ западу, отъ сѣвера къ югу и отъ зенита къ надиру, пока не остановилось на немъ, прапорщикѣ, что совершенно достовѣрно и, слѣдовательно, не требуетъ никакого подтвержденія.

Изъ такого страннаго положенія трехъ особъ, Христофоръ Христофоровичъ, несмотря на его юныя лѣта, очень разумно заключилъ, что сидѣвшіе рядомъ должны быть супруги, а противусидѣвшая особа—ихъ прислужница, и не ошибся. Это были: баронъ Онегельдъ съ супругою и ихъ горничная.

А изъ таковаго показанія вышеписаннаго прапорщика Христофора Поссекшпрехера слѣдуетъ, первое, что самъ онъ прапорщикъ двадцатилѣтній философъ, когда выводитъ такія заключенія. Второе, что хотя Софья Михайловна и помирилась съ своимъ супругомъ, но еще его не простила. Третіе, что горничная ихъ была въ восторгѣ, засѣвши съ господами въ коляску и очень желала сдѣлать прапорщика участникомъ своего восторга. Четвертое, что коляска, въ которой отправлялись достойные супруги, была именно та, которую продалъ имъ Самуилъ Самуиловичъ. Наконецъ пятое и послѣднее, что они распростились навсегда съ Петербургомъ и отправлялись въ единственную деревню, оставшуюся послѣ графа Михайлы Михайловича и состоявшую костромской губерніи въ чухломскомъ уѣздѣ.

Это происшествіе было въ тотъ же вечеръ разсказа-

Digitized by Google

но прапорщикомъ въ десяти домахъ въ осьми кадрилях, одной мазуркѣ и одномъ котильонѣ. Десять дамъ разсказали потомъ двадцати кавалерамъ, которые въ свою очередь объявили пятидесяти тетушкамъ. Тетушки, разнося это по всему городу, столкнулись съ другими тетушками, разсказывавшими о смерти барона. Можете себѣ представить, какая кутерьма вышла изо всего этого! Тетушки перессорились, племянники передрались; но явился всеобщій примиритель и прекратилъ междуусобіе. Это былъ все тотъ же Самуилъ Самуиловичъ. Разсказавъ все, какъ было и выставляя себя, разумѣется, съ лучшей стороны, онъ пріобрѣлъ тѣмъ всеобщую довѣренность и уваженіе.

Съ прапорщикомъ Поссеншпрехеромъ случилось однако жъ маленькое несчастіе. На другой день онъ отправился разсказывать о томъ же происшествіи за завтракомъ, обѣдомъ и вечеромъ. Но на вечерѣ какъ разъ онъ столкнулся съ тѣмъ продолговатымъ господиномъ, который, помните, наблюдалъ барона и его супругу съ улицы. Длинный господинъ только-что успѣлъ разсказать такой же мѣры пожилой дѣвушкѣ, танцовавшей съ нимъ кадриль, какъ въ его глазахъ баронъ и баронесса летѣли изъ окна и упали: баронъ — въ коляску проѣзжавшей купчихи, а баронесса — къ нему, длинному господину, на руки. Прапорщикъ Поссеншпрехеръ, танцовавшій, за неимѣніемъ младшей, съ той же пожилой дѣвицей, разсказалъ ей, какъ баронъ и баронесса выѣзжали изъ города въ допотопномъ экипажѣ. Видя таковую разность въ показаніяхъ, пожилая дѣвица не опустила свести разскащиковъ на очную ставку; и я не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, если бы одинъ господинъ, принимая на себя видъ очень знающаго человѣка, не поторопился встать изъ-за виста и помирить споривщихъ, согласивъ ихъ показанія.

Digitized by Google

— Изъ-за чего вы ссоритесь, господа, сказалъ онъ имъ, вы оба правы: баронъ съ супругой могли выкинуться изъ окна и потомъ преблагополучно ѣхать за городъ. Извѣстно, что лунатики соскакиваютъ иногда и безъ всякаго вреда съ ужаснѣйшихъ высотъ. Я самъ видѣлъ....

— Филиппъ Филипповичъ, говорилъ кто-то, дергая господина за руку, у васъ не было онеровъ? —

— Какъ, помилуйте, — всѣ пять! и Филиппъ Филипповичъ побѣжалъ воевать за зеленымъ полемъ, успѣвши посѣять сѣмена мира между ссорившимися, къ величайшему прискорбію пожилой дѣвицы. Она ужъ совсѣмъ было собралась разсказывать на другой день, что два очень интересные молодые человѣка едва не вышли за нее на дуэль: такъ хотѣлось имъ обоимъ непремѣнно танцовать съ нею всѣ танцы.

А молодые себѣ ѣхали, да ѣхали костромской губерніи въ чухломскій уѣздъ, не заботясь и даже не зная о томъ, что ихъ выкинули въ окно и похоронили, что объ нихъ толкуютъ, за нихъ ссорятся, дерутся. И, право, очень счастливы! А то барону пришлось бы въ самомъ дѣлѣ драться со всѣми насмѣшниками и каламбуристами, а Софьѣ Михайловнѣ выкинуться изъ окна отъ участья и сожалѣнья текушекъ. Такъ они ѣхали, ѣхали, да благополучно и пріѣхали къ себѣ въ деревню, да и поселились тамъ.

Теперь оставимъ достойныхъ супруговъ на цѣлыя десять лѣтъ. Пусть себѣ живутъ да поживаютъ! Пусть баронъ ѣздитъ на охоту, ходитъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, играетъ въ пикетъ съ сосѣдомъ помѣщикомъ, ссорится и дерется съ управителемъ и мужиками, даже занимается хозяйствомъ; пусть Софья Михайловна глядитъ въ окно, считаетъ куръ и утокъ, варитъ варенье, солитъ грибы и огурцы, ссорится и мирится съ мужемъ и горничными и даже рождаетъ дѣтей! Словомъ, пусть

Digitized by Google

достойное семейство наслаждается возможнымъ домашнимъ счастьемъ, не будемъ мѣшать имъ цѣлыя десять лѣтъ. Но, по прошествіи этого срока, мы должны заглянуть въ ихъ домашній бытъ, должны непремѣнно и именно потому, что это до насъ не касается. А вѣдь извѣстно вамъ, что намъ именно то и хочется знать, что до насъ не касается. Но какъ бы это сдѣлать? — Ужъ это мое дѣло!

Владиміръ Ивановичъ Мстиславскій, помните, глава заговорщиковъ, ѣхалъ, по дѣламъ службы, или по собственной охотѣ, я право не знаю; да что мнѣ до этого, такъ или сякъ, только онъ ѣхалъ костромской губерніи по чухломскому уѣзду и не далѣе, какъ въ двухъ верстахъ отъ деревни, гдѣ проживалъ баронъ съ семействомъ.

Какъ бы его заставить съ дороги повернуть въ деревню барона? — Ну, какъ, очень просто, изломать ему коляску! — Ужъ извините, я этого не сдѣлаю, потому что это слишкомъ избито и слѣдовательно слишкомъ пошло; а я, какъ то и вамъ не безъизвѣстно, читатель, пошлостей не только не пишу, но даже и не говорю. Если бы Владиміръ Ивановичъ зналъ, что онъ близко отъ людей, о счастіи которыхъ онъ такъ много заботился, то конечно не пропустилъ бы случая и самъ къ нимъ заѣхать, нимало не подозрѣвая, что имъ извѣстны всѣ его проказы. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ этого не зналъ. Какъ же бы... Ахъ позвольте, придумалъ.

Мнѣ въ этомъ случаѣ помогли два очень хорошіе человѣка. А что за рожи у этихъ хорошихъ людей! Вѣдь создалъ же Господь такое племя! Одинъ рыжій съ щетинистой и всклоченной бородой и сверкающими глазами, другой съ огромными, висящими усами, полуобритый и въ фуражкѣ. У одного въ рукахъ преогромный ножъ, а у другаго за плечами престраш-

Digitized by Google

ное ружье. Не мудрено, кажется, отгадать, что это за люди.

Ахъ, Боже мой, да это разбойники!

Это разбойники, страшные, ужасные разбойники, такіе, какихъ рѣдко встрѣтите и у мадамъ Радклифъ! Не правда ли, что это интересно, гораздо интереснѣе изломанной коляски? Ужъ вы на меня положитесь: я дурно не придумаю!

Теперь, представьте себѣ, что эти ужасные люди стояли въ ужасномъ дремучемъ лѣсу, черезъ который проѣзжала коляска Мстиславскаго, и говорили такія ужасныя рѣчи:

— Смотри же, Кузьма, не дай маха, говорилъ барбарусса бѣглому солдату: если бы можно, такъ и кучера и слугу за одинъ разъ хватить.

— Что ты, Ерема, ослѣпъ что ли? Убить кучера; развѣ не видишь, что это Ванька.

— А, тѣмъ лучше! Ну такъ бей лакея, съ барономъ-то мы ужъ справимся!

Раздался выстрѣлъ и бѣдный слуга Мстиславскаго, сидѣвшій съ ямщикомъ, повалился въ коляску. Два разбойника вышли изъ чащи лѣса и, съ ножами въ рукахъ, направлялись прямо въ коляскѣ, которая какъ-будто ждала ихъ, потому что Ванька, пріятель Еремы и Кузьмы, остановилъ лошадей.

А, почтеннѣйшій Владиміръ Ивановичъ, попались! Злой человѣкъ, зачѣмъ вы составляли заговоръ противъ Софьи Михайловны, зачѣмъ сводили ее съ промотавшимся барономъ? — Какъ вы думаете, mesdames, зарѣзать его? Я думаю, лучше зарѣзать, потому что представьте себѣ какая великолѣпная картина: крики, вопли отчаянія, прошеніе помощи, обращеніе къ лунѣ и свѣтиламъ небеснымъ! Потомъ: кинжалъ, воткнутый по самую рукоять въ грудь несчастнаго, его послѣднее трепетанье, судороги, корчи, хрипѣнье

Digitized by Google

въ груди и наконецъ, неистовый хохотъ разбойниковъ, которые шарятъ у него въ карманахъ и находятъ только любовную записку! Какъ все это хорошо! Но, — удивляйтесь моему великодушію: я былъ въ двухъ шагахъ отъ славы новѣйшихъ французскихъ писателей, отъ меня зависѣло умертвить страшною смертію моего героя и я этого не сдѣлалъ! И все отъ доброты души! — Ну, Богъ съ вами, Владиміръ Ивановичъ, поѣзжайте съ миромъ; да благодарите судьбу, что вы мнѣ еще нужны для развязки повѣсти, а то бы. . . . Однако жъ будемъ продолжать.

Мстиславскій, видя, что дѣло плохо и что яицкъ совсѣмъ не на его сторонѣ, собралъ всѣ свои силы и далъ такого толчка этому плуту, что онъ полетѣлъ подъ ноги къ лошадямъ, которыя, испугавшись, побѣжали куда глаза глядятъ и измяли колесами возницу. Въ догонку Владиміру Ивановичу пронеслись еще два выстрѣла; но онъ избѣжалъ ихъ счастливо и продолжалъ, подобравши кой-какъ изорванныя возжи и исправляя должность кучера, скакать вдоль по дорогѣ до тѣхъ поръ, пока не замѣтилъ въ сторонѣ мелькающаго огня.

Я не говорю, да вѣрно вы сами догадались, что все это было ночью и что мелькающіе огни были въ деревнѣ барона. Разумѣется, что Владиміръ Ивановичъ поворотилъ лошадей въ ту сторону, скача безъ памяти и безъ разбору по рвамъ, пнямъ, посѣянному полю и наконецъ явился въ деревнѣ Софьи Михайловны здравъ и невредимъ. Слуга-то его, правда, былъ не такъ чтобы очень здоровъ: пуля снесла ему полчерепа и онъ умеръ на другой день. Да это ничего, можно и другаго найти.

Безъ конца было бы разсказывать, какъ производилось обо всемъ этомъ слѣдствіе въ чухломскомъ нижнемъ земскомъ судѣ, какъ чухломскій капитанъ-ис-

Digitized by Google

правникъ цѣлую недѣлю жилъ у барона и каждый вечеръ металъ ему банчикъ, какъ потомъ пойманы были разбойники, и все, что у нихъ найдено, отобрано, не исключая и фуражки Мстиславскаго, которая свалилась у него съ головы во время бѣгства отъ разбойниковъ и которая, однако жъ, была такъ хороша, что возбуждала удивленіе всей Чухломы, красуясь на головѣ повытчика чухломскаго нижняго земскаго суда. Все это вещи обыкновенныя.

Однако жъ эти обыкновенныя вещи удержали Мстиславскаго цѣлыя двѣ недѣли въ деревнѣ барона, а слѣдующія двѣ онъ прожилъ самъ, и послѣ всего жалѣлъ, что не можетъ прожить мѣсяца или двухъ съ семействомъ барона, такъ хорошо онъ былъ принятъ барономъ и его супругой и еще лучше... нѣтъ не скажу.

Какіе милые, незлопамятные люди Софья Михайловна и ея мужъ! Значитъ, они и забыли несчастіе, причиненное имъ Мстиславскимъ? Напротивъ, не проходило дня, чтобъ они не вспоминали о прежнемъ; за то не проходило вечера, чтобы, отходя ко сну, они дружески не пожимали руку Владиміру Ивановичу, благодаря его за благодѣяніе.

Въ самомъ дѣлѣ, желая сдѣлать зло Софьѣ Михайловнѣ, Мстиславскій сдѣлалъ ей величайшее добро.

Вотъ какъ это случилось.

Необходимость, какъ вы видѣли, заставила почтенное семейство поселиться въ деревнѣ. Какая прекрасная вещь эта необходимость! Она-то именно и заставила Софью Михайловну забыть о брилліантахъ и надѣть простое ситцевое платье, въ которомъ, баронесса никакъ этого не предполагала, она была удивительно какъ мила! А ситцевое платье заставило Софью Михайловну сидѣть дома и искать наслажденій въ семейномъ кругу, а, слѣдовательно, короче узнать су-

Digitized by Google

пруга, раскрыть прекрасныя свойства его души и сердца и полюбить его! Да, прекрасныя: шумъ столичной жизни заглушилъ въ немъ на время эти свойства, за то тишь деревни и любовь прекрасной супруги открыли ихъ. Баронъ имѣлъ все, что необходимо доброму мужу, доброму отцу, доброму семьянину и даже доброму хозяину; и сталъ добрымъ мужемъ, потому что обожалъ жену и былъ любимъ ею взаимно; сталъ добрымъ отцемъ, потому что, имѣя пару премиленькихъ дѣтей, самъ, при помощи Софьи Михайловны, занимался ихъ воспитаніемъ; сталъ добрымъ семьяниномъ, потому что всѣ домашніе и всѣ крестьяне барона готовы были за него въ огонь и воду; сталъ добрымъ хозяиномъ, потому что впродолженіи десяти лѣтъ утроилъ приданое жены своей. Вмѣсто пяти сотъ полузаложенныхъ душъ, они имѣли теперь полторы тысячи душъ незаложенныхъ, чистыхъ, сытыхъ, довольныхъ своей судьбой и господами, которыхъ они благословляли. Воспитаніе дѣтей и занятіе хозяйствомъ заставили барона снова обратиться къ книгамъ, которыя были имъ забыты въ вихрѣ городской жизни.

Объ Софьѣ Михайловнѣ нечего и говорить; она совершенно перемѣнилась, перемѣнилась до того, что простое платье предпочитала газамъ и блондамъ; смиренный сердоликъ бриллианту, а любовь мужа и дѣтей всему на свѣтѣ; она жила для нихъ, дышала ими! О, значитъ, баронъ нашелъ ключъ къ сердцу своей супруги!

Голубчикъ баронъ, скажите намъ, какъ вы дошли до этого?

Лучше и не просите, навѣрное, не скажетъ.

Не говоря тысячи словъ, мнѣ хотѣлось бы представить идеалъ земнаго счастія въ этомъ семействѣ, да не могу: Богъ таланту не далъ; я предоставляю

Digitized by Google

каждому и каждой воображать о счастіи барона и его супруги какъ кому угодно. Только они были счастливы, счастливы до того, что не рѣшились бы промѣнять своего уединенія ни на какую столицу въ мірѣ.

Какъ же имъ было послѣ этого не благодарить Мстиславскаго и не обласкать его? Баронъ, чтобъ доказать своему гостю, какъ много онъ ему обязанъ, показалъ ему, во-первыхъ, своихъ дѣтей, отъ которыхъ Владиміръ Ивановичъ былъ въ восхищеніи; потомъ показалъ ему свое хозяйство, свои фермы, фабрики, сады, отъ которыхъ Владиміръ Ивановичъ былъ въ восторгѣ, и, взаключеніе, показалъ ему дочь своего сосѣда помѣщика, отъ которой Владиміръ Ивановичъ былъ въ упоеніи. Кончилось все это тѣмъ, что Мстиславскій уѣхалъ отъ барона съ твердымъ намѣреніемъ пріѣхать черезъ мѣсяцъ, поселиться подлѣ барона и завести себѣ такую же жену, такихъ же дѣтей, такое же хозяйство, и прочее, и прочее, и прочее.

Теперь, когда все кончено, я обращаюсь опять къ тому же вопросу: что жъ такое любовь?

— Минутная улыбка хорошенькаго ротика, любовь ли это?

Нѣтъ, это не любовь!

— А голубенькіе глазки, съ нѣжностію на насъ обращенные?

Нѣтъ, и это еще не любовь!

— А пухленькая ручка, протянутая въ мазуркѣ къ намъ, а не къ Матвею Матѳеевичу, который покраснѣлъ съ досады, неужели и это не любовь?

Нѣтъ, тутъ нѣтъ ни малѣйшей любви!

— За то поцѣлуй, тихомолкомъ сорванный съ розовыхъ устъ, это кажется...

Любовь тутъ даже и не кажется.

— Такъ по-крайней-мѣрѣ вступленіе въ законный бракъ?

Digitized by Google

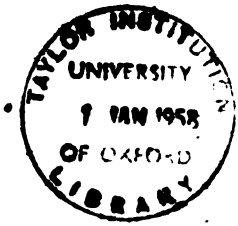
И это не любовь.

— А если мы не только на другой день послѣ женитьбы, но даже и на другой годъ все еще смотримъ въ глаза нашей половинѣ?

И всё-таки это не любовь.

— Да что же любовь?

Это такое чувство, которое открывается и узнается не прежде какъ черезъ десять лѣтъ!



Digitized by Google

II.

ТАИНСТВЕННАЯ КРАСАВИЦА.

Повѣсть Скриба.

I.

Если сказать вамъ, милый читатель, что я купилъ небольшое помѣстье въ Бри, это конечно, будетъ для васъ со всѣмъ незанимательно. Если прибавить къ тому, что я имѣлъ глупость начать тутъ кое-какія постройки; что каменьщики, плотники, подрядчики, а главное, ихъ счеты, почти совершенно меня разорили; что я, наконецъ, не вижу и не знаю, какъ, безъ денегъ, вывести мнѣ правый флигель, то думаю, и это нисколько не тронетъ васъ. Но если я вамъ открою, милый читатель, что вы, именно вы должны мнѣ помочь въ моемъ горѣ, — быть можетъ, странность этой выходки заставитъ васъ обратить на меня маленькое вниманіе, и я съ самаго начала возбужу ваше любопытство, ваше участіе и, главное, ужасъ, — цѣль, до которой въ наше бѣдственное время добиваются всѣ слагатели повѣстей и романовъ.

Digitized by Google

Въ этомъ раздумьѣ, я сидѣлъ у себя на дворѣ, на необтесанномъ камнѣ, грустно посматривая на мѣсто, гдѣ будетъ рисоваться правый флигель, если дастъ мнѣ Богъ когда-нибудь его выстроить... какъ вдругъ чья-то рука ударила меня по плечу, и пріятный, юношескій голосъ проговорилъ: «Здравствуйте, сосѣдъ!» Я обернулся: это былъ Жоржъ Лисвардъ, мой сосѣдъ по деревнѣ, котораго я едва узналъ, потому что, заѣхавъ не такъ давно въ эту сторону и проводя время съ моими рабочими, я не успѣлъ еще никому сдѣлать визитовъ; но съ Жоржемъ не нужно было долго знакомиться. Онъ обладалъ одной изъ тѣхъ счастливыхъ, привлекательныхъ физіономій, которыя располагаютъ къ радости и довѣрію. Стоило видѣть его одинъ разъ, чтобъ полюбить, — побыть съ нимъ нѣсколько часовъ, чтобъ не захотѣть разстаться. Онъ былъ исполненъ радушія и веселости, не заботился о будущемъ, и несмотря на прекрасную свою наружность, не имѣлъ никакихъ претензій? Любая мать гордилась бы такимъ сыномъ, а сестра была бъ безъ памяти отъ такого брата.

Вступивъ, въ молодыхъ лѣтахъ, въ Политехническую школу, онъ вышелъ изъ нея однимъ изъ первыхъ учениковъ; будучи офицеромъ артиллеріи, отличился при осадѣ Антверпена, въ единственномъ случаѣ къ славѣ, какой ему выпалъ, и теперь, съ возстановленіемъ мира, преспокойно поживалъ съ своей старой матерью. Спустя нѣсколько времени по пріѣздѣ, онъ, по случаю замужества сестры своей, объявилъ, что не знаетъ, что дѣлать съ своимъ имѣніемъ; что онъ слишкомъ богатъ поручичьимъ жалованьемъ, и такимъ образомъ рѣшительно отказался отъ скромной доли въ отцовскомъ наслѣдствѣ въ пользу сестры,

Digitized by Google

Елены, которая, благодаря этому безкорыстію брата, сдѣлала очень, очень выгодную партію. Однажды, я какъ-то хотѣлъ напомнить Жоржу объ этой прекрасной чертѣ: онъ пожалъ плечами и ушелъ. Это была первая и послѣдняя его невѣжливость.

Перебравшись въ мое сосѣдство, къ своей матери, онъ навѣщалъ, порой, мою библіотеку и снималъ у меня разные виды. Жоржъ, въ добавокъ, былъ прекрасный живописецъ.

— Что съ вами? спросилъ онъ; что вы такъ задумались?

Я разсказалъ ему тогда то, что говорилъ сію-минуту вамъ, любезный читатель: какъ мнѣ хотѣлось заставить публику кончить мои строительныя затѣи.

— Какъ, серіозно? вы думаете, что публика заплатитъ вашимъ рабочимъ?

Отъ чего жъ и не такъ? Вѣдь она и щедра и великодушна! заплатить — заплатитъ; но только нужно заинтерссовать ее; а это-то въ наше время довольно трудно. Для нея нужно теперь что-нибудь новенькое, развлекательное, оригинальное!

— Что же именно?

— Сюжета для романа, камедіи, оперы...

— Какъ! неужели оперой можно построить домъ?

— А по чему жъ и нѣтъ? Доказательствомъ тому служитъ пріятель мой, Оберъ, у котораго цѣлая пара домовъ въ Сенъ-Жорской улицѣ....

— Которые онъ вызвалъ изъ земли какъ Амфіонъ, своею лирою.

— Своимъ талантомъ: это не такъ отзывается миѳологіей.

— Ваша правда; въ наше время басни не въ мо-

Digitized by Google

дѣ.... Ну, что бы вы сказали, если бъ у меня былъ сюжетъ для оперы?

— У васъ, милый сосѣдъ, возможно ли?

— Для оперы.... ну, можетъ-быть, для оперы-то и найдетъ.

— По чему же?

— Лучше для трагедіи, комедіи, романа....

— Но, скажите, какой же это сюжетъ?

— Могу васъ увѣрить — оригинальный... странный.... не понятный...

— Этого-то намъ и нужно!

— Что въ немъ нѣтъ ни на волосъ толку.

— Не въ этомъ и заключается успѣхъ, мой милый другъ, огромный успѣхъ! Говорите, — вы увеличиваете мое нетерпѣніе.

— Это исторія, которая случилась со мною.

— Съ вами?

— Со мною... въ моей молодости.

— Но, вѣдь вы еще не старикъ.

— Назадъ тому пять или шесть лѣтъ... въ этой исторіи я играю главное дѣйствующее лицо; но она слишкомъ длинна; лучше ее не начинать сегодня. Теперь ужъ довольно поздно, а въ полдень у меня есть очень нужное дѣло...

— Теперь только половина двѣнадцатаго; черезъ полчаса я даю вамъ полную свободу.

— Не шутя?

— Клянусь!

— Хорошо!

Тутъ мы расположились въ уединенномъ мѣстѣ парка, на берегу рѣчки, около каскада, котораго свѣтлая, холодная струя течетъ по кремнистому ложу и орошаетъ Моренскую долину — чудный ландшафтъ,

Digitized by Google

который слывет маленькой Швейцарией! Эта долина пользовалась бы огромной известностью, если бъ скаты и пригорки, ее окружающіе, носили имена Гларуса или Аппенцеля, между-тѣмъ какъ теперь на нее путникъ едва обращаетъ вниманіе потому только что она лежитъ въ двадцати миляхъ отъ Парижа.

Жоржъ, мой пріятель, не принадлежалъ къ числу холодныхъ философовъ; окинувъ эту живописную и привлекательную природу своимъ быстрымъ, одушевленнымъ взоромъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Вы не могли избрать мѣста, которое лучше бы гармонировало съ моей исторіей. Это прекрасное солнце, эта свѣжая зелень, эта живописная деревушка, напоминаютъ мнѣ и воскрешаютъ такъ живо понятія, которыя кружились въ головѣ моей назадъ тому шесть или семь лѣтъ по выходѣ моемъ изъ университета. Какъ все чудно и упоительно на утренней зарѣ, при восходѣ солнца!... Свѣтъ, въ который я вступалъ, казалось мнѣ, былъ украшенъ такимъ очарованіемъ, такими надеждами! Я вѣрилъ, какъ вѣрятъ въ мои лѣта, что меня встрѣтятъ друзья, успѣхи, и, главное, побѣды надъ женщинами. Да, признаюсь откровенно, это всего болѣе меня занимало.

Въ университетѣ мы читали много запрещенныхъ книгъ; въ томъ числѣ была одна преинтересная и вмѣстѣ преопасная, которая, быть-можетъ, потому только и казалась занимательною, что представляла все въ превратномъ видѣ: женщинъ, молодыхъ людей, общество; чувства, нравы, характеры были тутъ списаны не съ натуры, а просто, съ воображенія,—и вотъ почему все это такъ сильно насъ увлекало...

— Вы говорите о романѣ Лувэ?

— Такъ точно... Это сочиненіе классическое, пото-

Digitized by Google

му что вы найдете его во всѣхъ классахъ, съ четвертаго до философскаго! Я воображалъ себѣ всѣхъ этихъ важныхъ дамъ... какъ онѣ сходятъ съ ума по семнадцати-лѣтнемъ мальчикѣ, которому, для пріобрѣтенія любви, не нужно ни заслугъ, ни дарованій, ни того, чтобъ быть искательнымъ; для котораго безполезно заниматься чѣмъ бы то ни было, безполезно знать науки, убивать себя работою, потому что любовь доставитъ ему славу, счастіе и почести... а подобныя чудеса не могутъ не быть увлекательны... Къ тому жъ мои товарищи безпрестанно твердили мнѣ что я не дуренъ собою, что я похожъ на дѣвушку... извините, что говорю о такихъ вещахъ... но разсказываю все, какъ было....

— О, сдѣлайте одолженіе.. это, впрочемъ, и безъ того видно... — Будьте увѣрены, продолжалъ Жоржъ, краснѣя: я распростился съ этими мыслями... я говорю о давно-минувшемъ... какъ было назадъ тому семь лѣтъ!.. Я былъ тогда глупцомъ, безумцемъ; думалъ, что мнѣ стоитъ только бросить платокъ — и не будетъ отбою отъ маркизъ, графинь, даже княгинь! Я не зналъ, что мнѣ готовились убійственныя разочарованія!

По выходѣ изъ университета, я скромно помѣстился у моей матушки, и, изъ угожденія ей, сталъ готовиться къ экзамену въ Политехническую Школу; но я былъ внутренно увѣренъ, что эти занятія ни къ чему не послужатъ, потому что въ будущемъ меня ждала другая судьба, возвышенная, блистательная. Къ не счастію, я не имѣлъ ни какихъ средствъ попасть на эту дорогу; общество моей матушки состояло изъ простыхъ, добрыхъ людей, изъ кое-какихъ родственницъ, миленькихъ кузинъ, женъ адвокатовъ и него-

Digitized by Google

ціантовъ; но тутъ о знатныхъ домахъ и въ помнѣ не было... Для знакомства съ ними, нужно было попасть въ большой свѣтъ. А гдѣ этотъ свѣтъ? Кто бы ввелъ меня въ него? Кто бы меня принялъ?

Это было въ началѣ 1830 года, при перемѣнѣ правленія, когда старинныя имена и старинныя фамиліи заблистали новымъ блескомъ! Деньги, разсыпанныя въ вознагражденіе потерь, возвратили аристократіи ея пышность, ея великолѣпіе; а что касается до хорошаго тона, до щеголеватости и гордаго презрѣнія, то все это и не переставало быть всегдашнимъ ея достояніемъ.

И послѣ того, какъ же было мнѣ, бѣдному, неизвѣстному студенту, попасть въ великолѣпныя гостиныя, гдѣ обитали мои воображаемыя божества.

Эта мысль нѣсколько огорчала меня, но не могла уничтожить моихъ замысловъ. Я былъ увѣренъ, что мнѣ стоило только перешагнуть черезъ первую преграду, чтобъ быть замѣченнымъ и обратить на себя вниманіе. Вы видите, у меня не было недостатка ни въ тщеславіи, ни въ самонадѣянности... и теперь, разсказывая вамъ мою исторію, я хочу загладить прошлое! Я употреблялъ всѣ средства, чтобъ сдвинуть разстоянія, чтобъ видѣть лицомъ къ лицу, какъ-можно ближе, этотъ недоступный большой свѣтъ; и, занятый моей мечтою, наконецъ нашелъ средство: оно вамъ покажется простымъ, но чего оно мнѣ стоило! Каждый вечеръ я ходилъ въ оперу: здѣсь собиралось лучшее общество, вся знать, вся аристократія. Въ первый разъ я взялъ мѣсто въ оркестрѣ... не могу пересказать, какъ билось мое сердце, когда я вступилъ въ этотъ блистательный кругъ! съ какимъ упоеніемъ мои ослѣпленные взоры разбѣгались по этимъ ло-

Digitized by Google

жамъ, которыя блистали богатствомъ, пышностью и красавицами; по этимъ красавицамъ, которыя были такъ убраны и горѣли алмазами и драгоцѣнными каменьями! Не всѣ онѣ были молоды, не всѣ прекрасны, но я смотрѣлъ на нихъ сквозь призму ихъ титуловъ, и онѣ казались мнѣ чѣмъ-то необыкновеннымъ, чудеснымъ... Въ антрактахъ, я ходилъ по заламъ, по корридорамъ; останавливался у входа въ ложи, которыя всѣ почти были открыты. По окончаніи спектакля, становился у подъѣзда; смотрѣлъ, какъ красавицы выходили; старался быть къ нимъ какъ-можно ближе; прикасался къ ихъ шалямъ или газовымъ платьямъ; глядѣлъ, какъ онѣ садились въ кареты; и послѣ того, съ грустью на душѣ, отправлялся пѣшкомъ домой, чтобъ на другой день начать тоже. Матушка ужасалась моего расположенія къ итальянской музыкѣ и неизбѣжныхъ расходовъ. Должно признаться, эта музыка мнѣ ни сколько не нравилась, но я не говорилъ о томъ ни слова, и, быть-можетъ, въ этомъ только походилъ на модныхъ франтовъ. Наскучивъ сидѣть въ оркестрѣ и чтобъ быть болѣе замѣченнымъ, я, наконецъ, переселился на балконъ; но не былъ счастливѣе и на балконѣ: никто не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія, даже мои сосѣди, которые занимались мною такъ же мало какъ и пьесой, и проводили время въ раскланиваньяхъ съ знакомыми.

Какъ-то вечеромъ, въ боковую ложу вошло новое лицо, прелестное созданіе, лѣтъ 15 или 16, граціозное и свѣжее, какъ розовый вѣнокъ, который былъ надѣтъ на его голову... Я спросилъ у моего сосѣда съ правой стороны, кто это?

Digitized by Google

— Герцогиня, отвѣчалъ онъ, не смотря на меня и глядя въ лорнетъ на красавицу.

— Что это за герцогиня? спросилъ я опять у сосѣда съ лѣвой стороны.

— А та, что недавно представлялась ко двору... знаете?.. и замолчалъ.

Я ни за что въ свѣтѣ не признался бы въ своемъ невѣдѣніи, и потому отвѣчалъ ему улыбкой, которая въ переводѣ значила: «О, какъ не знать?»

Спустя нѣсколько минутъ послѣ того, въ ложу молоденькой и хорошенькой герцогини вошелъ на самое короткое время мужчина, огромнаго росту, сухой, чинный, надутый, съ напудренною головою; ему, несмотря на то, что пудра молодитъ, было по-крайней-мѣрѣ лѣтъ шестьдесятъ. Сосѣдъ мой, охотникъ до поклоновъ, не могъ пропустить такого чуднаго случаю; онъ согнулся передъ сухимъ великаномъ, и тотъ, отвѣтивъ ему медленнымъ, величавымъ наклоненіемъ головы, какъ статуя коммандора въ Донъ Жуанѣ, съ неизмѣнною важностію выбрался изъ ложи.

— Онъ поѣхалъ на вистъ къ королю, сказалъ мой сосѣдъ съ правой стороны.

— Такъ вотъ почему онъ такъ скоро оставилъ жену съ старою маркизою, замѣтилъ мой сосѣдъ съ лѣвой стороны.

— Жену! подумалъ я съ ужасомъ!... жену!... это юное, прелестное созданіе!!.. И проклятый романъ, что вскружилъ мнѣ голову, вдругъ представился моему воображенію: я невольно вспомнилъ эту милую, очаровательную мадамъ де-Линьоль. Всѣ мечты мои воскресли, всѣ надежды оживились! Я вообразилъ, что мнѣ суждено утѣшать эту жертву гордости и предразсудковъ и отмстить за нее; я желалъ только

Digitized by Google

видѣть ее грустною, задумчивою, а она, напротивъ, часто улыбалась: это меня огорчало; но она была такъ хороша, такъ хороша, что ей нельзя было не простить этого единственнаго недостатка. Увлеченный, очарованный, въ какомъ – то безпамятствѣ, я ни на одно мгновеніе не спускалъ съ нея глазъ и, при выходѣ изъ спектакля, какъ-будто нечаянно, очутился близъ нея и старой маркизы, въ ту самую минуту, какъ онѣ стояли на крыльцѣ въ ожиданіи своей кареты: благодаря Бога, карета ихъ была подана изъ послѣднихъ; герцогиня издали казалась мнѣ прелестною, но вблизи была еще лучше. Тонкія, нѣжныя черты лица ея, блескъ юности и красоты, который навѣвалъ на душу нѣгу перваго весенняго дня, и эти черныя глаза, которые блистали такимъ умомъ и лукавствомъ, все это дышало чѣмъ-то неземнымъ... къ сожалѣнію, она, закутавшись въ горностаевую мантилью, ничего не говорила; но улыбалась, между-тѣмъ какъ ея почтенная родственница досадовала, что карета такъ долго не подъѣзжаетъ... Наконецъ, увы! она подъѣхала: дамы сошли съ крыльца, и я, безъ всякой мысли, пошелъ за ними.

Время было ужасное; дождь лилъ какъ изъ ведра, и несмотря на предохранительный навѣсъ, до кареты оставалось пройти еще шага два или три. Это, казалось, нѣсколько испугало ихъ, потому что онѣ остановились.

Изъ всей великолѣпной толпы, которая ихъ окружала, быть-можетъ, я одинъ былъ съ зонтикомъ! Конечно я его бъ не показалъ, если бъ имѣлъ время подумать; но повинуясь первому движенію, я распустилъ его и со всею мѣщанскою услужливостію, покрылъ имъ старую маркизу, и посадивъ ее, подо-

Digitized by Google

шелъ къ молоденькой герцогинѣ.... она какъ-то запуталась въ своей мантильи и едва переступала. Одной рукой я поднялъ зонтикъ надъ ея розовымъ вѣнкомъ, а другой дерзнулъ поддержать ее и помочь сѣсть въ карету... Не стану говорить ни о бѣломъ атласномъ башмачкѣ ея, ни о чудесной ножкѣ, которую я мелькомъ замѣтилъ при свѣтѣ фонаря.... въ эту минуту она дарила меня поклономъ и своей обворижительной улыбкой: гдѣ тутъ было думать, гдѣ тутъ было помнить?

Откланявшись, я посторонился и по какому-то инстинкту, подошелъ къ правой дверцѣ, которой стекло было опущено; и между-тѣмъ какъ лакеи закидывали ступеньки лѣвой дверцы, до слуха моего достигли эти незабвенныя слова моей герцогини:

— Очень милый молодой человѣкъ, такой пріятной наружности!

О, какъ сладокъ былъ ея голосъ! Я не сходилъ съ мѣста, едва переводя дыханіе...

— Не знаете ли вы, кто это такой? прибавила она...

Дождь билъ мнѣ въ лицо, ноги мои по колѣна стояли въ водѣ... я ничего не видѣлъ... ничего не чувствовалъ .. былъ весь слухъ...

Старуха съ какимъ-то презрѣніемъ отвѣчала ей:

— Можно ли знать всю эту сволочь?.. Онъ каждый вечеръ бываетъ въ оперѣ.

— Зачѣмъ?

— А вотъ ,..

Въ эту минуту, кучеръ ударилъ по лошадямъ, лакеи стали на запятки, карета тронулась съ мѣста, а я чуть-было не попалъ подъ колесо. Но до этого мнѣ также мало было нужды, какъ до насморку и груд-

Digitized by Google

ной боли, съ которыми я возвратился домой, къ живому прискорбію моей матери.

Во всю ночь я не могъ заснуть на на волосъ; у меня была лихорадка, и весь слѣдующій день я провелъ въ сладкомъ упоеніи. Всѣ мечты мои осуществлялись... Мой романъ начинался... я обожалъ эту женщину..... за нея я пожертвовалъ бы жизнію: да, такъ; во всю жизнь мою, я не испытывалъ ничего такого живаго и упоительнаго, какъ эти первыя сутки моей страсти... Къ счастію, они не имѣли разсвѣта, а то человѣческія силы не могли бы выдержать...

— Какъ! воскликнулъ я, не имѣли разсвѣта?

— Да, возразилъ Жоржъ, вы увидите.

Въ эту минуту часы бюссьерской приходской церкви пробили полдень; Жоржъ вскрикнулъ:

Ахъ! я опоздаю; прощайте!

И пустился бѣжать...

— А продолженіе вашей исторіи?

— До завтра, отвѣчалъ онъ, и скрылся.

II.

Это было въ четвергъ; давали «*Семирамиду*;» но что за дѣло, что̀ бы ни давали: вы можете легко представить, что я, не смотря на свой насморкъ, на свою лихорадку, на матушкины совѣты, явился на балконъ, прежде нежели успѣли спустить люстру, что отзывалось очень дурнымъ тономъ; но въ театрѣ еще никого не было, и потому меня ни кто не видѣлъ. Мало-по-малу публика съѣхалась; оркестръ заигралъ... Мадамъ Малибранъ запѣла! Я ничего не слышалъ... я не существовалъ... я былъ весь ожиданіе! Наконецъ, душа, жизнь и чувство пробудились во мнѣ. *Она*

Digitized by Google

появилась; *она* вошла въ свою ложу, прекраснѣе, восхитительнѣе чѣмъ въ первый разъ, когда *я* ее увидѣлъ. Сосѣди мои вскрикнули отъ удивленія, — такъ она горѣла алмазами; я не замѣтилъ ихъ, я видѣлъ только ее одну... когда она усѣлась на своемъ креслѣ, я почтительно ей поклонился... Ея глаза встрѣтились съ моими... Она меня видѣла, я въ томъ увѣренъ, очень хорошо видѣла! а между-тѣмъ, отвернувъ голову въ другую сторону, не хотѣла даже отвѣтить на мой поклонъ.

— Это невозможно, сказалъ я; вы, вѣрно, ошиблись?

— О! воскликнулъ онъ съ жаромъ; вы думаете, что я это такъ и оставилъ? По окончаніи спектакля, я отправился къ ея ложѣ... она вышла подъ руку съ этимъ длинноногимъ, распудреннымъ великаномъ-своимъ мужемъ. Она разговаривала съ нимъ весело, отъ души, какъ-будто онъ ей очень нравился.... она его любила! она! бѣдная де-Линьоль!.. что сталось съ нами! Все измѣнилось!.. Прижавшись къ колоннѣ, я смотрѣлъ, какъ она сходила по ступенямъ и шла какъ-разъ на меня; я опять ей поклонился; но она въ тотъ же самый мигъ обернулась съ какимъ-то вопросомъ къ маркизѣ, и сдѣлавъ видъ, будто меня не замѣтила, прехолодно прошла мимо и сѣла въ карету. Въ этотъ вечеръ погода была хороша: она не нуждалась въ зонтикѣ!

О! я ужасался ея, я ее ненавидѣлъ!.. она казалась мнѣ извергомъ, не женщиной... Я возвратился домой блѣдный, дрожащій отъ гнѣва; я не сталъ больше ходить въ оперу, заперся дома на цѣлые три мѣсяца, и сталъ заниматься науками съ такимъ усердіемъ и

Digitized by Google

прилежаніемъ, что выдержалъ экзаменъ въ Политехническую Школу.

— Это, я думаю, было для васъ тогда величайшимъ счастіемъ.

— Нѣтъ, я не былъ счастливъ. Минута власти разсудка еще не настала; я всё еще чувствовалъ досаду, злобу; мое самолюбіе страдало, страсть кипѣла... и перейдя отъ любви къ ненависти, я дышалъ только мщеніемъ; я пожертвовалъ бы всѣмъ на свѣтѣ, чтобъ поправиться которой-нибудь изъ этихъ важныхъ, гордливыхъ дамъ, не для счастія быть любимымъ, нѣтъ, но для блаженства презирать, унизить ихъ!.. Видите, что я пріобрѣлъ отъ соприкосновенія къ свѣту?.. Я остался по-прежнему безумцемъ и, въ добавокъ, сдѣлался злымъ. По несчастію, случай къ исполненію дурныхъ намѣреній открывается скорѣе, нежели къ исполненію добрыхъ, и случай этотъ, котораго я вовсе не искалъ, самъ собой представился.

Одинъ изъ моихъ товарищей по университету, племянникъ одного пера Франціи, оставлялъ Парижъ, по окончаніи курса наукъ; онъ отправлялся путешествовать; но узнавъ на дорогѣ о смерти дяди, который оставилъ ему въ наслѣдство прекрасное состояніе и знаменитый титулъ (тогда перство было еще наслѣдственнымъ), поспѣшилъ возвратиться въ отечество, и однажды, утромъ, вбѣжалъ ко мнѣ, бросился мнѣ на шею, и разсказавъ о своей потерѣ или, лучше, о своемъ благополучіи, сталъ упрашивать пріѣхать погостить сначала къ нему, а потомъ къ сестрѣ своей, графинѣ Юліи, у которой лѣтомъ, въ ея дорсейскомъ замкѣ собиралось самое блистательное парижское общество. Когда онъ говорилъ, мнѣ казалось, что сама судьба дѣлала его орудіемъ моего мщенія... къ тому

Digitized by Google

же я цѣлые три мѣсяца занимался день и ночь и имѣлъ мужду въ маленькомъ отдыхѣ. Тогда былъ іюль мѣсяцъ; деревня казалась раемъ; матушка упрашивала, что бъ я согласился; я припялъ предложеніе, и мы отправились.

Другъ мой, Константинъ, новый перъ Франціи, былъ прекрасный малый, не слишкомъ сильный въ наукахъ, но чудесный охотникъ; онъ занимался гораздо болѣе своими лошадьми нежели своими рѣчами въ палатѣ; и если бъ не получилъ богатства по наслѣдству, то, вѣрно, никогда бы не разжился ни трудомъ, ни способностями; впрочемъ, онъ не выдавалъ себя за генія и охотно отдавалъ справедливость своимъ пріятелямъ. Онъ представилъ меня сестрѣ свой, говоря: «Ты знаешь, Юлія, что я, просто, неучъ; но за то вотъ тебѣ мой пріятель, Жоржъ, у котораго станетъ познаній на двоихъ, и, по его милости, я ничего не проигрываю». Графиня и мужъ ея припяли меня чрезвычайно ласково; графъ де-Варваль былъ человѣкъ лѣтъ тридцати шести, пріятной наружности; въ физическомъ отношеніи, онъ могъ похвалиться своимъ здоровьемъ, а въ нравственномъ слылъ первымъ помѣщикомъ департамента. Въ этомъ короткомъ очеркѣ я выразилъ вамъ всѣ его достоинства; впрочемъ, онъ, кромѣ того, былъ прекраснымъ хозяиномъ, никого не стѣснялъ и всю власть въ домѣ предоставлялъ супругѣ, которая, всѣмъ распоряжалась мастерски.

Графиня Юлія была настоящая красавица, лѣтъ 25; имѣла чудесные голубые глаза, была прелестнообходительна, и въ разговорѣ обладала тѣмъ неподражаемымъ кокетствомъ, которое всегда умѣло найти въ другихъ умъ или придать его. Будучи доброй

Digitized by Google

и снисходительной къ людямъ робкимъ и застѣнчивымъ, она съ самаго начала приняла меня подъ свое покровительство. Преданная дружбѣ, равнодушная къ любви, скромная и добродѣтельная по врожденному чувству, она была типомъ большаго свѣта.

Вы можете повѣрить, что мысль волочиться за ней не приходила мнѣ въ голову: я смотрѣлъ на нее, какъ на сестру моего друга; къ тому же долгъ гостепріимства... и наконецъ, главное... вѣроятный неуспѣхъ... это было бы тѣмъ хуже, что въ замкѣ безвыѣздно гостилъ цѣлый рой графинь, виконтессъ и баронессъ; однимъ словомъ, все, что только въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстіи было молодаго, моднаго, обворожительнаго; и все это, не такъ, какъ моя надмѣнная герцогиня, въ обхожденіи съ низшими, отличалось такою внимательностію, такою добротою, что, казалось, забывало свою знатность, но тѣмъ не менѣе умѣло держать каждаго въ извѣстныхъ границахъ уваженія. Меня осыпали ласками и разными нѣжностями, за которыя я благодарилъ какъ могъ и какъ умѣлъ... Я занимался съ ними музыкой; имѣлъ всегда въ запасѣ рисунки для ихъ альбомовъ и вышиванья, и если дѣло шло о прогулкѣ въ паркъ, или о кавалькадѣ... или объ ролѣ въ какомъ-нибудь водевилѣ,—я былъ всегда готовъ... моя услужливость считалась примѣрною, и за то всѣ меня очень любили, всѣ... къ несчастію, отъ чего никто не любилъ особенно... Въ этомъ всеобщемъ расположеніи было что-то оскорбительное для моего самолюбія. Это доказывало мою ничтожность.

Скоро съ грустнымъ чувствомъ я замѣтилъ, что у каждой изъ этихъ дамъ были люди, которыхъ онѣ удостоивали своего равнодушія, своего презрѣнія и ча-

Digitized by Google

сто даже упрековъ. О! чего бы я не отдалъ, чтобъ быть на ихъ мѣстѣ, я, съ которымъ всѣ обходились такъ ласково!

Я жалозался на мое счастіе, я на него досадовалъ. Я не видѣлъ, что эти соперники, которыхъ мнѣ по справедливости предпочитали, или по ихъ талантамъ, или по извѣстности, или по положенію въ свѣтѣ, заслуживали довѣрія и внушали довѣріе, котораго нельзя было оказывать мнѣ, осьмнадцати-лѣтнему ребенку, ничего незначущему, который не представлялъ никакого ручательства ни за свое благоразуміе, ни за свою скромность. Мой любимый романъ снова обманулъ меня: эта самая молодость, которая, по его словамъ, была средствомъ къ успѣху, служила мнѣ только преградою! Я повторялъ въ отчаяніи: «Такъ ни кто не замѣтитъ меня! ни кто не полюбитъ меня!... О! я ошибался!.. я напрасно жаловался! Подъ одной со мною кровлей таилось существо, которое питало ко мнѣ самую пламенную страсть.... любовь, тѣмъ болѣе лестную, что я не старался возбудить ее и даже вовсе ничего не зналъ о ней.

Въ комъ же я зажегъ эту скромную, безкорыстную привязанность? Кто, наконецъ, почувствовалъ ко мнѣ эту первую любовь, которой я ждалъ и не могъ дождаться?

Увы! то была Роза, горничная графини Юліи!..

Горничная!.. питала любовь ко мнѣ, мечтавшему о герцогиняхъ и маркизахъ! это новое счастіе, по милости моихъ предразсудковъ, бѣсило, унижало меня, тогда какъ всякій другой на моемъ мѣстѣ былъ бы радъ подобной побѣдѣ.

Роза принадлежала къ числу первоклассныхъ горничныхъ: съ плутовскими глазками, маленькой ножъ-

Digitized by Google

кой, стройная, бѣленькая, разодѣтая, надменная и неприступная для ливрейныхъ угодниковъ; настоящее Сенъ-Жерменское предмѣстіе въ передней, съ милою улыбкою только для знатныхъ.

И эта гордость должна была сокрушиться передъ моей неопытностію и застѣнчивостію... бѣдной дѣвушкѣ нужно было выказать мнѣ слишкомъ убѣдительное предпочтеніе, чтобъ я, профанъ, могъ его замѣтить... Константинъ, перъ Франціи, признался мнѣ по секрету, что она его отвергла. Да, она, болѣе великодушная чѣмъ всѣ эти позолоченныя маркизъ, отказалась отъ самыхъ блистательныхъ предложеній, и для кого? для меня, для мальчика безъ состоянія, безъ знатности, безъ громкой родни! Прибавьте къ тому: Роза была молода, не дурна собою... и она такъ меня любила... она твердила мнѣ это по нѣскольку разъ... До той поры, я ни отъ кого не слыхалъ ни одного слова любви... мнѣ было только восемнадцать лѣтъ! я растаялъ... Знаю, это не могло служить оправданіемъ, но должно извинить то предпочтеніе, какое я невольно показывалъ моей миленькой субреткѣ.

Впрочемъ, я старался избѣгать всякой встрѣчи съ нею; если видѣлъ ее на другомъ концѣ корридора, то удваивалъ шаги, или отворачивалъ голову, точно какъ молодая герцогиня итальянскаго театра. Видите, и на низшей ступени общественной жизни была та же самая надутость! Представьте же, что́ я долженъ былъ чувствовать, когда, однажды вечеромъ, нашелъ подъ своей подушкой записочку, въ такихъ почти выраженіяхъ:

»Мнѣ нужно поговорить съ вами, мосьё Жоржъ, »или я пропала. Днемъ это невозможно. Не разсер-

Digitized by Google

»дитесь на меня, если я васъ попрошу подарить мнѣ »сегодня, въ 12 часовъ ночи, десять минутъ, и по»трудиться придти ко мнѣ въ комнату.«

Подъ подушкой я нашелъ и маленькой ключъ.

Эта записка, отъ которой забилось бы у меня сердце и закружилась голова, если бъ я получилъ ее отъ какой-нибудь вельможной дамы, гостящей въ замкѣ, пробудила въ душѣ моей какой-то стыдъ... Я бѣсился на самого себя... даже за эти ошибки противъ правописанія, которыми было испещрено каждое слово, и которыя громко вопіяли противъ неравенства нашихъ состояній... Но неужели пропустить такой прекрасный случай? Какъ бы позавидовалъ моему счастію Константинъ! О, если бы онъ былъ на моемъ мѣстѣ, онъ не сталъ бы долго думать!.. Но съ другой стороны, если узнаютъ... Если графиня Юлія... если эти дамы... Вы видите, я ужъ почти сдался... меня удерживало только опасеніе быть открытымъ. Но кто могъ узнать меня въ эту пору... въ глухую полночь... въ этомъ огромномъ замкѣ, котораго корридоры такъ темны и безмолвны... И, разсуждая такимъ образомъ, я машинально вышелъ изъ моей комнаты, на цыпочкахъ, удерживая дыханіе... дрожа при малѣйшемъ шорохѣ... Кое-какъ дошелъ я до дверей Розы, и тутъ...

Въ эту минуту, роковые часы стали бить полдень... я думалъ, что Жоржъ не услышитъ.... не тутъ-то было: забывъ и свою исторію и воспоминанія, какія она должна была пробудить въ немъ, онъ бѣгомъ бросился отъ меня, проговоривъ: «до завтра!»

III.

На другой день Жоржъ въ назначенное время явил-

Digitized by Google

ся на свиданіе. Едва завидя его, я побѣжалъ къ нему на встрѣчу:

— Не стыдно ли вамъ, воскликнулъ я, бросить меня въ самую интересную минуту разсказа?

— Вотъ прекрасно! Мнѣ бы скорѣе должно было упрекать васъ... съ вами я чуть-было не забылъ...

— Чего?

— Дѣло, которое очень меня интересуетъ и не терпитъ отлагательства... но я устроилъ такъ, что сегодня, вѣрно, буду исправнѣе...

— Какъ, неужели вы опять меня оставите?

— Разумѣется.

— Но что это за необходимыя дѣла заставляютъ васъ каждый день...

— Что касается до этого, милый сосѣдъ, отвѣчалъ Жоржъ серіознымъ тономъ, то я не могу вамъ открыть... и прошу въ другой разъ о томъ не спрашивать... Это не то, что приключенія моей молодости; это другой міръ, другой вѣкъ... почти древняя исторія.

— Исторія... поучительная!

— Да, для молодежи! Но, быть-можетъ, мало занимательная для людей солидныхъ.

— Напротивъ... и въ доказательство, я васъ убѣдительно прошу окончить сюжетъ драмы, который вы мнѣ обѣщали; первое дѣйствіе ея, по моему мнѣнію, совершенно готово.

— Вы думаете?

— Конечно. Тутъ обрисованы характеры, подготовлены приключенія, и занавѣсъ спущена на самомъ интересномъ мѣстѣ, въ ту минуту, какъ вы подошли къ дверямъ плутовки Розы.

Digitized by Google

— Я думаю, второй актъ будетъ труднѣе представить на сценѣ.

— Отчего же? Теперь все выводятъ... Такъ вы у дверей Розы...

— Я отворилъ ихъ со всею осторожностію. Сердце у меня такъ и билось отъ волненія, а всего болѣе отъ страха; и не безъ причины. Роза спала въ маленькомъ кабинетѣ, въ родѣ уборной, изъ котораго, съ одной стороны, былъ выходъ въ корридоръ, откуда я пробрался, а съ другой дверь въ спальню графини. Малѣйшій шорохъ могъ быть услышанъ, и если бъ Юлія меня застала... О, я бы не пережилъ подобнаго стыда и насмѣшекъ, которыя были бы неизбѣжны... я бы застрѣлился... въ этомъ я ужъ далъ себѣ честное слово; и, по-крайней-мѣрѣ, опасность облагораживала въ моихъ глазахъ всю мѣщанскую пошлость моей ночной экспедиціи.

Я не заперъ дверей корридора, а оставилъ ихъ полурастворенными, чтобъ не сдѣлать шуму и, въ случаѣ нужды, имѣть средство къ ретирадѣ. Комната, въ которую я вошелъ, была совершенно темная, — предосторожность, какую приписалъ я стыдливости или благоразумію Розы... Бѣдная дѣвушка! думалъ я, она меня ожидаетъ! она должна дрожать отъ страху, потому что и я дрожу... и между-тѣмъ я медленно подвигался впередъ, прислушиваясь, не слышно ли чего въ комнатѣ графини, и припоминая этотъ стихъ Делиля, который очень шелъ къ моему положенію:

»Il ne voit que la nuit, n'entend que le silence.«

Потомъ, нѣсколько успокоенный, я сталъ подходить къ тому мѣсту, гдѣ, по моему предположенію, должна быть Роза, и по мѣрѣ того, какъ я приближался, до слуху моего долеталъ тихій, однообраз-

Digitized by Google

ный звукъ самаго ровнаго дыханія. Я подошелъ, и отъ изумленія не могъ опомниться: она уснула! уснула!.. Какъ, неужели волненіе, какое она должна чувствовать, не мѣшаетъ ей спать! а я такъ дрожалъ въ лихорадкѣ, какъ только задумалъ объ этомъ свиданіи. Даже въ эту самую минуту, сердце у меня билось ужасно... а она!.. спитъ въ ожиданіи меня! Такое равнодушіе доказывало слишкомъ короткое знакомство съ опасностью, или необыкновенную отвагу, которая меня пугала. Я могъ удивляться Наполеону и великому Кондѣ, когда они спали наканунѣ битвы... Но Роза!.. о, я былъ взбѣшенъ, взволнованъ!.. мнѣ ужъ приходило на умъ воротиться назадъ, чтобъ наказать ее, отмстить ей! Но тутъ же представилась мысль о другомъ мщеніи... я рѣшился ее выполнить... она проснулась... и въ полголоса, съ негодованіемъ, пролепетала: *Боже мой*!.. *да оставьте меня*!.. О, ужъ этого было слишкомъ! и въ досадѣ, забывъ объ опасностяхъ, какія меня окружали, я ужъ готовъ былъ осыпать ее упреками, какъ вдругъ изъ комнаты графини послышался шумъ, и черезъ скважину замка показался свѣтъ... Быстро, какъ мысль, я выбѣжалъ изъ комнаты Розы, и въ корридорѣ слышалъ крикъ удивленія... но это меня не пугало, мнѣ нечего было бояться, меня никто не видалъ! и черезъ двѣ минуты, я былъ уже въ своей комнатѣ, запертой со всѣхъ сторонъ, какъ будто заперевъ двери могъ убѣжать отъ самого себя, отъ подозрѣній и воспоминаній.

Ночь и утро я провелъ дурно; я былъ недоволенъ собой, чувствовалъ себя униженнымъ. Всѣ выводы разсудка, которые наканунѣ имѣли такъ мало силы, теперь ужасно на меня дѣйствовали; я надѣялся, что

Digitized by Google

объ этомъ происшествіи никто не узнаетъ; но развѣ я захочу краснѣть передъ Розою, развѣ стану жить подъ одной съ ней кровлею, встрѣчать ее въ этой передней, черезъ которую надо проходить разъ двадцать въ день, и гдѣ она обыкновенно сидитъ за шитьемъ; развѣ все это ничего не значитъ? Я страшился одного ея взгляда, всего болѣе страшился я этихъ плутовскихъ взглядовъ, и не зналъ какъ отъ нихъ избавиться. Я былъ увѣренъ, что буду безпрестанно потуплять глаза, блѣднѣть, краснѣть... а если дамы замѣтятъ мое смятеніе, если онѣ доберутся до настоящей причины... о, я тогда пропалъ! Между-тѣмъ какъ эти размышленія занимали меня, колоколъ замка ударилъ къ завтраку, черезъ нѣсколько минутъ звукъ его повторился,.. надобно было итти... Я сжалъ сердце, и съ видомъ рѣшительной отваги, съ поддѣльнымъ видомъ спокойствія, вошелъ въ переднюю... когда увидѣлъ, что тутъ не было страшнаго для меня сообщника моихъ подвиговъ, у меня вдругъ отлегло на сердцѣ...

Я пріосанился, и употреблялъ всѣ возможныя средства, чтобъ казаться какъ можно любезнѣе, какъ можно развязнѣе, но чувствовалъ самъ, что никогда не былъ такъ скученъ и разсѣянъ; каждую минуту я ожидалъ ея появленія, но напрасно.

Вопреки всѣмъ моимъ ожиданіямъ, Роза цѣлый день не показывалась.

Что съ ней случилось?.. Вечеромъ, противъ обыкновенія, она не разливала чай въ залѣ.

Я начиналъ безпокоиться, но ни за что въ свѣтѣ не рѣшился бы узнать о ней. Наконецъ одна изъ дамъ спросила: гдѣ же Роза?

Я поцѣловалъ бы ее за это!

Digitized by Google

Ни кто не отвѣчалъ. Дама повторила вопросъ.

— Ея нѣтъ въ замкѣ, отвѣчала сухо графиня, потупивъ глаза и не смотря на меня.

— Гдѣ жъ она? спросили всѣ дамы.

— Кузина, которая живетъ въ Парижѣ, имѣла нужду въ горничной... я къ ней отправила ее сегодня утромъ.

— А у васъ кто жъ?

— Дочь садовника.

— Это странно!

— Это удивительно!

— Это невѣроятно! воскликнули разомъ три дамы.

— Ваша кузина, милая графиня, могла бы въ Парижѣ гораздо скорѣе найти себѣ горничную, нежели вы — здѣсь.

Всѣ согласились въ справедливости этого замѣчанія, и ясно дали понять, что вѣрно были другія причины къ ея удаленію.

— Не говорю нѣтъ, прибавила графиня съ тѣмъ же хладнокровіемъ.

— Какія же? скажите.

— Только не теперь.

— Но послѣ?

— Можетъ-быть.

— Когда же? спросили всѣ дамы, окруживъ графиню.

Въ продолженіе этого разговора я былъ ни живъ ни мертвъ, и походилъ на преступника, приговореннаго къ смерти.

— Какъ ты блѣденъ! замѣтилъ Константинъ; у тебя руки какъ ледъ! не боленъ ли ты? —

И, благодаря этому проклятому замѣчанію, всѣ

Digitized by Google

взоры и все вниманіе устремились на меня. Роза была забыта.

— Въ самомъ дѣлѣ, прошепталъ я чуть внятно... я... не такъ хорошо себя чувствую....

— Я съ самаго утра это замѣтила, сказала съ участіемъ одна изъ дамъ.

— Быть-можетъ, простудились, катавшись съ нами по рѣкѣ? сказала другая, подойдя ко мнѣ.

— Быть-можетъ, дурно спали! замѣтила графиня Юлія съ видомъ простодушія, которое совершенно меня добило. Я былъ въ пыткѣ!

И всѣ окружили меня и стали совѣтовать — сдѣлать то, принять другое. Одна изъ нихъ сказала, что мнѣ нужно бы отправиться отдохнуть, съ чѣмъ и я съ *величайшею радостію* согласился; другая совѣтовала мнѣ напиться липоваго цвѣту, третья ромашки, и наконецъ консультація остановилась на томъ, что меня надо напоить легкимъ, горячимъ чаемъ.

— Жаль, что Розы нѣтъ въ замкѣ, сказала графиня Юлія съ прежнимъ хладнокровіемъ; она бы васъ напоила.

Я былъ рѣшительно уничтоженъ. Она все знаетъ! подумалъ я, все знаетъ!..

Графиня позвала лакея, которому велѣла проводить меня. Я добрался до своей комнаты, и бросился на кровать въ совершенномъ отчаяніи.

— Она все знаетъ!!! И въ эту минуту, быть-можетъ, среди залы, разсказываетъ своимъ пріятельницамъ исторію моего ночнаго путешествія и моей пламенной любви... Къ кому? Къ горничной, которую, по моей милости, должна была выгнать. О, что за стыдъ!.. Моя репутація потеряна; я буду теперь предметомъ ихъ насмѣшекъ и остротъ!

Digitized by Google

Я сталъ прислушиваться... и явственно услышалъ въ залѣ, надъ которой была расположена моя комната, громкій, продолжительный хохотъ.

— О! воскликнулъ я въ бѣшенствѣ, больше не останусь здѣсь; не покажусь имъ, не буду служить посмѣшищемъ... Лучше умереть!... Опять ея голосъ... опять ея голосъ!.. И въ самомъ дѣлѣ, по длиннымъ корридорамъ, куда выходили двери парадныхъ комнатъ, эхо повторяло веселые отголоски... Но это еще ничего: нѣкоторыя изъ дамъ, проходя мимо моей двери, шептали мнѣ сладкимъ, насмѣшливымъ тономъ: «Прощайте, мосьё Жоржъ, спокойной ночи...» О, если бъ это были мужчины!. Но нѣтъ, надо было молчать и равнодушно слушать ихъ оскорбленія, чтобъ не подвергнуться еще большимъ насмѣшкамъ.

Можете представить, что за ночь я провелъ! На другой день рано утромъ, не простившись съ хозяевами, не сказавъ ни слова Константину, я отправился въ Парижъ, оставивъ на моемъ ночномъ столикѣ письмо, въ которомъ просилъ извиненія въ поспѣшномъ отъѣздѣ, приводилъ въ оправданіе болѣзнь, и проч. и проч. одинмъ словомъ, вывелъ на сцену всѣ причины, которыя, конечно, ни кто не повѣрилъ; но я мало о томъ заботился, мнѣ нетерпѣливо хотѣлось какъ-нибудь скорѣе выбраться изъ этого замка, и уйти какъ-можно далѣе изъ этого насмѣшливаго, жалкаго общества, съ которымъ я далъ слово распроститься на вѣки.

Я пріѣхалъ къ матушкѣ, и перепугалъ ее моею блѣдностью и видомъ истощенія. Она не могла постичь, какъ одинъ мѣсяцъ жизни въ лучшемъ кругу могъ измѣнить меня до такой степени.

Я снова заперся: ни кого не видѣлъ, не отвѣчалъ да-

Digitized by Google

же на письма ни моему другу Константину, ни тѣмъ дамамъ, которыя, въ отчаяніи, что жертва вырвалась у нихъ изъ рукъ, на первыхъ порахъ присылали узнавать о моемъ здоровьи. Я съ жаромъ сталъ заниматься науками, чтобъ черезъ это устроить свое положеніе; я постигнулъ наконецъ, что отъ меня одного зависитъ мое состояніе, мое будущее, мое доброе имя, и занимался такъ усердно, что черезъ полгода выдержалъ экзаменъ и первымъ былъ принятъ въ Политехническую Школу.

— Радуюсь вашимъ несчастіямъ, воскликнулъ я, прервавъ Жоржа среди его разсказа: каждое неудачное любовное похожденіе влекло за собой явныя, существенныя для васъ выгоды: Любовь и женщины, эти въ прежнее время великія средства къ успѣхамъ, теперь только служатъ намъ помѣхою. Не въ этомъ ли, скажите, заключается настоящая мораль вашего разсказа?

— Выводите изъ него какую угодно мораль, если можете, сказалъ Жоржъ, расхохотавшись: это подшутитъ меня самого, особенно если вы узнаете конецъ, отъ котораго, какъ только о немъ подумаю, бросаетъ меня въ краску.

— Такъ продолжайте: до-сихъ-поръ я еще не вижу моего втораго дѣйствія.

— Посмотрите, что будетъ далѣе. Я поступилъ въ Политехническую Школу, нацѣпилъ шпагу и эполеты, и этотъ успѣхъ, которымъ былъ собственно себѣ обязанъ, нѣсколько утѣшилъ меня въ моихъ случайныхъ неудачахъ. Маршалъ де***, старый сослуживецъ моего отца, посѣтилъ какъ-то школу, и просилъ директора представить ему отличныхъ воспитанниковъ: я имѣлъ честь попасть въ ихъ число. Онъ

Digitized by Google

пригласилъ насъ къ обѣду; для всѣхъ моихъ товарищей это было настоящимъ счастіемъ, небывалымъ праздникомъ, но не для меня. Обѣдъ кончился очень хорошо, и вечеръ мы располагали провести не хуже; маршалъ, поговоривъ съ моими товарищами, подошелъ ко мнѣ, и, судя по тому, съ чего онъ началъ разговоръ, я замѣтилъ, что ему хотѣлось испытать, стою ли я тѣхъ похвалъ, какія ему про меня насказали. Потому-то я собралъ всѣ силы, чтобъ выйти съ честью изъ этого новаго испытанія. Онъ предложилъ какой-то вопросъ, и я хотѣлъ-было отвѣчать самымъ блистательнымъ и ученымъ образомъ, потому что зналъ этотъ предметъ въ совершенствѣ, какъ вдругъ супруга маршала велѣла подать себѣ стаканъ воды съ сахаромъ. Вошла горничная.. я обернулся и увидѣлъ... Розу! Розу, которая, въ минуту удивленія и радости, чуть-чуть не вылила на платье госпожи своей стаканъ воды, который держала дрожащею рукою, между-тѣмъ какъ глаза ея остановились на мнѣ. Я, смущенный этимъ неожиданнымъ явленіемъ, смѣшался... заговорилъ Богъ-знаетъ что... не могъ связать двухъ словъ. Маршалъ, принимая мое замѣшательство за незнаніе или неспособность, поспѣшилъ перемѣнить разговоръ. «Какой портной шьетъ вамъ мундиры? спросилъ онъ: вашъ чудесно скроенъ: въ немъ вы кажетесь настоящимъ молодцомъ!» — Я былъ въ отчаяніи; я лучше бы согласился перенесть ударъ кинжала, нежели подобныя слова. Вѣрно, было суждено свыше, чтобъ женщины вообще, и Роза въ особенности, были всегда причиною моихъ несчастій. И потому, когда, обратясь ко мнѣ съ милой и плутовской улыбкой, она спросила: «Не прикажете ли воды съ сахаромъ... или чего нибудь»... я бросилъ на нее

Digitized by Google

взглядъ нетерпѣнія и досады, и кажется, въ добавокъ отвернулся отъ нея. Вскорѣ затѣмъ я и мои товарищи распростились съ маршаломъ, они восхищенные, а я огорченый нашимъ вечеромъ.

На другой день я получилъ письмо; почеркъ руки былъ мнѣ очень знакомый, да и безъ того я узналъ бы автора по правописанію, и по тѣмъ ужаснымъ усиліямъ, съ какими на оберткѣ: было нацарапано: *воспитаннику пали Технической школы*, особенно слово *пали Технической*, должно-быть, стоило великаго труда, и изъ-за чего?... Почти не хотя я раскрылъ посланіе, и едва-едва разобралъ его. Оно, какъ помнится, заключалось въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Знаю, мосье Жоржъ, за что вы на меня сердитесь, и почему вчера не хотѣли взглянуть на меня. Вамъ досадно, что я не была на назначенномъ свиданіи, и, вѣрно, вамъ кажется, что я хотѣла только посмѣяться надъ вами. Ради Бога, не думайте такъ обо мнѣ; я никогда ни надъ кѣмъ не смѣялась, а еще менѣе надъ вами, такимъ миленькимъ и хорошенькимъ. Вотъ въ чемъ дѣло: въ тотъ самый вечеръ, спустя минуту послѣ того какъ я, перестилая вамъ постель, подсунула записочку, графиня позвала меня и сказала: «Тебѣ надобно отправиться въ Парижъ; кабріолетъ готовъ.» Я хотѣла-было отговориться, чтобъ подождать до завтра, но графиня прибавила: «Сегодня же непремѣнно, сію минуту. Мнѣ нужно платье; ты отвезешь мѣрку къ моей швеѣ и воротишься тогда, какъ оно будетъ готово.» — Дѣлать было нечего! я отправилась и черезъ три дня, когда платье сшили, возвратилась домой: мнѣ хотѣлось какъ-можно скорѣе оправдаться передъ вами, но васъ въ замкѣ уже не бы-

Digitized by Google

ло. Я ожидала, что увижу васъ зимой въ Парижѣ, у графини... но вы не являлись. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, я отошла отъ нихъ, по милости графскаго каммердинера.. который приставалъ ко мнѣ... Я его терпѣть не могла, клянусь вамъ... вамъ всѣ это скажутъ, и проч. и проч.»

Я не окончилъ этого письма; начало его заставило меня задуматься... Какъ? въ ту самую ночь, какъ я путешествовалъ по корридорамъ, Розы не было въ замкѣ. И удалила ее сама графиня, какъ-будто нарочно подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ. Кто жъ послѣ этого могъ быть въ компатѣ Розы, какъ не она сама, графиня Юлія? При этой мысли сердце у меня забилось, кровь бросилась въ голову, молнія радости блеснула въ глазахъ: я почувствовалъ движеніе гордости и глупаго тщеславія, какую-то смѣшную увѣренность въ моей побѣдѣ, забывши совершенно, что если и одержалъ ее, то былъ обязанъ какому-то непонятному стеченію обстоятельствъ, или, скорѣе, случаю, съ которымъ несовмѣстна никакая мысль о добровольномъ предпочтеніи, а вовсе не собственнымъ достоинствамъ... но одна мысль, что это была не горничная, а знатная дама, графиня... сводила меня съ ума!

Между-тѣмъ, чѣмъ болѣе я раздумывалъ, тѣмъ болѣе мое приключеніе казалось мнѣ непонятнымъ и не разгаданнымъ. Я началъ съ того, что приписалъ одному воображенію опасанія будто поступокъ мой открытъ, и этотъ смѣхъ и выходки, которые такъ напугали меня. Ни графиня, ни ея пріятельницы не имѣли ни малѣйшаго подозрѣнія ни на меня, ни на Розу, потому что Роза черезъ три дни послѣ того возвратилась въ замокъ и преспокойно прожила у

Digitized by Google

графини еще нѣсколько мѣсяцевъ; такъ ее не выгнали, а только хотѣли удалить на эту ночь... для чего?... конечно для счастливаго любовника. Но пріемъ, какой мнѣ былъ сдѣланъ, убѣдительно доказываетъ, что никого не ждали!.. и кто могъ знать, что у меня есть ключъ!.. не говоря уже о томъ, что репутація графини отдаляла всякую мысль о подобныхъ продѣлкахъ... У нея не было любовника... ее даже не подозрѣвали.... но тѣмъ болѣе этотъ неожиданный случай былъ для меня лестенъ.... Такимъ образомъ, не пускаясь въ дальнія соображенія, я преспокойно предался мечтѣ о моемъ счастіи, не разбирая и не постигая его; за то графиня, къ которой до этой минуты я былъ совершенно равнодушенъ, облеклась для меня въ другую форму: я сталъ думать о ней безпрестанно, и искать всѣхъ средствъ ее видѣть; разумѣется, моя дружба съ Константиномъ возобновилась: я бросился къ нему и воображалъ, что найду его оскорбленнымъ моимъ продолжительнымъ отсутствіемъ... ни чуть не бывало! онъ едва его замѣтилъ. Люди, которые ничего не любятъ, обыкновенно премилые люди въ обществѣ: отъ нихъ не услышишь упрековъ въ нерасположеніи. Константинъ принялъ меня какъ друга, и на вечерѣ, который какъ-то онъ давалъ, я въ первый разъ увидѣлъ опять сестру его. Присутствіе ея произвело на меня такое дѣйствіе, что она сама это замѣтила съ изумленіемъ. Прежде, я едва обращалъ на нее вниманіе, а теперь съ какой-то жадностью разсматривалъ эту стройную талью, прелестныя плечики, маленькія ручки, каштановые волосы и, наконецъ, эти голубые глаза, въ которыхъ отражалась и доброта и плутовская проницательность... все это я разсматривалъ съ вос-

Digitized by Google

торгомъ, съ блаженствомъ, съ чувствомъ, котораго не могу опредѣлить, и котораго вы, конечно, не поймете . . .

— Ну, нельзя сказать, чтобъ не понималъ, замѣтилъ я . . . напримѣръ, отъ чего это мнѣ кажется, что во всемъ сосѣдствѣ нѣтъ лучше и красивѣе чудесныхъ тополей, которые въ эту минуту шумятъ листьями надъ нашими головами? Потому что они мои. Это, видите, чувство права собственности! . .

Жоржъ улыбнулся и продолжалъ.

— Съ этой минуты противъ воли, безъ всякаго сознанія, я сталъ болѣе внимателенъ, болѣе привязанъ къ графинѣ, и это вниманіе носило отпечатокъ такой преданности и уваженія, что всѣ его замѣтили: я хотѣлъ, хотя этимъ, загладить вину свою, о которой, быть-можетъ, она и не знала! Она не была нечувствительна къ такой безкорыстной преданности. . . Я сказалъ уже, что ея сердце было открыто для одной дружбы, и изъ дружбы она готова была рѣшиться на всякое пожертвованіе. Но за то ко всякому другому чувству она оставалась холодной и равнодушною. Она сама не скрывала этого . . . Помню, однажды, когда почтенный супругъ ея довольно неосторожно началъ превозносить ея добродѣтель и правила, она проговорила съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ: «Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; я не мечтательница, не восторженная женщина, и быть-можетъ ни я, ни вы, не виноваты въ томъ, что я до-сихъ-поръ осталась вамъ вѣрною!»

Я не могъ удержать улыбки; она ее замѣтила.

— Что вы сиѣетесь мосьё Жоржъ? сказала она.

— Это мой секретъ.

— И вы его откроете. . .

Digitized by Google

— О, нѣтъ: вы разсердитесь.

— На друзей я никогда не сержусь.

Несмотря на это увѣреніе, я сохранилъ мою тайну, и болѣе года продолжалъ оказывать ей одинаковое постоянное безкорыстное вниманіе. Не говорю, чтобъ я любилъ ее настоящей любовью, нѣтъ; тутъ не было ни этой лихорадки, ни этого томленія какія испыталъ я во время моей однодневной страсти: знаете?.. тутъ не было ни мукъ, ни тоски, ни сумасбродства, однимъ словомъ, ничего, что доказывало любовь; но я не любилъ никого болѣе графини; и эта привязанность не была похожа ни на какую другую привязанность, потому что заключала въ себѣ что-то тихое, заманчивое, таинственное, и въ то же время такое безмятежное! быть-можетъ, это оттого, что я началъ свой романъ тѣмъ, чѣмъ другіе оканчиваютъ, и потому не имѣлъ ни нетерпѣнія, ни любопытства, неразлучныхъ спутниковъ каждой любви на свѣтѣ.

Впрочемъ, графиня не могла не знать моихъ чувствъ; я видѣлъ, что это ее трогало, но не такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось: моя привязанность ее огорчала, и она за меня безпокоилась. Разъ вечеромъ, когда мы сидѣли одни въ ея будуарѣ, она протянула мнѣ руку и сказала:

— Жоржъ, вы добрый, прекрасный молодой человѣкъ... я давно отдала вамъ всю мою дружбу; но не ждите и не требуйте ничего болѣе. Это невозможно.

—Отъ чего жъ невозможно? воскликнулъ я, и, припавъ къ ея колѣнямъ, въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ ей и о преступленіи и о блаженствѣ той таинственой ночи. Она вскрикнула! Но въ чертахъ ея не

Digitized by Google

было замѣтно ни смущенія, ни гнѣва. Оправясь, она съ удивительнымъ хладнокровіемъ подала мнѣ руку и сказала: встаньте; мнѣ нечего васъ прощать: *это была не я.*

Что я чувствовалъ, невозможно выразить...

Не было ли это уловкой какъ-нибудь отъ меня отдѣлаться? средствомъ уничтожить всѣ права, какія давалъ мнѣ случай?..

Я посмотрѣлъ на нее...

Лицо ея было покойно, и ея благопріятный, свѣтлый взглядъ выражалъ неподдѣльную истину.

Я покраснѣлъ, что могъ сомнѣваться.

— Вѣрю! вѣрю вамъ! воскликнулъ я; но кто жъ это была?

— Не знаю.

— Но вы скажете ..

Вдругъ Жоржъ вскочилъ: часы забили. Напрасно я старался удержать его. Я побѣжалъ за нимъ издали, и за паркомъ увидѣлъ, какъ онъ вскочилъ на свою лошадь и исчезъ, прокричавъ мнѣ: «До завтра!»

IV.

На другой день Жоржъ явился нѣсколько позже обыкновеннаго.

Какая-то задумчивость смѣнила на этотъ разъ веселый, непринужденный видъ, отличительный характеръ его физіономіи.

— Не вчерашняя ли исторія причиной вашего уныніе? сказалъ я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: недавнія неудачи и горе; но надо объ нихъ забыть.

— Такъ давайте продолжать нашу исторію.

— Охотно; а на чемъ я остановился?

Digitized by Google

— На той минутѣ, какъ графиня Юлія не хотѣла сказать вамъ имени героини вашего романа.

— Не досадно ли? Обладать сокровищемъ и не знать его... ужасно!... Счастливый любовникъ этой таинственной красавицы, я просилъ, я умолялъ графиню сказать мнѣ ея имя, или по-крайней-мѣрѣ дать мнѣ какой-нибудь намекъ. Она отказала рѣшительно.

— Что жъ удивительнаго! воскликнулъ я, это была она сама!..

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ. Я уже сказалъ, что не могъ предполагать этого... къ тому же были еще и другія доказательства.., подробности, которыхъ нельзя было передать вамъ... которыя подтверждали всю справедливость ея словъ. Мое любопытство терпѣло пытку невыносимую. — Я умиралъ отъ желанія узнать эту тайну. Я клялся, что не употреблю ея во зло . . .

— Тогда, замѣтила графиня, къ чему вамъ знать? зачѣмъ вводить васъ въ безполезное сожалѣніе?

— Такъ она хороша? воскликнулъ я.

— Но... сказала Юлія, бросивъ на меня плутовскую улыбку, мнѣ бы нужно было спросить объ этомъ васъ.

— А! вы смѣетесь, вы шутите надо мною!

— Хорошо же! Если нужно говорить серіозно, скажите, зачѣмъ я буду обнаруживать честную женщину?

— Такъ она добродѣтельна?.. тѣмъ лучше!

— Это почему?

— Не знаю. . но тѣмъ лучше!

— Тѣмъ хуже, напротивъ.. лучше бы было, если бъ это была кокетка, вѣтренница, я бы назвала

Digitized by Google

ее, не опасаясь, что вы извлечете изъ того какую-нибудь пользу.

— Я!.. и вы можете думать...

— Разумѣется!.. я теперь начинаю объяснять ваше вниманіе *ко мнѣ*... не правда ли, это самое подало вамъ сначала мысль, а потомъ дерзость, за мной ухаживать?.. Будьте откровенны.

— Если вы требуете, да! признаюсь...

— Какъ же бы вы не сдѣлали того же самаго съ особой, которая, во всѣхъ отношеніяхъ, во сто разъ лучше меня?

— Что̀ вы говорите? воскликнулъ я съ восторгомъ.

— Я ничего не сказала, возразила она: я только хотѣла увѣрить васъ, что ни за что не соглашусь смущать ея спокойствія и заставлять ее краснѣть за проступокъ, въ которомъ она совершенно невинна... это значило бы весть ее на явную гибель...

— Которой ей нечего бояться!

— Ну, не скажу!

Она посмотрѣла на меня, подумала съ минуту и прибавила:

— Да, не открывая ея имени, я дѣлаю доброе дѣло.

— Доброе дѣло?

— И, быть-можетъ, избавляю васъ отъ дѣла дурнаго.... И такъ, мосьё Жоржъ, покоритесь судьбѣ: вы никогда ничего не узнаете.

— Никогда!..

— Клянусь вамъ!

— Вы дѣйствуете какъ непріятельница.

— Напротивъ, я говорю вамъ какъ другъ, кото-

Digitized by Google

рому дорого ваше расположеніе, но который не желаетъ ни потерять, ни раздѣлить его.

Я распростился, давъ честное слово никогда съ ней не видаться, и на другой же день былъ опять у нея.

— Я готова была биться объ закладъ, что увижу васъ! воскликнула она при моемъ появленіи: видите, какое прекрасное положеніе я себѣ устроила. Теперь я твердо увѣрена, что каждый день буду васъ видѣть. Можно сомнѣваться въ дружбѣ мужчинъ, но никогда въ ихъ любопытствѣ. Я напередъ говорю, вы будете за иною ухаживать до тѣхъ поръ пока не узнаете секрета, а такъ какъ вы никогда его не узнаете...

Какъ я ни старался увѣрять ее въ искренности моихъ чувствъ, въ ихъ непзмѣнности... ничто не помогло: она молчала... Хорошо же, воскликнулъ я наконецъ, я и безъ васъ доберусь до истины!

— Трудно!

— Во-первыхъ, это была одна изъ дамъ, которыя жили лѣтомъ у васъ въ замкѣ.

— Не спорю.

— Такъ вы соглашаетесь?

— Я ни въ чемъ не соглашаюсь.

— Говорю вамъ, доберусь, хоть бы для этого нужно было ухаживать за каждой изъ нихъ порознь...

— Пожалуй...

Я сталъ перебирать мысленно всѣхъ этихъ дамъ, и весьма естественно, мысли мои обратились на тѣхъ, которыя мнѣ болѣе нравились, какъ-будто случай могъ сговориться съ моими желаніями.

Меня произвели въ офицеры артиллеріи; я былъ свободенъ, ни отъ кого не зависѣлъ, и потому зима, которую провелъ въ розъискахъ, была, конечно, одной изъ самыхъ счастливыхъ и интересныхъ въ моей

Digitized by Google

жизни. Когда на вечеръ, на балъ, появлялась молоденькая, хорошенькая дама, я смотрѣлъ на нее съ какимъ-то самодовольствіемъ, съ гордостію... Я думалъ: быть-можетъ, эта она! . И, какъ скупцу въ *Расточителѣ*, эта мысль почти замѣняла мнѣ дѣйствительность!.. Когда я видѣлъ, какъ услужливые кавалеры напрасно добивались улыбки, взгляда, я воображалъ, что, быть-можетъ, безъ моего вѣдома, я былъ счастливѣе всѣхъ ихъ... И съ самодовольствіемъ посматривалъ на графиню; но она всегда разрушала мою мечту. Ея спокойный взглядъ говорилъ мнѣ: «это не она;» потому что, еслибъ я отгадалъ, она не была бы такъ спокойна и равнодушна.

И я всё обманывался, и въ этихъ безполезныхъ розыскахъ забывалъ о существенномъ, о занятіяхъ, отъ которыхъ зависѣло все мое будущее. Графиня, съ истинною дружбою... съ дружбою сестры, пугалась моей безразсудности и употребляла всѣ силы, чтобъ меня образумить.

— Откройте мнѣ эту тайну, говорилъ я ей.

— Хотѣла бы... но не могу.

И нашъ споръ снова начинался. Однажды, Юлія была въ какомъ-то особенномъ расположеніи читать мнѣ наставленія, и умѣла выбрать мѣсто:... въ маскерадѣ, въ операѣ; мы пріѣхали туда съ ея братомъ и мужемъ, но тѣ, соскучившись, отправились искать разсѣянія въ толпѣ замаскированныхъ. Оставшись наединѣ, и сидя около ложъ, мы опять пустились толковать о нашемъ неистощимомъ предметѣ разговоровъ. Я сердился... я выходилъ изъ себя... Юлія смѣялась такъ отъ чистаго сердца и такъ громко, что даже забыла перемѣнить голосъ.

Digitized by Google

Въ эту минуту хорошенькая маска, которая, вѣроятно, ее узнала, подошла къ ней и сказала:

— Графиня де-Варвиль очень весела сегодня.

— Что жъ въ томъ дурнаго, милая маска?

— Ничего, потому-что я твоя пріятельница; а то...

Графиня вздрогнула.

— Что съ вами? спросилъ я.

— Ничего.

Но я хорошо видѣлъ, что она была въ смущеніи; вѣрно она узнала эту маску... Что за отношенія?... что за знакомство?... Маленькое домино ужасно мнѣ не нравилось, быть-можетъ потому, что помѣшало нашему интересному разговору. Но должно отдать справедливость: въ немъ было много оригинальнаго, и, главное, умнаго. Маска говорила за двоихъ: потому-что графиня, съ самаго ея прихода, молчала. Маска эта имѣла способность быть удивительно любезною, однако же безъ всякой колкости и эпиграммъ; напротивъ, все, что ни говорила она, дышало лестнымъ вниманіемъ къ Юліи; она только упрекала ее за ея непонятное молчаніе. Ужъ не этотъ ли прекрасный кавалеръ причиною? сказала она, указывая на меня. Не помѣшала ли я признанію...

— Непріятельскимъ переговорамъ, отвѣчалъ я, чтобъ дать графинѣ время оправиться. Мы спорили...

— Право?

— И очень жарко, объ одной вещи...

— Сомнительной...

— Очень сомнительной!

— Тогда вы не правы!

— Это почему?

— Гдѣ только есть сомнѣніе... мужчины вѣчно не правы, и я рѣшительно васъ обвиняю.

Digitized by Google

— Не зная, въ чемъ дѣло?

— Извольте, я выслушаю, сказала она, садясь подлѣ графини.

— О, не нужно! живо воскликнула Юлія.

— Такъ это дѣло очень серіозно, прелестная графиня?

— Совсѣмъ нѣтъ... графиня не хочетъ сказать мнѣ, какъ зовутъ особу, на которую я имѣю нѣкоторыя права...

Юлія хотѣла заставить меня молчать.

— Не зная особы, и не называя ея по имени, никого не компрометтируешь. И затѣмъ съ безпечностью и свободой, какія водятся въ маскерадѣ, я, въ короткихъ словахъ, почти шопотомъ, разсказалъ извѣстную вамъ исторію, между-тѣмъ какъ толпа двигалась около насъ съ шумомъ.

Маска слушала съ вниманіемъ, которое очень льстило моему ораторскому самолюбію... Какъ вдругъ, въ самомъ интересномъ мѣстѣ... когда я расположился въ комнатѣ Розы, она вскрикнула, и упала въ обморокъ.

— Ахъ! пролепетала графиня въ сильномъ волненіи... жаръ... удушье... Ей дурно... Вынесите ее изъ театра! — Я въ ту же минуту исполнилъ ея желаніе, несмотря на толпу любопытныхъ, которые, какъ водится, отъ излишняго усердія и участія, чуть было насъ не задушили.

Добравшись до корридора, который отдѣляетъ театръ отъ залы, я посадилъ незнакомку на стулъ, и сталъ думать о непонятной странности приключенія. Объ этомъ испугѣ, этомъ участіи графини, которая за минуту была такъ равнодушна, наконецъ о томъ страхѣ, съ какимъ она остановила мою руку,

Digitized by Google

когда я хотѣлъ-было снять съ незнакомки маску, чтобъ дать ей подышать чистымъ воздухомъ...

— Отъ чего же?

— Она имѣетъ причины не хотѣть, чтобъ ее узнали.

—Какія же?

— Нельзя сказать.

—У васъ вѣчныя тайны.

И тогда, въ первый разъ, подозрѣніе блеснуло въ умѣ моемъ... я вскрикнулъ дрожа отъ волненія: ужъ не она ли!..

—Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала графиня, съ живостію, которая превратила мои предположенія въ увѣренность. Но молчите, за нами наблюдаютъ!

Въ самомъ дѣлѣ какой-то блондинъ высокаго росту стоялъ за нашимъ стуломъ и съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ незнакомку... потомъ онъ подошелъ поближе и ирландскимъ нарѣченіемъ предложилъ дамамъ свои услуги, но онѣ ихъ не приняли.

—Нѣтъ сомнѣнія! воскликнулъ онъ тогда громко: неугодно ли вамъ, сударыня, дать мнѣ руку?

—Не безпокойтесь, сказалъ я, вы видите, я къ ихъ услугамъ. И я хотѣлъ пуститься вслѣдъ за Юліей которая уходила, взявъ незнакомку подъ руку; но Ирландецъ остановилъ меня.

—Мнѣ нужно сдѣлать вамъ одинъ вопросъ.

—Когда хотите, только не теперь!

— Сію же минуту!

И онъ держалъ меня за руку, между-тѣмъ какъ пріятельницы, затерявшись среди толпы, скрылись уже отъ моихъ взоровъ.

Взбѣшенный, я обернулся къ этому неотвязному гиганту, который вырывалъ у меня первое и, можетъ-быть, единственное средство открыть истину.

Digitized by Google

—Чего вамъ отъ меня надобно?

— Да, маіоръ Голлиде, что вамъ угодно отъ моего пріятеля Жоржа? воскликнулъ Константинъ, пришедшій въ эту минуту.

— Я требую, чтобъ онъ сказалъ мнѣ имена этихъ двухъ дамъ, съ которыми говорилъ сію минуту.

—Успокойтесь! одна изъ нихъ сестра моя графиня де-Варвиль.

— Къ которой я питаю всякое уваженіе, но другая...

— Другая?.. повторилъ Константинъ, поправляя галстухъ: не знаю.

— Очень вѣрю... но пріятель вашъ, безъ сомнѣнія, знаетъ...

—Я! воскликнулъ я въ бѣшенствѣ, такъ эта выходка въ моемъ положеніи казалась мнѣ безсмысленной и досадной.

— Да, продолжалъ ирландскій маіоръ, вы должны сказать мнѣ ея имя.

— Не скажу.

—Скажете!

— Но, почему же не сказать? замѣтилъ Константинъ съ веселою улыбкой, которая удвоивала мою досаду, — скажи.

—Не скажу... потому что самъ не знаю.

—Полно, полно! знаешь, долженъ знать!

— Конечно, сказалъ маіоръ, какъ не знать; возможно ли это?

—Когда я говорю, нѣтъ! должно этому вѣрить, воскликнулъ я такъ громко, что всѣ глаза на насъ обратились.

—Это еще не доказательство... замѣтилъ флегматикъ маіоръ.

Тогда, вышедши изъ себя, забывъ все благоразу-

Digitized by Google

міе, а бросился на него и ударилъ по щекѣ. . . толпа насъ раздѣляла.

— Я готовъ къ услугамъ маіора, сказалъ я Константину: условься съ нимъ.

И я отправился домой.

Черезъ два часа послѣ того Константинъ вошелъ ко мнѣ съ мрачнымъ видомъ, который дотого не приставалъ къ нему, что я не могъ удержаться отъ смѣху.

— Завтра, сказалъ онъ, въ шесть часовъ, въ Венсенскомъ лѣсу; маіоръ выбралъ пистолеты: ты умѣешь стрѣлять?

— Не хуже всякаго другаго. . .

— Надо тебя предварить— онъ мастеръ; въ тридцати шагахъ попадаетъ въ облатку.

— Такъ что жъ?

—Онъ оскорбленъ . . . и будетъ стрѣлять первый въ двадцати шагахъ. Я не могъ склонить его на другія условія.

— Останемся при этихъ . . . и такъ, до завтра; я на тебя надѣюсь.

Не буду описывать ни моихъ чувствъ, ни размышленій. . . Я приготовилъ письмо къ матушкѣ, въ которомъ просилъ ея благословенія и молитвъ. Написалъ также къ графинѣ, и въ ея письмо вложилъ слѣдующую записку къ ея пріятельницѣ:

«Милая незнакомка! спѣшу разувѣрить васъ; когда «вы получите этотъ листокъ, вы будете отмщены. . «Умираю съ вашею тайной. . . о, зачѣмъ не могу ска. «зать: съ вашимъ прощеніемъ!»

V.

На другой день, въ шесть часовъ, маіоръ Голлиде

Digitized by Google

былъ у меня, и полчаса спустя, мы вышли въ Венсенн изъ коляски вмѣстѣ съ нашими секундантами.

— Господа, сказалъ Ирландецъ, возвысивъ голосъ,... я долженъ объявить, что особа, которую я подозрѣвалъ, вовсе не была вчера въ оперномъ маскерадѣ; я имѣю на то ясныя доказательства; и дама, которую сопровождалъ Мосьё Жоржъ, мнѣ совершенно незнакома.... Я по совѣсти обязанъ сдѣлать это признаніе.... Теперь, продолжалъ онъ, обращаясь къ своимъ и моимъ секундантамъ: вамъ извѣстно, я не даю промаха, и жизнь моего противника въ моихъ рукахъ; я ему дарю ее, если онъ попроситъ объ этомъ.

При этомъ дерзкомъ предложеніи, самолюбіе мое воспламенилось, кровь закипѣла, и я вскричалъ:

— Лучше умереть, чѣмъ быть вамъ чѣмъ-нибудь обязаннымъ; вы имѣете полное право убить меня!

— Но, мололой человѣкъ! мой выстрѣлъ всегда вѣренъ.

— Что́ жъ! стрѣляйте.

Молнія гнѣва блеснула въ глазахъ Ирландца; онъ взялъ пистолетъ и, еще удерживаясь, сказалъ:

— Извинитесь въ этомъ новомъ оскорбленіи.... одно слово — и я удовлетворенъ...

— Ни полуслова!

— Слышите, господа, закричалъ маіоръ.... онъ самъ не хочетъ.... онъ самъ принуждаетъ меня.... я бы долженъ.... но я первый подалъ поводъ къ обидѣ, и помню это.

Потомъ, медленно прицѣливаясь, онъ громко сказалъ: Въ правое плечо!

Выстрѣлъ — и я упалъ; мое правое плечо было раздроблено.

Digitized by Google

Когда я опомнился, я лежалъ на постелѣ, окруженный друзьями; докторъ увѣрялъ ихъ, что отвѣчаетъ за мою жизнь.

На другой день я былъ обрадованъ пріѣздомъ графини; она явилась съ братомъ, который пробылъ не болѣе минуты; когда мы остались одни:

— Жоржъ, сказала она, вы вѣрно удивлены моимъ пріѣздомъ?

— Нѣтъ! я васъ ожидалъ.

— О, какъ я благодарю васъ за это; она протянула мнѣ руку, и залилась слезами: Это моя, моя вина; я никогда не прощу себѣ этого.

— Нѣтъ, я одинъ виноватъ, это мое безуміе, мое безразсудство...

— Зная васъ, не должна ли я была предостеречь; но я находилась въ затруднительномъ положеніи, поставленная между вами и пріятельницею.... которую я такъ любила... однако жъ, не болѣе чѣмъ васъ; потому что вы страдаете, вы въ опасности; я васъ люблю болѣе....

И потомъ она мнѣ высказала все, что только дружба женщины можетъ внушить самаго нѣжнаго и возвышеннаго....

Я узналъ Юлію. Я чуствовалъ всю цѣну подобной дружбы; я покрылъ ея руки поцѣлуями, слезами; клялся ей въ вѣчной привязанности, готовой на всѣ испытанія.

О! если вы говорите правду, сказала она, падая на колѣна возлѣ моей кровати: если вы хотите, чтобы я вѣрила вашимъ словамъ, то умоляю васъ....

— Говорите, говорите!

— Не думайте больше о... она остановилась, и потомъ продолжала.... объ этой незнакомкѣ, вліяніе

Digitized by Google

которой было для васъ такъ гибельно; не старайтесь узнавать, кто она. Я васъ прошу объ этомъ для васъ и для нея; да и всѣ ваши хлопоты были бы напрасны: она оставила Францію.

— Когда?...

— Сегодня утромъ, тотчасъ какъ узнала, что вы внѣ опасности.

— Такъ въ оперѣ — это была она!

— Да, мой другъ.

— Однако, кажется, я не видалъ ее въ числѣ дамъ, которыя гостили у васъ въ замкѣ.

— Вы ее никогда не видали; вы не знаете ни ея наружности, ни званія, ни имени. И послѣ этого что жъ за жертва забыть ее и смотрѣть на эту встрѣчу, какъ на мечту.. . злую мечту?

— Да, окончаніе... но начало было прекрасное..

— Замолчите! ..

— Еще слово — и я замолчу.... такъ ей все извѣстно?...

— Къ несчастію.

— Она знаетъ меня.... когда я ее вовсе не знаю!

— Да....

— Отдали вы ей мою записку?

— Я не рѣшалась.... но эта записка была такъ хорошо написана.... ваши письма лучше вашихъ поступковъ... Я не хотѣла, чтобъ она имѣла слишкомъ дурное понятіе о васъ, — о моемъ другѣ.... и отдала ей эту записку.

— Что жъ она сказала... о послѣднемъ словѣ?...

— О прощеніи?

— Да!,...

Графиня взглянула на меня внимательно, какъ-будто хотѣла угадать, какое дѣйствіе произведетъ

Digitized by Google

на меня ея отвѣтъ; и потомъ сказала: это прощеніе.... съ однимъ условіемъ....

— Съ какимъ?

— Съ тѣмъ, котораго я сейчасъ требовала, потому что она именно сказала: *я забуду его оскорбленіе, если онъ забудетъ меня*.... Теперь, мой другъ, когда я отвѣчала на всѣ ваши вопросы, я жду отъ васъ клятвы, которой требовала..... рѣшительнаго обѣщанія.... не стараться знать кто она.... иначе я вамъ не другъ!....

Что я могъ отвѣчать?... эта таинственная красавица уѣхала, оставила Францію.... И къ тому жъ, когда виснешь на волоскѣ отъ смерти, когда потеряешь половину крови, воображеніе не такъ ужъ живо и пылко.... Раненый лучше слушается голоса разсудка, нежели человѣкъ здоровый. И потому я въ ту жъ минуту постигъ, что какая-нибудь мечта, химера, которая во всякомъ случаѣ не поведетъ ни къ чему, не стоитъ моего спокойствія, будущности, и, особенно, дружбы прекрасной женщины. Я далъ слово, котораго отъ меня требовали, и не имѣя привычки нарушать своихъ клятвъ, я, въ продолженіе болѣе пяти лѣтъ, не сдѣлалъ ни одного покушенія, ни одного поиска.... не имѣлъ никакой вѣсти о моей милой незнакомкѣ. Вотъ моя исторія!....

— Ну-такъ!... сказалъ, я ожидая продолженія.

— Ну-такъ! отвѣчалъ Жоржъ: чего же вамъ еще?

— Чего?... конца, развязки....

— Я вамъ передалъ все, какъ было.

— И вы не знате, кто такая эта дама?

— Рѣшительно не знаю!

— Никакого слѣда, никакихъ признаковъ....

— Я не дѣлалъ никакихъ попытокъ... Я это

Digitized by Google

обѣщалъ; не говоря уже, что съ того времени, въ эти пять лѣтъ, мысли мои могли измѣниться, и другое горе, другія привязанности....

— Новая страсть?...

— Да, и это.... но и тутъ нѣтъ ничего утѣшительнаго....

— Однако почему не говорить о любви, когда мы счастливы?...

— Если такъ, то мнѣ пришлось бы вѣчно молчать; но оставимъ это. Одна мысль объ этомъ наводитъ на меня тоску....

— Ваша правда.... возвратимся лучше къ незнакомкѣ; вѣдь вы мнѣ обѣщали сюжетъ для драмы или комедіи.

— И, кажется, сдержалъ слово.

— Что жъ за драма безъ развязки; я не могу оставить публику такъ, какъ вы меня оставили.

— Но когда нечего больше сказать!

— Какъ хотите, а нужно еще что-нибудь....

— Ну, такъ потрудитесь выдумать... прибавить... чтобъ какъ-нибудь кончить... Это ваше дѣло!

— Да дѣло-то очень трудное, потому что изъ вашего разсказа невозможно извлечь развязки. Настоящей героини еще не было и въ виду.... не извѣстно, кто она.... неизвѣстенъ ни ея характеръ, ни ея чувства, даже, ни самая ея особа.... Вы одни могли бы дать нѣкоторыя свѣдѣнія...

— Все это я давнымъ-давно забылъ, сказалъ Жоржъ, смѣясь.... Къ тому жъ, вотъ и 12 часовъ ..

И онъ оставилъ меня въ ту самую минуту, когда человѣкъ подалъ мнѣ письмо.

Это было приглашеніе на завтрешній день на обѣдъ къ одному богатому, или, лучше сказать, къ самому

Digitized by Google

богатому изъ окрестныхъ помѣщиковъ, герцогу де*** Я бы сказалъ вамъ его имя, но это совершенно безполезно. У насъ въ цѣломъ департаментѣ онъ только одинъ герцогъ, и его никогда не называютъ иначе, какъ этимъ титуломъ; и на двадцать миль въ окружности, когда вы спросите: чьи это прекрасные лѣса, поля, обширные луга? Крестьянинъ сниметъ шляпу, если у него есть шляпа, и скажетъ вамъ съ видомъ удивленія и зависти: «господина герцога....»

Я его не зналъ, но онъ жилъ въ трехъ миляхъ отъ меня; въ деревнѣ — это значитъ быть сосѣдомъ; притомъ онъ сдѣлалъ мнѣ честь первый пригласилъ меня, тогда какъ я, по пріѣздѣ въ свое помѣстье, не собрался еще къ нему съ визитомъ. Не было никакого средства отказаться, и потому, — все думая о развязкѣ, которой не могъ найти, — я пріѣхалъ къ нему. Домъ герцога — настоящій дворецъ; прекрасный замокъ, съ двумя флигелями, которыхъ одинъ видъ вырвалъ у меня невольный вздохъ. Зала, меблированная богато и изящно, выходила тремя огромными окнами на чудесный паркъ, котораго зеленые луга простирались до самыхъ береговъ Марны.

Хозяинъ дому былъ человѣкъ пожилой, лѣтъ, этакъ, семидесяти, высокаго росту, но еще прямой и бодрый; съ суровою наружностію, онъ соединялъ учтивое, обязательное обхожденіе, въ которомъ, однако жъ, проглядывало сознаніе своей наслѣдственной и помѣщичьей важности. То былъ словно вельможа временъ Людовика XIV и, что важнѣе, одинъ изъ богатѣйшихъ людей нашего времени. Подлѣ него стоялъ длинный, сухощавый молодой человѣкъ, съ огромнымъ лицомъ, огромнымъ носомъ и равнодушнымъ взглядомъ; отъ него вѣяло холодомъ, и при взглядѣ

Digitized by Google

на одну его фигуру, какъ-то невольно тянуло къ камину; его блѣдныя и тонкія губы, которыя, вѣрно, никогда не улыбались, разскрылись, чтобы со мной поздоровается и сказать, что онъ чрезвычайно радъ моему знакомству; но это было сказано такимъ тономъ и съ такимъ взглядомъ, съ какими сообщаютъ вамъ что-нибудь непріятное. Мальчикъ, лѣтъ пяти или шести, миловидной наружности, съ русыми волосами, разсыпавшимися въ прекрасныхъ золотистыхъ кудряхъ, безпечно вертѣлся кругомъ ногъ великана, и такъ неосторожно, что наконецъ герцогъ принужденъ былъ строго сказалъ ему: «Осторожнѣе, ты уронишь кузена.» Дитя, лишенное единственной забавы, какую могло найти въ этой залѣ, скорчило сердитую рожицу — предвѣстіе бури, какъ вдругъ растворилась дверь, и въ залу вошла молодая дама, прелестнѣе, очаровательнѣе всего, что только я когда-нибудь видалъ; словомъ, одна изъ тѣхъ восхитительныхъ, идеальныхъ, красавицъ, которыя существуютъ только въ живописи, или на пьедесталѣ, настоящая Венера Медицейская въ мусселиновомъ платьѣ, съ букетомъ фіалокъ на груди и съ улыбкой на устахъ.

Дитя бросилось къ ней, и стало жаловаться: «Маменька, мнѣ папенька не велитъ бѣгать между ногъ моего кузена.»

— Это не хорошо, мой другъ!

— Такъ на что жъ ему такія длинныя ноги?..

Всѣ засмѣялись... и даже великанъ сдѣлалъ губами родъ какого-то судорожнаго движенія, но столь неяснаго, что, по-совѣсти, его нельзя было принять за улыбку.

Герцогиня, не отвѣчая сыну, наклонилась и обняла

Digitized by Google

его. Вѣроятно, этотъ доводъ показался очень убѣдительнымъ, потому что дитя успокоилось и не требовало другаго объясненія.

— Любезная Низида, сказалъ герцогъ, представляя женѣ меня и другихъ гостей: вотъ наши сосѣди; и онъ проговорилъ наши фамиліи.

Хозяйка была столько же любезна, какъ и прекрасна; она съ обворожительною непринужденностью обратилась къ каждому изъ насъ съ какимъ-нибудь лестнымъ привѣтствіемъ, и все это съ улыбкой, полною доброты, которая придаетъ цѣну самымъ ничтожнымъ словамъ, и даже часто замѣняетъ чувства.

За столомъ сидѣлъ съ нами меръ, богатый правитель пребѣднаго округа; его единственная забота заключалась къ сборѣ денегъ для учрежденія первоначальной школы. Подлѣ него сидѣлъ священникъ, превосходный человѣкъ, исполненный рвенія, доброты и талантовъ; онъ въ одно время правилъ двумя приходами; почти каждый день, несмотря на дурную погоду и дурныя дороги, дѣлалъ три и четыре мили пѣшкомъ, и на семьсотъ или осемьсотъ франковъ содержалъ себя, своего стараго отца и находилъ еще средства помогать бѣднымъ прихожанамъ. Далѣе, сидѣлъ сборщикъ податей, толстякъ, забавный говорунъ, родъ олицетвореннаго протокола, въ которомъ все отмѣчено и записано числами... Мнѣ случилось сидѣть подлѣ него, и я, съ перваго блюда, какъ-будто прочиталъ біографію обитателей замка, потому что сосѣдъ мой говорилъ какъ книга, только не красно написанная.

Герцогъ, великій сановникъ, перъ Франціи съ 1815 года, преданный прежнему правительству, хотѣлъ-было въ 1830 году подать въ отставку; но путешествіе,

Digitized by Google

сдѣланное имъ въ Германію, измѣнило его мысли; онъ далъ новую присягу и сохранилъ свое состояніе и мѣсто.

Я поблагодарилъ сосѣда за свѣдѣнія, которыя онъ мнѣ такъ охотно сообщилъ.

— А кто этотъ высокій блондинъ? спросилъ я его, когда мы вошли въ залу.

— Это двоюродный братъ герцога, единственный его родственникъ и наслѣдникъ; потому-то, когда, въ декабрѣ 1829 года, герцогъ, богатый самъ по себѣ, женился на дочери извѣстнаго банкира, бѣднякъ былъ въ отчаяніи.

— Вѣрю.

— Но герцогу было уже тогда 70 лѣтъ; онъ родился въ 1756 году. Я готовъ былъ биться объ закладъ, что этотъ союзъ не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій... ничуть не бывало.... противъ всѣхъ ожиданій, въ апрѣлѣ 1831 года, у герцога родился сынъ. Это совершенно меня уничтожило, а маіора еще болѣе!...

— Какого маіора?

— Да кузена; онъ не Французъ... и съ 1825 года служитъ маіоромъ въ одномъ Ирландскомъ полку; его фамилія Голлиде.

— О Боже!... вскричалъ я.

— Что съ вами?.. Вы развѣ его знаете?

— Нѣтъ.... Но недавно мнѣ разсказывали исторію, въ которой онъ игралъ важную роль.

— Раскажите мнѣ, воскликнулъ сборщикъ, какъ-будто вооружаясь перомъ для занесенія ея въ протоколъ...

— Э, нѣтъ, пустяки, отвѣчалъ я, стараясь скрыть свое удивленіе, которое увеличилось еще болѣе, ко-

Digitized by Google

гда растворилась дверь и лакей проговорилъ: «Мосьё Жоржъ Лисвардъ.»

Я рѣшительно ничего не понималъ.

Мой пріятель вошелъ, ловко раскланялся съ герцогомъ и герцогинею; но замѣтивъ меня, совершенно смѣшался.

— Васъ сегодня не видно, сказала ему герцогиня ласково.

— Я не могъ явиться ранѣе; матушка была не такъ здорова... но теперь ей легче... и я поторопился съ извиненіемъ.

— Принимаю его съ условіемъ, что завтра вы удѣлите мнѣ лишній часъ.

— Да, сказалъ мнѣ герцогъ, мосьё Жоржъ, нашъ сосѣдъ, — олицетворенная обязательность... Жена начала въ Парижѣ заниматься живописью, но не могла продолжать ея здѣсь: не было учителя... и мосьё Жоржъ каждое утро дѣлаетъ три мили, чтобъ дать ей урокъ...

Я посмотрѣлъ на Жоржа: онъ потупилъ глаза, и прошепталъ мнѣ въ полголоса: «Молчите! завтра все узнаете.»

VI.

На другое утро я сидѣлъ дома одинъ, поджидая моего пріятеля Жоржа, и перебирая въ умѣ всю странность вчерашняго вечера и случаевъ, которыхъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ и нѣмымъ наблюдателемъ. Я ужъ думалъ, что развязка передо мною; но чѣмъ болѣе разсуждалъ, тѣмъ болѣе она отдалялась.

Герцогиня не могла быть прекрасной незнакомкой, таинственной любовницей Жоржа. Та оставила Фран-

Digitized by Google

цію назадъ тому пять лѣтъ; онъ ее забылъ: не занимался ею и, сверхъ того, самъ же проговорился, что любитъ другую.

Такъ видно въ герцогиню-то онъ и влюбленъ теперь!..

Доказательствомъ тому его неизмѣнная точность. Ѣхать три мили давать урокъ, да три мили назадъ: всего шесть миль верхомъ, во весь галопъ! Я видѣлъ, какъ онъ летѣлъ! Старые любовники, любовники счастливые, жалѣютъ лошадей побольше.

И я припоминалъ жалобы, грусть, дурное расположеніе бѣднаго Жоржа. Изъ всего видно, что онъ любитъ попустому, безъ надежды на успѣхъ; и это меня не мало удивляло, потому что Жоржъ, точно, былъ прекрасный мужчина. Трудно было найти молодаго человѣка милѣе, ловче его; чтобъ остаться равнодушной къ такимъ достоинствамъ и къ такой любви, надобно быть слишкомъ добродѣтельной.

Но должно согласиться, что вчера Жоржъ дѣйствовалъ какъ-то странно и необыкновенно. Онъ былъ очень внимателенъ къ герцогу, но мало любезенъ съ герцогиней. Два или три раза завязывался споръ; хозяйка дому принимала въ немъ участіе, говорила умно, дѣльно, но Жоржъ никогда не соглашался съ нею; оно такъ: любовники рѣдко соглашаются; но мнѣ казалось непростительнымъ, что онъ, обыкновенно такой внимательный и добрый, былъ въ своихъ отвѣтахъ сухъ, и даже жестокъ... Ввечеру у герцогини заболѣла голова: всѣ присутствующіе изъявляли сожалѣніе; одинъ Жоржъ, стоя у камина, позволилъ себѣ шутку на счетъ дамскихъ мигреней, шутку довольно колкую для герцогини, которая посмотрѣла на него ласково и, улыбаясь, сказала окружав-

Digitized by Google

нимъ: «Я ужъ не жалуюсь; я рада, что ничего не слышу.»

Подобное слово обезоружило бы свѣтскаго человѣка въ самомъ сильномъ гнѣвѣ; но на Жоржа оно не сдѣлало ни какого впечатлѣнія... онъ только изъ учтивости считалъ должнымъ пролепетать нѣсколько извиненій.

— Напрасно безпокоитесь, отвѣчала она ему: я ничего не слыхала.

Съ кузеномъ было совсѣмъ другое: Жоржъ выказывалъ такую холодность и даже надменность, что я каждую минуту боялся, чтобъ ихъ старинная ссора не возобновилась; и какъ мнѣ были хорошо извѣстны и ловкость маіора и не искусство моего пріятеля, то я не могъ понять, какимъ образомъ онъ, по доброй волѣ, шелъ на явную опасность. Что касается до Ирландца, то его спокойствіе и хладнокровіе во всѣхъ случаяхъ составляли совершенную противуположность съ запальчивостію Жоржа. Онъ раскрывалъ ротъ медленно, говорилъ медленно, какъ будто слушалъ самъ что говоритъ. Это объясняло скуку, отражавшуюся на лицѣ его; она невольно сообщалась слушателямъ и имѣла спасительное свойство прекращать всякіе споры и обезоруживать даже Жоржа.

Но непонятнѣе всего была манера, съ какою Жоржъ обращался съ прекраснымъ, милымъ ребенкомъ: всякій могъ легко замѣтить, что герцогиня его обожала, что это было ея достояніе, ея драгоцѣнное сокровище, и между-тѣмъ, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи Жоржа было видно, что ребенокъ ему не нравился, безпокоилъ его, надоѣдалъ ему... Когда мать его обнимала, у него сейчасъ была готова эпиграма на материнскую любовь *съ эффектомъ*... Тогда

Digitized by Google

герцогиня, нисколько не сердясь, смотрѣла на него съ видомъ сожалѣнія... Но часто также, въ ту минуту, какъ ласкала сына, она останавливалась, замѣтивъ, что Жоржъ на нее смотритъ. Все это казалось мнѣ неизъяснимымъ, загадочнымъ...

Въ тотъ же вечеръ этотъ бѣдный мальчикъ, любившій повидимому Жоржа и искавшій случая поиграть съ нимъ, завладѣлъ какъ-то его часами, Жоржъ отнялъ, или, скорѣе, вырвалъ ихъ изъ рукъ ребенка, проговоривъ сквозь зубы: «Не терплю дѣтей»... Герцогиня, которую онъ не видалъ, стояла подлѣ него; онъ поспѣшилъ извиниться и прибавить, показывая часы: я боялся, чтобъ онъ ихъ не разбилъ.

Герцогиня, не отвѣчая ему, отколола отъ платья букетъ изъ дорогаго жемчугу, и спокойно сказала сыну: «На, разбей это!»

Дитя, привыкшее повиноваться матери, не заставило повторять себѣ приказанія, и черезъ минуту, когда герцогъ, проходя мимо, спросилъ: «Что это, что это такое?...»

— Ничего, отвѣчала холодно герцогиня... мой жемчужный букетъ... онъ откололся... Артуръ нечаянно раздавилъ.

Что касается до Жоржа, то несмотря на всѣ его усилія воздерживаться, во всѣхъ его чертахъ просвѣчивало такое нерасположеніе, что я подозрѣвалъ тутъ тайну; въ эту минуту онъ подъѣхалъ къ моему крыльцу.

Онъ вошелъ въ кабинетъ съ видомъ чрезвычайно печальнымъ. «Рѣшено, сказалъ онъ: вижу теперь, ни кто и никогда не будетъ любить меня!»

— Э, Э! Да не вы ли были увѣрены въ противномъ?..

Digitized by Google

— Въ томъ, что всѣ должны любить меня?.. но это мечта молодости... я тогда непростительно ошибался!

— Теперь тоже!

— Нѣтъ... все кончено!.. я не имѣю болѣе надежды!.. я ничего не могъ отъ нея добиться... ни моя привязанность, ни мое постоянство, ни жертвы, какія я принесъ не могли тронуть ея сердца; она всегда оставалась холодною, нечувствительною, равнодушною.... Я по-крайней-мѣрѣ вѣрилъ въ ея дружбу, но вчера, при васъ, она сокрушила послѣднее звено ея: въ этомъ дорогомъ букетѣ, который бросила къ ногамъ, было одно жемчужное зерно — подарокъ мой въ день ея ангела; этотъ залогъ дружбы... она обѣщалась никогда не покидать, а вчера, при моихъ глазахъ, дала разбить этому ребенку, котораго я ненавижу, котораго проклинаю!..

— Премилое дитя!

— Не могу его терпѣть!..

— Отчего?

— По ея милости!.. она родилась для несчастія моей жизни... Слушайте, я вамъ все разскажу, подайте мнѣ какой-нибудь совѣтъ.

— Около года протекло съ тѣхъ поръ, какъ я былъ раненъ и какъ кончилась эта глупая исторія, которую вы знаете, когда правительство рѣшилось на осаду Антверпена. До той минуты я убивалъ время въ волокитствѣ за женщинами, которыя смѣялись надо мной, и дрался на дуэляхъ изъ-за какихъ-нибудь пустыхъ, ничего незначащихъ ссоръ; мнѣ казалось однако, что для поручика артиллеріи есть занятіе получше; мои эполеты еще не видали пороху: въ наше время случаи къ этому рѣдки; я думалъ участвовать

Digitized by Google

въ экспедиціи, неотступно просилъ, но министръ отказалъ, и я съ отчаянія не зналъ, къ кому бы обратиться? Графъ де-Варвиль нѣсколько мѣсяцевъ какъ былъ уже посланникомъ при одномъ изъ сѣверныхъ дворовъ, а мой пріятель, Констаптинъ, зять его, секретаремъ посольства. Несмотря однако жъ на отказъ министра и на эти неудачи, мои-старанія увѣнчались успѣхомъ. Это удивитъ васъ еще болѣе, когда скажу, что посланникъ увезъ съ собою и жену свою, графиню Юлію, и тѣмъ лишилъ меня послѣдняго моего покровителя.

Старый докторъ, другъ моего отца, выслушавъ мои жалобы, сказалъ: «Я не могу самъ помочь твоему горю; но я знаю одного стараго герцога; это мой пацієнтъ, онъ имѣетъ большую силу при дворѣ и въ министерствѣ, потому что принадлежитъ къ оппозиціонной партіи.» — «Это довольно дурная рекомендація!» — Напротивъ, превосходная! потому что въ наше время гораздо болѣе дѣлаютъ для враговъ чѣмъ для пріятелей, и перъ оппозиціи такая рѣдкость, что нѣтъ жертвъ, которыхъ бы не сдѣлали, чтобъ только сохранить его; онъ цѣлый годъ былъ въ отлучкѣ; но теперь ужъ вѣрно возвратился; вотъ къ нему письмо.»

Я взялъ письмо и отправился съ герцогу, у котораго мы вчера обѣдали. Тогда я его увидѣлъ въ первый разъ, и несмотря на то, его физіономія была мнѣ какъ-будто нѣсколько знакома. Я припоминалъ гдѣ видѣлъ эту длинную, сухую и холодную фигуру, которая, въ эту минуту, была еще суше и холоднѣе, потому что онъ довольно дурно принялъ мою просьбу, какъ вдругъ дверь кабинета отворилась и вошла жена его.... Низида, очаровательная Низида,

Digitized by Google

которую вы видѣли вчера; и, представьте мое удивленіе, когда я узналъ въ ней мою маленькую герцогиню италіянскаго театра, мою первую страсть, мое первое безуміе, ту, которую въ продолженіе двадцати четыреxъ часовъ я обожалъ до сумашествія, и которую двадцать четыре часа спустя ненавидѣлъ всѣми силами, потому что съ этою женщиной дѣйствовать разсудительно было невозможно; ее нельзя ни любить, ни непавидѣть умѣренно.... какъ другихъ!...

Она сама очень хорошо чуствовала упрекъ, который я имѣлъ право ей сдѣлать, и не забыла ни моей физіономіи, ни своей невѣжливости, потому что, при видѣ меня, смѣшалась.... измѣнилась въ лицѣ.... и, въ трепетѣ, сѣла, на диванъ, стараясь поклониться... Но поклонъ, въ которомъ когда-то было мнѣ отказано, былъ мнѣ еще слишкомъ памятенъ!.. ея мужъ обернулся къ ней и сказалъ: «Не успѣли мы пріѣхать изъ Германіи, и вотъ я получилъ отъ доктора письмо; оно чрезвычайно меня связываетъ....»

— Очень жалѣю, герцогъ, сказалъ я ему, вставая, что моею просьбою поставилъ васъ въ такое непріятное положеніе.... оставьте ее, какъ-будто ее вовсе не было....

— Это отъ чего? живо вскричала герцогиня.

— Потому что я раздумалъ; вижу, какъ много препятствій долженъ буду встрѣтить, и отказываюсь отъ надеждъ....

— Но письмо доктора...

— Я обязанъ ему очень много, что имѣлъ случай засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе; и сказавъ это, я вышелъ съ низкимъ поклономъ.

Digitized by Google

— Не думаю, милый Жоржъ, чтобъ это было учтиво...

— О! отвѣчалъ онъ отрывисто, совсѣмъ не поклониться еще неучтивѣе... а она, помнишь?... но имѣя дѣла съ подобной женщиной, трудно рѣшить, виноватъ ли ты, или правъ... За мою учтивость и вниманіе къ ней въ театрѣ, она заплатила дерзостію, а моя невѣжливость доставила мнѣ ея благосклонность, ея покровительство, скажу болѣе, ея дружбу, если она только способна къ дружбѣ.

На другой день я получилъ письмо отъ военнаго министра; онъ разрѣшалъ мнѣ отправиться къ осадѣ Антверпена; къ этому письму было приложено другое... вотъ оно... посмотрите... у меня ихъ три, они всѣ здѣсь; и Жоржъ вынулъ ихъ изъ кармана.

Письмо заключалось только въ этихъ словахъ:

»Вы насъ дурно поняли и вотъ нашъ отвѣтъ

«Низида, герцогиня де ***»

Разумѣется, моя досада должна была исчезнуть передъ такою благородною чертой. Я до отъѣзда поспѣшилъ изъявить ей мою благодарность, и не могу передать вамъ... вы не можете вообразить, что это за женщина, когда она захочетъ быть любезною! Въ ея манерахъ, въ малѣйшемъ взглядѣ, въ голосѣ, заключается какая-то увлекательная, упоительная прелесть; она покоряетъ васъ своей волѣ до такой степени, что вы не можете ни дѣйствовать, ни мыслить иначе какъ такъ, какъ ей хочется! Она не станетъ просить ни вашей привязанности, ни вашей дружбы: ей стоитъ только поговорить съ вами четверть часа, и вы дѣлаетесь ея пламеннымъ поклонникомъ, вы становитесь ей преданы... вы съ радостію отдадите за нее жизнь свою... по-крайней-мѣрѣ я чувство-

Digitized by Google

валъ все это при прощаніи съ нею... и вышелъ влюбленнымъ до безумія; съ той минуты эта страсть меня не покидала...

При осадѣ Антверпена я былъ довольно счастливъ: главное, — остался въ живыхъ, остался съ надеждой, что еще увижу Низиду; къ тому же я одинъ изъ первыхъ взошелъ на люнетъ Св. Лаврентія; мое имя стояло въ донесеніи маршала, и я невольно думалъ: «Она прочтетъ!»

Я возвратился въ Парижъ, гордясь своимъ новымъ чиномъ и воображая, что обязанъ собственнымъ заслугамъ. Меня разувѣрилъ мой пріятель, начальникъ отдѣленія военнаго министерства; онъ сказалъ, что безъ убѣдительнаго письма герцога де ***, меня, быть-можетъ, и забыли бы. Это обстоятельство уменьшило мою гордость, но увеличило благодарность. Я просилъ у герцога и жены его милостиваго позволенія отъ времени до времени являться къ нимъ съ моимъ глубокимъ почтеніемъ... мнѣ дозволили и я началъ навѣщать ихъ каждый день.

Къ несчастію, каждый день!.. потому, что чѣмъ болѣе я ее видѣлъ, тѣмъ болѣе влюблялся, и ни чья дружеская рука не предостерегла меня отъ явной гибели. Я все повѣрилъ Юліи; она, испугавшись моего новаго безумія, писала мнѣ, умоляя оставить герцогиню. Это былъ совѣтъ благоразумный, но благоразуміе было далеко, а Низида близко ..

Никогда ни одного чувства, ни одного слова я не могъ растолковать въ свою пользу... И несмотря на то, въ тысячѣ незамѣтныхъ для другихъ подробностяхъ, она была ко мнѣ такъ снисходительна, такъ нѣжна, такъ невыразимо откровенна... Но когда я ей говорилъ о любви моей, она заставляла меня молчать;

Digitized by Google

это меня бѣсило, но при видѣ ея слезъ, я забывалъ все горе, всѣ свои несчастія... я становился слабымъ и покорнымъ...

Когда я умолялъ ее объ одномъ словѣ, о малѣйшемъ знакѣ нѣжности, она меня не слушала... и не отвѣчая мнѣ, обнимала сына.

Однажды я ей припомнилъ нашу первую встрѣчу въ театрѣ, и спросилъ, почему она мнѣ не поклонилась.

Она начала хохотать отъ чистаго сердца; но видя, что я настаиваю: «Это васъ разсердитъ?» сказала она.

— Даю вамъ слово, что нѣтъ.

Хорошо! посмотримъ! Маркиза васъ не знала, но видѣвши, съ какимъ вниманіемъ вы каждый день съ своего балкона разглядываете дамъ и ихъ тоалетъ, была увѣрена и увѣряла меня, что вы просто какой-нибудь артистъ и приходите по обязанности, слѣдить за прическами и модами...

— Значитъ, вы меня приняли за парикмахера или за портнаго?

— Вы казались такимъ щеголемъ, что нельзя было-не вѣрить...

— Такъ вотъ почему вы не отвѣчали на мой поклонъ?

— Это, конечно, было дурно; но маркиза вмѣнила-бы мнѣ это въ преступленіе, или, еще хуже, стала бы надо мной смѣяться; мнѣ было 16 лѣтъ, я только-что явилась въ свѣтъ... ничего не знала; однако на другой день мнѣ было очень совѣстно,— и если бъ я знала вашъ адресъ...

— Такъ что́ бы!

— Я попросила бы васъ убрать мнѣ голову, или снять съ меня мѣрку для амазонскаго платья.

Digitized by Google

О, вскричалъ я съ живостью, какъ бы я былъ счастливъ!

— Отчего же? наивно спросила она.

— Отчего! отвѣчалъ я страстно; ахъ, Низида, не ужели вы меня не поняли?.. вы, моя первая, моя единственная любовь!....

— Замолчите, замолчите! сказала она тихо: то, что вы говорите Низидѣ, можетъ услышать герцогиня и разсердиться за это ..

И она тихо отняла руку, которою я было завладѣлъ.... но ея волненіе было замѣтно... глаза ея встрѣтились съ моими, съ выраженіемъ, какого я еще не замѣчалъ въ ней... Я ожидалъ, что она скажетъ: «люблю васъ!» но она холодно сказала: «ступайте прочь, оставьте меня!» Надо было ее оставить.... Я явился на другой день; она не показывалась, она была не такъ здорова; цѣлую недѣлю продолжалась та же исторія.

— Вы счастливецъ, сказалъ я.... она васъ любитъ!

— Увы! и я такъ думалъ; но эта мысль только повредила мнѣ. Скоро я убѣдился въ противномъ, и убѣдился самымъ убійственнымъ образомъ. Не видя ея, и не смѣя никого спросить, почему она не выходитъ, я наконецъ отправился къ старому доктору, узнать о ея здоровьи.

Докторь де Эриссель имѣлъ огромную практику, и, какъ медикъ, пользовался заслуженною репутаціею. То былъ человѣкъ стариннаго вѣка, и поклонникъ старыхъ системъ: постоянно ихъ придерживался, и, главное, защищалъ противъ всякихъ нововведеній. Онъ откровенно признавался, что, начиная съ Ипократа, медицина не сдѣлала ни шагу впередъ; «въ

Digitized by Google

мое время, говорилъ онъ добродушно своимъ пацiентамъ: доктора морили людей; но Бруссе моритъ точно такъ же и теперь, и всѣ ваши гомеопаты поступаютъ нисколько не лучше его; зачѣмъ же послѣ того мѣнять старое и вводить новое, если намъ отъ того не легче? — Къ чему вся эта толпа модныхъ, безбородыхъ докторовъ? Такъ какъ рискъ одинъ и тотъ же, такъ ужъ лучше выбрать доктора, или, другими словами, бѣдствiе, болѣе знакомое, то есть, болѣе побродившее по свѣту, какъ напримѣръ, вашъ покорнѣйшiй слуга.»

Докторъ де'Эриссель зналъ меня давно: «Ты мнѣ обязанъ жизнiю, говорилъ онъ въ шутку, потому что я извлекъ тебя на свѣтъ;» и съ тѣхъ поръ онъ никогда не терялъ меня изъ виду, былъ добръ ко мнѣ во всѣхъ случаяхъ, ухаживалъ за мной во время послѣдней моей болѣзни; и тутъ только я могъ оцѣнить всю его дружбу, потому что, будучи отъ природы упрямъ и мало обходителенъ, онъ спокойно слушался моихъ совѣтовъ и даже иногда ихъ требовалъ.

Когда я спросилъ его о здоровьи герцогини, онъ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо, взялъ щепотку табаку изъ своей золотой табакерки, украшенной портретами двухъ королей, и шутливымъ топомъ сказалъ:

— Она не такъ опасно больна, Жоржъ, мой другъ, какъ ты.

— Если это правда, докторъ, я обращаюсь къ вамъ съ убѣдительною просьбою: вылечите меня.

— Точно ли ты хочешь вылечиться? серiозно хочешь?

— Да, отвѣчалъ я съ твердостiю.

— Ну, хорошо! леченье будетъ не продолжи-

Digitized by Google

тельное; стоитъ только сказать одно слово.. и онъ во второй разъ взялъ табаку.

— Скажите жъ, спросилъ я съ нетерпѣніемъ: скажите это слово,

— Это слово — вотъ: она тебя не любитъ!

— Я это знаю, отвѣчалъ я: но это еще не въ состояніи меня вылечить.

— А! такъ пріемъ не такъ силенъ!.. Пожалуй, я прибавлю еще одну пилюлю... рѣшительную пилюлю... она любитъ другаго!

— Это не возможно.... нѣтъ! вскричалъ я съ бѣшенствомъ.

— Вотъ больные! хочетъ вылечиться и возстаетъ противъ предписаній доктора!

— Кто же... кто онъ? продолжалъ я, не слушая его.

— Я говорю это только тебѣ по секрету, потому что герцогиня моя паціентка, а тайны паціентовъ для меня священны. Правда, этой тайны она не открывала..... Притомъ же я это дѣлаю только изъ дружбы, чтобъ образумить тебя.

Между-тѣмъ какъ онъ говорилъ, я употреблялъ всѣ усулія, чтобъ не упасть; я чувствовалъ, что силы меня оставляютъ.

Докторъ говорилъ съ тѣмъ же хлоднокровіемъ:

— Въ продолженіе перваго года ихъ супружества, герцогъ водился съ однимъ только своимъ кузеномъ, который жилъ въ его домѣ.

— Вы точно знаете?

— Я видѣлъ его тамъ каждый день. Этотъ кузенъ не оставлялъ герцогини ни на минуту, считался ея постояннымъ кавалеромъ, ни кому не позволялъ при-

Digitized by Google

ближаться къ ней; однимъ словомъ, былъ взыскателенъ, строгъ и ревнивъ, какъ тигръ.

— Вы думаете!

— Герцогиня мнѣ жаловалась.

— Это еще не доказательство!

— Такъ подождите жъ; я оставляю всѣ разсужденія, всѣ предположенія; медицина основывается на однихъ фактахъ, и я представлю вамъ такіе, что вы сами согласитесь въ ихъ истинѣ. Наполеонъ спрашивалъ....

— Докторъ! вскричалъ я съ нетерпѣніемъ: здѣсь дѣло идетъ не о Наполеонѣ!

— Напротивъ! Наполеонъ спрашивалъ у моего сотоварища, Корвизара, можетъ ли мужчина, женившись въ пятьдесятъ лѣтъ, надѣяться имѣть наслѣдника? Корвизаръ отвѣчалъ: «Государь, въ пятьдесятъ лѣтъ иногда можно, въ шестьдесятъ рѣдко, въ семьдесятъ всегда.»

—И этотъ родственникъ, кто онъ? гдѣ онъ?

— Съ недѣлю какъ возвратился въ Парижъ, и съ этого времени герцогиня не принимаетъ васъ; дверь ея для васъ заперта.

Я былъ пораженъ, уничтоженъ; что̀ сказать? что̀ отвѣчать? Главное, что̀ дѣлать? попытаться еще побывать у ней... наконецъ я на это рѣшился. Только на этотъ разъ я спросилъ, дома ли герцогъ... меня ввели, и я прямо пошелъ къ женѣ его. Герцогиню я нашелъ не одну; съ нею былъ кузенъ. Онъ сидѣлъ у камина, спиной къ дверямъ, и не замѣтилъ моего прихода. При видѣ меня, Низида поблѣднѣла; но наконецъ, употребивъ всѣ усилія, чтобъ побѣдить свое смущеніе, она сама представила мнѣ этого родственника, котораго я ненавидѣлъ, не бывши съ нимъ зна-

Digitized by Google

комымъ. Вы можете вообразить, что я почувствовалъ, когда глазамъ моимъ представился маіоръ Голлиде, тотъ Ирландецъ, котораго вы видѣли, мой старинный знакомецъ?..

Съ нимъ-то я выходилъ на дуэль, назадъ тому два года, и въ эту минуту употреблялъ всѣ средства, чтобъ опять навесть его на то же; но какъ-будто на зло мнѣ, безстрастный маіоръ былъ такъ учтивъ, такъ вѣжливъ.... замѣтьте еще, я не хотѣлъ быть зачинщикомъ и потому возможность драться была еще сомнительнѣе; но наконецъ, она представилась! Это было здѣсь, въ деревнѣ: однажды, когда мы катались верхомъ, въ бѣлыхъ панталонахъ, онъ обрызгалъ меня съ ногъ до головы грязью, и, въ добавокъ, не могъ удержаться отъ нѣсколькихъ невинныхъ замѣчаній; но онѣ мнѣ показались черезъ-чуръ оскорбительными.

Напрасно молодежь, которая была съ нами въ кавалькадѣ, хотѣла развести насъ; я требовалъ удовлетворенія за колкости, какія онъ позволилъ себѣ на мой счетъ, и въ такихъ выраженіяхъ, что онъ не могъ отказаться, тѣмъ болѣе, что маіоръ, надо отдать ему справедливость, неробкаго десятку; на этотъ разъ выборъ оружія былъ въ моей власти... мнѣ хотѣлось помѣряться съ нимъ поближе... я выбралъ шпаги. Дуэль назначена на другой день.

При всемъ моемъ стараніи скрыть нашу ссору, герцогиня узнала... и если бъ до этой минуты я могъ еще сомнѣваться въ любви ея къ своему кузену, то ея смущеніе, ея отчаяніе, служило бы убѣдительнымъ доказательствомъ этого въ ней чувства.

Во весь тотъ вечеръ она была достойна сожалѣнія. Къ нимъ много съѣхалось гостей, ей нужно было принимать ихъ, любезничать съ ними; къ

Digitized by Google

счастію, какъ и вчера, явились къ ней на помощь головная боль и мигрень; и на этотъ-то счетъ я дѣлалъ намеки, которые вамъ показались столь неумѣстными: я одинъ зналъ ихъ важность! Когда всѣ разъѣхались, я на минуту остался; мнѣ невольно хотѣлось еще поговорить съ нею.... передъ смертью, можетъ-быть! Съ глазами, полными слезъ, она мнѣ живо сказала: «Всѣ знаю.... эта роковая дуэль!... оставьте ее... заклинаю васъ...» и она сложила руки, какъ умоляющая грѣшница...

—О! просить меня за него! вскричалъ я: это ужъ слишкомъ! и я выбѣжалъ, полный гнѣва, гибельнаго для моего соперника, потому что на слѣдующее утро я напалъ на него съ такою запальчивостію и бѣшенствомъ, что его флегматическая, спокойная фигура вытянулась отъ удивленія, и несмотря на все его искусство, я однимъ ударомъ выбилъ изъ рукъ его шпагу.

Увы! онъ былъ обезоруженъ, и я не могъ убить его.

Теперь мой чередъ—воскликнулъ я—подарить вамъ жизнь; но я великодушнѣе васъ: не заставляю просить; возьмите безъ условій.

Вечеромъ я отправился въ замокъ. Герцогиня, увѣдомленная о послѣдствіяхъ дуэли, безъ малѣйшаго сожалѣнія, безъ всякаго стыда, не скрывала отъ меня всей своей радости; она очень громко благодарила меня за все, что я сдѣлалъ для ея кузена.. И несмотря на все это, повѣрите ли моему безумію? я еще сомнѣвался! Я твердилъ себѣ каждую минуту: докторъ ошибается! Но можно ли обмануть самого себя? можно ли сомнѣватся въ свидѣтельствѣ своихъ собственныхъ глазъ и ушей?....

Digitized by Google

— Какъ? вы видѣли!

— Да, видѣлъ и слышалъ..., нѣсколько поважнѣе всего этого! И послѣ того, судите, могу ли я еще сомнѣваться? Какъ-то однажды, въ деревнѣ, у нихъ былъ балъ, чьи-то именины, кажется, ея мужа. Всѣ дамы взобрались на верхнюю террасу, чтобъ лучше видѣть фейерверкъ, который спускали на лугу; я одинъ остался въ галереѣ, выходившей въ садъ, и бродилъ взадъ и впередъ, въ мечтахъ о ней, о ней одной... Мнѣ легче было ее ненавидѣть чѣмъ забыть.... Я былъ выведенъ изъ мечтаній чьимъ-то приходомъ: это былъ маіоръ!! опять онъ!... и опять на моей дорогѣ!.. и я хотѣлъ оставить уединенную галерею, какъ вдругъ съ террасы раздался крикъ ужаса. Канделабръ, висѣвшій около окна, какъ-то зажегъ занавѣсъ, потомъ драпировку; въ минуту огонь разспространился по всей залѣ; испуганная толпа, устремясь къ единственному выходу, увеличила безпорядокъ въ высшей степени. Какая-то женщина показалась въ окнѣ, выходившемъ на террасу.... Въ одну минуту я узналъ Низиду, и схвативъ длинную садовую лѣстницу, которая лежала подъ окномъ, опрометью полетѣлъ къ ней на помощь. Я протянулъ къ ней руки, и хотѣлъ схватить ее; но она, совершенно внѣ-себя, блѣдная, съ распущенными волосами, не видя ничего, не думая ни о чемъ, кромѣ своего сына, котораго прижимала къ сердцу, бросила его ко мнѣ на грудь, пролепетавъ задыхающимся голосомъ, звуки котораго я одинъ могъ слышать: «На.... спаси твоего сына!!»

Неподвижный, изумленный, я осмотрѣлся и увидѣлъ позади себя, нѣсколькими ступенями ниже, неизбѣжнаго маіора, который, съ своей обыкновен-

Digitized by Google

ною флегмой, медленно лѣзъ на приступъ, и въ эту минуту былъ почти наравнѣ со мною! Низида, въ смятеніи, вооброжала, что говоритъ ему...

Едва удерживая гнѣвъ, я передалъ, или, лучше, кинулъ ему ребенка: это было не мое, а его дѣло.. онъ осторожно спустилъ его на землю, между-тѣмъ какъ я, схватилъ Низиду, которая бросилась ко мнѣ на руки... О, какъ она была прекрасна, какъ билось ея сердце!.. Я хотѣлъ тысячу разъ задушить эту женщину и тысячу разъ проклиналъ самого себя, что еще люблю ее. Опустивъ ее на траву, возлѣ ея сына, я убѣжалъ, давъ клятву никогда болѣе не видаться съ нею.

— Никогда!

— Да; это продолжалось три дни; три дни я ее не видалъ, но безпрестанно о ней думалъ; потому-что все это время твердилъ безпрерывно: «презираю, кляну Низиду». Эти роковыя слова: «на.... возьми твоего сына!».... гремѣвшія въ моихъ ушахъ, какъ звонъ гробоваго колокола, убивали меня. Наконецъ, въ четвертый день, я не могъ вынести и отправился въ замокъ. Герцогъ былъ нездоровъ; я пришелъ не къ ней, а къ нему; я встрѣтилъ тутъ доктора, который безпокоился о его болѣзни не потому чтобъ она была опасна; но герцогъ очень старъ, прибавилъ онъ; это начало развязки! Мы вошли вмѣстѣ въ комнату герцогини; она была одна съ маіоромъ, кресла ихъ стояли въ двадцати шагахъ одно отъ другаго: маіоръ читалъ журналъ... Низида зѣвала. Я толкнулъ доктора, показывая ему на эту картину.

— Я не говорилъ вамъ, чтобъ это еще продолжалось, отвѣчалъ онъ мнѣ тихимъ голосомъ: болѣзнь имѣла свое время, свой обыкновенный періодъ; во-

Digitized by Google

спалительная лихорадка обыкновенно оканчивается продолжительнымъ изнуреніемъ.

Маіоръ всталъ, взялъ доктора подъ руку и вышелъ изъ комнаты длятого, вѣрно, чтобъ поговорить о больномъ: я остался одинъ съ Низидой.

— Я все знаю, сказалъ я, стараясь утишить мое волненіе: ваша тайна мнѣ извѣстна.

— О! воскликнула она: я погибла!... потомъ, умоляющимъ голосомъ прибавила: ради Бога, молчите, молчите... ни одного слова! и будучи не въ состояніи вынести моего взгляда, она закрыла лицо руками и начала горько плакать.

Весь мой гнѣвъ изчезъ передъ этимъ отчаяніемъ. — Да, я буду молчать, сказалъ я, клянусь вамъ; буду говорить объ этомъ только съ вами!... и тогда я разсказалъ ей все, что я зналъ, что слышалъ. Но, повѣрите ли? по мѣрѣ того, какъ я говорилъ, она тихонько подымала голову, которую закрывала руками, и сквозь розовую рѣшетку своихъ пальчиковъ смотрѣла на меня... слезы ея остановились; спокойствіе просіяло на ея лицѣ и улыбка на устахъ. Да, милый сосѣдъ, между-тѣмъ какъ я упрекалъ ее за ея любовь къ Маіору, между-тѣмъ даже, какъ говорилъ ей о ея сынѣ, о сынѣ этаго Ирландца, она начинала дышать свободнѣе; какое-то самодовольствіе отражалось во всѣхъ чертахъ ея.

— Какъ, только-то! сказала она съ видомъ не понятной наивности.

О! признаюсь, при этомъ словѣ я не могъ удержать моего гнѣва; я пустился въ упреки, и въ моей ярости, въ моемъ отчаяніи, въ любви моей, вышелъ разумѣется, изъ всѣхъ границъ. Она смотрѣла на

Digitized by Google

меня съ какимъ-то состраданіемъ, и наконецъ сказала только:

— Ахъ, Жоржъ! будетъ время, когда вы горько будете раскаиваться во всемъ, что теперь говорите.

— Такъ вы его больше не любите? воскликнулъ я.

— Нѣтъ! отвѣчала она, и въ этомъ словѣ заключалось столько выразительности, столько нѣжности, что я не могу пересказать вамъ. Тогда, тронутый и растроганный, я въ свою очередь началъ плакать! я припалъ къ ея колѣнамъ. И я, Низида, за мою страстную, за мою постоянную любовь, сказалъ я, я не получилъ отъ васъ ничего... ничего...

Она грустно улыбнулась и положивъ руку на мое пылающее лицо, пролепетала: Безумецъ!

— Да, воскликнулъ я: безумецъ, у котораго вы отняли покой и счастіе; безумецъ, который бы отдалъ жизнь свою и кровь за одинъ поцѣлуй вашъ... И видя, что она старается вырваться изъ моихъ объятій: Боже мой! воскликнулъ я съ ревностью, съ отчаяніемъ: неужели есть на свѣтѣ счастливецъ, который обладалъ этимъ сокровищемъ, упивался ея любовью!

При этомъ словѣ, улыбка блеснула на устахъ ея... насмѣшливая улыбка... Да, насмѣшливая, ироническая улыбка: я не могу ее передать вамъ, но она обдала меня холодомъ. И съ этой минуты, постоянно равнодушная, постоянно строгая, она не удостоиваетъ меня ни ласковымъ словомъ, ни взглядомъ, и между-тѣмъ, такъ предана, такъ добра... такъ нѣжна, что.. Да, милый сосѣдъ, я не навижу эту женщину, презираю ее... ну, теперь вы ее знаете: что вы мнѣ посовѣтуете?

Digitized by Google

— Я вамъ буду отвѣчать, какъ докторъ: хотите вылечиться?

— Да, на этотъ разъ хочу! хочу всѣми силами души!

— Ну такъ, надо забыть ее: женитесь!

— Это совѣтуетъ мнѣ и матушка; я познакомлюсь съ особой, которую мнѣ предлагаютъ; возвращусь въ Парижъ...

— Когда же?

— На будущей недѣлѣ.

— Это слишкомъ поздно, сказалъ я; вы поѣдите со мной сегодня же, или вы человѣкъ безсильный, безхарактерный!

И Жоржъ отправился со мной, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ жениться.

VII.

Мои совѣты и мои упреки имѣли на него нѣкоторое вліяніе; онъ остался въ Парижѣ, не ѣздилъ болѣе къ Герцогинѣ, которая жила въ своемъ замкѣ, и занялся, или, лучше сказать, предоставилъ матери заняться устройствомъ своего супружества. Это во всѣхъ отношеніяхъ была прекрасная партія; невѣста хорошей фамиліи, съ хорошимъ состояніемъ; молодая дѣвушка, премило воспитанная, не то, чтобы красавица, но если бъ она была и чудомъ красоты, Жоржъ въ эту минуту не влюбился бы въ нее: дѣло шло не о страсти... страсти у насъ было слишкомъ много... дѣло шло о супружествѣ по расчету, и въ этомъ отношеніи оно представляло возможныя выгоды. Главныя условія уже были сдѣланы, разныя мелочи улажены; но чѣмъ ближе приходила минута свадьбы,

Digitized by Google

тѣмъ болѣе Жоржъ, несмотря на веселость, которую старался вызвать на лицо свое, казался мнѣ печальнымъ и несчастливымъ. Я почти раскаявался, что далъ ему совѣтъ; но его мать была такъ рада, и такъ меня благодарила... »Я думала, что потеряю сына, говорила она мнѣ: я трепетала за его жизнь, или по-крайней-мѣрѣ, за его разсудокъ, потому что было время... онъ въ безумін и въ бреду, не узналъ меня, меня, своей матери, и говорилъ мнѣ только о *ней*. Вотъ какъ я узнала его тайну. Но теперь, главное ужъ сдѣлано... они дали другъ другу слово; онъ ни за что въ свѣтѣ не захочетъ его нарушить и тѣмъ обидить благородное семейство. Онъ спасенъ... онъ будетъ счастливъ.«

Эта мысль и, главное, увѣренность матери, разсѣяли мои опасенія на счетъ будущности Жоржа; материнское предчувствіе должно было имѣть больше основанія, нежели мои предположенія. Я оставилъ ихъ за приготовленіями къ свадьбѣ, которая назначалась въ концѣ мѣсяца, и возвратился въ деревню, обѣщавшись пріѣхать въ Парижъ ко времени.

Это время приближалось и я разсчитывалъ уже когда отправится, какъ вдругъ какая-то коляска вкатилась ко мнѣ на дворъ, и изъ нея выскочилъ Жоржъ, съ этимъ бѣшенымъ видомъ, который принималъ всегда, когда дѣло шло о герцогинѣ. Мое замѣчаніе оправдалось, оправдалось и на этотъ разъ.

— А ваша свадьба? спросилъ я.

— Лопнула!

— По вашей милости?

— Нѣтъ, не по моей.... Я обѣщалъ, и даже на смертной постелѣ сдержалъ бы слово, потому что это утоляло мое горе; я былъ счастливъ; что могъ

Digitized by Google

доказать ей, что забылъ и пересталъ любить... Я ужъ имѣлъ всѣ акты; мы составили съ нотаріусомъ проэктъ контракта, какъ моему будущему тестю вздумалось навести справки, сперва въ нашемъ округѣ, потомъ въ окрестностяхъ, гдѣ всѣ отзывались обо мнѣ съ лучшей стороны; онъ узнаётъ наконецъ, что я часто бываю у герцога, что я почти другъ ихъ дому, и въ своей мещанской спѣси, воображая, что не мѣшало бы и отъ нихъ кое-что провѣдать, отправился туда... Герцогъ былъ по-прежнему очень боленъ и потому, вѣроятно, припяла его Низида.

Не знаю, мой другъ, что она говорила ему обо мнѣ, о моемъ характерѣ, о моемъ поведеніи; много хорошаго, конечно, слѣдуя ея привычкѣ. Но она дала всему такой оборотъ, что мой покойный тесть перепугался всѣхъ этихъ похвалъ. Пріѣхавши въ Парижъ, онъ превѣжливо и преучтиво сказалъ намъ, что дочь его еще слишкомъ молода, чтобъ выйти замужъ,

— Можетъ-быть, это и правда.

— Она была еще моложе, когда, два мѣсяца тому назадъ, мнѣ обѣщали ея руку; по всему видно, что это слѣдствіе свиданія съ герцогиней. Ея поведеніе ужасно; это мой отъявленный врагъ; она питаетъ ко мнѣ ненависть, ищетъ случая вредить мнѣ, и между нами теперь открытая война, война на смерть! Тоже будетъ совсѣми свадьбами, которые я затѣю! не было никакой возможности; слѣдовало отказаться...

— Это несчастіе, кажется, не слишкомъ васъ огорчило; не окольный ли это путь, — возвратиться къ ней же!

— Нѣтъ, вскричалъ онъ съ живостью: это не удержитъ меня; я оставляю Парижъ, оставляю Францію.

— Боже мой! куда жъ это вы?

Digitized by Google

— Въ Африку, къ Константинѣ — единственному мѣсту, гдѣ теперь дерутся; я пріѣхалъ проститься съ вами. Вы видите, что я спокоенъ, твердъ, что мое намѣреніе непоколебимо; что время слабости миновалось...

— И вы не побываете у нея передъ отъѣздомъ?

— Нѣтъ! ни за что на свѣтѣ! отвѣчалъ онъ твердымъ голосомъ.

— Очень хорошо сдѣлаете.

— Да, очень хорошо, потому что иначе я никогда бъ не отправился. Потомъ, покраснѣвъ отъ этой мысли: Прощайте, сказалъ онъ; я или совсѣмъ не возвращусь къ вамъ, или возвращусь изцѣленнымъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того онъ былъ уже въ Марсели, и отправлялся въ Африку, гдѣ его полку назначено было соединиться съ маршаломъ Клозелемъ, и участвовалъ въ этой первой кампаніи, столь тягостной и гибельной. Онъ писалъ мнѣ:

»Мы не имѣли успѣху. Я только раненъ, между»тѣмъ, какъ надѣялся на большее; но несчастіе по»стоянно меня преслѣдуетъ: ни одно изъ желаній мо»ихъ не исполняется. Я не могу ни жить счастливо, »ни умереть геройской смертію; леченіе мое будетъ »продолжительно, но рана не опасна; скажите объ »этомъ моей матери, и всѣмъ, кто обо мнѣ спро»ситъ, если еще есть люди, которые обо мнѣ спраши»ваютъ...«

Въ переводѣ, это значило: »Побывайте у герцогини; и скажите мнѣ что-нибудь объ ней.« Это, конечно было несогласно съ разсудкомъ; но бѣдный молодой человѣкъ такъ несчастливъ и, въ добавокъ, онъ болепъ; я не имѣлъ силы послушаться разсудка, и чтобъ доставить Жоржу маленькое удовольствіе, ко-

Digitized by Google

тораго онъ отъ меня ожидалъ, я отправился въ замокъ, узнать о здоровьи моего вельможнаго сосѣда.

Герцогъ былъ очень плохъ; герцогиня не выходила изъ его комнаты; я былъ свидѣтелемъ трогательныхъ попеченій, какія она ему оказывала; докторъ шепнулъ мнѣ въ полъ-голоса: »Это продолжается цѣлые два мѣсяца... такъ молода, и такъ нѣжна, такъ внимательна! она проводитъ всѣ ночи съ этимъ старымъ, капризнымъ эгоистомъ, и ухаживаетъ за нимъ какъ за отцемъ. Правда, она могла бы быть ему внучкою..« Я, какъ и докторъ, не могъ довольно надивиться такой небесной добротѣ. Чѣмъ болѣе я смотрѣлъ на это спокойное, ясное лицо, выражавшее столько непорочности и добродѣтели, тѣмъ менѣе вѣрилъ разсказамъ Жоржа. Дверь отворилась; вошелъ маіоръ; я устремилъ на нихъ все свое вниманіе: герцогиня едва замѣтила присутствіе маіора, и даже не взглянувъ на него, продолжала читать больному старику какой-то журналъ: *Заграничныя извѣстія: Статья объ африканской арміи...* При этихъ словахъ, голосъ ея понизился, и по мѣрѣ того какъ она читала описаніе о приступѣ и отступленіи, руки ея дрожали, голосъ становился отрывистымъ, невнятнымъ, и торопливымъ, какъ-будто она хотѣла какъ-можно скорѣе добраться до конца бюллетеня... Мужъ принужденъ былъ сказать ей нѣсколько разъ: »Тише, тише!« и даже маіоръ Голланде, открытый врагъ всякой живости, флегматически замѣтилъ, что невозможно успѣвать за ея чтеніемъ.

— Начните снова, сказалъ ей герцогъ.

Замѣтно было, что это ей стоило большаго усилій, но однако же, она, бросивъ взглядъ къ небу, какъ-бы испрашивая у него твердости, хотѣла снова

Digitized by Google

начать безконечное чтеніе; я сжалился надъ нею, и чтобъ сократить ея муки, объявилъ, что имѣю вѣрное и непосредственное извѣстіе изъ арміи, письмо Жоржа. Всѣ присутствовавшіе и самъ больной выразили любопытство; одна только Низида осталась неподвижною; она бросила на меня взглядъ, полный признательности, взглядъ, въ которомъ отражалась такая живая, такая чистая нѣжность... такъ должны смотрѣть ангелы... И съ этой минуты, я совершенно перемѣнилъ объ ней мысли... Я не бралъ на себя труда ни понимать, ни объяснять; но чувствовалъ, и поклялся бы всемъ на свѣтѣ, что она невинна.

Едва я кончилъ чтеніе, лицо ея приняло обыкновенную ясность. Она просила меня передать нѣсколько обязательныхъ словъ Жоржу; потомъ, обратясь къ мужу, не покидала его болѣе, и занялась только имъ однимъ, какъ-будто попеченіемъ своимъ хотѣла искупить нѣсколько минутъ, удѣленныхъ другой мысли.

Къ сожалѣнію, столь постоянныя и великодушныя попеченія оказались безполезными; докторъ не ошибся, и герцогъ, обреченный смерти, скоро оставилъ свой прекрасный замокъ, очаровательную вдову и огромное состояніе.

Герцогиня провела первые шесть мѣсяцовъ своего вдовства въ деревнѣ, одна съ своимъ сыномъ; она не хотѣла никого видѣть, никого не принимала, даже своего кузена маіора, обстоятельство, которое я не пропустилъ безъ вниманія.

Но, надобно сказать правду, что прежде истеченія года, замокъ снова былъ открытъ для общества; гости пріѣзжали вслѣдъ за гостями. Маіоръ не жилъ тамъ, но бывалъ очень часто, какъ и многіе другіе парижскіе модники, изъ числа тѣхъ, которые нерав-

Digitized by Google

нодушны къ хорошенькимъ вдовамъ и огромнымъ состояніямъ.

Де-ла-фертскій почтмейстеръ утверждалъ съ чувствомъ провинціальной гордости, что онъ съ роду не видалъ столько экипажей, какъ въ этотъ годъ. Однако непріятная новость уменьшила рвеніе искателей; разнеслись слухи, будто маіоръ Голланде, самый близкій родственникъ покойнаго, попалъ въ число женіховъ и громко объявилъ претензію на руку кузины.

Скоро заговорили, что его искательство не отвергнуто. Начались заклады; кто бился о томъ, что маіоръ женится, кто о томъ, что не женится, точно будто на скачкахъ въ Шантильи.

Что касается до меня, признаюсь, я трусилъ и не рѣшился бы теперь держать пари ни за кого на свѣтѣ.

Годъ траура уже съ мѣсяцъ какъ кончился, и вѣрные люди, между прочими нашъ меръ, который говорилъ, что слышалъ объ этомъ отъ одного изъ своихъ товарищей, возвѣстили, что въ слѣдующее воскресенье, въ первый разъ будетъ объявлено въ церкви о новой свадьбѣ герцогини.

Я раздумывалъ обо всемъ этомъ, сидя у камина, какъ вдругъ дверь растворилась, и какой-то офицеръ бросился мнѣ на шею; то былъ мой пріятель Жоржъ; выпустивъ меня изъ объятій, онъ воскликнулъ: На этотъ разъ Константина наша! къ счастію, кампаніи не походятъ одна на другую, и успѣхи этого года словно выкупили неудачи минувшаго. Наша артиллерія дѣлала чудеса, артиллерійскій генералъ командовалъ арміей и, говорятъ, произведенъ въ маршалы.

— Тѣмъ лучше; вѣроятно и его подчиненные будутъ тоже награждены.

Digitized by Google

— Безъ сомнѣнія; но вы знаете, что я не честолюбивъ; всѣ мои желанія заключались въ томъ, чтобы увидѣть скорѣе Францію и моихъ дорогихъ друзей.

— Нѣкоторыхъ, сказалъ я, вы не увидите... герцогъ умеръ.

— Знаю, отвѣчалъ онъ съ озабоченнымъ видомъ... и замолчалъ.

Я понималъ, чего онъ ждетъ отъ меня; онъ не хотѣлъ самъ начать говорить о герцогинѣ, и надѣялся, что я, первый, какъ-нибудь сведу на нее рѣчь. Но я не чувствовалъ къ этому никакого расположенія, потому что не хотѣлъ сообщить ему дурныхъ вѣстей: онъ и безъ меня скоро былъ долженъ узнать ихъ.

Я снова завелъ рѣчь о Константинѣ, и, видя, что онъ отвѣчаетъ да, да нѣтъ, присталъ къ нему не на шутку. На этотъ разъ онъ принялъ меня какъ бедуина, какъ араба, какъ не принялъ бы самаго Ахметъ-Бея.

— Чортъ возьми, сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ: еще будетъ время наговориться о сраженіяхъ! нѣтъ ли у васъ чего новаго въ здѣшнемъ краю?..

Нечего дѣлать, нужно было разсказать ему о предложеніи ирландскаго маіора.

— Это и должно было случиться, отвѣчалъ онъ холодно: я ожидалъ этого. Нѣтъ ничего страннаго, что она выходитъ за-мужъ за отца своего сына... это въ порядкѣ вещей, и... она приняла его предложеніе?

— Говорятъ, приняла.

— А когда свадьба?

— Говорятъ, очень скоро.

Онъ покраснѣлъ и, по обыкновенію, разразился въ упрекахъ герцогинѣ, потому что вся жизнь его про-

Digitized by Google

ходила только въ томъ, что онъ безпрерывно на нее сердился, онъ, который ко всѣмъ другимъ былъ такъ ласковъ, такъ снисходителенъ.

— Но, замѣтилъ я, вы же сами сію минуту одобряли этотъ союзъ, находили его въ порядкѣ вещей.

— Не говорю нѣтъ, но могу ли я находить приличнымъ столь поспѣшный союзъ! Едва прошелъ годъ, едва она овдовѣла, и, на перекоръ всѣмъ приличіямъ, опять торопится выйти за-мужъ. Между-тѣмъ, какъ передъ моимъ отъѣздомъ клялась мнѣ, что его не любитъ... Но я сумазбродъ: можно ли было вѣрить тому, что она говорила? Эта женщина всю жизнь свою только обманывала меня, издѣвалась надо мной...

И онъ большими шагами ходилъ по комнатѣ, и, конечно, Низида не отдѣлалась бы этой первой выходкой, если бъ не вошелъ къ намъ меръ, который явился съ торжествующимъ видомъ.

Я догадался, что у него есть что-нибудь новенькое. Въ провинціи это много значитъ. Новость, которую вы узнали первый, дѣлаетъ васъ лицомъ важнымъ по-крайней-мѣрѣ на цѣлыя сутки.

VIII.

— Новость, вскричалъ меръ: удивительная, неожиданная новость! герцогиня не выходитъ за-мужъ! маіору отказано... рѣшительно отказано. Онъ велѣлъ приготовить лошадей для отъѣзда въ Парижъ; новость самая вѣрная!

— Откуда вы ее взяли?

— Отъ почтмейстера.

Тутъ ужъ сомнѣваться было невозможно; я чувствовалъ живѣйшую радость. Что касается до Жор-

Digitized by Google

жа, то онъ былъ слишкомъ раздраженъ, чтобы вдругъ обрадоваться. Онъ проворчалъ сквозь зубы:

— Кто знаетъ, правда ли это? Она и сама, я думаю, не совсѣмъ знаетъ, чего хочетъ. Въ ней столько странностей, столько капризовъ.... И почему отказать кузену?.. чтобъ выдти за другаго, который будетъ не лучше.

— Можетъ-быть и то, сказалъ я, глядя на него, можетъ-быть и то, что думаетъ оставаться свободною.

— Да, ваша правда, — вскричалъ онъ, съ радостію пользуясь случаемъ вновь посердиться. . . . ваша правда, чтобъ остаться свободною и кокетничать съ кѣмъ угодно, чтобъ держать на привязи двадцать соперниковъ, чтобъ приводить въ отчаяніе всѣхъ и не удостоить своимъ выборомъ ни котораго.

— Вы ужъ слишкомъ строги къ ней.

— Я справедливъ.... судя потому, какъ она поступала со мной.... послѣ всѣхъ ея оскорбленій...

— Гораздо было бы великодушнѣе забыть объ нихъ, особенно теперь, когда она несчастлива.

— Несчастлива! воскликнулъ онъ съ чувствомъ; вы думаете, что она несчастлива!!... и весь его гнѣвъ исчезъ въ ту же минуту.

— Она имѣетъ нужду въ присутствіи и въ утѣшеніи друзей; не навѣстите ли вы ее?

— Это къ чему! Окруженная поклонниками, будетъ ли она имѣть время меня принять?

— Что жъ такое! Вы оставите свою карточку... вы по-крайней-мѣрѣ исполните необходимый долгъ; побываете съ визитомъ, какъ старый пріятель покойнаго ея мужа...

— Вы думаете?

Digitized by Google

— Это необходимо.... сдѣлайте хоть и противъ воли.

— Ну, быть такъ! если вы этого требуете, я завтра отправлюсь.

Потомъ онъ остановился и прибавилъ: — Нѣтъ, не могу.

— Поѣзжайте сегодня вечеромъ.

— Что-то нехороша погода; это не совсѣмъ пріятно... но что жъ дѣлать.

И онъ, казалось, неохотно взялъ шляпу и вышелъ; я увѣренъ, что внутренно онъ былъ въ восторгѣ.

Что происходило въ это свиданіе, я узналъ послѣ; онъ мнѣ повторялъ о томъ столько разъ, что я не могъ забыть ни одного слова!

Жоржъ съ неизъяснимымъ волненіемъ увидѣлъ замокъ, заключавшій въ себѣ его возлюбленную, его всѣ муки и всѣ надежды! Она была свободна, это правда; но легче ли ему отъ этого? И какой сдѣлаютъ ему пріемъ?... «Никогда — говорилъ онъ себѣ — не признавалась она, что любитъ меня...» припоминая все, что происходило между нимъ и герцогинею, онъ долженъ былъ согласиться, что, вѣрная своему долгу, она обращалась съ нимъ какъ нѣжный и преданный другъ; что, непреклонная и твердая, она никогда не оказывала ему ни малѣйшей благосклонности, не подавала ни малѣйшей надежды, и если не питала къ нему никакого другаго чувства, кромѣ дружбы, то отчего же ей вдругъ перемѣниться теперь!..

Онъ въѣхалъ на дворъ замка; сердце его забилось, когда онъ спросилъ, дома ли герцогиня, и еще сильнѣе, когда ему отвѣчали, что она въ залѣ.

Одна!.. подумалъ онъ, и въ эту минуту ему бы не хотѣлось быть съ ней наединѣ. Но дѣло было

Digitized by Google

сдѣлано; онъ медленно взошелъ по мраморнымъ ступенямъ, прошелъ черезъ переднюю, гдѣ находилось нѣсколько лакеевъ еще въ траурной ливреѣ. Одинъ изъ нихъ отворилъ огромныя двери залы: герцогини тутъ не было. Жоржъ почувствовалъ невольный трепетъ. Она сидѣла въ маленькомъ будуарѣ, и когда ей доложили о Жоржѣ, привстала и знакомъ пригласила его сѣсть.

На лицѣ ея не изображалось ни удивленія, ни волненія... Слуга удалился.

Этотъ церемоніальный пріемъ уничтожилъ Жоржа; холодность герцогини невольно сдѣлала холоднымъ и его; пропустивъ сквозь зубы нѣсколько обыкновенныхъ фразъ, онъ спросилъ наконецъ о ея здоровьи.

— Благодарствуйте; я чувствую себя какъ нельзя лучше, отвѣчала Низида.

Разговоръ остановился на этомъ, и Жоржъ, чтобъ какъ-нибудь завязать его снова, сказалъ:

— Вы однѣ въ этомъ обширномъ замкѣ?

— Я жду гостей, пріятелей; они должны пріѣхать сегодня вечеромъ и провести со мной нѣсколько дней.

Жоржъ не смѣлъ спросить, кого ожидали; но повторилъ. .. А! вы ожидаете пріятелей....

— Да.

Разговоръ опять остановился. На этотъ разъ герцогиня прервала молчаніе.

— Вы изъ Константины, мосьё Жоржъ? спросила она.

— Точно такъ-съ.

— Говорятъ, тамъ чудо что было.

И Жоржъ, смущенный, думалъ про себя, не начать ли ему, для поддержанія разговора, описаніе

Digitized by Google

осады; но вдругъ нѣсколько экипажей въѣхало на дворъ. Жоржъ мысленно поблагодарилъ судьбу, положившую конецъ этому тягостному свиданію.

Двери залы живо растворились, раздались шаги... кто-то бросился въ будоаръ: то была Юлія. При видѣ Жоржа и герцогини наединѣ, въ будоарѣ и въ сумеркахъ, она вскрикнула, засмѣялась и обняла Жоржа:

— Наконецъ вы все знаете! незнакомка открылась!... сказала она.

Жоржъ, изумленный, растерянный, вскрикнулъ отъ удивленія, или, скорѣе, отъ ужаса, при видѣ герцогини, упавшей безъ чувствъ на диванъ.

— Какъ! вы не знали? спросила Юлія въ отчаяніи... Несчастная, что я сдѣлала!... Мой братъ и мужъ вошли въ залу, выйдите къ нимъ. Я останусь съ нею.

И Жоржъ, не понимая что дѣлаетъ, бросился въ залу и началъ цѣловаться съ графомъ де-Варвиль и Константиномъ, возвратившимися изъ посольства. Константинъ, не теряя времени, началъ разсказъ о своихъ дипломатическихъ успѣхахъ, разсказъ, изъ котораго Жоржъ не понялъ ни одного слова, какъ вдругъ вошла Юлія.

— Не пугайтесь, сказала она: герцогиня чувствуетъ себя нѣсколько лучше; черезъ полчаса это пройдетъ; между-тѣмъ она поручила мнѣ, какъ самой близкой пріятельницѣ, принять васъ и распоряжаться вмѣсто ея. Въ десять часовъ назначенъ ужинъ; до тѣхъ поръ каждый можетъ располагать своимъ временемъ.

— Браво! сказалъ Константинъ. Я одѣтъ нескромникомъ франтовски, да и Г-нъ посланникъ не лучше;

Digitized by Google

дѣло идетъ о чести быть представленнымъ молодой и прекрасной вдовушкѣ; надобно явиться во всемъ блескѣ.

Они вышли изъ залы, и во-время: Жоржъ былъ въ ужасномъ положеніи.... онъ задыхался. Но благодаря Бога, онъ былъ свободенъ! оставшись наединѣ съ графинею, онъ, въ неизъяснимомъ смятеніи, упалъ къ ея ногамъ.

— Что вы дѣлаете? смѣясь сказала Юлія; Жоржъ, мой милый другъ, вы ошибаетесь! Вамъ нечего требовать, нечего ожидать отъ меня.... какъ только разсказа, которымъ я вамъ давно обязана; я готова это выполнить, только встаньте, сядьте подлѣ меня, успокойтесь, и, главное, не дрожите такимъ образомъ, не смотрите каждую минуту на дверь этого будоара; когда я говорю, то хочу, чтобъ меня слушали; къ тому же Низиды нѣтъ въ этомъ будоарѣ; она удалилась въ свои комнаты.

Жоржъ обѣщалъ быть внимательнымъ и молчаливымъ, и графиня, безъ всякаго предисловія, начала:

— Низида — моя короткая пріятельница; мы воспитывались вмѣстѣ; будучи старше ея, я прежде вышла за-мужъ; черезъ нѣсколько времени послѣ того и она, по принужденію родныхъ, приняла руку стараго герцога де***, который былъ родомъ изъ Ирландіи, перъ Англіи, перъ Франціи, другъ и фаворитъ короля Карла X. Въ этой партіи заключалось все, что вамъ угодно, кромѣ одного мужа. У этого пера былъ кузенъ, единственный его родственникъ и наслѣдникъ — маіоръ Голлиде. Онъ былъ въ отчаяніи, что у него почти изъ рукъ вырываютъ такое прекрасное наслѣдство, какъ наслѣдство, которое бы должно достаться ему послѣ герцога. Но его

Digitized by Google

утѣшала мысль, что знаменитому родственнику семьдесятъ лѣтъ, и потому ему, маіору, нечего бояться прямаго наслѣдника, развѣ ужъ судьбѣ угодно будетъ примѣрно наказать его; и чтобъ предупредить всякое несчастіе, онъ не оставлялъ ни па минуту своей молоденькой кузины, и присматривалъ за нею съ такимъ усердіемъ и нѣжностью, что можно бы было принять его поведеніе за любовь или ревность, между-тѣмъ какъ тутъ дѣйствовало одно корыстолюбіе. Въ театрахъ, на балахъ, на вечерахъ, одинъ видъ обожателя или просто любезнаго модника, приводилъ его въ отчаяніе; онъ употреблялъ всѣ средства, чтобъ удалить отъ герцогини всѣхъ воздыхателей. Такимъ образомъ, герцогъ, ни мало не воображая, имѣлъ къ своимъ услугамъ чудеснаго чичисбея и неизмѣнную дуэну, которые ему ровно ничего не стоили.

Но бѣдный маіоръ хлопоталъ по пустому. Будучи воспитана въ духѣ лучшихъ правилъ и религіозности, Низида очень хорошо чувствовала и свои обязанности и собственное достоинство. Мало-по-малу, несчастный, недовѣрчивый кузенъ успокоился на счетъ своего наслѣдства, которое по всѣмъ вѣроятіямъ не могло отъ него ускользнуть, какъ вдругъ по сенъ-жерменскому предмѣстью разнеслась неслыханная, непонятная, удивительная новость, что у герцога де***, на второмъ году его супружества, именно въ 1831 году, родился наслѣдникъ. Старый перъ чуть было не умеръ отъ радости, а маіоръ слегъ; онъ былъ серіозно боленъ, и чуть-чуть не отправился вслѣдъ за покойнымъ своимъ наслѣдствомъ!

Вотъ каковы были слѣдствія этого страннаго событія.... Что жъ касается до настоящей его причины, никто, кромѣ меня, не имѣлъ о томъ ни малѣйшаго

Digitized by Google

понятія.... да, кромѣ меня, и еще можетъ-быть одного человѣка, который, впрочемъ, и самъ зналъ не больше другихъ.

И графиня лукаво посмотрѣла на Жоржа, который удвоилъ вниманіе.

Она продолжала.

— Помните ли, Жоржъ, іюль мѣсяцъ 1830 года, когда у меня, въ моемъ д'Орсейскомъ замкѣ, бывало такое множество гостей? вы гостили тогда у насъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ дамъ. Я приглашала къ себѣ и Низиду, но она никакъ не могла пріѣхать. Она, вмѣстѣ съ дворомъ, жила тогда въ Сенъ-Клу, гдѣ готовились важныя событія; мужъ ея, одинъ изъ совѣтниковъ и самыхъ близкихъ людей короля, не могъ оставить его въ подобныхъ обстоятельствахъ... Между-тѣмъ мы, не сколько ни помышляя о бурѣ, которая начинала разыгрываться, преспокойно танцовали и занимались музыкой, какъ вдругъ пришли мнѣ сказать на ухо, что кто-то желаетъ со мной видѣться; я вышла, и въ пріемной встрѣтила Низиду; она пришла ко мнѣ пѣшкомъ, въ какомъ-то крестьянскомъ платьѣ; я невольно вскрикнула. «Тише!» шепнула она; и не теряя времени, разсказала мнѣ, какъ въ три дни пала монархія Карла X.

Герцогъ совершенно потерялся; но на его мѣстѣ и не такія бы головы потерялись. Онъ воображалъ, что ужасы первой революціи снова возобновятся, что голова его будетъ оцѣнена и имѣніе конфисковано; что за нимъ, какъ за любимцемъ короля, погонится цѣлое войско... и сталъ думать только о томъ, какъ бы скорѣе добраться до границы. Но кому довѣриться, и какъ устроить, чтобъ не быть открытымъ?...

Молодая жена его одна только сохранила присут-

Digitized by Google

ствіе духа; она зашила въ свою одежду всѣ дорогіе каменья и банковые билеты; и не спрашивая ни у кого совѣта, нарядила мужа конюхомъ, а себя крестьянкой, и такимъ образомъ геройски отправилась изъ Сенъ-Клу, въ какой-то деревенской повозкѣ, и добралась до окрестностей Версаля; здѣсь она оставила мужа у моей кормилицы, прекрасной женщины, которую знала; а сама, проселочными дорогами, пришла пѣшкомъ ко мнѣ въ замокъ съ просьбою спасти ея мужа и выпроводить его какъ-нибудь изъ Франціи. Судя по ея словамъ, нельзя было терять ни одной минуты, и, главное, должно было не подать никому подозрѣнія, что я дала пристанище бѣглецамъ: это было довольно трудно при моемъ маломъ обществѣ и огромной прислугѣ. Я начала съ того, что удалила мою горничную, Розу, изъ комнаты, которая была рядомъ съ моей спальной, затѣмъ чтобъ она не могла насъ подслушать. Я отправила Розу въ Парижъ, и кабріолетъ, въ которомъ она поѣхала, долженъ былъ довести герцога до Орсе. Въ 11 часовъ онъ пріѣхалъ, и мы всѣ умѣстились въ моей спальнѣ, разсуждая, что̀ предпринять, и никакъ не думая, что происшествія такъ скоро и такъ совершенно измѣнятъ весь ходъ дѣлъ; и точно, на другой же день, видя, что порядокъ водворился, герцогъ и жена его возвратились въ Парижъ и не имѣли ни малѣйшей непріятности.

Но наканунѣ все еще было въ неизвѣсности, и, страшась бѣдственныхъ событій, мы съ мужемъ приготовили для нашихъ друзей костюмы и устроили все къ ихъ побѣгу за границу. Было уже около полуночи; утомленная безпокойствомъ этого дня и усталостью, бѣдная Низида поминутно засыпала... я от-

Digitized by Google

вела ее въ спальню Розы, которую нарочно приготовила для ея и ея мужа, и между-тѣмъ какъ въ сосѣдней комнатѣ герцогъ совѣтывался съ нами объ отъѣздѣ своемъ на слѣдующее утро, она въ ту же минуту заснула, и...

Графиня остановалась, посмотрѣла на Жоржа, который всё еще слушалъ, и прибавила съ нетерпѣніемъ:

— Что̀ касается до окончанія моей исторіи, мосьё Жоржъ, то это вамъ извѣстно лучше чѣмъ мнѣ. Но Жоржъ не отвѣчалъ; онъ замѣтилъ, что дверь будоара полурастворилась; всѣ его мысли, вся душа перенеслась туда...

Наконецъ Низида вошла въ залу; потупивъ глаза, она вела за руку мальчика съ каштановыми кудрями.

Жоржъ бросился къ ногамъ герцогини, схватилъ ея руку, которую облилъ слезами, и говорилъ только: »виноватъ, виноватъ!...«

Низида, не отвѣчая ни слова, взяла на руки сына и бросила его въ объятія счастливца.

О, какъ Жоржъ прижалъ его къ своему сердцу, какъ осыпалъ поцѣлуями! Какимъ красавцемъ онъ ему показался!

Спустя нѣсколько дней мой пріятель Жоржъ имѣлъ огромное состояніе, прекрасный замокъ и очаровательную жену.

Digitized by Google

III.

РУПЕРТЪ ЛИНДСЕЙ.

—

Есть въ насъ чувство, которое съ нами родится, не разлучается во всю жизнь, вмѣшивается и въ мимолетныя связи и въ постоянныя привязанности; господствуетъ и въ дружбѣ и въ любви; и это чувство — потребность быть любимымъ. Корень этой потребности, — самолюбіе; въ немъ ея начало, пища и сила; и случается, что это чувство растетъ даже до несправедливыхъ требованій.

Мы хотимъ, чтобъ насъ любили какъ-можно больше, любили пламенно, безкорыстно, съ идеальнымъ самоотверженіемъ. Видимъ ли расположеніе къ себѣ, — о! этого намъ мало, — мы стоимъ большаго, — и жалобамъ нѣтъ конца. Такъ время мечтаній проходитъ, и мечты не осуществляются, потому что мы требуемъ больше чѣмъ наша бѣдная природа можетъ дать; и счастіе, которое могли бы найти въ чистыхъ привязанностяхъ, погибаетъ въ томъ горькомъ опытѣ,

Digitized by Google

что необъятная любовь, которой ищемъ, не существуетъ на нашей маленькой планетѣ.

Взаимно неправые, мы упрекаемъ въ этомъ недостаткѣ тѣхъ, которыхъ любимъ, ни мало не сознаваясь, что и мы сами точно таковы же. Мы хотимъ, чтобы насъ любили больше чежели сами можемъ любить; и по этой непреодолимой потребности, ни чѣмъ ненасытимой, начин ая любовью, сводимъ на неблагодарность. По-крайней-мѣрѣ такъ случается, если не всегда, то почти всегда; и чувство, которое бы должно упрочивать наше счастіе, сплошь становится для насъ ужаснымъ мученіемъ.

Человѣкъ, котораго печальную исторію намѣренъ я разсказать, довелъ эту потребность — потребность быть любимымъ страстно, пламенно, до неукротимаго, изступленнаго чувства, до судорожной и упорной горячки, которая вовлекла его во всѣ безпорядки и ввергла въ бездну пороковъ; исказила его душу, прекрасную отъ природы; смяла его въ грязь, разстроила здоровье, развратила сердце и вырыла кровавую могилу на половинѣ пути его бѣдственной жизни.

Руперть Линдсей — сирота знатной и богатой фамиліи, не красавецъ, но человѣкъ очень умный, былъ одаренъ и разборчивымъ вкусомъ, и любезностью, и большою ловкостью въ обращеніи, а это съ избыткомъ выкупало въ немъ недостатки красоты. Еще въ томъ возрастѣ, когда молодые люди отличаются только мотовствомъ, лошадьми и карточною игрой, Рупертъ уже считался основательнымъ, хорошимъ человѣкомъ, и сталъ предметомъ общей зависти; всѣ обращали на него вниманіе,—одинъ только онъ былъ недоволенъ собою. Бѣднякъ! не находилъ себѣ счастья и покоя.

Ему мало того, что онъ успѣваетъ въ обществѣ, что ему все улыбается; мало: его мучитъ непреодоли-

Digitized by Google

мая жажда любви; его огнённое сердце кипитъ желаніями.

Напрасно день ото дня извѣстность его въ свѣтѣ становится больше и больше; напрасно занимаетъ онъ одну изъ первыхъ ступеней въ обществѣ; Рупертъ всё-таки несчастливъ. Переходя отъ одной страсти къ другой, онъ горько жалуется, что не можетъ найти любви. Онъ хочетъ, чтобъ его любили для него; а вотъ, одна его любитъ за то, что онъ человѣкъ въ топѣ, другая, потому что онъ пріобрѣлъ журнальную извѣстность: третья, за чинъ, за богатство, а иныя, для того чтобы любовью къ нему возбудить ревность въ другихъ. Отъ этихъ убійственныхъ открытій ему все опротивѣло, все надоѣло; онъ сердится на женщинъ и начинаетъ вѣровать въ одно себялюбіе; жизнь не представляетъ ему ничего достойнаго привязанности, и вотъ ужъ онъ считаетъ себя несчастливѣйшимъ изъ людей.

Печальный опытъ Руперта надъ сердцемъ человѣческимъ сдѣлалъ-было его мизантропомъ; но мало-по-малу онъ превозмогъ эту болѣзнь; привелъ свои страсти въ систему и ожесточился противъ бѣдствій, неизбѣжимыхъ для того, кто живетъ въ обществѣ. Ненависть къ людскимъ порокамъ замѣнилась презрѣніемъ къ слабостямъ человѣчества; онъ постигъ слабости въ другихъ, понялъ искусство ими пользоваться, и скоро, въ возмѣздіе за то что его обманывали, сталъ обманывать въ свою очередь.

Впрочемъ, въ немъ еще не совсѣмъ исчезли остатки природныхъ добрыхъ качествъ. Несмотря на испорченность правилъ, онъ тотчасъ могъ распознать искреннюю любовь; въ этомъ человѣкѣ, равнодушномъ ко всему, въ этомъ эгоистѣ, котораго высохшее сердце потеряло чувствительность, иногда проглядывали еще чистыя, невинныя ощущенія; особливо когда система

Digitized by Google

поведенія, составленная имъ съ холоднымъ расчетомъ, выходила изъ памяти. Такъ дожилъ онъ до тридцати лѣтъ, и ему, какъ большей части людей съ дарованіями, надоѣли всѣ пустыя удовольствія свѣта. Онъ сталъ удаляться отъ нихъ, жить уединеннѣе, покинулъ шумныя общества, и все честолюбіе его ограничилось желаніемъ нравиться женщинамъ. Наконецъ пришло и его время испытать власть истинной и глубокой любви, передъ которой разсыпались всѣ его прежнія мелкія привязанности.

Въ деревенькѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Лондона, жило семейство анабаптиста Варнера. Отецъ, по набожности прозванный Абеназаромъ Еѳраимомъ, былъ купецъ и по ханжеству слылъ между единовѣрцами за праведника. Напротивъ, сынъ его, Джемсъ, страшный игрокъ, обладалъ всѣми достоинствами негодяя: въ немъ не было ни чести, ни совѣсти. Марія, дочь Варнера, молодая дѣвушка, чистая и невинная, нисколько не походила на своего брата. Добрая и прекрасная собою, она была больше скромна чѣмъ рѣзва; стѣсненная нѣкоторымъ образомъ суровыми обязанностями анабаптистовъ, которыя, по-крайней-мѣрѣ по наружности, строго наблюдались въ ея семействѣ, она не знала другихъ удовольствій, кромѣ удовольствія благодѣянія, и даже не имѣла понятія о томъ, что можно быть злымъ.

Въ той же деревнѣ жила молодая Ирландка, жена офицера, который, по должности своей, всегда находился въ отлучкѣ, и съ которою Руперть былъ въ одной изъ тѣхъ, такъ называемыхъ, тѣсныхъ связей, которыя однако же не оставляютъ по себѣ ни сожалѣній, ни воспоминаній. Разъ, въ одно изъ частыхъ своихъ посѣщеній къ этой женщинѣ, Руперть встрѣтилъ у ней дѣвицу Варнеръ.

Увидѣть Марію и полюбить ее, было для Руперта

Digitized by Google

одно и то же. Судьба улыбнулась его надеждамъ. Однажды, войдя въ хижину бѣднаго крестьянина, которому Рупертъ постоянно помогалъ, навѣщая его отъ скуки, онъ засталъ тамъ дѣвицу Варнеръ, которую привело въ хижину бѣдняка человѣколюбіе. Случай говорить съ нею, былъ удобный, и Линдсей воспользовался имъ, чтобы увлечь молодую дѣвушку, которой простосердечіе, казалось, обѣщало ему легкую побѣду. Къ несчастію, въ семьѣ Маріи некому было помочь ей, некому посовѣтовать, позаботиться о поступкахъ ея неопытности, предостеречь отъ обольщеній. Отецъ, то занятый торговлею, то погруженный въ фантастическія свои видѣнія, не умѣлъ привязать ее къ себѣ; безпутный братъ не стоилъ ея довѣренности; мать умерла. Передъ кѣмъ же ей было открыть свое сердце, мысли, и у кого попросить добраго совѣта?... Бѣдная сирота, предоставленная собственнымъ, неопытнымъ, силамъ, выросшая въ одиночествѣ и простотѣ нравовъ, могла ли не запутаться въ сѣтяхъ, прикрытыхъ цвѣтами?..

Душа Маріи давно носила втайнѣ потребность любви и она развилась тѣмъ внезапнѣе, тѣмъ быстрѣе, что сердце ея, съ самой юности, не видало ни чего, кромѣ холодности родныхъ. Послѣ этого мудрено ли, что Линдсей, опытный обольститель, съумѣлъ очаровать такую молодую и простодушную дѣвушку?.. Марія въ первый разъ еще узнала любовь, и сердце ея, слишкомъ невинное, непонимавшее зла, вполнѣ предалось ей. Марія привыкла быть съ Рупертомъ; она тосковала безъ него; его языкъ былъ такъ ей новъ, такъ восхищалъ ее, такою сладкою гармоніей нѣжилъ слухъ, что она не могла противиться этому вкрадчивому голосу, этимъ выраженіямъ, и увлекательнымъ и вмѣстѣ почтительнымъ. Притомъ она не знала искусства притворяться, которымъ такъ мастерски владѣютъ свѣтскія дѣвушки; она не умѣла надѣвать этой личины,

Digitized by Google

прикрывающей ихъ слабости, и свободно предалась естественному влеченію сердца, и безъ страха, безъ раскаянія, открыла Руперту свои чувства къ нему.

Вотъ, Линдсея любятъ, любятъ какъ онъ желалъ: онъ это знаетъ; эта увѣренность, разливая въ душѣ его блаженство, пробудила въ ней уснувшее, но еще не совсѣмъ утраченное, достоинство. Это соприкосновеніе съ невинностью, нѣкоторымъ образомъ очистило и его, воскресило въ его сердцѣ прежнія добродѣтели, и, должно сказать къ его чести, что теперь онъ вовсе не думалъ обольщать Марію, въ которой сначала видѣлъ было свою жертву: онъ полюбилъ ее отъ всей души.

»Ни за что въ свѣтѣ не обману тебя, Марія, го»ворилъ онъ самъ съ собой: ты счастлива и невин»на — оставайся же и невинной и счастливою! Ты, »единственное существо въ мірѣ, полюбившее меня »истинно, и не будешь моей жертвою!.. Нѣтъ, Марія, »ты ввѣрилась мнѣ, и я не употреблю во зло твою »довѣрчивость, не научу тебя преступленію и не вверг»ну въ погибель!.«

Вскорѣ дѣла, нетерпѣвшія отлагательства, отозвали Линдсея: ему должно было ѣхать. И съ какимъ наслажденьемъ онъ восхищался печалью невинной дѣвушки при разставаньи съ нимъ! съ какимъ упоеньемъ отиралъ слезы, которыхъ она и не старалась скрывать отъ него! Горесть Маріи была такъ искренна! Ея прощаніе такъ нѣжно! О, какъ онъ обнялъ ее и прижалъ къ трепещущей груди! Марія поцѣловала его, и онъ съ восторгомъ принялъ этотъ чистый поцѣлуй разлуки... Вмѣсто привязанностей порочныхъ встрѣться Линдсей на порогѣ своей жизни съ любовью этого милаго существа, и не то бы было въ судьбѣ его!

Каждый день, по отъѣздѣ Руперта, Марія ходила на почту освѣдомляться о письмахъ; и — счастливи-

Digitized by Google

ца! каждый разъ возвращалась съ драгоцѣннымъ письмомъ. Тогда она запиралась въ своей комнатѣ, пожирала строки Руперта, перечитывала ихъ двадцать разъ, и всё еще хотѣла перечитывать снова. Потомъ она съ нетерпѣніемъ ждала завтрешняго дня.

Какъ-то разъ прошелъ день, а почта не принесла ей вѣсточки отъ милаго; то былъ понедѣльникъ; этотъ день сталъ для нея днемъ скуки и одиночества, днемъ унынія и печали.

Такъ Мэрія, медленно, капля по каплѣ, пила отраву любви; она по цѣлымъ часамъ оставалась въ глубокомъ молчаніи; устремляла неподвижные глаза на драгоцѣнные ей письма, выучивала ихъ слово по слову, строку за строкой, или въ десятый разъ принималась перечитывать немногія книги, оставленныя Рупертомъ при отъѣздѣ, и ходила прогуливаться въ мѣстахъ, гдѣ, бывало, прогуливалась съ нимъ.

Между-тѣмъ Рупертъ жилъ въ одномъ изъ графствъ, гдѣ у него было помѣстье. Состояніе его поразстроилось. Онъ хватился за умъ, сдѣлался домосѣдомъ, самъ сталъ присматривать за своимъ имѣніемъ и за арендаторами, которые, разумѣется, были этимъ очень недовольны. Разъ, надсматривая лично за рубкою деревъ въ своей лѣсной дачѣ, Рупертъ дотого простудился, что принужденъ былъ слечь въ постель, и жизнь его цѣлыя три недѣли была въ большой опасности. Онъ призвалъ доктора, но не сталъ лечиться, и выздоровѣлъ.

— Принеси мнѣ всѣ письма, полученныя на мое имя во время болѣзни, сказалъ онъ слугѣ, лишь только былъ въ силахъ говорить.

Принесли кучу писемъ съ красными и черными, простыми и гербовыми печатями. Тутъ были письма отъ судей о дѣлахъ графства; объявленія о торгахъ; посланія отъ двоюродыхъ братцевъ, предоставлявшихъ

*

Digitized by Google

себя въ его расположеніе, и, наконецъ, письмо отъ жены ирландскаго офицера о которой мы уже говорили.

Это письмо привлекло его вниманіе. Ирландка, въ угожденіе Руперту, называла себя вдовою; это пересказали мужу, мужъ взбѣсился. Къ несчастію, этотъ мужъ былъ удивительно странной человѣкъ: онъ очень любилъ свою жену, не считалъ супружескую честь игрушкою и думалъ по совѣсти, что такое оскорбленіе должно омыть кровью. Другъ ирландскаго офицера, которому онъ поручилъ жену свою, приходилъ уже не однажды въ замокъ Линдсей освѣдомляться о Рупертѣ, и получая неудовлетворительныя извѣстія, уходилъ очень недовольнымъ. Оскорбленный мужъ дотого жаждалъ мести, что казался помѣшанымъ: иногда ходилъ одинъ и плакалъ неутѣшно, или произносилъ ужасныя угрозы противъ виновника своего несчастія; бѣгалъ общества, проводилъ цѣлые часы въ какомъ-то оцепѣненіи возлѣ открытаго ящика съ пистолетами, и считалъ за особенное несчастіе, что Руперть умретъ отъ рукъ доктора, а не отъ его руки. Таковъ былъ жалостный и подробный разсказъ въ страстномъ и едва понятномъ письмѣ, присланномъ Руперту отъ жены Ирландца; но Руперть не обратилъ на него большаго вниманія.

Послѣ всѣхъ этихъ писемъ, Руперть началъ читать письма Маріи; ихъ было четыре. При чтеніи первыхъ онъ улыбался отъ восхищенія, глаза блистали счастьемъ; но при четвертомъ улыба вдругъ пропала, морщины показались на лбу, брови нахмурились, губы судорожно сжались и лицо Линдсея покрылось блѣдностью. Онъ быстро вскочилъ, кликнулъ слугъ, немедленно приказалъ все изготовить къ дорогѣ, и, несмотря на большую слабость, слѣдствіе болѣзни, и на возраженія доктора, сѣлъ въ карету и уѣхалъ.

Но возвратимся къ Маріи. Эта дѣвушка, которую

Digitized by Google

мы оставили такою счастливою, вдругъ потеряла все свое счастіе. Письма Руперта, единственное утѣшеніе въ его отсутствіи, перестали приходить. Что̀ за причина? Неужели Линдсей измѣнилъ? неужели онъ забылъ свои клятвы?... Забылъ?..

— Точно ли вы увѣрены, что нѣтъ ко мнѣ писемъ? спросила она однажды такимъ нѣжнымъ, трепещущимъ, голосомъ у почтмейстера, что тотъ едва рѣшился отвѣчать. — «Точно нѣтъ.» Ужасное слово! вся ея надежда исчезла, а съ надеждами исчезъ аппетитъ, щеки впали, поблѣднѣли. Запершись въ своей комнаткѣ, проводила она цѣлые часы въ слезахъ, и то перечитывала письма своего любезнаго, то ввѣряла свое отчаяніе и тоску безчисленнымъ листамъ бумаги, которые сама исписывала къ нему ежедневно. Бѣдняжка не въ силахъ была дальше выносить этого мученія и изнемогла. «Вѣрно онъ боленъ, говорила она... точно! онъ боленъ! Неужели онъ такъ безчеловѣченъ, что не напишетъ?.. Но я увижу его; сама пойду, сама стану ходить за нимъ. И кто другой лучше меня присмотритъ за нимъ? Кто любитъ, кто можетъ любить его по-моему? Въ чьемъ сердцѣ онъ сыщетъ болѣе нѣжности?.. А если онъ разлюбилъ меня!...» И при этой мысли Марія содрогнулась — «Нѣтъ, онъ не разлюбитъ!...» Нѣжность и любовь восторжествовали надъ врожденною стыдливостью: она собрала все для себя необходимое, связала въ узелъ и рано вышла изъ родительскаго дому. Едва успѣла пройти нѣсколько шаговъ, какъ позади ея раздался грубой голосъ ея брата. Онъ давно уже замѣчалъ перемѣну въ сестрѣ и поклялся открыть причину этой перемѣны. Однажды, при выходѣ ея со двора, онъ вошелъ въ ея комнату. Письмо, которое она начала писать къ Руперту, развернутое лежало на столѣ; въ этомъ письмѣ она высказала все нетерпѣніе свое увидѣться съ нимъ, если бъ

Digitized by Google

даже пришлось и самой итти на это свиданіе. И такъ, Джемсъ открылъ завѣтную тайну сестры. Сердце его совершенно высохло отъ разгульной жизни; въ немъ не было ни росинки сожалѣнія и нѣжности; онъ грубымъ голосомъ приказалъ Маріи остановиться, и послѣ брани жестокаго брата, бѣдняжка принуждена была выпесть всю строгость лицемѣра отца. Въ домѣ стали присматривать за всѣми ея поступками; отняли даже средства писать. Взявъ всѣ эти предосторожности, безсовѣстный Джемсъ наслаждался стыдомъ и отчаяніемъ сестры; мало того: онъ поѣхалъ еще въ Лондонъ и подалъ жалобу въ присутственное мѣсто, обязанное мстить за оскорбленіе чести и нарушеніе семейственнаго спокойствія. Но несчастія Маріи не кончились и этимъ.

Нѣкто Захарій Джонсонъ, единовѣрецъ и другъ Евфраима Варнера, былъ самый богатый и самый смѣшной ханжа изъ всей этой секты. Писклявый голосъ, лицемѣрное смиреніе, кислое лицо, изношенное платье, короче, съ ногъ до головы преотвратительная фигура.

Этотъ-то ханжа нашелъ въ Маріи всѣ качества, дѣлавшіе её достойною быть его супругою. Его привлекали, во-первыхъ ея красота, потому что онъ былъ воплощенная чувственность; ея терпѣніе, потому что самъ онъ имѣлъ превздорный и неугомонный характеръ и, наконецъ, ея приданое, потому что скупость находилась также въ числѣ его добродѣтелей. Захарій Джонсонъ, прежде всего, искусно прибралъ къ своимъ рукамъ и батюшку и сынка; а согласіе Маріи?.,. Вотъ! большая важность!.. По духу секты анабаптистовъ, дочь, во всякомъ случаѣ, обязана безпрекословнымъ послушаніемъ отцу. О чемъ же думать! Джонсонъ закидалъ Евфраима увѣщаніями и представленіями, а Джемса обворожилъ снисходительностію къ

Digitized by Google

его безпутству. —«О, говорилъ онъ, я знаю по себѣ, молодые люди охотники погулять, — за то имъ чуждъ порокъ сребролюбія, а это порокъ преужасный... да кто, грѣшный, устоитъ противъ соблазновъ міра?.. Я, право, счастливъ, что могу служить тебѣ, мой милый Джемсъ, и готовъ всегда ссужать тебя деньгами» .. Милый Джемсъ не пропустилъ такого прекраснаго случая, продалъ услуги свои Джонсону, и сторговался въ цѣнѣ за сестру.

Всегда, въ каждомъ семействѣ кто-нибудь одинъ управляетъ прочими; и странное, неизъяснимое дѣло,— случается, что младшій и глупѣйшій располагаетъ и приказываетъ, между-тѣмъ какъ старшій членъ семейства слушается и выполняетъ его волю. Такъ было и въ семействѣ Маріи. Джемсъ грубъ и твердъ, воля его сильна и непреклонна; отецъ, напротивъ, слабъ и суевѣренъ: что жъ мудренаго, что сынъ завладѣлъ отцомъ?

Захарій Джонсонъ говорилъ Евфранму о видахъ своихъ на Марію еще прежде ея знакомства съ Рупертомъ. Но тотъ въ ту пору не спѣшилъ этимъ союзомъ, онъ выслушалъ предложеніе, ничего не обѣщалъ, — только объявилъ Маріи. Бѣдная вздрогнула при этомъ извѣстіи; ея страхъ и отвращеніе показались старику такъ непреодолимыми, что онъ не хотѣлъ ея больше мучить. На бѣду Маріи, Захарій теперь подкупилъ Джемса, и вторичное предложеніе, возобновленное гораздо настойчивѣе, было сильно имъ поддержано.

Джемсъ воспользовался случаемъ открыть тайны сестры, подстрекнуть гнѣвъ, негодованіе, жадность, скупость, духъ секты и фанатическое упрямство отца, и вырвалъ у него согласіе. Ни слезы, ни отчаяніе Маріи не тронули старика; онъ остался безчувственнымъ и холоднымъ какъ ледъ; а братъ, добрый братъ, поспѣшилъ назначить и день свадьбы.

Digitized by Google

Лѣтописи семействъ часто, очень часто, исполнены подобными горестными картинами притѣсненій, этихъ нравственныхъ пытокъ, этого тайнаго и невидимаго человѣко-убійства; и сколько въ нихъ можно бы найти настоящихъ преступленій!... Но гдѣ палата для суда ихъ?...

Марія слишкомъ кротка, чтобъ долго упорствовать; ея моленія и просьбы отвергнуты; слезы ея высохли. Съ разбитымъ сердцемъ, подъ бременемъ невыразимой тоски, несчастная изнывала въ томъ безмолвномъ отчаяніи, которое, какъ страшный сонъ, гнететъ и давитъ нестерпимою тяжестію, занимаетъ духъ, и лишаетъ и силъ и даже желанія прервать его. Однако, за три дня до свадьбы съ Захаріемъ, она нашла возможность извѣстить о своей судьбѣ Руперта.

«Спаси меня, писала она: не знаю какъ, не знаю для чего; но умоляю, спаси меня!.., Я скоро умру; но прежде хотѣла бы еще разъ увидѣть тебя, тебя, который далъ мнѣ узнать всю цѣну жизни. О, поспѣши! на учи меня умереть! присутствіемъ своимъ услади горечь смерти. Самое невыносимое и страшное наказаніе, которому судьба обрекла меня — это отчаянная мысль, что я уже не должна смѣть думать видѣть и любить тебя. Рука оледенѣла — едва держу перо; но голова въ огнѣ. Вотъ, слышу—батюшка... его шаги... Руперть! Руперть! будущая пятница рѣшитъ мою участь, не забудь — о, спаси, спаси меня!»

Страшный день наступилъ, а Руперта нѣтъ. Все готово. Одѣли невѣсту; отецъ самъ пришелъ въ ея комнату, и отвелъ въ залу, гдѣ уже собрались немногіе приглашеные къ торжеству брака. Евфраимъ обнялъ Марію, и видя ее полумертвою, сердце его тронулось; нѣжность пробудилась въ его сердцѣ, и онъ кротко и ласково спросилъ её:

— Дочь моя, не имѣешь ли чего сказать отцу?

Digitized by Google

Марія нѣсколько минутъ молчала; губы ея двигались, но она не могла выговорить ни слова.

— Ужели поздно? вскричала она наконецъ: развѣ ужъ нельзя спасти меня?

Чувство жалости и любви поколебало старика; можетъ-быть, онъ и согласился бы уничтожить этотъ союзъ, но Джемсъ тутъ. Джемсъ видитъ опасность; онъ нахмурилъ брови, и взглядомъ суровымъ и презрительнымъ, казалось, упрекалъ своего отца въ непростительной слабости. Эта нѣмая сцена не скрылась отъ взоровъ бѣдной дѣвушки и удостовѣрила, что все уже для нея кончилось.

— Да проститъ васъ Богъ! сказала она прерывающимся голосомъ; потомъ съ самоотверженіемъ отчаянія, медленно сошла съ лѣстницы.

Комната, назначенная для исполненія вѣнчальнаго обряда по уставу анабаптистовъ, была комната темная и узкая; двѣ старыя дѣвственницы, похожія на двѣ муміи, шестидесятилѣтнія дѣвственницы, которыхъ сердца давно окостенѣли, сидѣли возлѣ стола, почернѣвшаго отъ времени и такъ же высохшаго какъ онѣ. Оба эти скелета подошли къ невѣстѣ, приложили свои мраморныя губы къ лицу молодой дѣвушки, и пожелавъ ей счастія, пробормотали забавное благословеніе; потомъ онѣ опять сѣли на прежнее мѣсто и въ прежнемъ положеніи. Сцена торжественно-страшная! жертва едва дышала, едва дышали и обѣ жрицы, вся группа была точно магическое или сверхъестественное видѣніе; и вы бы вздрогнули отъ ужасу, увидѣвъ этотъ поцѣлуй, — это могильное привѣтствіе. Женихъ сидѣлъ возлѣ камина, въ которомъ игралъ очень скромный огонекъ. Нарядъ его богатый, даже несравненно роскошнѣе чѣмъ позволялъ бы духъ секты; но онъ вовсе безъ вкусу: старый покрой платья, разногласіе и дикая смѣсь яркихъ цвѣтовъ, — все это

Digitized by Google

дѣлало изъ Джонсона пресмѣшную фигуру, которая ни чуть не была красивѣе отъ глупой усмѣшки, которая безпрестанно вилась на его губахъ.

При входѣ Маріи, его тощее лицо озарилось выраженіемъ торжества и самонадѣянія; полуотверзтые глаза засверкали, одеревенѣлые члены, какъ-бы получивъ живую, печаянную гибкость, зашевелились; онъ медленно приподнялся, поправилъ свой желтый жилетъ, преглупо отдалъ торжественное поклоненіе и сѣлъ. Насупротивъ его маленькой отростокъ той же секты, ребенокъ лѣтъ двѣнадцати, держалъ въ рукѣ пирогъ и смотрѣлъ на гостей вялыми и лицемѣрными глазами, — выраженіе, заимствованное отъ родительскихъ обычаевъ.

Въ впадинѣ окна, въ концѣ комнаты, неподвижно и молчаливо сложивъ руки на грудь, человѣкъ лѣтъ сорока, военный, повидимому равнодушный ко всему происходящему, стоялъ въ глубокой думѣ и горѣ. При входѣ Маріи онъ печально поклонился, и посмотрѣлъ на нее со вниманіемъ и съ выраженіемъ участія. То былъ Монктонъ, ирландскій офицеръ, котораго жену обольстилъ Рупертъ. Онъ давно былъ знакомъ съ Захаріемъ и Варнеромъ. Узнавъ, что Рупертъ, какъ говорили, хотѣлъ завлечь Марію, какъ завлекъ его жену, онъ видѣлъ и въ этой невинной дѣвушкѣ и въ своей жевѣ двѣ жертвы одного негодяя. Меланхолическая наклонность къ ацетической жизни давно уже склоняла его на сторону секты анабаптистовъ; а теперь разгорячённое воображеніе и убитое сердце снова развили въ немъ эту наклонность. Услышавъ о скорой свадьбѣ Захарія Джонсона съ Маріею Варнеръ, на которую онъ смотрѣлъ какъ на подругу своего горя, онъ непремѣнно захотѣлъ быть на этой свадьбѣ, и съ такимъ жаромъ домогался приглашенія, что Захаріи согласился исполнить его желаніе.

Digitized by Google

Таково было это собраніе. Никогда свадебный пиръ не былъ скучнѣе, никогда торжество брака не походило болѣе на погребальную церемонію.

— Братія, сказалъ Ефраимъ дрожащимъ, глухимъ голосомъ: поищемъ помощи въ небесной манне.

И онъ сдѣлалъ знакъ Джемсу передать ему Библію.

Всѣ присутствующіе преклонили колѣна. Старикъ нѣсколько минутъ перебиралъ сухими и костлявыми пальцами листы, потомъ остановился на избранномъ мѣстѣ и прочелъ его. Все общество слушало въ глубокомъ безмолвіи. По окончаніи чтенія, отецъ, по обычаю секты, импровизировалъ длинную рѣчь, отличавшуюся таинственностью, жаромъ и дикимъ вдохновеніемъ. Неподвижные слушатели едва дышали, чтобы не проронить перловъ краснорѣчія, сыпавшихся изъ устъ лицемѣрнаго ханжи.

Слушая превыспреннюю рѣчь Ефраима, Монктонъ, который со времени открытія невѣрности жены, при всякой бездѣлицѣ дѣйствующей на его разстроенныя нервы, приходилъ въ изступленіе, не могъ удержаться отъ слезъ, и когда рѣчь эта была договорена, то въ комнатѣ все еще царствовало продолжительное молчаніе: все собраніе было глубоко растрогано.

Наконецъ всѣ встали. Монктонъ снова отошелъ къ окну; и чтобъ скрыть свое смятеніе, отвернулся и смотрѣлъ въ поле; Марія не произнеся ни слова, опустилась на свой стулъ. Джемсъ, смягчая голосъ, по природѣ грубой, прервалъ молчаніе и сказалъ:

— Батюшка, я полагаю, что пора намъ ѣхать; я слышу стукъ каретъ... слышите?

Въ самомъ дѣлѣ, послышался лошадиный топотъ и шумъ колесъ быстро несущагося экипажа; передъ воротами дому остановился берлинъ. Всѣ встали; взглянулись, какъ-бы спрашивая, чей это блестящій эки-

Digitized by Google

пажъ въ четыре лошади? даже Марія подбѣжала къ окну: въ мигъ цвѣтъ лица ея оживился; она уже на лѣстницѣ; но двери подъѣзда отворились. Руперть, блѣдный, шатающійся и дотого измѣнившійся, что никто, кромѣ Маріи, не могъ узнать его, вошелъ или, лучше, вбѣжалъ въ комнату.

— Слава Богу, вскричалъ онъ, время еще не ушло, я не опоздалъ!

Потомъ нѣжно обнялъ Марію, которая тихо затрепетала отъ радости. Линдсей, окинувъ всѣхъ твердымъ взглядомъ, сказалъ Евфранму:

— Господинъ Варнеръ, я виноватъ передъ вами; и пришелъ загладить вину. Какія права имѣетъ на вашу дочь этотъ человѣкъ, за котораго вы отдаете ее?.. Сравните его права съ моими: онъ богатъ? мое состояніе несравненно значительнѣе. Онъ любитъ Марію? Я въ тысячу разъ люблю ее больше, пламеннѣе, нѣжнѣе. Взгляните на эти блѣдныя, впавшія щеки вашей дочери, мутные глаза, на это отчаяніе, выражающееся во всѣхъ чертахъ ея лица, на этотъ ужасъ при одномъ имени того, кому вы назначили ее въ жены,—и отвѣчайте: развѣ не меня она любитъ? Вы, отецъ Маріи, вы, ея братъ, и вы всѣ, которые меня слушаете, вы этого не знаете? — Да, она любитъ меня; и, клянусь Богомъ, что я стою ея любви. Пусть она будетъ моею женою. Она уже моя: само Небо вняло нашимъ клятвамъ; не разлучайте же насъ. Смотрите, вотъ мы на колѣняхъ умоляемъ объ этой милости....

— Вонъ! осквернитель святыни, вскричалъ женихъ Захарій.

— Вонъ! повторилъ отецъ.

И старыя дѣвы, открывшія церемонію, злобно смотрѣли изъ подлобья на Руперта, будто хотѣли проглотить его.

Digitized by Google

— Мерзавецъ! тихонько произнесъ Монктонъ, волнуемый глубокою яростію; однако жъ удержался.

Съ самаго появленія Руперта, Монктонъ пристально разглядывалъ его. Нахмуря лобъ, стиснувъ зубы, судорожно оперся онъ на подоконницу. Задумчивый, молчаливый, онъ, повидимому, игралъ ножемъ, которымъ ребенокъ рѣзалъ пирогъ, и который онъ машинально поднялъ съ полу.

Джемсъ въ бѣшенствѣ бросился на сестру, чтобъ вырвать ее изъ объятій Руперта.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ Рупертъ.

И съ тою неестественною силою, которую придаетъ напряженіе страстей, онъ опрокинулъ Джемса, отбросилъ Захарія, который полетѣлъ на шестидесятилѣтнихъ дѣвственницъ, поднялъ Марію, упавшую въ обморокъ и стремглавъ бросился по лѣстницѣ, съ проворствомъ и легкостію невѣроятными при его болѣзни и изнеможеніи.

— Бѣгите! догоните его! отчаянно вскричалъ старикъ Вагнеръ, спасите дочь мою; именемъ Бога, прошу васъ, спасите ее!.. И сложивъ руки, онъ порывался бѣжать, но ноги не слушались.

Я спасу ее, проревѣлъ Монктонъ съ бѣшенствомъ, сжимая въ рукахъ своихъ ножъ; и пропалъ изъ виду.

Уже Рупертъ положилъ Марію въ берлинъ, уже вскочилъ на подножку, и лошади тронулись; — вдругъ кто-то тяжелою рукою схватилъ его за плечо.... То былъ Монктонъ..

— Ваше имя Линдсей? спросилъ онъ молодаго человѣка прерывающимся голосомъ.

— Къ вашимъ услугамъ, безпечно отвѣчалъ Рупертъ.

— Ну, такъ вотъ тебѣ, вскричалъ Монктонъ, и два раза вонзилъ роковое желѣзо въ грудь Линдсея. Рупертъ зашатался и упалъ, плавая въ крови, между-

Digitized by Google

тѣмъ какъ Ирландецъ, вынувъ ножъ изъ дымящейся раны, и тряся его надъ головою своей жертвы, говорилъ:

— Посмотри на меня: я Генрихъ Монктонъ. Узнаешь ли теперь?

— Боже! произнесъ умирающій слабымъ голосомъ: праведенъ судъ Твой!... Это были его послѣднія слова.

Марія пришла въ себя. Первый предметъ, на который она взглянула, былъ трупъ Линдсея и безмѣрность несчастія сдѣлала ее безчувственною. Ее оттащили, оторвали отъ хладныхъ остатковъ милаго. Съ тѣхъ-поръ жизнь ей стала казаться медленною пыткою; но смерть, не столь безчеловѣчная какъ люди, прекратила ея несчастія.

Безполезно входить въ подробности исторіи лицъ этой домашней трагедіи. Евфраимъ дождался того, что Джемсъ умеръ въ тюрьмѣ; Монктонъ сошелъ съ ума.

Digitized by Google

IV.

КАМОЭНСЪ.

(*Изъ Сисмонди.*)

Лудовикъ Камоэнсъ былъ сынъ Симона Васъ-де-Камоэнса, человѣка извѣстной, но не богатой, дворянской фамиліи. Одинъ изъ предковъ его, Васко Перецъ де-Камоэнсъ, служившій въ кастильской службѣ и потомъ, съ 1370 года, въ португальской, извѣстенъ какъ поэтъ. Симонъ Васъ-де-Камоэнсъ былъ капитаномъ военнаго корабля и погибъ во время бури при берегахъ Восточной Индіи; жена его, Анна Са-Маседо, была тоже дворянка. Когда родился Лудовикъ—неизвѣстно. Господинъ Суза, въ біографіи Камоэнса, приложенной къ великолѣпному изданію его поэмы, приводитъ на этотъ счетъ различныя мнѣнія и останавливается на томъ, что поэтъ родился въ 1525 году. Молодой Камоэнсъ учился въ Коимбрѣ, пріобрѣлъ свѣдѣнія въ исторіи и миѳологіи; будучи еще въ университетѣ, онъ написалъ нѣсколько сонетовъ и другихъ стихотвореній. Но какъ ни рѣзко обнаруживался

Digitized by Google

въ немъ уже и тогда обширный талантъ, однако же онъ не могъ сблизиться ни съ Ферейрой, ни съ другими молодыми людьми, которые впослѣдствіи сдѣлались знаменитыми и были въ ту пору его сочениками въ Коимбрѣ. Эти молодые люди, занятые мыслію придать португальской литературѣ классическое направленіе, съ сожалѣніемъ глядѣли на вольное, кипучее воображеніе Камоэнса. По окончаніи наукъ, Камоэнсъ пріѣхалъ въ Лиссабонъ, гдѣ влюбился въ одну придворную даму, Катерину Атгайде, забылъ вовсе о поэзіи, и оставилъ на нѣсколько времени всѣ литературныя занятія. Неизвѣстно, какіе у него тогда были планы въ разсужденіи будущаго, и чѣмъ онъ содержалъ себя. Тутъ любовь вовлекла его въ ссору, вслѣдствіе которой онъ былъ изгнанъ изъ Лиссабона и отправленъ въ Сантаремъ. Здѣсь Камоэнсъ написалъ нѣсколько стихотвореній, которыя нынче составляютъ его славу, а тогда воспламеняли только его любовь и увеличивали затруднительность положенія. Недостатокъ и любовная неудача заставили его итти въ военную службу и онъ поступилъ волонтеромъ на португальскій флотъ, отправлявшійся въ то время противъ марокскихъ мусульманъ. Ставъ человѣкомъ военнымъ, онъ, середи битвъ, продолжалъ писать стихи и отличился въ сраженіи близъ Цейты, въ которомъ пуля лишила его праваго глаза. Это принудило его возвратиться въ Лиссабонъ, гдѣ надѣялся онъ получить награду за отличіе на полѣ брани. Но въ Лиссабонѣ никто и не думалъ заниматься безглазымъ воиномъ – поэтомъ, и всѣ усилія его попасть на дорогу извѣстности, оставались тщетными; положеніе его становилось часъ-отъ-часу хуже, и человѣкъ, котораго душа горѣла пламеннѣйшимъ патріотизмомъ, увидѣлъ себя отвергнутымъ отечествомъ. Негодованіе овладѣло имъ, и онъ въ 1553 году, сказавъ, какъ Сципіонъ, ingrata patria

Digitized by Google

nec ossa quidem habebis, сѣлъ на корабль и отправился въ Восточную Индію. На томъ пути сама судьба спасла Камоэнса: изъ четырехъ кораблей эскадры, три погибли, а четвертый, на которомъ онъ находился, благополучно прибылъ въ Гою. Но здѣсь ожиданія поэта не сбылись; онъ не могъ опредѣлиться къ постоянному мѣсту, и нашелся въ необходимости снова вступить волонтеромъ въ вспомогательный корпусъ, отправляемый вице-королемъ въ Кохинхину. Провидѣніе еще разъ видимо сохранило его: почти всѣ товарищи Камоэнса погибли съ этой экспедиціи отъ вліянія убійственнаго климата, а онъ возвратился въ Гою, принявъ дѣятельное участіе въ побѣдахъ Кохинхинцевъ. Однако жъ и теперь у него не было ни мѣста, ни денегъ, и онъ, отъ нечего дѣлать, снова отправился въ экспедицію противъ корсаровъ на Черномъ морѣ. Эспедиція эта зимовала на островѣ Ормусѣ, и тутъ, на свободѣ, онъ могъ предаваться любимымъ мечтамъ своего пылкаго воображенія, и писать стихи. Все, что онъ видѣлъ, все, что втекало въ его душу, облекалось въ ней въ поэтическую форму, и патріотизмъ его болѣе и болѣе разгарался, когда онъ посѣтилъ мѣста, прославленныя блестящими подвигами Португальцевъ въ Индіи. Но съ другой стороны, поступки тамошняго правительства возбуждали въ немъ сильное негодованіе, и потому, вмѣсто того, чтобъ стараться снискать его благосклонность, Камоэнсъ написалъ на него сатиру подъ названіемъ «Безпорядки въ Индіи» (Disparates na India). Вице-король былъ чрезвычайно оскорбленъ этой выходкой и сослалъ несчастнаго поэта на островъ Макао, къ берегамъ Китая. Камоэнсъ ѣздилъ отсюда даже на Молукскіе острова. Во все это время, когда, по его выраженію онъ, «въ одной рукѣ держалъ книгу, а въ другой мечъ, въ одной желѣзо и свинецъ, а въ другой перо»

Digitized by Google

счастье неблагопріятствовало поэту, и ему ни въ чемъ не было удачи. Бѣдность довела его дотого, что онъ въ Макао рѣшился принять должность надсмотрщика надъ имѣніями остающимися послѣ умершихъ (provedor mordos defuntos). Такъ жилъ онъ пять лѣтъ, трудясь надъ эпопеей, которая должна была упрочить его славу. На самой высокой точкѣ перешейка, соединяющаго городъ Макао съ твердою землею Китая, въ томъ мѣстѣ, откуда открывается прелестный видъ на оба моря и на цѣпи горъ опоясывающихъ ихъ берега, показываютъ еще и теперь галерею въ скалѣ, висящую почти надъ самымъ моремъ, которую называютъ гротомъ Камоэнса; туда, говорятъ, удалялся онъ писать божественные стихи своей поэмы. Новый вице-король, Константинъ Браганскій, позволилъ Камоэнсу возвратиться въ Гою. При этомъ случаѣ, корабль, на которомъ возвращался Камоэнсъ, потонулъ близъ устья рѣки Камбоджіа, и поэтъ, на утлой доскѣ, едва-едва успѣлъ спасти себя и свое единственное сокровище — поэму. Спустя нѣсколько по прибытіи въ Гою, Камоэнса обвинили въ дурномъ исправленіи должности въ Макао, и заключили въ тюрьму. Онъ оправдался, но свободы не получилъ: кредиторы задержали его. Тутъ, нѣкоторые любители изящнаго сдѣлали въ его пользу подписку и собрали небольшую сумму денегъ; ими Камоэнсъ заплатилъ свои долги и поѣхалъ въ Европу и въ 1569 году прибылъ въ Лиссабонъ послѣ шестнадцатилѣтняго отсутствія, не привезя изъ Индіи, гдѣ другіе нажили себѣ огромныя состоянія, ни одной полушки. Въ это время страшная язва свирѣпствовала въ Португаліи; среди скорби и ужаса никто не думалъ о поэзіи и не принималъ участія въ поэмѣ — послѣдней надеждѣ и единственномъ богатствѣ бѣднаго поэта. Король Себастіанъ едва вышелъ изъ дѣтства и находился подъ вліяніемъ духовенства, ко-

Digitized by Google

торое впослѣдствіи вовлекло его въ несчастную африканскую экспедицію. Впрочемъ, онъ принялъ посвященіе эпической поэмы Камоэнса, и въ награду назначилъ ему пансіонъ, но такой незначительный, что Камоэнсъ терпѣлъ ужасную нужду: часто у него не было хлѣба, и слуга, привезенный имъ изъ Индіи, долженъ болѣе ходить просить для него ночью по улицамъ милостыню, чтобъ по-крайней-мѣрѣ не дать умереть съ голоду великому поэту, славѣ Португальцевъ. Пансіонъ, назначенный Камоэнсу, ограничивался суммою 15,000 реаловъ, то есть, менѣе ста рублей.

Между-тѣмъ Камоэнса ждало и еще одно, послѣднее бѣдствіе. Король Себастіанъ повелъ все португальское дворянство въ рыцарской походъ противъ марокскаго императора, и погибъ въ роковомъ сраженіи при Алкасаръ-эль-Квебиръ, въ 1578 году; съ нимъ уничтожилась царствующая династія, отъ которой остался одинъ только старый кардиналъ, да и тотъ, спустя года два, умеръ. Слава португальской націи померкла, ея независимость пала, будущее не обѣщало ничего кромѣ бѣдствій и безславія. Это убивало Камоэнса. Онъ съ твердостію перенесъ всѣ собственныя несчастія, но немогъ равнодушно смотрѣть на паденіе отечества. Глубокая скорбь повергла его въ жестокой недугъ. Незадолго до смерти, онъ писалъ: »Кто слыхивалъ, чтобы на такомъ тѣсномъ поприщѣ, на такой узкой полосѣ земли, судьба хотѣла разомъ совершить столько великихъ бѣдствій!« Послѣдніе дни жизни Камоэнсъ провелъ окруженный духовными лицами, и умеръ, какъ полагаютъ, въ госпиталѣ, въ 1579 году. Шестнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти поэта, ему воздвигли памятникъ. Первое изданіе его Лузіады появилось въ 1572 году.

Поэма, на которой основана европейская извѣстность Камоэнса, и которую мы называемъ Лузіадой, на пор-

Digitized by Google

тугальскомъ носитъ заглавіе: os Lusiados, »Лузитанцы.« И въ самомъ дѣлѣ, Камоэнсъ хотѣлъ написать поэму чисто національную, предпринялъ воспѣть отечественную славу. Если онъ избралъ предметомъ своей поэмы завоеванія Португальцевъ въ Индіи, тѣмъ не менѣе съумѣлъ вмѣстить въ ней всѣ ихъ великія дѣла въ другихъ частяхъ свѣта, съумѣлъ соединить въ ней все, что исторія или вымыселъ заключаютъ въ себѣ славнаго для соотечественниковъ. Ошибаются полагая, что герой Камоэнса есть Васко-де-Гама, что все остальное, неотносящееся къ экспедиціи этого великаго адмирала, одинъ только эпизодъ. Въ Лузіадѣ главное лицо — отечество, а эпизоды — все, что не прямо къ нему относится. Содержаніе поэмы ясно показываетъ этотъ патріотическій планъ. »Пою оружіе и мужей знаменитыхъ, которые, отъ западныхъ береговъ Лузитаніи, прешли моря, ни кѣмъ не посѣщенныя, и достигли царствъ, лежащихъ за Трабопаной; ихъ мужество въ опасностяхъ и бояхъ превзошло силы человѣческія; зато, середи отдаленнѣйшихъ земель основали они новое царство, и возвеличили его! Пою память государей, которые, распространяя царство Вѣры и своей державы, опустошили поля невѣрныхъ въ Африкѣ и Азіи. Прославляю тѣхъ, кто отважно бился, не страшась смерти, и пѣснь моя разнесетъ ихъ имена по всѣмъ концамъ земли, если только геній и искусство благословятъ мое благородное намѣреніе!«

Въ то время, когда жилъ Камоэнсъ, ни на одномъ романскомъ языкѣ не было собственно эпической поэмы. Правда, Триссинъ хотѣлъ пѣть Италію освобожденную отъ Готовъ, но предпріятіе его не удалось. Многіе Испанцы называли эпическими поэмами свои риѳмованныя повѣствованія повѣйшихъ происшествій, которыхъ однако же не могли облагородить всѣми

Digitized by Google

цвѣтами своей поэзіи. Аріостъ, съ толпою романистовъ, разсыпалъ на рыцарскія сказанія самой блестящій колоритъ; но Аріостъ и всѣ, между которыми онъ отличился, и не думали писать эпическихъ поэмъ. Освобожденнаго Іерусалима Тассова еще не было: онъ явился въ 1580 году, годъ спустя по смерти Камоэнса. Кромѣ того, Лузіада сочинена почти вся въ Индіи, и Камоэнсъ не могъ знать ничего, что было писано въ Европѣ послѣ 1553 года. Слѣдовательно, Лузіада есть первая правильная, новѣйшая, эпическая поэма. Впрочемъ, кажется, португальскій поэтъ зналъ очень хорошо современныхъ Италіянцевъ и изучалъ съ ними одни и тѣ же древніе образцы, потому что въ немъ болѣе чѣмъ въ другихъ поэтахъ полу-острова, замѣтно знаніе италіянской школы. Такъ, напримѣръ, онъ принялъ Аріостовъ метръ — героической, риѳмованный ямбъ, какъ въ октавѣ, а не Трессиновъ, verso sciolto, ямбъ нериѳмованный; Камоэнсъ гораздо ближе къ Аріосту, нежели Трессину или Испанцамъ. Онъ считалъ эпическую поэму созданіемъ воображенія, а не исторіею въ стихахъ; думалъ, какъ послѣ него думалъ Тассъ, что это созданіе должно образовать одно цѣлое и давать чувствовать гармонію въ единствѣ; что цѣль поэта и его господствующая мысль, какъ и мысль его героевъ, должна быть всегда ясна для читателя, и что богатство подробностей недостаточно для полноты цѣлаго. Живость впечатлѣній и любовную мечтательность, Камоэнсъ допускалъ какъ принадлежность эпопеи; онъ допустилъ въ ней даже и описаніе веселыхъ сценъ, что древніе, болѣе суровые, считали ниже достоинства эпопеи. Восторженный какъ Тассъ и сладострастный какъ Аріостъ, Камоэнсъ еще болѣе послѣдняго придавалъ живости веселымъ созданіямъ своего воображенія. Отъ Италіянцевъ отличается онъ націо-

Digitized by Google

нальною гордостью и любовью къ отечеству. Онъ писалъ свою поэму въ такое время, когда слава Португаліи достигла своего зенита, когда Португальцы измѣнили видъ цѣлой вселенной, когда это маленькое государство совершало дѣла великія. За 50 лѣтъ до Камоэнса, Европа вышла изъ своихъ тѣсныхъ границъ, увидѣла міръ, увидѣла какъ ея народонаселеніе, ея богатство, ея пространство малы въ сравненіи съ огромными царствами Азіи; но въ то же время Европа постигла, что царство мысли и воли превыше силъ вещественныхъ; узнала, что это царство принадлежитъ ей, и этимъ открытіемъ Европа обязана Португальцамъ! Камоэнсъ не могъ предвидѣть ужасной катастрофы, которая ниспровергла независимость его отечества и ускорила его собственную смерть; онъ писалъ въ полнотѣ національнаго энтузіазма, и далъ почувствовать читателямъ всѣхъ странъ, чѣмъ они обязаны Португаліи. Въ посвященіи поэмы королю Себастіану, онъ говоритъ:

»Въ этихъ стихахъ ты увидишь любовь къ отечеству; не низкое желаніе награды возбуждаетъ ее, нѣтъ! есть награда другая, высшая, вѣчная: это слава быть провозвѣстникомъ славы своего отечества! Посмотри, и увидишь, какъ сіяютъ имена тѣхъ, въ числѣ которыхъ Ты первый; послушай, и узнаешь, что одинаково славно быть царемъ цѣлаго міра, какъ и царемъ такого народа!

»Ты услышишь здѣсь хвалы не за подвиги вымышленные, не за подвиги небывалые, какъ дѣлаютъ другія музы для изображенія величія; истинныя дѣянія твоего народа такъ велики, что передъ ними ничто басни, изобрѣтенныя въ похвалу другимъ, что они превосходятъ подвиги Родомонта, Рожера, и даже Роланда, если Роландъ существовалъ.«

Національныя доблести производятъ на душу такое

Digitized by Google

дѣйствіе, какого не имѣетъ ни одна частная страсть: онѣ сообщаютъ энтузіазмъ, и отзываются въ каждомъ сердцѣ. Патріотическое чувство Камоэнса, который всю свою жизнь посвятилъ тому, чтобы воздвигнуть памятникъ отечеству, который, въ изгнаніи и бѣдствіи не имѣлъ другой мысли кромѣ славы неблагодарнаго отечества, трогаетъ насъ глубоко; мы всѣмъ сердцемъ принимаемъ участіе въ его благородномъ предпріятіи, и Португалія становится намъ драгоцѣнна, потому что была драгоцѣнна великому человѣку. Несмотря на то, сомнительно, чтобы предметъ, избранный Камоэнсомъ, былъ вполнѣ удовлетворителенъ для эпической поэмы. Открытіе пути въ Индію, сообщеніе, установившееся между странами, изъ которыхъ въ одной началась тогдашняя, а изъ другой исходитъ нынѣшняя гражданственность; владычество Европы, распространившееся надъ остальнымъ міромъ, — все это, конечно, обстоятельства очень важныя, которыя, можетъ-быть, навсегда измѣнили судьбу людей; но послѣдствія этихъ событій еще гораздо важнѣе самихъ событій, и такъ-какъ интересъ опаснаго плаванія касается частностей, почти домашнихъ, то поэтической разсказъ имѣетъ меньше дѣйствія, чѣмъ простая историческая истина. Впрочемъ, если бы Камоэнъ хотѣлъ въ своей поэмѣ изобразить только плаваніе Гамы и обрѣтеніе пути въ Индію, то по необходимости долженъ бы былъ прикрасить свой разсказъ и дать почувствовать всегда новое, всегда разнообразное впечатлѣніе, производимое этими неизмѣримыми странами Юга и Востока, которыхъ видъ такъ различенъ отъ береговъ Тага. Но онъ, напротивъ, начерталъ себѣ тѣсный кругъ, и захотѣлъ вмѣстить въ него всю славу Португаліи, хотѣлъ найти средство ввести въ него всю исторію царей и войнъ своего отечества, всѣ біографіи героевъ, всѣ блестящія

Digitized by Google

дѣянія рыцарей, прославленныхъ въ древнихъ романсахъ. Онъ хотѣлъ представить всѣ послѣдующія событія, всѣ открытія, всѣ завоеванія, покорившія Португальцамъ необозримыя страны, которыхъ Гама видѣлъ одни только берега. Эти различныя части прошедшаго и будущаго, соединенныя для національной славы, составляютъ вѣчный памятникъ отечеству Камоэнса; но они по необходимости затмили славу самаго Гамы, въ которомъ непремѣнно хотятъ видѣть главное лицо поэмы; они ослабили впечатлѣніе, произведенное Ливіей и Индіей, впечатлѣніе, которое могло быть такъ ново, и запутали умъ въ лабиринтѣ происшествій, изъ которыхъ ни одно не возбуждаетъ интереса такъ живо, чтобы оставить по себѣ въ душѣ глубокіе слѣды. Тассъ, въ своемъ Іерусалимѣ, заимствовалъ прелесть разсказа и интересъ дѣйствія отъ самаго предмета, и поэзія его полна жизни и красоты. Камоэнсъ, напротивъ, долженъ былъ придать своему предмету жизнь, которой собственно въ немъ не было, и только одно очарованіе поэзіи могло заставить читать исторію, которую никто не заботился знать. Потому-то и герои Камоэнса безсмертны по могуществу геніальнаго его творчества, которое изяществомъ отдѣлки выкупило ничтожность матеріяловъ. Камоэнсъ облекъ всю португальскую исторію въ роскошную поэзію, освѣтилъ всѣ ея части живѣйшимъ свѣтомъ, такъ, что успѣхъ его поэмы, несогласной съ общими условіями эпической поэзіи, настоящее чудо. Именно въ эпопеѣ поэтъ и имѣетъ меньше средствъ плѣнять душу и располагаетъ мéньшимъ интересомъ, потому что не долженъ выпускать изъ виду ни какихъ нужныхъ подробностей, чтобы изъ предмета сухаго сдѣлать что-нибудь занимательное. Камоэнсъ заставляетъ насъ, такъ-сказать, вникаться въ хронику, иногда утомительную и скучную; онъ такъ хорошо вставилъ ее въ свою поэ-

Digitized by Google

му, что связалъ съ нею самыя блестящія воспоминанія. И каково же было бы очарованіе, если бы творческій геній поэта остановился на предметѣ болѣе занимательномъ!

Камоэнсъ чувствовалъ, что при историческомъ сюжетѣ ему нужно быть выше легкаго тона, какимъ пѣлъ Аріостъ своихъ воображаемыхъ героевъ; и поэтому въ слогѣ, фразахъ и картинахъ онъ соблюдаетъ благородное достоинство, и не играетъ, какъ Аріостъ, и читателями и героями. Взявъ за образецъ Виргилія, а не рыцарскіе романы, Камоэнсъ величественно идетъ къ цѣли и даетъ своей поэмѣ классической видъ, освященный великими геніями древности и позднѣйшихъ вѣковъ, и который какъ-будто составлялъ существенную часть художественной стороны произведенія. Такимъ-образомъ, съ самой первой пѣсни, все у него идетъ по этому правильному образцу, который можетъ-быть уже слишкомъ однообразенъ во всѣхъ эпическихъ поэмахъ. Въ первыхъ трехъ строфахъ первой пѣсни заключается главное содержаніе, въ четвертой воззваніе съ Нимфамъ Тага, въ шестой обращеніе къ королю, дону Себастіану, которому поэтъ посвящаетъ и представляетъ свое твореніе. Скажутъ, что такъ надобно начинать всякую эпопею; но по моему мнѣнію надобно бъ больше разнообразія въ дѣлѣ, основанномъ не на существенности искусства, а на подражаніи образцамъ.

Вслѣдствіе того же подражанія, въ эпической поэмѣ необходимо чудесное, и поэтамъ, говорятъ, предоставляется только выборъ миѳологій, точно какъ-будто они имѣютъ право выбирать и собирать въ этомъ отношеніи все, что имъ угодно. Миѳологій не изобрѣтаютъ, равно какъ и событій: они составляютъ уже необходимую часть народныхъ воспоминаній и общей вѣры, также какъ и преданія о дѣяніяхъ героевъ;

Digitized by Google

поэтъ даетъ имъ только тѣло и жизнь посредствомъ творческой силы поэзіи; миѳологія никогда не можетъ сдѣлаться душею поэмы, ежели она не народное вѣрованіе.

Камоэнсъ почиталъ миѳологію древнихъ за существенную часть ихъ поэтическаго искусства: университетское воспитаніе и чтеніе классиковъ сдѣлали то, что всѣ аллегоріи древнихъ считались неприкосновенными, и, казалось, поэтъ не смѣетъ изображать любви иначе, какъ въ образѣ Амура, силу иначе какъ въ образѣ Марса, мудрость, въ образѣ Минервы. Всѣ эти олицетворенія, которыя для насъ становятся пошлыми и холодными и которыя мы уже не терпимъ въ эпической поэмѣ, однако жъ неисключены еще изъ лирической поэзіи. Оды Лебреня такъ наполнены воззваніями къ Марсу, Аполлону, Минервѣ, какъ это могло быть только въ XVI вѣкѣ, когда педантическое воспитаніе не оставляло въ воображеніи никакихъ другихъ алегорій, кромѣ аллегорій древности. Но особенность Камоэнса та, что съ миѳологіей древнихъ онъ слилъ христіанскія вѣрованія. Завоеваніе Индіи Васко-де-Гамою совершилось не безъ небеснаго покровительства. По мнѣнію Португальцевъ, Богъ, Божія Матерь, Святые, словомъ, всѣ божественныя власти принимали участіе въ этомъ великомъ дѣлѣ. Это чудесное посредство было для поэта частію его религіознаго убѣжденія, и онъ, естественно внесъ его въ свое произведеніе: онъ даже не могъ исключить его, и нашелся въ необходимости принять два рода чудеснаго, противорѣчащія одно другому: одно, которое почиталъ за существенное въ поэзіи, другое, которое было слѣдствіемъ его вѣрованій. Намъ противно это смѣшеніе двухъ божественныхъ посредничествъ, обоихъ несогласныхъ съ нашимъ религіознымъ убѣжденіемъ; но странность эта объясняется воспитаніемъ

Digitized by Google

и національнымъ предразсудкомъ, которыхъ достаточно длятого чтобы допустить эту слабость въ великомъ человѣкѣ и не произнести ложнаго сужденія о другихъ достоинствахъ творенія. Во всѣхъ испанскихъ поэтахъ видимъ мы одно и тоже: два богословія столкнулись въ Сервантесовой «Нуманціи» и смѣшались въ Монтемайоровой «Діанѣ».

Лузіада состоитъ изъ десяти пѣсенъ, въ которыхъ считается не большее 1102 строфъ, слѣдовательно, она гораздо короче Освобожденнаго Іерусалима и вообще короче почти всѣхъ эпическихъ поэмъ. Съ другой стороны, она не такъ извѣстна, особенно у насъ. Потому не лишнее будетъ представить нѣсколько подробный анализъ ея. Въ ней содержится все, что важно знать о Португаліи, а потому извлеченіе, которое мы хотимъ сдѣлать, покажетъ и планъ поэмы, и въ тоже время исторію народа, во славу котораго она написана. (*)

* Нерадѣніе и забвеніе, въ которомъ оставленъ былъ Камоэнсъ, выкуплены нѣкоторымъ образомъ въ наши времена патріотическою ревностію дона Жозуе Маріа де-Суза-Ботело. Первому поэту Португаліи онъ хотѣлъ воздвигнуть памятникъ благороднѣйшій и самый блестящій: издать его твореніе достойнымъ его образомъ; онъ пожертвовалъ большую часть имѣнія, трудился нѣсколько лѣтъ и наконецъ кончилъ свое изданіе въ 1817 году in 4°, Парижъ. Исправивъ текстъ съ величайшею точностію, онъ украсилъ свое изданіе всѣмъ что типографическая роскошь, совершенство рисунковъ и гравюръ могли сдѣлать лучшаго, и розослалъ потомъ экземпляры, какъ подарокъ, во всѣ извѣстнѣйшія библіотеки Европы, Азіи и Америки, не позволяя платить ни за одинъ, чтобъ не дать мѣста подозрѣнію, будто въ дѣло совершенно патріотическое вмѣшиваются у него какія-нибудь спекуляціи. Такимъ образомъ въ послѣдніе годы она стала извѣстнѣе. Лучшія изданія и переводы этой національной поэмы умножились. Изданіе г-на Бриколани на Италіянскомъ самое лучшее для тѣхъ, кто не знаетъ португальскаго. Переводчикъ, кромѣ того, что строго держался смысла выраженій и оригинальной формы, передавая подлинникъ строфа въ строфу и тѣмъ же метромъ, умѣлъ удержать въ переводѣ своемъ все вдохновеніе блестящей поэзіи. Ка-

Digitized by Google

«Раэсѣкая шумныя волны, Португальцы плывутъ по широкому океану: вѣтеръ вѣетъ кротко и осторожно дуетъ въ натянутыя гибкія паруса; пѣнистыя струи вьются тамъ, гдѣ корабль прорѣзываетъ воды, священныя воды морей, по которымъ ходили доселѣ одни только стада Протея. Въ это время боги собираются на лучезарномъ Олимпѣ, откуда правятъ поколѣніями людей, и совѣщаются о будущихъ судьбахъ Востока; ступая по блестящему, кристальному небу, величественно текутъ они по млечному пути, призываемые къ громодержцу быстроногимъ племянникомъ стараго Атланта.»

Когда боги собрались, Юпитеръ напоминаетъ имъ, что древнее опредѣленіе судебъ назначило Португальцамъ превзойти славою Ассиріянъ, Персовъ, Грековъ и Римлянъ. Онъ представляетъ имъ послѣднія побѣды Португальцевъ надъ Маврами, надъ страшными Кастильцами, возвѣщаетъ имъ древнюю славу Виріата и Серторія, подвизавшихся противъ Римлянъ, наконецъ показываетъ, какъ они, на легкихъ ладьяхъ переплывши моря африканскія, думаютъ завладѣть тѣми странами, гдѣ раждается солнце. Зевесу угодно, чтобъ они, послѣ зимняго плаванія, нашли дружественный пріемъ на берегахъ Африки и укрѣпили силы свои для дальнѣйшихъ трудовъ. Тутъ начинаетъ говорить Бахусъ; онъ боится, чтобъ Португальцы не помрачили его собственной славы, пріобрѣтенной заво-

моэнса. На французскомъ есть тоже переводы, но не такъ хороши. У насъ, на русскомъ, эта поэма переведена была еще въ 1788 какимъ-то г. Александровымъ Дмитріевымъ, но, къ сожалѣнію, довольно плохо и къ тому жъ не съ подлинника, оттого ее точно какъ будто нѣтъ въ нашей литературѣ. У насъ такъ мало занимаются португальской литературой, что не всѣ знаютъ даже имя Камоэнса.

Digitized by Google

ваніемъ Индіи, и объявляетъ себя ихъ врагомъ. Напротивъ, Венера, усердно чтимая Португальцами, думаетъ найти въ нихъ своихъ любимыхъ Римлянъ; языкъ ихъ кажется ей почти одинаковымъ, съ одними развѣ небольшими измѣненіями, и она берется покровительствовать имъ. Весь Олимпъ раздѣляется между этими двумя божествами, и шумъ ихъ совѣщаній и споровъ мастерски изображенъ Камоэнсомъ *. Марсъ, приверженный къ Португальцамъ не менѣе Венеры, склоняетъ громовержца на ихъ сторону, и убѣждаетъ его послать къ нимъ Меркурія для управленія навигаціей. Боги разсходятся по своимъ обыкновеннымъ жилищамъ.

Изъ совѣта боговъ Камоэнсъ приводитъ насъ къ своимъ героямъ. Они плывутъ проливомъ, отдѣляющимъ берега Африки отъ острова Мадагаскара, гдѣ, обогнувши мысъ Прассо, открыли они новые острова и новое море. Васко-де-Гама, храбрый начальникъ Португальцевъ, упоминаемый впервые только въ 44-й строфѣ, располагался ѣхать далѣе. Но отъ одного изъ острововъ появилось множество легкихъ лодокъ, которыя окружили его со всѣхъ сторонъ, спрашивали на арабскомъ языкѣ, куда и зачѣмъ плывутъ корабли его. Въ первый разъ проплывъ многія сотни миль, напали Португальцы на знакомый языкъ, торговлю, искусства и слѣды гражданственности. Они остановились на одномъ островѣ, Мозамбикѣ, средоточіи торговли государствъ Квилоа, Момбасы и Софалы. Мавры, спрашивавшіе Гаму, сами были иностранные купцы; и потому, когда услышали объ удивительной смѣлости Гамы, плывущаго по неизвѣстнымъ морямъ, затѣмъ чтобы найти путь въ Индію, и когда узнали что флотъ его, флотъ португальскій и христіанскій, то тотчасъ же рѣшились удалить его,

*) Пѣснь I, строфа 35.

Digitized by Google

страшась совмѣстничества Европейцевъ. Бахусъ, подъ видомъ старца, явившись къ мозамбикскому шейху, возбуждаетъ его противъ Португальцевъ, и научаетъ сдѣлать засаду близъ прѣсныхъ источниковъ, куда пріидутъ они за водой. И въ самомъ дѣлѣ, Гама спокойно подъѣзжаетъ на трехъ лодкахъ къ фонтану, но на обратномъ пути, съ удивленіемъ видитъ мавританскихъ воиновъ, пересѣкающихъ ему возвратный путь къ кораблямъ. Мавры нападаютъ на Португальцевъ; завязывается сраженіе. Мусульмане выскакиваютъ изъ засады и бѣгутъ на помощь къ своимъ; но превосходство огнестрѣльнаго оружія привело ихъ въ ужасъ и они разбѣгаются во всѣ стороны, даже хотятъ бѣжать и изъ самаго города, но, къ счастію, шейху удалось заключить снова миръ. Дружественныя условія утверждены; шейхъ даетъ Португальцамъ лоцмана для провода ихъ въ Индію, тайно приказавъ ему постараться какъ-нибудь погубить вражескіе корабли. Лоцманъ говоритъ, что поведетъ ихъ въ одно могущественное государство, гдѣ живутъ христіане. Португальцы подумали, что это, конечно, извѣстное царство Претейяна, котораго они отыскивали по всѣмъ берегахъ, какъ естественнаго своего союзника; но лоцманъ думалъ не то: онъ замышлялъ отвести ихъ въ Квилою, надѣясь, что сильный государь этого царства въ состояніи будетъ погубить ихъ. Между-тѣмъ Венера не хочетъ допустить такого обмана, она ведетъ корабль въ Момбасу; лоцманъ, обманувшись, не переставалъ однако жъ увѣрять, что въ этомъ городѣ есть христіане. Нельзя полагать, чтобы увѣряя въ этомъ, Мавры имѣли намѣреніе обмануть въ самомъ дѣлѣ Португальцевъ: они не думали говорить именно о христіанахъ, а говорили только, что тутъ есть много невѣрныхъ, которыхъ родовое названіе,

Digitized by Google

гяуръ, дается мусульманами язычникамъ и христіанамъ вообще.

Въ началѣ второй пѣсни описывается прибытіе Португальцевъ въ Момбасу, гдѣ царь уже предваренъ о нихъ, и гдѣ Бахусъ дожидается, выдумывая разныя средства къ ихъ погибели. Гама высылаетъ на берегъ двухъ солдатъ къ царю съ подарками, поручивъ имъ узнать притомъ нравы городскихъ жителей, и развѣдать, можно ли имѣть довѣріе къ Маврамъ. Бахусъ, чтобъ ввести ихъ въ заблужденіе и заставить повѣрить, что здѣсь точно живутъ христіане, вышелъ къ нимъ навстрѣчу, и назвалъ къ себѣ въ домъ, который нарочно убралъ на подобіе христіанскаго храма: на алтарѣ были изображенія святыхъ, кругомъ стояли изваянія апостоловъ, а самъ Бахусъ, нарядившись въ священническія ризы, сталъ передъ алтаремъ совершать служеніе. Чтобъ объяснить такой странной вымыселъ поэта, нужно припомнить только то, что, по мнѣнію католическихъ богослововъ, языческіе боги не что иное какъ демоны, что они имѣютъ власть и дѣйствительное бытіе, и противоборствуя небу, поддерживаютъ древнее грѣхопаденіе. Бахусъ играетъ здѣсь точно такую же роль, какъ Вельзевулъ и Астаротъ въ Тассѣ. Замѣтить нужно также, что сверхъестественное событіе, которое разсказываетъ здѣсь Камоэнсъ, въ глазахъ Португальцевъ совершенно историческое. Ихъ мореходцы дѣйствительно были приняты тогда въ Момбасѣ въ одномъ домѣ, гдѣ они замѣтили обряды христіанскаго богослуженія. Они совершаемы были абиссинскими несторіянами, но несторіяне еретики и вотъ уже достаточная причина для богослововъ, чтобъ богослуженіе ихъ назвать демонскимъ обольщеніемъ. Впрочемъ, должно согласиться, что мнеологія Камоэнса довольно непонятна, и что интересъ поэмы отъ этого очень много теряетъ. Начало

Digitized by Google

поэмы важно, но разсказъ начинаетъ тотчасъ ослабѣвать. Обстоятельства пути, совершеннаго моремъ, конечно, суть достовѣрный историческій фактъ, но Камоэнсъ не прибавилъ почти ничего къ тому, что находится въ IV книгѣ перваго десятикнижія Барроса, написавшаго исторію завоеваній Португальцевъ въ Индіи. Можно подумать, что Камоэнсъ все заимствовалъ оттуда, и не самъ путешествовалъ въ тѣ дальніе края, и видѣлъ ихъ не своими глазами. Онъ ищетъ прикрасъ въ греческой басиѣ, и ни сколько не не пользуется случаемъ описать климатъ и нравы обитателей Востока. Но будемъ разсматривать его поэму далѣе, и мы, вѣрно, найдемъ въ ней много первоклассныхъ красотъ.

Посланный Васко-де-Гамы принесъ добрыя вѣсти изъ города; коварный царь Момбаскій прислалъ Гаму войти въ гавань; онъ сбирается: передъ вечеромъ снимается съ якоря, поднимаетъ паруса, уже вступаетъ въ портъ, гдѣ ему готовится гибель, какъ вдругъ Венера является къ морскимъ Нимфамъ, и умоляетъ ихъ помочь ей спасти дорогихъ своихъ Португальцевъ отъ грозящей имъ опасности. Всѣ Нереиды сбѣгаются къ ней, Тритонъ беретъ ее себѣ на плечи, и гордясь этимъ легкимъ, воздушнымъ бременемъ, быстро несется по водамъ. Морскія божества запираютъ дорогу кораблямъ; Діана сама упирается своею бѣлоснѣжною грудью въ носъ адмиральскаго корабля, и отталкиваетъ его назадъ, вопреки дующему въ паруса вѣтру и всѣмъ усиліямъ матросовъ. Экипажъ, удивленный такимъ чудомъ, не постигаетъ, что бы это значило; но Мавры, пришедшіе на корабль въ большомъ числѣ, вообразили, что измѣна, замышленная ими, открыта, и побросались всѣ въ море; лоцманъ спасается вплавь, и Васко-де-Гама, догадываясь

Digitized by Google

по ихъ страху о вѣроломствѣ, выходитъ изъ гавани и принимаетъ мѣры къ защитѣ.

Между-тѣмъ, Венера восходитъ на высоту Эмпирея, чтобы склонить Юпитера въ пользу своихъ Португальцевъ; ея шествіе по небесамъ, ея одежда, ея прозьбы, изображены* мило, нѣжно, страстно, хотя и не такъ превосходно, какъ языческими поэтами, для которыхъ почитаніе Венеры было дѣломъ религіи. Юпитеръ принимаетъ ее благосклонно предвѣщая будущую славу Португальцевъ, ихъ завоеванія въ индійскихъ моряхъ, основаніе имперіи въ Гоѣ, двукратное завоеваніе Ормуса, и разрушеніе Калькутты. Онъ тогда приказываетъ Меркурію провести Васко-де-Гаму въ Мелиндъ, государство тоже маврское, но тамошній гостепріимный народъ съ радостію пріиметъ христіанъ и доставитъ имъ все нужное.

Въ самомъ дѣлѣ, мелиндскій царь, пораженный удивленіемъ при извѣстіи о такомъ отважномъ плаваніи и имѣя высокое мнѣніе о могуществѣ Португальцевъ, рѣшился вступить съ ними въ союзъ; онъ доставилъ имъ нужные жизненные припасы и снаряды, согласился явиться лично на корабль для переговоровъ съ адмираломъ, который не хотѣлъ выйти на берегъ, и пожелалъ, между прочимъ, узнать подробнѣе о предпріятіи Португальцевъ. Камоэнсъ пользуется этимъ случаемъ, и заставляетъ Гаму разсказать любопытствующему царю не только исторію своего пути, но и цѣлую исторію Португаліи. Разсказъ этотъ, который почти одинъ занимаетъ треть поэмы, и составляетъ въ планѣ Камоэнса, можетъ-быть, важнѣйшую часть, не такъ натураленъ, и не такъ у мѣста, какъ разсказъ Улисса у Феаковъ, или Энея у Дидоны, которые оба служили поэту образцемъ. Мавританскій царь, неслыхавшій

*) I, пѣснь II, строф. 34 — 38.

Digitized by Google

никогда ни о Европѣ, ни о ея законахъ, войнахъ и религіи, конечно, не понялъ большей части изъ разсказа, а что и понялъ, такъ то могло возбудить въ немъ только предубѣжденіе противъ Гамы, наслѣдственнаго врага, врага заклятаго мавританскаго племени и мусульманской религіи. Впрочемъ, разсматриваемое само въ себѣ, это повѣствованіе — произведеніе образцовое.

Гама начинаетъ описаніемъ Европы, той части свѣта, откуда являлись завоеватели и образователи вселенной; и его описаніе благородно, высоко, вполнѣ поэтическое; оно характеризуетъ всѣ народы, населяющіе Европу, и изображаетъ ихъ нравы, духъ, доблести и обычаи. Сперва описываетъ онъ жителей льдовъ скандинавскихъ, которымъ принадлежитъ неотъемлемая слава первыхъ побѣдителей Рима; потомъ Нѣмцевъ, Поляковъ, Русскихъ, занявшихъ мѣсто Германцевъ и Скифовъ; за ними Ѳракіянъ, покоренныхъ оттоманскому игу; затѣмъ онъ описываетъ землю, ту знаменитую, классическую землю, гдѣ родились краснорѣчивые геніи, гдѣ умы, воодушевленные живѣйшимъ энтузіазмомъ, озаренные высокими идеями, создали науки и разнесли ихъ свѣтъ по вселенной, гдѣ жители вознесли до небесъ славу своей родины; далѣе, изображаетъ Италіянцевъ, нѣкогда столь могущественныхъ силою оружія, но которыхъ теперь вся слава въ томъ, что они повинуются намѣстнику Христа; говоритъ о Галлахъ, которыхъ знаменитость начинается съ Цезаря, и наконецъ доходитъ до горъ Пиринейскихъ. «Здѣсь открывается благородная Испанія; она, точно, голова всей Европы; нѣсколько разъ ея владычество и слава вертѣлись на роковомъ колесѣ, но никогда озлобленная судьба не могла наслать на нее столько опасностей, чтобъ сила и крѣпость ея воинственныхъ сыновъ не могли одолѣть ихъ. Узкой про-

Digitized by Google

ливъ отдѣляетъ ее отъ Мавританіи, и полагаетъ предѣлъ Средиземному морю. Въ нѣдрѣ своемъ заключаетъ она разныя племена, которыя стараются превзойти другъ друга въ благородствѣ и храбрости, но ни одному изъ нихъ нельзя отдать первенства.» Описавъ всѣ народы Испаніи, поэтъ продолжаетъ: «Тамъ, на углу міра, лежитъ королевство Лузитанія, какъ вѣнецъ на главѣ Европы; тамъ кончается земля и начинается Океанъ, царство свѣтлаго Феба! Тамъ мое счастливое и любезное отечество! Если Небо позволитъ мнѣ совершить мое опасное предпріятіе и увидѣть отечество по совершеніи начатаго, то да скончаются тогда же дни мои!» Гама разсказываетъ потомъ, какъ образовалось Португальское королевство, и его разсказъ имѣетъ болѣе интереса для насъ, нежели для мелиндскаго царя. Исторію отечества облекаетъ онъ въ формы поэтическія, и разскрываетъ всѣ великія дѣла и великія бѣдствія, которыя возвышаютъ и увлекаютъ душу. Впрочемъ, въ этомъ разсказѣ должно искать не столько романическаго интереса, сколько свѣдѣній. Камоэнсъ хотѣлъ въ эпической поэмѣ собрать все, что исторія повѣствуетъ славнаго о его отечествѣ, и, не надѣясь, чтобы предметъ могъ возвысить поэму, онъ хотѣлъ самый предметъ возвысить прелестію стиховъ; онъ врѣзалъ національныя лѣтописи въ памяти людей, но не могъ сдѣлать изъ нихъ ничего кромѣ лѣтописи. Разсказъ Гамы будетъ для насъ краткимъ изложеніемъ португальской исторіи.

Взятіемъ Толеды, кастильскій король Альфонсъ VI привлекъ къ себѣ со всѣхъ концевъ міра множество искателей приключеній, посвятившихъ мечъ свой Богу. Распространивъ свое владычество до береговъ Западнаго Океана, онъ, въ вознагражденіе за храбрые подвиги, отдалъ въ управленіе своимъ рыцарямъ за-

Digitized by Google

воеванныя земли, и поставилъ ихъ главнымъ начальникомъ Генриха, котораго Камоэнсъ считаетъ вторымъ сыномъ венгерскаго короля, хотя бо́льшая часть генеалоговъ производятъ его отъ Роберта старшаго, внука Гуго-Капета, основателя бургундской династіи. Альфонсъ VI наименовалъ Генриха графомъ Португальскимъ, уступилъ ему часть своихъ владѣній, и отдалъ за него дочь свою Терезу. Генрихъ распространилъ свои владѣнія новыми областями, которыя онъ отнялъ у мусульманъ, и умеръ обремененный лѣтами и славою. Графскую корону и земли оставилъ онъ сыну своему Альфонсу. Но Тереза вступила во вторый бракъ и, утверждая, что Португалія ея приданое и потому принадлежитъ ей, удалила сына отъ наслѣдства. Альфонсъ не хотѣлъ покориться этому опредѣленію и Португальцы, не желавшіе быть подъ кастильскимъ игомъ, съ жаромъ приняли его сторону; войска обѣихъ сторонъ сошлись въ долинѣ Гвимарайенсъ, и въ первый разъ, въ 1128 году, португальская кровь пролилась въ междоусобной войнѣ. Альфонсъ I одержалъ побѣду; мать и отчимъ его попались въ плѣнъ сыну, и всѣ города признали Альфонса своимъ государемъ; но онъ, распаленный гнѣвомъ, обременилъ мать свою оковами, и тѣмъ навлекъ на себя мщеніе Неба и Кастильцевъ. Послѣдніе напали на него въ Гвимарайенсѣ съ безчисленными силами и требовали отъ него дани. Не въ состояніи будучи противиться, онъ уступилъ, и въ увѣреніе соблюденія даннаго обѣщанія, далъ въ поруки честное слово Эгацъ-Монница, португальскаго рыцаря, которымъ былъ воспитанъ, и двоюроднаго брата того изъ Португальцевъ, котораго считаютъ за ихъ древнѣйшаго поэта. Между-тѣмъ, какъ-скоро прошла опасность, Альфонсъ не захотѣлъ покориться чужой власти и платить обѣщанную подать. Эгацъ-Моницъ, не желая

Digitized by Google

ли оставаться порукою за клятвонарушителя, или спасая свою жизнь, или страшась быть причиною порабощенія отечества, бѣжалъ съ дѣтьми и женою отъ вѣроломнаго Альфонса. «Босой и въ разодранной одеждѣ, предсталъ онъ съ ними передъ кастильскаго короля, и сказалъ: »Если ты хочешь, великій государь, воспользоваться моею безразсудною довѣрчивостію, я самъ являюсь къ тебѣ выкупить свое обѣщаніе цѣною жизни. Но, ты видишь, я приношу тебѣ невинную жизнь моихъ дѣтей и жены; жестокая смерть, которой предашь ты эти слабыя существа не порадуетъ твоего благороднаго сердца. Вотъ руки мои и языкъ; они провинились передъ тобой, ихъ и предай всѣмъ родамъ мученій.« Какъ преступникъ, уже не чающій помилованія, кладетъ передъ палачемъ свою голову на плаху и ждетъ страшнаго удара, такъ Эгацъ, готовый претерпѣть всякое страданіе, явился передъ раздраженнымъ государемъ; но Кастилецъ, тронутый такимъ рѣдкимъ прямодушіемъ, внялъ голосу сожалѣнія и смягчилъ свой гнѣвъ.«

Послѣ междоусобныхъ войнъ Альфонса I, Васко-де-Гама разсказываетъ его доблестные подвиги противъ Мавровъ, и прежде всего говоритъ о побѣдѣ при Урикѣ въ Алентехо (25 Іюл. 1139 года), которая утвердила самостоятельность португальскаго королевства. Альфонсъ побѣдилъ въ одно время пять мавританскихъ царей, и почитая себя въ правѣ быть званіемъ по-крайней-мѣрѣ не ниже тѣхъ, которыхъ побѣдилъ, принялъ, вмѣсто прежняго графскаго титула, титулъ короля, и составилъ гербъ новаго королевства изъ пяти щитовъ, расположенныхъ крестообразно, съ изображеніемъ тридцати сребренниковъ, за которые преданъ былъ Іисусъ Христосъ. Сильнѣйшіе португальскіе города, занятые еще Маврами, по-

Digitized by Google

корились ему послѣ этой побѣды. Лиссабонъ, построенный, какъ полагаютъ Португальцы, Улиссомъ, взятъ, въ 1147 году, при помощи нѣмецкихъ и англійскихъ крестоносцевъ, шедшихъ во второй крестовый походъ. Альфонсъ нѣсколько разъ разбивалъ Мавровъ, бралъ ихъ крѣпости, наконецъ овладѣлъ Бадахосомъ. Но косневшее мщеніе Божіе за мать наконецъ постигло его. Альфонсу было уже слишкомъ 80 лѣтъ; силы его были всё еще крѣпки, честолюбіе его не уважало ни трактатовъ, ни кровныхъ связей. Бадахозъ долженствовалъ быть удѣломъ Фердинанда, короля леонскаго, его союзника и зятя; Альфонсъ не отдавалъ ему города и ждалъ осады, думая, въ случаѣ неудачи, съ мечемъ въ рукѣ пробиться сквозь непріятельскія войска. Но судьба взяла свое: онъ былъ сброшенъ лошадью, сломилъ ногу, и попалъ въ плѣнъ. Тогда, не ожидая уже ничего, онъ сдалъ королевство сыну своему, дону Санхо. Впрочемъ, неблагосклонная судьба еще разъ увѣнчала старика славною побѣдой. Санхо былъ осажденъ въ Сантаремѣ Эмиромъ ель-Муменимомъ и другими тринадцатью мавританскими царями: престарѣлый герой съ своими ветеранами явился передъ городомъ, вступилъ въ бой, разбилъ Мавровъ и убилъ марокскаго императора. Уже на 91 году отъ своего рожденія основатель португальской монархіи палъ подъ тяжестію лѣтъ и болѣзней.

Затѣмъ, Гама разсказываетъ дальнѣйшія происшествія: какъ Санхо, сынъ Альфонсовъ, отнялъ у Мавровъ городъ Сильвесъ, а у короля леонскаго городъ Туи; какъ Альфонсъ II взялъ Алказаръ-да-Саль, и какъ былъ слабъ и недѣятеленъ Санхо II, который пекся единственно о своихъ удовольствіяхъ и за то былъ низложенъ съ престола; какъ братъ его Альфонсъ III завоевалъ королевство Алгаврію, и преем-

Digitized by Google

никъ его Діонисій далъ законы Португаліи, основалъ коимбрскій университетъ, но на закатѣ дней своихъ потревоженъ былъ честолюбіемъ сына своего Альфонса IV; какъ Альфонсъ IV пріобрѣлъ прозваніе »Храбраго« за 12-ти-лѣтнюю войну съ Кастильцами, съ которыми онъ однако жъ впослѣдствіи тѣсно подружился, въ то время, когда Альмоадскіе Мавры вторглись въ Пиринейскій полуостровъ и стали грозить всѣмъ христіанскимъ государствамъ. Альфонсъ выдалъ свою дочь за кастильскаго короля, и приведя къ нему на помощь свои войска, способствовалъ знаменитой побѣдѣ при Тарифѣ, 30 октября 1340 года. Конецъ его царствованія ознаменованъ печальной трагедіей съ несчастною Инесой де-Кастро, и здѣсь у Камоэнса введенъ объ Инесѣ эпизодъ самый трогательный и самый прекрасный изо всей поэмы. Извѣстно, что сынъ и наслѣдникъ Альфонса, донъ Педро, любилъ эту женщину, будучи женатъ на другой; по смерти жены онъ взялъ ее за себѣ. Но Отецъ и нація не хотѣли видѣть ее королевой, и она принесена въ жертву благу отечества. Драматическій интересъ оживляетъ здѣсь историческія подробности, въ которыя вдается поэтъ.

»Ты, чистая любовь, ты, съ такимъ могуществомъ владычествующая надъ сердцами людей, ты одна причиною плачевной ея смерти! подумаешь, что она была твоимъ ненавистнымъ врагомъ. Жестокая любовь! твоя жажда не утоляется слезами скорби: въ тиранствѣ своемъ, ты хочешь еще, чтобы человѣческая кровь омывала твои алтари! Милая Инеса! мирно ты жила въ укромномъ убѣжищѣ, вкушая сладкіе плоды молодыхъ своихъ лѣтъ; мирно покоилась ты въ тихомъ и слѣпомъ сердечномъ обаяніи, которымъ судьба не надолго окружаетъ бѣднаго влюбленаго! Ты гуляла по уединеннымъ берегамъ Мондего,

Digitized by Google

роняя въ его волны горячія твои слезы; ты поверяла горамъ и молодымъ кустарникамъ дорогое имя, написанное на твоемъ сердцѣ. Мечты принца летѣли къ тебѣ, — твои хранились въ душѣ твоей. Но онъ, и въ разлукѣ съ тобою, видѣлъ тебя и днемъ и ночью въ сладкихъ снахъ и упоительныхъ мечтахъ. Все рисовало тебя въ его глазахъ; во всемъ онъ видѣлъ тебя, и все, что представлялось, что напоминало тебя, было ему залогомъ счастія.

»Онъ отвергъ прелестнѣйшихъ дѣвъ, не смотрѣлъ на высокихъ принцессъ; его чистѣйшая любовь покорилась одному твоему ангельскому взору. Но ропотъ народный испугалъ стараго отца. Онъ рѣшился погубить Инесу, чтобъ вырвать у нея сына, котораго она такъ очаровала. Онъ думалъ, что съ кровью ея потухнетъ въ немъ пылкій огонь любви. Но какая слѣпая ярость заставила его поднять на слабую и нѣжную женщину острый мечъ, разившій нѣкогда свирѣпыхъ Мавровъ? Страшная стража привела Инесу предъ царя. Невинная красота уже укротила-было добраго старца, но буйный народъ съ шумомъ обвинялъ ее и требовалъ ея смерти.

»Печальнымъ и жалобнымъ голосомъ плачетъ Инеса по своемъ государѣ-супругѣ и по дѣтяхъ. Не смерть, нѣтъ! разлука съ милыми причиняетъ ей столько скорби. Поднявъ къ свѣтлому небу свои слезные глаза, — руки были связаны — и обратившись къ дѣтямъ, своимъ милымъ и дорогимъ дѣтямъ, которыхъ страшилась покинуть сиротами, нѣжная мать такъ говорила жестокому ихъ дѣду:

»Если у дикихъ звѣрей, которыхъ сама природа учитъ быть лютыми; если у хищныхъ птицъ, живущихъ одною кровью, есть добрыя чувства къ младен-

* Пѣснь III стр. 120 и сл.

Digitized by Google

цамъ; ты, котораго лицо и сердце человѣческіе, хотя ты и безчеловѣчно хочешь убить слабую и беззащитную женщину: ужели ты не призришь этихъ слабыхъ созданій, когда губительная смерть отнимаетъ у нихъ подпору? Сжалься надъ ними, ради меня, ахъ! ты не имѣешь жалости къ моей невинности. Ты побѣждалъ упорныхъ Мавровъ, ты умѣлъ разливать смерть огнемъ и мечемъ: почему же не умѣешь даровать жизни той, которая не сдѣлала ничего достойнаго смерти? Если невинность моя сколько-нибудь трогаетъ тебя, то спаси меня; сошли въ вѣчное заточеніе, сошли въ холодную Скиѳію или въ знойную Ливію: только спаси меня; я стану жить тамъ моими слезами. Брось меня къ тиграмъ и львамъ: можетъ-быть, я отъ нихъ скорѣе вымолю состраданіе, въ которомъ отказали мнѣ сердца людей. Тамъ, съ этою любовію, которая наполняетъ мою душу, съ этою нѣжностію, за которую хотятъ меня наградить гробомъ, я стану воспитывать залоги любви того, кого я такъ люблю; они будутъ утѣшеніемъ печальной своей матери.» Смягченный, умиленный мольбами, пронзающими сердце, король хотѣлъ уже оправдать ее; но упорный народъ и судьба возстали противъ ея. Тѣ, которые произнесли жестокій приговоръ, уже потрясали своими крѣпкими мечами. Рыцари! вы, какъ варвары, возстаете противъ женщины, и являетесь палачами!

»Подобно какъ жестокій Пирръ поднялъ мечъ на прекрасную Поликсену, послѣднее утѣшеніе старой матери, за то, что тѣнь Ахилла обвиняла ее; подобно какъ Поликсена, обративъ къ небесамъ свои чистые глаза, кругомъ разливающіе миръ и свѣтъ, принесла себя въ жертву какъ тихій и непорочный агнецъ; такъ и Инеса обнажила передъ жестокими убійцами алебастровую шею и грудь, которыми любовь поко-

Digitized by Google

рила человѣка, хотѣвшаго сдѣлать ее королевою. Мечъ обагрился; злодѣи осквернили себя убійствомъ; они въ своемъ гнѣвѣ не подумали о наказаніи, ожидающемъ ихъ. Солнце! для чего не отвратило ты лучей своихъ отъ такого зрѣлища, какъ ты отвратило ихъ отъ кроваваго обѣда Тіеста, когда онъ пожиралъ дѣтей своихъ, подаваемыхъ ему рукою Атрея. И вы, долины, слышавшія послѣднія слова этихъ оледенѣвшихъ устъ, и повторявшія долго имя донъ Педро, скажите, что говорила она? Какъ бѣлая, прозрачная маргаритка, сорванная преждевременно неблагоразумною рукою дѣвушки, заплетшей ее въ свои кудри, теряетъ блескъ и цвѣтъ, точно такъ же и розы на лицѣ этой юной красоты погибли отъ блѣдности смерти. Цвѣтъ и блескъ кипѣвшей жизни исчезли съ ея послѣднимъ дыханіемъ. Дѣвушки Мондего, долго рыдая, воспоминали ея жалкую смерть, и слезы, пролитыя ими въ ея память, превратились въ чистый фонтанъ. Ему дано имя «Инесина-любовь,» и онъ теперь еще стоитъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершилась кровавая казнь. И нынѣ этотъ свѣжій фонтанъ орошаетъ розы: воды его — слезы, имя — Любовь. Скоро донъ Педро отмстилъ за убійство; когда бразды правленія перешли въ его руки, его первымъ дѣломъ было наказать враговъ. Для этого онъ заключилъ трактатъ съ Педро Кастильскимъ, такимъ же звѣремъ какъ самъ и первымъ условіемъ этого трактата было преслѣдованіе убійцъ.«

Донъ Педро, мстя за оскорбленія, былъ государемъ жестокимъ. Зато преемникъ его, Фердинандъ, былъ слабъ, изнѣженъ, сластолюбивъ. Увезя мужнюю жену, обвѣнчался съ нею; но развратная Елеонора опозорила его своею гнусною жизнію. У него была одна только дочь, Беатриса, выданная за кастильскаго принца, и потому Португальцы не хотѣли при-

Digitized by Google

знать ее своей королевой, а отдали корону донъ Жуану, родному брату Фердинанда. Кастильцы явились въ Португалію съ безчисленною арміею, и Португальцы уже готовы были уступить, какъ въ народномъ совѣтѣ возсталъ донъ Нуно Альварецъ Перейра, и своимъ краснорѣчіемъ убѣдилъ ихъ заступиться за короля. Рѣчь, которую вложилъ ему въ уста Камоэнсъ, дышетъ рыцарскимъ достоинствомъ, и выразительною древнею важностію, характеризующею краснорѣчіе среднихъ вѣковъ. Нуно Альварецъ сразился за независимость отечества. Въ битвѣ при Альгубароттѣ, ужаснѣйшей изъ всѣхъ, какія происходили между Португальцами и Кастильцами, онъ сошелся съ братьями своими, принявшими сторону Кастиліи, и съ горьстію солдатъ выдержалъ нападеніе многочисленнаго непріятельскаго отряда. Это сраженіе описано самыми блестящими красками: Камоэнсъ, какъ и всѣ Португальцы, любилъ Альвареца до безумія. Пока король оставался на полѣ битвы, Нуно кинулся впередъ, проникъ въ Бетику, взялъ Севиллу, и заставилъ гордаго Кастильца просить мира.

Послѣ побѣды надъ Кастильцами, Донъ Жуанъ ѣздилъ въ Африку, воевать мавританскія земли; съ нимъ ходили и его дѣти. При Эдуардѣ, донъ Фернандъ, прославленный Кальдерономъ, попался въ плѣнъ Африканцамъ. Альфонсъ V былъ Мавровъ нѣсколько разъ, но былъ побѣжденъ Кастильцами, напавшими на него съ Фердинандомъ Аррагонскимъ. Послѣ Альфонса V взошелъ на престолъ его сынъ Іоаннъ II, тринадцатый португальскій король. Іоаннъ, первый возъимѣлъ мысль найти путь въ тѣ земли, которыя Аврора освѣщаетъ ранѣе другихъ. По его распоряженію ѣздили туда путешественники чрезъ Италію, Египетъ и Черное море; но достигнувъ устьевъ Инда, они умирали, не имѣвъ счастія видѣть своего лю-

Digitized by Google

безнаго отечества. Эммануилъ, наслѣдникъ Іоанна, продолжалъ его открытія. Поэтъ увѣряетъ, что Индъ и Гангъ являлись этому государю во снѣ и призывали его на тѣ завоеванія, которыми суждено было прославиться Португальцамъ. Эммануилъ избралъ Васко-де-Гаму. Въ пятой книгѣ Гама начинаетъ разсказывать о своей экспедиціи и о своихъ собственныхъ открытіяхъ.

Теперь, когда моря изъѣзжены во всѣхъ направленіяхъ, когда явленія природы, внушавшія ужасъ, узнаны, объяснены и уже нестрашны, проѣздъ Васко-де-Гама въ Индію не кажется уже тѣмъ, чѣмъ онъ былъ тогда, не кажется предпріятіемъ отважнѣйшимъ и опаснѣйшимъ, на какое только можетъ рѣшиться смѣлость человѣческая. Вѣкъ, предшествовавшій вѣку Эммануила великаго, хотя весь былъ посвященъ изысканіямъ на моряхъ, но не сроднилъ однако жъ умовъ съ такимъ необыкновеннымъ мореплаваніемъ. Долго мысъ Нонъ, на предѣлѣ марокской имперіи былъ предѣломъ европейскаго мореплаванія: почести и награды, раздаваемыя инфантомъ домомъ Генрихомъ, и еще болѣе, приманка грабежа, который съ намѣреніемъ позволялся по чуждымъ берегамъ всякому вольному искателю приключеній, все было напрасно и ничто не могло завлечь Португальцевъ къ предѣламъ великой пустыни. Мысъ Баядоръ ставилъ собою новую преграду всякому покушенію и наводилъ на всякаго страхъ и ужасъ. Требовалось безпрерывныхъ десятилѣтнихъ усилій, прежде нежели рѣшились переступить за эту преграду; но и сдѣланный шагъ всё еще былъ не великъ, не больше какъ на шестьдесятъ миль разстояніемъ отъ извѣстныхъ береговъ, а еще двѣсти оставалось до Мыса Доброй-Надежды. Съ каждымъ новымъ шагомъ вдоль береговъ Сенегала, Гвинеи и Конго открывались новыя чудеса, но-

Digitized by Google

вые ужасы и новыя опасности. Мореходцы, одинъ за однимъ, ходили туда ежегодно, подвигались впередъ и впередъ по берегу Африки, которой пространство было такъ обширно для малаго европейскаго мореплаванія; и между-тѣмъ нигдѣ ни слѣда гражданственности, нигдѣ ни зародыша торговли, никакихъ средствъ доставать жизненныхъ припасовъ въ такомъ неслыханномъ разстояніи отъ отечества; ни какой возможности подкрѣпить утомившихся. Наконецъ, въ 1486 году, буря занесла Бартелеми Діаца за Мысъ Доброй-Надежды; не видавъ мыса онъ замѣтилъ, что берегъ нейдетъ уже къ югу, но повернулъ къ сѣверу. Ему бы итти далѣе, съѣздить въ Индію, и явиться въ Португаліи, тогда бы ему принадлежала слава открытія пути на Востокъ; но у него запасы были истощены, матросы утомлены, и онъ, цѣня всю выгоду своего случайнаго открытія, предоставилъ однако же пожать плоды его другому, болѣе смѣтливому и болѣе счастливому. Въ такомъ положеніи были свѣдѣнія Португальцевъ на счетъ мореходства, когда король Эммануилъ поручилъ Гамѣ проникнуть этимъ путемъ въ Индію. До малабарскаго берега оставалось неизвѣстныхъ еще двѣ тысячи миль; слѣдовательно, столько, сколько открыли въ цѣлое столѣтіе. Впрочемъ Португальцамъ это не было извѣстно; они могли думать, что разстояніе вдвое больше; они не знали ни тамошнихъ вѣтровъ, ни явленій тамошней атмосферы: они могли полагать, что тамъ ожидаютъ ихъ новые враги, враги сильные, неуступающіе имъ ни въ воинскомъ искусствѣ, ни въ успѣхахъ гражданской образованности. Тѣмъ болѣе чести героямъ рѣшавшимся на такое смѣлое предпріятіе. Флотъ, назначенный въ эту экспедицію, состоялъ изъ трехъ небольшихъ военныхъ кораблей и одного транспортнаго судна; экипажу было 148 че-

Digitized by Google

ловѣкъ. Кораблями командовали Васко-де-Гама, братъ его Павелъ-де-Гама, и Николай Коэло. Они выступили изъ порта Белемъ или Виолеемъ въ милѣ отъ Лиссабона, 8 іюля 1497 году. Вотъ какъ Васко-де-Гама продолжаетъ свое повѣствованіе царю мелиндскому, и разсказываетъ ему объ этомъ отъѣздѣ:

»Приготовивъ души къ смерти, всегда близкой на морѣ, мы вышли изъ храма, построеннаго на берегу во имя Святой Земли, гдѣ воплотился Господь... Въ тотъ день жители города, наши друзья, родственники, всѣ, которыхъ любовь или любопытство привлекли, собрались на берегу, безпокоясь и жалѣя о насъ. Между-тѣмъ мы шли къ своимъ кораблямъ торжественной процессіей въ сопровожденіи священнаго собора духовенства, молившагося о нашемъ благополучномъ плаваніи. Всѣ считали насъ людьми погибшими. Женщины проливали слезы состраданія, мужчины испускали раздирающіе вздохи, матери, жены, сестры, которыхъ безпокойная любовь лишала всякой надежды, приводили насъ въ трепетъ и наводили тоску на сердце; страшно было не увидѣть больше отечества. Одна говорила: »Сынъ мой! ты, котораго я почитала своимъ единственнымъ утѣшеніемъ, единственною подпорою истощенной старости, ты, котораго отнынѣ мнѣ прійдется оплакивать горькими слезами, зачѣмъ покидаешь ты меня несчастную? зачѣмъ, сынъ мой любезный, удаляешься отъ меня? зачѣмъ ѣдешь искать могилы въ морѣ и сдѣлаться пищею рыбъ?« Другая, съ растрепанными волосами, кричала: »Супругъ мой, милый, дорогой мой супругъ, безъ кого и жизнь мнѣ не въ жизнь, для чего ты бросаешь дни свои въ ярое море, дни, которые принадлежатъ мнѣ, а не тебѣ? для чего такое опасное путешествіе предпочитаешь любви, царствующей между нами? Ужели ты хочешь, чтобы вѣтеръ,

Digitized by Google

подувшій въ ваши паруса, унесъ и любовь нашу, и наше мирное спокойствіе.« Съ такими и подобными словами, внушаемыми любовью и нѣжнымъ сожалѣніемъ, шли за нами и старцы, рыдая какъ дѣти. Горы отвѣчали имъ стенаніямъ и, казалось, также глубоко были тронуты и жалѣли о насъ; слезы катились у насъ по щекамъ, слезы обильные, какъ песокъ, на который они падали.

«Но не поднимая глазъ ни на матерей, ни на женъ, чтобъ не увеличить тоски, не измѣнить однажды принятому намѣренію, мы обнялись съ ними молча, не предаваясь отчаянію обыкновенныхъ прощаній: прощанье только усиливаетъ скорбь и отъѣзжающаго и остающагося. Но одинъ старецъ почтеннаго вида, остановившійся на берегу посреди толпы, поглядѣлъ на насъ пристально и потрясши трижды головою съ видомъ неудовольствія, возвысилъ хриплый голосъ и сказалъ слѣдующія мудрыя слова, внушенныя ему долговременною опытностью:*

»О Славолюбіе! славолюбіе! о пустое стремленіе къ суетности, которую мы называемъ славою! обманчивая страсть, раздуваемая народнымъ вѣтромъ, который намъ кажется извѣстностію въ свѣтѣ! какое достойное наказаніе сердцамъ суетнымъ, которыя алчны къ тебѣ! Сколько смертей, сколько бѣдъ, бурь и страданій заставляешь ты претерпѣвать! Слава, жестокое безпокойство души, источникъ лишеній и злодѣйствъ, ты, которая быстро пожираешь имѣнія, царства, имперіи, тебя называютъ блестящею, тебя именуютъ высокою, но ты заслуживаешь однихъ безславныхъ упрековъ; тебя называютъ славою и честію верховною, и этимъ только обманываютъ несвѣдущій народъ. Въ какія новыя бѣды рѣшилась ты вовлечь эту страну и этихъ

* Пѣснь IV строф. 98 и слѣд.

Digitized by Google

воиновъ? Какія напасти придумала имъ? Какія ты такъ щедро обѣщаешь имъ царства и золотые рудники, чтобъ обольстить ихъ? Какія сулишь имъ почести, какую благодарность въ потомствѣ, какія торжества, вѣнцы, побѣды?... И ты, племя желѣзное, родъ непокорный и буйный, ты, который въ своемъ воображеніи возвысилъ эту пустую суетность на высокую степень, который звѣрство и жестокость хищныхъ животныхъ именуешь мужествомъ и силою, и такъ уважаешь презрѣніе къ жизни, которою должно дорожить, потому что она хранима Тѣмъ, Кто далъ ее, скажи, развѣ нѣтъ у тебя въ сосѣдствѣ Измаильтянъ, съ которыми ты вѣчно можешь воевать? Не безбожникъ ли Арабъ, и не проклято ли его вѣроисповѣданіе?.. Если правда, что ты хочешь подвизаться за Христа и за вѣру, то развѣ у Арабовъ нѣтъ ни городовъ, ни земель? посмотри, у нихъ городовъ множество и земли ихъ неизмѣримы. Если ты жаждешь военной славы, то развѣ мало тебѣ будетъ побѣдить страшныхъ Измаильтянъ?.. Ты оставляешь врага буйствовать у порога твоего дому, а ѣдешь въ дальнія стороны искать другаго, изъ-за котораго ослабнетъ и опустошится твое древнее царство! Ты идешь искать отдаленныхъ враговъ, неизвѣстныхъ опасностей, только длятого чтобы молва гремѣла о тебѣ, чтобъ слава ласкала тебя и называла повелителемъ Индіи, Аравіи, Персіи и Ефіопіи!«

»Пока старецъ говорилъ это, мы отплыли. Горы родины уже мало-по-малу терялись изъ виду, уже исчезалъ любимый Тагъ; темнѣла ясная Цинтра, на которой держались еще наши взоры; сердца наши еще жили на этой возлюбленной землѣ, къ которой они прикованы были тоскою; наконецъ все исчезло, остались одно небо и море.«

Затѣмъ Васко-де-Гама описываетъ свое плаваніе по

Digitized by Google

западному берегу Африки; описываетъ Мадеру, первый изъ острововъ, заселенныхъ Португальцами; горячіе берега Агенуэзской степи; проѣздъ подъ тропикомъ и холодныя волны чернаго Сенегала; краткое пребываніе на Санъ-Яго, гдѣ запаслись провизіей; крутыя скалы Сіерра-Леона; островъ, которому они дали имя Св. Ѳомы; государство Конго, орошаемое рѣкою Заирою и уже обращенное къ христіанству. Наконецъ, они прошли экваторъ, и за нимъ надъ горизонтомъ видѣли новый полюсъ, не такой впрочемъ блестящій, и не столько богатый звѣздами, какъ сѣверный. Чудеса этихъ неизвѣстныхъ морей, и между прочимъ сифоны, описаны Гамою самыми блестящими, поэтическими красками. Наконецъ, послѣ пятимѣсячнаго плаванія, дошли они до мыса Доброй-Надежды, гдѣ середи черныхъ облаковъ представилось ихъ глазамъ ужасное видѣніе.

»Передъ нами въ воздухѣ явился дивный призракъ. Ростъ его былъ гигантскій и безобразный, лицо мрачное, борода густая, глаза впалые, и брови нахмуренныя; цвѣту онъ былъ земляного; курчавые волосы покрыты были пылью, а во рту торчали желтые зубы. Его огромный ростъ былъ равенъ огромной величинѣ родосскаго колосса, почитаемаго за одно изъ семи чудесъ свѣта. Онъ сталъ говорить намъ страшнымъ, гремящимъ голосомъ, который, казалось, исходилъ изъ глубины морской. Отъ одного взгляду на него, отъ однихъ звуковъ его голоса, я дрожалъ и всѣ товарищи мои трепетали; волосы дыбомъ поднялись у насъ на головахъ. Онъ говорилъ: »Безстрашный ты народъ! безстрашнѣе всѣхъ совершавшихъ великія дѣла! Послѣ столькихъ жестокихъ войнъ, послѣ столькихъ тщетныхъ трудовъ, ты не ищешь по-

* Пѣснь V стр. 39.

Digitized by Google

кою; ты дерзаешь пройти за положенный тебѣ предѣлъ и плывешь въ мои широкія моря, которыя я издавна стерегу, и которыхъ величественныхъ водъ не позволяю прорѣзывать ни одному кораблю, ни своему ни чужому; ты хочешь открыть сокровенныя тайны природы и влажной стихіи, тайны, которыхъ не суждено знать ни одному смертному, какъ бы онъ великъ ни былъ. Я скажу тебѣ, какія готовятся бѣды твоей гордой дерзости на этомъ обширномъ морѣ, и на той землѣ, которую ты хочешь покорить себѣ жестокою войною.

«Знай, что на всякаго смѣльчака, который дерзнетъ проникнуть сюда, здѣшніе народы поднимутся грозой, и что я, я самъ, въ ту же минуту, на всякій флотъ, отваживающійся пройти эти дѣвственныя волны, нашлю такія бури, подниму такіе вѣтры, о какихъ ни кто и не слыхивалъ. Если не ошибаюсь, то я, на самомъ этомъ мѣстѣ отмстилъ уже тому, кто первый открылъ меня * и однако же этимъ не исполнена еще мѣра бѣдствій, какія навлекаетъ на васъ ваша упорная дерзость; напротивъ, каждый годъ ваши корабли станутъ терпѣть крушенія; я нашлю на васъ напасти всѣхъ родовъ, изъ которыхъ смерть будетъ самою легкою. По суду невѣдомыхъ Божіихъ судебъ, я буду вѣчнымъ гробомъ тому, кто первый * вознесетъ до небесъ славу свою въ Индіи. Здѣсь сложитъ онъ гордые трофеи, похищенные въ побѣдахъ надъ турецкими войсками; здѣсь разрушенная имъ Кеилоа, здѣсь Момбаса грозятъ ему своимъ мщеніемъ.

* Бартелеми Діацъ раньше еще Гамы, первый, открывшій мысъ Доброй-Надежды, погибъ при немъ съ тремя кораблями въ 1500 году въ экспедиціи Алвареца Кабралы.

* Здѣсь разумѣется Франсуа д'Алмейда, первый вице-король Индіи, убитый въ 1509 году Кафрами на мысѣ Доброй-Надежды.

Digitized by Google

«Потомъ пріидетъ сюда другой человѣкъ, * увѣнчанный славою, рыцарь въ душѣ и, влюбленный, онъ привезетъ съ собою жену красавицу, которою Любовь надѣлитъ его изъ любви къ нему. Но печальная и горькая судьба зоветъ его сюда, въ эту негостепріимную землю, которая принадлежитъ мнѣ; она дастъ ему пристанище отъ бури, но только для того чтобъ подвергнуть его крайнимъ мученіямъ. Въ его глазахъ погибнутъ отъ голода и зноя дорогіе дѣти, рожденныя и воскормленныя нѣжною Любовію; передъ его глазами жадные, лютые Каффры ограбятъ его возлюбленную супругу и снимутъ съ нея платье и обувь; ея прелестные, нѣжные члены будутъ терпѣть стужу вѣтровъ и зной здѣшняго лѣта; ея нѣжныя ноги будутъ ходить по горячему, раскаленному песку.»

«Страшное чудовище не перестало бы пророчить намъ злую судьбу; но возвысивъ голосъ, я сказалъ ему: кто ты, дивный великанъ? Тогда, отвративъ лицо и мрачные глаза свои, съ судорожнымъ дрожаніемъ отвѣчалъ онъ мнѣ голосомъ тяжкимъ и горькимъ, какъ-будто отвѣтъ былъ ему въ тягость: «Я тотъ невѣдомый великій Мысъ, который вы называете Мысомъ Бурь, тотъ, котораго не знали ни Птоломей, ни Помпоній, ни Страбонъ, ни Плиній, ни кто изъ древнихъ. Весь берегъ Африки кончается моимъ послѣднимъ утесомъ, котораго никто не видалъ; онъ простирается къ антарктическому полюсу, оскорбленному вашею дерзостію. Я родился отъ одного изъ страшныхъ дѣтей природы; я братъ Енселада, Егея и сторукаго исполина. Прежде меня звали Адамасторомъ, и я велъ войну съ тѣхъ, кто мещетъ молніи. Я не поднималъ гору на гору, но завоевалъ волны Океана, сталъ повелителемъ морей, по которымъ ходилъ

* Мануэль де Суза съ женою (Пѣснь V, строф. 46 и слѣд.)

Digitized by Google

флотъ Нептуна, преслѣдуемый мною. Любовь къ знаменитой супругѣ Пелея, одушевила меня на такое высокое предпріятіе; я презрѣлъ всѣхъ небесныхъ богинь, и любилъ одну только владычицу водъ. Однажды я видѣлъ ее нагую, какъ она выходила на берегъ съ дочерьми Нерея; у меня вскружилась голова, и съ тѣхъ поръ никто уже на свѣтѣ не былъ болѣе мнѣ милъ. Ужасно огромный мой ростъ отнималъ у меня всю надежду понравиться ей, и я рѣшился овладѣть ею силой, и сообщилъ мои намѣренія Доридѣ. Та, изъ страха должна была говорить ей обо мнѣ, но она съ ласковой и стыдливою улыбкой отвѣчала: любовь ли Нимфы можетъ удовлетворить исполина. Впрочемъ, чтобъ избавить себя и Океанъ отъ гибельной войны, я подумаю о средствахъ избѣжать непріятности, не пятная своей чести. Таковъ былъ отвѣтъ, принесенный мнѣ моею посланною. Не подозрѣвая обмана, — таково ослѣпленіе любви! — я всѣмъ сердцемъ предался надеждамъ и желаніямъ. Въ одну ночь, какъ обѣщала Дорида, явился передъ мною вдалекѣ прелестный образъ Ѳетиды, мое единственное желаніе: бѣгу въ восторгѣ, еще издалека отверзаю свои объятія, чтобы прижать къ груди жизнь души моей; уже покрываю я горячими поцѣлуями ея глаза, ея щеки, ея волосы; но думая, что прижимаю къ груди возлюбленную, я вдругъ увидѣлъ, что обнимаю жесткую гору, лобызаю дикую скалу величины необъятной; а я видѣлъ въ ней такое ангельское лицо! — Изумленный, стою я передъ ней, и вдругъ перестаю быть человѣкомъ; нѣмъ и неподвиженъ я чувствовалъ, что превратился въ камень, въ такую же скалу, какъ и она. О Нимфа! прекраснѣйшая Нимфа Океана! если мое присутствіе тебѣ противно, тебѣ бъ ничего не стоило держать меня по-крайней-мѣрѣ въ заблужденіи, обманывать

Digitized by Google

меня горой, облакомъ, мечтой, чѣмъ угодно. Раздраженный, омраченный скорбію и стыдомъ, я удалился, и пошелъ въ чужія земли, чтобъ никто не смѣялся надъ моимъ страданіемъ. Братья мои были побѣждены всѣ и заточены; чтобы обезопасить себя отъ ихъ покушеній, боги погребли ихъ подъ тяжелыми горами. Ты знаешь, руки наши слабы противъ неба; мнѣ дѣлать было нечего, и я пошелъ въ дальнія стороны оплакивать свое горе, и скоро почувствовалъ дѣйствія казни, которою враждебный рокъ наказывалъ мою дерзость: тѣло мое превратилось въ твердую землю, кости отвердѣли какъ скалы, члены эти, которые ты видишь, простерлись въ пространства водныя: боги превратили мое необъятное тѣло въ этотъ отдаленный мысъ. И, къ большему несчастію, Ѳетида еще стала окатывать меня своими волнами.»

«Такъ говорилъ онъ съ горькими слезами на глазахъ: и вдругъ потомъ исчезъ; черное облако, одѣвавшее его, разсѣялось, и море отозвалось вдалекѣ своими протяжными отголосками. Но я поднялъ руки къ благодатному хору ангеловъ, руководившихъ насъ въ нашемъ пути, моля Бога отвратить жестокія бѣды, которыя предрекалъ намъ Адамасторъ.»

Я представилъ въ цѣлости два отличнѣйшіе епизода Лузіады объ Инесѣ и Адамасторѣ. Извлеченія недостаточны для того, чтобы судить объ той силѣ созданія, объ той смѣси величія и чувствительности, которыя отличаютъ истиннаго поэта. Къ несчастію, переводъ не можетъ выразить и передать красотъ: гармонія языка, истина, чистота выраженій и прелесть стиховъ неподражаемы; и при небольшомъ знаніи португальскаго языка найдешь больше наслажденія читая оригиналъ, нежели самый лучшій переводъ.

Потомъ Гама разсказываетъ свое путешествіе вдоль

Digitized by Google

восточнаго берега Африки, свой проѣздъ мимо острова, гдѣ останавливался Бартелеми Діацъ, наконецъ прибытіе въ то мѣсто, которое они назвали пристанью Добрыхъ-Признаковъ, потому что тамошніе жители говорили арабскимъ языкомъ, имѣли корабли и паруса, и знали нѣсколько объ Индіи. Эти признаки гражданственности оживили надежду мореплавателей именно тогда, когда они болѣе всего нуждались въ надеждѣ, потому что скорбутъ началъ сильно свирѣпствовать въ экипажѣ.

Они заѣзжали потомъ въ порты мозамбикской и монбасской, наконецъ пріѣхали въ Мелиндъ. Этимъ оканчивается длинный разсказъ Гамы, и пятая пѣснь поэмы.

Съ шестой пѣсни поэтъ начинаетъ опять говорить отъ себя. Португальскій адмиралъ соединяется съ мелиндскимъ царемъ священными связями гостепріимства, обѣщаетъ ему, что корабли португальскіе будутъ всегда приставать къ нему, и получаетъ отъ него вѣрнаго лоцмана для проѣзда черезъ обширный заливъ, отдѣляющій Африку отъ Индіи. Между-тѣмъ Бахусъ, неуспѣвшій остановить Португальцевъ, не смотря на помощь боговъ неба, прибѣгаетъ къ богамъ морскимъ и идетъ въ жилище Нептуна, гдѣ собираются всѣ водныя силы. Это даетъ Камоэнсу случай изобразить новыми красками всю древнюю миѳологію, и картина достойна классическихъ поэтовъ, если только подражаніе можно равнять съ образцомъ. Боги морскіе, возбужденные Бахусомъ, соглашаются освободить вѣтры и взрыть волны, чтобъ остановить пловцовъ, идущихъ разоблачать ихъ тайны.

Но прежде нежели совѣтъ боговъ морскихъ принялъ пагубное рѣшеніе, Португальцы, плывшіе изъ Мелинда, для полной безопасности, учредили караулъ. Стражи второй смѣны уже были на часахъ, и чтобъ

Digitized by Google

разогнать сонъ, стали разсказывать другъ другу повѣсти. Одни хотѣли повѣстей веселыхъ, и влюбленный Леонардъ просилъ разсказать какую-нибудь любовную. Не Веллозо сказалъ: «При нашихъ суровыхъ обстоятельствахъ не годится говорить о нѣжностяхъ; при нашей ли тяжкой жизни идетъ говорить о любви и наслажденіяхъ? Станемъ лучше бесѣдовать о храбрости и мужествѣ, потому что жить и трудиться для насъ одно и то же.» Тогда его стали просить разсказать о какомъ-нибудь знаменитомъ подвигѣ, и онъ началъ исторію португальскихъ рыцарей, извѣстную подъ именемъ: Сказанія о двѣнадцати англійскихъ рыцаряхъ. Въ царствованіе Іоанна I въ Португаліи и Ричарда II въ Англіи, англійскіе рыцари, оскорбленные нѣкоторыми придворными дамами, стали относиться о нихъ съ невыгодной стороны, и взялись доказать на поединкѣ, что оскорбившія ихъ недостойны имени честныхъ женщинъ. Никто въ Англіи не смѣлъ принять вызова рыцарей, страшныхъ своею храбростію; но герцогъ Ланкастерскій, тесть короля Іоанна, сражавшійся вмѣстѣ съ Португальцами въ войнахъ ихъ съ Кастильцами, совѣтовалъ дамамъ искать защитниковъ въ Португаліи и назвалъ имъ 12 лучшихъ португальскихъ рыцарей. Дамы кинули жеребій, котораго каждой избрать. Потомъ написали объ этомъ къ королю Іоанну и къ рыцарямъ, каждая къ своему; герцогъ, съ своей стороны, написалъ ко всѣмъ. Просьба, сразиться за неизвѣстныхъ красавицъ, принята была какъ милость, и благородные Португальцы, получивъ согласіе короля своего, взяли оружіе и коней, сѣли на корабль и отправились въ Англію. Только одинъ изъ нихъ, по имени Магриво, захотѣлъ ѣхать сухимъ путемъ до береговъ Ламанша, и просилъ своихъ товарищей, въ случаѣ, если не поспѣетъ къ положенному дню, поддержать общими ихъ силами его честь. Въ самомъ

Digitized by Google

дѣлѣ, онъ едва-было не опоздалъ. Проѣхавъ Испанію и Францію, онъ былъ задержанъ противными вѣтрами въ Фландрскомъ портѣ. Одиннадцать его товарищей въѣхали на назначенное мѣсто, чтобы сразиться съ 12 англійскими рыцарями; на каждомъ изъ нихъ былъ шарфъ цвѣту защищаемой имъ дамы. Одна только изъ нихъ оставалась безъ рыцаря. При сраженіи присутствовалъ король; уже данъ былъ знакъ къ битвѣ, какъ въ ту самую минуту явился и Маргицо, обнялъ товарищей, и сталъ за свою даму. Поэтъ, который самъ привыкъ къ битвамъ, усталъ, какъ и мы, отъ поэтическихъ описаній мѣткости и ловкости ударовъ мечей и копій, не входитъ въ подробности описанія этого ристалища; онъ говоритъ только, что побѣда осталась на сторонѣ Португальцевъ. Послѣ блестящихъ праздниковъ, данныхъ въ честь ихъ герцогомъ Ланкастерскимъ и дамами, они со славой возвратились въ отечество. На дорогѣ встрѣтилось съ нимъ тоже много славныхъ приключеній. Мендозо хотѣлъ-было начинать разсказывать, какъ вдругъ лоцманъ громко закричалъ экипажу быть на готовѣ, потому что изъ чернаго облака, показавшаюся на горизонтѣ, подулъ сильный вѣтеръ. Напрасно кричалъ онъ, чтобъ убрали большой парусъ: парусъ мгновенно разорвало въ клочки, прежде нежели успѣли взяться за стенги; кинутый на бокъ, корабль едва не былъ залитъ волнами. На кораблѣ Павла Гамы сломило мачту. У Коэло тоже начало рвать снасти, хотя паруса успѣли убрать прежде чѣмъ попали подъ шквалъ. Здѣсь поэтъ въ первый разъ описываетъ бурю: онъ самъ объѣхалъ по морямъ цѣлаго полушарія, онъ видѣлъ что̀ такое буря, когда расходится океанъ и заслушаютъ вѣтры; оттого картина его дышетъ жизнію и истиною. Васко-де-Гама, въ такой чрезвычайной опасности, бросается на колѣни передъ иконою Спаси-

Digitized by Google

теля съ горячею молитвою; но по духу миѳологіи, принятой во всей поэмѣ, его спасаетъ не Христосъ, но Венера, которой блестящая звѣзда взошла въ эту минуту на горизонтъ. Венера созываетъ Нимфъ, приказываетъ имъ убраться гирляндами и обольстить раздраженныхъ вѣтровъ; вѣтры попали на приманку; благодаря Венерѣ волны утихаютъ, настаетъ штиль. Къ довершенію радости юнга сверьху марса кричитъ: «земля!» матросы вторятъ ему дружнымъ крикомъ, и мелиндскій лоцманъ объявляетъ Португальцамъ, что земля, которая у нихъ въ виду, — Калькутта, вожделѣнная цѣль ихъ путешествія.

Не мудрено, когда народъ многочисленный сильнаго государства предпринимаетъ дѣла великія; славнѣе несравненно великія дѣла совершаемыя народомъ немногочисленнымъ, не имѣющимъ большаго матеріяльнаго могущества. Выражаніемъ этой мысли Камоэнсъ начинаетъ седьмую главу своей Лузіады.

«Португальцевъ не много, но Португальцы храбры: они не думаютъ о томъ, что ихъ мало, они смѣло идутъ проливать свою кровь, и цѣною тысячи жертвъ раздвигаютъ царство закона вѣчной жизни. Посмотрите, Португальцы, сколько великихъ дѣлъ во славу святаго христіанства судилъ небесный Промыслъ совершить вашей слабой рукѣ! Это оттого, что Господь возвышаетъ смиренныхъ. Посмотрите на Германцевъ, на это кичливое стадо, которое пасется на такихъ широкихъ поляхъ: что они дѣлаютъ? Они возстали противъ главы своей церкви, противъ намѣстника Св. Петра, избрали новаго пастыря и выдумали новое ученіе! Посмотрите на него: мало одного слѣпаго заблужденія: оно подняло нечестивую войну, войну не для отраженія надменнаго Оттомана, но чтобъ только попрать законную власть!»

Также говоритъ Камоэнсъ и объ Англичанахъ, Фран-

Digitized by Google

цузахъ, Италіанцахъ, упрекаетъ ихъ за пустыя войны, которыя они ведутъ изъ личныхъ выгодъ и за дѣла мира, тогда какъ имъ слѣдовало бы биться съ врагами вѣры. «Народы безсмысленные и слѣпые! между-тѣмъ какъ вы заливаете родныя поля свои собственною кровью, православіе не потухаетъ въ незамѣтномъ углу Европы — въ Лузитаніи! У Португальцевъ есть крѣпости въ Африкѣ, есть владѣнія въ Азіи, больше чѣмъ у всѣхъ у васъ вмѣстѣ; Португальцы начинаютъ обрабатывать невозлѣланныя земли въ новой, четвертой, части свѣта, и если вселенная распространится, они и въ новыхъ земляхъ станутъ господствовать также.»

Камоэнсъ больше какъ географъ, нежели поэтъ или живописецъ, описываетъ западной полуостровъ Индіи, малабарскій берегъ, Калькутту и столицу Саморина, къ которой присталъ Гама. Тамъ Португальцы нашли одного варварійскаго Мавра, по имени Монсаида, который узналъ ихъ по испанской одеждѣ, заговорилъ съ ними по-кастильски, и пригласилъ въ свой домъ. Онъ не зналъ, что Португальцы враждуютъ съ его родомъ: онъ помнилъ только, что родился сосѣдомъ ихъ, пришелъ къ нимъ на корабль и разсказалъ все, что зналъ объ Индіи. Между-тѣмъ Саморинъ призываетъ Гаму къ себѣ. Адмирала несутъ въ паланкинѣ, а солдаты его идутъ за нимъ пѣшкомъ; Монсаидъ служитъ переводчикомъ. Именемъ короля португальскаго проситъ онъ дружбы калькутскаго государя, и предлагаетъ торговлю съ Европой въ замѣнъ торговли съ Азіей. Саморинъ обѣщаетъ подумать объ этомъ въ своемъ совѣтѣ, разспрашиваетъ Монсаида о Португальцахъ, и приказываетъ впустить ихъ въ гавань. Тутъ Гаму посѣщаетъ Катуаль, то есть, Саморинов министръ; удивляется картинамъ, которыя были выставлены, и распрашиваетъ о нихъ. Камоэнсъ по этому случаю

Digitized by Google

разпространяется о древностяхъ португальскихъ. Но прежде нежели начинаетъ о нихъ, обращается къ Нимфамъ Тага, и жалуется имъ на тяжкіе труды, понесенные имъ въ служеніи Музамъ *.

«Но слѣпецъ я, безразсудный, безсмысленный! какъ дерзнулъ я безъ вашей помощи, Нимфы Тага и Мондего, рѣшиться итти по такой длинной и извилистой дорогѣ! Умоляю васъ, помогите мнѣ! я плыву противнымъ вѣтромъ, по глубокому морю, и если вы оставите меня, то боюсь, мой утлый челнокъ погрязнетъ въ его пучинахъ. Тогда какъ я давно уже пою вашъ Тагъ и вашихъ Португальцевъ, судьба увлекаетъ меня на край свѣта, и насылаетъ на бѣднаго новыя бѣды, новыя напасти. То борюсь я съ ярымъ моремъ, то съ кровавыми опасностями бога Марса, и какъ Канасея, приготовившаяся къ смерти, держу постоянно въ одной рукѣ перо, въ другой мечъ. Или, поверженный въ крайнюю бѣдность, пресмыкаюсь въ домахъ призрѣнія ближнихъ, и никому нѣтъ нужды до меня! Или тоскую, потерявъ всѣ надежды, такъ сладко манившія меня. Или бьюсь съ ярыми волнахъ: жизнь на волоскѣ, и спасеніе мое непонятное чудо! И то ли еще? Бѣды не приходятъ по одиначкѣ, Нимфы! Кромѣ всего этого, нужно было, чтобы самые тѣ, которыхъ я пѣлъ, которыхъ вѣнчалъ мой геній вѣнцомъ безсмертія, чтобы самые тѣ обидѣли меня; не лавровыми вѣнками, которыхъ я стою, увѣнчали они меня, нѣтъ! вѣнками терновыми обвили они мою бѣдную голову, и въ награду за мою пѣснь, бросили меня въ самомъ жалкомъ положеніи: того ли она стоитъ? Вы видите Нимфы, каковы сердца этихъ могучихъ господъ, которыхъ поетъ вашъ Тагъ! Вотъ какими благодѣяніями благодарятъ они того, чья лира

* Пѣснь V, строф. 78.

Digitized by Google

проносятъ славу ихъ имени по всѣмъ концамъ земли; какой урокъ для будущихъ цѣпцовъ! Какое поощреніе генію, сохраняющему память доблестныхъ дѣяній. Но я прошелъ этотъ страдальческій путь; да не оставитъ меня ваша любовь въ дальнѣйшемъ странствованіи, особенно теперь, когда я только пріѣхалъ къ вамъ. Васъ однихъ умоляю я о помощи: я поклялся не расточать похвалъ тѣмъ, которые ихъ не стоютъ, не тратить генія на прославленіе знатныхъ, когда они не знаютъ благодарности!»

Изъ осьмой пѣсни, къ которой это воззваніе служитъ введеніемъ, нечего дѣлать извлеченій. Тутъ всѣ португальскіе герои, начиная съ Лузуса, одного изъ товарищей Вакха, давшаго названіе Лузитаніи, и Улисса, основавшаго Лиссабонъ, до инфантовъ дона Педро и дона Генриха, завоевателей Цейты, всѣ изображены рѣзкими чертами, и каждому посвящено нѣсколько стиховъ, занимательныхъ только потому, что читателю уже извѣстны исторія и сказанія Португальцевъ.

Между-тѣмъ Саморинъ испрашиваетъ совѣта у своихъ оракуловъ и боговъ, которые, по странной миѳологіи Камоэнса, господствовавшей у всѣхъ испанскихъ поэтовъ, могли открывать истину: Испанцы всякому вздорному божеству давали силу творить чудеса. И такъ, оракулы открываютъ калькутскому императору будущее величіе Португальцевъ въ Индіи, и разрушеніе, которымъ грозятъ они его имперіи. Съ другой стороны, мусульмане, поселившіеся въ владѣніяхъ Саморина, въ слѣдствіе ли торговой зависти или по религіозной ненависти, составляютъ умыселъ противъ Португальцевъ, наговариваютъ на нихъ Саморину, и подкупаютъ его министровъ. На аудіенціи, данной вторично Васко-де-Гамѣ, Саморинъ сомнѣвается о посольствѣ отъ португальскаго короля, и не вѣритъ, чтобы государь, живущій въ такой отдаленно-

Digitized by Google

сти, принималъ участіе въ дѣлахъ Индіи; подозрѣваетъ, что португальскій капитанъ просто какой-нибудь начальникъ корсеровъ и совѣтуетъ ему сказать правду. Гама благородно опровергаетъ подозрѣніе, съ жаромъ выражаетъ свою страсть къ открытіямъ, которая издавна воодушевляла португальскихъ государей, и провела ихъ по всему берегу Африки, и проситъ позволенія ѣхать въ отечество съ извѣстіемъ объ открытіи пути въ Индію

Тонъ истины, какимъ говорилъ Гама, успокоиваетъ Саморина, и онъ соглашается на желаніе Гамы. Но подкупленные министры не позволяютъ адмиралу возвратиться на флотъ, и держатъ его при себѣ. Едваедва ему удается сѣсть на корабль; впрочемъ онъ долженъ былъ сначала вынести на берегъ, какъ бы въ залогъ за себя, всѣ товары, которыми онъ хотѣлъ вести мѣну съ Индѣйцами.

Всѣ эти подробности полны исторической истины, и едва ли найдется здѣсь одно обстоятельство, котораго бы не передалъ намъ Гоанго де-Барросъ (1-е десят., книг. IV.). Но смѣшеніе покровительства Венеры, внушающей Гамѣ что говорить, и зависти Бахуса, возбуждающаго во снѣ мусульманскаго муфтія противъ христіанъ, охлаждаютъ интересъ, какъ невѣроподобная сказка, худо соглашающіяся съ понятіями нынѣшнихъ временъ. Мы сказали уже, что Камоэнсъ сочинилъ часть своей поэмы въ Макао. Въ своемъ изгнаніи, на предѣлѣ Азіи, онъ находилъ поэтическими одни воспоминанія объ Европѣ; греческая миѳологія, которую онъ изучалъ въ коимбрскомъ университетѣ, напоминала ему о счастливыхъ дняхъ его дѣтства. Если бы онъ началъ писать свою эпопею по возвращеніи въ Европу, то, можетъ-быть, тогда бы стали его восхищать очаровательныя картины покинутой имъ Азіи. Тогда бъ поэмѣ далъ онъ болѣе мѣст-

Digitized by Google

ныхъ красокъ, болѣе восточной роскоши; онъ противопоставилъ бы индѣйскія басни европейскому чудесному, и его геній пошелъ бы инымъ путемъ.

Два коммиссіонера, посланные въ Калькутту съ товарами, долго не могли продать ничего: Мавры хотѣли такой задержкой выиграть время, покуда придетъ мекканской флотъ, который каждый годъ приходилъ въ Индію, и, какъ имъ казалось, былъ довольно силенъ, чтобъ сокрушить христіанъ. Мавръ Монсандъ, узнавшій объ этомъ отъ одного изъ своихъ единоземцевъ, открылъ Португальцамъ грозившую имъ опасность, перешелъ къ нимъ на корабль и желая ѣхать съ ними, перемѣнилъ даже религію. Гама приказалъ коммиссіонерамъ своимъ воротиться съ товарами на корабль, но Индѣйцы перехватили ихъ и задержали; чтобъ освободить ихъ, онъ велѣлъ схватить калькутскихъ купцовъ, торговавшихъ подлѣ него на берегу драгоцѣнными каменьями; плѣнными размѣнялись. Тогда Португальцы подняли паруса и отправились обратно въ отечество.

«Но Богиня Киприда, * которой Вѣчный Отецъ повелѣлъ беречь Лузитанцевъ, и которая съ давнихъ поръ была ихъ добрымъ геніемъ, пожелала возвеселить сердца ихъ радостію среди печальныхъ морей, въ вознагражденіе за славу и за труды, ими претерпѣнные; сладкимъ покоемъ хотѣла она подкрѣпить силы утомленныхъ плавателей, и дать имъ вкусить отъ плодовъ, какіе доставляетъ намъ наша краткая жизнь... И вотъ среди равнинъ океана явился передъ героями островъ, покрытый эмалевою зеленью луговъ: у Венеры царство обширно и, кромѣ острововъ омываемыхъ водами Средиземнаго моря, есть много другихъ. Тамъ ждали прелестныя дѣвушки, волшебныя

* Пѣснь IX-я

Digitized by Google

Нимфы, радость очей и скорбь сердца, которымъ велѣно было встрѣтить плавателей съ пѣніемъ и ликованіями; и чтобъ онѣ усерднѣе старались поправиться героямъ, Киприда рѣшилась вдохнуть въ сердца ихъ тайныя желанія.»

Такое введеніе дѣлаетъ Камоэнсъ къ эпизоду полному прелести, но чрезвычайно необыкновенному, о любви мореходцевъ на одномъ изъ острововъ Океана.* Венера полетѣла къ своему сыну просить его о помощи, и описаніе этого путешествія чудесно. Она прилетаетъ наконецъ на заводы, гдѣ для Амура ковали колчаны и стрѣлы, и гдѣ толпы крылатыхъ мальчишекъ и рой хорошенькихъ нимфъ работали подъ его присмотромъ.

«Эти крылатые мальчики заняты были различными работами, одни оттачивали острые клинки, другіе набивали желѣзо на кончики стрѣлъ, и всѣ работая цѣли, прославляли Амура. Музыка ихъ звучна и стройна, куплеты полны сладости, голоски прелестные! Въ вѣчныхъ горнахъ, гдѣ калили они острые наконечники стрѣлъ своихъ, вмѣсто горячихъ угольевъ горѣли пылающія сердца и животрепещущія груди: въ широкихъ кадяхъ, гдѣ омакивается раскаленная сталь, намѣсто воды налиты были слезы несчастныхъ любовниковъ; живымъ, не потухающимъ огнемъ было у нихъ пламенное желаніе, которое горитъ и никогда не истощается.

«Венера уговариваетъ сына въ пользу любимыхъ ею Португальцевъ; она говоритъ: Полети въ глубины морскія, уязви сердца дочерей Нерея. Пусть онѣ за-

* Вѣроятно венеціянскій обрядъ обрученія дожа съ моремъ, совершаемый ежегодно въ день Вознесенія, далъ Камоэнсу мысль ввести эту аллегорію. Когда владычество на морѣ отъ Венеціянской республики перешло къ Португальцамъ, съ Остиндой сталъ обручаться португальскій адмиралъ.

Digitized by Google

пылаютъ любовію къ этимъ Португальцамъ, открывшимъ новый міръ, и соберутся всѣ на томъ островѣ, который выплыветъ у меня изъ глубокихъ пучинъ. Я уберу его всѣми дарами Зефира и Флоры. На немъ явятся всякія яства, явятся тысячи дорогихъ блюдъ; тамъ потекутъ всѣ ароматныя вина; тамъ навѣшу я розовыхъ гирландъ, настелю постелей въ великолѣпныхъ кристальныхъ палатахъ, и наберу дѣвушекъ одну другой прелестнѣе. Пусть эти влюбленныя Нимфы ожидаютъ тамъ моихъ воиновъ; пусть, горя страстною любовію, раскроютъ передъ ними всѣ свои прелести и покажутъ все, чего пожелаютъ ихъ глаза. Мнѣ хочется, чтобъ въ этомъ Нептуновомъ царствѣ, гдѣ родилась я сама, явилось племя храброе и прекрасное; пускай низкій и презрѣнный свѣтъ, который возстаетъ противъ твоего могущества, пускай онъ узнаетъ твою власть; пускай пойметъ, что его не спасутъ отъ тебя ни стѣны адамантовыя, ни хитрое лицемѣріе. Въ самомъ дѣлѣ, дитя мое, кто можетъ противостоять тебѣ, когда божественный огонь твой горитъ даже среди водъ?»

Такъ говоритъ Венера и Амуръ исполняетъ ея желаніе: велитъ Молвѣ разнести вѣсть о Португальцахъ по всѣмъ странамъ міра, летитъ самъ къ Нимфамъ, зажигаетъ въ сердцахъ ихъ горячую страсть къ мореплавателямъ, и прежде чѣмъ тѣ пріѣхали, островъ всплылъ на водахъ и поселился на нихъ, какъ нѣкогда Делосъ, покуда не явились жданные гости; но едва лишь показался первый корабль, островъ остановился тихъ и недвижимъ. Ничто не сравнится съ красотою деревъ унизанныхъ плодами, съ картинностію кустарниковъ, группирующихся въ очаровательные пейзажи, съ прелестію цвѣтовъ, разстилающихся по лугамъ. Гдѣ услышишь такихъ птицъ, такъ сладко поющихъ въ зеленыхъ дубровахъ? гдѣ увидишь

Digitized by Google

такія свѣтлыя, зеркальныя воды, въ мягкихъ волнахъ которыхъ плескались бѣлоснѣжныя нимфы? Гдѣ найдешь такое сладострастное кокетство, съ какимъ порхали онѣ передъ героями, бѣгая отъ нихъ, и заманивая за собою? Но вся эта магическая картина достойная Овидіева пера, достойная всего, что написалъ онъ прелестнѣйшаго и вмѣстѣ сладострастнѣйшаго, — эта картина вдругъ исчезаетъ съ окончаніемъ пѣсни, къ великому удивленію читателя, который неожиданно узнаетъ, что онъ аллегорію принялъ за дѣйствительность. Камоэнсъ, разоблачивши передъ вами при этомъ случаѣ всю свою миѳологію, вдругъ объявляетъ, что «Эти столь блестящія Нимфы Океана, эта Ѳемида и ея очарованный островъ, суть не что иное, какъ удовольствія славы, дающей жизни нѣчто высокое. Почести, торжества, вѣнчаніе лаврами, знаменитость, удивленіе, возбужденное во всѣхъ, таковы истинныя удовольствія этого острова.» Онъ прибавляетъ, что всѣ древнія божества были не кто другіе, какъ простые смертные, которымъ Слава, въ награду за великія дѣла, предоставила въ глазахъ потомства такое высокое значеніе.

При всемъ томъ въ началѣ десятой пѣсни, Камоэнсъ продолжаетъ ту же аллегорію. Прекрасныя нимфы повели своихъ любовниковъ въ свѣтлыя лучезарныя палаты; благоуханныя вина пѣнятся съ чашахъ, и одна сирена начинаетъ пѣть. Звонкій голосъ ея раздается въ обширныхъ звучныхъ комнатахъ, и сливается съ тихимъ инструментомъ, аккомпанирующимъ ей. Въ минуту тишина смиряетъ вѣтры; легче катятся ревущія волны, и животныя затихаютъ въ своихъ жилищахъ.

Еще, не начиная аріи, поэтъ въ послѣдній разъ призываетъ свою музу; тутъ въ его стихахъ есть какая-то томная грусть, трогающая тѣмъ глубже, что при-

Digitized by Google

водитъ на память жестокое бѣдствіе, въ которое онъ былъ повергнутъ *): «О! Камена моя! еще разъ взываю, къ тебѣ передъ окончаніемъ труда моего: подкрѣпи меня! не дай потухнуть желанію писать, которое не такъ уже пылко! Мои годы уходятъ; не много остается мнѣ отъ лѣта до осени: судьба охладила мой геній! Увы! я уже не думаю блистать имъ, я ужъ не хочу имъ гордиться. Боль душевная, горе сердечное увлекаютъ меня къ рѣкѣ чернаго забвенія, вѣчнаго сна! Но, о великая царица Музъ, помоги мнѣ окончить мой трудъ, которымъ я хочу показать сколько люблю мою дорогую отчизну!»

Сирена поетъ великихъ мужей, которые должны завоевать открытыя Васко-де-Гамою земли, и прославить въ Индіи имя Португальцевъ. Въ третью и четвертую пѣснь Камоэнсъ вмѣстилъ всю политическую исторію, всю исторію царей португальскихъ. Въ пятой и шестой онъ нашелъ средство вмѣстить все, что басни или преданіе сохранили славнаго о жизни отечественныхъ героевъ; а въ этой пѣсни пророческій геній открываетъ все будущее, начиная съ экспедиціи Гамы до дней Камоэнса. Такимъ образомъ Камоэнсъ пополнилъ исторію Португаліи и сдѣлалъ Лузіаду прекраснѣйшимъ памятникомъ національной славы. Будущіе герои проходятъ чередомъ передъ Гамою. Первый представляется великій Пачеко, португальскій Ахиллесъ, защитникъ Кохина, и побѣдитель Саморина, разбитаго имъ семь разъ. Но его неслыханные подвиги, совершенные не больше какъ съ сотнею солдатъ, не заслужатъ ему благодарности сограждан. Оставленный королемъ, забытый соотечественниками, онъ умретъ въ болѣзни и бѣдности въ стѣнахъ госпиталя. За Пачеко является знаменитый Альфонсъ-де-Албукеркъ, завое-

*) Пѣснь X, строфа 8.

Digitized by Google

витель Ормуса, тотъ, чья опустошительная рука пронесла ужасъ по всему Персидскому заливу, по острову Гоа, до богатой Малакки. Далѣе идутъ Соаресъ, Менаресъ, Маскаренасъ, Гекторъ-де-Сильвейра, и всѣ снискавшіе себѣ въ Индіи славу, введены поочередно въ поэму. По несчастію, вся повѣсть о доблести этихъ людей одно только длинное исчисленіе кровопролитія, убійствъ и грабежей. Всѣ войны, веденныя Европейцами, въ XVI вѣкѣ, въ обѣихъ Индіяхъ ознаменованы кровавою, злобною жестокостію. Португальцы, какъ и Испанцы, явили намъ новообрѣтенными народами удивительное превосходство силъ тѣлесныхъ, силы оружія и храбрости. Сотня европейскихъ солдатъ гоняла тысячи Индѣйцевъ. Но чѣмъ больше было числительное неравенство, тѣмъ больше лилось крови, потому что горсть Европейцевъ должна была, для своей безопасности, внушить ужасъ въ туземныхъ жителяхъ. Но видъ потоковъ крови ожесточалъ солдатъ, набранныхъ въ низкихъ слояхъ общества. Всѣ жители покоренныхъ царствъ, столь богатыхъ и столь образованныхъ, всѣ эти добрые люди, у которыхъ былъ такой кроткій нравъ, что капля крови казалась имъ чѣмъ-то страшнымъ, потого что они даже не употребляли въ пищу животныхъ; всѣ эти люди были, въ глазахъ Португальцевъ достойны смерти; и за что жъ? за то, что не знали христіанства и не вѣрили безпрекословно чужимъ убѣжденіямъ. Проливать кровь ихъ считалось тогда дѣломъ добрымъ, богоугоднымъ; и хотя политика повелѣвала адмираламъ иногда заключать съ ними временные союзы, но духъ фанатизма не допускалъ никакого снисхожденія къ этимъ нечестивымъ племенамъ; все, что не принимало крещенія, долженствовало быть истреблено огнемъ и мечемъ. Мусульмане, торговавшіе въ Индіи, еще болѣе туземцевъ были ненавистны Португальцамъ: различіе вѣры и торговое совмѣстни-

Digitized by Google

чество — двойная причина губить ихъ. Такимъ образомъ страсть навязать свою вѣру и наслѣдственная злоба не давали имъ сойтись, и ни какой трактатъ, ни какой союзъ не могъ соединить ихъ. Чужеземнымъ разсказамъ и сужденіямъ, высказаннымъ въ слѣдующій вѣкъ, въ этомъ отношеніи не очень надобно вѣрить; но чтобъ представить себѣ всю жестокость этихъ индѣйскихъ войнъ, надобно читать современныхъ національныхъ историковъ. Записки Альфонса Альбукерка такъ и пахнутъ кровью. Гоанго-де-Барросъ въ своей *Азіи* прехладнокровно и, будто такъ и надобно, разсказываетъ объ ужасныхъ жестокостяхъ. Самъ Васко-де-Гама тоже не хуже другихъ отличился такими подвигами во время втораго своего путешествія. Волосы дыбомъ становятся, когда читаешь исторіи португальскихъ экспедуцій Іеронима Озорія и Лоне-де-Кастанья. Десятая книга Лузіады, въ которой уже меньше подробностей, и гдѣ высказано намѣреніе не писать ничего, что не касается славы Португаліи, проникнута тѣмъ же духомъ. Грабители нечаянно явились въ мѣстахъ, гдѣ ихъ меньше всего ожидали. Ихъ не оскорбляли, стало-быть, нельзя было ожидать отъ нихъ никакой мести. Но трактаты не останавливали ихъ: принуждая Мавровъ и язычниковъ сдаваться и выдавать имѣнія собственными руками, самихъ ихъ сожигали въ ихъ же корабляхъ или храмахъ. Пощады не было ни старцамъ, ни женщинамъ, ни дѣтямъ. Когда уставали солдаты, насытившись кровью, являлись лютые пасторы и снова начинали рѣзню. Въ Гоѣ и Діу заведены инквизиціонныя судилища; тысячи жертвъ погибли отъ пытки и страданій. Я не думаю, что удаляюсь отъ своего предмета, когда говорю объ этихъ великихъ политическихъ преступленіяхъ, и изображаю ихъ ужасъ. Критики, въ наши времена обратившіе вниманіе на испанскую и португальскую

Digitized by Google

литературы, представили ее какъ совершенное произведеніе рыцарскихъ нравовъ и романическаго направленія, разхвалили также и религіозный духъ, одушевлявшій эти народы, безкорыстную ревность, увлекавшую ихъ къ святымъ войнамъ за славу Божію, расхвалили и ихъ поэтическую жизнь, всегда полную страсти, всегда чуждую расчетовъ. Но не по такимъ требованіямъ поэзіи должно судить о дѣйствіяхъ человѣческихъ. Языкъ страсти можетъ быть рѣзокъ, страстенъ и краснорѣчивъ, — это требованіе поэзіи; но часто бываетъ, что онъ въ то же время бываетъ оскорбителенъ для нравственности: дѣйствія людей, увлеченныхъ страстью, могутъ быть чужды расчетовъ, но эта безкорыстность часто бываетъ противна законамъ божественнымъ. Такъ-какъ страсти свойственно ошибаться въ избраніи цѣли, то дѣйствующій подъ ея вліяніемъ всегда кажется безкорыстнымъ, если забудемъ, что въ такой душевной болѣзни первое стремленіе клонится къ удовлетворенію самого себя. Въ самомъ дѣлѣ, религіозныя войны возгарались и пылали не по расчетамъ эгоизма, но по внушенію страсти, страсти самолюбивѣйшей изъ всѣхъ, именно, ненависти къ всему, что не мы, ко всему, что не по нашему. Судя объ одномъ человѣкѣ можно извинить его, потому что, дѣлая жестокое преступленіе, онъ, можетъ-быть, дѣйствительно почиталъ его дѣломъ хорошимъ, религіознымъ; но если обобщить идеи, то фанатизмъ, нетерпящій другихъ, можно поставить въ число самыхъ преступнѣйшихъ страстей, потому что онъ прямо ведетъ къ уничтоженію всѣхъ божественныхъ законовъ и всякаго общественнаго порядка.

Когда Сирена перестала пѣть и перечислять будущія великія дѣянія Португальцевъ, Ѳетида взяла Васко-де-Гаму за руку, и повела его на верхъ горы; тамъ показала ему небесный шаръ, сдѣланный изъ

Digitized by Google

прозрачнаго вещества, и на немъ все строеніе вселенной, по системѣ Птоломея. Въ центрѣ шара, она показала ему землю, и на ней всѣ страны, которыя проѣхалъ онъ, и которыя открыты будутъ послѣ него. Географическія свѣденія, пріобрѣтенныя въ половинѣ того столѣтія, собраны всѣ въ этой пѣсни, и удивляютъ своею обширностію. Показавъ Гамѣ всѣ чудеса неба и земли, Ѳетида наконецъ сказала ему: «Теперь вы можете ѣхать: море спокойно, вѣтры благопріятствуютъ вашему возвращенію въ отечество.» Сказала — и Португальцы тотчасъ же оставляютъ этотъ островъ радости и любви, взявъ съ собою припасовъ и необходимой пищи, взявъ и прелестныхъ нимфъ, которыя должны оставаться съ ними, доколѣ солнце перестанетъ освѣщать міръ. Разсѣкая лазурное море при ровномъ попутномъ вѣтрѣ, наконецъ пріѣзжаютъ они къ родной землѣ, въ отечество, и входятъ въ прекрасное устье Тага. Въ даръ царю строгому, но любимому, принесли они славу открытія невѣдомыхъ земель, владычество надъ ними и новые блестящіе титулы.

«Стой, Муза, довольно! лира моя разстроилась, голосъ ослабѣлъ. Не пѣснь утомила меня, нѣтъ; я не вижу въ отечествѣ никакого ободренія, которое одно въ состояніи возжечь геній! Оно предалось корыстолюбію и низкимъ, грубымъ склонностямъ! Не постигаю, какая злая судьба потушила въ немъ благородную гордость и то возвышенное чувство, которое живитъ души и укрѣпляетъ ихъ на суровые труды».

«Но, государь, ты, котораго Божіе Провидѣніе возвело на престолъ! взгляни и сравни свой народъ съ другими народами. Посмотри, какъ онъ радостно идетъ по различнымъ путямъ къ славѣ и опасностямъ. Твои подданные, подобно львамъ или воламъ, предаютъ себя изнеможенію и безсонницѣ, идутъ подъ мечъ и въ огонь, бросаются подъ тучу стрѣлъ и въ

Digitized by Google

пылъ сѣчи; посмотри, гдѣ они неходятъ? — и подъ солнцемъ тропиковъ и по полярнымъ лѣсамъ, идутъ на встрѣчу ударамъ язычниковъ и Мавровъ и презираютъ опасности неизвѣстнаго міра, морскихъ чудовищъ и пропасти. Готовые на все, всегда покорные тебѣ, вездѣ, на всемъ пространствѣ земли, исполняютъ они съ радостію и готовностію всѣ твои повелѣнія безпрекословно. Довольно имъ, что ты взираешь на нихъ; они и съ черными демонами ада готовы вступить въ бой, ежели только это тебѣ нужно. Ободряй, оживляй ихъ, государь! своимъ личнымъ вниманіемъ, своими ласками. Смягчай для нихъ чрезмѣру строгіе законы; законы будутъ отъ того лучше. Призывай опытнѣйшихъ на совѣтъ твой: они покажутъ тебѣ всему время, всему способъ и причину. Поручай каждому дѣла по его способностямъ: монашествующій пусть молится Богу о благоденствіи твоего царства, пусть постится и несетъ покаяніе за грѣхи общества; онъ долженъ презирать почести, какъ обманчивый дымъ, ибо истинный священнослужитель не ищетъ суетной славы и богатствъ. Питай уваженіе къ рыцарямъ: они своею кровью распространяютъ Святую Вѣру и твое владычество. Почитай особенно тѣхъ, которые въ отдаленныхъ странахъ должны бороться съ двумя непріятелями: съ людьми и съ бѣдами, которые ужаснѣе самихъ людей. Правь такъ, государь, чтобъ Нѣмцы, Французы, Италіянцы и Англичане, которые такъ удивляются тебѣ, никогда не могли сказать, что Португальцы способны только повиноваться, а не повелѣвать. Внимай совѣту зрѣлаго опыта, и слушай людей, которые въ теченіе долгихъ лѣтъ своихъ, постигли таинства жизни: они премудрые изъ премудрыхъ. Аннибалъ смѣялся урокамъ философа Форміона, когда тотъ высокомѣрнымъ тономъ читалъ ему разсужденія

Digitized by Google

о воинскомъ искусствѣ. Военному дѣлу учитъ не наука, не воображеніе, не размышленіе; надобно смотрѣть, дѣйствовать и драться. Я, въ моей низости и мракѣ, я незамѣченъ тобой; ты даже и не подозрѣваешь бытія моего. Но внемли языку малыхъ: часто онъ искреннѣе, и похвалы его часто справедливѣе. Я довольно учился и ученіе повѣрилъ опытомъ горькой жизни; я не лишенъ дарованій; ты увидишь здѣсь вещи, которыя рѣдко найдешь вмѣстѣ: чтобъ служить тебѣ, я пріучилъ руку къ оружію; чтобъ пѣть тебя, я отдалъ духъ свой музамъ. Не достаетъ одного: не достаетъ твоего взгляда, который даетъ цѣну дѣламъ. Если Небо захочетъ наградить меня, то мужество подвигнетъ тебя на новое предпріятіе, какъ пророчитъ мнѣ мой духъ, гадающій по твоимъ благороднымъ склонностямъ; твои взоры будутъ страшнѣе Медузиныхъ Атланту, и ты поразишь въ равнинахъ Ампелузы полчища мароккскія и таруданскія. Моя муза, ослабѣвшая, встрепенется радостно, запоетъ, и исполнитъ міръ славой твоего имени, такъ, что въ тебѣ увидятъ новаго Александра, который не позавидуетъ, какъ древній, и самому Ахиллесу.»

Такимъ благороднымъ и откровеннымъ обращеніемъ къ своему государю, оканчиваетъ поэтъ свою поэму.

Мы съ намѣреніемъ такъ подробно разобрали лучшее изъ произведеній португальской поэзіи. Лузіада есть твореніе столь новое, столь великое и національное, что намъ казалось необходимымъ узнать, не только отличнѣйшіе эпизоды ея, но и ея планъ, ея цѣль, ея ходъ во всей полнотѣ. Отрадно даже чужому сердцу видѣть въ ней весь блескъ славы, вѣнчающей незамѣтный уголокъ земли; кромѣ того, эта поэма, нѣкоторымъ образомъ, есть дополненіе къ испанской поэзіи, такъ какъ въ испанской литературѣ не было до нея эпической поэмы.

Digitized by Google

Теперь бросимъ взглядъ на мелкія стихотворенія Камоэнса.

Мѣлкія стихотворенія Камоэнса представляютъ примѣры во всѣхъ родахъ. Первыми его сочиненіями были сонеты. Нѣкоторые писаны еще въ университетѣ, гдѣ у всѣхъ студентовъ страсть писать стихи. Хорошо, что онъ не писалъ еще латинскихъ, какъ другіе, и не увлекся школярнымъ педантическимъ духомъ; можетъ-быть, именно такое самостоятельное и новое развитіе таланта и не свело его съ Ферейрой, человѣкомъ классическимъ, впрочемъ очень умнымъ. Но большую часть своихъ стиховъ написалъ онъ послѣ, въ разныя времена. Всѣхъ сонетовъ его насчитываютъ слишкомъ до трехъ сотъ: по-крайней-мѣрѣ столько, говорятъ, собрано подъ его именемъ въ нѣкоторыхъ полнѣйшихъ изданіяхъ. Я читалъ не больше ста. Во многихъ поетъ онъ любовь, не называя имени женщины, которую любилъ, ни обстоятельствъ, которыя хотя бы нѣсколько разскрывала его частную жизнь; сонеты его часто полны изъисканныхъ идей, антитезъ, и «concetti» итальянскихъ сонетовъ. Но другіе одушевлены живымъ и сильнымъ чувствомъ, и дышатъ полною жизнію: тутъ видѣнъ человѣкъ, сдѣлавшій великія дѣла, облетѣвшій оба полушарія гоняясь за славою и счастіемъ, и не нашедшій ни того, ни другаго; человѣкъ, мужественно боровшійся со всѣми бѣдствіями и при концѣ жизни, жестоко обманутый въ благороднѣйшихъ мечтахъ. Ни въ одномъ изданіи, какія я видѣлъ, нѣтъ ни историческаго предисловія, ни замѣтокъ, ни даже хронологическаго показанія, и потому при несовершенномъ знаніи языка трудно дать вѣрный отчетъ о сонетахъ Камоэнса. Впрочемъ ихъ характеръ вообще меланхолическій. Многіе звучатъ, какъ эхо ночи; не знаешь откуда исходятъ они, какая тоска возбуждаетъ ихъ; но ихъ возбуждаетъ

Digitized by Google

тоска, они и на васъ наводятъ тоску. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ:

«Мало лѣтъ я жилъ на свѣтѣ, лѣтъ скорби, томленія и жестокой, удручающей бѣдности; свѣтъ дневной рано померкъ для меня; я не успѣлъ скончать пяти пятилѣтій. Я объѣхалъ земли и моря отдаленнѣйшія, ища врачевства, ища изцѣленія. Но милостей фортуны нельзя искать кровавымъ потомъ. Я увидѣлъ снѣгъ на зеленыхъ и смѣющихся лугахъ Ланггвера, но заразительный вѣтеръ увлекъ меня и бросилъ въ снѣдь рыбамъ, въ то глубокое море, которое бьетъ волнами въ берега жестокой и скупой Абиссиніи, далеко отъ моего любезнаго отечества.»

Этотъ сонетъ написанъ, кажется, въ 1553 году, когда флотъ Фернанда Алвареца Кобрало, на которомъ Камоэнсъ выѣхалъ въ мартѣ этого года, шелъ вдоль восточнаго берега Африки, и когда тутъ, гдѣ-то, захватила его буря, погубившая три корабля. Впрочемъ, всѣ біографы Камоэнса почитаютъ этотъ сонетъ просто эпитафіею одному изъ товарищей его путешествія, отъ имени котораго онъ и говоритъ. Слѣдующій сонетъ, написанный позже, не менѣе трогателенъ:

«Чего вы хотите отъ меня, желанья безпрестанно возраждающіяся? какими надеждами обманываете еще? улетѣвшее время не возвратится болѣе! Мои годы говорятъ вамъ, покиньте меня. Быстрые годы не равны для однихъ и тѣхъ же желаній, и воля въ разные возрасты бываетъ различная. Вещи, которыя я нѣкогда любилъ, такъ измѣнились, что стали для меня совсѣмъ иными, и сердце осуждаетъ мои первыя склонности. Фортуна на это время заблужденій не оставляетъ мнѣ надежды на новыя радости.»

Привожу еще сонетъ, въ которомъ видна горесть человѣка, тоскующаго о безъучастіи и забвеніи къ

Digitized by Google

нему одного вельможи: «Что мнѣ любить еще на свѣтѣ, когда то что любилъ я всею душой, воздало мнѣ холодностію и презрѣніемъ: это для меня смерть, потому что нѣтъ несчастія больше смерти. Но такъ-какъ жизнь не поглощается жизнію, и такъ-какъ самая горькая скорбь не сводитъ въ могилу, то мнѣ приходится еще страдать; если есть еще бо́льшія несчастія, я ихъ претерплю, потому что я рожденъ претерпѣть все на свѣтѣ. И смерть, къ моему горю, не приходитъ спасти меня отъ золъ, готовыхъ постигнуть меня! Падетъ ли подъ ними мой геній? Нѣтъ уже того, что не давало одолѣть меня никакому страху! Въ жизни я видѣлъ одинъ недостатокъ любви, въ смерти вижу одно тяжкое несчастіе, которое осталось мнѣ. Для того ли рожденъ я?»

Между сочиненіями Камоэнса есть еще *Канцоны*, лирическія пѣсни въ романтической формѣ, писанныя по образцу Петрарковыхъ канцонъ. Первыя пѣсни, просто, любовныя; въ одной изъ нихъ воспоминаетъ онъ о своихъ первыхъ чувствахъ въ коимбрскомъ университетѣ, и о прелестныхъ берегахъ Мондего. Девятая написана въ виду мыса Гвадарфуи, крайней оконечности Африки къ востоку, насупротивъ Аравіи; въ ней поэтъ описываетъ крутыя, печальныя горы. Есть что-то поразительное въ мысли, что такой геніальный человѣкъ прогнанъ такъ далеко отъ Европы, отъ земли наукъ и искусствъ, столько поразительное, что поэма, написанная на этомъ дикомъ берегу уже по одному этому становится очень интересною. Но, кажется, несчастная любовь, которая навела Камоэнса на мысль искать приключеній въ морскихъ путешествіяхъ, не оставила его и тутъ; и на вольномъ океанѣ онъ мечталъ и тосковалъ. Въ VI-й строфѣ онъ говоритъ:

«Если бъ въ награду за всѣ труды, подъятые мною,

Digitized by Google

дана была мнѣ увѣренность, что прекрасные глаза, которыми я когда-то любовался, вспомнятъ въ иной часъ обо мнѣ; что мой печальный голосъ когда-нибудь коснется ангельскаго слуха той, чей взглядъ зажигалъ во мнѣ жизнь; что съ глубокою думой она вспомянетъ пролетѣвшее время моихъ сладкихъ заблужденій, моего горя, которое я любилъ для нея, гнѣва, которому подвергался, который терпѣлъ за нее, и потомъ пожалѣетъ обо мнѣ, пожалѣетъ о своей жестокости, о! одно это утѣшило бы меня при концѣ моихъ дней, одно это усладило бы мои страданія! Ахъ, синьора, синьора! ты видишь, какъ мучусь я: подкрѣпи меня, моя добрая, оживи мои сладкія мечты: я только подумаю объ этомъ, — и всѣ мои страданія, всѣ мои скорби исчезаютъ. Въ одномъ воспоминаніи о тебѣ нахожу я силу и крѣпость смѣло встрѣтить страшное лицо смерти, и когда промелькнетъ во мнѣ надежда, что ты будешь рада моему возвращенію, тогда, вмѣсто смертельной тоски, вмѣсто убійственнаго отчаянія, въ душѣ воскреснутъ какія-то сладкія, какія-то увлекающія ожиданія.

«Здѣсь останавливаюсь я и спрашиваю у вѣтровъ, дующихъ съ вашей стороны, что̀ несутъ они мнѣ отъ тебя? спрашиваю у птицъ, не видали ль тебя? что̀ дѣлаешь ты? о чемъ думаешь? съ кѣмъ ты? гдѣ ты? что̀ съ тобою въ эту минуту?... Тутъ моя ослабѣвшая жизнь воскресаетъ и я снова чувствую силу побѣдить судьбу и бѣдствія, чтобъ возвратиться къ тебѣ, служить тебѣ, любить тебя! Время говоритъ мнѣ, что оно устроитъ все; но горячее желаніе, безпрестанно растравляетъ раны моей болѣзни.»

Десятая канцона несравненно лучше и трогательнѣе: это краснорѣчивая жалоба поэта на преслѣдованія судьбы, которыя начались со дня его рожденія. Волнуемый напрасными желаніями, отдаленными надеж-

Digitized by Google

дания, кидающійся на разныя предпріятія, съ жаромъ предающійся страстямъ, честолюбію, и между-тѣмъ лишенный силъ достигнуть когда-либо своей цѣли, онъ убилъ жизнь въ страданіи и безплодномъ самообольщеніи. Съ ранняго дѣтства, когда колыбельный сонъ его бывалъ не спокоенъ, однѣми пѣснями любви, можно было возвратить ему спокойствіе: любовь вскормила имъ въ годы юности и напоила жизнь одною горечью; любовь увлекла его на войну, въ которой потерялъ онъ глазъ, любовь бросила его на корабль и умчала въ Индію. «Наконецъ и люди покинули меня; я видѣлъ, что опротивѣлъ тѣмъ, которыхъ считалъ друзьями: это мое первое несчастье! У меня не было клочка земли, гдѣ стать ногою: это мое второе несчастье; мнѣ не давали воздуху для дыханіе: это мое третье несчастье; наконецъ, у меня отняли время и спокойствіе. Какая странная и необъяснимая тайна судьбы! Родиться, чтобъ жить, и не имѣть того, что необходимо для жизни! И ктому же не быть въ состояніи утратить этой жизни, которая столько разъ, казалось, была уже потеряна!

«Увы! мнѣ не разсказывать несчастій своихъ, какъ разсказываетъ ихъ тотъ, кто, избавившись отъ бѣдъ, съ радостію повѣствуетъ въ пристани о минувшемъ горѣ! потому что еще и теперь волны судьбы несутъ меня къ такому страшному бѣдствію, что я трепещу на каждомъ шагу. Я не бѣгу отъ бѣды, которая грозитъ мнѣ, не ищу счастія, котораго нѣтъ у меня, — мнѣ уже не нужно ничего человѣческаго; я прибѣгаю къ божественному Провидѣнію; помышленіе о Немъ, созерцаніе Его — вотъ мое единственное утѣшеніе въ столькихъ несчастіяхъ. Но слабость человѣческая заставляетъ меня время отъ времени бросать мечтательные взоры въ будущее, ждать чего-то впереди, и между-тѣмъ я остаюсь при одномъ горькомъ воспомина-

Digitized by Google

нiи о прошедшемъ. Вода, которую пью, и хлѣбъ, который ѣмъ, суть мои горькiя слезы, которыя я не иначе могу удержать, какъ пытаясь развить въ своемъ воображенiи какiя-нибудь веселыя картины.»

Камоэнсъ написалъ 10 или 12 одъ — лирическихъ пѣсней въ классической формѣ. Строфы въ нихъ короче, въ пять, шесть и семь гармоническихъ, полныхъ вдохновенiя, стиховъ. Миѳологическихъ одъ немного; бо́льшая часть любовныя; осьмая написана къ индiйскому вице-королю, и въ ней онъ напоминаетъ ему о древней дружбѣ мужества духа съ науками, и проситъ у него помощи въ пользу одного ученаго, своего друга, естествоиспытателя Орта, писавшаго объ индiйскихъ растенiяхъ. Камоэнсъ терпѣлъ самъ ужасную нужду, но при всемъ томъ въ его сочиненiяхъ не найдешь ни слѣда продажности или лести. Если онъ просилъ помощи по своей бѣдности, то никогда не забывалъ, что благодѣтель его всегда равенъ ему.

Камоэнсъ написалъ нѣсколько шестистишiй; я знаю однако жъ только одно. Казалось, онъ хотѣлъ показать, что и въ этой сжатой формѣ умѣетъ сохранить полную свободу; впрочемъ, имѣя хорошiй вкусъ, онъ оставилъ этотъ родъ.

У него есть еще около 20 элегiй; писаны онѣ въ *terceira rima*, и слогъ ихъ, кажется, ближе къ посланiямъ, чѣмъ къ истинной элегiи. Онѣ содержатъ много подробностей на счетъ его жизни, и короче знакомятъ съ нимъ. Октавы къ Антонiо де Нороиса «О людскихъ глупостяхъ», и стихи, писанные въ 1555 году подъ названiемъ: *Безпорядки въ Индiи* (Disparates na India) суть единственныя сочиненiя, гдѣ блеснулъ сатирическiй духъ Камоэнса. Прежнiе его biографы говорятъ, что у него дѣйствительно было такое направленiе, а г. де Суза оправдываетъ его въ томъ,

Digitized by Google

какъ въ преступленіи. *Безпорядки въ Индіи* есть смѣсь прозы и стиховъ, въ которыхъ изображена смѣшная сторона гражданъ Гои. Навѣрное неизвѣстно, точно ли они принадлежатъ Камоэнсу; по-крайней-мѣрѣ Франциско де-Барретo отправилъ его за это на Молукскіе острова, откуда онъ переѣхалъ потомъ въ Макао. Положимъ, насмѣшка остра, но всё-таки наказаніе слишкомъ строго; безпорядки въ Индіи Камоэнсъ раскрываетъ въ видѣ совершенно общемъ; мало что нѣтъ личности, нѣтъ даже и намёка на нее, нѣтъ повода мѣтить на кого-нибудь. Это обыкновенное обличеніе мужчинъ въ продажѣ должностей, сребролюбіи и коварствѣ, а женщинъ въ волокитствѣ и интригахъ, а такіе укоры можно писать во всякой землѣ, и, право, никто не оскорбится.

На обратномъ пути изъ Макао, близъ устья рѣки Месонъ, корабль разбило бурею, и Камоэнсъ едва выплылъ на пустой берегъ. Здѣсь, въ уединеніи, поэтъ тосковалъ о родинѣ, и тоску свою о дальней сторонѣ издивалъ въ парафразѣ 136 псальма: «*На рѣкахъ Вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ.*» Онъ написалъ ее *редонтиллами*, которые Португальцамъ очень нравились.

«Я сидѣлъ на рѣкахъ Вавилона и плакалъ воспоминая Сіонъ, и время, когда жилъ тамъ. Передъ моими глазами билъ источникъ, и я сравнивалъ Вавилонъ съ моимъ теперешнимъ горемъ, а Сіонъ съ моими днями, днями былыми. Тамъ воспоминанія объ удовольствіяхъ въ Сіонѣ живо возраждались въ душѣ, и исчезнувшее жило передо мной, какъ-будто оно не исчезало никогда. Тамъ, въ мечтахъ воображенія, я, съ слезами на глазахъ, чувствовалъ, что мои удовольствія прошедшія суть не радости, но страданія...»

Впрочемъ, парафразъ Камоэнса, вообще, кажется, ни-

Digitized by Google

же высокой поэзіи еврейскаго гимна. Онъ слишкомъ длиненъ: 37 строфъ, каждая въ десять стиховъ, не могутъ быть изліяніемъ одного и того же чувства, и потому-то нерѣдко въ строфахъ, чудесно выражающихъ горесть и слезы, пролитыя на рѣкахъ Вавилонскихъ, встрѣтишь самыя обыкновенныя мысли. Вотъ одна прекрасная строфа о силѣ музыки,

«Поетъ-путникъ идетъ густою чащею лѣса; его застигаетъ ночь, его одолѣваетъ страхъ, но онъ поетъ и разгоняетъ страхъ. Тихо поетъ узникъ въ своей темницѣ; тяжелые запоры желѣзные вторятъ ему и отзываются на его голосъ. Жнецъ поетъ свое довольство, а страдалецъ свое страданіе: пѣснь облегчитъ ему горе.»

У Португальцевъ и Испанцевъ было въ модѣ придавать стихотворную форму разнымъ своимъ школьнымъ выдумкамъ; въ училищахъ парафразъ былъ любимымъ упражненіемъ и учители часто задавали его ученикамъ. Кромѣ-того, они выдумали *voltas*, *motes* и *motes glosados*, комментаріи въ стихахъ на какой-нибудь куплетъ: каждый стихъ текста составлялъ сюжетъ одной строфы такого сочиненія (glose), а въ концѣ ея приводится самый стихъ, какъ онъ есть. И Камоэнсъ написалъ нѣсколько такихъ піэсъ. Стихи эти грѣшатъ вдвойнѣ: жеманствомъ замысловатости и игрой педантическихъ остротъ.

Поэтъ оставилъ еще множество другихъ стиховъ въ древнемъ трохеическомъ размѣрѣ; кажется, онъ показалъ тутъ, что и древняя кастильская просодія ему также легка какъ и новѣйшая и италіянская.

Эклоги Камоэнсъ писалъ италіянскимъ метромъ.

* Въ его собраніяхъ всѣ они извѣстны подъ общимъ названіемъ Redondillas.

Digitized by Google

Ихъ у него очень довольно, хотя извѣстныхъ только около десяти, по-крайней-мѣрѣ извѣстныхъ мнѣ. Ни въ одномъ родѣ его твореній нѣтъ такой пріятности, такой гармоніи стиха. У него поютъ не аркадскіе приторные пастушки, но просто настоящіе пастухи береговъ Тага, и поютъ съ патріотическимъ чувствомъ. Первая его эклога есть надгробная пѣснь на смерть донъ-Жуана, сына короля Іоанна III, и отца короля Себастіана, и на смерть дона Антоніо де-Норона, убитаго въ Африкѣ. Два пастуха, Умбрано и Фронделіо, смотря на нѣкоторыя атмосферическія явленія, горюютъ, страшась что онѣ предвѣстники какихъ-нибудь бѣдствій, и въ особенности боятся возвращенія Мавровъ. «Въ этомъ отношеніи, говоритъ Умбрано, я полагаюсь еще на мужество люсонскихъ пастуховъ и на нашу старинную храбрость, извѣстную свѣту. Не бойся, любезный Фронделіо, насъ не покоритъ никто, и мы никогда не преклонимъ головы подъ чужое иго.» Умбрано проситъ Фронделіо повторить ему ту надгробную пѣснь, которую онъ пѣлъ въ день смерти Тіона (такъ называлъ онъ Норона). Въ ней, въ идиллической формѣ, воспѣваются собственно подвиги африканской войны. Лишь тотъ кончилъ, вдругъ раздалось очаровательное пѣніе и послышался женскій, плачущій и рыдающій голосъ. Камоэнсъ вводитъ здѣсь, подъ именемъ Аоніи (анаграмма имени Іоана), Анну Австрійскую, вдову донъ Жуана, оплакивающую смерть своего супруга. Плачъ ея въ португальской эклогѣ написанъ кастильскими стихами.

«Душа моя и первая любовь моей души! духъ блаженный, къ которому была привязана жизнь моя, покуда угодно было Богу! Тѣнь благородная, исторгшаяся изъ темницы, обратись къ землѣ, гдѣ ты зачатъ, и гдѣ ты рожденъ, и пріими плачевную жертву, которую приносятъ тебѣ мои очи, привыкшіе видѣть

Digitized by Google

тебя; обратись ко мнѣ, если сохранилъ воспоминаніе обо мнѣ! Если Небу не угодно было, чтобъ я была съ тобою вмѣстѣ, если ему угодно было взять тебя одного для украшенія своихъ горнихъ чертоговъ, то да позволитъ Оно, чтобъ воспоминаніе мое было съ тобою, чтобъ бренные останки твои были убранствомъ моей обители, моею красотою! Какъ бы ни быстро летѣло время, я стану вѣчно плакать надъ ними покуда жизнь и дыханіе мое не прекратятся. Но, благородный духъ, ты ходишь теперь по инымъ полямъ и попираешь иные цвѣты; ты слушаешь иные лики и иныя пѣнія, ты созерцаешь горѣ Владычицу Дѣву, держащую бразды міра и правящую имъ по святой своей волѣ; ты видишь какъ ходитъ солнце посреди огненныхъ созвѣздій, проливая свѣтъ на землю, тобою покинутую! Благородный духъ! если столько чудесъ не затмили въ тебѣ памяти обо мнѣ, если ты не пилъ водъ забвенія, преклони взоры твои на эту долину; ты увидишь здѣсь женщину въ горькихъ слезахъ, тщетно призывающую тебя у этого безотвѣтнаго мрамора. Но если только слезы и стенанія достигаютъ до златыхъ созвѣздій, и могутъ тронуть высшій ликъ святыхъ, я прійду къ тебѣ, и свижусь съ тобою, и буду жить съ тобой! Какъ ни жестоки судьбы, но онѣ не откажутъ несчастной въ смерти!»

Наконецъ, Камоэнсъ, какъ-будто хотѣвшій испытать себя во всѣхъ родахъ поэзіи, чтобъ пополнить національную литературу, написалъ и нѣсколько театральныхъ пьесъ. Изъ нихъ дошло до насъ три, писанныя, вѣроятно, въ молодости. Комедія, подъ названіемъ «Амфитріоны,» подражаніе Плавту, довольно забавна; *Селевкъ* — фарсъ съ героическими дѣйствующими лицами; *Филодемо* — небольшая романическая, вполовину идиллическая, драма. Ни одна изъ этихъ

Digitized by Google

пьесъ недостойна таланта и славы Камоэнса. Не должно останавливать вниманія на бездѣлкахъ такого автора, у котораго есть образцовыя творенія. Въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ Камоэнсъ подражалъ Гиль Висенту.

=

V.

О ВНУТРЕННЕЙ

или

БУКѢЕВСКОЙ КИРГИЗ-КАЙСАЦКОЙ ОРДѢ.

—

«*Внутренняя*» или «*Букѣевская*» Орда составилась изъ части народа, отдѣлившагося отъ меньшой Киргиз-кайсацкой Орды, * разстроившейся отъ вторженій враждующихъ сосѣднихъ народовъ и взаимныхъ грабежей, извѣстныхъ подъ именемъ «*Баранты*;» кочевье ея находится въ степяхъ, лежащихъ между Волгою и Ураломъ, при впаденіи этихъ рѣкъ въ Каспійское море. На эти-то степи, оставшіяся послѣ побѣга (въ 1771 году) Калмыковъ въ предѣлы китайской им-

* Раздѣленной въ 1824 году на *Западную* и *Среднюю часть*; составлявшія ее и кочующія противъ Оренбургской линіи, Средней Орды Киргизы, раздѣлены на *Восточную* часть, названы *Зауральскими* или *Оренбургскими*. Ханъ Орды, Шергазы Айчуваковъ, вызванъ въ Оренбургъ и назначенъ первоприсутствующимъ Пограничной Коммиссіи, а управленіе каждою частію отдѣльно поручено старшимъ султанамъ-правителямъ.

Digitized by Google

перiи безъ обитателей, Букеевцы перешли по дозволенiю правительства, въ 1801 году въ числѣ 10,000 кибитокъ, изъ-за Урала съ главнымъ родоправителемъ своимъ султаномъ Букѣемъ (возведеннымъ въ 1812 году въ достоинство хана), по имени котораго и носитъ названiе *Букѣевская Орда*. Внутреннею же она именуется отъ того, что находится внутри россiйскихъ предѣловъ, неприкосновенна къ прочимъ киргизкайсацкимъ ордамъ и народамъ, независимымъ отъ Россiи; она окружена со всѣхъ сторонъ русскими подданными и именно: съ *востока*: Башкирцами, уральскими казаками и поселянами, принадлежащими частiю къ саратовской и оренбургской губернiи; съ *юга*: владѣнiями казаковъ уральскаго войска; съ *запада* населенными владѣльческими дачами, лежащими по прибрежью Каспiйскаго моря и кочующими по лѣвую сторону Волги Калмыками и Кондуровскими Татарами; съ *сѣвера*, землею казенныхъ крестьянъ и Башкирцовъ, поселенныхъ въ саратовской губернiи. Букѣевскiя степи простираются въ длину съ востока, отъ деревни Александрова-Гая, на западъ до Телепневой ватаги на 350, а въ ширину съ сѣвера, отъ пограничной съ Калмыками горы Чипчачи, на югъ до Глиняного форпоста, на 200 верстъ, всего же заключаютъ въ себѣ болѣе 70,000 квадратныхъ верстъ. Грунтъ земли въ этихъ степяхъ песчаноглинистый, мѣстоположенiе ровное; но на сѣверозападной оконечности, кромѣ Чипчачи, горы *Малая Богда*, *Якши-тау*, *Яманбишь-тау*, *Арказарь* и *Арджи-касъ*, близъ которыхъ лежатъ на большое пространство соленыя топи или грязи (*хаки*). Въ нѣдрахъ горы Чипчачи заключается горная соль. Хаки зимою не замерзаютъ и во время сильныхъ мятелей губятъ загоняемый въ

Digitized by Google

ихъ скотъ. Въ степяхъ Внутренней орды протекаютъ только двѣ рѣки: Большая и Малая Узени, выходящія изъ отрога Уральскихъ горъ, называемаго Общимъ-Сыртомъ, впадающія въ Камышъ-Самарскія озера, поросшія по берегамъ камышемъ, который служитъ скоту защитою отъ мятелей (бурановъ), и отопленіемъ для обитателей. Во многихъ мѣстахъ по степи вырыты копи или колодцы. Строеваго лѣсу нѣтъ вовсе, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ растетъ кустарникъ, состоящій изъ таволги, чилижника и жимолости. Стебли растеній, Киргизы, тотчасъ по обнаженіи земли отъ снѣгу, выжигаютъ. Видъ горящихъ на необозримое пространство степей ночью плѣнителенъ.. Послѣ этого, онѣ скоро покрываются зеленью, но при наступленіи лѣта, отъ сильныхъ жаровъ и засухи, земля трескается, растенія почти всѣ выгараютъ, и для скота остается самый скудный кормъ. Посреди степей, съ сѣверовостока на югъ, находится одна только плодоносная, бугристая полоса, называемая *Нарынъ-пески*, длиною на 150, а шириною на 50 верстъ, которая дѣлится на 12-ть урочищъ: *Джускусъ*, *Канды-Алачь*, *Мечетъ-кумъ*, *Казилъ-чилы*, *Джангельды*, *Дюса*, *Телыбай*, *Тереклы*, *Ангырь-Кумъ*, *Бирча-Кумъ*, *Яманъ-Кумъ* и *Эрке-Кумъ*. На ней произрастаетъ превосходный кормъ для скота и даже дикія деревья тутъ и джита. Разрывши землю глубиною въ аршинъ, находятъ чистую холодную и здоровую воду, которая однако жъ на воздухѣ черезъ насколько дней дѣлается горькою. Эта полоса вознаграждаетъ обитателей за безплодіе остальной части степи. Изъ дикихъ животныхъ водятся въ этой ордѣ волки, лисицы (карагайки), корсаки, сурки, зайцы и суслики; въ камышахъ: кабаны и, изрѣдка, барсы. Изъ птицъ — хищ-

Digitized by Google

ныхъ: орлы, беркуты, ястреба, коршуны; степныхъ: дрохвы, стрепеты, журавли, перепелы и, изрѣдка, фазаны; водяныхъ: лебеди, колпицы, гуси красные и сѣрые и разныхъ породъ утки и кулики. Изъ пресмыкающихъ, въ большомъ количествѣ, змѣи, ящерицы, скорпіоны, тарантулы * и прочая. Замѣчательныхъ насѣкомыхъ очень много.

Киргизы, составляющіе Внутреннюю орду такъ же какъ и зауральскіе, исповѣдуютъ магометанскую религію, говорятъ особеннымъ нарѣчіемъ татарскаго языка, произнося многія слова въ горло. Лица ихъ смугложелтыя и скулистыя, глаза большею частію черные, плоскіе, носы широкіе, ноги кривыя, походка медленная, развалистая, отъ непривычки къ пѣшеходству, и отъ неудобства обуви особеннаго покроя изъ юфты на высокихъ внутреннихъ каблукахъ; волосы на бородѣ и усахъ чаще темнорусые, рѣдкіе, а на головѣ жесткіе, черные; послѣдніе они брѣютъ и покрываютъ голову тюбетейкой; бороды клиномъ; у губъ волосы выдергиваютъ щипчиками или подбриваютъ. Платье: распашная бязинная (бумажнаго холста) рубашка, такія же, или кожаныя, шаравары, армякъ изъ верблюжей ткани, ерчакъ изъ выдѣланной юфти; бухарскіе и хивинскіе халаты, бумажные, а у людей зажиточныхъ шелковые и алые суконные кафтаны, обложеные вокругъ воротника и полъ золотымъ или серебрянымъ позументомъ; въ зимнее время овчинные и волчьи тулупы, шерстью, бо́льшею

* Тарантулъ киргизскіе бараны вырываютъ изъ норъ и ѣдятъ безъ вреда; замѣчено, что они даже тучнѣютъ отъ того. Тарантулы не боль. ко боятся живыхъ барановъ, но и ихъ шерсти и не смѣютъ подползать къ разостланнымъ на землѣ шерстянымъ коцмамъ.

Digitized by Google

частію, вверхъ; грудь оставляютъ открытою, опоясываются ремнемъ, на которомъ набиты серебряныя и мѣдныя бляхи; на немъ виситъ кожаная сумка калта), въ которой огниво, рогъ (насымъ) съ нюхальнымъ табакомъ, — трубокъ они не курятъ, — и другія мелкія вещи; на голову, сверхъ тюбетейки или фески, надѣваютъ валеныя изъ шерсти или мѣховыя крытыя сукномъ, конусообразныя шапки (малахаи). Вооруженіе Киргизовъ состоитъ въ саблѣ, пикѣ, а иногда ружьѣ съ придѣланными къ концу ствола рожками, а изрѣдка изъ лука и стрѣлъ. Жонъ имѣютъ отъ двухъ до трехъ и болѣе. Женщины наружностью не отличаются отъ мужчинъ, скулисты, съ природнымъ румянцомъ, который щеголихи ярко увеличиваютъ румянами; брови сурмятъ, чернятъ зубы и во рту обыкновенно держатъ гвоздику и бадьянъ; глаза у нихъ узкіе, плоскіе, черные, носы широкіе и ноги тоже кривыя. Женщины (катымъ) заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которыя висятъ по плечамъ, а дѣвицы (*кызъ*) носятъ отъ 10-ти до 20 косъ; женщины замужнія носятъ головной уборъ особой формы, конусообразный, вышиною въ пол-аршина, называемый *калябашь*. Уборъ этотъ накрывается бѣлымъ полотномъ или холстомъ, концы котораго висятъ сзади; спереди на лбу вышивается онъ шелкомъ, или унизывается корольками, марьяномъ, змѣевиками и бусами. Вообще женщины, такъ же какъ и мужчины, съ ребячества ѣздятъ верхомъ и исправляютъ всѣ домашнія работы, даже такія, которыя болѣе свойственны мужчинамъ. Сватовство дѣвицъ происходитъ со стороны родителей, по взаимномъ соглашеніи о *калымѣ* (платѣ за невѣсту), даже съ младенческихъ лѣтъ; и когда калымъ внесенъ сполна,

Digitized by Google

невѣста изъ кибитки аула родителей берется къ жениху и почитается женщиною, причемъ бываетъ пиршество *джіинъ*. Изъ болѣзней ужасна для Киргизъ (*ченчикъ*), натуральная оспа, которая по большей части бываетъ между совершеннолѣтними. Киргизы страшатся ее какъ чумы, оставляютъ одержимаго оспою одного въ кибиткѣ, пищу и платье подаютъ ему на длинныхъ шестахъ и всѣ тотчасъ переходятъ на другое мѣсто. Умершихъ обвертываютъ въ холстъ и кладутъ на холмахъ въ могилу безъ гроба, накрывая сверху хворостомъ, а потомъ землею. Погребеніе сопровождается тризною, состоящею въ угощеніи родныхъ и знакомыхъ. Вдовы почти цѣлый годъ ежедневно предъ зарею громко воютъ по умершемъ.

Киргизъ-кайсаки зимою и лѣтомъ живутъ въ легкихъ круглыхъ палаткахъ (*кибиткахъ*), которыя дѣлаютъ изъ деревянныхъ рѣшетокъ, утвержденныхъ въ землѣ и накрываемыхъ войлоками или кошмами; внутренность ихъ имѣетъ въ діаметрѣ отъ 3-хъ до 4-хъ, но не болѣе 6-ти саженъ, а въ вышину до 3-хъ. По сторонамъ стоятъ раскрашенные сундуки, а на стѣнахъ развѣшены оружіе и конская сбруя; полъ или земля устлана кошмами, а у богатыхъ коврами, на которыхъ Киргизы сидятъ поджавъ подъ себя ноги; посерединѣ кибитки, въ вырытомъ въ землѣ углубленіи, раскладывается огонь для варенія пищи, обогрѣнія и освѣщенія въ ночное время; круглое отверзтіе вверху кибитки служитъ для выхода дыму, а днемъ вмѣсто двери и окна; въ холодное время это отверзтіе закрывается кошмою. Наружнымъ видомъ кибитка походитъ на стогъ сѣна. При перекочевкѣ она скоро разбирается и по частямъ перевозится на верблюдахъ съ мѣста на мѣсто. Въ каждой

Digitized by Google

кибиткѣ живетъ по одному семейству, но *байгушей*, то есть, бѣдныхъ (ихъ въ Букѣевской ордѣ мало) по два и по три семейства. У родопачальниковъ и зажиточныхъ людей одно семейство имѣетъ по нѣсколько кибитокъ для хозяина, женъ съ дѣтьми (*телягутовъ*) рабовъ, и на зимнее время для молодаго и слабаго скота. Для различія отъ прочихъ, кибитки *хана, султановъ и родопачальниковъ* покрываются бѣлыми кошмами. Станъ отъ 10 до 100 и болѣе кибитокъ съ семействами, происходящими отъ одного поколенія и кочующими всегда вмѣстѣ, называется *улусомъ* или *ауломъ* и завѣдывается большею частію *аксакаломъ*, то есть, «бѣлобородымъ» старикомъ преклонныхъ лѣтъ.

Перемѣну зимняго кочевья на лѣтнее, Киргизъ-кайсаки производятъ съ особеннымъ ликованіемъ и нѣкоторыми обрядами. Лишь только изъ-подъ малаго снѣга, на назначенныхъ подъ весеннее кочевье мѣстахъ, покажется земля съ пробивающимися ростками зелени, *Аксакалъ* назначаетъ къ перекочевкѣ день, въ которой всѣ въ аулѣ молодые люди наряжаются въ лучшее платье, садятся на хорошихъ лошадей, выбираютъ прекраснѣйшую въ аулѣ дѣвушку или молодую женщину, которая недавно за-мужемъ и вручаютъ ей, вмѣсто знамени, привязанный къ шесту платокъ, съ которымъ она слѣдуетъ впереди къ избранному подъ кочевку мѣсту, въ сопровожденіи толпы молодыхъ людей обоего пола, при пѣсняхъ и разныхъ играхъ; за этой процессіей тянутся навьюченные верблюды съ кибитками и пожитками, и гонятся стада скота. На мѣстѣ расположенія кочевки, пожилые люди угощаютъ другъ друга, впервые послѣ зимняго заключенія, животворнымъ пойломъ «ку-

Digitized by Google

мызомъ» и любимою ихъ яствою «*бишбармакомъ*», (мелкоискрошеннымъ вареным и облитымъ топленымъ саломъ мясомъ), а молодые люди продолжаютъ веселиться во весь день, выказывая свое искусство и удальство въ наѣздничествѣ, борьбѣ, бѣгѣ и прочая. Дѣти приходятъ къ каждой кибиткѣ и хозяевъ ея на расспѣвъ поздравляютъ съ наступленіемъ лѣта; за это даютъ имъ »*Крутъ*» (родъ сыра) и другихъ лакомствъ.

Букѣевская орда состоитъ преимущественно изъ поколенія Байулы, которое дробится на роды: Ногай, Байбакты, Бершъ, Черкесъ, Тани, Алачъ, Адай, Кизилькуртъ, Тазларъ, Маскаръ и прочая. Каждому роду съ начала водворенія ихъ въ эти, такъ называемыя «Астраханскія», степи распредѣлены мѣста для зимняго и лѣтняго кочевьевъ. Киргизы твердо знаютъ, въ какое время и въ какомъ мѣстѣ какое отдѣленіе рода располагается кочевьемъ, и рѣдко ошибаются при отъискиваніи безъ дороги по степямъ. *Внутреннимъ-Киргиз-Кайсакамъ* не производилось переписи, но по собраннымъ въ 1830 (послѣ своевольнаго нѣкоторыхъ изъ нихъ перехода въ 1828 и 1829 году за Уралъ) * свѣдѣніямъ ихъ состояло:

Въ племенахъ.	*Кибитокъ:*
Ногай	500.
Байбакты	1,360.
Бершъ	3,000.
Черкесъ	570.

* Изъ числа самовольно перешедшихъ за Уралъ Киргизъ, большая часть въ послѣдствіи времени, съ дозволенія начальства, перепущено по-прежнему на кочевье въ Букѣеву орду.

Digitized by Google

Тани	425.
Алачь	665.
Джаппасъ	870.
Исыкъ	230.
Китя	115.
Исентемиръ . . .	625.
Тазларъ	100.
Тама	300.
Кердери	300.
Адай	610.
Кизилькуртъ . .	315.
Маскаръ	100.
Табынъ	2,500.
Ходжей	100.
Теленгутовъ . . .	100.
	10,235.

Если положить среднимъ числомъ на каждую кибитку по 10 мужеска и женска пола душъ, то всего выйдетъ 102,350 душъ. * Податей они никакихъ не платятъ, повинностей не несутъ, но полезны многочисленнымъ своимъ скотоводствомъ, съ котораго пи-

* Въ статьѣ Астраханская губ. т. 3 Энц. Лекс. стр. 360, если не ошибочно показано у Киргизъ букѣевскихъ кибитокъ 2000, то число душъ обоего пола 141,534 до невѣроятности увеличено. Кто повѣритъ, чтобъ 70 душъ могли жить въ одной кибиткѣ? тамъ же сказано, что Букей «по доброй волѣ вошелъ въ подданство Россіи». До перехода своего въ заволжскія или Астраханскія степи, на которыхъ по изустному преданію Киргизы имѣли кочевые свои станычтимые ими Аксакъ Темиръ Тимерланъ и Чингизъ ханъ, развѣ его не почитался подданнымъ ея? Тогда онъ былъ предсѣдателемъ ханскаго совѣта Меньшей орды. Не говоря о томъ, что Букей внукъ вступившаго въ вѣчное подданство съ ордою Абун ханръ-хана и сынъ умершаго въ Уфѣ 1790 года Нурали-хана.

Digitized by Google

которые рода добровольно даютъ хану дань *(зекатъ)*, кромѣ лошадей, съ пяти верблюдовъ одного барана, съ 30 до 40 коровъ годоваго теленка, съ бараповъ одного съ 40 до 120.

Родами управляютъ по избранію хана *султаны, біи, тарханы, ходжи* и *старшины*, на что получаютъ отъ Оренбургской пограничной коммисіи указы и именныя печати, состоящія въ серебряномъ перстнѣ, который они прикладываютъ къ бумагамъ вмѣсто подписи. Султанскія печати имѣютъ отличіе отъ прочихъ остроконечіемъ вверхъ, а простые Киргизы употребляютъ тамги, свои родовые знаки. Тамги и *уранъ*, прозвища родовъ, по ихъ словамъ, назначены каждому роду и поколенію еще самимъ *Чингисъ-ханомъ*.

По смерти Букей-хана, послѣдовавшей въ 1815 году, Внутреннею ордою завѣдывалъ братъ его, султанъ ШигайН ураліевъ, который, въ 1822 году, по достиженіи старшимъ сыномъ Букея, Джангеромъ, совершеннолѣтія и возведенія его въ ханское достоинство, (церемоніалъ возведенія происходилъ въ городѣ Уральскѣ), сдалъ ему власть надъ ордою.

Джангеръ-ханъ въ зимнее время живетъ въ деревянномъ домѣ (такъ называемомъ *ханская ставка*), выстроенномъ при урочищѣ Джускусъ, гдѣ бываетъ и ярмарка, а лѣтомъ выходитъ на кочевье къ подвластнымъ ему Киргизъ-Кайсакамъ. При ханѣ находится опредѣленный отъ министерства иностранныхъ дѣлъ чиновникъ, въ видѣ пристава, штабъ-лекарь, письмоводитель съ канцеляріею и казачій офицеръ, для почетнаго караула, съ отрядомъ казаковъ.

Дѣла о Букѣевскихъ, такъ же какъ и о Зауральскихъ, Киргизъ-Кайзакахъ производятся въ оренбургской Пограничной коммисіи; приговоры ея утверж-

Digitized by Google

даются оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ подъ завѣдываніемъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Нынѣшній ханъ Джангеръ, воспитанный въ домѣ астраханскаго гражданскаго губернатора Андреевскаго, человѣкъ образованный, говоритъ и пишетъ, кромѣ татарскаго, хорошо по-русски и знаетъ нѣсколько по-нѣмецки; отъ роду ему около 40 лѣтъ; одѣвается по своему, въ атласные и бархатные, бѣлаго, зеленаго и оранжеваго цвѣту кафтанчики, и такіе же синяго и чернаго цвѣту, обложенные иногда золотымъ и серебрянымъ позументомъ, шаравары; шапку носитъ киргизскаго покроя, валяную изъ козьяго пуху, покрытую малиновымъ бархатомъ и вышитую золотомъ; подпоясываетъ золотую саблю, пожалованную ему при возведеніи въ ханское достоинство; вмѣсто плаща носитъ киргизскаго покроя кафтанъ, а въ зимнее время, жалованные ему, соболью шубу, крытую темнозеленымъ бархатомъ, и шапку чернобурыхъ лисицъ съ бѣлымъ атласнымъ верхомъ. Волосы на головѣ, цо обычаю Киргизовъ, бреетъ и накрываетъ тюбетейкою; борода у него темно-русая, лицо бѣлое, нѣсколько рябоватое; росту онъ средняго, и вообще пріятной наружности. У хана Джангера двѣ жены, (казымъ) Киргизка, и Фатима, дочь умершаго оренбургскаго муфтія Мухаметьжана Гусеинова; третья, Айсулу, Киргизка же, умерла. Фатима женщина образованная, хорошаго обращенія, знаетъ всѣ приличія общежитія, говоритъ и пишетъ, кромѣ татарскаго, на рускомъ и нѣмецкомъ языкахъ; когда бываетъ въ городахъ, то посѣщаетъ благородныя собранія и участвуетъ въ танцахъ; одѣвается въ европейское платье, однако въ ставкѣ носитъ татарское, а въ кочевьѣ съ ханомъ — киргизское. Она съ супру-

Digitized by Google

гомъ своимъ, въ 1826 году, находилась въ Москвѣ при торжествѣ коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ и отъ высочайшихъ щедротъ удостоена драгоцѣнными подарками. Въ 1829 году вновь присланъ ей отъ Государыни-Императрицы дорогой головной уборъ, золотой, филограмовой съ топазами, состоящій изъ склаважа, гребенки и серегъ. Дѣтей у Джангеръ хана осемь сыновъ и двѣ дочери. Старшій сынъ, Искендеръ Какъ-акъ-сыикъ, «Бѣлая-кость», то есть, рожденный отъ жены, султанской дочери, и по обычаю Киргизъ, долженствующій быть преемникомъ ханскаго достоинства, находится при отцѣ. Второй, Зилкарней, котораго предполагаетъ ханъ опредѣлить въ военную службу, воспитывается въ оренбургскомъ военномъ Неплюевскомъ училищѣ.

Родословная Джангеръ-хана происходитъ по прямой линіи отъ первовступившаго въ россійское подданство Меньшой орды Абулхаиръ-хана, а отъ него, какъ и всѣхъ настоящихъ киргизъ-кайсацкихъ султановъ, восходитъ до *Чингизъ-хана*. Джангеръ-ханъ имѣетъ орденъ Св. Анны 1-й степени, украшенный Императорскою короною,— такою Монаршею милостію ни одинъ изъ киргизскихъ хановъ до него удостоенъ не былъ. Онъ пользуется титуломъ высокостепенства, тогда-какъ султанамъ, происходящимъ отъ ханскаго колѣна, присвояется титулъ степенства. Оки, біи, тарханы и ходжи пользуются правами потомственнаго дворянства, а старшины, возводимые въ это званіе по избранію хана съ разрѣшенія военнаго губернатора, пограничною коммисіею, суть личные дворяне. Ходжи, потомки Магомета, считаютъ себя родомъ выше султановъ, но народное мнѣніе съ этимъ не согласно.

Digitized by Google

Главное богатство Букѣевскихъ Кайсакъ, состоитъ въ скотоводствѣ, именно въ верблюдахъ, которыхъ они, въ 1820 и 1824 годахъ, приводили даже въ Оренбургъ, для продажи по случаю отправленія подъ военнымъ прикрытіемъ въ Бухару Императорской миссіи и россійско-купеческаго каравана, и нѣсколько разъ, по распоряженію Джангеръ-хана содѣйствовали скорымъ снабженіемъ верблюдами экспедицій, выступавшихъ, по назначенію правительства, съ оренбургской линіи въ киргизскія за-Уральскія степи. Въ 1828 и 1829 году, сбыто ими продажею и доставлено по назначенію 1000 вьючныхъ верблюдовъ, потребовавшихся для провоза тяжестей чрезъ Балканы дѣйствовавшей противъ Турковъ арміи. Ихъ лошади, породы хотя мелкой и некрасивой, но быстры и крѣпки; для улучшенія этой породы приняты мѣры, и въ 1829 году Государь Императоръ пожаловалъ хану Джангеру болѣе 20 жеребцовъ съ казенныхъ заводовъ; отъ приплода ихъ уже представлено отъ хана нѣсколько лошадей. Киргизскій рогатый скотъ, и особенно бараны, отличающіеся курдюками, и дающая большое количество сала, составляютъ тоже богатство Букѣевцевъ; шерсть этихъ барановъ по большей части коричневая, жесткая; она употребляется Киргизами только для кошемъ, но сверхъ ея бараны весною выпускаютъ бѣлый пухъ (*зиб-га*), и нынѣ дѣлаются на фабрикахъ опыты для употребленія его на издѣліе хорошихъ сукопъ.

Къ содержанію Киргизъ-кайсакамъ обширнаго скотоводства представляютъ особенное удобство степи, на которыхъ въ изобиліи произрастаетъ трава, называемая «*ковыль.*» Эта трава въ лѣтнее время, по своей жесткости и сухости, мало употребляется скотомъ въ пищу, зимою же доставляетъ для него весьма по-

Digitized by Google

лезный и питательный кормъ, о собенно потому, что отъ морозовъ и снѣгу дѣлается мягче и, употребляемая вмѣстѣ съ снѣгомъ, утоляетъ голодъ и жажду, и отвращая тѣмъ скотъ отъ излишняго пѝтья, дѣлаетъ его способнымъ къ перенесенію жестокихъ морозовъ. У Киргизовъ вообще мелкій и крупный скотъ довольствуется въ продолженіе всей зимы подножнымъ кормомъ, что называется «*тебеневкой*»; они распоряжаются такимъ образомъ, что на извѣстныя мѣста, гдѣ находится подножный кормъ, пускаютъ сначала табуны лошадей, которые, разбивая снѣгъ передними ногами, ѣдятъ одни верхушки растенія, затѣмъ, на тѣхъ же мѣстахъ, ходитъ крупный рогатый скотъ, довольствующійся срединою растенія, а наконецъ, тамъ же пасутся стада барановъ, которые съѣдаютъ остатки. Не замѣтно, чтобы отъ подобнаго продовольствія скотъ былъ изнуренъ, а напротивъ, извѣстно, что киргизскіе бараны, въ рукахъ у Русскихъ, несмотря на изобильное продовольствіе во время зимы, изнуряются и даже совершенно перерождаются и не распложаются въ такомъ огромномъ количествѣ какъ у Кайсаковъ. Тучность киргизскихъ барановъ приводитъ въ удивленіе, потому что иногда изъ одного барана вынимаютъ сала до 4-хъ пудъ и одинъ *курдюкъ* (хвостъ) даетъ его до 2-хъ пудъ. Барановъ Киргизы раздѣляютъ на сорты по возрасту и достоинству, по особымъ названіямъ, и оцѣниваютъ ими вещи какъ деньгами.

Букѣевскіе Киргизы имѣютъ тѣ преимущества передъ за-уральскими, что избавлены отъ «баранты», получили, посредствомъ Русскихъ, познанія во многихъ ремеслахъ, необходимыхъ при образѣ ихъ жизни, и распространили свою торговлю, по случаю учрежденныхъ въ

Digitized by Google

ихъ кочевьяхъ ярмарокъ, такъ, что нѣкоторые изъ нихъ даже записались въ русское купечество. Кромѣ того, ханъ Джангеръ, построивъ домъ, положилъ основаніе осѣдлой жизни; его примѣру слѣдуютъ многіе старшины и родоначальники, и отправляютъ дѣтей своихъ въ Оренбургъ, въ Неплюевское высшее училище.

=

Digitized by Google

VI.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ СЦЕНЫ, сочиненіе автора Семейства Холмскихъ, Спб. въ Типографіи Смирдина, 1840 г. въ 8 д. 428 стр.

Въ царствѣ искусства есть своя іерархія, свое неравенство состояній, гдѣ достоинство и важность личныхъ преимуществъ опредѣляются большею или меньшею степенью зависимости. Какое неизмѣримое разстояніе между державнымъ могуществомъ генія, покоряющаго себѣ вещество и силы природы, чтобы воздвигнуть изъ нихъ образы самобытные, дополняющіе своимъ значеніемъ великое твореніе судьбы, — жизнь дѣйствительную, и между простымъ списчикомъ, который передастъ вѣрно только то, что безъ него уже сдѣлано природою или судьбою! Одинъ не знаетъ другихъ ограниченій, кромѣ вѣчныхъ всеобщихъ законовъ, которыхъ онъ столько же уполномочен-

Digitized by Google

ный провозвѣстникъ, какъ и исполнитель; другой весь во власти частнаго случая, или предмета, котораго долженъ быть невольнымъ орудіемъ, отголоскомъ. Тотъ повинуется идеямъ, этотъ вещамъ. Для одного міръ есть храмъ великихъ откровеній, для другаго онъ служитъ только красивою моделью. Но преклонясь съ благоговѣніемъ предъ высокимъ твореніемъ генія, мы не должны отказывать въ уваженіи нашемъ и *портретистикѣ*, служащей какъ-бы посредницей между нами и явленіями дѣйствительнаго міра, облегчающей намъ средства ихъ изученія и всею силою руководствующей наше чувство въ правильной и вѣрной ихъ оцѣнкѣ. Для ней также нуженъ своего роду талантъ: вѣрный взглядъ на вещи, способность отличать характеристическія черты отъ общихъ и пошлыхъ, способность передавать ихъ въ картинахъ стройныхъ и живыхъ, и притомъ кистію свободною, легкою и вѣрною. Конечно, здѣсь главное дѣло — сходство; но въ сходствѣ, достигнутомъ средствами Брюллова и умѣньемъ какого-нибудь маляра, набившаго руку въ портретахъ — большая разница! Впрочемъ и между этими крайностями есть степени. Какъ бы то ни было, а мы должны быть очень благодарны всѣмъ этимъ портретистикамъ, характеристикамъ и прочая, которыя подъ именемъ описаній современныхъ нравовъ, сценъ, и прочая, выставляютъ на показъ важнѣйшія или рѣзкія стороны общества. Искусство тутъ рѣдко что-нибудь выигрываетъ, потому что, къ сожалѣнію, рѣдко такія произведенія отличаются даже художественною отдѣлкою формы, или разборчивостію, живостію, остроуміемъ въ изображеніяхъ. Но они могутъ для современниковъ служить средствами лучше узнать самихъ себя, для потомства важными

Digitized by Google

и любопытными дополненіями исторіи. Опытность автора замѣняетъ здѣсь талантъ, а у опытности всегда можно чему-нибудъ научиться, если только она разсказываетъ свои наблюденія просто, безъ притязаній на поэзію, на творчество. — Есть въ нашемъ обществѣ одна рѣзкая и, къ несчастію, темная сторона — это бытъ нѣкоторыхъ провинціальныхъ чиновниковъ, исполненный невѣжества, мелкихъ страстей и преступнаго злоупотребленія власти. Тутъ совершается множество страшныхъ и отвратительныхъ явленій самаго пошлаго, самаго циническаго своекорыстія; тутъ изъ темныхъ логовищъ загрубѣлаго сердца пороки выходятъ стаями, и кидаются съ остервененіемъ на все доблестное, прекрасное, справедливое и, къ ужасу людей, не находятъ никакого обузданія въ благородныхъ нравственныхъ началахъ и вѣрованіяхъ. Сюда-то должна являться не поэзія — она задохлась бы здѣсь въ чаду разврата — но сатира съ ея карающимъ бичемъ, или, лучше, простая портретистика, которая, списывая вещи, какъ онѣ есть, безъ всякихъ примѣненій, выноситъ ихъ только изъ тмы на свѣтъ и предаетъ праведному и строгому суду общественнаго мнѣнія. Вездѣ есть люди, которымъ безспорно принадлежитъ честь первенства въ умной и вѣрной обрисовкѣ этихъ печальныхъ явленій; за ними идутъ другіе, съ бо́льшимъ или мѣньшимъ успѣхомъ. Гоголь умѣлъ поставить свой разительный, яркій списокъ съ натуры на степень художественнаго созданія. Въ *Семействѣ Холмскихъ* также обнажены многія тайны этой искаженной природы, и вотъ теперь *Провинціальныя сцены* представляютъ часть ея мерзостей въ полной картинѣ, хорошо соображенной и начертанной съ поражающею силою истины. Дѣйствіе происходитъ въ

Digitized by Google

одномъ провинціальномъ городѣ; въ первыхъ сценахъ вы уже чувствуете, что находитесь въ преддверіи страшнаго вертепа, гдѣ, какъ стая гарпій, скрывается полчище всякаго рода козней, сплетней, хищничествъ; зазѣса еще не поднятна; но вамъ становится уже и *стыдно и страшно*. Пріѣзжаетъ новый губернаторъ, который хочетъ узнать положеніе дѣлъ въ городѣ; вы становитесь возлѣ него, — и вотъ передъ вами тянется рядъ лицъ съ нелѣпыми и уродливыми физіономіями, какъ призраки тревожнаго сна, не *звѣри и не люди*, по выраженію Пушкина. Каждое изъ нихъ несетъ на себѣ, какъ на смотръ, бремя своихъ пороковъ и раскладываетъ ихъ передъ вами въ ужасной симетріи, со всѣми ихъ оттѣнками и видоизмѣненіями. Сердцу становится больно. Но, слава Богу! избытокъ зла есть начало кризиса и предвѣстникъ его паденія; оно тѣмъ и отличается отъ добра, что развитію послѣдняго нѣтъ предѣловъ, а злу положено время и границы. Губернаторъ, ознакомившись хорошенько съ вещами и лицами, приводитъ наконецъ въ дѣйствіе свою власть — и всѣ уѣздныя величія, взгромоздѣнныя наглымъ своекорыстіемъ и поддерживаемыя взаимными отношеніями выгодъ и плутовствомъ, разсыпаются въ прахъ. Авторъ не пошелъ далѣе портретистики; лица, выведенныя имъ на сцену, несамостоятельны; это металлическія пластинки дагеротипа, искусно поставленныя передъ свѣтомъ, который самъ собою отпечатываетъ на нихъ вещи. Хорошо, однакожъ, и то, что эти лица, живыя существа, а не олицетворенныя отвлеченныя понятія, какъ лица въ романѣ: *Ольга* того же автора. Авторъ перенесъ ихъ въ свою картину такими, какими нашелъ въ природѣ, безъ всякаго желанія руководить посредствомъ ихъ читателя къ из-

Digitized by Google

вѣстнымъ выводамъ и понятіямъ. Это жизнь, не въ идеальномъ сосредоточеніи частностей, возведенная авторомъ въ общій законъ, въ единство безконечныхъ разностей, — это жизнь подобранная въ низу, эмпирическая, раздробленная на случаи, факты, преходящія явленія, однимъ словомъ, жизнь въ ея оболочкѣ, а не во внутреннемъ неизмѣнномъ значеніи. Что за дѣло! зато она не греза, не мечта, а истина, а истина на всякой ступени ея развитія — прекрасный подарокъ человѣчеству. Для насъ нестерпимы два искаженія природы, дѣлаемыя именемъ искусства: во-первыхъ, когда ее подкрашиваютъ подъ цвѣтъ какихъ-либо понятій, и думаютъ силою послѣднихъ замѣнить могущественное вліяніе вещей, выше котораго, безъ сомнѣнія, нѣтъ ничего на свѣтѣ; во-вторыхъ, когда искажаютъ природу каррикатурными преувеличеніями, зло дѣлаютъ злѣе чѣмъ оно есть, порокъ отвратительнѣе самаго порока, или добродѣтель ставятъ на ходули, какъ-будто ей нужна другая возвышенность кромѣ той, какую носитъ она въ собственныхъ средствахъ и своей природной крѣпости. Читайте книгу жизни, книгу природы съ полнымъ довѣріемъ къ ея непреложнымъ истинамъ: довольствуйтесь разгадываніемъ ея глубокаго текста, не оскверняйте ее своими дополненіями на поляхъ и между строчками, не дѣлайте изъ нея пальмцесты, стирая на ея древнихъ листахъ святыя письмена, для того чтобы начертать тутъ свою нелѣпую сказку или легенду. Вы говорите: это для васъ нужно; неправда! вамъ нужнѣе всего истина, но вы самолюбивы и своекорыстны; вы хотите, чтобы истиною было ваше мнѣніе. Каждый бьется изъ всѣхъ силъ не о томъ, чтобы знать, какъ вещь существуетъ, но о томъ, чтобы вещь существо-

Digitized by Google

вала такъ, какъ ему хочется. И въ искусствѣ, если вы не въ состояніи взойти на ту высокую ступень, гдѣ человѣкъ дѣлается зодчимъ порядка вещей новаго, идеальнаго, дополняя тѣмъ существующій порядокъ вещей, гдѣ является онъ самостоятельнымъ дѣятелемъ, творцемъ и художникомъ; то станьте возлѣ природы, опирайтесь на безчисленные поры, разсѣянные ею вокругъ васъ, пишите съ нея прямо, — но передавая ее намъ въ вашихъ изображеніяхъ, помните, что она служитъ только зеркаломъ, въ которомъ отражаются ея образы. Положимъ, что зеркалу нужна оправа: но дѣлайте эту оправу такъ, чтобы неиспортить стекла. Хорошо, если вы въ состояніи дать ему видъ роскошный и изящный: вы возвысите цѣну вашего произведенія: вамъ заплатятъ вдвое благодарностію и уваженіемъ, даже деньгами, но стекло всё-таки должно быть чисто и вѣрно. Авторъ «Провинціальныхъ сценъ» удовлетворилъ этимъ простымъ и естественнымъ требованіямъ искусства, и оттого трудъ его имѣетъ неоспоримое достоинство какъ собраніе портретовъ, начертанныхъ, не только вѣрною, но и искусною кистію. Удачное размѣщеніе и выборъ предметовъ, естественность ихъ положеній, развитіе событій, постепенно увеличивающее общій интересъ картины— все это вы найдете въ «Провиціальныхъ сценахъ» независимо отъ важнѣйшаго ихъ интереса — истины изображеній. Конечно, можно бы пожелать имъ не множко болѣе разнообразія и свѣжести въ краскахъ, которыя какъ-то тускло, не ярко оттѣняютъ предметы, также немножко больше движенія и легкости въ языкѣ, который довольно сухъ и тяжелъ. Но желаніямъ человѣческимъ нѣтъ границъ; отъ добра добра не ищутъ. То, что намъ болѣе все-

Digitized by Google

го нравится въ «Провинціальныхъ сценахъ», это именно художническое положеніе, въ которое поставилъ себя авторъ: картины его написаны свободно, безъ всякихъ посторонніхъ замысловъ, безъ дидактики, даже безъ сатирическаго усилія и преувеличеній: это, просто, списокъ съ жизни, вѣрно написанный и хорошо соображенный. Оттого ничто не мѣшаетъ ему дѣйствовать на душу читателей и оттого дѣйствіе, имъ производимое, живо и поразительно. Изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, по нашему мнѣнію, лучше другихъ обрисованъ почтмейстеръ. Въ характерѣ его есть элементы комическаго, довольно удачно выказанные въ нѣкоторыхъ сценахъ. Балъ у Сундукова принадлежитъ также къ лучшимъ мѣстамъ «Провинціальныхъ сценъ.» Вотъ, напримѣръ, какъ на этомъ балѣ музыканты исполняютъ свое дѣло:

СЦЕНА XIV.

Юрченко, разставивъ музыкантовъ и подходя къ Сундукову, говоритъ ему: «Тимоѳей Игнатьевичъ! музыканты готовы. Прикажете начинать?

Сундуковъ (*подходя къ Зміановскому, почетнѣйшему изъ гостей, губернскому стряпчему*) Неугодно ли послушать моихъ музыкантовъ?

Зміановскій. Пускай ихъ пиликаютъ, какъ хотятъ; я вамъ сказывалъ, что я небольшой знатокъ въ музыкѣ. А вы мнѣ обѣщались дать послушать вашихъ пѣсельниковъ — это дѣло другое.

Сундуковъ. Будутъ, будутъ и пѣсельники! (*Юрченкѣ*) вели начинать.

Музыканты начинаютъ настроивать инструменты; но въ это время пьяный контробасистъ, пошатываясь изъ стороны въ сторону съ своимъ контробасомъ, начинаетъ

Digitized by Google

играть одинъ. Капельмейстеръ его останавливаетъ. Онъ не слушаетъ его, бьетъ его смычкомъ по брюху и продолжаетъ играть самымъ страннымъ образомъ.

СУНДУКОВЪ. *(подходя къ нему)* Что ты? съ ума что ли сошелъ? *(Контробасистъ смотритъ ему прямо въ глаза, пошатывается и продолжаетъ играть)*, Да перестань же — я тебѣ говорю.

КОНТРОБАСИСТЪ *(продолжая играть, отвѣчаетъ пьянымъ голосомъ)*, нельзя, батюшка, Тимоѳей Игнатьевичъ. Не могу перестать!

СУНДУКОВЪ. Какъ: «не могу?» *(подходитъ къ нему ближе)* Да, ты, бестія, пьянъ? Перестань!

КОНТРОБАСИСТЪ. *(продолжаетъ играть)* Да не могу перестать! Воля ваша барская — видите сами: струментъ большой... Ну забралъ такую волю, что не уймешь его. *(продолжаетъ играть)*.

СУНДУКОВЪ. Ахъ! ты пьяница! *(обращаясь къ другимъ музыкантамъ)* выведите его! *(у него отнимаютъ смычокъ и выводятъ)* Ахъ, пьяницы, пьяницы! Что ты съ ними будешь дѣлать!..

Является на сцену пѣвица Танька, которая докладываетъ своему барину, что она осипла и пѣть не можетъ. Сундуковъ отвѣчаетъ ей: «Осипла? да какъ ты смѣла осипнуть? вздоръ! я этого и слышать не хочу! Осипла! — Да изъ чего же я тебя хлѣбомъ кормлю? У меня пой, коли велятъ. Поди, вели себѣ дать чашку чаю и надѣнь хорошее платье, то есть, не лучшее, не то, которое тебѣ дано для лучшихъ праздниковъ, а ситцевое какое-нибудь, да получше. Волосы разчеши, надѣнь гребенку, и сейчасъ приходи сюда пропѣть *дуэтъ* съ Лаврушкой, а потомъ одна споешь нѣсколько русскихъ пѣсень. Сейчасъ

Digitized by Google

же поди, и пой у меня безъ отговорокъ, когда тебѣ велятъ.»

Отыскиваютъ гдѣ-то и пьянаго пѣвца Лаврушку и приводятъ его въ гостиную, гдѣ уже ожидаетъ его prima donna Танька. «Мы здѣсь» говоритъ она, обращаясь къ Сундукову.

СУНДУКОВЪ. Ну, пойте же намъ какой-нибудь дуетъ.

ТАНЬКА. Мы готовы. Я ужъ отдала ноты капельмейстеру Филату Миронычу.

СУНДУКОВЪ. Да здѣсь ли онъ? вѣдь и онъ, бестія, также пьянъ! (*смотритъ*) Нѣтъ! кажется, здѣсь. (*подходитъ къ музыкантамъ*) Ну, пьяницы, можете ли вы играть?

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ (*пьяный*) Какъ не мочь — можемъ. Помилуйте, Тимофей Игнатьевичъ — я совсѣмъ не пьянъ.

СУНДУКОВЪ. Ну такъ начинайте же.

(Капельмейстеръ раздаетъ ноты, и музыканты начинаютъ настроивать инструменты. Между-тѣмъ весьма пьяный Лаврушка все улыбается, потомъ поправляетъ свой галстухъ, кряхтитъ и вынимаетъ изъ кармана большую мѣдную табакерку, нюхаетъ самъ и подноситъ Танькѣ).

ЛАВРУШКА. Неугодно ли, Татьяна Григорьевна?

ТАНЬКА. Полно, перестань дурачиться.

ЛАВРУШКА. Какъ же, матушка Татьяна Григорьевна не нюхать табачку? Вѣдь вы сами, матушка, знаете: кто нюхаетъ табачекъ...

ТАНЬКА. Да перестань же — экъ нарѣзался. Смотри, вотъ увидитъ тебя баринъ.... Гляди лучше въ ноты — вѣдь тебѣ первому начинать...

ЛАВРУШКА (*улыбается, плюетъ налѣво и растираетъ правою ногою*). Ничего, матушка Татьяна Гри-

Digitized by Google

горьсвна. Я самъ знаю, что мнѣ надобно начинать — сейчасъ! (*вдругъ запѣваетъ самымъ смѣшнымъ и дикимъ голосомъ, и среди пѣнія нѣсколько разъ чихаетъ*) Уфъ! Уфъ! Экая притча.

СУНДУКОВЪ. (*Подбѣгаетъ*) Да и ты бестія, также пьянъ?

ЛАВРУШКА. Помилуйте, батюшка баринъ — какой я пьяница! Маковой росинки во рту не было.

Опять начинаетъ пѣть — наконецъ его выгоняютъ. Балъ продолжается.

МОГИЛА БОЯРИНА АРТАМОНА СЕРГѢЕВИЧА МАТВѢЕВА, соч. Ив. Динкова, Москва, въ типографіи И. Степанова. 1840, въ 8. д. 24 стр.

Похвально ходить на могилы людей, оказавшихъ важныя услуги человѣчеству, и тамъ молиться о нихъ, вспоминать объ ихъ полезныхъ дѣлахъ, и прочая. Но тревожить вѣчный сонъ этихъ добрыхъ людей плохими стихами, — право, не хорошо. Ужъ пусть мы, живые, осуждены слушать, или читать всякой вздоръ; — такова судьба земли! Видно такъ надобно, чтобы она была вмѣстилищемъ всѣхъ золъ, начиная отъ ужасныхъ нынѣшнихъ морозовъ до стиховъ г. Динкова. Но мертвые не должны терпѣть ни отъ нашей зимы, ни отъ поэзіи; у нихъ свой бытъ, свои законы, а главное, они любятъ спокойствіе; извѣстно, что ничто такъ сильно не всостоянін нарушить этого блаженнаго состоянія души, какъ слѣдующіе, бѣлые, крохотные, стишонки:

Свѣтлыхъ горницъ нѣтъ, (разумѣется на кладбищѣ).
Нѣтъ ни утвари,
Ни другихъ вещей,
И ведетъ въ него

Digitized by Google

Только дверь одна
Дверь желѣзная,
Вѣковѣчная,
Да и та всегда
Крѣпко замкнута
Дорогимъ замкомъ,
Позолоченнымъ.

Можемъ увѣрить почтеннаго автора этихъ стиховъ, что мертвые очень имъ недовольны. Мы слышали это отъ одного добраго покойника, который самъ былъ литераторомъ, и иногда любилъ покритиковать, а потому, по старой памяти, навѣщаетъ иногда свою братью журналистовъ въ тѣ страшныя минуты, когда они критикуютъ. Вотъ онъ-то намъ сказывалъ, что на томъ свѣтѣ, какъ и на этомъ, стихи безъ поэзіи считаются большими пустяками, что ихъ велѣно тамъ читать грѣшнымъ душамъ въ наказаніе за ихъ земныя проказы, и потому кто адресуется къ нимъ съ этимъ вздоромъ, того принимаютъ они точно такъ, какъ ученики принимаютъ школьнаго сторожа, несущаго пукъ розогъ.

КЛАДЪ. Сочиненіе Александрова (Дуровой) С. Петербургъ, въ типографіи Штаба Отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, 1840, въ 8. д. 289 стр.

Г-жа Дурова подарила публикѣ разомъ три романа: *Кладъ, Уголь и Ярчукъ*. Вдругъ три романа,— это роскошь, дѣлающая честь поэтическому воображенію писательницы, которой имя, и прежде этого, часто встрѣчалось въ печати. Мы обратимся сперва къ *Кладу*. Разсказывать ли содержаніе этого романа? Прочтите его сами: вамъ пріятнѣе будетъ познакомиться съ нимъ лично, чѣмъ чрезъ посредство другихъ. Лег-

Digitized by Google

кость въ изобрѣтеніи событій составляетъ, какъ намъ кажется, отличительное свойство таланта г-жи Дуровой: она живо и беззаботно развиваетъ ткань повѣствованія. Надобно признаться, однакожъ, что въ романѣ ея: *Кладъ*, это достоинство не вознаграждаетъ читателя за нарушеніе другихъ существенныхъ условій искусства. Мы считаемъ самою неважною частію романа — приключенія. Вспомните покойные романы Шписа, Августа Лафонтена, Дюкре-Дюмениля, и прочая и прочая, которые заставляли нѣкогда такъ сладко, и иногда такъ мятежно, биться ваше тринадцати-лѣтнее сердце: какое неистощимое богатство похожденій, случаевъ, хитро запутанныхъ и мракомъ таинства покровенныхъ завязокъ, — эпизодовъ! Но ребячество миновалось, съ нимъ исчезли и всѣ эти прелести. Безотчетная игра воображенія теперь уже не составляетъ для насъ поэзіи: мы просимъ отъ поэзіи истины, мы хотимъ ее уважать, а не играть ею, хотимъ не двусмысленнаго обаянія мечты, потому что мечта ничто, а великихъ откровеній жизни, удостовѣренія, что блага, какими поэзія насъ надѣляетъ, не превратятся въ дымъ, какъ-скоро мы приблизимъ ихъ къ глазу разума, что они прочные и существенные плоды самой природы и высшихъ стремленій души. Уже прошли тѣ времена, когда думали, что поэзія есть вымыселъ; теперь всѣмъ извѣстно, что поэзія есть существенность. «Какъ! существенность?» Да, самая строгая, самая достовѣрная существенность. Когда вы представляете намъ въ своемъ твореніи людей, намъ дѣла нѣтъ до того, создало ли ихъ ваше воображеніе, или вы ихъ нашли гдѣ-нибудь уже готовыми, организованными; мы хотимъ знать, точно ли это люди? Не выдумали ли вы

Digitized by Google

имъ сами сердца, какого никогда не билось въ груди человѣческой? Не дали ли вы имъ положеній и судьбы, несвойственныхъ ихъ назначенію и мѣсту, какое занимаютъ они въ нравственномъ порядкѣ вещей? однимъ словомъ, *существенны* ли ваши люди? не грезы ли они? Не видѣнія ли только, вызванныя личною раздражительностію вашего чувства и фантазіи? потому что, въ такомъ случаѣ, намъ нечего съ ними дѣлать: они ваша собственность и для васъ только существуютъ, какъ ваши пророчественные сны, какъ вѣрованія въ сверхъестественные случаи вашей жизни, какъ предчувствія и гаданія о вашей будущности. Да, поэзія въ наше время должна заслужить уваженія, чтобъ быть любимою, — а уважаютъ одно истинное. Смотря съ этой точки зрѣнія на романъ г-жи Дуровой, мы, къ сожалѣнію, не можемъ его отнести къ произведеніямъ этой истинной поэзіи, потому что въ немъ заключаются большія несообразности, несмотря на то, что на него истрачено очень много воображенія, — несообразности, изобличающія какую-то борьбу писательницы съ естественными законами сердца человѣческаго, съ настоящими законами нравственныхъ явленій? Что значатъ напримѣръ оба главныя дѣйствующія лица, *Лило* и *Горгони*, оба существа преблагородные и прелюбезныя, но изъ которыхъ одно надѣлено такимъ голосомъ, что отъ звуковъ его падаютъ люди въ обморокъ, а другое такимъ безобразіемъ, что никто не всостояніи взглянуть на него безъ невыразимаго ужаса? Между-тѣмъ несчастный молодой человѣкъ, который реветъ, какъ не реветъ ни одно земнородное, красавецъ собой; ему стоитъ только не произносить ни слова, чтобы увлечь всѣ сердца съ неодолимою, волшебною, силою; а злопо-

Digitized by Google

лучное созданіе, заклеймённое печатію неслыханнаго безобразія, одарено за то такимъ голосомъ, при одномъ звукѣ котораго сердце замираетъ въ восторгѣ, когда его слушаютъ, не глядя въ лицо говорящему. Право, не понимаемъ значенія этихъ лицъ. Сначала мы-было подумали, что это какія-нибудь аллегорическіе образы, но читая далѣе романъ, удостовѣрились въ противномъ. Изъ какого же круга жизни, изъ какого закона физической и нравственной природы извлекла писательница идею о такихъ странныхъ и непонятныхъ явленіяхъ? не суть ли они чистая греза, какъ-нибудь образовавшаяся въ ея фантазіи изъ собственнаго, личнаго ея, настроенія? Вѣрно такъ. Еще страннѣе и неестественнѣе отецъ и дѣдъ героевъ романа, потому что писательница хотѣла непремѣнно создать цѣлую семью чудовищъ. Дѣдъ-разбойникъ, сынъ наслѣдуетъ его почетное ремесло, говоримъ безъ шутокъ, почетное, потому что этихъ негодяевъ, подвизающихся въ приволжскихъ странахъ, не только не преслѣдуютъ правительство и жители, но послѣдніе даже смотрятъ на нихъ съ нѣкоторымъ родомъ уваженія. «Жители привыкли къ нимъ» говоритъ сочинительница «и оставили ихъ въ покоѣ,» — Трудно повѣрить этому. Характеръ дѣда-разбойника отличается удивительною сентиментальностію, хотя онъ рѣжетъ и грабитъ не хуже всякаго другаго разбойника. У него была женщина, неизвѣстно, что такое — жена, или любовница; съ кистенемъ въ рукѣ, съ звѣрскою физіономіею, и кровожадностію въ душѣ, онъ такой идиллическій любовникъ, что Тирсисы и Даметы старыхъ идилій, передъ нимъ холодны какъ ледъ. Но оставимъ въ покоѣ всѣхъ этихъ милыхъ разбойниковъ и прелестныхъ чудовищъ; если бы мы захотѣли по-

Digitized by Google

казать всѣ нелѣпыя несообразности романа: *кладъ*, намъ надобно было бы, просто, переписать его весь. Жаль, что воображеніе г-жи Дуровой получило такое направленіе: она не лишена таланта и съ небольшимъ уваженіемъ къ законамъ искусства, къ естественности и истинѣ, она могла бы, безъ сомнѣнія, дать читателямъ настоящее, хоть не большее сокровище, а не этотъ несчастный поддѣльный кладъ.

Шуаны или Бретань въ 1799 году, повѣсть Бальзака; Москва, въ типографіи И. Степанова 1840, 2 части. въ 8 д. въ 1 154 стр. во 2 213.

Романъ-то этотъ самъ по себѣ пустая вещь, несмотря на то, что на немъ стоитъ знаменитое имя—а уже переводъ,—но его нельзя назвать пустымъ; напротивъ, онъ полонъ, очень полонъ грамматическихъ и всякихъ ошибокъ. Раскройте книгу наудачу, на какой угодно страницѣ, и передъ вами какъ кочки на грязномъ болотѣ, нестрѣются несчетными легіонами вотъ какія фразы: «Милостивая государыня! вы вѣрно не откажите этой дѣвушкѣ участвовать въ нашемъ обѣдѣ,» т. е. вы позволите ей сѣсть за столъ вмѣстѣ съ вами «Дю-гуа въ знакъ согласія *махнула* головою»—«Маркизъ Мантуранъ не имѣлъ чувствъ наслаждаться прелестями; онъ можетъ любить принужденно и никогда быть поэтомъ своихъ чувствъ» «Увидѣвъ блѣдность и печаль на лицѣ маркиза, она льстилась быть причиною его горести»; и проч. и проч.

Систематическій обзоръ Логики Н. Л. Москва, въ Университетской типографіи, 1840 въ 8 д: 305 стр.

Намъ случалось слышать неразъ вопросы «на-

Digitized by Google

добно ли учиться логикѣ? къ чему она служитъ? выучитъ ли она насъ лучше судить и менѣе ошибаться?» О какой наукѣ нельзя дѣлать подобныхъ вопросовъ, если мы будемъ цѣнить ее только *по непосредственному* приложенію къ извѣстнымъ потребностямъ и случаямъ жизни? Чѣмъ возвышеннѣе и духовнѣе, такъ сказать, предметъ науки, тѣмъ отдаленнѣе точки ея соприкосновенія съ положительными сторонами жизни. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что она чужда жизни, что послѣдняя ничѣмъ ей не обязана? Люди никогда въ глаза невидавшіе печатной логики, судятъ часто несравненно основательнѣе и умнѣе тѣхъ, которые провели съ ней цѣлый вѣкъ свой; что же это доказываетъ? то, что силы, данныя человѣку природою, дѣйствуютъ сами собою прежде чѣмъ мы узнаемъ законы, по которымъ они дѣйствуютъ. Существо этихъ силъ не перемѣнится отъ того, будемъ ли мы знать эти законы, или нѣтъ. А всё-таки законы эти знать надобно. Результаты ихъ изученія не прилагаются тотчасъ; однако жъ чѣмъ болѣе мы вникаемъ въ природу нашей познавательной способности, тѣмъ болѣе понимаемъ самихъ себя, тѣмъ тверже и яснѣе становится въ насъ наше сознаніе, а одна только дѣятельность съ полнымъ сознаніемъ есть прямо человѣческая, слѣдовательно, законная и успѣшная. Человѣку съ ограниченнымъ умомъ логика не поможетъ; но нѣтъ сомнѣнія, что мыслящій и здравый умъ съ помощію ея лучше узнаетъ свой собственный бытъ, свои отправленія, орудія своей дѣятельности и съ этимъ конечно лучше, чѣмъ *безъ этого*, устроитъ свою внутреннюю администрацію. Что такое наука? выраженіе общаго человѣческаго сознанія, — слово разума всѣхъ вѣковъ и всѣхъ

Digitized by Google

поколѣній, а извѣстно, что наше частное сознаніе можетъ опираться только на общемъ. Это такъ просто и естественно, что мы не понимаемъ, почему бы не слѣдовало немножко поучиться общей человѣческой логикѣ даже тѣмъ, у кого своя, естественная, логика въ порядкѣ. Пусть даже такое изученіе будетъ не болѣе какъ умственная гимнастика; — гимнастика, право, вещь важная. Умные Греки не даромъ цѣнили ее высоко. Но вотъ бѣда — бо́льшая часть печатныхъ логикъ есть не иное что, какъ жалкое трупоразъятіе ума, безъ всякаго оживляющаго физіологическаго изслѣдованія: берутъ умъ и, не обращая вниманія на его связь съ общими законами жизни, кладутъ отдѣльно, уединенно, на особый столъ, въ самомъ темномъ углу школы, рѣжутъ его безжалостно анатомическимъ ножемъ, перебираютъ его жилы и кости, ставятъ на показъ его остовъ и думаютъ, что умъ весь передъ ними, тогда какъ ему недостаетъ здѣсь главнаго, — жизни. Вотъ напр. и разбираемая нами логика, при всемъ своемъ превосходствѣ надъ многими изъ своихъ сестеръ, съ перваго разу рекомендуя себя читателямъ и ученикамъ, дѣлаетъ школьную гримасу, отъ которой ея почтенная и умная физіономія много теряетъ. Вотъ какъ она сама о себѣ говоритъ: «Я есмь наука *умозрительная*, философская, систематически излагающая верховные основные законы и формы нашего человѣческаго мышленія, нормальнаго, чистаго.» Намъ кажется, что логика безъ опытной психологіи не можетъ существовать; а слово *умозрительная*, въ приведенномъ нами опредѣленіи, показываетъ, какъ-будто, что она можетъ быть создана a priori. A priori вообще есть только *стремленіе* ума, еще не введенное въ формы опредѣленной

Digitized by Google

дѣятельности; изъ него можно заключать *о возможности* умственныхъ отправленій, но самыя отправленія, т. е., настоящая жизнь ума, образуется не иначе, какъ при содѣйствіи условій внѣшняго и внутренняго порядка вещей. Мы не стремленія ума хотимъ знать, а его дѣятельность и способы этой дѣятельности; что же мы можемъ сказать о нихъ умозрительно, a priori? Впрочемъ дѣло у автора лучше понятія: въ развитіи своей науки онъ гораздо большій аналитикъ, чѣмъ въ опредѣленіи ея. И потому-то логика его имѣетъ важное и неотъемлемое достоинство, по которому мы должны причислить ее къ весьма замѣчательнымъ книгамъ этого роду на русскомъ языкѣ. Мы долгомъ считаемъ представить читателямъ сжато обзоръ ея содержанія, тѣмъ болѣе, что по какому-то странному недосмотру или по чему другому, къ ней не присоединено оглавленія. Авторъ раздѣляетъ свою книгу на двѣ части.

Въ первой части излагается элементарное ученіе. Здѣсь очень хорошо изложена статья о процессѣ мысленія. Потомъ авторъ изъясняетъ или, лучше сказать, опровергаетъ мнѣніе философовъ объ основныхъ законахъ мысленія. Критическій разборъ этихъ законовъ сдѣланъ весьма основательно. Вмѣсто прежнихъ началъ (противорѣчія, тожества, достаточнаго основанія и исключенія третьяго), онъ принимаетъ одно *начало гармоніи въ мысленіи*, и видоизмѣненіе этого закона: совмѣстности, несовмѣстности и неопредѣленности представленій; потомъ прилагаетъ сіи законы къ категоріямъ: качества, отношенія, количества и образности. Статью эту мы прочитали съ большимъ удовольствіемъ. — Въ отдѣлѣ феноменальномъ излагаются представленіе, отличіе

Digitized by Google

представленій отъ созерцаній, виды представленій: сужденіе, понятіе и умозаключеніе. Во всѣхъ логикахъ, обыкновенно, начинаютъ съ понятій, потомъ разбираютъ сужденія и наконецъ изслѣдываютъ умозаключенія. Этотъ порядокъ разсматриванія явленій нашего мышленія авторъ считаетъ неправильнымъ, и полагаетъ, что гораздо естественнѣе и сообразнѣе съ истиною говорить сперва о сужденіяхъ, потомъ о понятіяхъ, наконецъ объ умозаключеніяхъ. Объ этомъ раздѣленіи можно еще много спорить. Статьи о сужденіяхъ, понятіяхъ и умозаключеніяхъ изложены весьма просто и ясно.

Вторая часть, разсматривающая мысль въ идеѣ, или архитектонику (систематику, медотологію), изложена превосходно. Эта часть науки подраздѣляется на три раздѣла: *первый* изслѣдываетъ процессъ науки вообще. Этотъ отдѣлъ называется психологическимъ. Здѣсь излагаются понятія объ истинѣ, опытѣ, свидѣтельствѣ, объ умозрительномъ познаніи. *Второй* раздѣлъ открываетъ законъ и процессъ построенія науки. Этотъ отдѣлъ называется номенкратическимъ. Здѣсь излагаются методы — аналитическая, синтетическая и т. п. *Третій* раздѣлъ описываетъ частныя явленія, въ которыхъ оказываются построенія науки или разные роды и формы его. Этотъ отдѣлъ называется феноменальнымъ. Здѣсь излагается важность опредѣленій, дѣленій и доказательствъ въ наукѣ. Все это изъяснено подробно и основательно.

И такъ, Логика г. И. Л. можетъ служить прекраснымъ руководствомъ для высшихъ учебныхъ заведеній. Сочинитель оказалъ бы большую услугу, если бы принялъ на себя трудъ изложить и прочія части

Digitized by Google

философіи въ такомъ же духѣ и по такимъ же началамъ

путевыя записки о Троицкой Лаврѣ, содержащія въ себѣ обзоръ достопамятностей Троицкой дороги, Лавры и Вифаніи, съ политипажными видами и древнимъ изображеніемъ Сергіева монастыря. И. С., Москва, въ типографіи Августа Семена, 1840 г., въ 8 д. 56 стр.

Августу Семену мы обязаны уже изданіемъ прекрасной и преполезной книги съ политипажными рисунками — изданіемъ *Живописнаго обозрѣнія*. Этотъ родъ энциклопедіи, составленный умно, добросовѣстно и красиво, знакомитъ читателей, если не со всѣми, то съ важнѣйшими предметами природы, искусства, науки и общежитія, доставляя имъ въ то же время удовольствіе видѣть эти предметы въ вѣрныхъ и хорошо исполненныхъ рисункахъ. Тотъ же г. Семенъ издалъ теперь нѣсколько видовъ знаменитой Троицкой Лавры, поручивъ знающему человѣку составить и описанія ея достопримѣчательностей.

Описаніе, при всей своей краткости, даетъ понятіе о святынѣ этой обители, древностяхъ ея и несмѣтныхъ сокровищахъ, принесенныхъ ей въ жертву усердіемъ и благочестіемъ нашихъ Монарховъ. Многочисленные посѣтители лавры будутъ, безъ сомнѣнія, весьма благодарны издателю за его брошюру, которую они могутъ имѣть при себѣ и пользоваться ею, какъ указаніемъ на предметы, на которые путешественнику должно обратить особенное вниманіе: ибо въ стѣнахъ этой святой обители столько заключается предметовъ важныхъ, назидательныхъ и любопытныхъ, что посѣщающему ее въ первый разъ, почти

Digitized by Google

не возможно, безъ указателя и руководителя, не замѣшаться и сохранить порядокъ въ своихъ наблюденіяхъ.

РАЗГОВОРЪ О РЕЛИГІИ относительно Бога и Его свойствъ, перев. съ Нѣмецкаго П. Г.....ке Спб. въ Гуттенберговой типографіи. 1840, въ 8 д. 226 стр.

Предметъ этой книги есть самой возвышенный и драгоцѣнный сердцу христіанина. Авторъ развиваетъ его въ формѣ діалога, методой сократической и притомъ ясно и убѣдительно. Но такъ-какъ книга эта назначена для назиданія юнаго возраста, то мы желали бы видѣть въ изложеніи ея менѣе діалектическихъ тонкостей, и болѣе живости, болѣе образовъ, чѣмъ отвлеченныхъ понятій. Молодое сердце любитъ и принимаетъ охотнѣе истину, облеченную въ жизнь и краски: такова его природа.

=

Digitized by Google

VII.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

ЛѢТОПИСЬ СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

Въ первой половинѣ октября обнародовано объявленіе оренбургскаго военнаго губернатора и командира отдѣльнаго оренбургскаго корпуса о прекращеніи, согласно Высочайшей волѣ Государя Императора, военныхъ дѣйствій противу Хивы. Ханъ Хивинскій, сообразивъ наконецъ послѣдствія предстоящей ему неровной борьбы, склонился къ мѣрамъ благоразумія и рѣшился исполнить всѣ требованія Государя Императора.

Франція. Франція продолжала дѣятельно вооружаться. Въ числѣ охранительныхъ мѣръ, предпринятыхъ министерствомъ, самая важная есть укрѣпленіе Парижа.

Digitized by Google

— Судъ перовъ наконецъ произнесъ приговоръ свой по дѣлу тулонскихъ злоумышленниковъ. Принцъ Людовикъ осужденъ на вѣчное заключеніе въ одной изъ крѣпостей Франціи. При словѣ: *вѣчное*, онъ сказалъ: «Прежде говорили, что слово *невозможно* не Французское; то же можно сказать теперь о словѣ: *пожизненно*. Приговоръ довольно непріятный, но по-крайней-мѣрѣ я не буду принужденъ оставить Францію.» Всѣ соучастники его также, по мѣрѣ участія въ преступномъ замыслѣ, получили достойное наказаніе.

— Огромныя военныя приготовленія Франціи на случай войны въ Европѣ, имѣли неблагопріятное вліяніе на дѣла въ Алжирѣ. Тамъ принуждены были нѣсколько стѣснить обширныя предпріятія противъ неутомимаго Абдель-Кадера.

— 15 октября въ Парижѣ было сдѣлано новое преступное покушеніе на жизнь короля французскаго. Въ то самое время, когда онъ, возвращаясь въ Сенъ-Клу, вмѣстѣ съ королевою и принцессою Аделаидою, проѣзжалъ по набережной тюльерійской мимо караульнаго поста льва, близъ Моста Согласія, одинъ человѣкъ выстрѣлилъ изъ карабина въ карету ихъ величествъ, но, къ счастію, ни въ кого не попалъ. Ихъ величества продолжали путь. Злодѣй намѣренъ былъ воспользоваться тѣмъ мгновеніемъ, когда король отвѣчаетъ поклономъ на честь, отдаваемую ему карауломъ, что дѣлаетъ онъ обыкновенно выдаваясь впередъ и опуская стекло кареты. Преступникъ тотчасъ былъ схваченъ солдатами и городовыми сержантами, разставленными для надзора, и отведенъ въ караульню, гдѣ тотчасъ же и признался въ своемъ гнусномъ поступкѣ. Его зовутъ Марій Дармесъ (Marius Darmès); онъ родомъ изъ Марселя и давно занимается ремесломъ полотера

Digitized by Google

въ Парижѣ. Отъ роду ему сорокъ три года. Карабинъ былъ заряженъ пулями и дробью до самаго дула; его разорвало, зарядъ полетѣлъ вкось и только немного задѣлъ карету, но самъ убійца тяжело раненъ въ лѣвую руку. Выстрѣлъ былъ чрезвычайно сильный и ранилъ слегка одного изъ конныхъ національныхъ гвардейцевъ и придворнаго лакея, сидѣвшаго на козлахъ. Злодѣй не сопротивлялся и отдался самъ въ руки солдатъ и сержантовъ, которые его арестовали. Многочисленная толпа народу слѣдовала за нимъ въ молчаніи и изумленіи.

— Министерство Тьера пало и на мѣсто его избраны слѣдующіе министры: Сультъ, президентъ совѣта и военный министръ; Дюперре морской; Гуманнъ финансовъ; Мартенъ дю Норъ юстиціи; Гизо, иностранныхъ дѣлъ; Дюшатель внутреннихъ дѣлъ; Кюнень-Гридень комерціи; Тестъ публичныхъ работъ; Вилльменъ просвѣщенія.

=

Англія. Англійское правительство получило слѣдующія подробныя извѣстія о взятіи Бейрута:

«8-го сентября, начальникъ англійской эскадры предъ Бейрутомъ, коммодоръ Непиръ, принялъ всѣ необходимыя мѣры для нападенія на Бейрутъ, назначеннаго на утро 9-го сентября. Но 8-го сентября прибылъ пароходъ Гидра, съ извѣстіемъ, что адмиралъ Стопфортъ самъ находится на пути въ Бейрутъ. Это заставило коммодора Непира отложить нападеніе до прибытія адмирала Стопфорта. Въ эту минуту находились, предъ Бейрутомъ, линѣйные корабли: Повервуль, Эдинбургъ, Гангъ, Бембо и Ревенжъ, фрегатъ Пикъ и пароходъ Горгона; изъ другихъ судовъ

Digitized by Google

были только одинъ французскій корветъ, одинъ французскій бригъ и американскій фрегатъ Сіанъ. 9-го сентября, на разсвѣтѣ, прибылъ адмиралъ Стопфортъ на кораблѣ Принцесса Шарлотта, съ Беллерофономъ, фрегатами Кастеромъ и Карисфордомъ и корветомъ Дидоною. Вслѣдъ за этими судами прибыли также линѣйные корабли Тондереръ и Гастингсъ, и пароходъ Циклопъ. 9-го же сентября бросилъ якорь предъ Бейрутомъ извѣстный англійскій капитанъ Валькеръ, назначенный начальникомъ турецкой эскадры, съ однимъ турецкимъ линѣйнымъ кораблемъ, на которомъ былъ поднятъ его флагъ, двумя корветами, нѣкоторымъ числомъ транспортныхъ судовъ и десантными войсками, въ числѣ шести тысячъ пяти сотъ человѣкъ. Адмиралу Стопфорту было извѣстно, что въ Бейрутѣ ожидаютъ прибытія кавалерійскаго отряда Ибрагима-Паши, и потому онъ рѣшился аттаковать городъ до прихода этого подкрѣпленія. Онъ пригласилъ Англичанъ, пребывающихъ въ Бейрутѣ, удалиться на его суда, и въ то же время увѣдомилъ другихъ европейскихъ жителей города о своемъ намѣреніи. Десантныя войска помѣстились на пароходы: именно, по захожденіи солнца, тысяча двѣсти человѣкъ морскаго экипажа и сто артиллеристовъ сѣли на пароходъ Горгону, между-тѣмъ какъ большая часть турецкихъ войскъ, только что прибывшихъ на транспортныхъ судахъ, пересѣли на пароходы Циклопъ, Фениксъ и Гидра. 10-го сентября, на разсвѣтѣ, четыре парохода, сопровождаемые нѣсколькими англійскими линѣйными кораблями и частью турецкой эскадры, тронулись съ мѣста. Адмиралъ Стопфортъ послалъ парламентера къ Солиману-Пашѣ, съ требованіемъ очистить Бейрутъ. Парламентеръ возвратился вскорѣ съ отвѣтомъ, что Солимана-Паши нѣтъ въ городѣ, и что губернаторъ города, Махмудъ-Бей, занятъ

Digitized by Google

въ другомъ мѣстѣ. Несмотря на этотъ отвѣтъ, извѣстно было, что Солиманъ-Паша начальствуетъ войсками, сосредоточенными въ городѣ и его окрестностяхъ. Адмиралъ Стопфортъ приказалъ открыть огонь. Дѣйствія начались фальшивою аттакою на сѣверозападную часть города: хотѣли заставить Египтянъ думать, что высадка будетъ произведена съ этой стороны. Солиманъ-Паша поспѣшилъ, съ значительною частью своихъ войскъ, къ угрожаемому пункту. Бембо и еще одинъ линѣйный корабль, производившіе ложную аттаку, поддерживали весьма живой огонь, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Въ послѣдствіи узнали, что выстрѣлами съ этихъ кораблей былъ причиненъ значительный вредъ Египтянамъ и городу: около тысячи человѣкъ были переранены ядрами или обломками зданій. Когда, такимъ образомъ, вниманіе Солиманъ-Паши было обращено къ сѣверозападной части берега, коммодоръ Непиръ отплылъ, съ Поверфулемъ и съ пароходами, на которыхъ находились десантныя войска, къ восточной части города. Эти суда были подкрѣпляемы четырьмя турецкими военными кораблями, подъ командою капитана Валькера, и однимъ австрійскимъ фрегатомъ. Вскорѣ послѣ того были высажены нѣсколько тысячъ Турокъ, которые расположились, подъ прикрытіемъ фрегата Кастеръ и парохода Гидра, на дорогѣ, ведущей въ Бейрутъ. Другіе пароходы высадили свои войска, подъ защитою Поверфуля. Войска, ожидая нападенія непріятеля, немедленно приступили къ устроенію лагеря. Но египетскіе солдаты или не хотѣли оставать Бейрута, или Солиманъ-Паша былъ слишкомъ занятъ въ городѣ, по которому нѣсколько англійскихъ линѣйныхъ кораблей не переставали стрѣлять; только съ египетской стороны не было ничего предпринято противъ высаженныхъ турецкихъ войскъ. Ночью, мно-

Digitized by Google

гіе жители Бейрута прибыли въ лагерь Турокъ, и присоединились къ нимъ. 11-го сентября, огонь по городу продолжался, между-тѣмъ какъ артиллеристы, турецкія войска и англійскій морской экипажъ цѣлый день усердно занимались укрѣпленіемъ своей позиціи. 12-го сентября, капитанъ парохода Циклопъ получилъ приказаніе аттаковать фортъ Джебель, въ которомъ находился египетскій гарнизонъ. Капитанъ Аустинъ, бросивъ въ фортъ нѣсколько бомбъ, высадилъ войска, бывшія на пароходѣ, и повелъ ихъ въ аттаку, но былъ отраженъ. При этомъ, нападающіе лишились семи человѣкъ убитыми и четырнадцати тяжело ранеными; въ числѣ послѣднихъ находился лейтенантъ парохода Циклопъ и одинъ лейтенантъ съ корабля Гастингсъ. Однако же, въ теченіе ночи, египетскій гарнизонъ оставилъ фортъ, который былъ занятъ Англичанами. Потеря Египтянъ въ этомъ дѣлѣ была незначительна. Съ кораблей продолжали во весь день обстрѣливать городъ и его окрестности. Въ турецкій лагерь прибыло множество переметчиковъ, которые принесли извѣстіе, что Солиманъ-Паша намѣренъ произвести нападеніе. Въ слѣдствіе этого, нѣсколько военныхъ кораблей бросили якорь еще ближе къ берегу. Утромъ 13-го сентября, съ парохода Гидра было брошено нѣсколько бомбъ въ египетскій лагерь; многіе дезертиры прибыли на австрійскій фрегатъ, и нѣкоторые горные жители потребовали оружія. 14-го сентября, фрегаты Пикъ и Касторъ были посланы въ Суръ (Тиръ) и Саидъ (Сидонъ), съ оружіемъ для горныхъ племенъ. 15-го сентября огонь началъ прекращаться, и египетскія войска стали выходить изъ города. 16-го сентября Англичане заняли Бейрутъ. Сынъ Эмира Бешира перешелъ на сторону Турокъ. 20-го сентября, пароходъ Циклопъ получилъ приказаніе бомбардировать Саидъ, и уже раз-

Digitized by Google

несся слухъ, что Египтяне покинули этотъ городъ. Пароходъ Гидра отплылъ, съ войсками, въ Триполь. Число Египтянъ, перебѣжавшихъ къ Туркамъ, простирается до полутораста. Англичане уже вооружили четыре тысячи горныхъ жителей; изъ нихъ, тысяча осмьсотъ готовы къ нимъ присоединиться. Ибрагимъ-Паша приблизился къ Бейруту, съ значительнымъ корпусомъ. 21-го сентября прибылъ туда австрійскій пароходъ изъ Константинополя, съ депешами къ четыремъ консуламъ, и съ повелѣніемъ султана Пашѣ, въ которомъ онъ лишается званія египетскаго намѣстника. На Прометеѣ привезены сюда двадцать семь человѣкъ раневыхъ.»

— Военныя дѣйствія съ Китаемъ продолжались безъ рѣшительныхъ послѣдствій. Одинъ изъ кораблей англійскихъ, Эллада, подъ командою капитана Джонсея, былъ атакованъ китайскими джонками. Англичане, по причинѣ безвѣтрія, не могли сначала дѣйствовать пушками, а стрѣляли только изъ ружей, и Китайцы, сдѣлавъ себѣ на своихъ судахъ защиту изъ плетня и тюфяковъ, стрѣляли очень мѣтко въ непріятелей. Но когда поднялся вѣтеръ и Англичане употребили въ дѣло свою артиллерію, тогда джонки, значительно поврежденыя, принуждены были удалиться. Однако жъ Англичанамъ недешево стоила эта маленькая побѣда: многіе изъ экипажа были переранены, особенно пострадалъ капитанъ Джонсей: онъ получилъ нѣсколько ранъ, изъ которыхъ одну въ грудь, а другую въ глазъ.

Digitized by Google

VIII.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

О ТОМЪ, КАКЪ ПРОСВѢЩАЮТСЯ ВЪ ПУТЕШЕСТВІИ. Пароходъ »Сюлли« возвращался изъ Неаполя и входилъ на ливорнскую рейду. Буря, провожавшая насъ отъ моллы Гаэты, съ восхожденіемъ солнца начала стихать. Всѣ пассажиры вышли на палубу, и любовались италіянскимъ городомъ, низкимъ и ровнымъ берегомъ, простиравшимся до башни Сан-Піетро-Аградо, отдаленными горами Тосканы и высотами Монтенеро.

Трое путешественниковъ, отъ лѣности ли, или, можетъ-быть, оттого что были утомлены болѣе другихъ, не вставали еще съ своихъ коекъ. Въ числѣ ихъ находился и тотъ, кто пишетъ эти строки, которому двое другихъ его товарищей по койкамъ были извѣстны только по нумерамъ ихъ мѣстъ; мальчикъ, прислуживавшій на пароходѣ, называлъ ихъ не иначе какъ *нумеръ первой* и *нумеръ второй*.

Digitized by Google

Эти господа, оправясь отъ морской болѣзни, были радехоньки, что получили снова употребленіе языка. Съ своихъ постелей, находившихся одна противъ другой, они мѣнялись множествомъ мыслей, занимавшихъ меня гораздо болѣе нежели видъ Ливорны и моря.

N. 1. Не знаете, долго ли мы пробудемъ въ Ливорнѣ?

N. 2. ...Да... сутки, я думаю...

N. 1. Вы бывали въ Ливорнѣ?

N. 2. Да... я имѣлъ тамъ кой-какія дѣла; у насъ тамъ есть домъ.

N. 1. А! я долженъ знать этотъ домъ... я знаю всѣ мѣста.

N. 2. Вы имѣете сношенія съ Ливорной?

N. 1 Небольшія... торгую винами... Два часа, какъ я приказалъ подать себѣ стаканъ мадеры... мальчикъ!

N. 2. А я апельсинъ... мальчики складываютъ тюки на палубѣ...

N. 1. Мы будемъ въ Марсели послѣзавтра, въ десять часовъ...

N. 2. Да, въ десять или одиннадцать... вы ѣдете изъ Неаполя?

N. 1. Да...

N. 2. А я сѣлъ на корабль въ Чивита-Веккія; я ѣду изъ Рима...

N. 1. Какъ вы довольны своей поѣздкой въ Римъ?

N. 2. Такъ себѣ .. Мнѣ дано было нѣсколько порученій: продалъ нѣсколько бочекъ бордоскаго... пустяки... Римъ плохое мѣсто.

N. 1. Я ужасно соскучился въ Римѣ; ни на денежку не сдѣлалъ оборотовъ...

N. 2. Гдѣ вы жили?

Digitized by Google

N. 1. Въ Торретѣ, близъ церкви св. Августины А вы?

N. 2. Въ гостинницѣ Луиджи, въ улицѣ Продавцевъ четокъ.

N. 1. А! да это близехонько отъ собора св. Петра.

N. 2. Да, только перейти мостъ... то... то... Какъ-бишь онъ называется?

N. 1. Знаю, знаю: этотъ мостъ... на рѣкѣ... еще на немъ мраморные ангелы...

N. 2. Ну да; мнѣ стоило только перейти этотъ мостъ... я всякой день ходилъ въ соборъ св. Петра.

N. 1. Лучше его ничего нѣтъ въ Римѣ... Видѣли вы ангеловъ на кропильницѣ?

N. 2. Всякой день; они величиною съ васъ; а пальцы у нихъ будутъ съ мои кулаки...

N. 1. А видѣли вы львовъ на гробницѣ папы... какъ бишь его... папа... папа?

N. 2. Львовъ-то! Какъ-же! сто разъ я имъ совалъ руку въ глотку.

N. 1. Что за львы?

N. 2. О!

N. 1. А смерть?..

N. 2. Какую смерть?

N. 1. Смерть на гробницѣ, тамъ, по другую сторону, налѣво, подъ органомъ...

N. 2. А! вызолоченая-то... двадцать разъ я ее видѣлъ... А женская статуя... знаете?... что Англичане...

N. 1. Вероника?..

N. 2. Нѣтъ... позвольте; Вероника-то, у которой платокъ въ рукѣ...

N. 1. Платокъ, похожій на бѣлый флагъ?

Digitized by Google

N. 2. Да я вамъ говорю о женщинѣ, которая лежитъ за главнымъ алтаремъ...

N. 1. А! понимаю; изъ-за Англичанъ ее покрыли свинцовой покрышкой; впрочемъ, дьячекъ за двадцать четыре су вамъ сниметъ покрышку...

N. 2. Я только далъ пятнадцать...

N. 1. Даютъ кто сколько хочетъ... А что вы думаете объ этихъ Англичанахъ?

N. 2. Если бъ я былъ папа, то сказалъ бы имъ: или ведите себя какъ слѣдуетъ, или убирайтесь вонъ изъ моей церкви... Я терпѣть не могу Англичанъ.

N. 1. О! они много надѣлали вреда Франціи!

N. 2. Гдѣ вы имѣли столъ въ Римѣ?

N. 1. Я имѣлъ столъ... Какъ эта называется улица, гдѣ нарисованъ медвѣдь?

N. 2. Улица Медвѣдя.

N. 1. Точно... я обѣдалъ въ улицѣ Медвѣдя, у Константини: онъ порядочно кормитъ. За два паоли вы имѣете супъ съ пармазаномъ, чечевицу, треску съ зеленью, заячью похлебку.

N. 2. А!.. Зайцы въ Римѣ очень вкусны!..

N. 1. Шпинадъ, часть цыпленка и пирожное.. двадцать два су; кисловатое вино, однако не дурно.

N. 2. А я держалъ столъ у Жиппини, на Вандомской площади.

N. 1. Въ Парижѣ?

N. 2. Нѣтъ, въ Римѣ; мы называемъ Вандомскою площадью, ту площадь, гдѣ принимаютъ письма, маленькая почта...

N. 1. А! гдѣ стоитъ колонна, такая-же какъ у насъ...

N. 2. Разница вся въ томъ, что эта изъ мрамора, а наша изъ бронзы...

Digitized by Google

N. 1. Да; оттого-то вечеромъ онѣ и походятъ одна на другую какъ двѣ капли воды. Я ее всякій вечеръ видалъ выходя изъ кофейнаго дома Золотой линіи, что на углу, знаете?..

N. 2. Я будто отсюда вижу, на углу, подлѣ Мерля, книгопродавца...

N. 1. А, такъ вы были знакомы съ Мерлемъ?

N. 2. И очень; онъ славный человѣкъ.

N. 1. Да; онъ Французъ...

N. 2. И называется Мерль.

N. 1. Сколько мы съ нимъ проказничали!..

N. 2. А!

N. 1. Какъ называется эта деревня, въ трехъ или четырехъ миляхъ отъ Рима?.. Эта деревня... вотъ такъ и вертится на языкѣ... Еще надо проходить мимо этого большаго зданія!..

N. 2. Капитолій...

N. 1. Нѣтъ... да, сначала проходишь мимо Капитолія, но потомъ спускаешься... Это напоминаетъ мнѣ, что я забылъ взять порученія отъ г. Акье...

N. 2. Я очень хорошо зналъ г. Акье; онъ живетъ на этой прекрасной площади, гдѣ есть мраморная лѣстница и фонтанъ, сдѣланый на подобіе лодки...

N. 1. Да, да; подлѣ семинаріи... Я буду писать къ нему изъ Ливорны... Потомъ спускаешься на длинную дорогу, гдѣ тріумфальныя ворота...

N 2. Тамъ ихъ двои.

N. 1. Болѣе двухъ...

N. 2. Я видѣлъ только двои... или трои, не болѣе.

N. 1. Положимъ, четверы...

N. 2. Не думаю... Постойте, мы можемъ ихъ сосчитать... Идя отъ Капитолія — одни; вотъ уже разъ. Другія подлѣ этой церкви...

Digitized by Google

N. 1. Да всё-равно... трои или четверо... Передъ вами потомъ зданіе, гдѣ христіане сражались съ единорогами...

N. 2. По моему счету выходитъ четверо: мы позабыли тѣ, что внизу, гдѣ навалена куча кирпичей.

N. 1. Да, точно четверо... Когда пройдешь этотъ языческій театръ, то поворачиваешь влѣво съ большой дороги...

N. 2. Знаю: тамъ еще страшная пыль...

N. 1. Ужасная пыль... Потомъ идешь; подходишь къ церкви съ люксорскимъ обелискомъ...

N. 2. И къ лѣстницѣ, по которой всходятъ на колѣнахъ... вы входили по этой лѣстницѣ?

N. 1. Нѣтъ... идешь далѣе, все прямо по дорогѣ, выходишь изъ города... хорошо... еще идешь нѣсколько... и наконецъ... видишь деревню; какъ она называется?

N. 2. Постойте...

N. 1. Тамъ еще бываетъ праздникъ о Пасхѣ...

N. 2. Знаю, знаю... тамъ танцуютъ... есть повозки... и сосны...

N. 1. Пронесть сосенъ; вы знаете это мѣсто... Ну, тамъ мы тамъ завтракали съ Мерлемъ, книгопродавцемъ; намъ подали молока и кулича; за тридцать три су мы позавтракали божественно... три паоли!...

N. 2. Наверху что-то суетятся; вѣрно ѣдутъ таможенные...

N. 1. Гдѣ остановитесь вы въ Ливорнѣ?

N. 2. Въ Квечіа Реале.

N. 1. А я въ Черномъ Орлѣ, подлѣ канала.

N. 2. Вы не имѣете намѣренія заѣхать въ Пизу?

N. 1. Я знаю Пизу.

N. 2. И я тоже... La Torre torta.

Digitized by Google

N. 1. А! чудо..... Землетрясеніе наклонило эту башню.

N. 2. Бывали вы во Флоренціи?

N. 1. Да... скучный городъ.

N. 2. Прескучный... Видѣли вы, какъ обсѣкаютъ плиты во Флоренціи?

N. 1. Вотъ тебѣ! сто разъ; это удивительно! а были ли вы на фарфоровомъ заводѣ?

N. 2. Разумѣется; тамъ очень хорошо работаютъ.

N. 1. Какъ называется эта деревня, гдѣ дѣлаютъ соломенныя шляпки?

N. 2. Постойте,... да,... знаю; хорошенькая деревенька съ фонтаномъ .. мы тамъ завтракали... Большой трактиръ... съ курицами... Чортъ возьми! какъ называется эта деревня?...

N. 1. Ну, да что намъ нужды до названья... Кажется мнѣ, она называется Боболи...

N. 2. Да... что-то похоже на это.

N. 1. Боболи, именно, Боболи: бобольскія крестьянки и дѣлаютъ шляпки; у нихъ пальцы тонки, какъ веретяно.

N. 2. И онѣ заработываютъ два, три и даже четыре франка въ день; есть между ими очень недурныя.

N. 1. Вообще въ Италіи всѣ женщины очень хороши; любите вы Неаполитанокъ?

N. 2. Неаполитанокъ?.. да, у нихъ прекрасные глаза, но онѣ худощавы, смугловаты...

N. 1. Да, зато какія женщины!

N. 2. О!

N. 1. Черти!

N. 2. Въ Неаполѣ славно жить.

N. 1. Да, хорошо; только тамъ жарко.

Digitized by Google

N. 2. Особенно лѣтомъ.

N. 1. Въ августѣ мѣсяцѣ.

N. 2. Всходили вы на Везувій?

N. 1. Одинъ разъ, одинъ только разъ... и досталъ ужасный насморкъ; какъ дулъ вѣтеръ!.... я пролежалъ двѣ недѣли въ постели; мнѣ пускали кровь.

N. 2. Я такъ не имѣлъ времени быть на Везувіи. Нѣтъ, виноватъ! однажды я собрался-было туда съ тремя или четырьмя пріятелями: это было въ воскресенье, какъ вдругъ мой корреспондентъ присылаетъ сказать, чтобъ я пришелъ въ его контору повѣрить расчетъ за струны; онъ нашелъ въ немъ ошибку: разница была въ тридцати пяти эфимкахъ... Нѣтъ, подумалъ я, дай лучше тридцать пять эфимковъ положитъ въ карманъ, чѣмъ выронить изъ кармана; я отправился къ моему корреспонденту, который живетъ въ улицѣ Св. Филиппа, передъ церковью,... некрасивое строеніе;... вы его знаете?

N. 1. Да; о! въ Неаполѣ церкви очень некрасивы... исключая той, гдѣ статуя того святаго... знаете?

N. 1. Святаго Февруарія.

N. 1. Точно такъ!... какая глупость!... Вамъ разсказывали исторію французскаго генерала, который вошелъ и сказалъ: Канальи!...

N. 2. Да, да... О чемъ-бишь я началъ говорить?...

N. 1. Вы говорили о генералѣ...

N. 2. Нѣтъ, нѣтъ.. да, вотъ что: я пошелъ къ моему корреспонденту. Постойте, я вамъ скажу его имя... Онъ родомъ изъ Ливорны... Микали... Микали!... у него хорошенькая женочка! брюнетка, съ большими этакими глазами...

N. 1. А вы... гм?...

N. 2. О, нѣтъ, нѣтъ!... Она, впрочемъ, дѣлала мнѣ

Digitized by Google

глазки; и тогда говорила мнѣ: «Non, c'é Micali, non c'é Micali;» понимаете?

N. 1. И очень. Въ Парижѣ я два года учился по-италіянски, и платилъ по три франка за урокъ.

N 2. Я же никогда не учился... однако жъ объясняюсь... разумѣется, не такъ какъ на французскомъ, но всё-таки меня понимаютъ.

N. 1. Это такой легкой языкъ.

N. 2. Не скажу; легкой для того, кто знаетъ по-испански.

N. 1. О! это почти одно и то же; Sennor, по-испански, по италіянски Signor.

N. 2. Я знаю испанскій языкъ съ малолѣтства: мать моя была родомъ изъ Байоны, а отецъ изъ Перпиньяна... Г. Микали сказалъ мнѣ: Что-жъ! если мы сдѣлали ошибку, такъ и поправимъ... въ душѣ онъ честный человѣкъ... Мы взяли перья и подписали... Трехъ-лѣтній счетъ, государь мой!

N. 1. Э! однако жъ не надобно откладывать счетовъ!

N. 2. Правда ваша; да что-жъ дѣлать... Словомъ сказать, мы помирились на тридцати двухъ эфимкахъ... Я потерялъ шестнадцать или семнадцать франковъ... Помню, что въ этотъ день мы поѣхали смотрѣть эту знаменитую собачью пещеру; я заплатилъ за коляску.

N. 1. А! такъ вы видѣли собачью пещеру?

N. 2. Какъ-же! У меня правило: во время путешествія все осматривать... Ахъ, что за пещера!

N. 1. У васъ была собака?

N. 2. Да, трактирная, ее звали Флора; славная была собака. Она чуть не издохла.

N. 1. А таки не издохла?

Digitized by Google

N. 2. Нѣтъ не издохла... я ее спасъ; но какъ же она, бѣдная, страдала; ахъ!

N. 1 Наша умерла на мѣстѣ. Красивый былъ песъ, кличка Плутонъ.. А не знаете, отъ чего это въ этой пещерѣ собаки дохнуть?

N. 2. Какъ не знать: это очень ясно... Видите ли, въ пещерѣ есть... Мнѣ разсказывалъ это одинъ медикъ, г. Васкали, молодой человѣкъ, имѣющій большую практику въ Неаполѣ; онъ получаетъ отъ двѣнадцати до пятнадцати франковъ въ годъ; это составляетъ вдвое противъ парижскихъ. Въ пещерѣ есть волканическій воздухъ, паръ, удушающій людей. Теперь, пустите собаку... Г. Васкали намъ говорилъ... Онъ говоритъ по-французски какъ я съ вами. Отецъ его былъ во французской службѣ, во время Мюрата. Такъ онъ говорилъ намъ...

N. 1. А! вотъ и таможенные,... они всходятъ на пароходъ. Я слышу голосъ капитана; мы сейчасъ выйдемъ на берегъ... Поторопитесь, ужъ дѣлаютъ перекличку... Скажите мнѣ, гдѣ вы остановитесь въ Ливорнѣ?

N. 2. Al Giardinetto.

N. 1. Знаю... на большой улицѣ... тамъ есть бесѣдка и садъ... на правой рукѣ; тамъ кормятъ хорошо. Гдѣ вы пьете кофе?

N. 2. Въ американской кофейнѣ.. первая улица направо, знаете... чашка — два су!... Пойдемте, однако жъ, на палубу: слышу, что капитанъ споритъ съ карантинными.

N. 1. Съ нѣкотораго времени намъ эти карантины не даютъ покою въ Италіи.

N. 2. Ахъ, Боже мой! надо съ ума сойти, чтобъ путешествовать.

Digitized by Google

N. 1. Или ужъ ѣхать по неволѣ, по дѣламъ.

N. 2. Да, дѣла первая вещь. Я еще пропутешествую два года, нѣтъ, три года, а тамъ удалюсь въ Пюи-де-Домъ и займусь воспитаніемъ дѣтей.

N. 1. Идемте же наверхъ: мальчикъ называетъ наши нумера.

РУССКОЙ ЯЗЫКЪ ВЪ СИБИРИ. Русскій языкъ въ Сибири испыталъ какое-то странное измѣніе; но я не буду говорить здѣсь о мѣстностяхъ о идіотизмахъ. Природные жители Сибири ведутъ рѣчь вообще рочитативомъ или на распѣвъ. Строеніе этой рѣчи неправильное, выговоръ словъ извращенный.

«Я былъ вставши.» «Чего-то мнѣ привидѣлось.» «Чего это мнѣ доспѣлось, не понимаю.» «Не далеко спали и поди.» «Я къ имя пошелъ и прошу достать огня на свѣчку.» «Я разстроился мыслями» и прочая. *Чего* вездѣ употребляется вмѣсто *что*. *Чего* онъ дѣлатъ, *чего* онъ говоритъ, *чего* онъ пишетъ.

Доспѣться имѣетъ два значенія: или выражаетъ страданіе: «чего мнѣ доспѣлось», то есть, что со мной случилось или сдѣлалось; или дѣйствіе: «я вамъ доспѣю (сдѣлаю) крѣпчайшія ворота.»

Имена прилагательныя женскаго рода употребляются всѣ въ усѣченномъ видѣ: *быстра* рѣка, *негодна* вода. Превосходная степень имѣетъ странное произношеніе и окончаніе: *прекрасѣуйшій*, *крѣпчаѣуйшій*, *ужасѣуйшій*. Для означенія величины и силы, въ превосходной степени, есть особенное слово: *матёрый*, *матерѣуйшій*. «Матерѣуйшій медвѣдь,» то есть, пребольшой, сильный медвѣдь. Предлогъ *по* употребляютъ вмѣсто *за*: «я спосылаю по его», то есть, я пошлю за

Digitized by Google

нимъ; «я пойду по воду;» «сбѣгай по его;» «сходи по имя.»

Разъ другой употребляется при удостовѣреніи и какъ-бы при обидѣ: умѣешь ли ты это сдѣлать? «я разъ другой дѣлывалъ,» то есть, не ужели вы сомнѣваетесь, что я не въ состояніи этого сдѣлать? или: Напишите-ли вы мнѣ эту бумагу? «Я разъ другой писывалъ.» Доброта или цѣна какой нибудь вещи выражается особеннымъ словомъ: *словнецкій* — «у него словнецкіе кони» «словнецка дѣвка.»

Ежели нужно выразить прошедшее время, то говорятъ: *ланись*, *ланской*: «помнишь, ланись ты у меня бралъ деньги?» «Хлѣбъ ланской?» Чей это хлѣбъ? «Ланской» — кто это?

Глаголы перваго склоненія, въ настоящемъ времени, второмъ и третьемъ лицѣ, выговариваются усѣченно: «онъ не знатъ, чего болтатъ» «онъ гулятъ», «игратъ», «зѣватъ», «дѣлатъ.» «Ты знашь», «ты умѣшь.»

Пу, на (протяжно) употребляются при каждомъ словѣ: вы не забудете, чего я вамъ говорилъ? — «*на-а.*» Умѣешь ли ты дѣлать? — «*на-а.*»

При вопросахъ или недоумѣніяхъ прибавляется *ну*: ты обѣдалъ! — «*ну*» (не протягивая коротко) «этой дорогой я пройду туда? *ну.*»

Ежели васъ не понимаютъ и вы принуждены много разъ повторять или объяснять ваши слова, то, понявши, нѣсколько разъ говорятъ: *ну, ну, ну, ну.*

Молчи-ужо выражаетъ размышленіе и медленность: «искалъ, искалъ, нигдѣ не нашелъ! молчи-ужо я поспрошаю найти.» «Подай скоря (скорѣй) молчи-ужо!»

Нѣкоторыя слова выговариваются особеннымъ образомъ: *калды, талды*, вмѣсто когда, тогда, —*малынька*, вмѣсто маленька, — *гумага*, вмѣсто бумага.

Digitized by Google

Когда хотятъ выразить страхъ, грусть или неудовольствіе, говорятъ: «ахъ! тошно мнѣ,» «ахъ! тошнёхонько мнѣ,» или «ахъ! тошно мнѣ тошнёхонько» или «ахъ! тошно мнѣчиньки тошнехонько» или «ахъ ячиньки!»

Уменьшительныя слова въ Сибири любятъ употреблять: *ручинька, ножинька, глазаньки,—работишка есть—топоришка—телятишки—коровушка.*

Бѣгать употребляется вмѣсто *ѣхать*: «я къ вечеру добѣгу» то есть, я доѣду къ вечеру. «Три повозки пробѣжали,» то есть, три повозки проѣхали

Мало-мало, говорится, когда хотятъ выразить скромность или въ познаніяхъ или имуществѣ и прочая Говорятъ, ты славный стрѣлокъ?... «мало мало», Говорятъ, ты очень богатъ? «мало мало, чѣмъ Богъ послалъ.»

Божбы въ Сибири нѣтъ. И всѣ ихъ обѣщанія, основываются на словѣ, которое у нихъ свято. Негодованіе и гнѣвъ выражаютъ они очень скромнымъ образомъ, и никогда не услышите вы слишкомъ рѣзкихъ бранныхъ словъ. Нѣтъ, они очень просты: *будь ты проклятъ, втрое проклятъ, чтобъ тебя язвило, пятнало, стреляло, черна ты немочь* — вотъ ихъ брань. Чтобы показать болѣе измѣненіе чистаго русскаго языка, я нѣсколько словъ представлю, въ пояснительной таблицѣ.

Докучать	просить.
Ломать	одежда.
Дошный	верхняя степень какихъ либо способностей.
Съёмы	щипцы.
Вѣра	обычай, образъ.

Digitized by Google

Ревѣть	пѣть, знать.
Чей ты поешься	какъ твое прозвище, твоя фамилія, какъ тебя зовутъ?
Благо	много.
Ба̀ско	хорошо, красиво, словно.
Бывà̀тъ, пади	можетъ-быть.
Шушупъ	родъ кофты, пелеринки.
Фузея	ружье.
Пропасть	умереть, издохнуть.
Сгорѣть	умереть съ вина.
Одиковà̀ть сдичà̀ть	помѣшаться, неправильно разсуждать.
Диковать кружить	шалить, сумазбродничать.
Сдичи	нечаянно.
Дикій, дикенькій	глупый, странный, юродивый.
Разтрестись	родить.
Постò̀вать	поститься.
Домовина	гробъ.
Ро̀бить страдò̀вать	работать, трудиться.
По̀льга	польза.
Толковать	понимать.
Доспѣть	сдѣлать.
Доспѣться	случиться.
По̀што	зачѣмъ, почему.
Ланись	въ то время, тогда
Ланской	прошедшій, давнишній.
Ша̀нги	ржаной маленькой хлѣбъ, покрытый въ теплѣ слитком.
Шти	похлебка съ крупою.

Digitized by Google

Ичиги	легкіе сапоги, спальные сапоги.
Доха	шуба изъ мѣха дикой козы, шерстью вверхъ.
Лунты	теплые сапоги изъ мѣха дикой козы, шерсть внутрь.
Матёрый	большій
Славецкій	хорошій.
Шуга идетъ	*ледъ идетъ.*
Дѣвочка	дѣвица.
Чембары	верхнія шаравары изъ бѣлаго холста.
Пить табакъ	курить табакъ.
Азямъ	армякъ изъ верблюжей шерсти.
Шибуръ	полуармякъ, сотканый изъ шерсти съ нитками пополамъ.
Чирки	обувь для ногъ, сшитая изъ кожи безъ подошвъ.
Помочь	пособіе, подмога. Это слово выражаетъ довольное количество людей, собравшихся добровольно пособить въ трудахъ, потому и говорится *они помочью это сдѣлали*, или *помочами*.
Домовничать	хозяйничать.
Птица	вообще дичь, или дикая птица.
Шинушка	любимый и благородный напитокъ съ *эрфиксомъ* (air

Digitized by Google

fixe), пѣнящійся, шипучій, приготовляемый изъ кислыхъ ягодъ съ сахоромъ и французской водкой.

Вотъ какія измѣненія испытываетъ языкъ, анализируясь въ умѣ и въ устахъ такого множества людей! Что же касается до инородцевъ, татарскихъ племенъ, то напрасно вы будете искать слѣдовъ идей; здѣсь исчезаетъ жизнь созерцательная и въ полномъ блескѣ развивается жизнь инстинктивная. Чтобы нѣсколько ознакомить читателей съ ихъ образомъ выраженія, переписываю во всей точности оригинальной рапортъ, который я храню какъ рѣдкость.

«Въ . . . . Земскій Судъ
Кондомской ужанарской волости
Отъ общества и пороцовъ
рапортъ.

Какъ мы принужденнымъ себя вынудить своему вышшому начальству донести своей обиде, какъ небезызвесностй нашей вере исконевечной начальству, что мы предатемься одному вачу, а понашему названую камомъ каиъ же женскаго полку она же сусъществуетъ, назать тому многа летъ прошло хорошо и все здоровы понашей вере и повсей волости; атаперече назать тому проходитъ уже три годичное время и болиа наступаетъ какъ оная камъ нестала существать намъ изъ леченія никакого отъ неепредъвидимъ только больщее намъ очесу дѣлаетъ людемъ смерть истраетъ своею наукою какъ которо бы на промыселъ непошелъ бы

Digitized by Google

тотъ благополучна не возворотица чтобъ какого вреда нездѣлала не можетъ терпѣть то сталъ ей говоритъ какъ князъ что едакъ ты дѣлажъ надъ нами смерти напущашъ неточию набольныхъ но и пазлоровыхъ неретко несколько времени прошло тому назать князь съ сыномъ со своимъ здумалъ итти на промыслъ и оныя ходили дня два и падругой день повечеру пошли настанъ ночевать то недомой до стану и померъ тотъ князъ то сынъ ставарищамй обратился домой и объявилъ башлыку что случилось незапно то башлыкъ имъ нато сказалъ я нетого не знаю какъ померъ потомъ же несколько времени прошло тому случилосъ у кама занемогъ сынъ каторому было летъ 8 то оная повечеру начела комлать ночь тотъ сынъ ее сталъ здоровъ а другаго поутру здоровъ былъ и вдругъ померъ ситали башлыку говоритъ чтобъ эта комъ едокъ некашлала то она насъ всехъ переведетъ то башлыкъ ее неупимать чтобъ свою наукою някамляла которая у ее падеваеца на руку лапочка запчей искурочкой болочена и оной колотитъ въ свой бубенъ потомъ иона лапочка отъкроеца ебубна и нестанетъ какихъ дней 5-ть или 6-ть потомъ объявица въ ея въ крове заморанная втожъ время у насъ человѣкъ помъретъ мыжъ стали говорить ей чтобъ едукую науку аставить неполезную онажа хвалица какъ нынешнее лето будетъ то ипоповины васъ небудетъ живыхъ потому и осмѣливался Земскому суду донести и обономъ осмеливамся прасить защиты чтобъ вовсе какъ нестребилабы своимъ калдовствомъ втомъ и осмѣливаемъся просить начальство чтобъ иследовать наша дело какъ когда захочетъ изълечить кого тотъ издорова будетъ и лошадь убѣетъ недокъ человѣкъ до пяти или до шести

Digitized by Google

всехъ скопемій а незакочетъ изълечить тотъ скоро помретъ втомъ иподписуемся 1 Тюрякъ 2 Атюнъ 3 Баядура 4 Федоръ 5 Сызнакъ 6 Астай 7 Баюкъ за неумѣніемъ ихъ грамоте руку приложилъ отставной почталіонъ петръ Куртуковъ.»

РАЗДѢЛЕНІЕ НА КЛАССЫ ЖИТЕЛЕЙ ШИРВАНСКОЙ ПРОВИНЦІИ, *и права каждаго класса въ особенности.*

Проведя нѣсколько лѣтъ при сплавѣ запасовъ на рѣкѣ Курѣ, и имѣя по службѣ частыя сношенія съ жителями, я, по необходимости, вынужденъ былъ узнавать значеніе въ политическомъ быту, тѣхъ лицъ, съ которыми имѣлъ дѣло. Сводъ моихъ справокъ составилъ что-то довольно полное; а какъ ни въ какихъ запискахъ, ни въ какихъ картинахъ о Кавказѣ нѣтъ опредѣлительнаго раздѣленія по классамъ жителей, населяющихъ Ширвань, то я рѣшаюсь предложить здѣсь собранныя мною свѣденія, хотя бы то было въ пользу одного любопытства читателей.

Народъ, населяющій ширванскую провинцію, можно раздѣлить на слѣдующія классы: Беки, Аги, Юзбаши, Дарги, Моафы, Моафы-нукеры, поселяне, Рѣчбиры, купечество (всякаго рода мастеровые, фабриканты и промышленники), Ахунды и муллы, Селды и Ага-міры, Шихи, Дервьши.

При ханскомъ правленіи *Беки* составляли классъ людей, пользовавшійся преимуществами, подобными преимуществамъ нашего дворянства, съ тою только разницею, что ханъ, не лишая ихъ бекскаго званія, могъ наказывать тѣлесно и лишать имущества. Беки суть двухъ степеней: одни, коренные получившіе свое достоинство отъ шаховъ персидскихъ, а другіе отъ хана; и потому первые находясь въ большемъ

Digitized by Google

уваженіи у народа чѣмъ послѣдніе, часто не повиновались хану, однако же всегда оставались при одинаковыхъ правахъ и преимуществахъ. Права бековъ не имѣютъ ничего положительнаго и только видны въ отношеніи недвижимыхъ имуществъ и въ управленіи деревнями, состоящими у нихъ изъ двухъ разрядовъ: однѣ жалованныя шахами и ханами въ родѣ арендъ, иногда потомственныхъ, а другія собственно пріобрѣтенныя ими чрезъ переселеніе, или, лучше сказать, переманку поселянъ на свои земли изъ другихъ провинцій, ханствъ или даже изъ-за границы; такія селенія называются *халиса*, то есть, собственность. Бекъ не вправѣ продавать ни поселянъ, ни деревень, но можетъ продать свою землю со всѣми заведеніями и то только въ селеніяхъ «халиса», въ прочихъ же нѣтъ, потому что тамъ земля принадлежитъ не ему, а обществу; часть ея воздѣлывается для бековъ и обработывается *овразомъ*, т. е. сходкою или міромъ; впрочемъ беки имѣютъ и покупныхъ людей въ родѣ нашихъ крестьянъ, но они не что иное, какъ невольники, захваченные въ плѣнъ, и ихъ могутъ покупать не только беки, но и каждый. Покупные мужчины называются *кулъ*, а женщины *караваль* и обыкновенно составляютъ домашнюю прислугу.

Званіе *ага* принадлежитъ только происходящимъ отъ ханскихъ поколѣній; но есть и такіе аги, которыхъ, несмотря на то, что они изъ простаго званія, народъ привыкъ величать «агами» потому только, что они попали въ милость къ хану. Права и преимущества настоящихъ *ага-ларовъ* равны съ бекскими.

Юзбаши и *кевхи* одно и тоже. Это старшины селеній; права ихъ равны правамъ поселянъ, исключая что во время своего «юзбашества» они не платятъ

Digitized by Google

подати и не несутъ никакихъ повинностей. Посляне сверхъ-того обязаны давать юзбашѣ *речбировъ* (о обязанности которыхъ будетъ сказано, послѣ), опредѣляя число ихъ по числу дворовъ селенія, т. е. одного, двухъ и трехъ. Речбиры во время своего служенія юзбашѣ также не платятъ подати и не несутъ повинностей, такихъ, какъ остальное общество. Есть юзбаши и изъ бековъ, если только поселяне ихъ терпятъ. При ханскомъ правленіи «юзбашество» давалось за заслуги и даже переходило въ наслѣдство; а при нашемъ, поселянамъ предоставлено право избирать въ юзбаши кого пожелаютъ, чтобы этимъ средствомъ избавить народъ отъ утѣсненій, происходившихъ отъ своевольства сельскихъ старостъ.

Дар-ги бываютъ изъ бекскаго и простаго званія; это были особенные любимцы хана, который, желая вознаградить оказанныя какимъ-нибудь поддапнымъ заслуги, дѣлалъ его *Дар-гою*, въ селеніи или кочевьѣ, предоставляя пользоваться трехлетними доходами отъ поселянъ. Есть еще и другаго роду *Дар-ги*, наблюдающіе за посѣвами и садами, нѣкогда принадлежавшими хану, а нынѣ поступившими въ казну. Этимъ *Дар-гамъ* опредѣлительнаго дохода не полагается, а обыкновенно выдѣляется часть за труды, смотря по урожаю; однако речбиры обязаны давать имъ изъ своей части десятину.

Моафами называются тѣ, которые, еще при ханскомъ правленіи, избавлены отъ всякихъ податей и повинностей. Право на «моафство» пріобрѣталось, при ханахъ, или за особенныя заслуги, или по ходатайству бековъ, вступавшихъ въ родство съ простолюдинами, или покупалось у самого хана за достаточные подарки.

Digitized by Google

Моафы – нукеры составляли обыкновенно отличное войско хана и не платили не только податей и не несли никакихъ повинностей, но еще получали отъ хана подарки, лошадьми, оружіемъ и другими вещами. Они также употреблялись ханомъ для разныхъ посылокъ, порученій, и прочая. Этотъ классъ людей, при нашемъ правленіи, до 1828 года, совершенно былъ безполезенъ и только употреблялся иногда для содержанія пограничныхъ карауловъ; а въ 1829 году изъ него преимущественно образовался Ширванской мусульманской полкъ. Надобно замѣтить, что вообще слово *моафъ* означаетъ человѣка (какого бы онъ званія ни былъ) не обязаннаго ни податьми, ни повинностями, по особенныя порученія, по приличію званія возлагаемыя, долженъ «моафъ» исполнять безпрекословно.

Здѣшніе *поселяне* ни чѣмъ не разнятся отъ нашихъ крестьянъ: платятъ и положительную и неопредѣленную подать; повинности же ихъ, введенныя еще при ханскомъ правленіи и до нынѣ оставленныя въ томъ же видѣ, очень многосложны, и участь этихъ людей облегчается только со стороны окружныхъ комендантовъ умѣренными и сколь возможно уравнительными требованіями. Одна почтовая повинность выплачивается деньгами, прочія представляются всѣ въ натурѣ. Главнѣйшія повинности поселянъ слѣдующія; 1) содержаніе пограничныхъ карауловъ; 2) ловъ рыбы въ рѣкѣ Курѣ, до 1829 года, по заключенному контракту съ откупщикомъ, который выплачивалъ поселянамъ плату, введенную обычаемъ еще во времена ханскаго управленія; но теперь поселяне заключили по этому предмету договоръ съ сальянскою рыбною опекою, на условіяхъ болѣе для себя выгодныхъ;

Digitized by Google

3) сборъ соли въ сальянскихъ и муганскихъ соляныхъ озерахъ, по заключенному контракту съ откупщикомъ и тоже за цѣну, положенную еще при ханахъ; 4) ежегодная расчистка и устройство по провинціи водопроводныхъ канавъ, для поливанія казенныхъ посѣвовъ и садовъ, а также подъ казенныя мукомельныя мельницы; 5) жатва и уборка всякаго роду хлѣба казенныхъ посѣвовъ; 6) уборка и обдѣлка хлопчатой бумаги казенныхъ посѣвовъ; 7) почти каждогодное унавоживаніе казенныхъ шелковичныхъ садовъ; 8) расчистка окоповъ и огораживаніе казенныхъ фруктовыхъ садовъ; 9) устройство дорогъ и поправка мостовъ; 10) дача подводъ проходящимъ мелкимъ командамъ, безъ прогоновъ; 11) дача войскамъ квартиръ и безъ прогоновъ подводъ подъ свозъ больныхъ, отправляемыхъ въ госпитали и лазареты; 13) транспортировка провіанта по рѣкѣ Курѣ, съ уплатою отъ казны по дной копѣйки серебромъ на версту; 14) сплавъ по рѣкѣ Курѣ провіанта, съ уплатою отъ вязны каждому бичующему по 15-ти копѣекъ серебромъ въ сутки; 15) выгрузка и нагрузка провіанта, съ уплатою отъ казны каждому рабочему по 10-ти копѣекъ серебромъ въ сутки, причемъ производится имъ и солдатскій паекъ; 16) расчистка береговъ Куры для удобнѣйшаго ходу киржимовъ съ казеннымъ провіантомъ. 17) Вытаскиванье изъ Куры каршей (заплывшихъ въ илѣ деревьевъ), мѣшающихъ ходу киржимовъ. За послѣдніе два предмета казна ничего не платила до настоящаго времени; но рабочимъ въ мою бытность велся счетъ, и начальство предполагало удовлетворить ихъ платежемъ.

Поселяне, бекамъ принадлежащіе, исключая нѣкоторыхъ, также платятъ въ казну подать и отправляютъ

Digitized by Google

сказанныя повинности, будучи тѣмъ же обязаны и своимъ бекамъ; но какъ почти у каждаго бека свое особенное положеніе на взысканіе податей и требованія повинностей, то, по многосложности, опредѣлить ихъ всѣхъ невозможно; впрочемъ, извѣстно, что поселяне, обязаны для своихъ бековъ распахивать земли, жать хлѣбъ, косить сѣно *овризомъ*, вывозить для постройки лѣсъ, доставлять дрова, уголья, мякину, масло, сыръ, куръ, яица, фрукты, овощи и дѣлать подарки при свадьбахъ подъ названіемъ *той-пай*. Это все получаетъ бекъ сверхъ опредѣленной и слѣдуемой ему денежной и хлѣбной подати.

Речбирами называются поселяне, не платящіе податей и не несущіе никакихъ повинностей, кромѣ участія въ содержаніи почтовыхъ станцій и дачѣ войскамъ квартиръ и подводъ; но въ замѣнъ того они обработываютъ земли подъ казенные посѣвы и смотрятъ за казенными шелковичными и фруктовыми садами, на слѣдующемъ положеніи: казна должна снабдить *речбира* рабочимъ скотомъ, земледѣльческими и садовыми орудіями, исправляя и перемѣняя все это въ случаѣ негодности, и ежегодно выдавать на посѣвъ сѣмена. Все, полученное отъ урожая, за уплатою рабочихъ частей, дѣлится пополамъ: одну часть получаетъ казна, а другую «речбиръ.» Речбиры при фруктовыхъ садахъ не пользуются этимъ правомъ, а выдѣляется имъ четвертая часть съ урожаю, равномѣрно и чалтычные речбиры не всѣ получаютъ свой участокъ одинаково, но, по мѣстному обычаю, иные вторую, иные третью, а иные изъ пяти частей двѣ.

Купечество всякаго роду, *мастеровые*, фабриканты и *промышленники*, въ городѣ живущіе, въ казну никакихъ

Digitized by Google

податей не платятъ и повинностей не отбываютъ, и с ключая дачи квартиръ войскамъ и подводъ проходящимъ командамъ, равно какъ и дровъ для варенія имъ пищи, а иногда выставляютъ рабочихъ для поправленія зданій, занимаемыхъ магазинами и госпиталями; употребляются также для перебивки и складки казеннаго провіанта. Если внимательно разсмотрѣть откупныя статьи по городу, введенныя ханомъ, оставленныя въ томъ же видѣ и при нашемъ правленіи, то и этихъ классовъ люди достаточно выплачиваютъ за свои права.

Ахунды, или *кази*, и *муллы* — классъ духовный, податей не платящій, но еще по обычаю и магометанскому закону, получающій съ поселянъ за *кять*, т. е. десятину съ урожая хлѣба. Изъ этого сбору они обязаны половину раздѣлять сиротамъ, а половину обращать въ свою пользу; но, по свойственной имъ добродѣтели, чаще всего случается, что оставляютъ все себѣ. Власть духовная ни кѣмъ не утверждается, а почитается наслѣдственною; но многіе, выучившись читать Коранъ, сами себя посвящаютъ въ муллы и даже ахунды, или жалуются въ это достоинство беками. Ахунды и кази званіемъ своимъ равняются нашему архіепископу, а *мулла* священнику, съ тою только разницею, что они присвоили себѣ не только разбирательство духовныхъ, но и свѣтскихъ дѣлъ; однако же при нашемъ правленіи право это умѣрено и разбирательство дѣлъ запутанныхъ, подлежащихъ духовному суду, предоставляется *шаху*, то есть, собранію нѣсколькихъ духовныхъ лицъ. *Кази* и *ахунд* одно и тоже, но наименованіемъ своимъ обозначаютъ, что первый принадлежитъ къ сектѣ *сунни*, а вторый *шіи*.

Сеиты, или *агимиры*, ни что иное какъ тупеядцы,

Digitized by Google

ни чѣмъ не обязанные, ни въ отношеніи къ верховной власти, ни въ отношеніи къ обществу хотя сами пользуются всѣми народными правами безъ исключенія. Они ведутъ свое происхожденіе отъ поколѣнія Магомета и, почитая себя родственниками пророка, находятся въ большомъ уваженіи у народа. Предубежденіе глупой черни столь велико, что каждый почитаетъ за священный долгъ отдѣлить пятую часть изъ своего имущества и отдать въ пользу сеитовъ или ага-міровъ, и полагаетъ, что иначе не наслѣдуетъ вѣчнаго блаженства. *Сеиты* и *ага-міры* одно и тоже.

Шихи также безполезные тунеядцы: не платятъ никакихъ податей и не несутъ никакихъ повинностей; они почитаютъ себя святыми и тоже ведутъ свой родъ отъ колѣна Магометова, но не пользуются такимъ уваженіемъ какимъ ага-міры и сеиты.

Дервиши разныхъ сектъ, нѣчто въ родѣ странствующихъ шарлатановъ. Не имѣя постоянныхъ жилищъ, они шляются изъ стороны въ сторону, поютъ фанатическіе стихи, примѣненные къ священному писанію; производятъ чародѣйства и всякаго роду обманы. Никто ни въ чѣмъ не можетъ отказать дервишу, зато и эти привелигированные плуты во всякомъ случаѣ умѣренны, берутъ только необходимое, чтобы этою нежадностью поселить къ себѣ уваженіе и заслужить народную довѣренность, которая имъ нужна для дальнѣйшихъ плутней. Эти вредные люди строго преслѣдуются нашимъ правительствомъ и обыкновенно высылаются за границу.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google